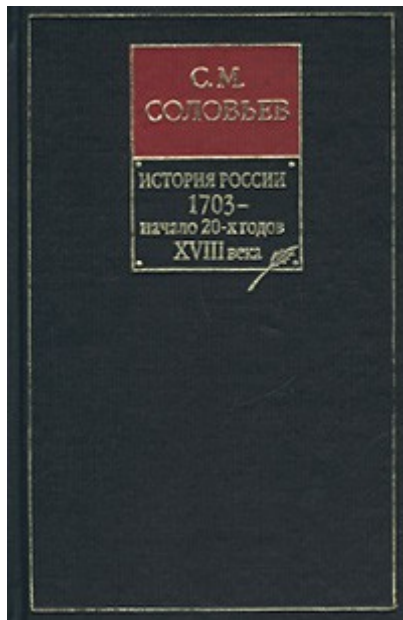

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 – начало 20-х годов XVIII века

История России с древнейших времен – 8

Аннотация

Восьмая книга С.М.Соловьева включает пятнадцатый и шестнадцатый тома «Истории России с древнейших времен». Оба тома посвящены царствованию Петра I.

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших времен»
Книга VIII. 1703 – начало 20-х годов XVIII века

Пятнадцатый том

Глава первая

Царствование Петра I Алексеевича

Строение судов для Балтийского моря. – Борьба с шведами за Петербург. – Отобрание у шведов старых русских городов. – Опустошение Эстонии. – Взятие Дерпта и Нарвы. – Шведы отражены от Петербурга. – Сношения с Польшею. – Паткуль в русской службе; его деятельность. – Русские вспомогательные войска под начальством Паткуля. – Отношения Паткуля к малороссийским козакам. – Окончание деятельности Палея. – Сношения с венским двором. – Паткуль в

Вене. – Деятельность Матвеева в Голландии. – Постников в Париже. – Французский посланник Балюз в России. – Матвеев в Париже. – Сношения с Турцией. – Деятельность Петра Толстого в Константинополе.

В невских устьях спешили строить городок – морское пристанище для иностранных судов, но строитель не хотел, чтоб этот новый городок, его тезка, похож был на старый Архангельск, где виднелись только иностранные корабли: на берегах Свири кипела сильная работа, в нетронутых до сих пор лесах *ронили* громадные деревья и на новой верфи, в Лодейном Поле, строили морские военные суда. Но враги не отдадут без боя Балтийского моря. На невских устьях строят русский городок, а подле них все лето 1703 года стоят 9 шведских кораблей, и нечем отразить их: русские корабли еще только строятся на Свири. Другое дело на сухом пути: здесь можно померяться с шведом, который покинут своим королем и может выставлять для борьбы только небольшие отряды. К реке Сестре подошел шведский генерал Кронгиорт; сам Петр в начале июля пошел на него с четырьмя конными полками: «Бой начат и счастливо совершен, неприятель прогнан, и зело много его порубили, понеже солдаты брать живьем его не хотели». С берегов Сестры Петр отправился в Лодейное Поле спускать суда. А между тем наступила осень. Меншиков с русскими людьми впервые познакомился тут с петербургским октябрем: солнца давно уже нет, страшный ветер и дождь целый день. Тяжко стало Меншикову; он зовет Петра, пишет ему с обычными шутками: «Но ведаем, для чего так замешкались; разве за тем медление чинится, что ренского у вас, ведаем, есть бочек с десять и больше, и потому мним, что, бочки испраздня, хотели сюда приехать, или которые из них рассохлись, замачиваете и размачиваете. О сем сожалеем, что нас при том не случилось». Но после шуток Меншиков сообщает важное известие: шведские корабли, за осенним временем, отошли от невского устья.

Петр в Петербурге. На Неве уже плавает лед, но царь в море, около Котлина-острова меряет морскую глубину: здесь будут укрепления, оборона Петербургу. В ноябре явился в устье Невы первый иностранный купеческий корабль с солью и вином; губернатор Меншиков угостил шкипера и подарил ему 500 золотых, каждому матросу дано по 30 талеров.

В то время когда Петр пробрался к невшскому устью и начал строить здесь новый городок, войска его забирали старые русские города, которые швед завел за себя. В конце мая Шереметев начал обстреливать Копорье, и крепость сдалась. «Музыка твоя, – писал Шереметев царю, – хорошо играет: шведы горазды танцевать и фортеции отдавать, а если бы не бомбы, бог знает, что бы делать!» Сдались и Ямы, или Ямбург, и царь велел укрепить его. «Итак, при помощи божией, Ингрия в руках. Дай боже доброе окончание!» – писал Петр Шереметев, доканчивая в июле укрепления Ямбурга, писал уже о зимованье в Ингрии, но Петр отвечал ему: «Когда город совершится, лучше, чтоб вам некакой подход отправить, и, о том разведав, изволь писать, сыскав, например, способа два, три, а мы также на те способы дадим совет, который будет удобнее». Чтоб помочь Шереметеву сыскать способы, Петр отправил к нему в Ямбург Меншикова. Способ был сыскан, и в конце августа Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости

были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-прежнему. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор, и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей, по его объявлению, было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно.

У Финского залива в новорожденной столице строили укрепления, поджидая шведа; в старой Москве строили триумфальные ворота, в которые должен был въехать царь после покорения Ингрии. Петр не зажился в Москве: взоры его были постоянно обращены и на запад, и на восток; пробыв лето близ берегов Балтийского моря, зимою он поехал в Воронеж, но, занимаясь здесь Азовским флотом, который должен был сдерживать турок, царь не забывал неевского устья, и Меншиков, остававшийся зимовать в Петербурге как губернатор, получил от него собственноручную модель крепости, которую должно было соорудить на море для безопасности нового городка.

Наступила весна 1704 года. Петр был в Петербурге; надобно было защищать этот дорогой городок, но Петр не хотел ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? В Ливонии и Эстонии опустошать было нечего более, но были там две сильные крепости, утверждение в которых было делом первой важности для России на случай, когда Карл XII обратит против нее свои главные силы: то были Дерпт и Нарва. Надобно было спешить их покорением, пока «швед увяз в Польше», по выражению Петра. 30 апреля Шереметев получил приказание от царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметев дал знать, что генерал фон Верден взял на реке Эмбахе 13 шведских судов, плывших в Чудское озеро. Петр «с превеликою радостью принял известие о пресчастливой победе в нечаянном случае» и подтвердил Шереметеву приказание «идти и осадить конечно Дерпт, чтоб сего богом данного случая не пропустить, который после найти будет нельзя». У Шереметева сборы шли медленно; Петр торопил: «Немедленно извольте осаждать Дерпт, и зачем мешкаете, не знаю. Еще повторяя, пишу, не извольте медлить». Шереметев оправдывался в своей медленности тем, что стал здоров не по-старому, что один, ни от кого помощи не имеет: «Легко мне было жить при тебе да при Данилыче (Меншикове): ничего я за милостию вашею не знал»

В начале июня Шереметев подошел к Дерпту и начал осадные работы. Осада затянулась. Для ускорения дела 2 июля явился под Дерпт сам царь и на третий день писал Меншикову: «Здесь обрели мы людей в добром порядке, но кроме дела, ибо две апроши с батареями принуждены бросить за их неудобством, третью переделать, и, просто сказать, кроме заречной батареи и Балковых шанец (которые недавно пред приездом нашим зачаты), все негодно, и туне людей мучили. Когда я спрашивал их: для чего так? то друг на друга (т.е. вину складывали), а больше на первого (т.е. Шереметева), который столько же знает. Инженер человек добрый, но зело смиренный, для того ему здесь мало места. Здешние господа зело себя берегут, уже кажется и над меру, но я принужден сию их Сатурнову дальность в Меркуриусов круг подвинуть. Зело жаль, что уже 2000 бомбов выметано беспутно. Брешь, чаю, зачнем кончае по четырех днях, зело в изрядном месте, где

мур только указу дожидается, куда упасть, а с прочих мест зело укреплен. Боже! помози немедленно окончить. Однако ж, как сам можешь знать, надлежит от 10 до 7 дней оному продолжену быть. Здесь ничто мне (не) в пользу, токмо что люди, которые, слава господу богу, зело бодры и учреждены, и число их вящше 20000».

После упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 июля, когда русские уже готовы были ворваться в город, комендант затрубил к сдаче. «Итак, с божиею помощию, сим нечаемым случаем, сей славный отечественный град паки получен», – писал Петр к своим.

В то время как Шереметев осаждал Дерпт, другое русское войско стояло у Нарвы под начальством фельдмаршала Огильви, приговоренного в русскую службу Паткулем в Вене на три года. По взятии Дерпта царь отправился под Нарву. 9 августа был назначен штурм. Несмотря на упорное сопротивление шведского гарнизона, русские ворвались в город и произвели в нем страшную резню без пощады женщинам и детям. Через два часа после штурма въехал в Нарву сам Петр с Огильви и велел прекратить грабеж, причем, говорят, заколол шпагою одного солдата, не хотевшего слушаться приказания, и потом, показывая свою окровавленную шпагу нарвским жителям, говорил: «Не бойтесь! Это не шведская, а русская кровь». По обычаю, пошли письма от царя к своим о взятии Нарвы: «Где перед четырьмя леты господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость чрез лестницы шпагою в три четверти часа получили». 16 августа сдался Иван-город.

В то самое время, как Петр шпагою брал старые отечественные грады, новый его городок Петербург должен был отбиваться от шведов. 12 июня 1704 года на Выборгской стороне явилось шведское войско под начальством генерала Майделя и начало стрелять в Петропавловскую крепость; комендант ее Роман Брюс отстреливался удачно, и Майдель счел за лучшее отступить. С другой стороны, так же неудачно окончилось покушение шведского флота овладеть Кроншлотом.

Счастливым 1704 год был дожит царем в Москве. В старой столице праздновали взятие старых отечественных городов. В семь триумфальных ворот входили победители с знатнейшими пленниками и пушками, отбитыми у неприятеля. В феврале 1705 года Петр уехал в Воронеж к кораблям, а между тем уже делалось приготовление к новому походу на западе. Куда же будет этот поход? До сих пор Петр пользовался временем, пока «швед увяз в Польше», овладел Ингриею, основал корабельное пристанище в устьях Невы, взял Дерпт и Нарву, опустошил вконец Ливонию и Эстонию. Цель войны была достигнута, больше ничего не хотелось получить от шведа. Захочет швед мириться, больше ничего от него не потребуется, в крайности можно будет отдать ему и Дерпт и Нарву, удержав только драгоценный Петербург; не захочет швед уступить ничего, захочет все отвоевать, трудна будет ему война в опустошенной стране, пусть стоит под крепостями; в четыре года Петр достиг того, что люди его были бодры и учреждены, с такими людьми была надежда отбиться от шведа. Но всего важнее было, чтоб швед как можно долее увяз в Польше; для этого нужно было помочь полякам.

В начале XVIII века, как и прежде, главное внимание русского правительства в сношениях его с Польшею было обращено на положение русского православного народонаселения в польских владениях. 8 марта 1700 года русский резидент в Польше стольник Судейкин получил царскую грамоту: «В девятой

статье мирного договора сказано, что людям благочестивой греко-русской веры в Короне Польской и Вел. княж. Литовском никакого утеснения к вере римской и к униии принуждения быть не должно: а ныне к нам, великому государю, донесено, что православных людей в Литве бискупы и езуиты и доминиканы и прежние униаты и шляхта разоряют, в униию насильно приводят и бьют, монастыри и церкви отнимают, а именно, недавно в Пинском повете монастырь Цеперский, принадлежащий виленскому братству св. духа, отнял насильно и в униию отдал князь несвижский Радзивил, канцлер Вел. княж. Литовского, и приобщи к владениям митрополита униатского Зеленского; а в воеводстве Минском новоумышленную злобою те же гонители умерших православных христиан по древнему обыкновению хоронить не дают, и такого злобного и мирному договору противного гонения на православных, как ныне в стороне королевского величества чинится, никогда не бывало, что нам, великому государю, удивительно и болезненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторам, канцлерам и иных чинов ближним людям говорил, чтоб королевское величество, по должности договоров вечного мира, приказал монастырь Цеперский возвратить по-прежнему православному виленскому братству сошествия св. духа, и православных христиан в униию не обращать, и умерших хоронить по древнему обыкновению, и впредь на такое неистовство дерзать заказал жестокими указами. А если сенаторы станут тебя спрашивать, кто именно нам жаловался, то отвечай, что имен этих людей объявить невозможно, чтоб им за то и пущего разорения не учинилось».

Сенаторы пропели резиденту старую песню, что у них насильно в католическую веру никогда никого не обращают, а если кто добровольно обратится, принимают. «Какое же это добровольное обращение, когда обращенные жалуются царскому величеству на насилия?» – возразил резидент. Сенаторы отвечали, что ничего не знают о поступке Радзивила, однако указ королевский о том к нему пошлют.

12 мая, в воскресенье, у резидента на дворе были в церкви у обедни люди благочестивой веры – Бельского монастыря игумен Сильвестр Тройцевич с дьяконом и церковным причетником да львовцы, три человека; после обедни пришли они в светлицу к резиденту и говорили, что им и прочим благочестивым греко-российской веры людям от бискупов, езуитов, доминиканов и униатов гонения и всякое утеснение великое, грозят непрестанно, и ныне последнюю Львовскую епископию нудят в униию, и львовский епископ Иосиф Шумлянский приехал теперь в Варшаву для того, чтоб к униии приступить и шляхту, и мещан, и русских в то же соединение привести: однако они, сколько их мочи будет, никогда добровольно в униии быть не желают. Несмотря на договоры вечного мира, гонят здесь благочестие без всякого опасения, мирским благочестивой веры людям всякое ненавидение творят, церквей не только вновь строить и древних починивать заказано. Резидент говорил им, чтоб они все это дали на письме, а он донесет великому государю чрез почту, но они отвечали, что на письме дать невозможно, потому что сильно боятся католиков. Тогда резидент приказал одному христианину написать ту их *леряцью* тайно и обнадежил их, что имена их и прозвища никогда не откроются.

23 мая приехали к резиденту архимандрит Дионисий Жебокрицкий, номинат (назначенный) епископии Луцкой, игумены Почаевского монастыря – Иосиф

Исаев, Бельского – Сильвестр Тройцевич и объявили, что Шумлянский в унию приступили теперь благочестивым людям горшее прежнего чинится гонение и к унию принуждение, а за них, кроме благочестивейшего монарха царского величества, стоять иным некому, и во всем имеют они надежду на милостивое охранение, заступление и праведное призрение царского величества. Резидент обнадеживал их и в удостоверение, как царь заботится о православии, показал грамоту к королю по поводу Цеперского монастыря. Вследствие отъезда королевского из Варшавы выехал оттуда за ним и резидент. Только что приехал он в Вильну 11 июля, пришли к нему игумен Духова монастыря Исакий с братиею и мирские люди благочестивой веры и говорили с великим плачем, что им здесь чинится от иезуитов великое гонение, иные и теперь сидят в тюрьме на цепях для принуждения к унию. Православные просили резидента, чтоб он постарался как-нибудь освободить заключенных. Судейкин на другой же день, будучи с визитом у гетмана литовского Сапеги, просил его освободить православных, которых унияты держат на цепях, и не поступать вопреки мирным договорам. Сапега сейчас же при резиденте отправил двоих иезуитов к униятам, чтоб освободили заключенных. Под Ригою мальборский хорунжий говорил Судейкину: «Получил я письмо из Львова от ваших греко-российской веры людей: пишут с плачем, что Шумлянский во Львове и во всей своей епархии многие церкви обратил, также и самих их принуждает к унию, и для устрашения коронный гетман Яблоновский дал ему отряд вооруженных людей. Но в привилегии королевской, данной Шумлянскому, не написано, чтоб неволивать в унию и церкви обращать, и гетману Яблоновскому помогать ему в этом без воли Речи Посполитой не годилось. Донесите об этом королю, и я по королевскому указу к гетману и к Шумлянскому отпишу, чтоб они так не делали». Судейкин, донося об этом царю, прибавляет: «По-видимому, все похлебствуют, а истины отнюдь нет, и желают конечно, чтоб у них в Польше и Литве наше благочестие иссякло». По требованию резидента король послал к гетману и Шумлянскому листы с подкреплением, чтоб не неволили никого в унию.

Королевские листы ненадолго доставили спокойствие галицким православным. В феврале 1701 года к резиденту в Варшаве начали приходиться львовские братчики с великим плачем, что Шумлянский соборную и другие церкви гвалтом отобрал и принуждает их насильно в унию. Резидент выхлопотал им у Августа новый лист, за королевскою рукою, но канцлер великий коронный, бискуп премышльский, номинат бискупства Краковского не захотел запечатать листа коронною печатью. «Не могу приложить печать, – говорил он резиденту, – потому что я номинат бискупства Краковского и со дня на день ожидаю благословения от папы и если запечатаю этот лист, а Шумлянский даст знать папе, то папа не пришлет мне благословения».

Палей писал Мазепе в марте 1701 года: в неделю Мытаря и Фарисея во Львове служил обедню Шумлянский в соборном римском костеле, а в неделю Блудного сына служил обедню в церкви градской ксенз арцыбискуп с певчими без органов; проповедь сказывал священник благовещенский после евангелия на русском языке, а другую иезуит Голимовский после обедни на польском языке. Принудили всех мастеров русских крест целовать и подписываться на унию; русским благочестивым попам насильства другого не делают, только Климента, папу римского, на эктениях поминать велят.

Положение, в котором находилось русское правительство в начале 1701 года, не позволяло ему делать сильных представлений польскому правительству. В Биржах не было речи о притеснениях, которые терпят православные. В это время Судейкин был отозван с резидентства, и посланником в Польшу отправился в феврале 1701 года стольник Василий Постников, но в апреле поехал в Варшаву для нужнейших дел инкогнито ближний стольник и генерал-адъютант князь Григорий Долгорукий: Постникову приказано «быть послушным Долгорукому и в настоящем тамошнем поведении согласным и приводить государевы дела ко всякой прибыли, тайно и явно с осторожностью и прилежным радением, писать о делах к великому государю вместе и особо каждую неделю». Но Долгорукий скоро написал Головину: «Постников мне чинится ни мало не послушен, и говорить мне ему ни о чем невозможно, а я чаю, что станет меня скоро лаять; не извольте гневаться, я ему говорить ни о чем не буду». Постников был отозван. Долгорукий остался один на своем трудном посту. Главная забота русского посла состояла в том, чтобы швед как можно глубже завяз в Польше и забыл о России, а между тем Долгорукий видел, что король Август тайком старается заключить мир с Карлом XII.

У Долгорукого, впрочем, были сильные союзники: во-первых, сам Карл XII, не хотевший мириться с Августом, стремившийся во что бы то ни стало свергнуть его с престола, во-вторых, страшное беззастенчивое господствовавшее в Литве и Польше. В Литве шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами – Огинским и Сапегою. Сапега, и прежде нерасположенный к королю Августу, а теперь побежденный Огинским, обратился к шведскому королю с просьбою о помощи. В Польше также явилась партия недовольных королем Августом; в челе ее стоял архиепископ гнезенский, кардинал-примас королевства Михаил Радзеевский, красивый, знатного происхождения, богатый, ученый, красноречивый прелат, но при этом не имевший ни чести, ни совести. Он одобрял нападение Августа на Ливонию, служил благодарственный молебен за взятие Динамюнде, но, когда Август потерпел неудачи, Радзеевский вместе с другими панами переменял свой взгляд и начал толковать, что король своевольно, без согласия республики начал войну и потому поляки не должны в нее мешаться. В этом смысле завел он переписку с Карлом XII. Шведский король отвечал ему, что единственное средство для поляков избежать войны – это свергнуть с престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна вмешиваться в войну, начатую ее королем, а между тем Карл XII, не обращая никакого внимания на это различие между королем и королевством, расположился с своим войском в Курляндии, бывшей польским леном, и шведы вторглись в Литву для подаяния помощи Сапеге.

Карл знал, что может распоряжаться в польских владениях как ему угодно – сопротивления не будет. В октябре 1701 года Долгорукий писал: «Как у его королевского величества, также и в скарбу Речи Посполитой великую скудость в деньгах имеют: однако ж у его королевского величества польским дамам, своим метрессам и на оперы (оперы) и комедии довольные расходы деньгам, за что и ныне подстолиной Любомирской дано 20 тысяч, на оперы опаристам 30000 ефимков, а всех належит выдать одним опаристам на зиму 100000 ефимков; многие офицеры и солдаты за многие годы заплаты не имеют и за своими тяжкими долгами в иные государства выехать не могут. Воистину с великим трудом ныне отправляются дела его царского величества, потому что министр,

которому вручены (Бейхлинг), держит факцию неприятельскую и никакого добра к стороне царского величества не желает, ни на кумплементе себя приятно показать не хочет и ныне которых я призвал инженеров и офицеров явно от службы его царского величества отбивает, а хотя из Варшавы выслан шведский посол, однако и ныне много есть резидентов шведских, которые служат при дворе королевском, также есть и в генералах». В декабре те же жалобы: «Дай боже, чтоб шведы с поляками союзу не учинили, потому что кардинал (Радзеевский) и другие сильные персоны за шведские деньги факцию и ныне держат; также и в самой высокой персоне крепости немного».

В высокой персоне крепости было действительно немного; высокая персона больше всего желала заключения мира с шведами, но Карл XII не хотел мириться. В мае 1702 года польские послы при Карле дали знать в Варшаву, что шведский король обещает дать им аудиенцию в Гродне, а резолюцию на их посольство хочет дать под Варшавою в Праге. Сенаторы испугались и начали пожитки свои отсылать за границу; король также собрался выехать из Варшавы в Краков, велел следовать за собою и Долгорукому, который писал Головину: «Вельми опасаются, что многие сенаторы к покою гораздо склонны, чтоб неприятель каким-нибудь лукавством не учинил нам противного союза. А королевское величество великую скудость имеет в деньгах; на непотребные расходы имеет довольство, а на самое дело мало что имеет; зело его королевскому величеству деньги потребны для склонения к себе Речи Посполитой и на заплату войску».

Карл XII беспрепятственно вступил в Варшаву 11 мая с конным отрядом в 500 человек, а перед ним пришли сапежинцы, перемешанные со шведами. «И ныне, – доносил Долгорукий, – берут в Варшаве деньги и провиант, а польские послы до сих пор не могли добиться конференции у шведского короля. Несмотря на то, иные поляки от нерассуждения своего желают покою; бог знает какие безрассудные люди! Не хотят смотреть на пользу своего государства, каждый смотрит собственной прибыли, и если которого неприятель не возьмет за лоб, то без великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотят. Истинно, хотя с ними альянс учинен будет, а продолжение войны их быть не чаю. Хотя от великого неприятельского принуждения войну начнут, но ежели от наступления неприятеля за помощью его царского величества могут освободиться, то, чаю, скоро войну свою пресекут. Также и высокая персона без охоты, за великим неприятельским принуждением войну начнет, а чтоб продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество из той войны впредь себе не чает прибыли. Зело надлежит нам помогать как возможно ныне полякам, не мешкав, дабы неприятель не принудил их на нас с собою, понеже посол французский имеет при себе многие деньги, в Варшаве королю шведскому вельми помогает и наклоняет к нему поляков, от чего боже упаси!»

В июле Карл поразил войска Августа под Клишовом, где с шведской стороны был убит зять короля, герцог Фридрих Голштейн-Готторпский. После этой победы шведы заняли Краков. Долгорукий доносил: «Бог знает, как может стоять Польская республика: вся от неприятеля и от междоусобной войны разорена вконец, и, кроме факций себе на зло, иного делать ничего на пользу не хотят. Только б как ни есть их удерживать от стороны неприятельской, а нам вспоможения от них я никакого не чаю для такого им от неприятеля разорения: не токмо все государство разорил, из костелов в Кракове мощи выметал, раки и

ковчегу серебряные все побрал, гробы разорил, в замке дом королевский выжег и не токмо купецких и градских людей, но и законников из кляшторов тяжкими поборами выгнал, и больше того полякам разорения и ругания делать невозможно. Однако ни на что не глядят, все сенаторы ищут собственной прибыли. Какое вспоможение себе имеют всегда от его царского величества, прежде сего в турецкой войне, и ныне, однако все то ни за что вменяют, а не так озлоблены на неприятеля, как давнюю злобу имеют к нашему народу, только делать явно за скудостью и несогласием не смеют. Хотят они на коней сесть, только еще у них стремен нет, не по чему взлезть. Как бестия без разуму ходят, не знают, что над ними будет. Против неприятеля контры чинить не смогут и короля отступить не хотят, только с обеих сторон имеют от войск великое разорение, от шведов и от саксонцев. Извольте войском промысл чинить в Лифлянтах, как вас бог наставит, а себя больше иметь в надеянии божии. Истинно, как на поляков, так и на саксонские войска гораздо надеяться невозможно: в обоих народах великий непорядок и скудость; не токмо в поляках и в саксонских войсках многие офицеры исполнены шведскою факциею и не так верны королевскому величеству, как себе имеют шведского короля за патрона; также и солдаты против неприятеля сердца потеряли, за что его королевское величество баталию дать с неприятелем не хочет, всегда будет убегать как возможно».

К великому непорядку в обоих народах присоединилось козацкое восстание на Украине. Коронный гетман Яблоновский поставил над козаками польской Украины наказным гетманом Самуся, который жил в Виннице. Потом, когда заключен был с турками мир, то польское правительство запретило Самусю называться не только гетманом, но и полковником, велено было распустить всех козаков, которым указаны для жительства разные места, а самому Самусю велено жить в Богуславле, где он сделан *осадником* с правом начальствовать над всеми людьми, которых он перезовет на поселение, *осадит*. Но когда Самусь *осадил* значительное число людей в Богуславле, то обозный коронный Яблоновский, сын покойного гетмана, прислал от себя туда на староство поляка и жидов для сбора таможенных и других пошлин, а у Самуся приказал отобрать войсковые клейноты – булаву, бунчук, печать и пять пушек. Самусь перебил присланных старосту-поляка и жидов, после чего пошел с своими людьми в Корсунь, убил тамошнего губернатора, всех польских драгун и жидов, сделал то же самое в Лысянке и, намереваясь идти под Белую Церковь, написал 24 июля следующее письмо наказному полковнику переяславскому: «Благодарим всемилостивого бога, что наши враги не утешились: они не только на самого меня, старца, наветовали, но и весь народ христианский приговаривали под меч и на все Заднепрье хвалились. Знаю, что оскорбится на меня господин гетман, что без указа его я это сделал, однако я по своей обиде принужден разбрататься с ляхами, и не только из Корсуни, но и изо всех городов украинских их выгнал, и сами мещане неверных жидов выбили, послыша от них отягчения, склоняясь под высоковладетельную державу царского величества и будучи готовы за веру христианскую умереть».

Извещая Головина об этих событиях, Мазепа заметил: «Сдается мне, что эта война нам не очень противна, потому что господа поляки, увидавши из поступка Самуся, что народ наш малороссийский не может под их игом жить, перестанут о Киеве и об Украине напоминать. Рассуждаю и то: не знаю, смел ли бы Самусь приняться за такое дело один, потому что человек он простой, писать не умеет; не

подучен ли он королем встать против Яблоновских как неприятелей королевских? Если Самусь обратится ко мне за помощью, что мне делать?»

Мазепа кроме короля искал еще человека, который подучил Самуся. Мазепа послал к Палею с запросом: «Скажи по совести христианской правду: за твоим ли советом и ведомом Самусь на той стороне начал бунты против поляков?» Палей отвечал под присягою, что Самусь начал дело не по его совету, но за его ведомом, потому что не раз писал к нему с жалобами на утеснения от поляков и жидов. Мазепа дал знать в Москву, что, по его мнению, Палей тут советник: и пасынок его находился в Корсуне, когда там начали бить поляков и жидов, и сват его Искра, полковник богуславский, был помощником Самуся во всем.

Огонь, зажженный Самусем, разгорался все более и более, по выражению Мазепы: во всей стране, от низовьев Буга и Днепра по реку Случь, по городкам и селам старосты и жида были побиты, другие от страха побежали в глубь Польши, крича, что наступила на них другая Хмельница. Палей отправил под Белую Церковь на помощь Самусю полторы тысячи своего войска. Мазепа не помогал явно, не брал Самуся под свое регименторство, но посылал ему порох и свинец, «чтоб его вовсе от себя не отогнать». От Белой Церкви Самусь принужден был отступить, но за то взял Немиров и не оставил в них ни одного поляка и жида. Соединясь с Палеем, Самусь 16 октября поразил и поляков под Бердичевом, взяли замок и всех поляков вырубил, после чего возвратились под Белую Церковь и взяли ее в начале ноября.

13 ноября Долгорукий писал к Головину: «Был я в доме у канцлера корунного, который сказывал, что с Украины приходят к ним бесполезные ведомости: козаки великие бунты завели, город Немиров и другие места взяли, шляхту бьют мучительно: и руки секут, и носы режут, у духовных борода с кожей обдирают и из них бунчуки себе делают, и будто больше 4000 побили всякого чина, почему они, поляки, принуждены нанять крымских татар 25000 себе в помощь. На то ему, канцлеру, от меня отповедано, что такое им разорение делается факциями и злохитрым неприятельским происканием, а его царское величество для дружбы королевского величества, и к тому жалея о том разорении Речи Посполитой, изволил довольный указ дать своему гетману Мазепе, дабы козаки его царского величества к тем бунтам не приставали и всеми мерами от того дурна были удержаны, и по указу его монаршему гетман Мазепа по пограничным местам войска свои расставил и пропускать козаков не велел, и чтоб Речь Посполитая со стороны его царского величества ничего не опасалась».

Действительно, 28 декабря 1702 года от царского имени посланы были к Самусю и Палею грамоты: «О том вам ведомо подлинно, что с нами, великим государем, брат наш, его королевское величество польский, дружбу и любовь имеют. А тебе, конному охотницкому полковнику Семену Палею, и конному охотницкому полковнику Самусю Иванову, если бы и досаждение какое со стороны королевской от кого было, и о том довелось бить челом его королевскому величеству. И мы, великий государь, имея к вам нашу милость, повелели послать сию грамоту, дабы могли вы иметь общее согласие и от начатого своего противного намерения престоли б, а иметь воинские промыслы всякими мерами над общими неприятелями нашими, шведами».

Но борьбу русских с поляками трудно было прекратить. Палей писал Мазепе: «Присылаешь к нам монаршеские указы и свои предложения, чтоб мы с поляками

войну совершенно отставили и к миру с ними пришли, а они, поляки, такие нам неприятели, что не только старых людей и жен, но и малых детей не пощадили, всех в пень вырубали».

1703 год Долгорукий начал обычными жалобами на польское беззастенчивое и на козацкие бунты: «По сие время, слава богу, явно при неприятеле ни одного воеводства коронного и литовского еще не обретается; однако совершенно надеяться на поляков невозможно: многие, которые от короля милость и великие уряды приняли, против него факции непрестанно делают; зело народ дивный, никакого добра сыскать в них невозможно, только всякого зла и бездушества исполнены, от чего пропадают и чаю, до конца скоро погинут; однако, как возможно, буду от стороны неприятельской удерживать. С Руси пишут, что бунты козацкие еще не перестали; для бога, извольте приложить труды к успокоению тех непотребных бунтов, которые поляков против неприятеля гораздо удерживают; паче всего можете тем усмирением склонить к союзу Речь Посполитую».

В феврале Долгорукому было объявлено от имени королевского, что перехвачены письма Паткуля, из которых обнаруживаются сношения его с кардиналом Радзеевским: Паткуль просил кардинала исходатайствовать ему прощение у Карла XII, и кардинал отвечал, что Карл все прощает. Долгорукий отвечал, что донесет об этом своему государю, только пусть король, по дружбе к царскому величеству и для явного обличения, отошлет перехваченные письма к царю, который примет их с благодарностию и оплатит услугою за услугу. На это отвечали, что письма будут доставлены, но прежде надобно Паткуля спросить, писал ли он их, и если запрется, то уличить письмами. Долгорукий замечает при этом: «Всему веры дать невозможно, больше, чаю, многое говорено от великой злобы».

Злоба эта происходила оттого, что Паткуль, видя положение дел короля Августа, видя, как тот домогается мира с Карлом, не считал более для себя полезным и безопасным оставаться на службе Августа и прямо объявил об этом Долгорукому в Варшаве. Тот донес царю и получил указ пригласить Паткуля в русскую службу. Весною 1702 года приехал Паткуль в Москву и принят в русскую службу в чине тайного советника. Понятно, что Петр мог сильно желать иметь в своей службе человека, знаменитого своими способностями, знаниями, энергиею, опытностию в делах европейских. Но Паткуль был ниже своей репутации и далеко не оправдал надежд, возложенных на него царем. Прежде всего Паткуль вступил в русскую службу на время, как наемник, для достижения своих частных целей, вовсе не думая усыновляться России, отдать всего себя служению ей. Он оставался вполне иностранцем для России, для русских, и потому его внушения и советы шли наперекор намерениям Петра. Петр смотрел на военную и дипломатическую деятельность как на школу для русских людей; ошибки, необходимые вначале, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать делу учения, а не заменять русских, не отнимать у них возможности упражнения, т.е. учения, не вытеснять их из школы. Но Паткуль, оставаясь вполне иностранцем в отношении к России, разумеется, смотрел иначе: он внушал, что русские не приготовлены к дипломатическому поприщу, делают ошибки и потому нужно заменить их везде искусными иностранцами. Петр хотел выучить мало-помалу русские полки военному искусству, считая лучшею школою войну; Паткуль советовал пригласить не известное количество иностранных офицеров,

но целые немецкие полки. Петр хотел образовать искусных генералов из своих, русских; Паткуль советовал набрать все иностранных генералов, знаменитых своим воинским искусством, и предоставить им полную свободу наполнять свои полки офицерами, т.е. иностранцами. Петр с первого же раза должен был понять Паткуля. Хотели воспользоваться его способностями за границей, пока его интересы были тесно связаны с русскими интересами, брали в службу людей, им предлагаемых; внимательно прислушивались к его советам, учтиво отвечали на них, но не исполняли. Паткуль, презиравший русских дипломатов, упрекавший их в непростительных ошибках, Паткуль сам не мог быть полезен России на дипломатическом поприще; у него не доставало широкого взгляда, которым бы он обнимал все интересы известной страны, ясно понимал ее положение и верно выводил возможность для нее к тому или другому действию. Оторванный от родной страны, и то не имевшей самостоятельности, блуждающая звезда на политическом горизонте, Паткуль не знал стран и народов, их истории и созданных ею интересов; он знал только отдельные лица, хотел иметь дело только с отдельными личными побуждениями, их заставлял играть, но эти мелкие средства одни не помогали. Паткуль считал, например, мастерским делом устроить так, чтоб иностранный министр был пойман на словах, но из этого, кроме раздражения, не выходило ничего. Если читать донесения Паткуля, то выходит, что он работает неутомимо и отлично, а результатов никаких. Прибавим к тому нестерпимый характер, неумение себя сдерживать, жесткость, резкость, чрез меру высокое мнение о самом себе, низкое о других, и мы поймем, почему Паткуль не оправдал тех надежд, которые на него возлагались.

Паткуль из Москвы отправился в Вену склонять тамошний двор к союзу с Россией. За делами в Польше по-прежнему внимательно и разумно следил Долгорукий.

Радзеевский и Сапега действовали подкупом, чтоб увлечь своих соотечественников в союз шведский против России; Долгорукий должен был вести контрмины также с помощью подарков; все знатные люди получали их от русского посла; некоторые обнаруживали неудовольствие, что мало присылается: «Нашей службы к царскому величеству много, больше других, мы не такой малости заслужили!» Для успокоения их Долгорукий должен был объявлять, что это прислано не от царя, а только от Головина, царь пришлет больше. В апреле Долгорукий имел конференцию с сенатом и послами всех трех провинций – Великопольской, Малопольской и Литвы, уговаривал вступить в союз с Россией против шведов, предлагал на войско 150000 рублей, сто тысяч займы, а пятьдесят без отдачи. Сенаторы и послы изъявили согласие, но требовали себе русской пехоты на помощь, просили также, чтоб царь помог им против козаков, заставил Палея отдать Белую Церковь. Долгорукий обещал, но тут распространяется слух, что султан хочет разорвать с царем и собирает войска на границе. «Насилу я мог у них из головы выбить, что то неправда, токмо неприятельские факции», – доносил Долгорукий. Уладил одно дело, явилась другая помеха: министры коронные и литовские объявили послу, что Паткуль, будучи проездом в Белой Церкви, дал знать коронному гетману, будто Палей без воли царской Белую Церковь Речи Посполитой не отдаст, а теперь тот же Паткуль к гетманам пишет, что Палей не отдаст Белой Церкви до тех пор, пока Польша с царским величеством не заключит союза. «Зело дивно, – писал Долгорукий Головину, – если, не зная здешнего

состояния, то делал Паткуль, от чего здесь к союзу великий труд учинил, а неприятелям, которые ищут зла, к великой пользе. Для бога, извольте со стороны Белой Церкви некое действие доброе к полякам показать и ясно к Речи Посполитой отписать, что сие господин Паткуль делал без воли его царского величества». Сам король говорил Долгорукому, что сомнение немалое имеет в господине Паткуле, который дружбу и союз его короля с царским величеством разрушает околичными прилогами, что неудовольствия, объявленные царем на поведение его, короля, он считает делом Паткуля, следствием его личной злобы. «Я хорошо знаю Паткуля, – продолжал король, – и царское величество также узнает, что Паткуль для собственного своего умысла и пользы службу своего государя оставляет».

Палей не отдавал Белой Церкви. Весною 1703 года Мазепа известил Головина, что пьяный Палей проговорился в Киеве: «Господин гетман нам в нужное время помощи войском не давал; если и впредь давать не будет, то поддадимся полякам, и не знаю, каково тогда и на Заднепръи будет». Головин требовал от Мазепы, чтоб старался о возвращении полякам Белой Церкви, что было необходимо при тогдашнем союзе с Польшею против шведов. Мазепа отвечал вопросом: как это сделать? Как Палея и Самуся привести к покорению полякам? «Захотят ли они, – писал Мазепа, – положиться на мои голые слова, потому что от королевского величества и Речи Посполитой никакого обнадеживания нет; на чью ж бы душу тот грех пал, когда бы я всякими способами приватным моим обнадеживанием привел их к миру с поляками и отдал их с неволею, а они, поляки, захотели бы не только над ними, но и над народом, который теперь в их защите, так мучительно поступить, как по Днестру и по Бугу учинили: иных виселицею, иных бросанием на крюки, а иных взбиванием на кол казнили, мстя свои убытки и кроворазлитие. Для того изволь, вельможность ваша, прислать подлинную мне информацию. Палей и Самусь сидят смиренно; никакой с ляхами не чинят зацепки, проезд всяким людям свободен; только по вся дни примножается к ним гультейство, особенно из Запорожья; сотник Палеев, секретарь, будучи недавно с ним в Киеве, проговорился пред духовными особами, что „наш Палей заодно с атаманом кошевым смышляет и во всем его слушает, обо всем между собою тайно сносятся“.

В июне месяце собрался сейм в Люблине, на котором происходили явления, возможные только в Польше. На сейм явился кардинал примас Радзеевский и на другой же день стал просить приватной аудиенции у короля Августа, против которого явно действовал вместе с шведским королем. Послы поветовые, узнавши об этом, отправили к королю сеймового маршалка с представлением, чтоб не давал примасу приватной аудиенции, а дал бы в посольской избе пред всеми публично. Король исполнил их требование. На этой публичной аудиенции многие послы коронные и литовские говорили примасу, что он привел и по сие время держит в их государстве шведского короля с войском, который все их государство разорил, «и многие его, кардинала, неправды вычитали с великим бесчестием». Радзеевский хотел оправдываться, но ему не дали открыть рта до тех пор, пока он, ставши на колени подле короля, не присягнул пред св. крестом, что шведского короля не приводил и до сего времени не удерживал, вперед королю Августу и Речи Посполитой никакого зла делать не будет, всегда станет искать чести и

пользы своему государству. Произнесши эту присягу, явный изменник засел в сенате как первое после короля лицо в государстве. Долгорукий писал Головину: «Извольте, времени не опуская, потребное свое дело управлять, а на здешнюю сторону на оба народа худая надежда; хотя с ними и в союз вступить, истинно никакого состояния доброго от них не будет, и если неприятель Торн добудет, то их конечная худоба: саксонского войска пропадет лучшая часть, а которые и останутся, и те в сущем убожестве; у поляков шведы проход ко Гданску удержат и хлеба не пропустят, от чего их все Польское государство состоит, и к такой неприятель их тесноте приведет, что они и богу солгут, не токмо нам. Известно вам, какое есть здесь постоянство. Лучше того не могу признать, что по се время задержан здесь неприятель. Хотя наше войско помощное будет, опасно, чтоб до какой худобы не дошло; лучше б сильнее помочь деньгами, токмо чтоб и те были употреблены по нашему намерению. Однако ж нам, сколько возможно, тружиться подле них надобно; нынешний год без всякого опасения извольте быть: чаю, конечно, неприятель зимовать здесь станет; хотя б с собою их быть и принудил (чего я больше не чаю), истинно как нам, так и ему того же часу солгать готовы. Не извольте того и мыслить, чтоб здешние оба народа для чести или прибыли государственной что стали с трудом делать, разве для какого ни есть покою. Если увижу, что наш союз станет отдаляться, то нам надобно ходить, чтоб король перепустил нам своего войска. Истинно не знаю, как этому войску пробить нынешнюю зиму: поляки зимовых квартал у себя дать не хотят, готовых провиантов нигде нет; жалко смотреть, в какой нищете и в худом состоянии королевские войска ныне пребывают, а чтоб была амуниция или какая артиллерия, о том и поминать ненадобно: что ни было, все побрал неприятель; разве бог сошлет св. духа, чтоб их наставил на доброе дело».

Доброго дела не было: по старанию Радзеевского и познанского воеводы Станислава Лещинского в великой Польше образовалась конфедерация против Августа. Шведы, под начальством генерала Реншельда, заняли Познань и поддерживали конфедерацию.

Но в Литве приверженцы Августа имели перевес: 28 июня 1703 года послы Великого княжества Литовского Галецкий и Хржановский заключили с Головиным договор, в котором обязались стоять за короля Августа, а Головин обещал выдать в Смоленске литовскому комиссару 30000 рублей, как скоро Речь Посполитая вступит в союз с Россию. Генерал-майор Корсак получил приказание двинуться из Смоленска к литовским границам, а стародубский полковник Миклашевский с 15000 малороссийских козаков идти под Быхов и отнять его у засевших в нем сапежинцев.

В конце сентября сдался шведам Торн после пятимесячной осады. Это событие усилило враждебную Августу партию, и в декабре Карл XII торжественно обратился с письмом к Польской республике, предлагая возвести на престол принца Якова Собеского и обещая поддерживать нового короля до окончательного утверждения его на престоле. Англия, Голландия и Австрия сильно встревожились, узнавши об этом поступке шведского короля. Английский посланник Робинзон представлял Карлу, как многим покажется жестоким и несправедливым заставлять поляков свергнуть короля, которого они сами выбрали и хотят иметь; кроме того, как опасно давать народу случай свергать своего короля. «Удивительно, – отвечал Карл, – слышать такие замечания от посланника

того государства, которое имело дерзость отрубить голову своему королю. Позволивши себе такое дело, Англия теперь упрекает меня в том, что я хочу лишиться короны государя, вполне достойного этого наказания».

В январе 1704 года примас Радзеевский созвал сейм в Варшаве под предлогом заключения мира с шведским королем, который объявил, что хочет трактовать только с республикою, а не с королем Августом. Предлог этот был нужен для того, чтоб сейм происходил в отсутствии короля. Уполномоченным от Карла на сейме был генерал Горн, и отряд шведского войска помещался подле здания, где происходили заседания сейма. Многие послы поветовые, не ожидая проку от такого сейма, начали было разъезжаться, но Радзеевский и Горн, заметив это, расставили у всех выездов шведских солдат, которые никого не пропускали. 2 февраля Горн передал сейму письменное объявление, что государь его не может войти ни в какие переговоры с республикою, пока она не будет свободна, т.е. чтоб переговоры и решения настоящего сейма не могли ни от кого зависеть, а для этого необходимо, чтоб король Август был свергнут с престола. Поляки будут иметь полное право это сделать, когда увидят неоспоримые доказательства, что король Август питал самые вредные замыслы против республики. Сейм потребовал этих доказательств, и на следующий день Горн представил извлечения из писем, перехваченных у графа Фицтума, когда тот в 1702 году ездил послом от Августа к Карлу. В письмах не заключалось прямых улик против Августа, но они были способны произвести сильное раздражение, потому что в них поляки назывались несостоятельными, вероломными, преданными пьянству и т.п.; также в этих письмах заключались намеки на возможность раздробления польских владений. Раздраженные депутаты постановили – отказать Августу в верности и послушании. Раздражение еще более усилилось, когда узнали, что Август по совету Паткуля, находившегося теперь при его дворе, схватил своего соперника, принца Якова Собеского, вместе с братом его Константином, считавших себя безопасными в Силезии, во владениях императорских; Собеские были заключены в Кенигсштейне.

Но когда первый пыл прошел, многие начали раскаиваться в сеймовом решении как совершенно незаконном и оскорбительном для нации, потому что оно последовало под чуждым влиянием. Скоро после этого король Август созвал другой сейм в Сендомире, где было постановлено – защищать права короля Августа, а Радзеевского с товарищи объявить врагами отечества. Это постановление было подписано 134 депутатами, тогда как постановление варшавского сейма подписали только 70 депутатов, и скоро оказалось, что большинство польского народонаселения было на стороне Августа. Вследствие этого партия Радзеевского начала колебаться, и обнародование решения варшавского сейма замедлило. Это сильно раздражало Карла: он требовал, чтоб польский престол торжественно был объявлен вакантным, грозя жестокими угрозами всем тем, кто будет этому противиться. Он дал знать сейму, что Польша может получить мир с Швециею только под условием торжественного признания своего трона вакантным, за что обещал 500000 талеров. Гарнизон в Варшаве был усилен для поддержки уступчивых, для грозы строптивым депутатам, и этим средством Горну удалось наконец исполнить желание своего короля: сейм обнародовал, что Август лишен престола и должно быть приступлено к избранию нового короля.

Кто же будет этим новым польским королем *милостию* короля шведского, потому что Карл не думал предоставлять полякам свободного выбора? Двое Собеских были заключены в Кенигсштейне; узнавши, что они схвачены Августом, Карл сказал: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам», – и предложил корону третьему Собескому, Александру, но тот не принял опасного дара. Карл был в большом затруднении. Говорят, министр его Пипер стал внушать, чтоб Карл провозгласил самого себя польским королем, снискал расположение народа уничтожением крепостного состояния и ввел бы в Польшу лютеранство, как то сделал Густав Ваза в Швеции. Карл отвечал: «Я лучше хочу раздавать государства другим, чем приобретать их для себя, а ты был бы отличным министром какого-нибудь итальянского князя».

Из польских вельмож самым могущественным был коронный великий гетман Любомирский, которому и хотелось в короли; первым богачом был Радзивил, но Карл остановил свое внимание на человеке, который ему больше других нравился: то был Станислав Лещинский, воевода познаньский. Лещинский действительно мог нравиться: он был молод, приятной наружности, честен, жив, отлично образован, но у него недоставало главного, чтоб быть королем в такое бурное время, недоставало силы характера и выдержливости. Выбор человека, не выдававшегося резко вперед ни блестящими способностями, ни знатностью происхождения, ни богатством, разумеется, был важною ошибкою со стороны Карла; поднялся страшный ропот, ибо многие считали себя выше Лещинского в том или другом отношении. Радзеевский не хотел слышать о Лещинском, Любомирский начал склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карл не думал уступать; шведские генералы жгли без пощады имения тех вельмож, которые стояли за Августа. На избирательный сейм не явилось ни одного воеводы, кроме Лещинского; из епископов был только один познаньский, из важных чиновников один Сапега; зато на поле, где должно было происходить избрание, виднелось 300 шведских драгунов и 500 человек пехоты, сам Карл находился с войском в трех милях от Варшавы. При страшном шуме и протестах шведская партия выкрикнула Лещинского королем.

Что же делал Долгорукий во время всей этой смуты 1704 года? 2 февраля он писал Головину: «При дворе королевском как министры, так мало не все саксонцы союзу с Россиею гораздо противны и всеми способами ищут препятствия, не уважают чести и пользы его величества, кроме одного постороннего князя Фюрстенберга, который великую склонность к стороне его царского величества имеет и пользы и дружбы между их величествами желает. Во время нынешнего моего пребывания с королем в Саксонии изо всего двора любовь и честь, по моему характеру, только имел я от него, Фюрстенберга, а другие саксонцы и видеть меня не хотели». Министр Флюк ни разу не надел присланного ему Андреевского ордена. Посол императорский хлопотал всеми силами, чтоб Август удалился из Польши в Саксонию; саксонские министры помогали ему в этом тайно. Узнавши об этом, я представил королю, чтоб он, надеясь на помощь царскую, без всякого сомнения спешил походом в Литву для соединения с литовским и вспомогательным русским войском, пока неприятель не пресек пути; в противном случае если неприятель поспешит вступить в Литву, то и тамошнее войско, оставленное без помощи, принуждено будет к такому же непотребному делу в конфедерацию, а если литовские войска отступят, то больше уже никакой

надежды во всей Речи Посполитой не останется, а которые люди его королевскому величеству предлагают и рассуждают непотребно, для своих интересов, таким бы непотребным советам веры давать не изволил. Король отвечал, что соединиться с войсками союзными и литовскими сильно желает, только за поздним выступлением своих саксонских войск скоро идти в поход ему нельзя: 5000 войска, которое теперь при нем, находится в великой скудости, да и с таким малым числом идти в такой дальний поход очень опасно, ибо коронные гетманы неверны; уйти далеко от Саксонии за скудостью денег трудно, не только войско, но и двор свой содержать в таком дальнем пути нельзя. Я настаивал на своем, что если король своих войск скоро из Саксонии не получит или с теми, которые при нем, в поход не выступит и литовцев оставит без помощи, то легко лишится короны, которую неприятель старается всеми силами у него отнять. Я представлял, что царь во всех трудных делах по сие время никогда его не покидал, и ныне не покинет, и если войско и двор его королевский по какому-нибудь случаю будут в скудости, то царское величество до времени их не оставит и будет содержать во всяком довольстве. «Подтверждая, к вам пишу, что гораздо надлежит ныне иметь нам частую корреспонденцию, дабы мы ведали все действо и свое состояние. Не так потребно царскому величеству показать в нынешнем времени силу свою в северных странах против неприятеля, как здесь в Польском государстве. Если мы не пресечем сильно намерения неприятельского, то впредь трудно будет домогаться чрез многое время и не мочно будет достать за многочисленную цену».

Но мы видели, что кроме Долгорукого при дворе Августа явился и другой царский посланник, Паткуль. Их донесения о польских делах не всегда были согласны. Так, Паткуль писал, что в Литве Вишневецкий и Огинский склоняются к неприятелю. Долгорукий опровергал это известие, писал, что нельзя сомневаться в этих вельможах, потому что переход на неприятельскую сторону противен их интересам и натуре. И в Польше провозглашение *детронизации* Августа имело хорошие последствия, по донесениям Долгорукого: «Все теперь открыто, и остался один исход – война, лукавые факции и предлоги неправые пресечены, скоро окажется, кто будет при короле, кто против него, у самого короля открылись глаза и много прибавилось к доброму делу охоты, и поляки добрее в своем деле теперь поступают». При этом Долгорукий советовал не давать денег более братьям Любомирским, гетману и подскарбию за их злодейство и к царскому величеству противность, тем более что и без великих подарков они скоро принуждены будут пристать к русской стороне; нечего их опасаться: и не в нынешнее время, в лучшую пору сабля гетманская не остра и подскарбиев мешок пуст, не могут они сделать ни добра, ни зла.

Долгорукий поспешил успокоить Головина и насчет нового или другого польского короля: «О нововыбранном в Варшаве корольке не извольте много сомневаться; выбран такой, который нам всех легче: человек молодой и в Речи Посполитой незнатный, кредита не имеет, так что и самые ближние его свойственники ни во что его ставят и слышать о выборе его не хотят. Труднее бы для нас было, если бы выбрали королевича Александра Собеского, к которому поляки скорее бы пристали, и если король Август будет здесь сильнее неприятеля, то Станислав Лещинский исчезнет и нигде себе места не найдет».

Но если и Долгорукий писал, что не так потребно царскому величеству в нынешнее время показать силу свою в северных странах против неприятеля, как здесь в Польском государстве, то еще сильнее настаивал Паткуль на том, чтоб царь оставил прибалтийские страны и все свои войска перевел в Польшу для непосредственной борьбы здесь с Карлом. Но в 1704 году это было совершенно противно намерениям Петра, который, пользуясь увязнутием Карла в Польше, хотел обеспечить себе Ингрию и сделать для шведов войну в прибалтийских областях как можно затруднительнее. Паткюлю, сильно протестовавшему и прежде против опустошения Ливонии, не нравилось утверждение царя на Балтийском море. Он писал Петру о желании короля Августа знать, какие будут распоряжения относительно возвращенных гаваней, чтоб не возбудить опасения в прочих потентатах, владения которых находятся при Балтийском море? Петр велел отвечать: «Война произошла от озлобления, нанесенного в Риме не только послам, но и самой царской особе, и господь бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, несправедно похищенного. Умножение флота имеет единственную целию обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россию, во-первых, потому, что они изначала ей принадлежали, во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, „ибо чрез сих артерии может здравее и прибыльнее сердце государственное быть“. Его царское величество объявляет, что ни единой деревни шведской не желает себе, понеже его величество всегда сие в памяти имеет, чтоб не быть причиною озлобления всех потентатов, что и делом, богу поспешествующу, окажет во уверение всем».

Еще в начале 1704 года Петр сообщил Паткюлю свои мысли насчет ведения войны в этом году. «Король, как видим, спешит окончить дело счастливым полевым боем, но на чьей стороне будет успех – об этом знает один всевышний, нам же, как людям, надлежит смотреть ближайшее. Искание генерального боя зело опасно, ибо в один час может все дело быть ниспровергнуто (как случилось под Клишовом в 1702 году). Поэтому надобно, чтоб король в наступающее лето, устроив войско свое добрым порядком, старался бить неприятеля по частям и удерживал его в Польше, чтоб мы могли весною в Лифляндии два или три города осадить. Города эти, не имея ниоткуда помощи, принуждены будут нам сдаться; мы их отдадим королю, который таким образом утвердится в Лифляндии лучше, чем прежде, и ближе к нам, к Ингрии, где теперь все наши войска, а прежде не было ни человека. Саксония, видя короля своего с таким основательным прибытком, будет усерднее помогать; также, если с кем-нибудь из нас случится несчастье, то будет куда пристать и поправиться, а не так, как на Двине: по одну сторону шведы, по другую поляки, и потому принуждены были с бесчестием в Саксонию бежать. Шведы не благодаря ли крепостям основательно смелы в этих землях? Если же король будет искать генерального боя и если этот бой кончится для него несчастно, то что произойдет? Мы можем потерять все свои завоевания и будем отделены друг от друга, а король не только от неприятеля, но и от бешеных поляков со срамом выгнан и престола лишен быть может. Поэтому надобно хорошенько подумать и не ввергать себя в такое бедствие».

Паткуль настаивал на своем, писал, что, будучи в Берлине, он мог побудить прусского короля к вступлению в союз только обещанием, что войска саксонские, русские, датские и прусские соединятся вместе и своею многочисленностью подавят шведов в Польше, после чего союзники приступят к разделу Польши,

Лифляндии, Померании и Голштинии. Прусский король Фридрих I так обрадовался этому предложению, что сейчас же велел вербовать 12000 войска, но когда узнал, что царь, вместо того чтоб двинуться в Польшу, обратился к Нарве, то сильно рассердился и остался в бездействии. Чтоб отвлечь царя от осады Нарвы, напугать его ее следствиями, Паткуль писал: «Хорошо, если шведский король будет упрям по-прежнему: это будет очень выгодно для вашего величества, но если взятие Нарвы поумягчит его и склонит к миру, то опасаясь я очень, чтоб Голландия, Англия и цесарь не устроили мир, который никогда не будет выгоден вашему величеству; тут они все явно покажут то, что теперь тайно в сердце носят, а именно ненависть и зависть к России». Паткуль доносил также, что на имперском сейме в Регенсбурге тайно хлопчут о мире между польским и шведским королями и толкуют сильно об опасных следствиях, какие может иметь утверждение русского царя на Балтийском море, что подобное же опасение возбуждено и при всех других европейских дворах, не исключая и датского; из этого Паткуль выводил, что для царя должно быть главным правилом – шведа в Польше разорить и там устроить главную сцену военных действий до самого прекращения войны.

Паткуль в другой раз побывал тайно в Берлине и нашел прусского короля при прежнем намерении – приступить к союзу против Карла XII, если силы союзников в Польше будут так велики, что можно станет надеяться на успех. Король объявил Паткюлю, что союзники должны заставить Карла XII выйти из польской Пруссии и этим дать прусскому королю перевести дух; иначе он не может сделать ни малейшего движения, пока шведы находятся в польской Пруссии и в состоянии, по первому подозрению, разорить бранденбургскую Пруссию и его, короля, так отделать, что он после не в состоянии будет повернуть ни рукою, ни ногою, потому что ему с бранденбургской Пруссии сходит миллион ефимков. «В то же время, – доносил Паткуль, – мы договариваемся и с королем польским, только тайно. *Главнейшее и труднейшее о польской Пруссии определили* ».

Насчет союза с Польшею Паткуль писал: «Поляки желают огромных денежных пособий: надобно им рот хорошенько мазать и не скупиться на обещания, но при этом постановить такие условия, каких они исполнить не в состоянии. Тогда явно можно их будет понуждать к исполнению союзного договора, а тайно мешать этому исполнению и таким образом получить право не давать им денег, а между тем будем их держать на веревке».

Союз между Россиею и Польшею против шведов был окончательно заключен 19 августа 1704 года. Союзные державы обязались воевать против общего врага, короля шведского, на суше и на море, отдельных договоров с ним не заключать и ни в какие сношения не входить. Палея принудить возвратить республике города и крепости, взятые в Смутное время. Все города и крепости, покоренные русскими в Ливонии, должны быть уступлены Польше. Царь посылает королю под его команду 12000 войска; на 1705 год выдает королю 200000 рублей, или 2 миллиона польских злотых, на содержание польского войска, которое должно состоять из 26200 человек пехоты и 21800 – конницы. На будущее время каждый год, до окончания войны, уплачивает по 200000 рублей.

Между тем явились к королю в местечко Сокал (Бельзского воеводства) одиннадцать русских вспомогательных полков с отрядом козаков малороссийских.

Полки привел обер-комиссар князь Дмитрий Михайлович Голицын; козаками начальствовал наказной гетман Данила Апостол.

Король Август, по словам Паткуля, остался очень доволен солдатами, но офицеры оказались никуда не годными и по возможности заменены были немецкими. Притом, по причине тяжкого похода, войско было истомлено, оказалось в нем много больных и беглых, в строю явилось от 6000 до 7000; из малороссийских козаков вместо 6000 оказалось только 3000. «Рядовые солдаты, – писал Паткуль, – так хороши, что лучше желать нельзя, обнаруживают совершенное послушание и охотно исполняют все, что им приказывают, но с офицерами невозможно ничего исполнить, и потому рядовые почти сами собою управляют; батальон стрельцов лучше всех; они очень понравились королю и генералам, особенно потому, что все крупные люди и одеты в одинаковое платье. Король просит ваше величество прислать ему 4000 таких выборных старых стрельцов, которые прежде уже были солдатами. Ружья большею частью нехороши и не равного калибра; одежда и убор во всех полках очень дурны». Паткуль, принявший начальство над присланными войсками, сейчас же столкнулся с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, потому что офицеры постоянно ссылались на князя и, кроме его, не хотели слушаться ничьих других приказаний. Может быть, поэтому они и оказались так дурны в глазах Паткуля, который жаловался на Голицына, что он своими комиссарскими распоряжениями сильно вредит войску и если распоряжения эти будут продолжаться впредь, то войско может рассеяться от голода. Паткуль жаловался на непоследовательность Голицына, который то возьмет доставку всех запасов на себя, то вдруг слагает эту обязанность на королевское комиссарство, то сам хочет печь хлеб, то вдруг требует печеного хлеба, и требует, чтоб он доставлен был во мгновение ока. Паткуль сильно жаловался также на козаков: «Я команду над этими дикими людьми сдал генералу Брандту, потому что между ними нет послушания и никакого мужества, ни к чему они не годятся, кроме грабежа, который производит в войске голод и по всей земле великие жалобы. Оружие у них плохое; иные, кроме дубин, ничего не имеют».

Между тем в письмах к Головину Паткуль не переставал настаивать, чтоб царь со всем войском шел в Польшу: «Король Август мне сам говорил, что он решился лучше корону оставить, нежели вести такую жалкую оборонительную войну, на позор всему свету, давать себя гонять из одного угла в другой. Притом же так много людей, которые хлопчут, как бы разъединить царское величество с королем польским, именно желают этого саксонцы и цесарский двор; наговаривают королю, что он несет все бремя войны, а награды никакой себе ожидать не может, только Саксонию изнурит; денежные пособия от царя идут только на войну, для страны от них никакой пользы нет, а царь между тем берет себе города. Уверяю ваше превосходительство, – продолжает Паткуль, – что ни взятие Нарвы, ни победы в Лифляндии не заключают в себе ничего решительного; пока шведский король будет господствовать в Польше, до тех пор он будет господином войны и мира; надобно заметить, что в 1702 году он привел в Польшу только 12000 войска, в 1703 у него уже было 24000, в нынешнем 1704 году у него 33000, и без всякого сомнения полагать надобно, что в будущем году у него будет больше 40000».

В конце лета королю Августу удалось взять у шведов Варшаву с помощью русских войск; ему хотелось взять у них и Познань, для чего отправил к этому городу Паткуля с польскими и русскими войсками. Месяц простоял Паткуль бесплодно под городом, складывая всю вину на то, что не приходили обещанные 1500 человек саксонской пехоты; по его словам, он решился было уже и без этой пехоты на приступ, как получил от короля Августа приказание снять немедленно осаду и отвести войско в безопасное место. Паткуль отвел войско в саксонские владения, в Нижние Лужицы (Лаузиц), и расположился при местечке Губбене, причем в русских полках оказался недочет в 1900 человек. Не все русские войска были с Паткулем при осаде Познани: четыре полка, под начальством полковника Герца, были оставлены им на Висле при большой саксонской армии. Отдалившись от этой армии, они были настигнуты шведами близ Фрауштадта, храбро защищались против превосходного числом неприятеля и, потерявши 900 человек в битве, засели в деревне Тиллероте. На другой день шведы напали на них и здесь; русские защищали каждый дом, каждый шаг, шведы предложили им сдаться, грозя, что в противном случае зажгут деревню; русские отвечали, что будут защищаться до последнего человека – и сдержали слово: множество их пало с оружием в руках или погибло в зажженных шведами домах, другим удалось уйти.

Паткуль жаловался на козаков, козаки – на Паткуля. Данила Апостол писал Мазепе: «От начала верной службы нашей престолу пресветлейших монархов никогда не были мы в таком бесчестии и поругании, как здесь от господина Паткуля, который самовольно принуждает нас быть под его командою и бесчеловечную обнаруживает суровость, страшает нас виселицею и объявляет, будто великий государь отдал нас сюда за тем, чтоб и имя наше пропало. Под Варшавою 24 августа назначено было идти на штурм, и Паткуль велел козакам одеваться в латы немецкие; один козак не захотел, и он ему поранил ухо, другой не захотел – того прибил мало не до смерти. Разговаривать с ним, гордомысленным, трудно. Слезно, именем всего войска прошу избавить нас из-под команды этого злочестивого человека. О чем ни просим – не слушает, а потехи не спрашивай: войско наго, босо, голодно. Только советной отрады имеем у князя Григорья Федоровича Долгорукого, с которым без толмача разговаривать можем; также и генерал Брандт со мною в товарищеском совете, и он только мне подает отраду и утеху, как человек правдивой совести и знающий хорошо здешние поведения; если б не он, бог весть, как бы я обходился с этими немцами, не умея с ними разговаривать. Если дальше должны будем идти, то войско, и под страхом смертной казни, не удержится, потому что нечем жить; хотя и служим, обливаясь кровию и теряя живот за здешний маестат, однако чести ни от кого не имеем». Апостол не оправдывает и козаков своих. «Козаки, – пишет он Мазепе, – так остервенели на своеволье, что никак их унять нельзя, хотя беспрестанно и без пощады наказываются».

В декабре 1704 года явились в Малороссию козаки, ходившие в Польшу, и объявили, что, отступив от Познани, Паткуль отобрал от них лошадей и отпустил пешком, не давши ни провожатого, ни наставления, куда им лучше пройти; они пошли к Кракову, но, не доходя до Велюна, были настигнуты шведами и поляками Лещинского и разбиты; спаслось в Краков 80 человек, которые и возвратились в Малороссию с пропускным листом от короля Августа. Козаки возвратились без вождей: Апостол, без царского указа, бросил свое войско и уехал домой; то же

самое сделал переяславский полковник Минович, отговариваясь голодом и холодом.

Про козаков никто не говорил доброго слова, но никто не говорил доброго слова и про Паткуля. Долгорукий писал Головину: «Король мне на Паткуля жаловался, будто он с досады, что не успел взять Познани, к его величеству писал так противно, что токмо изволил терпеть для дружбы царского величества, и притом будто с сердца писал, что и команду свою хочет покинуть. Изволите вы, чаю, Паткуля знать: не токмо слова, но и письма его надобно рассуждать; если во время злобы пишет, в то время и самому богу на похвалу на напишет».

В то время когда козаки ссорились с Паткулем в Польше и Саксонии, гетман их Мазепа управлялся с Палеем.

Еще летом 1703 года Мазепа дал знать в Москву, что Палей и Искра поссорились с Самусем, хотя у него самого отобрать гетманские клейноты и Самусь хочет перейти под гетманский регимент в полк Переяславский, где у него родной брат и другие родственники, но он, Мазепа, не позволил ему этого, велел до времени жить по-прежнему в Богуславе. «Палей почал вельми высоко забирать, – доносил Мазепа, – и не так с желательством своим ко мне отзывается, как прежде, и от часу больше к себе гультаев прибирает. Я жалованье монаршеское, к Палеему присланное, у себя задержал до времени, присматриваясь к дальнейшим его поступкам. Пишет ко мне Палей, хвалясь, что крепость Белоцерковскую твердо укрепил, загнав с Полесья две тысячи человек. Самусь хвалится, что город Богуславль починил и укрепил. Искра объявляет, что Корсунь свой обновил и укрепил. Самовольства очень много со всех сторон к ним прибирается». В июле Мазепа писал: «Палей и не мыслит об отдаче полякам Белоцерковской фортеции, потому что города строит и большую силу гультаев к себе прибирает. Если нужно отдать полякам эту фортецию, то можно это сделать только таким способом: ехать мне самому в Киев с небольшим отрядом войска, будто для поклонения св. местам, призвать к себе туда Палея, Самуся, Искру и не отпускать их домой, но свои войска послать в Белоцерковскую и другие фортеции. Дивная то речь, что поляки, имея перед собою нужнейшее дело воинское со шведами, так часто великому государю прошениями своими о Белоцерковской фортеции докучают. Возможно, послу царского величества, при дворе польском резидующему, объявлять полякам, что и после можно будет им получить Белую Церковь, потому что Палей, Самусь и Искра на небо не взлезут, под землю не схоронятся, должны будут волею-неволею исполнить монаршеский указ». В сентябре Мазепа прислал за новым монаршеским указом: «Палей, Самусь и Искра, поссорившись, пишут ко мне, просят, чтоб я их поделил и универсалом своим тот надел утвердил. Палей от себя присылал ко мне людей, прося денег на жалованье своему войску; также Самусь и Искра, имея при себе несколько сот конного гультайства, оставшегося от прежних бунтов, просят денег, сказывая, что гультайство это к ним собиралось, будучи обнадежено добычею ляхскою, а ныне, когда я указом монаршеским пригрозил, чтоб смирно жили и ляхов не задирали, то они и докучают о деньгах, чтоб как-нибудь им гультайство у себя удержать». В январе 1704 года Самусь и Искра приехали к Мазепе в Батурин с просьбою, чтоб успокоил их ссору за города и села около Богуславля и Корсуни. Мазепа отвечал им: «Как вы там без моего ведома сели и завладели, так сидите и делайтесь, как вам надобно, а мне ненависти от поляков и даровой доуки не наносите». Самусь

и Искра сказали на это: «Куда же нам деться, как не к православному монарху и не к вашей милости? Пишешься обеих сторон гетманом? Если вами не будем приняты, то доведется всем рассыпаться куда глаза глядят, потому что за поляками по их мучительству жить не можем и не хотим». 20 февраля 1704 года монаршеский указ состоялся – чтоб Палей непременно отдал Белую Церковь полякам, иначе вступят в нее царские войска. Но 29 февраля Мазепа писал следующее Головину: «Приехал ко мне Цыганчук, обозный Палеев, с платком свадебным, потому что Палей женил пасынка своего. Этот Цыганчук секретно сказывал мне, что Палей замышляет в подданство к ляхам, будучи прельщен частыми подсылками от Любомирских, подкомория коронного и гетмана. Любомирский же беспрестанно Самуся обсылает, то материями, то перстнями. Не лучше ли мне самому налегке в Киев поехать, а Палея из Белой Церкви в Киев будто на секрет призывать; из Киева лучше и способнее, чем из Батурина, исполнить волю монаршескую о Белой Церкви или о иных каких монаршеских делах. А если Палей с подручниками своими под власть лядскую приклонится, то нельзя надеяться от них ничего доброго: на сю сторону Днепра огонь выкинут, не забудут и запорожцев, яко малодушных и непостоянных людей, до своей компании призвать».

Чтоб заставить Палея высказаться, Мазепа послал к нему знатного козака с увещанием действовать против поляков по-прежнему; Палей отвечал: «Как мне с ляхами в доброй приязни не жить и к ним не склоняться, когда от царского величества и от гетмана получаю частые грамоты, чтоб мне с ляхами жить смирно и Белую Церковь им уступить. Но я ляхам и никому иному Белой Церкви не отдам, разве меня из нее за ноги выволокут».

В апреле Мазепа получил царский указ выступить со всем своим войском в польские владения против приверженцев Лещинского. Мазепа выступил в поход и 3 июня писал Головину: «О Палее прилежное имею радение, чтоб устремить его против Любомирских, хотя с моею помощью, потому что при нем мало войска. Будучи насыщен духом и подарками Любомирских, он отговаривается то болезнию, то другими причинами и не хочет над ними промышлять; притом уже четыре недели как в обозе при мне находится и постоянно пьян, день и ночь, ни разу не видал его трезвого; да и товарищество его, как вижу, тем же духом Любомирских наполнилось». 15 июня новые вести о Палее от Мазепы: «Самусь, приехавший ко мне в обоз, был у меня несколько раз на приватном разговоре и объявил, что Палей подлинно ничего доброго царскому величеству и королю Августу не мыслит; присягнувши с домом Любомирских и побравши от них знатные подарки, обещал верно служить и постоянно пересылаться с ними тайно; так, недавно дал им знать: „Не бойтесь: гетман только для страху вам вышел, а ничего с вами не будет делать, вы что начали, то и продолжайте“. Самусь рассказал и то: Палей собирал раду за Белою Церковию и объявил, что Любомирские взяли его в защиту со всем его войском, говорил народу: „Во всей Польше нет знатнее и сильнее их; только они могут нас уберечь, потому что ежедневно надобно ждать под Киев шведа, государь московский далеко, а король польский на защитит, потому что и самого себя защитит не может. Сами знаете, каковы войска козацкие: немного постоят в поле, а как придет сенокос да жатва, то все и разойдутся по домам, гетман останется один, да и москва все новая, невоенная, которая не может вам ничего сделать“. „Еще потерплю ему до

времени, – писал Мазепа, – пока, даст бог, перехвачу письма от Любомирских к нему или от него к Любомирским; когда будет явная улика в измене, тогда велю за караул его взять“.

Но улики не было, Палей стоял вместе с Мазепою, и тот продолжал посылать на него жалобы Головину: «Палей говорит перед своими козаками: гетман здесь даром стоит и никакого промысла военного не делает; если б я с своими людьми пошел, то давно б и я и люди мои обогатились добычею. – Я ему представляю, что по указу царскому и по желанию короля польского я должен стоять тут, а в глубь Польши не вступать, чтобы не разорять поляков и не давать им повода к ненависти против короля Августа. Но он ничего не слушает; рацьями говорить с ним трудно, ничего не понимает, потому что ум его помрачен повседневым пьянством. Гультайство Палеево в разных местах великое бедным людям причиняет грабительство, разбой, убийства и разорение, а все моим именем. Число этих Палеевых самовольных гультьев беспрестанно умножается из Запорожья и из других мест, и грабят не только около Буга и Днестра, но уже и через Днестр переправились, во владениях господаря волошского многих людей пограбили и до смерти побили, о чем пишет мне господарь волошский, требуя управы. Доношу и то: хотя бы. Белую Церковь и не нужно было отдавать полякам, и тогда Палея не надобно там более терпеть, потому что от него ничего доброго нельзя надеяться; особенно опасаться надобно, чтобы он, по моем уходе, какого огня не запалил, потому что он не только сам, повседневым пьянством помрачаясь, без страха божия и без разума живет, но и гультайство также единомравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной, и никогда никакой власти и начальства над собою иметь не хочет». По письму Головина Мазепа предложил Палею ехать в Москву, но тот отказался: здоровьем слаб, да и незачем туда ехать.

Наконец Мазепа добыл улику, по которой счел себя вправе схватить Палея. Хвастовский жид-арендатор объявил, что Палей посылал его к подкоморию Любомирскому с требованием обновления договора, который был заключен Палеем с ротмистром, присланным от Любомирского; договор нужно обновить потому, что Палей веселился с ротмистром и не все пункты договора помнит. Любомирский отвечал: «Очень мне удивительно, что брат мой, господин Палей, так скоро позабыл подтвержденные присягою обещания, данные нам и всей Речи Посполитой. Главный пункт договора состоит в том, чтобы Палей был предан дому нашему и Речи Посполитой и шел бы туда, куда ему укажем; потом, чтобы набирал как можно больше войска, конницы и пехоты, и переменил сердюков с восточного берега, а как скоро получу деньги от короля шведского, то сейчас же пришлю ему значительную часть; пусть почаще достает ведомости о заднепрском поведении и нам об них объявляет, особенно пусть теперь же проведает о войсках московских и козацких, скоро ли будут под Киев, куда намерены идти, как их много и кто над ними начальник? В монастыре Печерском сколько гарнизона и что за люди, сколько москвы и сколько козаков? В Белую Церковь пусть никого не пускает».

Жид объявил, что Палей и в другой раз посылал его к Любомирскому с письмом. Прочтя письмо, Любомирский сказал: «Благодарю господина Палея за известие, и я ему взаимно объявляю ведомости, хотя недобрые: пес Сас (саксонец), прежний король, взял Собеских за караул; пусть господин Палей

прибирает себе как можно больше войска, потому что будем за Собеских псу Сасу мстить. Обещаю господину Палею, что Белая Церковь будет ему отдана навеки, только бы был дому нашему и Речи Посполитой предан».

Священник Грица Карасевич подтвердил показание жида об измене Палея, и Палей был схвачен, Белая Церковь занята русскими войсками; Мазепа доносил Головину: «Пьяницу того, дурака Палея, уже отослал я за караулом в Батури и велел в тамошнем городе за крепким караулом держать; также и сын его взят за караул, и отошлю его в Батури». Из Батурина Палея отправили в Енисейск.

При борьбе с страшным шведским королем русскому царю нельзя было ограничить свое внимание одною Польшею; нужно было расширить дипломатическую сферу, искать союзников вблизи и вдали или по крайней мере стараться, чтобы враг не приобрел их, и для этого нужно было постоянно следить за отношениями европейских держав, нужно было иметь постоянных министров при важнейших дворах западных. Любопытно следить за деятельностью русских дипломатов, новичков в деле, проходивших тяжелую школу, ибо без приготовления должны были действовать в самое трудное и опасное, печальное для своего отечества время, должны были действовать часто и без материальных средств, ибо бедная Россия не могла дать им возможности соперничать с министрами богатых государств.

В Вену хлопотать о посредничестве императора между Россиею) и Швециею был отправлен в 1701 году ближний стольник князь Петр Алексеевич Голицын, родной брат князя Бориса, человек уже бывалый на Западе, ибо ездил в Италию учиться морскому делу. Положение Голицына в Вене было печальное: двор был занят испанскими делами, боялся шведского короля и презирал Россию после нарвского поражения. «Главный министр граф Кауниц, – доносил Голицын, – и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами. Люди здешние вам известны: не так мужья, как жены министров бесстыдно берут. Все здесь дарят разными вещами, один только я ласковыми словами». Голицын видел, что ни ласковыми словами, ни даже подарками нельзя ничего сделать, что одна *виктория* может заставить иностранных министров говорить с посланниками русскими, и потому писал: «Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани боже, если нынешнее лето так пройдет. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая *виктория*, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».

Но венский двор, знаменитый в истории выгодными брачными союзами, не изменил своему характеру и относительно презираемой России. В феврале 1702 года Голицын доносил государю:

«Король шведский здесь ищет и много, кому надлежит, обещал дать денег, а ныне его посланник всех министров и других имеющих силу, а больше иезуитов подкупает, чтобы цесарь выдал за него дочь свою, и обещает принять закон римский, а сестру свою хочет выдать за эрцгерцога; только здесь еще не позволяют. Беспреданно меня просят, чтобы вы приказали прислать персоны (портреты) сестры вашей, царевны Натальи Алексеевны, и брата вашего, царя Иоанна Алексеевича, дочерей. Здесь при дворе этого усердно желают, и не раз сама императрица говорила мне, что хочет как можно скорее видеть портреты;

больше склоняются к царевне Наталье Алексеевне. По указу цесарскому говорил мне граф Кауниц, чтобы вы сына своего прислали в Вену для науки; до цесаря дошел слух, что вы обещали послать царевича к королю прусскому и в другие места, что очень огорчило цесаря. Кауниц требовал у меня ответа; я отвечал, что без воли вашей отповеди дать не умею; Кауниц прибавил: если б царевичу понравилась какая-нибудь эрцгерцогиня, то цесарь с радостию выдал бы ее за него, только б была ваша воля».

В то же время Голицын доносил: «Отдал мне визит нунций папский и говорил, что готов служить вам в деле повышения вашего маестата (титула). Говорил также, чтобы вы позволили при своем дворе быть послам римским не для каких-нибудь дел, а только для повышения вашего маестата, и послы уже готовы в Риме к отправлению, только не смеют ехать без вашей воли. Если вы им прикажете приехать, то они не будут ничего требовать, станут жить на своем корму, по здешнему европейскому обычаю; папа это делает только для чести вашей и для любви с вами». Головину Голицын писал, что виновником прежней холодности был Кауниц, задаренный шведским королем, но теперь и Кауниц стал гораздо мягче; теперь на стороне царского величества папа, и нунций папский имеет великую силу при дворе, может сделать все, что захочет. Нунций, осыпая Голицына любезностями, объявил ему, что шведский король чрезвычайно опасается союза Австрии с Россией и изо всех сил ему препятствует, хочет принять римский закон и просит за себя дочь цесарскую, подкупает министров, а императрицу обольщает королевством Польским: предлагает нынешнего польского короля низвергнуть, а на его место возвести императрицына брата, курфюрста пфальцкого; впрочем, нунций сказал, что они до этого не допустят. Голицыну дано было знать, что папа готов признавать царя восточным императором (за цесаря ариантальского).

В конце лета 1702 года явился в Вене инкогнито Паткуль и нашел цесарский двор в большом страхе от успеха шведов в Польше: победоносный король был на границах австрийских владений, которые были совершенно обнажены, так что шведы могли беспрепятственно дойти до самой Вены. В этом страхе императорское правительство готово было сделать все по воле Карла XII, лишь бы помирить его с Польшею и удалить из этой страны. Паткуль, не имея никакого официального значения, стал действовать чрез датского посланника, предложил чрез него императору, как подозрительна должна быть для Австрии шведская дружба и как опасно для нее приращение шведского могущества. Выслушав это предложение, император пожелал, чтобы Паткуль имел тайный разговор с Кауницом. Разговор происходил в загородном саду Кауница, который представил прежде всего Паткулю, в каком опасном положении находятся дела в Польше; жаловался особенно на то, что император, по случаю войны за испанское наследство, не имеет возможности помогать королю польскому и принужден его оставить. Чтоб убедить Паткуля в необходимости и для царя последовать этому примеру, Кауниц объявил, что недовольные королем Августом поляки и шведы домогаются, чтоб султан объявил войну России, и надеются рано или поздно достигнуть своей цели, поэтому царю необходимо соблюдать величайшую осторожность со стороны турок; шведы, с своей стороны, хлопочут изо всех сил, чтоб заключить с одним из врагов отдельный мир, который даст им возможность воевать или против одного короля польского, или против одного царя.

Паткуль отвечал, что все это очень хорошо известно царю, но так как интересы царя и императора совершенно одинаковы как в отношении к польской смуте, так и в отношении к турецкому двору, то необходимо принять предложения о крепком союзе между Россией и Австрией, поданные князем Голицыным в январе и марте. Пока свет стоит, истинная дружба между шведом и австрийским домом невозможна, и турки никогда не забудут потерь, понесенных ими по последнему миру, и потому Австрия должна помочь царю во время нужды, чтоб иметь право получить от него помощь, когда сама будет находиться в опасности. Кауниц объявил на это, что союз невозможен; Паткуль узнал от министров датского и бранденбургского, что английский и голландский министры, также ганноверский двор стараются всеми силами помешать сближению Австрии с Россией и во всех разговорах с императорскими министрами выставлять им на вид, как опасно увеличение могущества царя и как искренне расположен Карл XII к Австрии.

Видя решительное отвращение австрийского двора от союза, Паткуль употребил другое средство: зная, что предложение о брачном союзе между двумя дворами уже не тайна, слыша об этом толки при польском дворе, читая в курантах (газетах), Паткуль поручил датскому посланнику тайным образом осведомиться, в каком положении находится дело? Датский посланник дал знать Паткулю, что австрийский двор удивляется, каким образом разглашают, что императорский двор искал этого союза, тогда как, наоборот, предложение шло от царя, именно в мемориалах Голицына от 20 января и 26 марта, и двор императорский находится в затруднительном положении, не знает, что отвечать на такие предложения. Паткуль обратился прямо к самому Кауницу, и тот отвечал, что предложение было сделано со стороны русского двора. Тогда Паткуль через датского посланника отправил к Кауницу следующее предложение: 1) царское величество, имея в виду войну, которую император ведет в Италии и на Рейне, не хочет и не советует ему начинать прямые, наступательные действия против шведов; 2) царское величество желает одного, чтоб император тайным образом склонил Бранденбург и Данию к разрыву с Швецией, обнадежив их своею помощью при мире и в ином, а сам пусть остается в дружеских отношениях к Швеции; 3) помощь, которую император по договору должен давать королю польскому, царское величество перенимает на себя; 4) кроме того, царское величество согласен прислать императору 6000 своего вспомогательного войска, которому император не будет обязан давать ничего, кроме зимних становищ, хлеба и воинских припасов; 5) когда царское величество достигнет своей цели относительно Швеции, то вступит с императором в наступательный союз и пошлет ему 20000 войска; 6) не преминет и своих союзников заставить действовать в пользу императора; 7) царское величество может сыскать для императора денег взаймы за меньшие проценты, чем какие он принужден до сих пор давать; 8) больше всего император должен соблюдать выгоды короля датского, потому что его прибыли и убытки царское величество почитает наравне с своими; 9) так как император находится в дружестве с домом ганноверским, то может склонить его к отступлению от Швеции, за что царское величество со всеми своими союзниками обязуется соблюдать выгоды ганноверского дома и надеется оказать ему больше услуг, чем швед.

По поводу этого предложения Кауниц имел опять тайный разговор с Паткулем. Он соглашался на все статьи, но относительно второй объявил по секрету, что Бранденбург императору подозрителен и потому надобно осторожно поступать с этим двором; нельзя делать ему предложений, чтоб не быть выдану: в последнем случае швед заключит мир и нападет на Силезию, от которой так близко стоят его войска. Императорскому министру в Берлине пошлется указ осторожно выведывать о расположениях тамошнего двора. Что же касается датского короля, то император вполне ему доверяет. Паткуль сказал на это: будет ли угодно императору, когда Бранденбург склонится к разрыву с Швециею? Захочет ли император выслушать предложение об этом со стороны бранденбургского посла? Кауниц отвечал утвердительно.

Так как венский двор объявлял, что подозревает бранденбургский, а бранденбургский посланник твердил, что его двор готов приступить к союзу против Швеции, да не может верить императорскому двору, то Паткуль употребил следующее средство, чтоб заставить бранденбургского посланника сделать решительный шаг при свидетелях: он позвал его к себе вместе с посланниками датским и польским и начал толковать, как трудно склонить венский двор к охранению равновесия на севере; то ли дело прусский двор! Прусский посланник, тронутый похвалою, рассыпался в уверениях, что его король готов все сделать, лишь бы цесарь согласился. «Попробуйте объявить императору об этой готовности своего государя», – сказал ему Паткуль. «Ничего из этого не выйдет, потому что император ни о чем подобном слышать не хочет», – отвечал посланник. Тут Паткуль отвел в сторону посланников датского и польского, объявил им о своем разговоре с Кауницом и что все дело теперь зависит от прусского посланника. Опять подошли к нему и завели прежнюю речь; опять прусский посланник начал уверять, что непременно сделал бы предложение, если б не был уверен, что его при императорском дворе и слышать не захотят. «Дайте слово, что сделаете предложение, если разуверитесь в этом», – сказал Паткуль. Посланник дал слово; тут Паткуль торжественно объявляет, что дело уже решено, император обещал выслушать у него предложение. Несчастный посланник, попавшийся в западню, смутился и спросил: «Для чего все это сделано без его согласия?» Паткуль отвечал: «Все равно, только бы вам были двери отворены, которые вы считали запертыми навеки; теперь всякий увидит, истинное ли расположение ваш государь питает к своим союзникам, потому что теперь нет уже ему никаких препятствий обнаружить свои намерения».

После этой сцены Паткуль съездил в Польшу и по возвращении имел опять тайный разговор с Кауницом. Австрийский министр объявил, что предложение сделано со стороны прусского посланника о разрыве с Швецией, но сделано так холодно, что с императорской стороны принуждены были встретить его с равною холодною. «Впрочем, я надеюсь, – прибавил Кауниц, – что дело обделается, только надобно немножко подождать». Обещал хлопотать об этом всеми силами, но с условием, чтоб императору явно не придавали тут никакого другого значения, кроме значения посредника и поруки; тайно же он будет знать, как действовать. Паткуль хотелось выведать у Кауница, как смотрит венский двор на польского короля; для этого после долгого разговора он сказал: «Так как никто не хочет заступиться за короля Августа, то принужден будет наконец и царь его оставить». Кауниц отвечал ему: «Так бросайте же его во имя дьявольское, мы тогда будем

знать, на кого нам надеяться». «Из этих слов я увидел, – пишет Паткуль, – что императрица в этом деле замешана, и если императорский двор к низвержению с престола короля Августа помогать не будет, то и с печали об этом отнюдь не умрет».

Паткуль уехал из Вены; Голицын остался и в начале 1703 года писал Головину: «Прошу, мой государь, сотвори надо мною божескую милость, высвободи меня от двора цесарского; ей, государь, истинно доношу: весь одолжал и в болезнях моих больше жить не могу, опасаясь, чтоб напрасно не умереть; нимало мне здешний воздух в здоровье не служит; великое удержание есть в делах монаршеских: посланники шведский и ганноверский своими деньгами не только министров, но и попов к себе приласкали». В мае Голицын дал знать Головину, что Кауниц беспрестанно напоминает ему о 5000 золотых червонных, которые Паткуль обещал ему и жене его высылать ежегодно, а Кауниц обещал за это, оставя другие дворы, верно служить интересам царским. Голицын писал, что надобно исполнить обещание: «Сами знаете, каков здешний двор и как министры здешние избалованы подарками других потентатов». В сентябре новое письмо о том же: «Униженно, мой государь, прошу, не ради себя, но ради повышения имени монаршеского. Кауниц беспрестанно говорит: когда пришлют деньги? Хотя бы на первый год исполнить обещание и прислать ему деньги! От этого-то дела наши так и коснеют. Сам изволишь рассудить: слишком год посулено, а ничего к нему не прислано: как можно им впредь нам верить?» Когда Паткуль дали об этом знать, то он отвечал, что действительно обещал Кауницу ежегодное жалованье, но с условием, что император будет помогать царю; услуги Кауница известны: за что же ему платить жалованье? Паткуль был прав, но прав был и Голицын, доносивший, что Паткуль ничего не сделал в Вене.

«Голландский двор – биржа всей Европы: надобно там иметь людей способных и сведущих», – писал Паткуль в 1704 году. Но Петр знал это гораздо прежде и еще до начала шведской войны отправил в Гагу Андрея Артамоновича Матвеева, сына знаменитого боярина Артамона Сергеевича.

Матвеев начал жалобами на свое печальное житье в Гаге. 9 февраля 1700 года он писал Головину: «Здравие твое, моего милостивца и государя, купно и со всечестнейшим домом вашим, всякого блага промысленник и податель отец наш вышний да удолголетствит во всякое благополучие неотъемлемым своим божественным благословением, чего тебе, моему милостивому государю, яко самому мне, выну усердствую. Жизнь моя зело здесь многоскучная и многоскорбная. Гравенгага самый скучный город, и люди зело не человеколюбны, а к дарам ласковы и к приезжим малое любительство имеют, только в своих повседневных утехах забавляются. Наймы дворовые несказанно каковы дороги: с великою ходьбою едва до мая месяца двор мог нанять по 35 рублей на каждый месяц, и то посредственный, а нарочитый по семи сот и по осьми сот на год рублей, а едуци с домишком чрез дальний путь, до конца истощился, а жалованье мне (2000 рублей) учинено против здесь пребывающих иных министров самое малое: чем год прожить, ум мой не достигнет, а с деревнишек вряд отправлять надлежащие великому государю подати, а не свои избытки. Умилосердися отчески, премилостивый государь батюшко, над сиротством моим, донеси премилосердому нашему государю слезное мое челобитье, чтоб он призрил на бедность мою и повелел хотя на покупку кареты и лошадей и на корм ко мне прислать, чтоб не на

стыд при здешнем моем пребывании было житье мое, а тебе известно, что Гага комит или соединение имеет всех в себе наций послов в резиденции, а мне разве в затворе сидеть перед всеми?»

2 марта Штаты прислали сказать Матвееву, чтоб передал своему государю их покорную просьбу – не помогать датчанам на шведа, потому что и Швеция и Россия с ними в дружбе и они не хотят видеть войны между своими приятелями. Петр велел отвечать Штатам, что он, из дружбы к ним, не хочет вступать в войну с шведами, если только с их стороны не окажутся какие-нибудь неправды. Штаты обратились с новою просьбою, чтоб царь подарил Европу миром, послал грамоту к союзнику своему, королю польскому, с увещанием прекратить войну, начатую несправедливым нападением на шведские владения. В августе Матвеев получил от своего двора приказание объявить Штатам список обид, нанесенных России Швециею, и что за эти обиды никакого вознаграждения не последовало. Известие об осаде Нарвы русскими войсками произвело сильное неудовольствие в Голландии; Матвеев писал государю: «В стацком собрании великое неудовольствие учинили нынешние вести, будто вы начали с шведом войну, и, слыша о премногих обученных войсках ваших и о собрании денежных приходов, чему прежде здесь никогда не верили, очень тому не ради. Также очень неприятно им нынешнее строение у Архангельска ваших кораблей, от чего опасаются ущерба своему купечеству». Головину Матвеев писал: «Все министры о начатии войны беспрестанно меня спрашивают; я отвечаю, что дело невероятное; никакой ведомости о том ко мне нет, и тем неведением здесь не без зазора». Английский посланник именем своего короля Вильгельма III объявил Матвееву, чтоб царь учинил некоторый *армистициум* в войне шведской, а он, король, принимает на себя роль посредника. Матвеев повторял царю в своих донесениях: «Нынешняя война ваша со шведами Штатам очень неприятна и всей Голландии весьма непотребна, потому что намерение ваше взять у шведа на Балтийском море пристань, Нарву или Новые Шанцы; где ни сойдутся, постоянно толкуют: если пристань там у него будет, то не меньше француза надобно нам его бояться, отворенными воротами всюду входить свободно будет. Штаты находятся в очень затруднительном положении, потому что по союзному договору обязаны подавать шведу помощь, но если подадут эту помощь, то нарушат дружбу с вами. Больше всего боятся того, что у купцов их много товару в Риге, Нарве и Ревеле, и хлеб, который дал им швед вывезти из своих городов, весь лежит теперь в Ревеле, и если вас прогневать, а вы эти города возьмете, то их товары безвозмездно погибнут. Купечество здешнее и английское не прочь, чтоб этим городам быть за вами, и я, сколько могу, обещаю им большую свободу в торговле, если города эти будут за вами, и успокаиваю их всячески, чтоб только они не помогали шведу и не принуждали к тому Штатов своим докучным прошением. На днях был у меня Витзен с просьбою, чтоб вы, по милосердию своему к амстердамским купцам, приказали отдать им хлеб, который теперь в Ревеле, ибо они уверены, что этот город будет в ваших руках»... Приехал в Гагу король Вильгельм III, долго разговаривал с Матвеевым при всех иностранных министрах, вспоминал с великою похвалою о Петре, о его высоком разуме, о мудрой правительственной деятельности в такие молодые годы, о многочисленных войсках, как они собраны и обучены, жалел, что нынешний поход предпринят в жестокое осеннее время, не забыл упомянуть, что ливонские города исстари принадлежали России.

14 декабря пришла в Гагу весть о нарвском поражении и произвела *несказанную* радость. Матвеев писал Петру: «Шведский посол с великими ругательствами сам, ездя по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую вашу особу злословит, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дни пошли в Москву из полков, и какие слышу от него ругания, рука моя того написать не может. Шведы с здешними, как могут, всяким злословием поносят и курантами на весь свет знать дают не только о войсках ваших, и о самой вашей особе. Здешние господа ждут мира, потому что лучшие ваши войска побиты и генералы, пушье промышленники, взяты в полон, каких людей сыскать трудно, и солдат таких вскоре обучить невозможно». Головину Матвеев писал: «Жить мне здесь теперь очень трудно: любовь их только на комплиментах ко мне, а на деле очень холодны. Обращаюсь между ними, как отчужденный, и от нареkania их всегдашнего нестерпимою снедаюсь горестию». Горесть увеличилась, когда Штаты прямо объявили Матвееву, что по старым союзным договорам, теперь обновленным, они обязаны во всем помогать Швеции. «А с намерением их король английский николи не разлучится», – доносил Матвеев. В начале 1701 года он потребовал от голландского правительства, чтоб оно, соблюдая древнюю дружбу о царским величеством, не велело принимать от шведского посла мемориалов, противных достоинству монарха русского, и запретило подкупленным от шведа журналистам (курантистам) печатать всякие неистовые хулы на особу царя. Получив от своего двора подробные сведения о Нарвской битве, Матвеев подал Штатам мемориал, который, по его словам, произвел свое действие: «Зело дивились непостоянству и лживой премене шведов в постановленье перемирья с нашими генералы, и здесь во весь народ то отозвалося к великому бесславию шведу». Шведский посол Лилиенрот заказал написать на французском языке замечания на мемориал Матвеева, и заказ был выполнен согласно с желанием заказчика. Замечания написаны ловко и зло.

В Голландии и Англии сначала сильно хлопотали о мире между Россиею, польским королем и Швециею, чтоб можно было употребить шведские и саксонские войска против Франции, но когда получены были вести о сближении шведского короля с Франциею, то взгляд переменился. В марте 1701 года Матвеев доносил: «Желают здесь продолжения войны у вас со шведом, боясь, чтоб Карл XII не заключил союза с Франциею и не разорил немецких земель, как отец его, в союзе с французом, разорил Бранденбургю. Шведский министр неотступно домогается у Штатов помощи королю его; Штаты отвечали ему, что они обязаны по союзным договорам помогать его королю на западе, а не на севере, потому что география разделяет Стокгольм от Ливонии, и они не обязаны туда помощи посылать». Голландцы находились в большой тревоге: война с Франциею за испанское наследство была неизбежна и требовала огромных усилий, а тут швед требует по союзным договорам помощи, требует 300000 талеров; Матвеев представляет, что нельзя Голландии давать помощь одной из воюющих сторон, когда она взялась быть посредницею; швед настаивает, чтоб или дана была немедленно помощь, или дан был решительный отказ, и в этом последнем случае грозит вступить в союз с Франциею, и в то же время шведы распускают слухи, что царь Петр сошел с ума; с другой стороны, французский посол в Гаге ласкается к Матвееву, домогается свободной торговли для французов у Архангельска, что сильно не нравится голландцам; шли толки, что царь вступает в союз с Франциею

из боязни, чтоб Людовик XIV не поднял султана на Россию. В начале июля приехал в Гагу Вильгельм III; на аудиенции, которую имел у него Матвеев, король обещал «прилагать все способы к благопостоянству дружбы с царем»; приказал донести Петру, что перешлетя с курфюрстом бранденбургским насчет посредничества и постарается привести дело к лучшему порядку. Эти дальние обещания и общие фразы не значили ничего. Петр в глазах Вильгельма был побежденный государь варварского народа, наказанный за дерзкое предъявление прав на могущество и цивилизацию; Вильгельм холодно обходился теперь с Матвеевым, ласково с шведским послом, и Матвеев поспешил донести Петру: «Известился я подлинно, что король внутренне к вам не склонен и во всем приятель добрый и надежный швед». Но эта добрая и надежная приязнь не простиралась также далее ласковых слов: когда шведский посланник начал и у него требовать помощи, то он оборотился к нему спиной и сказал своим: «Время о себе думать, а не чужим помогать».

Из всего было видно, что если английское и голландское посредничество не поведет ни к чему, зато России нечего бояться, что эти морские державы дадут помощь шведскому королю. Матвеев особенно прославлял услуги Витзена. «Господин Витзен ваш истинный и верный служитель во всем; надежнее его из голландских персон к стороне вашей здесь нет. Будучи президентом Штатов; шведский посол прямо жаловался на него пенсионарию,сылки помощи и денег шведу, о чем я неотступно ему докучал письмами из Гаги. От этого теперь он в большом подозрении у Штатов; шведский посол прямо жаловался на него пенсионарию, что он вам прямой доброхот, ружье тайно к Архангельску из Амстердама пропустил; посол объявил пенсионарию имена тех купцов, которые ставили вам ружье и другие воинские припасы, и пенсионарий писал Витзену за это укорительное письмо». Поставщиками ружей для России были Гаутман и Брант, которые с помощью Витзена тайком вывозили их из Голландии в Любек, откуда морем в Россию. Брант посещал Матвеева тайком, потому что шведы всюду его искали убить. Матвеев приискивал также слюзных мастеров, каменщиков с их учениками, художников шпажного железного дела.

В начале 1702 года Матвеев донес царю, что Штаты дали денег шведскому королю. По этому случаю он имел разговор с пенсионарием, который объяснил, что по союзным договорам Штаты обязаны посылать деньги шведу, но, по дружбе к царю, не посылали до сих пор; теперь послали несколько тысяч талеров, но не на помощь против русских, а в виде подарка, как и английский король ему послал по той причине, что король французский всячески привлекал его с собою в союз и обещал многие миллионы, лишь бы только швед оставался нейтральным и продолжал войну с Россиею. Пенсионарий окончил свою речь уверением, что Штаты не дадут больше шведу денег ни гроша на продолжение Северной войны и будут по-прежнему употреблять все старание, чтоб доставить царю выгодный и честный мир, благодаря которому в обоих государствах, и в России, и в Швеции, торговля их усиливалась бы.

Пришел черед и Матвееву объявлять иностранным министрам и в куранты вносить об успехах русского войска в Ливонии. Пенсионарий поздравлял его с этими успехами и выражал надежду, что теперь швед склонится к миру с Россиею и Польшею; с сердцем рассказывал пенсионарий, что труды Штатов к примирению на севере до сих пор оставались тщетными, потому что шведский

король не только не допускает к себе их министра, но отослал его от себя в Ригу, а оттуда принуждает ехать в Стокгольм.

Желая доставить войскам своим хорошую школу и заставить Англию, Голландию и императора хлопотать в интересах России, имея также большую нужду в деньгах, Петр писал Матвееву, чтоб предложил Штатам за деньги отряд русского войска на помощь против французов; Матвеев отвечал: «О перепуске войск ваших за деньги господам Статам усердно радеть буду, а вскоре того учинить нельзя для того, чтоб они больше пожелали сами того, нежели мне их о том просить, а если мне явно набиваться, тогда за малую цену или за ничто похотят тот со мною трактат учинить». Штаты отклонили предложение, объявив, что войска их, как сухопутные, так и флот, укомплектованы уже и потому договор должен быть отложен. Но было явно, что голландцам не нужны были русские войска, потерявшие при Нарве репутацию, потому что Штаты не переставали домогаться у Карла XII шведского вспомогательного отряда.

Летом приехал в Гагу инкогнито прусский король Фридрих I, которому хотелось быть штатгалтером голландским на место умершего Вильгельма III. Матвеев писал о своих отношениях к нему: «Я нахожусь при дворе его безотлучно; по наружности он ко мне чрезвычайно милостив и разговаривает со мною часто по-латыни. О вас отозвался с великим почтением, как вы изволили сами видеть свет не по прежнему обычаю, и потому свое государство во всем мудро обновили и науку позволили, что прежде под смертною казнью было заказано, и повелели своим подданным ездить по свету свободно, а если б вы не были сами везде, то все так бы не управилось».

В начале 1703 года Матвеев опять объявил Витзену о желании царя, чтоб Штаты взяли в свою службу из Архангельска 4000 русских матросов. Витзен отвечал, что дело неудобное: если посылать в Архангельск за этими матросами голландские корабли, то они возвратятся очень поздно, когда уже флот уйдет в море; потом адмиралы говорят, что им очень трудно будет управляться с людьми, не знающими по-голландски и необученными их, голландским, морским приемам. Витзен прибавил, что гораздо удобнее было бы принять в голландскую службу пехотные русские войска, которые, будучи розданы по разным полкам, скорее бы выучились. Витзен не советовал Матвееву делать прямо предложения Штатам: дело не состоится, а между тем пустая молва разойдется по иностранным министрам. Матвеев из слов Витзена заключил, что «им то зело ненадобно, чтоб наш народ морской науке обучен был».

Английское и голландское правительства не переставали уверять, что употребляют все усилия для водворения мира на севере, но, по уверению Матвеева, все это было только на словах: «От Штатов и королевы английской благопотребного посредства к окончанию войны нечего чаять; они сами вас боятся: так могут ли стараться о нашем интересе или прибыточном мире и сами отворить дверь вам ко входу в Балтийское море, чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы вашей не меньше, как и француза. Подлинно уведомлен я, что Англия и Штаты тайными наказами к своим министрам в Польше домогаются помирить шведа с одною Польшею, без вас, для своего особого прибитка; если швед помирится с поляками, то, думают они, против одного вас ему не нужно будет столько войска и часть его он может перепустить им; если даже швед станет воевать против вас со всеми своими силами и им не даст ничего, то польский

король, помирившись с ним, свои саксонские войска перепустит цесарю. Недавно английский посланник имел с своими друзьями тайный разговор о северных делах, причем случился один мой знакомец. Посланник уверенно сказал, что скоро у шведа с Польшею будет мир. Знакомый мой заметил, что нельзя этому стать, потому что трудно будет уладиться с царем; посланник отвечал, что до мира с царем им нет нужды, и когда другой кто-то заметил, что король польский никогда без России не помирится с шведом, то посланник прямо сказал: найдем мы способы короля польского, разлучив с царем, помирить с шведом. „То англичан и здешних прямое намерение, – пишет Матвеев, – чтоб не допустить вас иметь какую-нибудь пристань на Балтийском море; отнюдь не хотят они и слышать такого соседства ближнего. Хотя они ласковыми лицами поступают, только их сердце николи неправо перед вами“. Наконец и толки о посредничестве должны были прекратиться; Карл XII прямо отвергнул его, объявивши, что принятием посредничества не хочет лишиться себя помощи Англии и Голландии, выговоренной в союзном договоре между ними и Швециею. 11 августа Матвеев донес, что Штаты подписали подтверждение старых своих договоров с Швециею, причем с обеих сторон обязались не соединяться с неприятелями друг друга; шведский король по окончании Северной войны обязан дать Голландии 10000 войска на ее содержание, и во время войны Штаты могут, за известную сумму денег, иметь вспомогательный шведский отряд, но обязаны возвратить его королю по первому востребованию. По секретному артикулу шведский король обязуется вступить в общий союз с Англиею и Голландиею, но артикул этот будет подтвержден в Стокгольме. После этого Штаты объявили Матвееву, что они не постановили с шведом никакого договора, вредного его царскому величеству, и вперед ни с ним и ни с кем другим не постановят.

22 марта Матвеев сообщил своему двору любопытные новости: прусский министр-резидент в Гаге Шметтау объявил голландским депутатам на конференции, что король его велел занять своим войском город Эльбинг за нерасплату Речи Посполитой Польской и будет держать этот город у себя до тех пор, пока поляки не удовлетворят его совершенно по прежним договорам. Секретные письма из Берлина говорят о крепкой дружбе прусского короля с шведским: прусский домогается всеми силами у шведского, чтоб польская Пруссия отошла к нему и чтоб Август II был свергнут с польского престола; по другим письмам из Берлина и из Саксонии король польский вошел в тайную переписку с королями шведским и прусским; цель союза между тремя королями – раздел польских владений: король Фридрих I получает польскую Пруссию, Карл XII – Ливонию и Литву, Август II становится неограниченным государем Польши. Наконец, получены были известия, что прусский король тайно предлагал Речи Посполитой: если поляки отдадут ему свою Пруссию, то он вступит с ними в союз против шведов.

В конце 1703 года Матвеев поехал в Амстердам, где первым делом его было повидаться с Витзенем, «общим нашим верным приятелем». Объявляя свои нижайшие услуги его царскому величеству, Витзен обнадеживал верно, что, хотя бы трактат, обновленный у Штатов с шведом, и был прислан сюда, подписанный Карлом XII, все же Штаты теперь не в состоянии дать шведу денежную ссуду по его желанию, потому что им самим деньги очень нужны при этой войне; пусть царское величество на его слово будет надежен. В Амстердаме в это время под

надзором вице-адмирала Крюйса, находившегося в русской службе, жили «русские робята», учившиеся по-голландски и по-французски. Матвеев всех их пересмотрел и нашел их изрядно выученными как письму, так и порядку здешнему. Число их скоро увеличилось: к Матвееву явилось 16 человек холмогорцев, отправленных по царскому указу с Двины за море для науки на новом корабле «Св. апостол Андрей», принадлежавшем холмогорцу Осипу Баженину; флаг и пас на корабле были русские, а корабельщик Клас Вестер. Французские каперы захватили корабль, отвели в Дюнкирхен и людей, ограбя донага, отпустили. Матвеев отослал холмогорцев к Крюйсу, чтоб роздал их в науку, кто куда годится.

Матвеев подробно извещал свое правительство о сношениях Англии и Голландии с Швециею, о содержании договора, между ними заключенного, но вдруг Паткуль, которому хотелось, чтоб на всех дипломатических постах были немцы, а он, живя в Дрездене или Гаге, был генерал-пленипотенциарием, заведовал всеми посольствами в Европе, Паткуль пишет Головину, что Матвеев ничего не знает о трактате Голландии с Швециею: «Если б я знал заранее об этом, то я поехал бы из Дрездена в Голландию инкогнито и нашел бы средство воспрепятствовать договору». Так обыкновенно отзывался Паткуль; все другие, особенно русские, ничего не умеют сделать, он один все может сделать, позабывая, что ничего не мог сделать ни в Вене, ни в Берлине, ни в Дрездене. Паткуль написал и Матвееву о голландском трактате с Швециею, написал своим обычным тоном, который так оскорбил Матвеева, что тот прекратил с ним сношения и написал своему двору: «Писал ко мне г. Паткуль, что будто там слышал он о некотором еще новом союзе у Штатов с шведом: то самая лжа, и ничего того отнюдь не бывало».

По возвращении в Гагу Матвеева ждало неприятное письмо от Головина: «Изволь попроситься немедленно в конференцию и предложить Штатам, что прислан к тебе нарочно указ великого государя, велено им объявить: как прежде царское величество чрез их посредство не отрицался честного мира с Швециею, так и теперь не отрицается без всяких больших вымогательств и тяжких запросов, хотя в продолжение двух последних лет и счастливо ведет войну». Матвеев отвечал, что не может ничего сделать, не посоветовавшись с Витзенем, а поспешить предложением – значит показать себя трусом при таких великих победах над шведами: «Как бы я ловко ни прикрывал настоящей цели своего предложения, но они по беглости своего ума и науки тотчас дознаются, в чем дело; притом же вам хорошо известно, что они явно отказались уже от посредничества по той причине, что шведы этого посредничества не приняли; три года уже, как они отправили к шведу своего посланника для посредничества и до сих пор даже прямого ответа не получили. Теперь они с Англиею хлопочут не о мире Польши с Швециею, но о том только, чтоб швед не овладел Данцигом ко вреду торговле обеих морских держав. Так если бы я и стал некоторыми околичностями предлагать о посредничестве, то из этого ничего бы не вышло. Обновленный между ними и шведом договор не подписан, Штаты в деньгах шведскому министру, под предлогом войны, отказали, что королю шведскому очень неприятно. Я в последнем мемориале моем говорил Штатам о силе моего монарха, о счастии его оружия, а теперь вдруг стану искать чрез их посредство мира, как будто мы увидали совершенное свое бессилие пред неприятелем! Если

бы я не только на явной конференции, даже на тайных разговорах объявил намерение царского величества, то это сейчас же будет в ушах у шведа, и если пользы нельзя ждать никакой, то нужно ли открываться? Другое дело, если б царское величество изволил вступить в союз с Англиею и Штатами как с державами, чрезвычайно сильными торговлею. Это дело теперь нужнее нам других, потому что государь от прямых своих союзников совершенно оставлен без помощи, а с противной стороны союз между двумя сильными державами, Швециею и Пруссиею, и если бы с нашей стороны было сделано Англии и Голландии предложение о союзе, то эти державы, не желая допустить нас к французскому союзу и предусматривая непостоянство шведского и прусского королей, которых подозревают в союзе с французом, без труда приняли бы наше предложение. Ратпенсионарий мне говорил, для чего государевы войска, удовольствовавшись взятием малых городков, упустили благоприятное время и больших поисков в Лифляндии не сделали? Жалел, что не были взяты ни Ревель, ни Нарва, опасался, что швед, в союзе с прусским, легко одолеет Польшу и обратит все свое оружие против государства Московского».

Матвеев не мог быть покоен, послушавшись царского указа, но, к счастью, он скоро был выведен из беды: сам ратпенсионарий заговорил с ним о возобновлении посредничества. Матвеев поспешил отвечать: «Если швед признает Штаты за посредников и Штаты сами будут ходатайствовать об этом мире у его царского величества и предложат о том мне здесь, то, без сомнения, великий государь не изволит им отказать». Матвеев усмотрел пенсионария зело удовольствована и догадался, что Штаты вызвались снова к посредничеству из боязни, чтоб этой роли не взял на себя король французский; потому что пенсионарий выдал себя, спросивши тут же у Матвеева: «А что, французский министр еще живет при дворе вашем и что слышно о делах ваших с ним?» Матвеев отвечал, что ничего не знает. При разговоре присутствовал и вице-адмирал Крюйс, который приезжал благодарить пенсионария за данное наконец Штатами согласие на принятие в голландскую службу 1000 русских матросов. Матвеев давал знать, что это согласие получено «через великие труды» его, Матвеева, и Крюйса, который неотступно домогался его у амстердамского адмиралтейства, и если б не это адмиралтейство, то конечно бы Штаты других провинций не согласились.

Предложение посредничества было сделано именно только с целию) ослабить подозреваемое французское влияние в России. Витзен прямо говорил Матвееву, что напрасно царь держит французского резидента в Москве: это шпион, который доносит обо всем не только своему двору, но и шведскому. Головин писал Матвееву, чтоб тот старался распалить злобу англичан и голландцев против шведа. Матвеев отвечал: «Неоплошно радею и, сколько могу, всеми силами на то простираюся. Хотя Англия и Штаты, ведая внутреннее случение шведа с французом, душевно к нему злобны; однако же при нынешней своей жестокой войне опасаются его раздражить, чтоб он, швед, явственно отлучась от них, не вступил в новый союз. Только я ныне на всякую неделю уставил быть в своем доме собранию всем здешним первым господам и господам для собрания и забавы картами и иных утех, чтобы теми мог способнее, угождая им, в тех вышесказанных делах лучший способ к пользе и воле монаршей учинить, хотя мне и со многим убытком на всякой день тот их прием к себе станет».

Но вечеринки посланника для первых господ и госпож никак не могли искоренить в голландцах подозрения насчет усилия России на прибалтийских берегах. Матвеев писал, что он узнал секрет: Англия и Штаты чрез своих министров домогаются тайно у датского двора, чтоб тот не вступал в крепкий союз с русским царем, ибо если царь укрепится в Ливонии и Балтийское море будет за ним, то не только Москва пресечет английскую и голландскую торговлю, но и самой Дании будет грозить постоянная опасность. Ратпенсионарий был постоянно на шведской стороне против России и на домогательства Матвеева, чтоб Штаты объявили себя против свержения Августа II с польского престола, сказал: «Ваш государь сколько тысяч денег своих передавал королю польскому, а тот истратил их на пустяки». Пенсионария надули, по выражению Матвеева, посланники прусский и ганноверский, великие во всем России неприятели. Вместе с, пенсионарием против России, за Швецию был и знаменитый герцог Марльборо, о котором Матвеев писал: «Боюсь, чтоб он, случась с министром шведским, прусским, ганноверским и пенсионарием, пакости в нашем деле какой не учинил». Для предупреждения пакости Матвеев просил Головина прислать подарки «здешним надобным особам: истинно без того великие нахожу трудности здесь во всем. Голландцы все трусят перед шведом, будто подданные его, а Мальбург довольною мощною денег от стороны шведовой, конечно, ослеплен». В апреле Матвеев имел свидание с Марльборо и прямо сказал ему: «Англия и Голландия по какой нужде шведа имеют за всесветного монарха, его опасаются во всем и всегда и ничем противным не нудят к честному примирению, всегда все делают как его послушники, а он, видя то, ни во что их ставит и пуще в гордые вступает несклонности». «Что же делать? – отвечал Марльборо. – Мы очень хорошо знаем о пересылках шведа и польского примаса с Францией насчет свержения короля Августа и возведения на его место принца Конти; знаем, что швед Фабрициус отправлен в Константинополь, чтоб там вместе с французским посланником возбудить Порту к войне с Россиею; все мы это знаем, но, будучи заняты французскою войною, не можем начать войны с Швециею. Королеве осталось одно: послать строгие указы к своему министру-резиденту при шведском дворе, чтоб тот, вместе с голландским министром, неотступно радел о примирении польских междоусобий и о всеобщем мире в северных странах. Если швед останется и теперь при прежнем своем упорстве, то Англия будет с ним поступать неприятельски, и при этом мы вместе с Штатами больше всего боимся за нашего союзника цесаря: если швед на нас рассердится, то вступит в явный союз с Франциею и, соединясь с курфюрстом баварским, нападет на Силезию и Австрию». В конференции, которую имел шведский посланник в Гаге с голландскими правителями, те спросили его, зачем Карл XII хочет свергнуть с престола польского короля! «А зачем вы сами, – отвечал посланник, – согнали с престола английского короля Иакова и теперь хотите согнать с испанского престола герцога Анжу!» В той же конференции посланник объявил, что царь сделал его королю мирные предложения чрез прусского министра-резидента в Москве, требует себе от Швеции только одной морской пристани и больше ничего, но Карл XII об этом и слышать не хочет, потому что от русской пристани на Балтийском море не только Швеции, но Англии, Дании и Голландии будет большое препятствие в торговле. Это, разумеется, заставило Матвеева внушить голландцам, что от русской гавани на Балтийском море им могут быть только одни

выгоды и что маленький русский флот назначается только для обороны этой гавани, а не для утверждения русского владычества на морях. Матвеев писал Головину: «Чтоб заключить торговый договор с Англией и Голландией и на Балтийском море установить с ними вечную и прибыльную торговлю – неусыпные труды и радения прилагать буду у Штатов и министров английских и стану всячески искать случая, каким бы мог способом в те дела порядочно и честно вступить к полезному совершенству; только такое великое дело требует своего благовременного часа и некоторого обождания, а вскоре переломить того у них нельзя и нечестно будет».

Матвеев толковал о том, как бы порядочно и честно вступить в дело. Паткуль считал Матвеева неспособным дипломатом и имел другие взгляды. Паткуль дал знать Матвееву, чтоб он вошел в сношения с датским посланником в Гаге по весьма важному делу. Дело состояло в том, что Паткуль писал датскому посланнику, обещая переводить в Гагу деньги для задаривания голландских правителей и побуждения их к войне с Швециею. «Вам, моему государю, известно подлинно, – писал Матвеев Головину, – что здесь разве малыми какими потешками, винами или другими вещами, частыми и богатыми обедами довольствуются, а на денежные дачи, хотя бы горы золота им были предложены, никак не польстятся. Государи присылают им подарки, но это считается за простую учтивость, а не за посулы, и если я стану сулить им деньги, то явлюсь в их глазах бездельником и запятнаю свой высокий характер. Другое дело – предложить Штатам или королю датскому большую сумму денег, чтоб они за эти субсидии объявили войну Швеции, а если кого можно подкупить, то это фаворита королевы английской Мальбурга, чтоб он был весь на нашей стороне, и если Англия согласится на шведскую войну, то здесь будут этому очень рады».

Постоянно следя чрез Голицына и Матвеева за Австриею, Голландиею и Англиею, хлопоча о том, нельзя ли от этих держав получить какой-нибудь помощи или по крайней мере удержать их от подания помощи шведам, Петр не хотел оставить без внимания и враждебной им Франции. В Париже с 1703 года жил дворянин Постников, без посланнического, однако, характера. К нему пересылались из России известия о победах царских войск над шведами; эти известия Постников переводил на французский язык и передавал министру иностранных дел, который показывал их королю. Но одними известиями о военных успехах Постников не довольствовался; он писал Головину: «Извольте приказать присылать ко мне сюда краткие выписочки указов, обновления законов и иных новоизобретенных распоряжений к лучшему управлению, которые его величество, хотя и воинскими отягчен делами, изволит повелевать публично объявлять, яко истинный отечества и народа своего отец, понеже здесь все хотят радостно знать не только всеславное начинание воинских отправлений по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управление, которым сей присно хвалительный суверен начальствует над тако многочисленными народами. Извольте кому приказать особое иметь попечение собирать из приказов указы и присылать ко мне, которые будут ведомы во всей Европе для славы его царского величества и нашего отечества, а наипаче извольте пожаловать прислать ко мне подлинное описание флоты нашея, сколько кораблей сделанных и которые делаются и проч. Таковым бо славным делам его величества весьма надобно

ведомым быти при сем славном дворе и писательным единым языком, которым едва не вся говорит Европа».

Уведомляя Головина, что французский двор послал неизвестно зачем одного иезуита в Константинополь, Постников прибавляет: «Сей солдат компании Иисусовы по-арабски основательно знает, и, егда преобразится платьем и чалму наденет, немощно узнать его. Иисусов ли ученик или дьявольский; не токмо церкви, но и государственным делам надобны иезуиты, и всегда годны сии верхоглавые отцы содружества Иисусова». Как все русские резиденты в то время, так и Постников имел поручения покупать в Париже разные инструменты, нанимать в царскую службу искусных людей, заказывать шитые золотом платья. Наем французских мастеров не удавался. Получив из России приказание нанять 12 хирургов или *цирюликов*, Постников обратился к министру де Торси с просьбою исходатайствовать на этот счет королевское позволение; Торси потребовал, чтоб охотники названы были по именам, и прибавил: «Куда им ехать? Поедут ли они!» Сильная потребность в подобных людях и для французской армии набивала цену: хорошие *цирюлики* требовали по 1000 французских ефимков в год и, «кроме сего, – писал Постников, – чают в край света ехать, к Москве, и дьявол их знает что говорят; егда слышат Москву нашу, чают, что она с Индиями граничит». Притом *цирюлики* требовали ручательства, что все обещания будут исполнены, и не верили Постникову как не имеющему посланнического характера.

Свержение короля Августа с престола польского, провозглашенное частью поляков, разумеется, поднимало вопрос, не призовется ли на польский престол прежний кандидат, принц Конти? Постников давал знать, что навряд Конти объявит себя вторично кандидатом на польский престол: денег нет; Постников сообщил также, что сильное впечатление при дворе Людовика XIV произвел манифест Петра к полякам; понравились начала, провозглашенные Петром, который принял в свою защиту права венценосных глав, ни от кого не зависящих, «только от единого вышнего над всеми суверенствующего бога, против неистовой быстроты злейших бунтов», и учил многомятежных поляков более уважать слова священного писания: «Не касайтесь помазанным моим».

Одновременно с отправлением Постникова во Францию в Россию приехал французский чрезвычайный посланник Балюз. 15 марта 1703 года был у него с Головиным тайный разговор. «Королевское величество, – говорил Балюз, – слышал, что царское величество по многим случаям недоволен союзом с цесарским величеством, и действительно, народ немецкий непостоянен, в дружбе совершенного окончания ни с одним государем не сохраняет, а постоянство короля французского в союзах вам, верно, известно не из нынешних только слухов, но и из книг многих. Я теперь прислан от короля для заключения союза между обоими великими государями. Донесите царскому величеству, чтоб изволил объявить статьи, на которых желает заключить союз с королевским величеством». Головин отвечал, что посланник должен прежде объявить статьи, на которых король его хочет заключить союз. «Царскому величеству ради каких мер, не видя никаких полезных стране своей дел, что какая из того будет польза, вступать в союз с государем вашим, оставя прежних своих союзников, с которыми у Франции ведется ныне война не малая. И если царскому величеству вступить в бесполезной себе какой союз с Франциею, то бесславию себе только учинит и

старых союзников потеряет, а утаить этого будет нельзя, и если королевскому величеству потребен союз с царским величеством, то объявите подлинно, чем королевское величество удовольствуется царское величество за вступление в союз, а с нашей стороны об этом союзе никогда предложения не было». Балюз отвечал, что ему ничего не наказано насчет объявления условий союза, но что он будет писать об этом к королю – какой будет ответ.

Но ответа не было, и Балюз в марте 1704 года выехал из России, а между тем, как мы видели, дюнкиркенские каперы схватили русский корабль «Св. Андрей Первозванный», принадлежавший братьям Бажениным, и другой, принадлежавший Елизару Избранту. Постников писал Головину: «Здесь двор великою злобою и противностию дышит на интересы его священного царского величества, и ныне сей огонь, под пеплом притворной политики таящийся, открылся: корабль наш в совете королевском морском пред самим королем конфискован и со всеми товарами отписан на короля; от какой причины король подвигся к сему, лучше меня вы, чаю, изволите ведать, ибо я не знаю, чего у вас требовал посланник французский. Тот же совет не удержал вески правосудия в равности, потому что шведский корабль, взятый французскими же пиратами, отдан назад по прошению посланника шведского и со всеми товарами. Извольте видеть, как открытым лицом здесь двор ласковую приклонность оказывает шведам, а не нам и действует бесстыдно против народного права, яко юристы говорят».

Для улажения дел о кораблях осенью 1705 приехал в Париж также без *характера* Андрей Артамонович Матвеев. «Город Париж, – писал он Головину, – нашел я втрое больше Амстердама, и людства множество в нем неописанное, и народа убор, забавы и веселие его несказанные. И хотя обносилось, что французы утеснены от короля, однако то неправда: все в своих волях без всякой тесноты и в уравнении прямом состоят, и никто из вельмож нимало не озлобляется, и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведут войну. Все мнят, что я приехал просить здесь короля в посредники для мирного договора с шведом. Только от шведов премножество злых плевел о нас посеяно молвою и печатными злословиями в сем народе, ведая, что здесь нашего министра при дворе французском нет и мешать некому, что захотят, то делают без препоны. Французы сердиты, что посланник их, бывший при нашем дворе, нарочно от короля отправленный, никакого плода полезного не получил, и я боюсь, чтоб мне здесь хитрый двор такую же монетою не заплатил. Статский секретарь Деторций (де Торси) явно некоторой особе здесь говорил: если бы король от Постникова не был обнадежен в будущей дружбе между московским и нашим дворами, то и на мысль не пришло бы королю посылать в Москву чрезвычайного посланника».

23 октября Матвеев имел приватную аудиенцию у короля; Людовик «изволил сказать, что ему те присылки вельми любы и все он учинит к угодности царя, как в его возможности есть». Донося об этой аудиенции Петру, Матвеев прибавляет: «Здесь конечная в деньгах, а больше в людях скудость; к Рагоци, и к шведу, и к курфирсту баварскому посылки денежные и продолжение войны вычерпали деньги, конечно, уже. Швед здесь в почитании многом и дела его; к тому же и коронация Лещинского за добро здесь принята».

После аудиенции Матвеев сообщил де Торси свои предложения, тот обещал донести об них королю, а между тем Матвеев имел длинный разговор с Дебервилем, заведовавшим корабельными делами. Матвеев объявил, что если король не отдаст русского корабля и к прямой дружбе с царским двором не склонится, то впредь России будет малая надежда на их двор. Дебервиль отвечал, что первую помешкою дружбе между Франциею и Россиею были русские послы и посланники, которые приезжали с торгами только для своей прибыли, ничего не искали к пользе государя своего у короля, только делали неприличные, гордые запросы, короля презирали, с министрами ласкового и честного обхождения не имели, людей держали при себе озорников, пьяниц, драчунов, которые умному и политическому народу французскому дуростями своими досаждали, и потом, приехав в Москву, эти послы царя с королем смущали, и царь французский двор презирал и считал себе неприятелем. Царь не может слышать о французском дворе, и, кто при нем хорошо отзовется о короле, из своих или чужих, тот подвергнется бедствию; во время своей поездки в Ганновер царь пил шампанское и хвалил его, но когда ему сказали, что вино французское, то он его выплеснул и рюмку разбил, ругая французов. Притом же царь ненавидит веру римскую; в нынешний поход свой в Польше иезуитов и несколько монахинь римского закона своею рукою убил. Матвеев отвечал, что о поведении послов не может ничего сказать, потому что ничего не знает, что же касается до враждебного расположения государя русского к Франции, то это ложь, придуманная ганноверским двором, чтоб поссорить Россию с Франциею, ибо известно единодушие Ганновера с шведом. Царское величество всегда дорожил и дорожит дружбою королевскою и многолетнее правление Людовика XIV честным поминает словом; с мудростию царского величества не сообразен поступок с вином, распространенный двором ганноверским и шведским; что же касается до казни иезуитов и монахинь, то если, по сыску, они и действительно были казнены за какие-нибудь тайные пересылки с неприятелем или за умыслы над особою его величества, то и во Франции они имели бы такую же участь, несмотря на их духовное звание.

Новооткрытая для Западной Европы Россия с ее удивительным царем служила постоянно предметом чудесных слухов. Матвеев доносил об одном, из них, распространившемся при французском дворе: то был перевод народной русской песни об Иване Грозном, приложенный теперь к Петру; великий государь при некоторых забавах разгневался на сына своего и велел его казнить Меншикову, но Меншиков, умилосердясь, велел вместо царевича повесить рядового солдата. На другой день государь хватился: где мой сын? Меншиков отвечал, что он казнен по указу; царь был вне себя от печали; тут Меншиков приводит к нему живого царевича, что учинило радость неисповедимую. Когда французы спрашивали у Матвеева, правда ли это? он ответил, что все эти плевелы рассеваются шведами и прямой христианин такой лжи не поверит, потому что это выше природы не только такого монарха, но и самого простолюдина.

Наконец Матвеев дождался ответа по главному своему делу; Дебервиль объявил ему, что кораблей отдать нельзя: они отданы каперам, а не на короля взяты по прямым регламентам, постановленным между всеми европейскими государями, потому что в морских записках не показано было ни одного товара, принадлежащего русским подданным, в подписях имен ни одного русского имени,

только голландские, а на флаги нельзя обращать внимания, потому что флаги могут быть фальшивые. Впрочем, король обещает вознаградить русских подданных за эти убытки, если заключен будет договор о свободной торговле между Францией и Россией. «Дружба здешняя, – писал Матвеев, – чрез сладость комплиментов своих бесполезная, в прибыльном деле малой случай нам кажется; быть кому здесь из особ знатных в министрах – разве хотеть всякого презорства и унижения по обыкновенной гордости сего двора, который наши дела и нас не в велико ставит. Так и житье мое нынешнее здесь безо всякого дела; считают меня больше за проведывальщика, чем за министра; для того требую вашего к себе ответа, чтоб мне не волочиться бедно и бездельно здесь при таком коварном и богатом дворе; сменять дружбу англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку».

Матвеев прожил в Париже до октября 1706 года: все шли толки о заключении торгового договора; наконец де Торси объявил ему именем королевским, что договор до общего мира заключен быть не может, ибо война мешает французским кораблям плавать в края северные; впрочем, король обнадеживает царя, что все московские корабли, которые войдут во французские гавани, нагруженные товарами, родящимися и делающимися в Москве, будут приняты по-приятельски, только хозяева и корабельщики должны сообразоваться с уставом, изданным для безопасности подданных государств нейтральных и для помешки пронырствам со стороны неприятельской. С этим Матвеев и уехал назад в Голландию. Следить за делами во Франции и сообщать новости остался Постников, «муж умный и дела европейского и пользы государевой сведомый и в языках ученый», по отзыву Матвеева.

С Францией не ладилось у нас с самого начала. Петр был воспитан под впечатлением этих неладов. Разливал ли он шампанское из вражды ко всему французскому – мы не знаем, но что он не любил Франции и французов – это хорошо известно; кроме впечатлений молодости такая нелюбовь легко объясняется самим характером человека: какое сочувствие мог питать великий плотник, гениальный чернорабочий к блестящей и чопорной Франции Людовика XIV? Россия Петра и Франция Людовика XIV – что могло быть противоположнее? Грубая простота деревенского юноши и утонченные манеры старого напудренного маркиза! Мог ли понравиться посланнику великого короля простосердечный запрос первого русского министра Головина: «Царскому величеству ради каких мер, не видя никаких полезных стране своей дел, вступить в союз с государем вашим, оставя прежних своих союзников? Объявите подлинно, чем король удовольствуется царское величество за вступление в союз с ним!» Балюз поспешил убраться из России, вследствие чего и Матвеев должен был убраться из Франции без кораблей, говоря в свое утешение, что смена дружбы англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку. Действительно, Петр имел право на этом успокоиться. Но если дружба Франции не обещала никаких выгод, то вражда ее могла быть опасна в Константинополе, где французский посланник был влиятельнее других. Ведя тяжелую войну с Швецией, царь должен был обращать напряженное внимание на юг, откуда приходили постоянные слухи о вооружениях султана, желающего воспользоваться затруднительным положением России и отнять у нее недавние завоевания. Вот почему Петр с берегов Балтийского моря

спешил обыкновенно в Воронеж наблюдать здесь за постройкою кораблей, необходимых в постоянно грозящей войне турецкой.

Для подтверждения мирного договора, заключенного Украинцевым, отправился в Турцию в 1701 году *ближний человек* князь Дмитрий Михайлович Голицын. Ему наказано было попытаться, нельзя ли заставить Порту согласиться на свободное плавание русских кораблей по Черному морю, чего никак не мог добиться Украинцев. Голицын пытался напрасно; визирь велел отвечать ему: на свободную торговлю между обоими государствами диван с радостию позволяет, но хода московских торговых кораблей по Черному морю никогда не позволит; лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чем показать дорогу московским кораблям по Черному морю; пусть московские купцы ездят с своими товарами на турецких кораблях куда им угодно. И послам московским также не ходить на кораблях в Константинополь, должны приезжать сухим путем. Голицын начал уговаривать рейс-эфенди, и от того такой же ответ: «Султан смотрит на Черное море, как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужеземца; скорее султан начнет войну, чем допустит ходить кораблям по Черному морю». Голицын должен был прекратить свои настаивания, особенно когда иерусалимский патриарх сказал ему: «Не говори больше о черноморской торговле, а если станешь говорить, то мир испортишь, турок приведешь в сумнение и станут готовить войну против государя твоего. Турки хотят засыпать проход из Азовского моря в Черное и на том месте построить крепости многие, чтоб судов московских не пропустить в Черное море. Мы слышим, что у великого государя флот сделан большой и впредь делается, и просим бога, чтоб он вразумил и научил благочестивейшего всех нас, православных христиан, государя царя Петра Алексеевича тем флотом своим избавить нас от пленения бусурманского. Вся надежда наша только на него, великого государя. А турки сильно того флота опасаются, и для той причины не изволь, бога ради, говорить, а если станешь говорить, то непременно засыпят ход, и в том надежда наша будет помрачена, а наше избавление может прийти только через Черное море, когда же засыпан будет ход, то хотя бы сто тысяч судов наделано было у великого государя, нельзя им будет плавать по Черному морю. Турки знают, что тот флот строится на них, и ты хоть тысячу раз говори, добровольно не отворят ход по Черному морю; великий государь может своею волею отворить ход Черного моря, а не просьбою у турок».

В ноябре 1701 года впервые назначен был посол для постоянного жительства при дворе султановом: то был знаменитый впоследствии Петр Андреевич Толстой. Мы видели Толстого вместе с братом в числе жарких приверженцев Софьи при воцарении Петра. Родственник их Апраксин уговорил их впоследствии отстать от опасной партии. Петр, ценя дарования Петра Андреевича, простил ему старые грехи, хотя, как говорят, в минуты откровенности припоминал ему их; так, однажды, взявши его за голову, сказал: «Эх голова, голова! Не быть бы тебе на плечах, если б не была так умна». Теперь стольник Толстой отправился на важный пост в Адрианополь (где жил постоянно султан Мустафа II) с тайным наказом: будучи при султановом дворе, выведывать и описать тамошнего народа состояние, какое там правление, кто правительственные лица, какие у них с другими государствами будут поступки в воинских и политических делах, какое устройство для умножения прибыли или к войне тайные приготовления, против кого, морем или сухим путем? Какие государства больше уважают, который народ больше

любят? Сколько собирается государственных доходов и как? В казне перед прежним довольство или оскудение? Особенно наведаться о торговле персидской. Сколько войска и где держат в готовности и сколько дается ему из казны, также каков морской флот и нет ли особенного приготовления на Черном море? В Черноморской протоке, что у Керчи, хотят ли какую крепость делать, где, какими мастерами или хотят засыпать и когда? Конницу и пехоту после цесарской войны не обучают ли европейским обычаем теперь, или впредь намерены так делать, или по-старому не радят? Города – Очаков, Белгород на Днестре, Килия и другие укреплены ли и как, по-старому ли или фортециями, и какими мастерами? Бомбардиры, пушкари в прежнем ли состоянии или учат вновь, кто учит, и старые инженеры и бомбардиры иноземцы ли или турки, и школы есть ли? По патриархе иерусалимском есть ли другой такой же желательный человек: о таких через него проводывать. С чужестранными министрами обходиться политично, к ним ездить и к себе призывать, как обычай во всем свете у министров при великих дворах; только смотреть, чтоб каким упрямством или невоздержанием не умалить чести Московского государства. Между прочими разговорами с министрами турецкими говорить и о том (если только это не возбудит подозрения), чтоб учредить до Киева почту.

Толстой нашел верного человека, который сообщал ему важные для него известия: то был племянник иерусалимского патриарха Спилиот. Спилиот дал знать, что крымский хан пишет к султану много противностей, чтоб поссорить султана с царем, объявляет, что с русской стороны строят много городов и кораблей; до сих пор турки его не слушают, однако послали строить город близ Очакова и Керчи, где мелкая вода. Толстой доносил Петру: «Мой приезд учинил туркам великое сумнение; рассуждают так: никогда от веку не бывало, чтоб московскому послу у Порты жить, и начинают иметь великую осторожность, а паче от Черного моря, понеже морской твой караван безмерный им страх наносит. О засыпании гирла морского вышло у них из мысли, а ныне приездом моим паки та мысль в них возбуждается, и о житье моем рассуждают, яко бы мне у них быть для усматривания подобного времени к разорванию мира. Уже я всякими мерами разглашаю, что я прислан для твердейшего содержания мира, обаче не верят, а наипаче о том сумневается простой народ». В другом донесении Толстой писал: «Ныне в странах сих покой, а войны и междоусобий нет; визирь нынешний глуп; денежной у них казны ныне малое число в сборе, а когда позовет нужда, могут собрать скоро, потому что без милосердия грабят подданных своих христиан. И ныне народ сумневаться не перестает и говорит, что никогда московский посол здесь не жывал, а сей посол живет не просто; иных государей послы живут для торговых своих дел, а у сего никакого дела нет, конечно, какой-нибудь есть вымысел. И в почтении меня презирают не только перед цесарскими, и перед французскими, и перед иными послами, и житье мое у них зело им не любо, потому что запазушные их враги греки нам единовержны. И есть в турках такое мнение, что я, живучи у них, буду рассевать в христиан слова, подвигая их против бусурман, для того крепкий заказ грекам учинили, чтоб со мною не видались, и страх учинили всем христианам, под игом их пребывающим, такой, что близко дому, в котором я стою, христиане ходить не смеют, и платье грекам одинаковое с бусурманами носить запретили, чтоб были отличны от турок. Ничто такого страха им не наносит, как морской твой флот; слух между ними пронесся, что у

Архангельска сделано 70 кораблей великих, и чают, что, когда понадобится, корабли эти из океана войдут в Средиземное море и могут подплыть под Константинополь». В конце года Толстой писал Головину, что приехали в Адрианополь знатные крымские мурзы и молят султана, чтоб позволил им начать войну с Россией; выговаривают, что они, крымцы, презрены от Порты Оттоманской и в ближних от Крымского полуострова местах строятся русские города, от которых терпят они утеснение, а впредь ожидает и совершенная гибель; объявляют, будто у них есть письма от короля шведского, от поляков и от козаков запорожских – все уговаривают их вести войну с Россией, обещаясь помогать, будто казаки с клятвою обещаются царский флот пожечь. Порта еще на это не соглашается и всякими мерами от них отговаривается.

В начале 1703 года Толстой объяснил Головину дело. Старый глупый визирь был заменен новым, Далтабаном, человеком ярим, но нерассудительным, которому хотелось непременно начать войну с Россией, но, видя, что султан никак не хочет на это согласиться, он подучил татар приехать в Константинополь с просьбой о начатии войны с русскими. Султан отвергнул просьбу, мало того, сменил хана; тогда визирь написал тайно в Крым, чтоб татары взбунтовались против султана, что он, визирь, пойдет их усмирять, но вместо усмирения соединится с ними и пойдут на Азов или на Киев. Татары возмутились, визирь начал делать большие военные приготовления, как будто для их усмирения. Тогда Толстой, подарив ближних людей, довел до сведения султановой матери об интригах визиря, объявил и муфтию, что эта интрига может грозить султану большою опасностью. Султанша пересказала все это сыну, и 13 января визирь был схвачен, задавлен и на место его назначен Магмет-паша, бывший рейс-эфенди. Новый визирь, «человек зело разумный», принял Толстого с великою любовью и уверил его, что со стороны Порты мирного нарушения не будет. «Мне ли, – говорил он, – нарушить мир, который состоялся моими трудами?» «Истиною или лукавством то говорил – бог весть, – писал Толстой, – уверенности никакой быть не может до тех пор, пока татарское дело прекратится и рати по домам разойдутся». В апреле Толстой Писал: «Новый визирь начинает чинить мне приветствование паче прежнего, но приветствования его, является мне, не столько для любви, сколько для опасения. На двор ко мне ни одному человеку пройти нельзя, потому что отовсюду открыт и стоят янычары, будто для чести, а в самом деле для того, чтоб христиане ко мне не ходили, а у французского, английского и других послов янычары не стоят. Христиане и мимо ворот моих пройти не смеют, иерусалимский патриарх с приезде моего до сих пор со мною не видался. Опасаясь царского флота, турки умыслили покорить Грузию, рассуждают так: если московский флот выйдет на Черное море, то из Грузии по рекам, впадающим в это море, будет ему всякая помощь людьми и запасами, потому что грузины с русскими единовенны».

Татары были усмирены, и вслед за этим Порта предъявила русскому посланнику свои требования: 1) чтоб новая крепость, построенная у Запорожья, Каменный Затон, была срыта; 2) чтоб в Азове и Таганроге не было кораблей; 3) чтоб назначены были комиссары для определения границ. Толстой отвечал на первое, что Каменный Затон построен на месте, от которого Россия не отказывалась по последнему договору; притом же принудили к построению этого города крымские татары, которые подучили запорожцев быть непокорными

царскому величеству, и государь, для удержания своевольников, чтоб они не производили ссор между ним и султаном, как недавно произвели грабежом греческих купцов, велел построить крепость на берегу Днепра, вдали от границ турецких: такое царское премудрое дело заслуживает с турецкой стороны не подозрения, но похвал великих, ибо царское величество в строении этой крепости не щадит издержек – для сохранения мирных договоров, которому грозит запорожское своеволие. Чтоб не быть кораблям в Азове и Таганроге, об этом нет ни слова в мирных договорах. Сколько прежде было кораблей, столько же и теперь, 10 кораблей и 4 галеры, потому что увеличивать число их нет надобности. Отвести эти корабли вверх по Дону нельзя; истребить вещь, которая стоила стольких денег, – стыд; остаться без кораблей в Азове и Таганроге нельзя по разным причинам, особенно же видя в государстве вашем частые перемены начальствующих лиц: так, недавно война готова была возгореться от прежнего визиря; мирные договоры соблюдаются волею великих государей, а не сохранением или истреблением кораблей. Что же касается посылки комиссаров для определения границ, то великий государь этого определения не отрицает.

В августе Толстой дал знать, что пришли в Адрианополь бунтовщики, султана Мустафу посадили за караул, и на его место выбрали брата его Ахмета, и визиря поставили нового: «К стороне царского величества противности ныне никакой не слышится, и впредь вскоре тому быть не чаю, потому что великое в казне их оскудение».

Несмотря на это оскудение, Головин писал Толстому, нельзя ли занять турок, возбудив их к войне против цесаря? Толстой отвечал в январе 1704 года: «По приказу твоему начинаю к тому приступать самым секретным образом чрез приближенных к султану людей, но еще пользы не вижу никакой; главное препятствие в том, что нечего давать, и хотя бы и было что дать, боюсь потерять; француз потерял больше ста тысяч реалов, а пользы себе никакой не получил. Сыскал я одного человека, самого близкого к султану; человек этот очень проворен, он взялся за дело, однако не уверяет, что приведет его к концу, больше склоняется к войне с Венециею. Посулил я ему 3000 золотых червонных, если сделает дело, но он говорит, что и другим дать надобно, всего тысяч сорок золотых червонных, кроме его 3000. Он же мне говорил, чтоб промыслить прежде всего султану мех лисий черный самый добрый, да три сорока соболей, по сто рублей пара, и отослать бы эти подарки султану тайно чрез него, а будет ли от того прок или нет, не уверяет».

Головин дал знать Толстому, чтоб оставил дело, в котором нельзя было ожидать успехи по явному нежеланию турок воевать с кем бы то ни было. «Здесь все смирно, – доносил Толстой в половине 1704 года, – турки покою ради, и которые мне трудности были от татарских ложных клевет, ныне умолкли; визирь ко мне очень ласков и со мною обходится пристойно, как с другими послами; свобода мне ездить куда хочу, и ко мне всех пускают; устроилось это не иным, чем только казною великого государя; хотя бы кто был и умный человек, а без подарков получить этого у турок не мог бы». Но в Константинополе все зависело от произвола правительственных лиц: вдруг в сентябре султан переменял визиря Гассан-пашу и на его место возвел Ахмет-пашу. И вот, вместе с известием об этой перемене, Толстой шлет жалобу: «Новый визирь очень ко мне неласков, и мое скорбное пребывание, труды и страх возобновились пуще прежнего: опять никто

ко мне прийти не смеет, и я никуда не могу ездить, с великим трудом и письмо это мог послать. Вот уже при мне шестой визирь, и этот хуже всех». И шестой визирь недолго пробыл на своем месте; седьмой был Магмет-паша, «у меня на визирские перемены уже и смысла не достаёт, – писал Толстой, – и с подарками им не знаю что делать? Я с новым визирем видаться не буду спешить, потому что мне к нему в подарок отослать нечего». Подарок был прислан из Москвы, но мало помог, как видно из донесения Толстого в апреле 1705 года: «Посол турецкий, который был на Москве, еще в Константинополь не приехал, только прислал из Крыма человека к Порте с письмом, а что писал, того не знаю, но меня страшно стеснили, заперли со всеми людьми на дворе моем и никого ни с двора, ни на двор не пускают, сидели мы несколько дней без пищи, потому что и хлеба купить никого не пустили, а потом едва упросил большими подарками, что начали пускать по одному человеку для покупки пищи. В это время приехал ко мне из Москвы переводчик и подьячий с письмами и подарками от вас к визирю; письмо я визирю отвез и подарок отослал; визирь принял любезно и сделал мне маленькое послабление, но все же нахожусь в тесном заключении, какого по приезде моем сюда никогда еще не терпел. Притом нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: жив здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, потому что бусурманская вера малосмысленных очень прельщает; если явится какой-нибудь Иуда, великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит, как, например, иерусалимский патриарх, господин Савва (Владиславич Рагузинский) и другие, и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. Внимательно за этим слежу и не знаю, как бог управит. Я меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обусурманиться; бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться: я его запер в своей спальне до ночи, а *ночью он выпил рюмку вина и скоро умер* ; так его бог сохранил от такой беды. Савва знает об этом. И теперь, опасаясь того же, я хотел было отпустить в Москву сына своего, чтобы с ним отправить тех людей, от которых боюсь отступничества, но турки сына моего в Москву не отпускают».

Причина великого утеснения, которому подвергался Толстой, обнаружилась наконец: бывший в Москве посланником Мустафа-ага пожаловался на дурное обращение с ним в России, но Толстому удалось внушить султану подозрение насчет этих жалоб, и вследствие этого с русским посланником стали обращаться лучше. «По любви господина Саввы Владиславича, – писал Толстой, – имею таких приятелей, которые могут скоро узнать секреты у Порты и мне об них сообщают».

Вообще же со стороны Турции не было никакой опасности, и Петр мог сосредоточить свои силы на Западе, перенести оружие в глубь Литвы и подать деятельную помощь королю Августу. Но прежде, нежели мы последуем за царем в Литву, посмотрим, что происходило внутри России в эти первые пять лет великой войны.

Глава вторая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Внутреннее состояние России в первые пять лет XVIII века. – Характер правления. – Правительственные лица. – Старые и новые чины. – Старые и новые указы. – Новая форма прошений. – Занятие составлением нового уложения. – Ратуша и воеводы. – Воеводы управляют вместе с городскими дворянами. – Финансовые меры. – Монета. – Деятельность прибыльщика Курбатова. – Манифест о вызове иностранцев в Россию. – Отвращение от жидов. – Средства образования для русских людей. – Школы. – Книги. – Первые ведомости. – Театр. – Столкновения иностранных учителей с русскими; дело Нейгебауера. – Гюйсен. – Меры для сохранения жизни и здоровья. – Меры против пожаров. – Меры против семейных беспорядков. – Запрещение подписываться уменьшительными именами. – Преобразование относительно духовенства. – Отсрочка в избрании патриарха. – Стефан Яворский. – Монастырский приказ. – Меры относительно церковных имуществ. – Ведомости о числе родившихся и умерших. – Московская академия. – Деятельность митрополитов – Димитрия ростовского и Филофея сибирского. – Митрофан воронежский. – Неудовольствия. – Молва о нерусском царе. – Григорий Талицкий. – Перемена платья. – Неудовольствия наверху. – Астраханский бунт. – Дела на Дону и в Запорожье.

Мы видели уже, что с самого вступления Петра в правление после падения Софьи правление это резко отличалось от правления его предшественников. Прежние цари редко отлучались из Москвы на продолжительное время, и все делалось с доклада великому государю; Петр и в эпоху потех, и в эпоху важных подвигов был гостем на Москве, и правление по необходимости продолжало находиться в руках известных сановников первостепенных, в руках бояр. Это, разумеется, должно было иметь свою вредную сторону: до царя стало далеко, и в самой Москве, следовательно, произволу правительственных лиц, не вынесших из древней России привычки сдерживаться, открывалось широкое поприще; люди, преданные Петру, сочувствовавшие его деятельности, сильно тяготились боярским управлением и с нетерпением ждали конца войны, который бы дал царю возможность управлять самому, как управляли его предки; эти люди надеялись понапрасну: мы уже имели случай заметить, что Петр не был царем в смысле своих предков, это был герой-преобразователь или, лучше сказать, основатель нового царства, новой империи и, чем более вдавался он в свою преобразовательную деятельность, тем более терял возможность быть похожим на своих предков; притом же и великая война прекратилась незадолго до его смерти.

Но если была вредная сторона явления, то не забудем, что здесь же давалось больше простора, самостоятельности; начиная отсюда, сверху, проводилась везде одна мысль – ставить русских людей на свои ноги, приучать их действовать самобытно. Нет сомнения, что князь Яков Долгорукий мог явиться только вследствие этих новых отношений и привычек, ибо при прежних отношениях

наверху мы таких явлений не встречаем. Учреждение Сената с тем значением, какое дал ему Петр, было естественным и необходимым следствием боярского управления; явилось только новое слово, а дело было уже давно, к делу привыкли.

По списку 1705 года на Москве были следующие бояре: князь Петр Иванович Прозоровский, князь Михайла Алегукович Черкасский, князь Петр Иванович Хованский, князь Борис Иванович Прозоровский, Борис Гаврилович Юшков, Алексей Петрович Салтыков, князь Петр Большой Иванович Хованский, Тихон Никитич Стрешнев, Степан Иванович Салтыков, князь Борис Алексеевич Голицын, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин. Кравчий – Василий Федорович Салтыков. Окольничие: князь Фед. Фед. Волконский, князь Ив. Степ. Хотетовский, Сем. Фед. Толочанов, Алексей Тимоф. Лихачев, Мих. Тимоф. Лихачев, князь Петр Лук. Львов, Мих. Ив. Глебов, Тимоф. Вас. Чоглоков. На службах бояре: князь Мих. Григор. Ромодановский, князь Юрий Сем. Урусов, Борис Петрович Шереметев, Фед. Пет. Шереметев, кн. Андрей Петр. Прозоровский, Фед. Алекс. Головин. Кравчий – Кирилл Алекс. Нарышкин. Окольничие: князь Фед. Ив. Шаховской, князь Дмит. Нефед. Щербатов, Петр Матв. Апраксин, Андр. Артам. Матвеев, князь Мих. Фед. Жировой-Засекин, князь Мих. Андр. Волконский, князь Юрий Фед. Щербатый, князь Петр Григор. Львов. Постельничие: Гаврила Ив. Головкин, Алекс. Мих. Татищев. Думный дворянин и печатник – Никита Моисеевич Зотов. Думные дьяки: Емел. Игнат. Украинцев, Гавр. Фед. Деревнин, Андр. Андр. Виниус.

По-видимому, все старина: бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки! Но подле старого здания возведено уже новое, перед которым старое не преминет исчезнуть. Сам царь проходит известные чины, и этих чинов не найдем мы в старинных списках; человек ближайший к царю и потому сильнейший из вельмож, Александр Данилович Меншиков не имеет ни одного из старых чинов; людей, с которыми мы так часто встречались и будем встречаться в истории Петрова царствования, Апраксина Федора Матвеевича, знаменитого короля Ромодановского и других не найдем в списке старых чинов, это люди молодые, т.е. малочиновные, стольники, и не пойдут они подниматься по тяжелой лестнице старых чинов, возьмут новые, которые имеют значение в целой Европе. Таким образом, старые бояре и окольничие мало-помалу вымрут без преемников, и старые чины исчезнут сами собою без торжественного упразднения.

Но пока бояр, окольничих и думных дворян еще много, они управляют приказами, съезжаются вместе то в ближнюю канцелярию, то в столовую палату, *сидят* по-прежнему о делах, получают царские указы, кладут приговоры. Приказы существуют по-прежнему, иные с старыми названиями, другие преобразованы и получили новые названия: так, в 1701 году приказы Иноземский и Рейтарский соединены в один приказ *Военных дел*; Стрелецкий переименован в приказ *Земских дел*, потому что после уничтожения стрельцов в Стрелецком приказе оставалось еще полицейское управление. Но явилось уже много новых дел, и потому не удивительно, что являются новые приказы: Морской, Артиллерии, Рудокопных дел, Провиантский, Богаделенный и т.д.; подле приказов являются учреждения меньшего объема под именем канцелярий, например мундирная, банная канцелярия. Вследствие новых отношений, в какие поставил себя царь к государственным учреждениям, в начале 1700 года издан указ о неподаче просьб мимо присутственных мест государю, кроме великих

государственных дел. В марте 1702 года издана была форма прошений, подаваемых на высочайшее имя: вначале должно было писать: «Державнейший царь, государь милостивейший» – и потом писать дело, а пред прошением вместо *милосердного* – «Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества» и потом прошение, а по прошении совершить: «Вашего величества нижайший раб». В конце 1700 года издан был указ: «Всякие крепости, для пополнения государевой казны, а паче для ослабы всенародные волокиты и тягости и для лучшего усмотрения, писать в палате Ивановской площади особливо прибранным подьячим, 24 человекам, для того: прежде всякие крепости писали в приказах подьячие, и за многими великого государя по приличию нужными и скорыми делами всяких чинов людям, которым прилучалось какие крепости писать, были многие волокиты и убытки, а иные из приказных людей многие для своего излишнего мздоимания отговаривались всякими приказными, будто нужными делами, волочили за крепостями недели по три и по четыре, а иные месяца по два и по три, и от той продолжительной волокиты и за спасеньем, чтоб в продолжительное время те крепости не утерялись, и у кого по крепостям близ срока, давали приказным людям дачи великие. А и писали в приказах многие крепости подьячие из молодых, малосмысленные, не токмо что могущие познавать во всяких крепостях всеваемые от ябедников плевелы и, усмотрев, оспорить, но и писать мало умеющие, и свидетели в подписке у крепостей являлись такие, которых и сыскать невозможно. И ныне в приказах и в ратуше никаких крепостей не писать и ведать те крепостные дела и подьячих в Оружейной палате боярину Фед. Ал. Головину с товарищи».

Одною из первых обязанностей, которую государь наложил на бояр, была обязанность составить новое уложение; в феврале 1700 года великий государь указал: быть у своих, государевых, дел и сидеть в своих, государевых, палатах боярам у уложенья, и с уложенной книги 1649 года, и с именных указов, и с новоуказных статей, которые о их, государских, и о всяких земских делах состоялись после уложенья, сделать вновь, снесши уложение и новые статьи, которые состоялись сверх уложенья, и которые дела вершены, а в уложение и в новоуказных статьях о них не положено.

Мы видели, что для противодействия воеводским злоупотреблениям торговые и промышленные люди были изъяты из их ведомства; учредились ратуши и в отдаленных городах, но здесь воеводам тяжело было отстать от старых привычек, и бурмистры путивльской и орловской ратуш дали знать, что их воеводы, Алымов и Шеншин, вопреки царскому указу торговых тамошних и приезжих людей ведают, взятки с них берут и бьют их, кроме того, в государевых сборах и земских делах остановку чинят. Великий государь указал: взять обвиняемых воевод в Москву, допросить их и разыскивать *в ратуше*; поступать и впредь таким же образом в подобных случаях. На обвинения бурмистров отвечать в московской ратуше перед такими же мужиками-бурмистрами должно было очень не понравиться воеводам. Не могло им понравиться и то, что власть их была ограничена дворянами; в 1702 году государь указал: в городах губным старостам и сыщикам не быть, а ведать всякие дела с воеводами дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, в больших городах по четыре и по три, а в меньших по два человека, и, слушав те дела, и указ по ним чинить с ними, воеводами, тем дворянам обще, и те дела крепить тем воеводам и им, дворянам, всякому своими

руками, а одному воеводе без них, дворян, никаких дел не делать и указу никакого по ним не чинить.

Издержки сильно увеличивались вследствие тяжелой и затянувшейся войны, вследствие новых учреждений, вследствие платежа союзнику, польскому королю, вследствие расширения дипломатической деятельности: при разных дворах нужно было содержать постоянных министров, которые тратили деньги на подкупы. Например, в 1704 году Матвееву в Гаге жалованья было по 15000 гульденов в год, а расходы его простирались до 27193 гульденов, и именно: на наем квартиры – 2200, на стол – 1560, на случайные столы – 1500, на дрова – 1000, на мытье платья – 200, на освещение – 500, на дворовую чистку – 60, на десять лошадей – 2600, кузнецу и на починку экипажей – 200; прислуги у него было: гофмейстер, доктор, лекарь, камердинер, пажи, повар, портьер, 10 лакеев, 4 девки работных. При увеличении государственных расходов надобно было обращать особенное внимание на увеличение доходов: в 1700 году отнято было право у владельцев мест, где производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти в казну. В том же году издан указ: тарханы, с кого пошлин не имано, все отставить и брать пошлины всякого чина со всех по торговому уставу и по новоуказным статьям равные. В 1704 году велено все постоянные дворы отписать на государя и, оценив, отдавать на откуп, а владельцам дворов выдать деньги по оценке добрых и знающих людей, усматривая в том деле истины, чтоб никто обидим не был, а деньги за дворы выданы будут без задержания. Доходы могли увеличиться с усилением промышленности и торговли, но это усиление не могло произойти вдруг, вследствие только правительственных распоряжений. Мы видели, что Петр предписал купецким людям торговать так же, как торгуют иностранные купцы, компаниями. Голландцы встревожились, и резидент Штатов фон дер Гульст просил у своего правительства инструкции, как просить царя об отмене закона о компаниях, но тревога была напрасная: в мае 1700 года фон дер Гульст писал в Голландию: «Что касается торговли компаниями, то это дело пало само собою: русские не знают, как приняться и начать такое сложное и трудное дело. Я просил прежде, чтоб прислана была мне инструкция на этот счет, но если я получу теперь эту инструкцию, то замедлю ее исполнением, ибо, по вашему требованию, царь уничтожит дело, которого невозможность уже признана, и покажет вид, что он это сделал для вас».

С вопросом о торговле тесно связывался вопрос о монете. До сих пор монетное дело в России было в жалком состоянии; счет производился рублями, алтынами и деньгами, но монеты, соответствующей рублям и алтынам, не было, ходили только серебряные копейки и полукопейки или денежки безобразного вида, да и денежек в обращении было так мало, что во многих городах для размена в мелких торгах пересекали копейки надвое, натрое, а в Калуге и других городах вместо серебряных денежек торговали кожаными и другими *жеребьями*. «Для соблюдения серебряных копеек, чтоб в городах за умалением серебряных денежек, копеек не секли и кожаными и иными жеребьями не торговали и в пошлинном сборе за мелкою разменом лишнего ничего не переходило», в марте 1700 года государь указал делать медные денежки, полушки и полуполушки. Потом велено было чеканить золотые червонцы, одинокие и двойные, с портретом государя на одной стороне и государственным гербом на другой; серебряные полтинники, полуполтинники и гривенники, наконец, рубли. Таким образом, в

России явилась своя крупная золотая и серебряная монета. До 1700 года на московском монетном дворе выбивалось серебряной монеты в год от 200 до 500000 рублей; в 1700 году выбито 1992877; в 1701 году – 2559885, а в 1702 году – 4534194 рубля. Об отношении русских денег к иностранным мы знаем, что в 1704 году иностранные купцы покупали в Голландии дукат по рублю десяти денег, в Москве продавали по рублю сорока; за перевод для русских, живших за границу, брали 13 алтын по 4 деньги на том основании, что русская монета стала легче в весу. Золоту и серебру Петр велел в 1700 году установить четыре пробы и сделать для всех проб разные клейма с означением пробы и года; при этом велено: избрать из знатных и искусных серебряных и золотых дел мастеров в Москве старост, а выбору их быть за руками торговых и мастеровых людей; дать этим старостам пробы и клейма и велеть смотреть, чтоб всякие золотые и серебряные вещи были добротой против установленных проб, клеймить их и записывать в книгу, означая, именно чей товар, в каком деле и сколько в какой вещи весу, и по этой записке брать пошлину, смотря по искусству работы: с лучшей по 10, средней по 7, с нижней по 4 копейки с фунта. Всех торгующих серебряными и золотыми вещами, также и мастеров переписать и собрать по ним поручные записки, в которых писать, чтоб мастера делали и торговые люди покупали золотые и серебряные вещи против проб. Староста не должен клеймить вещи прежде, нежели сам мастер не заклеит ее своим клеймом, с означением года.

В 1704 году знаменитый прибыльщик, изобретший гербовую бумагу, Алексей Александрович Курбатов, бывший дьяком Оружейной палаты, открыл *воровское* (фальшивое) серебро в серебряном ряду. Продавец, видя беду, принес Курбатову 300 рублей денег да подьячим 150, прося заглазить его воровство. Курбатов принял деньги как доказательство преступления и начал разыскивать. Оказалось много виновных, и велено было сдать дело в Преображенский приказ к страшному *королю* Ромодановскому. Курбатов сильно обиделся и написал любопытное письмо государю: «Князь Федор Юрьевич (Ромодановский) прислал мне письмо, писанное ко мне от Федора Алексиевича (Головина), в котором твоим, государевым, повелением написано, чтоб дело в составе воровского серебра отдать мне в Преображенское, которое дело я отдаю. Точию, государь, зело скорблю сердцем моим, что труд мой всеусердный и верное того дела основание, вижду, изничтожается и, для чего от меня взято, о том мне не явлено, слабость ли в том деле моя явилась или неверность. О начале того дела и о моих под подлогом взятках вернейшему твоему, государеву, рабу Александру Даниловичу (Меншикову) явих, и неоднократно; и впредь не точию о сем деле, но и о всех моих усердиях являти ему не престану, понеже вижду, истинно избран ти от бога сосуд есть. Благоволи милостивно внять, почему невозможно сему делу быть в Преображенском. Яков Якимов явился в том же серебра воровстве, о котором сам князь Федор Юрьевич присылал стряпчего своего говорить, чтоб ему в том деле послабить. Дочь его, призвав меня в дом свой, о том же говорила; Кирила Матюшкин, который у него живет, не имея никакого дела, многожды о тех же ворах стужал, чтоб мне являть слабость, и бедство знатно по той ненависти наведено бедным того дела подьячим; Иван Суворов стужал многожды, едва не о первом воре просил и, что в том его не послушали, грозил на старого в том деле подьячего: попадетя-де скоро к нам в Преображенское! Подьячий Петр Исаков также просил о ином. Мать Федора Алексеевича (Головина) присылала с грозами,

спрашивая, по какому я указу в том разыскиваю, и от иных многих непрестанное было стужание. Однако ж я пребывал в той беде, нимало их слушая; ныне колодники об отсылке в Преображенское все возрадовались, и из них некоторые бранили меня и говорили подъячему: что-де вы взяли и исцовали-де в деле, а выторговали кл..! и хвалились, говоря: „Лихо-де нам было здесь, а в Преображенском-де нам будет скорая свобода: дьяки-де и подьячие там нам друзья. Хотя князь Федор Юрьевич неправды сделать и не похочет, но чрез доношения и заступы учинят желатели неправды по своей воле“. Ей, всемилостивейший государь, один без всякого порока пред тобою вернейший твой при тебе раб Александр Данилович, прочие же все не без причины». Князь Ромодановский в свою очередь обвинил Курбатова и подьячих Оружейной палаты во взятках; Курбатов объяснил, что принял взятку нарочно, для доказательства вины принесшего, и представил список подаркам, которые получил за дела вершенные, ибо такие подарки не считались тогда противозаконными.

Знаменитый прибыльщик зоркими глазами смотрел всюду, как бы учинить прибыль казне великого государя. Летом 1704 года купец гостиной сотни Немчинов донес ему следующее: торговые люди подают сказки о торгах и пожитках своих в Монастырский приказ, и многие пишут неправду, например Шустовы – Матвей да Федор Семеновы, которые пишут в сказке своей, будто у них всяких пожитков только тысячи на две или на три и разорены всеконечно, а у них, знает он, пожитков дедов их умерших в селе Дединове близ сорока тысяч золотых червонных да несколько десятков тысяч рублей денег, а они, Шустовы, люди непостоянные: имея такое богатство, о нем небрегут и пьянством своим истощают, а не умножают, и если их не обуздать, то и до конца такое великое богатство истребят, и потому пусть великий государь укажет из палаты Оружейной послать с ним, Немчиновым, подьячего верного да 20 или 30 человек солдат, и он те золотые и деньги вынет. Курбатов дал знать об этом Меншикову и по его письму послал подьячего Хрипунова с солдатами и Немчиновым в Дединово. Хрипунов вынул у Шустовых в нежилых палатах коробку, заделанную меж полов и сводов; в ней оказалось червонных весом четыре пуда шесть фунтов, да китайского золота в коробках и кусках семь фунтов 13 золотников, да в гнилых кульках и мешках старых денег 14 пуд 8 фунтов, да под тем же полом старых денег 52 пуда 27 фунтов да 39 пуд 6 фунтов. Самих Шустовых привезли в Москву, и в Монастырском приказе перед боярином Мусиным-Пушкиным они сказали: слышали они от деда своего Василия, что положил он в казенную палату, что на их дворе в селе Дединове, денег с 30000 рублей да золотых семнадцать ли тысяч или 27, а сколько подлинно денег и золотых в той палате было, того они точно сказать не умеют, потому что они остались после дедов и отца своего в малых летах, а денег тех и золотых в той палате сами они не видали, а запечатана она была печатью деда их Василья. Но Хрипунов не удовольствовался только теми деньгами, счета которым сами Шустовы не знали или притворились, что не знали: он побрал и в жилых палатах, в сундуках жены Шустова, деньги, серебряную посуду. Все это отослано в Оружейную палату и явлено боярину Головину. Меншиков писал Курбатову: «Государь тебя и Немчинова пожаловал, велел вам дать жалованья из Шустовых денег по 5000 рублей: и ты надлежащее себе возьми, а Немчинову выдай по рассмотрению, буде доведется и если ни в чем он не приличен, а что у Шустовых в палатах (т.е. жилых) взято, и то все вели им выдать

с роспискою». Оказалось, что Немчинов приличен к делу о воровском серебре, и деньги ему не отданы; на его долю старых денег выменено новых 5764 рубля 27 алтын 5 денег, и пошли они на разные расходы, например выдано из них 200 рублей Родиону Исаеву, *Ивану Посошкову*, Ивану Фирсову на новозаводство картного промысла (фабрикация игральных карт). Кроме Курбатова в 1704 году явились новые прибыльщики такого же происхождения, как и Курбатов: Степан Вараксин, человек князя Бор. Алекс. Голицына; Василий Ершов, человек князя Черкасского; Алексей Яковлев, человек думного дворянина Хрушова, и многие другие; по государеву указу велено им «сидеть и чинить государю прибыли». Из них Ершов был впоследствии московским вице-губернатором.

Нужны были деньги на войну; нужны были люди, и людей брали отовсюду. В феврале 1700 года государь указал: всяких чинов людям сказать: кто хочет людей и крестьян своих отпускать на волю, и тем людям и крестьянам давать отпускные, и с теми отпускными приводить их в приказ Холопья суда, а из того приказу таких отпущенных и вольных людей и крестьян, и которым людям отпускные довелось дать, из приказа Холопья суда отсылать в Преображенское, и которые из них годятся в службу, и тех писать в солдаты, и которые в солдаты не годятся, и на тех людей и крестьян, указал великий государь по прежним своим указам, давать из приказа Холопья суда на кабальных людей кабалы, а на крестьян судные записи, к кому они идти похотят. Нужны были люди и для населения новоприобретенных городов: для этого в 1701 году не велено было отдавать неплатящих должников в зажив заимодавцам, но велено было отсылать их с семействами на вечное житье в Азов. В 1703 году велено было казнить смертью только тех разбойников, которые совершили смертоубийство; тех же, которые уличены хотя и во многих разбоях, но не совершили смертоубийства, велено ссылать в Азов на работу. Тогда же вместо Сибири велено ссылать всех преступников в Азов. Смертная казнь назначена за измену, бунт, убийство и отравление; за остальные воровства – кнут и ссылка в Азов на каторгу.

Внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли – вот две цели деятельности Петра, как он это ясно высказал в знаменитом манифесте своем о вызове иностранцев в апреле 1702 года: «Довольно известно во всех землях, которые всевышний нашему управлению подчинил, что со вступления нашего на сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтоб все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели мы побуждены были в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах. Чего ради мы все наипаче к споспешествованию торговли с иностранцами необходимые приказания, распоряжения и учреждения всемилодивейше учинили и впредь чинить намерены; поелику же мы опасаемся, что дела сии не совсем еще в таком положении находятся, как бы мы того желали, и что наши подданные не могут еще в совершенном спокойствии насладиться плодами трудов наших, того

ради помышляли мы о других еще способах, как бы обезопасить пределы наши от нападения неприятельского и сохранить права и преимущества нашего государства и всеобщее спокойствие в христианстве, как то христианскому монарху следует. Для достижения сих благих целей мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине, но дабы сие тем более усовершенствовать и побудить иноземцев, которые к сей цели содействовать и к таковому улучшению способствовать могут, купно с прочими государству полезными художниками к нам приезжать и как в нашей службе, так и в нашей земле оставаться, указали мы сей манифест с нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатав, по всей Европе обнародовать». Иностранцы приглашались в Россию на следующих условиях: совершенно свободный въезд, безопасность на пути и содействие всякого рода; свободное отправление веры; иноземцы не подвергаются суду и наказаниям, по обычаю русскому, для чего учреждается Тайная военного совета коллегия, которая будет чинить правосудие, во-первых, по законам божеским, а потом по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям милостиво. Но, призывая отовсюду искусных иностранцев, Петр только для одного народа делал постоянное исключение, для жидов. «Я хочу, – говорил он, – видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». Вести из Малороссии не могли внушить великороссиянам расположения к принятию жидов. В 1702 году 10 марта к черниговскому коменданту прислал полковник Лизогуб письмо, в котором говорилось, что в Черниговском уезде, в местечке Городне, жида замучили христианина и кровь рассылали по разным жидам, живущим в малороссийских городах. Перед судом в Чернигове жид Давид без пытки признался, что он с свояком своим Яковом замучил христианина; объявил, что многие жида собирались в селе Жуковце в корчме о своем жидовском празднике, именно на Трупки, было их человек сорок с лишком, и просили его, Давида, чтоб он добыл на праздник Пейсар крови христианской, что он и исполнил Яков также признался без пытки.

Как видно из манифеста об иностранцах, перемена преобразования клонила к тому, чтоб русские люди могли научиться до тех пор им неизвестным познаниям, а познания должны были сделать их искуснее во всех торговых делах. Понятно, что при таком практическом взгляде Петру не нравился характер Московской академии, которая не была специальным духовным училищем, а светских людей выпускала без тех познаний, в каких особенно нуждался царь; ему нужно было такую школу, из которой бы «во всякие потребности люди происходили, в церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское врачевское искусство», как он говорил патриарху Адриану. Но такая школа могла основаться только через пятьдесят лет с лишком; пока надобно было довольствоваться двумя способами выучивания русской молодежи необходимым познаниям, отсылкою за границу и заведением в Москве школ, где бы иностранные учителя выучивали предметам первой тогда необходимости; явились школы математическая и навигацкая, где первыми преподавателями были англичане – Фарварсон, Гвин и Грейс. Школы эти находились в ведении

Оружейной палаты, т.е. адмирала Головина и дьяка Курбатова. От 1703 года дошло до нас любопытное письмо Курбатова к Головину о состоянии школ. «По 16 июля, – пишет Курбатов, – прибрано и учатся 200 человек», – и признается, что «англичане учат их той науке чиновно, а когда временем и загуляются или по своему обыкновению почасту и долго проспят. Имеем по приказу милости твоей определенного им помоществователем Леонтия Магницкого, который непрестанно при той школе бывает и всегда имеет тщание не только к единому ученикам в науке радению, но и к иным к добру поведением, в чем те англичане, видя в школах его управление не последнее, обязали себя к нему, Леонтию, ненавидением, так что уже просил он, Леонтий, от частого их на него гневоимания от школы себе свободности; однако ж я, ведая, что ему их ради гневоимания от школы свободну быти не доведется, приказал ему о всяких поведениях сказывать до приезда вашей милости мне, и я, приусматривая, что он приносит о порядке совершенном, призвал их в палату и, сам к ним ездя почасту, говорю, а дело из них признал я в одном Андрее Фарварсоне, а те два хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья наукою не дошли». Потом Курбатов писал: «Прибрано учеников со 180 человек охотников всяких чинов людей, и учатся все арифметике, из которых человек с десять учат радикасы и готовы совершенно в геометрию, только имеем нужду в лишении инструментов, и, если изволишь, хорошо б заповедать указом таких инструментов у города (Архангельска) не продавать всяких чинов людям, а брать на школы, а по письму твоей милости если вывезено будет 60 человеком инструментов, и нынешний год таким числом пробавимся без нужды, а впредь надобно еще отписать, чтоб вывезено было той же науки хотя сту человеком инструментов, или как воля твоя, для того что в арифметике ученики недолго пробавятся, а в геометрии без инструментов быти невозможно. А ныне многие из всяких чинов и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдают в те школы детей своих, а иные и сами недоросли и рейторские дети и молодые из приказов подьячие приходят с охотою немалою, и, когда наполнится число 200 человек, а приходять будут нарочитые, принимать ли сверх двух сот человек и коликому числу совершенно быть? прошу о том определения указом. Навигацких наук учеников посажено и учатся в геометрии 12 человек, а еще поспевают человек с 20; точию доношу о сем, что учителя учат нерадетельно, а ежели бы не опасались Магницкого, многое бы у них было продолжение для того, что которые учатся остропонятно, тех бранят и велят дожидаться меньших; только я ему, Магницкому, молчать им не велел, а меньшей учитель, рыцарь Грейс, ни к чему не годный в непостоянстве всяком и в плутовстве б... и учеников потворствует, и сам большой учитель его не любит». В 1704 году Курбатов должен был отстаивать учеников от судьи Военного приказа Т. Н. Стрешнева. «Ныне, – писал Курбатов Головину, – учеников берет в разряд Тихон Никитич и хочет писать в драгуны без всякого разбора: и ежели побраны они будут в драгуны или солдаты, то уже совершенно трехлетний их труд погибнет напрасно, также и расход на них кормовою дачею денег. О сем благоволи мне учинить указ и чтоб они, ученики, были, как и прежде, ведомы в одной Оружейной палате, а от разрядного тасканья были свободны».

В 1703 году завелась было в Москве школа и с другим характером; основателем ее был пленный мариенбургский пастор Глюк, выучившийся еще на родине по-русски с помощью одного монаха из пограничного псковского

Печерского монастыря; Глюк намерен был обучать русских юношей, «аки мягкую и всякому изображению угодную глину», географии, ифике, политике, латинской риторике с ораторскими упражнениями; философии картезианской, языкам: греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, немецкому и латинскому, танцевальному искусству и поступи немецких и французских учтивств, рыцарской конной езде и берейторскому обучению лошадей. Глюк приготовил для своей школы на русском языке Лютеров катехизис, молитвенник, немецкую грамматику, словарь языков: русского, немецкого, латинского и французского – и Комениево введение к изучению языков. Глюк умер в 1705 году, и школа его перешла в заведование Иоанна Вернера Пауза.

Для школ и для распространения сведений между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русском языке, книги недорогие, распространявшиеся посредством печатания. Во время пребывания своего в Голландии Петр сблизился с семейством Тессингов, и один из троих братьев, Иван Тессинг, выпросил у царя привилегию на заведение русской типографии: «Мы, великий государь (говорится в жалованной грамоте 10 февраля 1700 г.), Ивана Тессинга пожаловали, повелели ему в городе Амстердаме печатать европейские, азиатские и американские земные и морские картины, и чертежи, и всякие печатные листы и персоны, и о земных и о морских ратных людях, математические, архитектурские и городостроительные и иные художественные книги на славянском и на голландском языке вместе, также славянским и голландским языком порознь по особну, кроме церковных славянских греческого языка книг, потому что книги церковные славянские, греческие, со исправлением всего православного устава восточные церкви, печатаются в Москве, и кроме таблиц с написанием в чертежах и в книгах Сибирскому царствию и Ногайскому владению городам и землям и рекам на славянском и на голландском языках, потому что на это дана грамота голстейнцу Елизарью Избранту. А напечатав, ему, Ивану Тессингу, в Амстердаме те чертежи, и персоны, и книги за подписью и за клеймом своим привозить в наши государства и земли, куда похочет, с нынешнего 1700 году считая, впредь 15 лет, а пошлины с продажи тех печатных листов и книг имать у города Архангельского по осьми денег с рубля, а на Москве с теми чертежами и листами являться в государственном Посольском приказе, а продавать, где похотят, повольною торговлею. И, видя ему, Ивану Тессингу, к себе нашу, царского величества, премногую милость и жалованье, в печатании тех чертежей и книг показать нам службу свою и прилежное радение, чтоб те чертежи и книги напечатаны были к славе нашему превысокому имени и всему Российскому нашему царствию, меж европейскими монархи к цветущей наивящей похвале и ко общей народной пользе и прибытку и к обучению всяких художеств и ведению, а пониженья б нашего царского величества превысокой чести и государств наших славы в тех чертежах и книгах не было».

Дело не пошло успешно, как предугадывали опытные современники иностранные, которые не думали, «чтоб Тессинг что-нибудь сделал, разве захочет человек, более ученый, вмешаться в это дело и сделаться товарищем по предприятию, чего очень бы хотелось Тессингу, но трудно ему будет сыскать такого человека. Притом же москвитяне нисколько этим не интересуются: они все делают по принуждению и в угоду царю, а умри он – прощай наука!».

Гораздо заметнее была деятельность Ильи Копиевского, или Копиевича, который сначала занимался вместе с Тессингом, но потом отделился. Копиевский издал много учебников и переводов, которые на первых порах могли быть полезны русским людям, не знавшим иностранных языков. Мы привели отзыв Курбатова о русском учителе математико-навигационных школ Леонтии Магницком. Этот Магницкий в 1703 году издал книгу «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и в едино собрана, и на две книги разделена... В богоспасаемом царствующем граде Москве типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей на свет произведена». В 1704 году вышел в Москве «Лексикон трезычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище». Лексикон составлен Поликарповым, рассмотрен и дополнен Стефаном Яворским, Рафаилом Краснопольским (ректором Московской славяно-латинской академии) и братьями Лихудами.

После школ и книг третьим могущественным средством для умственного развития, для расширения умственной сферы русского человека, могущественным средством для уничтожения прежней замкнутости и застоя было сообщение сведений о том, что делается в России и в других землях. До Петра знать, что делалось у себя и в чужих странах, было привилегией правительства; извлечения из иностранных газет (куранты) составлялись для царя и немногих приближенных особ и бережно хранились, как тайна. Петр хотел, чтоб все русские люди знали, что делается на свете. 17 декабря 1702 года великий государь указал: по ведомостям о воинских и всяких делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, и для печати тех курантов ведомости, в которых приказах, о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать в Монастырский приказ, откуда те ведомости отсылать на Печатный двор. Указ был исполнен, и с 1703 года начали издаваться в Москве куранты под заглавием: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». На первом же листке вслед за известием, сколько вылиты пушек в Москве, ведомости объявили, что «повелением его величества московские школы умножаются и сорок пять человек слушают философию и уже диалектику окончили. В Математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют. На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеского и женского полу 386 человек. В Китайском государстве езуитов велми не стали любить за их лукавство, и иные из них и смертию казнены. Силы козацкие под полковником Самусем ежедневно умножаются, вырубя в Немирове коменданта, с своими ратными людьми город овладели, уже намерен есть Белую Церковь добывать». В середине года уже встречаем известия из «новых крепости Петербурга». Иностранные известия о русских событиях помещались целиком без всяких примечаний.

Не забыто было и четвертое средство для народного развития. Как до Петра куранты составлялись только для царского употребления, так и сценические представления давались только для потехи великого государя: Петр и то и другое ввел в народное употребление. Как при царе Алексее Михайловиче тешили великого государя немцы, у которых начальником был Яган Годфрид, так и при Петре в 1701 году комедиант Иван Сплавский отправлен был за границу и вывез в

Москву Ягана Куншта с труппою его актеров; Куншт скоро умер, и на его месте видим Артемия Фюрста. Как при царе Алексее Михайловиче брали подьячих и отсылали к магистру Ягану Годфриду для научения комедийного дела, так и теперь, в 1702 году, набрали подьячих из разных приказов и отдали Куншту, который обязался «их всяким комедиям учить с добрым радением и со всяким откровением». Но разница между временем царя Алексея и временем царя Петра состояла в том, что при Петре построена была деревянная комедиальная хранина на Красной площади – для всех. Играли о крепости Грубстона, в ней же первая персона Александр Македонский; Сципий африканский – погубление королевы Софонизбы; о графине триерской Геновеве; два завоеванные города, в ней же первая персона Юлий Кесарь; порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитера; о Баязете и Тамерлане; доктор принужденный (*Le Medicin malgre lui* – Мольера); играли пьесы, нарочно составленные по случаю какого-нибудь важного события, торжества, например в 1703 году по случаю взятия Орешка. Кроме этого всенародного театра театральные представления давались еще учениками Славяно-латинской академии (новосияющих славяно-латинских Афин); здесь пьесы имеют религиозное содержание, но к этому содержанию примешиваются политические намеки, например, в комедии о втором пришествии господнем является королевство Польское, укоряющее сенаторов лядских о гибели многих стран ради самовольного и гордынного несогласия и распри междоусобные.

Все это: и школы, и книги, и ведомости, и театр – представляло начатки, слабые, грубые. Старые нравы общества, которое начало преобразовываться, отражались повсюду, ученики школ вели себя как нельзя хуже, актеры из русских подьячих бесчинствовали. Иностранные медики сталкивались с музыкантами. Доктор Бидлоо писал Головину: «Изволил ваша шляхетность по милости своей ко мне, иностранцу, немалое почтение явить, чего я не достоин; по этой милости придан мне был толмач, без которого я не могу никакого повеления вашего выразуметь и исполнить; теперь дьяки отняли у меня этого толмача, и велено ему быть у музыкантов. Бывши в приказе, я говорил дьякам, что невозможно мне без толмача быть. Они отвечали, чтоб я другого толмача сыскал, как и другие доктора своих держат: по их выходит, что музыканты исправляют дело его величества, а я только свое. Прошу ваше превосходительство, чтоб как прежде, так и теперь я сравнения с музыкантами не имел». А учителя-иностранцы? Между ними и русскими не обошлось без частых столкновений, и самое замечательное из них происходило наверху при воспитании государя царевича. Сначала Петр хотел отправить сына за границу для воспитания, но потом отменил это намерение. В 1701 году к царевичу был определен для наставления «в науках и нравоучении» немец Нейгебауер, воспитанник Лейпцигского университета, рекомендованный саксонским посланником генералом Карловичем. Между этим-то иностранным наставником и русскими, находившимися при царевиче, и произошло столкновение. Нейгебауеру хотелось иметь большее значение, чем какое давали ему при дворе царевича; он был также недоволен людьми, окружавшими молодого Алексея, и писал Петру: «Понеже с три года тому назад как я приехал сюда с генерал-майором Карловичем вашему царскому величеству у вашего пресветлейшего царевича служить за гофмейстера, и уже с шесть месяцев совершенно к тому приставлен есмь, и того ради прошу покорнейше, дабы мне дана была, по нашему обычаю, полная мочь в придворных чиновных людях, яко

гофмейстеру принадлежит со указом, дабы прочие служители меня по достоинству чтили и мне послушны были, понеже, если всякой из них делать будет что хочет, то невозможно царевича изрядных нравов учения и порядочного жития научить, зане некоторые от злости, а иные от глупости все мои труды портить будут; сего ради желал бы, дабы учитель Микифор Кондратьевич (Вяземский) и прочие кавалеры иными чинами пожалованы были, а вместо оных дабы некоторые иные к услужению государю царевичу даны были, которые в наших землях были и наших обычаев и языков научены суть. Надобно бы по последней мере царевичу имети комнатного слугу, да еще одного пажа, зане царевич велми мало имеет служителей и почитай что и никаких услуг». Царь не исполнил желаний Нейгебауера, и тот в 1702 году жаловался Федору Матвеевичу Апраксину: «Обретаю столько гонения, что не возмогу претерпеть, понеже: 1) не хотят мне чина гофмейстера оставить, для которого меня Карлович сюда вывез, и в рассуждении того я изрядную бранденбургскую службу уничижил, а между тем я наставления царевича в науках и нравоучениях имею, еже конечно дело гофмистрово есть, и сверх того сей чин не дядька, но только против поддядьки, понеже первый чин именуется у нас верховный гофмистер, который здесь его превосходительство А. Д. Меншиков имеет. 2) Сочиняют наши служители царевича мне противна и живут по своему старому непристойному злочинию, и того ради невозможно, чтоб царевич когда к изрядным нравам обикнути возмог. 3) Никто не понимает при дворе царевичеве, како такого великого государя возвращати надлежит, а однако ж не имеют они указу меня в том слушать и то мне и в глаза говорят и, сверх того, бесчестно меня пресмегают: га, га! смотри, ты хочешь еще гофмистром быть. 4) Гонят они меня ради веры моей и не хотят по постным дням мяса давать, но я бы охотно и рыбу ел, если б она добро приготовлена была. Они меня царскому величеству оклеветали, будто я по две недели сидя пью и весма к царевичу не хожу».

Долго накопывшаяся вражда наконец разразилась 23 мая 1702 года. Государю донесли, что этого числа «государя царевича за столом Мартын Мартынович Небоуер всем говорил, чтоб тайных слов никто никаких не говорил, а Никифор Вяземский говорил: „Что тайно, то тайно, а что явно, то явно. И он, Мартын, говорил: вы-де все ничего не знаете, и быть вам здесь недостойно, я-де вас вытолкаю толчком, а как-де я буду с царевичем за морем, я-де знаю, что делать“. И он, Никифор, говорил: „Хотя б ты был и гофмейстер, и ты б нас без указу государя нашего и приказу Александра Даниловича отсюда вон не толкал, в сем я тебя не слушаю, потому что мы приказаны Александру Даниловичу, а не тебе“. И он, Мартын, говорил: „Вы-де все ничего не знаете, и у вас-де все варвары!“ – и бранил: „Собаки! собаки! гундсфоты!“, и пред царевича бросал ножик и вилку, и держал за шпагу, и он, Никифор, говорил: „Что ты делаешь? Хотя б ты был и гофмейстер, и ты б так не бросал за столом и не бранился“. И он, Мартын, закричал: „А будет я не гофмейстер, и я не хочу жив быть“ – и, побежав, бранил: „Собаки, собаки! я вам сделаю, как бог мой жив, так я вам отомщу“. При государе царевиче за столом сидели в то время он, Мартын, подле него доктор Богдан Клем, по другую сторону сидели Алексей Ив. Нарышкин, Никифор Вяземский; при столе стояли толмач да сторож».

Спросили иностранца доктора Клема, и тот показал: «Во время того стола, как принесли на стол жаркие куры, которые тот иноземец, разрушив, положил на

блюде, и государь царевич изволил взять от той ествы сперва одну куречью ножку и, покушав несколько, положил на тарелку и хотел взять еще иную часть. И Алексей Ив. Нарышкин говорил, чтоб он, царевич, те части, которые кушал, для очистки тарелки положил на то ж блюдо. О сем услыша, Мартын говорил, что царевич лучше, нежели он, в том знает, понеже необыкновенно объеденные кости на блюдо класть, а мечут собакам. Потом царевич изволил нечто молвить Алексею Ивановичу тайно на ухо, а Алексей Ив., измешкав немного, также молвил тайно на ухо учителю Микифору, а Мартын говорил: „Непристойно за столом друг другу на ухо говорить при иных людях“». Брань с Вяземским Клем описал согласно с первоначальным донесением: «И называл он, Мартын, их мужиками, свиньями и собаками, и, идучи, у дверей говорил с криком: „Добро, собаки, я вам заплачу“».

Царь указал – отказать Нейгебауеру от службы и ехать без отпуска, куда похочет, за то, что писался самовольно гофмейстером и ближних людей называл варварами и бранил всякою жестокою бранью.

Нейгебауер сдержал слово, отомстил. В 1704 году он издал в Германии брошюру под заглавием: «Письмо одного знатного немецкого офицера к тайному советнику одного высокого владетеля о дурном обращении с иноземными офицерами, которых москвитяне привлекают к себе в службу». Нейгебауер объявлял, что царь и его приближенные обращаются с честнейшими и храбрейшими офицерами, как со щенками, употребляют пощечины, палки, кнут и т.п. Полковник Бодевин потерял голову за то, что его слуга заколол фельдшера, царского любимца; полковника Штрасберга городской воевода бил батогами за то только, что тот не хотел послушаться царского указа; майора Кирхена сам царь публично обругал непристойною бранью и плюнул ему в лицо за то, что тот, прослужив целый год майором, не хотел быть капитаном и уступить свое место одному русскому; по смерти Лефорта, любимца царского, конфисковано было все его имение, и наследники не получили ничего, только должны были платить долги покойного. Нейгебауер не довольствовался этою брошюрою, но обещал издать подробное описание нравов русского народа, его обманов, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти к иностранцам, неспособности, лени, волшебства, неверности, похищения немецких жен и детей; особенно обещал распространиться о подвигах царского любимца Меншикова с немками, которых потом навязывают немецким офицерам.

Осенью 1704 года Матвеев писал из Гаги: «В сих числах прибыли в Гагу от Архангельского города с голландскими кораблями два человека – француз Деверсал с немчином – и здесь таких злословий и бесчестий скаредных всенародно о государстве государя нашего и о правительстве вельмож московских в бытность прусского принца и арцуха (герцога) Малбурга при всех везде собраниях и ходя по кофейным домам наполнили, каких бы ни самый дьявол воплощенный не вымыслил, и явственно сказывали, что кто из иноземцев в службу московскую не приедет, должен подписать себя отдать в вечное московское рабство, и их выпустили за Великие дачи с Москвы насилу. И всем офицерам здесь и кавалерам сказывали, что и у самых турок такого не порядку и озлобления людям нет и чтоб никто службы московской впредь не принимал. Эти люди одной компании некоторого генерала Коромбеса и учителя, бывшего прежде у государя царевича». Этот генерал Коромбес был генерал фон Корренберг, о котором Нейгебауер рассказывает в своей брошюре, что он приехал в Россию в

1703 году и привез с собою восемь офицеров, потратив много своих денег. Царь сделал его генерал-лейтенантом, но спустя два месяца велел наказать его в собственной палатке, за что – этого Нейгебауер не говорит. Брошюра Нейгебауера не была первым сочинением, направленным против петровской России. По донесению Матвеева от 5 июня 1702 года, какой-то профессор во Франкфурте-на-Одере напечатал похвальную речь прусскому королю, где прославлял триумф шведов над московскими войсками и толковал, что христианские государи не должны пропускать русских кораблей на море, ибо если русские овладеют Ливониею, то овладеют также Польшею и Литвою и будут опасны Пруссии.

В Пруссии и Саксонии были запрещены сочинения, оскорбительные для царя и России, но Петр этим не довольствовался. До сих пор почти все сочинения, выходившие в Западной Европе о России, больше или меньше были похожи на брошюру Нейгебауера; Россия была ославлена как страна варварская. Желая ввести Россию в семью европейских держав, дать ей здесь важное значение, Петр, разумеется, хотел очистить ее от прежнего пятна варварства, хотел, чтоб в Европе говорили только об этом очищении, видели в России страну уже не варварскую более, но очищенную, преобразованную; понятно желание Петра слыть преобразователем, а не царем варварского народа и не варваром. Наконец, Петр нуждался в искусных иностранцах, а дурные слухи о России будут отвращать их от вступления в царскую службу. Мы видели, что, давая Тессингу привилегию на заведение русской типографии, Петр требовал, чтобы в книгах, которые будут выходить из этой типографии, не говорилось ничего предосудительного о России. В 1702 году Паткуль подговорил в русскую службу доктора прав Генриха фон Гюйсена, который обязался: 1) отыскивать, входить в переговоры и приглашать в русскую службу иностранных офицеров, инженеров, мануфактуристов, ружейников, художников, берейторов, кузнецов и других мастеровых, особенно же таких, которые бы понимали по-польски или по-чешски; 2) переводить, печатать и распространять царские постановления, издаваемые для устройства военной части в России; 3) склонять голландских, германских и других стран ученых, чтоб они посвящали царю, или членам его семейства, или, наконец, царским министрам замечательные из своих произведений, преимущественно касающиеся истории, политики и механики; также чтоб эти ученые писали статьи к прославлению России; 4) войти в переговоры с почтмейстерами разных государств о правильной рассылке русских писем. В 1703 году Гюйсен получил место Нейгебауера при царевиче, но пробыл на нем недолго: в 1705 царь велел ему ехать в Германию «с подлинными комиссиями». Здесь-то он вступил в полемику с Нейгебауером в защиту России.

Мы скажем, в свое время, несколько слов об этой полемике; а теперь взглянем на те распоряжения Петра, которыми действительно смывалось пятно варварства с русского народа. В древней России сохранялся еще тот дохристианский взгляд на человека, по которому можно было убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками; в январе 1704 года сказано великого государя указ под смертною казнию, чтоб повивальные бабки младенцев, которые рождаются особым некаким видом, или несущественным образом, или каким чудом, не убивали и не таили, а объявляли про них тех приходов священникам, а священники ж про то объявляли в Монастырском приказе. Тут же запрещено

хоронить мертвых ранее трех дней. В начале 1700 года бояре слушали такое дело: взят был боярина Петра Петровича Салтыкова человек Алексей Каменский за то, что он боярина лечил, принашивал лекарства и от лекарств боярин умер скорою смертью. В расспросе и с пытки лекарь сказал, что он боярина лечил и лекарства всякие, покупая в зелейном ряду в лавках, давал, и боярин говорил ему, чтоб он принес ему лекарства от сна, и он, Алешка, в зелейном ряду купил арьяну на три деньги осьмую долю золотника, рознял на 12 доль и давал боярину от сна, а не для отравы. Зелейного ряду сиделец Ганка Варфоломеев в продаже того арьяну не запирался и сказал, что он Алешке продал арьяну на четыре деньги и велел давать мочному человеку против трех зерен конопляных, а немочному против двух и на другой день поутру пришел к нему, Ганке, Алешка и сказал, что лекарство отдал он боярскому малому, и тот малый отдал боярину все, и боярин с того числа по се время не проспится, только в ночи простонал. Бояре велели справиться, какие прежде были подобные дела и какие указы? Нашли, что в 1686 году лекаря Туленщикова велено сослать в Курск за то, что он лекарю Харитонову вместо раковых глаз отвесил в пьянстве золотник сулемы, Харитонов дал ту сулему подъячому Прокофьеву, и подъячий при нем умер; по этому случаю сказан был тогда указ всем лекарям: кто нарочно или ненарочно кого уморит, того казнить смертью. Но в 1700 году не привели в исполнение указа 1686 года, не казнили Каменского смертью, сослали в Азов на каторгу, а для предупреждения подобных случаев в том же году велено завести в Москве восемь аптек с тем, чтоб в них никаких вин не продавалось; аптеки эти с докторами и аптекарями, и лекарями, и с иными чинами во всяких делах ведать в Посольском приказе, а, кроме того, в Москве впредь другим аптекам, и зелейному ряду, и лавкам по улицам и перекресткам, где продавали всякие непотребные травы и зелья вместо лекарств, не быть.

Запретили продавать травы, вредные в руках старинных знахарей; запретили продавать остроконечные ножи, вредные в руках людей, еще младенцев по общественной неразвитости. В том же 1700 году государь указал: на Москве и в городах всяких чинов людям ножей остроконечных никому с собою, в день и в ночь и ни в какое время, не носить, для того, что многие люди в дорогах на съездах, и на сходах, и в домах, в ссорах, и драках, и в пьянстве такими ножами друг друга режут до смерти, а воры и нарочно с такими ножами ходят по ночам и людей режут и грабят, и со времени этого указа в ножевом ряду таких остроконечных ножей не делать и не держать и никому не продавать, а ослушников бить кнутом и ссылать в ссылку. Через год понадобился указ против дуэлей между иноземцами: в январе 1702 года им запрещено выходить на поединки и даже вынимать оружие: за первое назначена смертная казнь, за второе – отсечение руки. Война правительства с разбойниками велась по-прежнему. В 1702 году капитан Рагульский с целою ротою отправлен был в Костромской и Галицкий уезды для сыску разбойников и успел схватить знаменитых разбойников – помещиков Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Сипягина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василия Полозова-Кулю, Ивана и Данилу Захаровых, Семена да Петра Шишкиных. Разбойничали они с своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчин, насиловали женщин, огнем жгли.

Охраняя жизнь русского человека от вредного зелья, от остроконечного ножа, Петр принял меры и против огня, так свирепствовавшего в деревянных городах,

не исключая и царствующего града. Виниус в апреле 1700 года писал Петру из Москвы: «Здесь Вулканус нас так тревожит и многих разоряет, и не только с самые Пасхи по вся дни, но во единые сутки пожара по три и по четыре, а третьего дня было шесть пожаров: повели уставами добрыми для предварения такого всегубителя забежать, как бы от такого разорения впредь людям спастися, а старый князь Иван Борисович (Прозоровский) и прочие начальные, бегаючи, из силы выбились». Виниус предлагал исподволь делать черепичные кровли вместо тесовых; начали выписывать заливные трубы из-за границы чрез Витзена; в январе 1704 года издан указ о строении в Москве, в Кремле и Китае-городе, каменных домов, о расположении их подле улиц и переулков, а не внутри дворов и о продаже дворовых мест, которых владельцы не в состоянии выстроить каменного дома.

Но одними средствами охранения жизни и имущества преобразование не ограничивалось. На русских нравах лежало пятно, которое бросалось в глаза и чужим, и своим, – это неправильность при заключении брачных союзов, имевшая такое вредное влияние на семейную жизнь, на семейную нравственность. Мы видели, что в 1693 году патриарх Адриан свидетельствовал, что брак заключается без согласия вступающих в брак, отчего «житие их бывает бедно, другу другу наветно и детей бесприжитно». Патриарх не мог представить действительных средств против зла. Петр нашел это средство, уничтожив затворничество женщин, приказывая приглашать их вместе с мужчинами на обеды и вечера. В апреле 1702 года издан указ: «Рядовые сговорные записи отставить и впредь их в приказе Крепостных дел не писать, а вместо того приданому писать росписи за руками, а заряду (платежа за неустойку) никакого в тех росписях не писать. А буде кто дочь, или сестру, или какую свойственницу, или девица, или сама вдова сговорит замуж за кого, и прежде венчания обручению быть за шесть недель, и буде обручатся, а после сговору и обрученья жених невесты взять не похочет или невеста за жениха замуж идти не похочет же, и в том быть свободе, по правильному св. отец рассуждению. А которая невеста выйдет замуж и умрет бездетна: и после смерти ее, приданого ее, кроме вотчин и поместий и дворов, назад ничего не возвращать». 30 декабря 1701 года запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать пред царем на колена, зимою снимать шапки перед дворцом. Петр говорил: «Какое же различие между бога и царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Менее низкости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – сия то почать свойственна царю».

Важные преобразования в первое пятилетие нового века коснулись духовенства. Мы уже видели, в каком положении находилось русское духовенство при повороте России на новый путь, повороте, начавшемся до Петра, истекавшем из всего предшествовавшего хода истории. Недовольство этим положением было высказано громко и резко и в приговорах соборных, и в указах, направленных против разных злоупотреблений и нравственных беспорядков, но этим протестом все и окончилось; самостоятельного движения к исправлению сознанного зла не обнаружилось. Сознав зло и при этом не обнаружив силы, достаточной для его искоренения, духовенство необходимо отрекалось от права на это искоренение в пользу другой силы. Несостоятельность духовенства преимущественно происходила от недостатка просвещения, жажду которого так ясно выразило русское общество в конце XVII века. Общество имело право требовать, чтоб

духовенство, учительное сословие, взяло на себя почин в этом деле и руководило других, но и это требование осталось неудовлетворенным. Учреждена была в Москве Академия, вверенная надзору духовенства, прямо направленная к поддержанию церкви, но духовенство не воспользовалось ею. Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся малограмотные: надобно их сперва научать таинствам и потом уже ставить в тот чин; для этого надобно человека, и не одного, кому это делать, и определить место, где быть тому. Надобно промыслить, чтоб и православные христиане, и зловерцы – татары, мордва, черемисы и другие – познали господа и закон его: для того послать бы хотя несколько десятков человек в Киев в школы. И здесь есть школа, можно бы и здесь было об этом деле порадовать, но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно; нужен для этого человек знатный чином, именем, богатый, и нет его. Евангельское учение – вот знание божеское, больше всего в жизни сей нужное людям. Многие желают детей своих учить свободным наукам и отдают их здесь иноземцам; другие же в домах своих держат учителей-иностранцев, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить, кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат; отчего детям вред и церкви нашей святой может быть ущерб великий, а языку нашему от неискусства повреждение, тогда как в нашей бы школе, при знатном и искусном обучении, всякому добру учились».

В октябре 1700 года умер патриарх Адриан. Вслед за известием об этом событии Петр, находившийся в то время под Нарвою, получил письмо от Курбатова: «Больному патриарху трудно было смотреть за всем, от чего происходили беспорядки по духовному управлению. Избранием архимандритов и других освященного чина людей заведовал архиерей, который, как известно, сам собою править не может: где же ему избирать? Избранием патриарха думаю повременить. Определение в священный чин можно поручить хорошему архиерею с пятью учеными монахами. Для надзора же за всем и для сбора домовою казны надобно непременно назначить человека надежного: там большие беспорядки; необходимо распорядиться монастырскими и архиерейскими именьями, учредить особый расправный приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает по прихотям владельцев. Школа, бывшая под надзором патриарха и под управлением монаха Палладия, в расстройстве; ученики, числом 150 человек, очень недовольны, терпят во всем крайний недостаток и не могут учиться; потолки и печи обвалились. Мог бы я и о другом о многом донести, да очень боюсь врагов. Из архиереев для временного управления, думаю, хорош будет холмогорский (Афанасий); из мирских для смотрения за казною и сбора ее очень хорош боярин Ив. Алексеевич Мусин-Пушкин или стольник Дм. Петр. Протасьев».

Мысль Курбатова отложить избрание патриарха не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже прежде у Петра. Враги преобразований постоянно вооружались против них во имя религии, древнего благочестия, которому изменял царь, друг еретиков, немцев; было известно, что духовенство смотрело очень неблагоклонно на нововведения и на новых учителей; патриарх Иоаким вооружался против приема иностранцев в русскую службу, патриарх Адриан писал сильные выходы против бранобрития, и когда замолк, увидав, что сам царь ввел бранобритие, то навлек от ревнителей старины жестокие на себя укоры: «Какой он патриарх? Живет из куска, спать бы ему да есть, бережет

мантии да клобука белого, затем и не обличает». Адриан по характеру своему снес заслуженные непоследовательностью укоризны; от него Петр не мог ожидать противодействия своим планам, но мог ли он быть уверен в его преемнике? Для поправления расстроенных при Адриане дел патриаршего управления нужно было избрать человека энергического, но энергический человек будет ли употреблять свою энергию всегда согласно с видами царя-преобразователя? Где найти такого архиерея, который бы вполне сочувствовал преобразованиям? А если нет, то патриарх, по своему значению, будет необходимо нравственною опорою недовольных; царь в постоянном отсутствии из Москвы; без царя патриарх на первом плане, и если этот патриарх не сочувствует царю, которым многие недовольны? С Никоном легко было справиться и царю Алексею Михайловичу, потому что Никон губил сам себя, но при Петре патриарх сколько-нибудь энергический в челе многих недовольных преобразованиями был гораздо опаснее Никона. Благоразумно ли было к сильной борьбе внешней и внутренней присоединять возможность борьбы с патриархом, которая, и окончившись счастливо для царя, во всяком случае дала бы ему печальное значение гонителя, а жертва получила бы для многих и многих значение св. мученика? Сохранилось известие, что английским купцам, изъявлявшим опасение, не будет ли патриарх сопротивляться табачной продаже, Петр сказал: «Не опасайтесь: я дал об этом указ и постараюсь, чтоб патриарх в табачные дела не мешался: он при мне блюститель только веры, а не таможенный надзиратель». Но пример Иоакима и Адриана мог ли дать Петру ручательство, что преемник их сможет с точностью определить свои обязанности как блюстителя веры только? Петр, приступая к упразднению ненужного для русской церкви сана патриаршеского, стремился дать ей настоящее могущество, просвещение, но ввести просвещение между великороссийским духовенством, заботиться о школах, направлять и развивать их могли только ученые архиереи, а где было взять их? Дать общее сильное движение образованию между духовенством в целой России, заботиться о главной школе в Москве мог только патриарх ученый, а где было взять такого? Петру оставалось одно средство – назначать на архиерейские места в Великой России ученых монахов малороссийских, но поставить патриарха из Малороссии было неудобно при тогдашних отношениях между великою и Малою Россиею. Наконец, считалось необходимым приступить к решительным мерам для исправления нравственности духовенства, преимущественно черного; считалось необходимым сделать более правильное употребление материальных средств черного духовенства; хотели сделать все это без помешки, избрание патриарха было отложено. Мы не считаем себя вправе думать, что мысль о совершенном уничтожении патриаршества уже созрела в Петре в 1700 году; всего вероятнее, что она достигла той зрелости с течением времени, когда от отсутствия патриарха не чувствовалось никакого неудобства, когда коллегиальная форма признана была лучшею по всем частям управления, когда, наконец, дело царевича Алексея возбудило в душе Петра сильные сомнения насчет сочувствия большинства высшего духовенства к новому порядку.

16 декабря 1700 года состоялся именной указ: Патриаршему приказу разряду не быть, а дела по челобитьям мирских людей на духовных и духовных на мирских отослать по приказам, где кто ведом; дела же о расколе и ересь ведать преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому. Митрополит

Стефан (Яворский) назывался с тех пор «екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором». Причина назначения малороссиянина Яворского предпочтительно пред Афанасием холмогорским, очевидно, заключалась в учености Яворского. Последний приехал в Москву в начале 1700 года в сане игумна Никольского пустынного монастыря; киевский митрополит Варлаам Ясинский прислал его вместе с игумном Златоверхого Михайловского монастыря Захарием Корниловичем к патриарху Адриану, прося посвятить одного из них на вновь учрежденную епархию Переяславскую (Переяславля южного). Но Петр нашел в Стефане человека, какой ему был нужен в Великой России, и потому он велел патриарху поставить его в архиереи на одну из ближайших к Москве епархий. В марте же очистилось место митрополита рязанского, и Адриан объявил Яворскому, чтоб готовился к посвящению. Тот стал просить, чтоб прежде позволили побывать ему в Киеве; патриарх не согласился и назначил 16 марта для посвящения. Утром в назначенный день архиереи и другие духовные лица собрались, по обычаю, в Крестовую палату к патриарху; послали на Малороссийское подворье за Стефаном: посланник возвратился с ответом, что игумна нет на подворье, уехал в Донской монастырь. Послали туда, Яворский не едет, а между тем уже часа с два в Кремле шел благовест; в другой раз послали в Донской монастырь взять упрямого игумна: Стефан отрекся решительно, что не поедет, не хочет быть архиереем. Патриарх рассердился, не велел пускать Стефана из монастыря и дал знать царю. Тот велел спросить у Стефана, что за причина такого поступка? Стефан написал: «Вины, для которых я ушел от посвящения: 1) писал ко мне преосвященный митрополит киевский, чтоб я возвращался в Киев и его во время старости не оставлял при его немощах и недугах; 2) епархия Рязанская, на которую меня хотели посвятить, имеет еще в живых своего архиерея, а правила св. отец не повелевают живу сушу архиерею, иному касаться епархии – духовное прелюбодеяние! 3) изощренный завистию язык многие досады и поклепы на меня говорил: иные рекли, будто я купил себе архиерейство за 3000 червонных золотых; иные именовали меня еретиком, ляшенком, обливаником; 4) не дано мне сроку, чтоб я мог приготовиться на такую высокую архиерейства степень очищением совести своею чтением книг богодухновенных». Это любопытное объяснение показывает, как смотрели в Москве на ученых малороссийских монахов, поставляемых на великороссийские епархии: некоторые (вероятно, те, которые сами хотели быть архиереями) не щадили для них названий еретика, ляшенка (полячишка). Но Петр, которого самого называли еретиком и антихристом, не обращал внимания на то, что говорили изощренные завистию языки: Стефан был поставлен митрополитом на Рязань и в том же году, как мы видели, был переведен в Москву.

За назначением Яворского блюстителем патриаршего престола немедленно последовали преобразования. В январе 1701 года указано ведать дом св. патриарха, дома архиерейские и монастырские дела боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину; сидеть на патриарше дворе в палатах, где был Патриарший разряд, и писать *Монастырским приказом*. Все челобитные на духовных лиц, монастырских стряпчих, слуг и крестьян должны подаваться в Монастырский приказ, а челобитные духовных лиц, монастырских приказчиков, слуг и крестьян на разных чинов людей подаются в приказах, где кто судим. Монастырский приказ должен был переписать все монастыри, мужские и женские; сколько монахов и

монахинь переписчики застанут в каких монастырях, тем и оставаться в своих монастырях неисходно, в другие монастыри их не принимать; разве по какой-нибудь важной законной причине монах может перейти в другой монастырь, и то с отпускным письмом от начальника прежнего монастыря. Мирские люди в монастырях жить не должны, чтецы и певцы должны быть монахи, дьячков-немонахов переписчики должны выгнать вон. Монахи в кельях наедине не должны ничего писать, чернил и бумаги не держать, писать должны в трапезе, в определенном месте, с позволения начальника, по преданию древних отец. В 1703 году для женских монастырей было подтверждено: из монастыря монахиням быть неисходными; если будет великая нужда выйти, то отпускать на малое время, часа на два и на три, с письмом и за печатью, писать, именно для какой нужды и на сколько времени отпущена, и за письмо и за печать отнюдь взяток не брать; монахини могут писать только в трапезе; постригать белиц должно не раньше 40 лет; ворота в монастыре должны быть всегда заперты, подле ворот должны стоять караульные; миряне входят только во время церковной службы, а в другое время могут входить не иначе, как с позволения игуменьи. Ни в мужских, ни в женских монастырях нельзя было никого постричь вновь без царского указа. Эти распоряжения объяснялись целым рядом жалоб предшествовавшего времени на ослабление нравственности в монастырях, на кочевую жизнь монахов и монахинь, производящих соблазн своим поведением; оправдывались и делами нового Монастырского приказа. В 1701 году у монаха были взяты воровские письма (приворотные к женскому полу): по Уложению, его сожгли в срубе; в 1702 году пьяный монах убил другого до смерти: оказалось, что убийца был беглый крестьянин, постриженный без справки.

В том же 1701 году приступили и к хозяйственным переменам. В архиерейских и монастырских вотчинах веено дать новый торг на все оброчные статьи, которые отданы были на оброк до урочных лет, и если новые откупщики станут давать больше старых, то им и отдавать статьи, не дожидаясь истечения урочных лет для прежних откупщиков. Посольские старцы в вотчинах отставлены; вместо них определены приказчики из мирян. Грекам, армянам, индейцам запрещено было останавливаться в монастырях как в гостиницах. Наконец, в декабре 1701 года был издан знаменитый указ: в монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть, не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания, потому что древние монахи сами себе трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно жили и многих нищих от своих рук питали; нынешние же монахи не только нищих не питают от трудов своих, но сами чужие труды поедают, а начальные монахи во многие роскоши впали и подначальных монахов в скудную пищу ввели; кроме того, от вотчин ссоры и убийства и обиды многие. По этим причинам великий государь указал давать поровну как начальным, так и подначальным монахам, по 10 рублей денег, по 10 четвертей хлеба и дров, сколько им надобно, а собирать с вотчин их всякие доходы в Монастырский приказ. Слуг и служебников в монастырях оставить самое малое число, без которых обойтись нельзя. Что остается хлеба и денег от раздачи монахам, из этого остатка давать на пропитание нищих в богадельни и в бедные монастыри, у которых нет вотчин.

Белое духовенство получило новую обязанность: доставлять в Монастырский приказ ведомости о числе родившихся и умерших: за 1703 год была подана первая ведомость в Москве священниками всех шести сороков приходских церквей. Оказалось, что число смертных случаев с лишком двумя тысячами превышает число рождений.

Назначивши блюстителем патриаршего престола ученого малороссиянина, Петр поручил ему поднять Московскую академию. Стефан Яворский, назвавшись *протектором* Академии, оправдал доверенность Петра, восстановил Академию, но при нем она явилась уже с другим характером относительно преподавания. В первое время по ее основании, при Лихудах, в ней господствовал греческий элемент; Стефан Яворский, воспитанник Киевской академии и окончивший свое образование за границею, ввел в нее элемент латинский, который стал надолго господствующим. При Лихудах руководства, ими составленные, были на греческом языке; теперь преподаватели являются преимущественно из Киева, и, по обычаю тамошней Академии, преподают на латинском языке, сочинения пишутся на нем же, и Московская академия получает название латинских или славяно-латинских школ. Чувствовали потребность и в греческом языке, но чувствовали отвращение от греков, отвращение, которое не могло уменьшиться после знакомства с Лихудами. Нам уже известно поведение сына Иоанникия Лихуда, Николая; этот Николай дурно кончил в описываемое время: 20 апреля 1705 года великий государь указал: князь Николаю Лихудьеву, учиня ему наказанье бить плетью, сослать в ссылку в сибирские в дальние города в службу, в какую годится, за то, что он в Преображенский приказ привел с ложным изветом грека игумена Венедикта на грека Ивана Бочю. Матвеев рекомендовал Головину греческого священника Серафима и по письму боярина отправил его в Москву. Любопытно письмо Матвеева Головину по этому случаю (февраль 1704 года): «Гречанина священника Серафима по вашему письму, дав ему на проезд денег, на вешних кораблях отправлю к Москве, потому что он, здесь и в Англии многовременно жив, в изрядных порядках означился, и в Англии многих своими трудами к греческому святому благочестию привел, и довольные книги на греческом языке выдал, также философии и богословии сильное искусство имеет. Греческого, турецкого, латинского, французского и английского языков совершенно сводом. Может такой человек надобный не только для дел турецких впредь, и для свободных наук учения в государстве великого государя всегда употребительным быть, а нрав и поведение его от природы бездельной греческой гораздо разнится, мною, больше для того, что он уже долголетно в сих краях европейских жил». Но и Серафим не получил места ни в Академии, ни в школе, основанной Глюком. За преобразование Академии сильно рассердился на Стефана иерусалимский патриарх Досифей. Напрасно Яворский писал ему, уверяя в своем православии; Досифей отвечал: «Несправедливо пишешь, что ты поборник восточной церкви, потому что, прохладжаясь на одном обеде, где были и некоторые греки, ты опорочил восточную церковь насчет совершения таинства Евхаристии. И ныне, находясь в Москве, ты стер вконец еллинское училище и только о латинских школах заботишься. По нашему мнению, не может быть московский патриарх из греков, потому что лучшие греки хотят разделять страдания своего народа, а те, которые волочатся туда и сюда, особенно по России, хотя, быть может, и честные люди, но по образованию своему настоящие

мужики. Не может быть патриарх из малороссиян или белорусов, потому что они, имея сношения с латинами, принимают многие нравы их и догматы. За примерами не нужно далеко ходить, довольно тебя, который, отправившись в латинские земли для снискания мудрости, принес хульные списания в дар воспитавшей и почтившей тебя восточной церкви. Зачем ты опасаясь обличать тех, которые приносят смущение в царствующий град (т.е. иностранцев)? Св. патриарх Иоаким, видя смущение церкви, с велим тщанием искоренял их, а ты молчишь!»

В Москве не хотели выдавать Яворского патриарху и отмалчивались; Досифей сердился. Переводчик Спафарий писал Головину в 1704 году: «Святейший ныне зело гневен на меня за то, будто мы умаляем его честь и бережем рязанского, а его письма небрежем. Я природу его ведаю из молодых лет: запальчивый таков, что и в алтаре никому не спустит. Отпиши к нему, потому что он вашей милости в письме пеняет, что ни малой отповеди от вельможности вашей не получил; он любит частую корреспонденцию и еще мнит и то, что не все переводим, о чем он пишет: как греки-воры его информовали ложно, а он верит, в том легкий, кто что скажет, и верит. И того ради на всякую статейку учини ему отповедь, и так утолится гнев его: он ярливый, но скоро уходливый по природе».

В том же 1700 году, когда Стефан Яворский был неволею поставлен в митрополиты рязанские, Петр поручил киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому «поискать из архимандритов и игумнов или других иноков доброго и ученого и благого непорочного жития, которому бы в Тобольску быть митрополитом и мог бы божию милостию исподоволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого бога». Требуемыми достоинствами обладал игумен Новгородо-Северского монастыря Димитрий, знаменитый составлением Четых-Миней. Димитрий был прислан в Москву и весной 1701 года посвящен в митрополиты сибирские, но и это назначение было не вольное; Димитрий заболел с горя; Петр умел войти в положение человека, которого отрывают от любимого ученого занятия и посылают в Сибирь, Сибирь начала XVIII века! Царь позволил остаться Димитрию в Москве, и в 1702 году он получил место ростовского митрополита. Димитрий нашел свою епархию в печальном положении, в каком находились тогда все епархии великороссийские и из которого хотел извлечь их Петр посредством образованных архиереев. Духовенство было невежественное, учить своих духовных детей не могло, и духовные дети тем легче увлекались проповедию какого-нибудь раскольничьего старца, который кричал против духовенства, отступившего от правой старой веры. «Окаянное наше время! – говорил Димитрий в одной из своих проповедей. – Окаянное время, в которое так пренебреженно сеяние слова божия, и не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает, иереи не брегут, а люди заблуждаются; иереи не учат, а люди невежествуют; иереи слова божия не проповедуют, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жены и дети многие никогда не причащаются; иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места: мы их спрашиваем, давно ли причащались? И они отвечают, что не помнят, когда причащались. О окаянные иереи, нерадящие о своем доме! Как могут радеть о св. церкви люди, домашних своих к святому причащению не приводящие?»

Димитрий должен был увещевать иереев, чтоб они не рассказывали грехи детей своих духовных, открытые на исповеди, должен был внушать, что такой духовник есть Иуда-предатель. Самое действительное средство против подобного состояния духовенства было надлежащее приготовление к священническому сану, и потому Димитрий завел училище при своем архиерейском доме и сам ревностно занимался им, исполняя и учительские обязанности, объясняя ученикам священные книги, а между тем сочинение Четых-Миней продолжалось безостановочно.

На место Димитрия митрополитом сибирским назначен был также малороссиянин Филофей Лещинский, эконоом Киево-Печерского монастыря. Приехавши в Тобольск, Филофей рассмотрел в церквах божиих великое нестроение и обратился к Петру за средствами помочь беде. Филофей писал о необходимости завести в Тобольске школы и учить грамматике славянской и латинской, в ученики понудить от всякого чина детей, завести типографию великого государя казною, печатать буквари, часословы малые и псалтыри. Виниус доложил об этом государю и, с его слов, отвечал Филофею: «Преосвященному митрополиту паче простираться в учении славяно-российской грамматики, и чтоб вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились и православной веры катехизис достаточно знали, и по согласию содержащей в ней артикул умели, и людей мирских учили; типографии в Тобольску не быть, а какие книги понадобятся, покупать в Москве». Филофей требовал, чтоб в Сибири каждый год все духовенство съезжалось на собор, один год – в Тобольск, а другой – в Енисейск, и когда архиерей или его посланные поедут в Енисейск или для обозрения епархии, то должны получать казенные подводы. Виниус отвечал: соборам, за дальностию и скудостию попов, быть не для чего и трудно, а паче ж из дальних городов и слобод. А чтоб православная вера без всякого препятя и споны управлялась благочинно, то выбирать ему (митрополиту) по городам и слободам надзирателей и старост добрых и искусных людей, которые б были жития беспорочного и св. писания божественного сведущих, и имя на себе носили трезвое и без всякого порока, и в подводах иметь рассуждение к иноземцам, затем что им, кроме того, великие от подвод тягости, разгоны б не учинить и разорения. Филофей просил: «Буде иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру своею волею, и чтоб тем иноземцам ко крещению приходить свободно, без ясачных убытков, а никому не возбраняти». Виниус отвечал: которые иноземцы хотят волею своею креститься в православную христианскую веру, и их крестить, а неволею никаких иноземцев не крестить и ясак с них не складывать, только их спрашивать, какой ради причины приходят ко св. крещению, велеть им учинить исповедь. Которые татары или иные иноземцы пойманы в смертных винах и похотят креститься на том, чтоб быть им живым, и таких, буде с верою совершенно приступают, окрестя и дав им время довольное на покаяние, потом учинить по Уложению и по градским законам, да всякие беззакония истребятся, и которые языка, ниже веры сведомы, и тех скоро не крестить, да не будет вере православной от них поругания, делать в том со многим опасством и рассмотрением, испытую вины, чего ради который иноземец крещения пожелает, внимали б словесы спасителей, реченные: сие кто верует и крестится, спасен будет. Филофей просил: церковных раскольщиков, отступивших от св. церкви и в упрямстве необратно стоявших, истребляти, а прочих, где явятся,

всякими наставленьями приводить до соединения св. церкви, а непокоряющихся – дома их разграбляти на великого государя, а их смерти предавати. Ответ: учинить непокаянным расколыщикам по прежним указам, только того смотреть, чтоб, ложными покаяниями избыв смерти, не начали тайно простых и неутвержденных людей в свои прелести привлекать или, ушед в пустынные места, собираясь по-прежнему, людей льстить и зажигать, а которые расколыщики, собрав людей, сожигали, а сами уходили, и таким ворам, по истинному свидетельству, хотя и покаются, самих без всякой пощады во страх иным, таким же ворам, сжечь.

Говоря о достоинстве архиереев, которых Петр назначил из ученых малороссийских монахов для распространения просвещения между великороссийским духовенством, не забудем преданий о деятельности лучшего из великороссийских архиереев, знаменитого не школьною ученостью, но святостию жизни и сходившегося с Петром в усердном радении о благе родной земли. В то время, когда другие духовные лица очень косо смотрели на нововведения, разорявшие, по их мнению, монастыри и архиерейские дома, воронежский епископ Митрофан прославлял намерения государя относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать царю в великом деле, но одними словами епископ не ограничивался: он привез царю последние оставшиеся у него 6000 рублей на войну против неверных и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю или в адмиралтейское казначейство с надписью: «На ратных». Легко понять, как Петр должен был смотреть на такого архиерея: не любя жертвовать ни для кого и ни для чего ничем из вновь вводимого, Петр в угоду воронежскому епископу велел снять статуи языческих божеств, украшавшие домик его в Воронеже, и горько оплакивал кончину святого старца.

Но было много людей, которые не разделяли взгляда воронежского епископа на тягости эпохи преобразования. Мы уже видели, как начались и как выражались неудовольствия на Петра за его нововведения; нововведения продолжались, началась война, потребовавшая больших пожертвований людьми и деньгами, рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою, и ропот усиливался. Крестьянин роптал: «Как его бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братии крестьянству нет». Сын боярский говорил: «Какой-де он государь? Нашу братью всех выволок в службу, а людей наших и крестьян побрал в даточные, нигде от него не уйдешь, все распропали на плотях, и сам он ходит на службу, нигде его не убьют; как бы убили, так бы и служба минулась и черни бы легче было». Крестьянки, солдатские жены, кричали: «Какой он царь? Он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век». Холоп говорил: «Если он (Петр) станет долго жить, он и всех нас переведет; я удивляюсь тому, что его по ся мест не уходят: ездит рано и поздно по ночам малолуцством и один, и немцам ныне времени не стало, потому что у него тесть Лефорт умер; какой он царь? враг оморок мирской; сколько ему по Москве ни скакать, быть ему без головы». Монах говорил: «Навешал государь стрельцов, что полтей, а уже ныне станет их солить». Другой монах сказал на это: «Эти полти даром не пройдут, быть обороту от последних стрельцов». Нищий говорил: «Немцы его обошли: час добрый найдет – все хорошо, а иной найдет – так рвет да мечет, да вот уж и на бога наступил: от

церквей колокола снимает». Слышались слова: «Мироед! Весь мир переел; на него, кутилку, переводу нет, только переводит добрые головы!»

И при царе Алексее Михайловиче были сильные жалобы на отягощение народное, жалобы, оканчивавшиеся бунтами, и при царе Алексее Михайловиче Никон, Иосиф коломенский жаловались, что монастыри разорены. Но при этих жалобах если не архиереи вроде Никона или Иосифа коломенского, то народ обыкновенно щадил особу царя, складывал всю вину на бояр. Сын царя Алексея не пользовался этим преимуществом, потому что сблизился с немцами, ездил в их землю, обрился, оделся по-немецки, других заставлял делать то же, царицу сослал в монастырь, вместо нее взял немку Монсову. Сделана была попытка поднять православных против брадобрития: в мае месяце 1700 года в семи верстах от Троицкого монастыря, на большой московской дороге, у креста прибили лист против брадобрития. В Суздале подкинут был точно такой же лист у городских ворот во время проезда через них келейника архиерейского казначея; в Юрьеве Польском тот же лист явился прибитым у ворот Архангельского монастыря. Попытка не удалась; высказывались опасения, что дело не ограничится одними бородами; монах говорил: «Государь ездил за море, возлюбил веру немецкую: будет то, что станут по середам и пятницам бельцы и старцы есть молоко».

Не даром все это! Народная фантазия стала работать над объяснением поразительного, страшного явления, и первое объяснение было высказано: «Немцы его обошли, испортили». Но на этом не остановились, фантазия разыгрывалась все больше и больше, являлся вопрос: прямой ли это царь, сын Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны? В 1701 году князь Василий Сонцев был казнен за два разбоя, за два убийства и за непристойные слова, что царевна Софья называла Петра стрелецким сыном. Но вымысл отъявленного негодяя или озлобленной сестры не мог иметь ходу, ибо не объяснял того, что именно нужно было объяснить – почему Петр полюбил все немецкое! Наконец народная фантазия создала объяснение: Петр родился от немки и был подменен царице, родившей девочку. Объяснение пошло в ход с дополнением, что Петр был сын Лефорты. Бабы, стирая белье, толковали: «Крестьяне все измучены, высылают их на службу с подводами, да с них же берут сухари; все на государя встали и возопяли: какой-де он царь? Родился от немки беззаконной, он замененный, и как царица Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему говорила: ты-де не сын мой, замененный. Он велит носить немецкое платье – знатно, что родился от немки».

Но и на этом фантазия не остановилась. Царь ввел брадобритие и немецкое платье, царицу отослал, Монсову взял, стрельцов переказнил – все по возвращении из-за границы, но он ли это приехал? Немцы погубили настоящего царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего, немца же, чтоб обусурманить православных. Сначала, вероятно на основании слухов о неприятностях в Риге, создалась следующая сказка: «Как государь и его ближние люди были за морем и ходил он по немецким землям и был в Стекольном (Стокгольме), а в Немецкой земле Стекольное царство держит девица, и та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв с сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именинница, и в то время князья ее и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя, и она им сказала: подите посмотрите: буде он валяется, и

для вашего прошенья выпущу. И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: томен, государыня! и она им сказала: коли томен, и вы его выньте, и они его, выняв, отпустили. И он пришел к нашим боярам; бояре перекрестились, сделали бочку и в ней набили гвоздя и в тое бочку хотели его положить, и про то уведал стрелец и, прибежав к государю к постеле, говорил: царь государь, изволь встать и выйти, ничего ты не ведаешь, что над тобою чинится, и он, государь, встал и вышел, и тот стрелец на постелю лег на его место, и бояре пришли и того стрельца, с постели схватя и положи в тое бочку, бросили в море». Сказка не говорила, что сделалось потом с Петром, и люди, враждебные преобразованию, стали распространять слух, что он погиб за границую, а на его место явился немчин: «Это не наш государь, немец, а наш царь в немцах в бочку закован да в море пущен».

Противники преобразования не остановились и на немецком происхождении Петра. Мы знаем, что в России были люди, которые давно уже толковали об антихристе, видели его и в Никоне, и даже в царе Алексее Михайловиче; понятно, что они заговорили еще громче о пришествии антихриста, когда увидели такую полную перемену старины, совершенную сыном Алексея.

В июне 1700 года в Преображенский приказ явился певчий дьяк Федор Казанец с доносом: приходили к нему зять его, подьячий Алексеев, с женою и сказали: живут они у книгописца Гришки Талицкого и слышат от него про государя всякие непристойные слова, да он же, Гришка, режет неведомо какие доски, хочет печатать тетради и, напечатав, бросать в народ. Талицкий узнал, что его ищут в Преображенском, и скрылся, но потом был отыскан, подвергнут пытке и признался, что составил письмо, будто настало ныне последнее время и антихрист в мир пришел, т.е. государь, также и другие многие статьи писал государю в укоризну и народу от него отступить приказывал, слушать и подати платить запрещал, а велел взыскать князя Михаила, от которого будет народу добро. Списки с своих сочинений давал своим единомышленникам и друзьям и за то брал с них деньги. О последнем времени и антихристе вырезал две доски, хотел на них печатать листы и хотел их отдавать в народ безденежно к возмущению на государево убийство. Имя князя Михаила он писал для того: как государь пойдет с Москвы на войну и стрельцы, разосланные по городам, соберутся к Москве, то чтоб они выбрали в правительство боярина князя Михаила Алегукевича Черкасского для того, что он человек добрый. Талицкий показал, что о последнем веке и об антихристе он разговаривал с тамбовским епископом Игнатием, который вслед ему все это написал в книгу и прислал ему пять рублей денег, и он за эти деньги написал епископу тетради. Игнатий признался, что слышал от Талицкого поносные слова на государя, и говорил: «Видим мы и сами, что худо делается, да что мне делать, я немощен»; просил Талицкого написать все в тетрадях получше, чтоб можно было ему, Игнатию, в том деле истину познать. Талицкий уличал Игнатия в том, что когда он слушал написанное в тетрадях, то плакал и, взявши тетради, поцеловал их. Потом Талицкий показал на боярина князя Ив. Ив. Хованского, который говорил ему: «Бог дал было мне венец, да я потерял: брали меня в Преображенское, и на генеральном дворе Никита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, и в отречении спрашивали вместо: веруешь ли? — пьешь ли? и тем своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше было мне

мучения венец принять, нежели такое отречение чинить». (Хованский рассказывал о шутовских обрядах в компании.) Поп Андрей показал, что Талицкий государя антихристом называл и говорил: «Какой он царь: сам людей мучит!», говорил и про царевича: «От недоброго корня и отросль недобрая; как я с Москвы скроюсь, то на Москве будет великое смятение». Монах Матвей показал: «Талицкий пришел к нему в келью, принес с собою тетрадку об исчислении лет и говорил: „Питаться стало нечем, а вы что спите? Пришло последнее время; в книгах пишут, что будет осьмой царь антихрист, а ныне осьмой царь Петр Алексеевич, он-то и антихрист“. Бояре приговорили: Гришку Талицкого с пятью товарищами казнить смертию, других бить кнутом и сослать в Сибирь; тамбовского епископа Игнатия, расстриженного, сослать в Соловки, в тюрьму; князь Хованский умер до окончания дела под караулом.

Талицкого казнили. Стефан Яворский написал книгу против его учения под заглавием «Знамения пришествия антихристового», но, как обыкновенно бывает, книгу читали те, которые и без нее не верили, что Петр – антихрист, а в низших слоях народа книгу Стефана не читали, и мысль об антихристе не умирала в людях, страдавших боязнию нового. В 1704 году в Симонове монастыре хлебный старец Захария говорил: «Талицкий ныне мученик свят; вот ныне затеяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе? Вот ныне проклятый табак пьют!» В Олонецком уезде после службы церковной шел такой разговор между священником и дьячком. *Дьячок* : На Москве ныне изволил государь летопись писать от Рождества Христова 1700 года да платья носить венгерские. *Священник* : Слышал я в волости, что и Великого поста неделя убавлена, и после Светлого воскресенья и Фоминой недели учнут повся меж говенья в среды и пятки мясо и млеко ясти во весь год. *Дьячок* . Как будут эти указы присланы к нам в погосты и будут люди по лесам жить и гореть, пойду и Я с ними жить и гореть. *Священник* : Возьми и меня с собою: знать, что ныне житье к концу приходит. Ладожский стрелец Александр на дороге из Новгорода в 1704 году встретил старца, который говорил ему: «Ныне службы частые, какое ныне христианство? Ныне вера все по-новому: у меня есть книги старые, а ныне эти книги жгут». Про государя говорил: «Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, латыш: поста никогда не имеет; он льстец, антихрист, рожден от нечистой девицы, писано об нем именно в книге Валаамских чудотворцев, и что он головою запрометывает и ногою запинаяется, и то его нечистый дух ломает, а стрельцов он переказнил за то, что они его еретичество знали, а они, стрельцы, прямые христиане были, а не бусурманы, а солдаты все бусурманы, поста не имеют; прямого государя христианского, царя Иоанна Алексеевича, извел он же, льстец. Ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях, бороды бреют». Стрелец заметил: «Вот ныне и неиноземец, и русский Александр Данилович Меншиков, видишь, как пожалован от государя!» Старец отвечал: «Просто ль он пожалован? Он не просто живет, от Христа отвергся, для того от государя имеет милость великую, а ныне за ним беси ходят и его берегут». Стрелец заметил: «Государь от царского родился колена». Старец отвечал: «У него мать была какая царица? Она была еретича, все девок родила». О себе старец объявил стрельцу: «Я живу в Заонежье, в лесах; ко мне летней дороги нет, а есть дорога зимняя, и то ко мне ходят на лыжах».

После бранобрития особенно сильное неудовольствие возбуждали повторительные указы о перемене платья. 4 января 1700 года объявлен был именной указ: «Боярам, и окольничим, и думным, и ближним людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком, и жильцам, и всех чинов служилым, и приказным, и торговым людем, и людем боярским, на Москве и в городех, носить платья, венгерские кафтаны, верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних, тем же подобием». В марте 1700 года Курбатов писал царю, что надобно возобновить указы, хотя с пристрастием, о венгерских кафтанах и о перемене ножей, потому что народы ослабевают в исполнении и думают, что все будет по-прежнему. 26 августа прибиты были по городским воротам указы о платье французском и венгерском и для образца повешены чучелы, т.е. образцы платья. В 1701 году новый указ: «Всяких чинов людем московским и городовым жителям, и которые помещиковы и вотчинниковы крестьяне, приезжая, живут на Москве для промыслов, кроме духовного чина и пашенных крестьян, носить платье немецкое, верхнее саксонское и французское, а исподнее – камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие и ездить на немецких седлах, а женскому полу всех чинов, также и попадьям, и дьяконицам, и церковных причетников, и драгунским, и солдатским, и стрелецким женам и детям их носить платье и шапки и кунтушы, а исподние бостроги, и юпки, и башмаки немецкие ж, а русского платья, и черкесских кафтанов, и тулупов, и азамов, и штанов, и сапогов, и башмаков, и шапок отнюдь никому не носить, и на русских седлах не ездить, и мастеровым людем не делать и в рядах не торговать. С ослушников указа в воротах целовальники берут пошлину, с пеших по 13 алтын по 2 деньги, с конных по 2 рубля с человека; мастеровым людем, которые станут делать запрещенное платье, указ грозит жестоким наказаньем».

Мы уже говорили прежде о смысле преобразования наружности русского человека – преобразования, решительно закончившегося при Петре. Теперь, говоря преимущественно о перемене платья, мы опять должны заметить, что нельзя легко смотреть на это явление, ибо мы видим, что и в платье выражается известное историческое движение народов. Коснеющий, полусонный азиатец носит длинное, спальное платье. Как скоро человечество, на европейской почве, начинает вести более деятельную, подвижную жизнь, то происходит и перемена в одежде. Что делает обыкновенно человек в длинном платье, когда ему нужно работать? Он подбирает полы своего платья. То же самое делает европейское человечество, стремясь к своей новой, усиленной деятельности: оно подбирает, обрезывает полы своего длинного, вынесенного из Азии платья, и наш фрак (пусть называют его безобразным) есть необходимый результат и знамение этого стремления; длинное платье остается у женщины, которой деятельность сосредоточена дома, в семействе. Таким образом, и русский народ, вступая на поприще европейской деятельности, естественно, должен был одеться и в европейское платье, ибо вопрос не шел о знамени народности (это вопрос позднейший), вопрос состоял в том: к семье каких народов принадлежать, европейских или азиатских, и соответственно носить в одежде и знамение этой семьи.

Но иначе смотрели на дело многие из русских, современников Петра. Переменять платье, одеваться немцем было для них и тяжело и убыточно, и, даже оставляя в стороне суеверную привязанность к старине, перемена эта могла

возбуждать сильное раздражение. Дмитровский посадский Большаков, надевая новую шубу, сказал с сильною бранью: «Кто это платье завел, того бы повесил», а жена его прибавила: «Прежние государи по монастырям ездили, богу молились, а нынешний государь только на Кокуй ездит». Нижегородский посадский Андрей Иванов пришел в Москву извещать государю, что он, государь, разрушает веру христианскую: велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть – и потому для обличения его, государя, он и пришел.

Внизу были недовольны нововведениями; наверху царевны и челядь их были также недовольны, только не нововведениями: они еще прежде Петра пошли по новой дороге и нашли ее очень приятною; царевны были недовольны тем, что содержание их было ограничено, что им нельзя было жить так, как жилось в правление царевны Софьи. Мы видели, что и прежде были жалобы на боярина Стрешнева, что он царевен с голоду поморил. Жалобы продолжались. Дворцовый повар Чуркин говорил: «У царевны Татьяны Михайловны я стряпаю вверху, живу неделю, и добычи нет ни по копейке на неделю; кравчий князь Хотетовский лих, урвать нечего. Прежде сего все было полно, а ныне с дворца вывезли все бояре возами. Кравчий ей, государыне, ставит яйца гнилые и кормит ее с кровью. Прежде сего во дворце по погребам рыбы было много, и мимо дворца проезжие говаривали, что воняет, а ныне вот-де не воняет, ничего нет». После этого легко понять, что одна из царевен, Екатерина Алексеевна, предалась страстно исканию кладов. Царевна попалась, потому что завела сношения с костромским попом Григорьем Елисеевым, на которого донесли, что у него бывала многая дворцовая посуда за орлом. Царевна призналась Петру, что поп Гришка был у нее для того, будто он по планетам клады узнает. Гришка признался, что планетные тетради у него были и что по планетам он клады узнает, а царевне говорил обманом для взятку. Старых постельниц царевны, через которых она сносилась с попом, забрали; испуганная Екатерина посылала говорить им: «Для бога, не торопись, молись богу. А хотя и про иное про што спросят, так бы нет доводчика, так можно в том слове умереть. Пуще всего писем чтоб не поминала. Либо спросят про то, не видала ли попа вверху? Так бы сказала, что одно, что хочу умереть – не знаю, не ведаю. Пожалуй, для бога, прикажи всем им, которые сидят, чтоб ни себя, ни меня, ни людей не погубили; молились бы богу, да пресвятой богородице, да Николаю-чудотворцу, обещались бы что сделать. Авось ли господь бог всех нас избавит от беды сея! Расспроси хорошенько про старицу и про то, что она доводит в том на попа, на царицу и на меня? Призови к себе Агафью Измайловскую и ей молвь: что-де ты хоронишься? От чего? До тебя-де и дела нет. А коли бы-де дело было, где-де ухоронишься от воли божией? Помилуй-де бог от того! А как бы-де взяли, так бы-де вы, чаю, все выболтали, как хаживали, и как что, и как царевен видали. Не умори-де, для бога! Хотя бы-де взяли, и вам бы-де должно за нас, государынь, и умереть! А наемни с нею посылала денег два рубля на подворье зашито в мешке к нему. И про это б не сказывали, нету на это свидетелей. И Дарье про то молвь, чтоб не сказывала тех врак, что про старца Агафья ей сказывала, и куда-де она Ваську посылала; о чем не спрашивают, не вели того врать; о чем и спрашивают, так в чем нет свидетелей, так нечего и говорить. Чтоб моего имени не поминали. И так нам горько и без этого».

Женщины лишних врак не сказывали, но и в том, что показали в допросе, находим любопытные подробности: «Отпущена она, Дарья, от царевны за

болезнью к Москве, и на отпуске царевна ей приказывала, чтоб она такого человека проведала, у кого на дворе или где ни есть клад лежит, чтоб, приехав, тот клад взять, и такого человека она сыскала – Ваську Чернова, который сказал: от Москвы в 220 верстах на дворе у мужика в хлеве под гнилыми досками стоит котел денег: у меня-де тот клад и в руках был. И она, Дарья, для взятья того кладу с ним, Ваською, послала для веры покровского дворцового сторожа Измайловского. И тот сторож, приехав к Москве один, ей, Дарье, сказал: не токмо того кладу, и двора он, Васька, ему не указал. Другая женщина, Марья Протопопова, показала: изволила царевна посылать меня в дозор за Ореховою, и Орехова ходила на могилу к Ивану Предтече, которая в Коломенском церковь, и приказала мне стоять одаль от того места, где копали они: Орехова да вдова Акулина; они только кости человеческие выкопали, а я как пришла, так ей, государыне, стала говорить, что нет ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину: „Ни сошто вас нету“. И в те поры пришла государыня, сестра ее, царевна Марья Алексеевна, увидела, что я плачу, и стала спрашивать, скажи-де по правде? И я им стала рассказывать, что кости человеческие, и та стала сестре своей говорить: полно, сестрица, нехорошо затеяла, грех лишний, что мертвым покою нет и баб в погибель приведешь, и она стала и на сестру свою досадовать. Изволила посылать коляску сыскать в Немецкую слободу, и изволила сама поехать на двор к посланнику, что был галанской, и как приехала и стала спрашивать про сахарницу, где она живет, и нам рассказали, и как туда приехала, стала заказывать нам, чтоб мы не сказывали никому, и у сахарницы изволила выбирать сахару и канфекту на девять рублей, и они без денег не отдали, и она приказала запечатать тот сахар, а после не изволила брать. И после того изволила меня посылать по иноземку Марью Вилимову Менезеюшу, и велела ее привезти в Коломенское, и та иноземка поехала, и государыня изволила меня спрашивать, та ли дает в рост деньги? Поговори ты ей, чтоб и мне дала, и я по тем ее словам стала говорить, что не даст без закладу, и она сказала: „Лихо-де закладу нет, как бы так выпросить!“ – а после сих слов изволила тое иноземку к руке жаловать и сама стала с нею говорить, а про деньги ей застыдилася говорить. В Немецкой слободе изволила поехать смотреть двор, и на том дворе хозяйка пьяна была, у ней родины были, и государыня изволила напрашаться кушать, чтобы построила хорошее кушанье, и как поехала от тое хозяйки, и встретился ей Петр Пиль, и узнал ее по карете, и стал к себе звать, и она изволила поехать к нему на двор и ему сказала, чтоб обед сделал, и ее унимала царевна Марья Алексеевна, и она не изволила послушаться, ездила во все места, где изволила напрашаться, и после того изволила у себя стол сделать про тех, у которых кушала».

Все неудовольствия, которые обнаружилились в разных сферах, не были, однако, довольно сильны, чтоб произвести восстание и помешать хотя на время делу преобразования. Причина заключалась в том, что на стороне преобразования были лучшие, сильнейшие люди, сосредоточившиеся около верховного преобразователя; отсюда то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укореняться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И чем остановить? Стрельцы переказнены и разогнаны; инокиня Сусанна уже не выйдет из монастыря; духовенство без патриарха, и подле недовольных великороссийских архиереев архиереи из малороссиян, которые

действуют в видах преобразователя; люди, которым мерещутся признаки последнего времени, могут только бежать в леса и степи. В Москве и около Москвы нельзя ничего сделать: хотя царь и в постоянной отлучке, но есть люди, которые зорко смотрят во все стороны; царь в отсутствии, но в Преображенском сидит пресбургский король. «Бог любит праведника, царь любит ябедника», – говорят недовольные, и, однако, делать нечего, надевают немецкое платье.

В Москве и около Москвы ничего сделать нельзя, но можно начать дело где-нибудь подальше от Москвы, от Преображенского, поближе к козакам. Козаки – одна надежда после стрельцов. И в половине 1705 года, когда царь был с войском на западе, восстание за старину вспыхнуло в самом отдаленном застепном углу, окруженном козаками, в Астрахани. Место было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными из разных городов, вследствие чего астраханский бунт и не носит вполне местного характера. Астрахань была только сборным местом, удобным и потому, что в таком отдалении от Москвы воеводы и начальные люди обыкновенно разнуздывались и своими притеснениями возбуждали сильнейшее неудовольствие, чем и воспользовались заводчики мятежа. Этими заводчиками являются: *ярославец* гостиной сотни первой статьи Яков Носов; *москвитин* Артемий Анцыфоров; *синбирянин* гостиной сотни Осип Твердышев; *нижегородцы* посадские люди Борис Докукин, Петр Скурихин; *павловцы* Илья и Василий Басиловы; бурмистры делового двора: *углечанин* Филипп Калистратов, Михайла Назаров, *синбирянин* Петр Духов, *нижегородец* Козьма Иванов; *астраханские* жители: гостиной сотни Иван Артемьев; земские бурмистры: Антип Ермолаев, Алексей Банщикова, Василий Яковлев, Гаврила Ганчиков, Иван Севрин. Вместе с этими представителями астраханских и иногородных жителей заводчиками являются пятидесятники стрелецких полков и сержанты солдатского полка. Одним из главных разгласителей ложных слухов был пришедший из Москвы стрелецкий сын Степан москвитин. Отец Степана, Кобыльского полка стрелец, умер на службе в Киеве; двое дядей казнены в Москве; Степан остался с матерью, с которою хаживал на загородный двор Федора Лопухина к человеку его, столяру Терентью Андронову; тут Степан слышал, как жена Андропова разговаривала с его матерью: «Стрельцов всех разорили, разослали с Москвы, а в мире стали тягости, пришли службы, велют носить немецкое платье, а при прежних царях этого ничего не бывало; стрельцов разорили, платье переменили, и тягости в мире стали потому, что на Москве переменный государь: как царица Наталья Кирилловна родила царевну и в то же время боярыня или боярышня родила сына, и того сына взяли к царице». Стрельчиха поддакивала. Выросши, Степан отправился в Астрахань; на дороге, в Коломне, зашел к дяде, Ивану Су гоняю, который говорил ему: «Сделаешь добро, если в Астрахани людей смутишь, и Дон и Яик потянут с вами же, кому против вас быть противным? Государь бьется с шведом, города все пусты, которые малые люди и есть, и те того же желают и ради вам будут, можно старую веру утвердить». Дядя дал Степану письмо, в котором говорилось, что Московью завладели четыре боярина столповые и хотят Московское государство разделить на четыре четверти. Сугоняй наказывал подкинуть это письмо, как в Астрахани забунтуют. Приехав в Астрахань, Степан начал говорить старикам-раскольникам и стрельцам тайно, что слышал в доме Лопухина: иные поддакивали: «сбудется так», другие унимали, но он стал громче говорить и нашел единомышленников.

В июне прошла в Астрахани площадная молва, что государя не стало, и для того воевода астраханский Тимофей Ржевский и начальные люди веру христианскую покинули, начали бороды брить и в немецком платье ходить. В июле стрельцы толковали: «Худо в Астрахани делается от воеводы и начальных людей: завели причальные и отвальные (пошлины): хотя хворосту на шесть денег в лодке привези, а привального дай гривну; быть худу, даром не пройдет!» К Никольской церкви (что в Шипиловой слободе) собирались стрельцы; однажды к ним вышел пономарь этой церкви Василий Беседин, вынес книгу и начал читать о брадобритии. «Хорошо, – говорил пономарь, – за это и постоять, хотя б и умереть; вот о том и в книге написано». Сильное впечатление произвел поступок целовальника, стрельца Григорья Ефтифеева, который должен был собирать пошлины с русского платья: Ефтифеев пошлин собирать не стал, бороды себе не выбрил и на вопрос воеводы, для чего он это делает, отвечал: «Хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду». Воевода велел посадить его под караул. В двадцатых числах июля на торгу прошла молва, что запрещено будет играть свадьбы семь лет, а дочерей и сестер велено будет выдавать замуж за немцев, которых пришлют из Казани. Астраханцы пришли в ужас и решились выдать своих девиц как можно скорее замуж до указа, чтоб потом не выдавать их за немцев. 29 июля, в воскресенье, было сыграно свадеб со сто; на каждой не обошлось без пира; разгоряченных вином легко было поднять на бунт. Ночью, часу в четвертом, у Никольской церкви собралось человек с 300, через Пречистенские ворота вломились они в Кремль; Прохор Носов схватил караульного капитана Московского полка, прозвищем Малую Землю, и ударил о землю, иностранца матроса порубил саблею; всего убито было пять человек. Тут кто-то ударил в набат, по набату сбежались в Кремль стрельцы и солдаты всех полков, искали воеводу и не нашли; взяли у митрополита из кельи подьяческого сына Кучукова и перед соборною церковью закололи копьями. В ту же ночь солдаты убили своего полковника Девиня и капитана Меера; стрелец заколол и жену Меера за то, что за несколько времени до бунта она говорила ему: «Станете и вы в пост мясо есть!» Дело начали, что же дальше? Раздались крики: «Надобно идти в Москву, проведать про государя, жив ли он?» – «А разве есть слух, что не жив?» – «Да говорят, что не стало!» – «Нет он жив, да в заточении в Стекольном, закладен в столп, а на Москве не прямой государь». На другой день утром солдат Давыдов и Прохор Носов сыскали Ржевского на воеводском дворе за поварнею в курятнике и привели в круг. Явился обличитель Ермолай, обручник; он кричал на воеводу: «Ты меня за три обруча кнутом бил». Суд был не долог: стрелец конного полка Уткин бросился на Ржевского и сколол его копьем.

Покончили с царским воеводою, надобно было выбрать своего начальника. Стрельцы Тенютин и Яковлев кричали громче всех, что надобно выбрать в старшины ярославского гостя Якова Носова, раскольника и астраханца бурмистра Гаврилу Ганчикова: «Они-де люди умные, все войско управят!» Умные люди были выбраны в старшины.

Первым делом умных людей было разослать грамоты к окрестным козакам, поднимать их за старину. В грамотах говорилось: «Стали мы в Астрахани за веру христианскую, и за брадобритие, и за немецкое платье, и за табак, и что к церквам нас и наших жен и детей в русском старом платье не пущали, а которые в церковь божию ходили, и у тех платье обрезывали и от церквей божиих отлучали и

выбивали вон и всякое ругательство нам и женам нашим и детям чинили воеводы и начальные люди, и болванам, кумирским богам, они, воеводы и начальные люди, поклонялись и нас кланяться заставляли. И мы за веру христианскую стали и чинить того, что болванам кланяться, не хотели. И они, воеводы и начальные люди, по караулам хотели у караульных служилых людей ружья отобрать, а у иных отобрали и хотели нас побить до смерти, а мы у начальных людей в домах вынули кумирских богов. Да в прошлом 1704 году на нас брали банных денег по рублю, да с нас же велено брать с погребов со всякой сажени по гривне, да у нас же хлебное жалованье без указа отняли. И мы о том многое время терпели, и, посоветовав между собою, мы, чтоб нам веры христианской не отбыть и болванам кумирским богам не поклоняться и напрасно смертью душою с женами и детьми вечно не умереть, и за то, что стала нам быть тягость великая, и мы, того не могучи терпеть и веры христианской отбыть, против их противились и воеводу Тимофея Ржевского и из начальных людей иных убили до смерти, а иных посадили за караул. Да нам же ведомо чинится от купецких и от иных всяких чинов людей, что в Казани и в иных городах поставлены немцы по два и по три человека на дворы и тамошним жителям и женам их и детям чинили утеснения и ругательства».

Астраханские посланцы и грамота, ими привезенная, произвели сильное волнение на Тереке. Возмутились всем городом и пришли к воеводе на двор с копьями; воевода из хором уговаривал их астраханцам не верить и не мутиться. Воевода остался жив, но козаки требовали у него на смерть подполковника Илью Некрасова, воевода не выдал Некрасова; тогда на другой день они вломались с ружьем в воеводские хоромы, взяли Некрасова силою, отвели в приказ за караул, потом пытали и убили всем полком. И на Тереке, как в Астрахани, приступили немедленно к избранию начальных людей, взяли невольню посадского Василья Авдеева всем городом да козака Степана Тимофеева в атаманы и целовали крест быть заодно с астраханцами. Но на Тереке далеко не все думали одинаково: козаки и московские стрельцы были за бунт, но терские стрельцы, конные и пешие, с ними не тянули. В Астрахани получена была очень неудовлетворительная грамота от терских и гробенских атаманов и козаков: «Мы ради за веру Христову, и за брадобритие, и за табак, и за немецкое платье, мужское и женское, и за отлучение церкви божией стоять и умирать, но вы, все великое астраханское войско и все православное христианство, не прогневайтесь на нас за то, что войска к вам на помощь не послали, потому что, живым богом клянемся, невозможно нам войска к вам прислать: сами вы знаете, что нас малое число и с Ордою со всею не в миру, чтобы по-прежнему от Орды жен и детей не потерять». Таким образом, астраханцы должны были отказаться от надежды получить помощь с Терека; напротив, один из тамошних заводчиков бунта, писарь Страхов, писал, чтоб астраханцы прислали войска на помощь людям, стоявшим за веру Христову, и брадобритие, и старое платье, мужское и женское. Между тем воевода, вышедший с верными правительству людьми из города, возвратился туда с татарами и черкесами и усмирил бунтовщиков, некоторых казнил, заводчиков отослал в Москву.

Красный и Черный Яр объявили себя за Астрахань. Астраханские посланцы, приехавши в Красный Яр, ударили в набат и, вынув сабли наголо, говорили красноярцам: «Если старшин не выберете, на нас не пеняйте». Особенно кричал

Иван Кузнечик: «Либо мы пропадем, либо вы пропадете; если старшин не выберете, то вам сабли не миновать». Красноярецы взбунтовались всем городом, сковали воеводу за налоги и отправили его в Астрахань с челобитчиками на него; в Астрахани челобитья найдены справедливыми и воевода убит.

Далее Красного и Черного Яра бунт не пошел. Умные люди, распорядившиеся в Астрахани, послали атамана Ивана Дорофеева с войском поднимать Поволжье; Дорофеев подошел к Царицыну, послал к горожанам приглашение стать за брадобритие и старое платье, но получил ответ: «Пишешь к нам, чтоб пристать к вашему союзу: и мы к вашему союзу пристать не хотим; с кем вы думали в Астрахани, там себе и делайте. Да вы же к нам писали, будто к нам приезжают в город калмык многое число и будто в городе отымают хлеб, и калачи, и харч безденежно: и у нас того не бывало. Да вы ж к нам писали, будто стали за православную христианскую веру: и мы, божию милостию, в городе Царицыне все христиане и никакого раскола не имеем и кумирским богам не поклоняемся, и козаки донские к вам приезжали из разных станиц, и к вашему приобщению приставать не хотят и вам отказали».

Отправляя Дорофеева к Царицыну, умные люди ему наказали: «Если донские козаки к ним пристанут, то им, взяв Царицын боем, идти до Москвы и по дороге брать города, а противников побивать до смерти, потому что государь в Стекольном закладен в столпе и на Москве управляют бояре, Бутурлин да Головин, и, пришед к Москве, проведать о том подлинно». Итак, успех бунта зависел от донских козаков: донские козаки не дали помощи, и Царицын не был взят боем. Дорофеев не пошел дальше без козаков. Отчего жена великой реке не нашлось охотников постоять за Христову веру и за брадобритие? Охотники были, потому что кроме желания добыть зипун были сильные неудовольствия на Москву, на царя; охотники были, но их было еще не много, они не были в собрании, и, главное, у них не было вождя. Астраханский бунт произошел внезапно, без предварительного сношения с недовольными на Дону, застигнул последних врасплох, вовсе неприготовленными; притом умные люди, распорядившиеся в Астрахани, сделали большую ошибку, отправив возмутительные письма прямо в Черкасск, к правительству донскому, тогда как атаманы и старые козаки никогда не начинали восстаний против московского правительства, и бунты вспыхивали не в Черкаске, а в дальних козачьих городках, наполненных новопривышею голутьбою, искателями зипунов. Наконец, Федор Матвеевич Апраксин, узнав в Воронеже об астраханском бунте, писал в Черкасск, чтоб тамошнее правительство послало от себя во все козачьи городки добрых козаков человека по два или больше с подтверждением, чтоб нигде к астраханцам не приставали и, если явятся воры, били, ловили и присылали в Воронеж; войсковому атаману Апраксин велел идти к Царицыну, чтоб воровской замысел пресечь; о себе Апраксин писал, что идет к ним водой с солдатскими полками, а наперед себя посылает козацкие слободские полки; то же самое написал и во все козачьи городки. «О походе своем писал к ним и пустил эха, чтоб их привести тем в размышление», — доносил Апраксин царю. Донцы действительно пришли в размышление, следствием которого было то, что они целовали крест не изменять царю, выслали войско против бунтовщиков и астраханских посланцев, заковавши, отправили в Москву вместе с прелестною грамотою. В Москве любопытствовали знать, что такое за кумирские боги, о которых писали астраханцы? Один из их

посланных объяснил дело: кумирами бунтовщики называли столярной работы личины деревянные, на которых у иноземцев и у русских начальных людей кладутся накладные волосы для бережения, чтоб не мялись. Присланные от донских козаков объявили в Москве, что у них все тихо и бунта не будет, потому что им от великого государя никакого утеснения нет, и тем они перед иными народами от великого государя пожалованы и взысканы, что к ним до сих пор о бородах и о платье указу не прислано, и платье они ныне носят по своему древнему обычаю, как кому из них которое понравится: иные любят носить платье и обувь по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить в русских стародревнего обычая платьях, и что кому лучше похочется, тот так и творит, и в том между ними, козаками, распри и никакого посмеяния друг над другом нет, а немецкого платья никто из них, козаков, у них на Дону не носит, а мастера, т.е. портные, которые б немецкое платье могли делать, в городках их козачьих не живут, и охоты у них, козаков, кроме изволения государского, к тому немецкому платью нет, а когда к тому будет изволение его, государское, и они воли государской противны не будут.

Таким образом, бунт был остановлен в самом начале несогласием донских козаков в нем участвовать, а между тем Петр тотчас же принял энергические меры к его потушению. Он находился в Митаве, когда получил из Москвы весть об астраханском бунте; понимая всю опасность бунта по местности, в которой он загорелся, зная, какими горючими материалами окружена эта местность, зная, что многие и не в дальнем расстоянии от Москвы встретят с радостью людей, восставших за брдобритие и старое платье, Петр велел фельдмаршалу Шереметеву поспешно двинуться к Москве, за которую очень опасался, как видно из письма его к Т. Н. Стрешневу от 12 сентября: «Вчера от князь Бориса (Голицына) письмо я принял, в котором пишет о бунте астраханском и что вы выбрали воеводу. Извольте из ближних несколько... (прибрать?) и дать ружье, также сыскать к ним офицеров, кои ныне учат их по городам. Мы для лучшего отпустили к вам господина Шереметева с конными и пешими полки и чаем, что он с конницею к вам будет в две недели, також и пехота не замешкается, и сие изволь объявить. Також советую вам, пока вышереченной господин к вам будет, чтоб деньги, из приказов собрав, вывезли из Москвы или б с верными (людьми) тайно где положили или закопали, всякого ради случая; також и ружье лучше б, чтоб не на Москве было. Почты, кои ходят за рубеж и к городу, извольте задержать до времени».

Шереметев с дороги дал знать государю, что донские козаки не за бунтовщиков, а против них; верное известие о том же получено было и от Апраксина. Самое большое опасение не сбылось за Москву не нужно стало бояться, но Петр не любил складывать рук вследствие утешительных известий и писал Шереметеву: «Для бога, не мешкай, как обещался, и тотчас пойдя в Казань». В какое радостное изумление пришел Петр, получивши известие, что козаки отвергли предложение астраханских бунтовщиков, всего лучше видно из письма его к Апраксину (от 25 сентября): «Письма ваши принял, из которых выразумел, что всемиловитивейший господь не вконец гнев свой пролити, и оным уже чрез 25 лет губительным псам волю и в невинных кровях утеху подати изволил, и чудесным образом огонь огнем затушити изволил, дабы могли мы видеть, что вся не в человеческой, но в его суть воле. Которое дело с

удовольствием рассуждая и воздав оному хвалу, не мало в настоящих трудах обрадовались».

Торопя Шереметева с войском к Астрахани, Петр хотел попытаться, нельзя ли покончить с нею поскорее мирным путем. Для этого 11 октября он послал в Астрахань с тамошним жителем Кисельниковым грамоту с увещанием к народу отстать от возмутителей и, перехватавши главных заводчиков, прислать их в Москву, чем заслужат прощение, в противном же случае будут казнены без пощады. 3 января 1706 года Кисельников приехал в Астрахань; собрался круг, ибо Астрахань, как в разинское время, управлялась теперь по-козацки, царскую грамоту приняли в кругу и послали за митрополитом Самсоном. Когда он пришел, стали читать грамоту и, выслушав ее, за государево здоровье молебствовали при пушечной стрельбе. 13 января митрополит приводил всех к присяге, и положили: буде от кого впредь с того числа какая будет неверность, и им чинить указ, чего они будут достойны; написали повинную к государю и для ее поднесения выбрали 8 человек, которых и отправили вместе с Кисельниковым. В повинной говорилось: «Междоусобие учинилось за брадобритие и немецкое платье и от многих воеводы Ржевского и полковников у начальных людей для взятков, налог и обид. Воевода не дал срока в деле немецкого платья для своей корысти, посылал по многие праздники и воскресные дни капитана Глазунова да астраханца Евреинова к церквам и по большим улицам, и у мужска и у женска полу русское платье обрезавали не по подобию и обнажали перед народом и усы и бороды, ругаячи, обрезавали с мясом. Ржевский у стрельцов ружьи обобрал, хлебного жалованья давать им не велел, с бань брал по рублю и по 5 алтын, с погребов по гривну, подымных по 2 деньги с дыму, валешных по 2 деньги, от точенья топоров по 4, с ножа по 2, от битья бумаги по 4 с фунта, с варенья пив и браг с конных по 5 алтын, с солдат и пеших стрельцов по гривне, с малолетних, со вдов, и которые в свейском походе, и женам их и детям платить было нечем, и тех сажал за караул и бил на правеже, и многие дворишки продавали и детей закладывали; у служилых людей и у всех градских жителей дворам спрашивал купчих, и которые дворы построены на данных местах, а иные купленные и в моровое поветрие крепости утерялись и в пожар сгорели, и с тех крепостей брали пошлины вдвое и втрое, а с рыбных и соляных и с иных всяких промыслов брали откупщики с стругов и с посадов привального по рублю, и по два, и по три, и по пяти, а с мелких стружков по полтине, а в тех откупах он, Ржевский, с начальными людьми были товарищами. Хлебные запасы из стругов велел без указа выгружать и возить на житный двор служилым людям, и они выгружали и возили на себе мимо подрядчиков, а он, Ржевский, за провоз тех запасов брал с подрядчиков деньги и моклый и гнилой запас целовальникам велел принимать у подрядчиков в неволю и за то бил батожьем насмерть. Он же посылал их зимним путем для рубки дров к селитрянному варенью, и многие служилые люди от стужи помирали и на плаву с плотами тонули и в полон взяты; да и про домашний свой обиход для дров и сена и травы их посылал же; их же посылал на овощные и селитряные струги для караула и на работу до Царицына и до Саратова и до Сызрану без прогонных денег. А полковники и начальные люди немцы, ругаячись христианству, многие тягости им чинили и безвинно били и в службах по постным дням мясо есть заставляли и всякое ругательство женам их и детям чинили, а воевода Ржевский по челобитью их указу не чинил. Он же, Ржевский, велел брать крепостных дел

подьячим сверх указа лишних денег и те деньги брал себе, и о тех поборах к Москве и в Казань посылали они челобитчиков, а указу о том не учинено, а о вышеписанных всех обидах хотели они для челобитья из Астрахани послать, и их не пустили. Да Ржевский же в Караганской бусе с головою Голочаловым да с Мещаряком был в паю. А шведов-полоняников, которые присланы к селитрянному варенью в работу, мимо учиненных начальных людей, ставил собою в начальные люди, и у яхт и у мшанов были в матросах, и от них были русским людям налоги горше иных начальных людей. Полковник Дивигней (Девинь) с иноземцы начальными людьми брали к себе насильством из служилых домовных людей в деньщики и заставляли делать самые нечистые работы, они и жены их по щекам и палками били, и кто придет бить челом, и полковник челобитчиков бил и увечил насмерть и велел им и женам и детям их делать немецкое платье безвременно, и они дома свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брил и щипками рвал насильством».

12 февраля приехал Кисельников с челобитчиками в Москву. Чтение повинной и рассказы челобитчиков произвели такое сильное впечатление на боярина Головина, что он решился просить царя о безусловном помиловании. «Довольно говорил я с ними, – писал Головин Петру, – все кажутся верны и мужики добры. Изволь, государь, хотя себя понудить и показать к ним милость. А послать их к тебе надобно было непременно, понеже гораздо верно уверятся и во всяком страхе и послушании будут, а нам лучшие воры немного верят. *Только и в нас не без воров бывало* ». Произвела ли повинная и на Петра такое же впечатление, хотел ли он поскорее покончить на востоке, по затруднительности обстоятельств на западе, или, что всего вероятнее, оба побуждения действовали одинаково сильно, – только царь послушался совета Головина и отпустил челобитчиков с грамотою, в которой заключалось всепрощение. Но умные люди в Астрахани распорядились иначе. Мы видели, как они распорядились по получении первой царской грамоты, в которой обещалось помилование народу с условием выдачи заводчиков: об этом условии астраханцы промолчали, присягнули, положили наказывать тех, кто впредь затеет что-нибудь, и под видом повинной послали царю изложение причин восстания. Как принял царь эту повинную – они не знали, а между тем Шереметев приближался с войском, которого не было и трех тысяч, следовательно, можно было надеяться на удачное сопротивление; удача доставить союзников, и, как видно, у заводчиков почему-то не исчезла надежда на возможность похода к Москве.

Шереметев достиг Казани в конце 1705 года; здесь почему-то ему очень не понравилось. «Я в Казани живу, как в крымском полону, – писал он Головину, – не пишу к тебе ни о чем здешнем; желал бы я сам вас видеть; писал я к самому капитану (Петру), чтобы указал мне быть к себе; ныне подай помощи, чтобы меня взять к Москве». Зная хорошо своего фельдмаршала, тяжесть его на подъем и страсть бывать в Москве под каким бы то ни было предлогом, капитан послал к нему сержанта Щепотева с письмом (от 10 января): «Указ посылаю ныне к вам с сержантом господином Щепотевым, которому велено быть при вас на некоторое время, и, что он вам будет доносить, извольте чинить». Щепотеву был дан наказ: объявить фельдмаршалу, чтоб: «1) оставить в Казани Афанасия Дмитриева, да с ним конных 1000 человек из дворян, из иноземцев и из новокрещеных, да мурз 500 человек, поместных добрых, да пеших полк, который придет с Москвы, да

Казанский полк 500 человек. 2) Самому с достальными со всеми идти, и конечно сим путем дойти до Саратова и стать в Саратове, расставить в удобных местах войско до весны; также полк послать (кроме низовцев) в Дмитриевской, другой на Царицын. 3) Самому как возможно совсем по весне рано идти до Царицына, чтоб за довольное время предварить воровской замысл. 4) Смотреть, чтоб все по указу исправлено было, и, буде за какими своими прихоти не станут делать, и станут, да медленно, говорить, и, буде не послушают, сказать, что о том писать будешь ко мне».

Головин писал Шереметеву: «Тебе, мой государь, конечно надлежит быть в Саратове, чтобы его величество не раздражать». Шереметев двинулся. Но Петр не ограничился одним этим движением и 1 февраля писал Головину, чтоб послать в Казань морскую команду, выбрать там 5 судов, поставить на них по 12 или по 8 пушек и тотчас по взломании льду сплыть к Царицыну и стать там на якорях выше разделения Ахтубского: суда эти, писал Петр, лучше 10000 войска могут воров вверх не пропустить; царь приказывал также, чтоб половина морских офицеров, посылаемых к Царицыну, умела по-русски; с Саратова жилых половину, пришлых всех выслать в Польшу; половину синбирян, сызранцев, дмитриевцев выслать и поставить на станции по замосковным городам.

Чтобы уничтожить или по крайней мере ослабить главную причину неудовольствия, Петр дал следующий указ доверенному человеку, казанскому вице-губернатору Никите Кудрявцеву: «Во всех низовых городах ведать податями и собирать, також и сымать оные или паки наложить ради нынешнего там смятения астраханского, и сие чинить, смотря по времени, месту и людям, и всячески тщиться, чтоб утешать, и ниоткуда для сборов податей указу ничьего не слушать, а что невозможно будет делать, об указе писать ко мне и в том тщиться с таким прилежанием, как богу и здешнему суду добрый ответ дать». Насчет черноморцев писал Головину: «Буде черноморцы с донскими козаками уговорятся в том, чтоб их вину простить, велеть уговаривать». На вопрос Щепотева: «Что доброе сделается на Черном Яру, что с ними делать?» – отвечал: «Кроме прощенья и по-старому быть, иного ничего; также и везде не держайте ни точию делом, ни словом жестоким к ним поступать под опасением живота».

Черноморцы покорились, хотя не искренно. Шереметев обошелся с ними сурово и велел отобрать оружие. «У черноморцев, – писал Петр, – вы ружье отбирали напрасно, и удивляюсь, что просите указу, что делать с (черноморцами) зачинателями и с астраханцами, ежели покорятся? К вам многократно от меня и от г. адмирала (Головина) писано: конечно всех милостию и прощением вин обнадеживать, и, взяв Астрахань, отнюдь над ними и над заводчиками ничего не чинить, и черноморцам ныне объявить, что ружье у них отобрано только до тех мест, пока и астраханцы покорятся и вину принесут, и тогда по-прежнему то ружье им отдано будет, и привести их ко кресту в верности, а и зачинщиков причинных ничем не озлоблять и только их перепоручить и дать им жить на свободе, и всяко тщиться, чтоб ласкою их привлечь и чтоб они о своем состоянии писали и к астраханцам, и под Астраханью без самой крайней нужды никакого жестокого и неприятельского поступка не воспринимать, и то ежели разве они по приезде своих челобитчиков и по получении нашей грамоты и по многим твоим добродетельным присылкам весьма упорны явятся и не покорятся, чего мы, по отпискам их к тебе, быти не чаем».

Случилось последнее, чего не чаял Петр. Головин дал ему знать, что у астраханцев «не без шалости: только, государь, с помощью вышнего, в сем не изволь сомневаться; лучшее разве то воры себе учинят, что разбегутся (хоть к черту истинно и в Аграхани в два лета все исчезнут), а если им возмущать и бежать на Дон, ей, никогда не пристанут, и милостию твоею козаки довольны и верны». Астраханцы не побежали на Дон, но не побежали и на Аграхань. 9 марта выехали из Астрахани навстречу к Шереметеву, к урочищу Кичибурскому Яру, Спасского монастыря архимандрит Антоний и с ним четыре человека астраханцев; они подали фельдмаршалу письма от митрополита Самсона и от Георгия Дашкова. Этот Георгий Дашков был строитель астраханского Троицкого монастыря, присланный туда из большого Троицкого Сергиева монастыря, от которого астраханский зависел. Дашков в последнее время отличался своею ревностию в увещании бунтовщиков и играл главную роль между духовными лицами, потому что митрополит от старости был очень слаб. Дашков также постоянно переписывался с Шереметевым и теперь с Антонием писал, что в Астрахани началось снова смятение и несогласие, одни остаются верны, другие опять склонны к возмущению, и от того между ними распря; Дашков просил, чтоб Шереметев скорее шел в Астрахань.

Против урочища Коровьи Луки на Волге, в 30 верстах от Астрахани, встретили Шереметева Воскресенского монастыря архимандрит Рувим, Георгий Дашков, стрелецкие пятидесятники и десятники, армяне, индейцы, бухарцы, юртовские татары, человек с сорок, и объявили, что весь народ астраханский готов его встретить. Шереметев отвечал, что государь их простил и чтоб они вины свои заслужили. Но, как видно, с удалением людей, противных бунту, Яков Носов с товарищами осилили. Когда приехал в Астрахань посланный Шереметевым с письмом к старшине сызранец посадский человек Данила Бородулин, то в кругу Яков Носов, по многих разговорах, сидя перед кругом за столом, говорил посланному: «Здесь стали за правду и за христианскую веру, коли-нибудь нам всем умереть будет, да не вовсе бы и не всякой так, как ныне нареченный царь, который называется царем, а христианскую веру порушил: он уже умер. душою и телом, не всякому бы так умереть». В это время в кругу читали присланное из Черного Яра письмо, чтоб на Черный Яр прислать силы на помощь, ибо идет с войском князь Петр Хованский. Во время чтения Носов, опершись локтем на коробью и наклонясь, говорил Бородулину тихонько: «Ведь мы не просто зачали! Это дело великое: есть у нас в Астрахани со многих городов люди, и не одно черноморское письмо, есть у нас письмо из Московского государства от столпа от сущих христиан, которые стоят за веру ж христианскую». Бородулин побоялся спросить его, кто писал? потому что тут обступили их со всех сторон и расспрашивали с криком. Потом принесли в круг хлеба, вина, пива; Носов поднес Бородулину ковш вина, тот принял и сказал: «Дай боже благочестивому государю многолетно и благо получно здравствовать!» На это отозвался старшина, московский стрелец Иван Луковников: «Какой он государь благочестивый! Он неочесливый, полатынил всю нашу христианскую веру!» Бородулин заметил Носову, зачем старшина такие нечестивые слова говорит? Носов, рассмеявшись, отвечал: «Не все перенять, что по Волге плывет: мужик он простой, что видит, то и бредит». В то же время в кругу раздавались крики: поносили государя всякими бранными словами: «Не сила божия ему помогает, ересями он силен,

христианскую веру обругал и облатынил, обменный он царь. Идти ли нам, нет ли до самой столицы, до родни его до Немецкой слободы и корень бы весь вывести; все те ереси от еретика, от Александра Меншикова». На третий или на четвертый день Носов с старшинами пришли к Бородулину на постоялый двор и потчевали его вином; Бородулин, взявши ковщ, говорил: «Дай, господи, великому государю на много лет здравствовать» и, выпив, стал подносить Носову, но тот отвечал: «Я про его здоровье пить не стану: как нам пить про такого православных христиан ругателя? Что вы не образумитесь? Ведь вы и все пропали, оболестили вас начальные люди милостию, пропали вы душою и телом». На отпуске Носов говорил Бородулину: «Бог тебе в помощь, поезжай! Вот тебе подводы; управляйтесь с князьями и боярами, а в городах с воеводами, на весну и мы к вам будем».

11 марта Шереметев ночевал на Долгом острове, в 10 верстах от Астрахани; сюда приехали из города бурмистры и донесли, что они ушли, а в Астрахани стрельцы волнуются и не хотят пускать фельдмаршала в город. Шереметев придвинулся еще ближе к Астрахани и с Балдинского острова (в 2 верстах от города) послал письмо, чтоб перестали бунтовать. Ответа не было, а пришло несколько дворян с вестию, что астраханцы из слобод перебрались в город, расставили и зарядили пушки, собрали гулящих людей, роздали им ружья и порох и написали между собою письма, что стоять всем вместе. Оставленные жителями слободы стали гореть. Тогда Шереметев послал полк в Ивановский монастырь, чтоб спасти его и хлебные магазины, находившиеся подле монастыря. 12 марта Шереметев сам приехал в монастырь: бунтовщики начали приступать к монастырю и кинули три бомбы, но Шереметев отбил их и послал за остальным войском. Когда оно пришло и начало строиться, то бунтовщики вышли на вылазку за реку Кутумову. Царские войска дали залп; бунтовщики побежали, покинув пушки и знамена, засели в Земляном городе и начали стрелять с вала. Солдаты взяли вал приступом и гнались за бунтовщиками до Каменного города к самым Вознесенским воротам, побрали пушки и мортиры. Так как бунтовщики жестоко отстреливались из Кремля, то Шереметев велел полкам отступить от него и расставил их в Земляном городе по улицам и отсюда велел метать бомбы в Кремль, а между тем послал к осажденным увещание к сдаче. Вечером того же 12 числа вышли из Кремля пятидесятники и десятники с повинною, а на другой день, 13 марта, вышли старшины – Яков Носов и только что перед тем выбранный атаман из донских козаков Елисей Зиновьев с просьбою о прощении. Шереметев велел всем положить оружие, а печать и ключи отдать митрополиту; все это было исполнено; бунтовщики вынесли даже к воротам топор и плаху. Того же 13 марта Шереметев пошел строем в Кремль; когда он шел, то по обеим сторонам улицы астраханцы лежали на земле. У ворот кремлевских встретил победителя митрополит, и пошли все в собор для благодарственного молебствия.

Взятие Астрахани стоило Шереметеву 20 человек убитыми и 53 ранеными. Бунт был сломлен, но заводчики ходили по воле: Шереметев боялся без указа перехватить их и писал Головину: «Здесь народ учинил то все от неволи, и, конечно, надобно, чтоб здесь было людей (воинских) больше старого, а Носов великий вор и раскольник, и ныне при нем все его боятся и в шапке с ним никто говорить не может, и надобно его и других заводчиков и Яхтинский полк вывести к Москве: то здешние люди успокоятся и об них тужить на будут. Московского

полка бунтовали немногие; только есть из них заводчики, а я без указа выслать их не смею, и надобно вскоре указ о том выслать, а как вода разольется, боюсь, чтоб не разбежались, а удержать их нельзя. Я такого многолюдства и сумасбродного люду от роду не видал, и надуты страшною злобою, и весьма нас имеют за отпадших от благочестия. Как надуты и утверждены в такой безделице!»

Участники бунта были перехвачены и отправлены в Москву: здесь их колесовано, казнено и умерло во время продолжительного розыска 365 человек.

Требуя указа насчет зачинщиков бунта, Шереметев в то же время жаловался на сержанта Щепотева, который имел неосторожность отправиться в Астрахань прежде Шереметева, был захвачен бунтовщиками и сидел с ними вместе в Кремле 12 марта. Шереметев писал об нем Головину: «Как Михайла Щепотев сидел у них в городе, и они чаяли, что он-то и пуций будет в промыслу и бомбардир: для того больше и держались. А как я вошел в город и пришел на свой двор, и он, Михайла, говорил во весь народ, что прислан он за мною смотреть, и что станет доносить, чтоб я во всем его слушал. И я не знаю, что делать? А за грехи мои припала мне болезнь ножная: не могу ходить ни в сапогах, ни в башмаках, а лечиться здесь не у кого. Пожалуй, не остави меня здесь». Потом писал: «Если мне здесь прожить, прошу, чтоб Михайла Щепотева от меня взять. Всенародно говорит, что хочет меня государю огласить, не знаю чем, и с Александром Даниловичем ссорить, и говорит: „Я де тебя с ним помирю“, и непрестанно пьян. Боюсь, чтоб надо мною не учинил; ракеты денно и ночью пускает: опасно, чтоб города не выжег». А Щепотев писал царю: «Известую милости твоей: по указу твоему я господину фельдмаршалу кое о каких нуждах, которые надлежит исправлять, наипаче к опасению твоих государевых сборов, чтобы утраты не было, доносил, и его милость сказал мне: „Я твоих слов слушать не хочу, и впредь с такими доносительными словами ко мне не ходи“. И я ему то доносил, что я стану до вашей милости писать, и он мне велел о том до вашей милости писать и отпускал меня из Астрахани к милости твоей, и я не смею ехать. Да который дьяк обретается у фельдмаршала, приличился во взятках, и я ему, фельдмаршалу, про те взятки доносил, чтоб розыскать, и он, фельдмаршал, про него не розыскивает и приказал в Астрахани ему, дьяку, приход и расход таможенный и кабацкий и раздачу животов, которые граблены были, и, как животы раздают, фельдмаршал меня не призывает».

Петр не выдал Щепотева Шереметеву и не умалил значения шереметевского дела вследствие донесений Щепотева. В ответ на извещение о взятии Астрахани он писал фельдмаршалу: «Письма ваши принял и за неизреченную Божию милость господя бога благодарил с изрядным триумфом, которою викториею над сими проклятыми воры вам, яко виновным оной виктории, поздравляем; за который ваш труд господь бог вам заплатит, и мы не оставим». Это неоставление заключалось в денежном окладе и пожаловании более 2400 дворов; сын Шереметева был назначен из комнатных стольников в полковники. Когда Меншиков объявил Шереметеву царскую милость, то фельдмаршал был очень весел и обещался больше на болеть. Но и Щепотев получил от государя также письмо: «Благодарствуем вам за ваши труды и прочее. По получении сего письма вы поезжайте к нам наперед тогда, как фельдмаршал с полками из Астрахани к Смоленску пойдет». По отъезде Шереметева управлять успокоенною Астраханью назначен был князь Петр Ив. Хованский.

Астраханский бунт, ограниченный одною местностью, нетрудно было затушить, когда донские козаки не дали ему разгореться. Мы видели причину этому; видели, как Петр был приятно изумлен невмешательством козаков, тем более что вести о волнениях на Дону не переставали приходить в Москву. Летом 1700 года дано было знать с персидской границы, что козаки, которые, учиня воровство, побежали с Дону к персидским границам человек с 500, осаждены от тамошних разных владельцев близ Каспийского моря, а которые из них вышли было на море для воровства над торговыми судами, разобраны ратными людьми, высланными из Астрахани. В том же году стольник и воевода князь Петр Дашков дал знать с Камышенки, что, собравшись, воровские козаки пришли под табуны и отогнали у ратных людей много лошадей. Воевода послал за ворами отряд войска, который отбил лошадей и захватил четырех воров; в расспросе и с пыток воры сказали: пошли они в прошлых годах из дворцовых сел, а в нынешнем 1700 году зимою с Медведицы городка Чернагая козак Нестерко Зиновьев прибрал к себе воров из разных козачьих городков и стал с ними станом на реке Медведице в луке, откуда посылал отгонять лошадей из полку князя Дашкова; на этих лошадях хотел атаман Нестерко ехать по городкам, по Медведице и Дону, звать вольницу и ехать на Аграхань через степь к козаку Костке Иванову, который прежде был в Паншине атаманом: присылал Костка товарища своего Губана с Аграхани на Дон для подговору в разные козачьи городки; в совете были и хотели идти на Аграхань поп Максимка Григорьев, Филка Архипов, прозвище Кисельная Борода, и множество других козаков из разных мест; умышляли – пришед на Аграхань, выходить на море и на Волгу-реку под Царицын для воровства и разоренья всяких людей и стругов. Прежний вор и раскольщик Митька Татаркин, который жил на Медведице в раскольничьем городке и ушел оттуда во время приходу государевых людей, теперь живет на Медведице же, в Черкасове, в юртовских гулебных станах, с товарищами, человек с 20, с женами и детьми, и к нему писали с Дону из Черкаского о совете два козака, чтоб им, соединясь, идти на Аграхань для воровства; Митька всем им велел готовиться, и к воровскому походу теперь готовы и хотят идти многолюдством, а как он, Митька, пойдет, и от него во всех верховых козачьих городках немногие люди останутся, потому что к его воровству все пристанут и слушают его во всем.

На это известие о воровских замыслах государь отвечал указом: «От великого государя на Дон войсковому атаману Илье Григорьеву и всему Войску Донскому: указали мы вам сего настоящего лета верховых донских городков козаков, которые живут по Хопру и Медведице и по разным рекам, перевести и поселить по двум дорогам к Азову, одних до Валуйки, а других от Рыбного к Азову же, чтоб те оба пути впредь были населены и жилы, а буде вы, атаманы и козаки, нынешнего лета козаков не сведете и не поселите, и по нашему указу те хоперские и медведицкие козаки поселены будут в иных местах».

Ненависть к боярству, склонность к самозванцам не переставала проглядывать на Дону. В августе 1701 года велено было взять в Преображенский приказ с Дону козаков: городка Тишанки Андрея Поминова с матерью, Левку Сметанина, городка Нижнего Чиру Игнатку Пчелинца. Левка говорил: «Царь Иван Алексеевич жив и живет в Иерусалиме для того, что бояре воруют; царь Петр полюбил бояр, а царь Иван чернь полюбил. Сказывал Левке про царя Ивана пришлый человек Авилка, который живет на реке Калитве Белой, впадающей в

Донец; пришел Авилка Из Иерусалима, и донские козаки почитают его за святого, потому что он им пророчествует: в первый Азовский поход сказал, что Азова не возьмут, а во второй сказал, что возьмут; Авилка держится раскола». Пчелинец говорил про Петра: «Он не царь, антихрист; царица Наталья родила царевну, девицу, а вместо той царевны своровали бояре, подменили иноземца, Францова сына Лефорта». Козак Назарка Смирной говорил: «Азову за государем не долго быть: донские козаки, взяв его, передадутся к турецкому султану по-прежнему».

Недовольные козаки говорили: «Теперь нам на Дону от государя тесно становится; как он будет на Дон, мы его приберем в руки и отдадим турецкому султану, а прибрать его в руки нам и малыми людьми свободно: ходит он по Дону в шляпке с малыми людьми». Таким образом, сами недовольные признавались, что у них мало людей. Это малолюдство и давало донской старшине возможность прибирать их в руки при малейшем движении; это-то малолюдство дало старшине возможность удержать Дон от участия в астраханском бунте.

На западной Украине козаки также не давали покою. Гетман Мазепа слал письмо за письмом о запорожских поведеньях. «О злом намерении проклятых запорожцев мало не чрез всякого гонца моего и чуть не чрез всякую почту как великому государю, так и вашей вельможности я писал, а никакого ответа не имею», – писал Мазепа Головину. «Не так страшны они, запорожцы, понеже малое их собрание, и не так страшны пересылки с ними хана крымского, как то зело рассуждати надобно, что чуть не вся Украина тем же запорожским духом дышет, понеже обыкность та, что народ посполитый своеволю любит, и всякий под властью пребывающий желает оной над собою не имети». Мазепа доносил, что запорожцы заключили союз с юртом Крымским, будучи особенно недовольны тем, что подле них царь строит крепость Каменный Затон.

Для объяснений по этим делам поехал к гетману знаменитый прибыльщик Курбатов, и Мазепа объявил ему, что в Каменный Затон необходимо сейчас же прислать два или три полка доброй пехоты на случай соединения запорожцев с ханом крымским: задержанных в Москве запорожцев и жалованье прислать к нему, гетману, или в Севск, чтоб можно было отослать их немедленно же в Запорожье, если запорожцы усмирятся, а после думать, как наказать их за прежние преступления. Изгнать запорожцев из жилищ их или привести в совершенное покорение трудно, во-1) потому, что если сядут в Сече в числе 5000, то идти на них надобно будет генеральною войною, что ныне невозможно, а Белгородским разрядом их не прогнать. Во-2) будет им помощь от хана. В-3) если, испугавшись большого войска, выйдут из Сечи, то пойдут во владения хана, поселятся на Кардашине, в низ Днепра к морю, или в прогнях, пущее разорение будут чинить, и иные к ним будут перебегать, а что турки хотят войны – это ясно, потому что без их позволения хан не заключил бы с запорожцами союза. Предложение было принято, задержанные запорожцы отпущены в Сечь. На Запорожье поехал стольник Протасьев с жалованьем и с требованием, чтоб запорожцы присягнули на верность великому государю. Козаки объявили Протасьеву, что им креста целовать не для чего, потому что они великому государю крест целовали прежде и потом не изменяли, хану крымскому никогда не присягали и посылали к нему не для измены, а для того, что прежде они знали, зачем ходили посланники из Москвы к туркам и в Крым, а теперь ни о чем не знают: ходят послы из Москвы и от гетмана в Турцию и в Крым мимо Сечи; для

того они и посылали в Крым, чтоб подлинно обо всем осведомиться. Протасьев настаивал, чтоб целовали крест. «Присягнем тогда, – отвечали запорожцы, – когда прикажет великий государь снести Каменный Затон и подтвердит грамотою права наши на земли по Днепру и Самаре». Все старания Протасьева привести их к присяге остались тщетными. По этому случаю Мазепа писал Головину: «Вижу, дондеже того проклятого пса, кошевого Кости Гордеенка, не станет, по тех мест не надеяться к твердой и всецелой от запорожцев верности. Не знаю, какой другой изобрести способ, дабы не токмо того безбожного тот уряд, но и дни его прекратити. Ныне паки пишу к желательным моим в Сечь, желая, чтоб сыскался и поднялся такой человек, дабы его, проклятого пса, не стало». Царь велел Мазепе приехать в Москву, а до тех пор не делать запорожцам никаких тяжких насилий.

Желание гетмана исполнилось: в июле 1703 года он писал Головину: «Слава господу богу! радением и неусыпным моим старанием проклятый пес Костя кошевой если не испустил проклятой своей души, то по крайней мере с кошеводства с бесчестием скинут; понеже все посполство на него восстало за то, что с разбойниками знался и добычу у них брал, и если б из Сечи в луга не ушел, то, конечно, не был бы жив. После сего побега выбрали в кошевые Герасима Крысу, и теперь можно надеяться, что войско низовое будет в надлежащем великому государю послушании». Но радость гетмана была непродолжительна: в сентябре он уже писал Головину: «Запорожцы своим желательством ко мне вновь отозвались: не только бедных людей селитренные майданы, нечаянно напав, совсем разорили, но и мой, гетманский, до основания снесли и учинили мне убытку на 8000 рублей. Не знаю, что с такими бездушниками впредь делать, понеже их никаким способом, ни милостию, ни дачами, ни вольностию, не можно усмирить». Новый кошевой сокрушается, что не может исполнить своего обещания, данного в Москве и в Батурине: со всех сторон прибывающее гультайство над постоянным, добрым товариществом взяло силу и похваляется Новобогородицкий и другие городки разорять. В декабре новые вести: Крысу сменили и на его место снова выбрали Костю Гордеенка, который в начале 1704 года объявил прямо царскому посланцу: «Каменнозатонский воевода Шеншин чинит нам всякие обиды, лошадей отнимает, меня и все посполство бранит и называет подданными своими, всячески угрожает, говорит, будто солдаты, бегая из Каменного Затона, живут у нас в Сече. Но у нас таких беглых солдат в Сече нет, а хотя б и были, то у нас издревле такое поведение: кто придет, тех принимаем, и, кто захочет, тот у нас живет. Да он же, воевода, присылает на кош людей своих для проведывания, что между нами чинится, а у нас мало ли какие есть пьяные козаки, говорят, кто что хочет, и того слушать у них нечего, да он же, воевода, держит нашего запорожского козака в колодке безвинно. И если он, воевода, и впредь будет так делать, то нам уже терпеть больше будет нельзя; чтоб от его злых поступков не учинилось какого возмущения, которое может обхватить и весь север, не возмутить бы этим и всю Малую Россию».

Прошел год, и у Мазепы старые песни.

8 января 1705 года гетман писал Головину: «Запорожцы ни послушания, ни чести мне не отдают, что имею с теми собаками чинити? А все то приходит от проклятого пса кошевого, который такую в себе хитрость имеет, что всегда, собрав к себе сначала атаманов, приватно переговорит, потом раду собирает, в которой, будучи наполнены его духом, то кричат и говорят, что им велит; для

отмщения ему разных уже искал я способов, чтоб не только в Сечи, но и на свете не был, но не могу найти, а все от дальнего расстояния и некому поверить».

Не об одних запорожцах писал Мазепа тревожные донесения. В 1703 году он говорил наедине присланному к нему переводчику Посольского приказа Белецкому: «Полтавский полковник Иван Искра имел тайную корреспонденцию и согласие с ханом крымским и беєм перекопским, и уже было полк свой, кроме старшины, к тому наклонил, чтоб быть в согласии с Крымом, а великому государю противными. Узнавши об этом, я тотчас его от полку отлучил тайным способом, не оскорбляя его ничем, как будто на время, не давая знать никому, за какое преступление; явным способом и в скорости взять его и карать невозможно для козаков того полка, имеющих с ним одно намерение, дабы не учинилось от того полка меж народом малороссийским какого замешания при нынешнем опасном времени, потому что теперь у всей малороссийской Украины зело отпало сердце к великому государю».

Глава третья

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Два фельдмаршала. – Петр в Полоцке. – Происшествие в униатском монастыре. – Поражение Шереметева при Гемауртгофе. – Петр в Курляндии. – Огильви и Меншиков. – Паткуль в Саксонии. – Дело о передаче русских войск в австрийскую службу. – Паткуль схвачен саксонскими министрами и заключен в Зоннеништейн. – Посольство Шенбека к царю с объяснениями по этому делу. – Поход Карла XII в Литву. – Зимовка русского войска в Гродно. – Выступление его оттуда. – Увольнение Огильви. – Петр и Меншиков в Киеве. – Неудачная осада Выборга. – Битва при Калише. – Король Август заключает отдельный мир с Карлом XII. – Петр в Жолкве. – Сношения с польскими вельможами и кандидатами на польский престол. – Матвеев в Англии. – Предложение герцогу Марльборо русского княжества. – Сношения с Франциею и Австриею. – Петр предлагает польский престол принцу Евгению Савойскому. – Деятельность Толстого в Константинополе. – Посольство князя Куракина в Рим. Приготовления Петра к встрече неприятеля в России. – Башкирский бунт. – Булавинский бунт.

Встретивши Новый, 1705 год в Москве, Петр в феврале отправился в Воронеж, где провёл два месяца, спустил 80-пушечный корабль «Старый Дуб», велел Апраксину к будущей весне приготовить десятка два с лишком судов и в конце апреля возвратился в Москву; здесь был задержан сильною лихорадкою и в самом конце мая отправился в Полоцк, где уже было собрано большое русское войско – тысяч шестьдесят. У Петра было два фельдмаршала – Шереметев и Огильви. Последнему хотелось быть одному главнокомандующим, но это было противно основной мысли Петра – не давать иностранцу главного начальства, упражнять своих, и он разделил войско между двумя фельдмаршалами. Огильви был очень недоволен; князь Репнин писал Меншикову: «Слышал я неподлинно,

будто господин фельдмаршал писал о разорении от наших войск к полякам; истинно не могу я признать, какого нраву стал человек перед прошлым годом; зело неприступен, живет в кляшторе езувицком, и по всяк час они у него. Дай боже, милость твоя к нам изволит приехать и все сам увидит. А разорения поляков, если б какое было, милость твоя уже давно сам здесь изволил бы слышать и видеть». Но кто бы ни были вожди и как ни расхваливали иностранцы русское войско, Петр требовал одного, чтоб отнюдь не давали генерального боя шведам.

Петр начал в Полоцке очень весело: приходили известия, как шведам не удалось напасть на Петербург с моря и сухого пути. Но окончилось пребывание в Полоцке печальным происшествием. Петр был раздражен против униатского духовенства, которое имело тайные сношения с шведами и сапезинцами ко вреду русского войска: один из монахов, бывший прежде православным, отличался сильными выходками против русских, возбуждал народ к тайному побиению царских солдат, бранил Петра и короля Августа. Петр молчал, потому что считал неблагоприятным, вступая союзником во владения республики, начать преследованием униатов и тем возбудить подозрение в правительстве и католическом народонаселении Литвы и Польши. Но судьба хотела иначе. Вечером 30 июня, накануне отъезда из Полоцка, он зашел с своими приближенными посмотреть униатский монастырь. Масло было подлито в огонь, уже существовавшее раздражение усилилось, когда монахи не пустили его в алтарь как противника их веры. Петр сдержался, однако, и тут. Увидавши образ, отличавшийся особенными украшениями, он спросил: «Чей это образ?» Монахи отвечали: «Священномученика нашего Иосафата (Кунцевича), которого ваши единоверцы умертвили». Тут Петр уже не выдержал и велел своим приближенным схватить монахов. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи, сбежались послушники вооруженные, началась свалка, и некоторые из царских приближенных были ранены; наконец русские одолели, четверо униатов были смертельно ранены. В этой схватке раздражение Петра достигло высшей степени, и он велел повесить монаха, отличавшегося своими выходками против него в проповедях. Этим печальным событием воспользовались, с одной стороны, католики, не преминувшие раскрасить его своими красками; с другой стороны, внутренние враги Петра, которые также раскрасили событие своими красками: в 1708 году каторжный колодник, бывший солдат Иван Архипов, говорил: когда Петр был в Полоцке, и в то время день Петра и Павла пришелся в пятницу; государь заставлял благочестивой веры чернецов есть мясо; они не согласились, Петр позвал их в церковь молебен слушать, и как стали молебен служить, государь вынул палаш и двух человек убил до смерти, третьего ранил. В это время было видение: Иисус Христос в облаках, держа в одной руке копьё, в другой огненные стрелы, говорил с гневом: «Время его за такое дело покарать!» Но богородица упростила ждать покаяния.

1 июля царь вместе с полками отправился из Полоцка в Вильно, отпустивши за несколько дней Шереметева против шведов, находившихся в Курляндии под начальством генерала Левенгаупта. 22 июля царь получил известие, что Шереметев разбит при Мурмызе, или Гемауертгофе, 15 июля: Шереметев, русский фельдмаршал, которого имя было связано с первыми успехами над страшными шведами, русский фельдмаршал, которого Петр решился поставить рядом с

рекомендованным за границую Огильви! «Сия потеря, – по словам Петра, – учинилась таким образом: фельдмаршал Шереметев с кавалериею, когда приблизился к неприятелю, а пехота и пушки еще не успели, тогда, не дождавсь оных, старым обычаем бесстройно ударили на неприятельскую кавалерию, которую так сломили, что некоторые из них явились в Прусах: тогда генерал Левенгоупт с пехотою отступил к лесу, и наши вместо того, чтоб дожидаться пехоты и атаковать неприятельскую пехоту, ударились обоз грабить неприятельский, а тем временем наша пехота приспела, которую Левенгоупт атаковал и с поля сбил, а кавалерия, увидя то, ушла, а пушки наши неприятель назавтрее нашел. И тако сами своей потери виноваты». Это известие составлено не очень удачно: выражение «старым обычаем бесстройно» скорее может относиться к последующему, чем к начальному, действию русской конницы, ибо хотя она ударила и старым обычаем бесстройно, однако сломила неприятеля; преобразователь не удержался от желания укорить старым обычаем. Но преобразователь не изменил своему величию в ответе Шереметеву; здесь он стал в уровень с тем великим народом древности, который благодарил своих разбитых полководцев за то, что они не отчаялись в спасении республики. Петр писал Шереметеву: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободрять».

1 августа Петр выступил из Вильны в Курляндию: ему хотелось перенять Левенгаупта, которого Шереметев должен был отрезать от Риги. С этою целию он послал Шереметеву наказ: «Пойти как можно скорее и отрезать неприятеля от Риги; отрезав, отнюдь бою не давать, но на переправах держать, а если сильно захотят перейти, то закопать пред собою, чтоб им конечно пресечь путь, и на каждый день посылать к нам письма, что чиниться будет, чтоб нам о всем быть известным, и потому немедленно поспешать. Сказать всем под смертью, чтоб по тем статьям делали, каковы даны 703 году, когда шли на Кронгиорта; також отнюдь бы не скакать за неприятелем, хотя оный бежать будет, но шагом или по нужде малою грудью, под смертью же». Поручение было трудное; Шереметев отвечал: «Тебе, государю, известно, что неприятель с пехотою и пушками: если пойдет на нас всею силою, как будем управляться с фузеями против пушек? А у меня никаких окопных припасов нет: все отосланы с пехотными полками в Полоцк». Но дело не дошло до управления с фузеями против пушек: Левенгаупт успел перебраться за Двину к Риге, к большому неудовольствию Петра, который писал Головину: «Мы здесь великое несчастье имеем, понеже господин Леингопт, яко Нарциз от Эхо, от нас удаляется».

Приказавши Шереметеву сторожить шведов на левом берегу Двины против Риги, Петр пошел отобрать у них Митаву. После семнадцатидневной осады шведы сдали столицу Курляндии 2 сентября, вслед за тем сдали Бауск. Петр писал о Митаве Ромодановскому: «Сие место великой есть важности: понеже неприятель от Лифлянд уже весьма отрезан и нам далее в Польшу поход безопасен есть».

Мы видели, что в Митаве Петр получил известие об астраханском бунте, вследствие чего один из фельдмаршалов, Шереметев, был отправлен на восток. Но от этого другому фельдмаршалу, Огильви, оставшемуся теперь единственным в западной армии, не стало легче: при войске находился любимец государя *принц* Александр, т.е. Меншиков, к которому все обращались, особенно русские

генералы, и которому Петр доверял больше, чем иностранному наемнику. Разногласие между Огильви и Меншиковым началось по поводу выбора места для зимних квартир. Огильви самым удобным местом казался Меречь, Меншикову Гродно, как более укрепленный природою, где и с небольшими силами можно долго держаться против неприятеля; Меншиков писал Петру: «Я рассуждаю: зело не рад он (Огильви) моему приезду, и все делается вопреки мне». Петр согласился с Меншиковым, и войско введено в Гродно, куда отправился из Митавы и сам царь. В октябре сюда же приехал и король Август, которому Петр дал главное начальство над войском, а сам в декабре отправился в Москву.

Таким образом, сильное русское войско введено было в Литву для соединенного действия с войсками Августа против шведов. Исполнилось то, чего так желал Паткуль, но он не радовался исполнению своего желания. Мы оставили его в Саксонии в очень затруднительном положении относительно русского войска, ему вверенного.

В Москве жалобы князя Д. М. Голицына производили впечатление, и Паткуль в начале 1705 года счел нужным оправдаться. «У меня нет намерения, – писал он Головину, – отставить всех московских начальных людей, потому что я нахожу между ними таких, которых, когда хорошо выучатся, не отдам и за многих немцев; с московским человеком лучше иметь дело, чем с немцем, потому что первый лучше знает, что такое послушание, а второй очень много рассуждает; над немцами должно наряжать большие военные суды, а москвичи в своих квартирах так покойно живут, что жалоб на них почти нет, и для всей земли они гораздо сноснее, чем свои саксонские солдаты; удивительно, что я по сие время ни одного московского солдата не предал смертной казни. Господин князь Голицын теперь лучше стал себя вести, и, ваше превосходительство, будьте благонадежны, что я с радостию ему угождаю ради его изрядной фамилии».

Вслед за этим письмом новые жалобы на худое состояние русского войска: «Мы сидим здесь в тесноте, и царского величества вспомогательные войска худую фигуру представляют, потому что почти нагие ходят и при дурном своем уборе и негодном ружье никакой службы показать не могут; русские деньги принуждены мы разменивать с большим убытком, и те скоро издержатся, и не знаю, каким способом будем содержать этих бедных людей? Король польский часто попрекает мне за такую плохую помощь, тогда как он исполняет все условия союза и наследственные свои земли разорил: я против явной истины не могу ему ничего говорить. Из Литвы приходят великие жалобы на царские войска, там стоящие; король об этом сильно скорбит и вместе с благонамеренными поляками опасается, что эти вспомогательные войска произведут ненависть и вместо ожидаемой пользы навлекут на королевскую шею беспокойство и насчастье. Ваше превосходительство требует, чтоб русским войскам скудости в провианте не было: но я уже доносил, что в здешней малой земле провианту мало и очень он дорогой; вскоре опасаются совершенного голода; офицеры продали лошадей, обоз, платье и все прочее, и часть их уже ходит по дворянским дворам и просит хлеба. Артиллерию невозможно с места сдвинуть, потому что все станки и телеги очень дурно сделаны и железом дурно окованы, очень стары и негодны; большая часть лошадей от скудости кормов и трудного похода померли, так что до начала нового похода ни одной не останется; то же самое и с мушкатерскими лошадьми, у которых телеги все переломаны, а здесь их нельзя так дешево сделать, как на

Москве, потому что ни куска дерева даром не получишь. Король еще здесь, в Дрездене, и неизвестно, скоро ли и пойдет ли когда в Польшу. Здесь по всех делах большая смута, думают только о забавах, а важные дела оставлены. Если можете, ваше превосходительство, от двора этого меня избавить, то буду вам вечно благодарен. Бог ведает, что из этого всего выйдет? Король прусский уже дважды собственноручно писал сюда к своему министру, приказывая ему меня остеречь, чтоб я не дался в обман, потому что тайно устраивается мир; я королю польскому об этом говорил, но в ответ получил одни неты. Что тогда делать, если король шведский будет нас держать в постоянной осаде и войскам царским ни за деньги, ни без денег пропитаться будет нельзя? Могу ли я тогда передать их другому государю?»

В апреле Паткуль в письме к Головину выразил отчаяние в счастливом исходе войны и угрозу покинуть царскую службу, приправив все это упреками в дурном ведении дела со стороны Петра, который не послушался его и соединил ранее свои войска с королевскими: «Ведомости отовсюда приходят, что шведский король в нынешнем году будет иметь больше 40.000 войска в Польше, и если б в прошлом году не пренебрегли соединением войск, то в нынешнем году мы бы могли иметь определенный воинский поход, а теперь мы посмотрим, что из этого будет, и кто исправит те ошибки, которые дадут себя чувствовать при окончании войны; я исполняю свое дело как добрый человек и пишу все это для того, чтоб вина не пала и на меня, когда игра будет испорчена, чего я очень боюсь, ибо дело делают не так, как следует. Паткуль имеет в мыслях выйти вон из этих танцев и оставить честь другим, которые могут лучше его делать, особенно когда при всех своих тяжких трудах он получает вместо благодарности вонь. Напоминаю, что шведов надобно в Курляндии разорять безо всякого замедления. Стыд перед целым светом, что царское войско в нынешнюю зиму ничего не сделало, и если и впредь будут поступать так же, заботиться только о многочисленных, а не об устроенных войсках, упускать удобное время и во всем опаздывать, то увидят печальное окончание этой комедии, и всякому надобно будет заботиться о себе. Паткуль просит о своем расчете и после ни о чем уже более просить не будет, это последнее его желание». Причина раздражения вскрывается в конце письма: «Ваше превосходительство пишет, что царское величество приказал капитанов и ротных офицеров из русских только употреблять, потому что русские офицеры у вас свое дело очень хорошо исполняют, и что фельдмаршал Огильви нашел русских вовсе не хуже немцев. Я сказал об этом королю, который совершенно другого мнения». Пред самою отсылкою письма Паткуль был опять страшно раздражен: король велел его спросить: для чего он доносит царю, что он, король, кроме забав, ничем на занимается. Паткуль отвечал, что, как добрый человек, не может запереться. В письме к Головину Паткуль жалуется на князя Григорья Долгорукого, который, по его мнению, из соперничества разгласил то, что Паткуль писал ему по секрету. «Я не хочу иметь с Долгоруким больше никакого дела, и не извольте поручать мне с ним вместе ничего», – писал Паткуль.

В начале августа Паткуль опять стал писать о переводе русского вспомогательного отряда в австрийскую службу в случае крайности, если никак нельзя будет вырваться из Саксонии. Тут же Паткуль давал знать о каком-то чуде, вследствие которого русское войско, находившееся в таком жалком состоянии, вдруг преобразилось в отличное. Долгорукий в письме к Головину объяснял это

чудо: «Писал ко мне князь Дмитрий Голицын, что солдаты московские великую нужду в Саксонии терпят, а паче офицеры жалованья не имеют, а которое и дано было солдатам, Паткуль давать им не велел, а приказал на те деньги покупать им рубахи, галстуки, рукавицы, башмаки, чулки, а покупают иноземцы ценою дорогою, и, живучи, он, князь Димитрий, никакого себе приятеля по се время в Дрездене не имеет, и что будто саксонцы к нашей стороне мало склонны и будто с московскими офицерами гнушаются с одного блюда есть». «Король, – писал Паткуль в конце сентября, – отнюдь не хочет позволить, чтоб вспомогательные русские войска в службу другого государя пошли; король ими чрезвычайно доволен, никто их не узнает и не поверит, чтоб это было то самое войско, которое в прошлом году сюда пришло. Но в деньгах большая скудость». В октябре Паткуль написал решительно: «Дайте мне окончательную резолюцию, что делать с вспомогательными войсками, потому что без денег им жить невозможно. Если мне дастся знать, что денег к ним прислано не будет, то я им это объявлю и тотчас их распущу; могут они в божие имя разбежаться; что из этого выйдет, царское величество увидит: известно, что тогда эти бедные люди принуждены будут доставать себе пропитание грабежом и разбоями и наполнят собою виселицы и колеса, к бесчестию русского народа. Вы пишете, что весною перевели сюда по векселю 40.000 ефимков, но до нас дошло только 33.000; между тем я до сих пор промышлял платья, оружие, припасы и ежедневное пропитание людей на мой кредит, но уже больше делать этого не могу, не хочу потерять кредит и честь, обанкрутиться, будучи царским министром и генералом».

В следующем письме Паткуль дал знать, что Август II на днях отправляется на свидание с царем, и потому просил его съехаться с некоторыми из его верных советников и написать, чего королю домогаться у царя и каким образом надобно будет продолжать войну. Паткуль написал пункты по соглашению с королевскими министрами, но дал знать Головину, что сделал это неискренно, принужденный с волками выть по-волчьи. «Я уже открыл вашему превосходительству, – писал Паткуль, – какие причины я имею остерегаться, потому что я здесь в когтях злых людей; меня отравят или изведут каким-нибудь другим способом, если проведают, что я неискренно потакаю их планам. Поэтому я принужден выть с этими волками, но напоминаю вам, чтоб вы особенно не полагались на артикулы: 1) о *порабощении королевства Польского*; 2) о политике с Пруссиею; 3) о намерении относительно Данцига; 4) о продолжении войны. Не верьте, хотя бы вам показывали и собственноручное мое писание. Все это химеры людей, у которых в руках дело польского короля; сам король втайне не согласен с ними, но я принужден их ласкать и соглашаться на их безумные мнения, потому что чрез них все проведываю. Король польский прежде сильно добивался самодержавия в Польше, но теперь от этого отстал, потому что война его умягчила и он был бы очень рад с честью от нее освободиться и быть в покое; теперь он видит также, как дурно ему советовали ссориться с прусским двором, и он теперь много дал бы, чтоб ему мало-помалу можно было войти с ним в дружбу. Напоминаю, что царское величество больше всего должен заботиться об истинной дружбе с королем прусским, ибо если мы с ним дружбу потеряем, то все пропадет, и вам не следует удивляться, что я этот двор так ласкаю».

Петр поручил Паткулью съездить в Берлин и скрепить дружбу России с тамошним двором. В инструкции говорилось: «Объявить, что Паткуль имеет

полную мочь постановить договор, по которому прусский король принял бы сторону России и Польши и сильным посредничеством своим выхлопотал бы им благополучный и честный генеральный мир; или если швед заупрямится, то принудил бы его к тому силою и угрозою воинскою. За это царское величество обещает прусскому королю польские Пруссы (Западную Пруссию), сколько ему их будет потребно, а короля польского к уступке их уговорит, в чем тот уже склонность свою явил. Царское величество обещает также с королем прусским заключить взаимный гарантийный трактат – с своей стороны об Ингрии и Эстляндии, а с прусской о польских Пруссах – против всех наступателей и неприятелей. Если король прусский объявит, как писал к нам посланник его Кейзерлинг, что швед обещал ему больше прибыли, то обнадеживать его, что царское величество по мере возможности его пользы искать будет, и вовсе ему в том не отказывать. Если же король прусский не может или не захочет вступить в такой договор, то по нужде изволь домогаться, чтоб хотя нейтральный трактат заключить».

Паткуль поехал в Берлин и, возвратившись оттуда, писал Головину в ноябре, что король прусский хочет жить и умереть в верной дружбе с царем и готов служить ему всюду, у шведов и союзников. Прусские министры горько жаловались, что в прошлом году не состоялось соглашение единственно по зависти и ненависти короля польского, который думает только об одном, как бы покончить войну с честью или бесчестьем и потом действовать против короля прусского. «Злоба в Пруссии против короля польского страшная, – писал Паткуль, – король и советники его имеют главным правилом, что ни один человек на свете не может верить королю польскому, который от своих людей и от всех potentатов считается фальшивым человеком. Я прилагал все труды к искоренению этого мнения, но напрасно и боюсь дурных последствий от такого расположения берлинского двора. Прусские министры дали мне ясно знать, что они склонны признать польским королем Станислава Лещинского, и хотели от меня проведать, как царское величество на это посмотрит. Я объявил, что не имею указа говорить об этом, но думаю, что это сильно потревожит царское величество. Когда я сказал, что все пошло бы прекрасно, если б три державы – Россия, Польша и Пруссия вступили в тесный союз, то они отвечали: как можно с королем Августом предпринять что-нибудь путное? Кроме того, что этот государь по природе непостоянен, лжив и скрытен, все его министры полушки не стоят, кто из них не плут, тот ничего не знает; как бы честно союзник с ними ни поступал, в конце непременно будет обманут. Курфиршество Сакернское так дурно управляется, что в короткое время подвергнется крайнему разорению, и король Август не способен оказать помощь своим союзникам; все дворы европейские им гнушаются, никто с ним никакого дела иметь не хочет, а потому он всеми оставлен. Видя такую ненависть к польскому королю, – продолжает Паткуль, – я принужден был обещать, что король Август, по настоянию царского величества, всех злых советников своих отставит и короля прусского во всем удовлетворит. На этом основании все примирено. Но не знаю, как я сдержу свое слово, разве царское величество приведет к тому короля польского; если же этого не сделается и король польский с прусским опять поссорятся, то не знаю, что тут делать, и пусть тогда дело идет, как хочет».

Паткуль слыл между современниками за очень умного человека: если это на самом деле было так, если смелость, хлопотливость, задор и самонадеянность не принимали за действительные способности, как часто бывало и бывает, то странно предположить, что Паткуль до такой степени не понимал прусской политики, не понимал, что Пруссия никогда не могла согласиться на усиление Саксонии, никогда не могла согласиться на деятельный союз с царем, когда царь не смыл еще с себя пятно нарвского поражения и потому считался ненадежным союзником; польские Пруссы – желанная добыча, но, чтоб получить ее, нужно было победить непобедимого шведского короля! Вместо того чтоб понять такие естественные, простые отношения и уяснить их русскому правительству, Паткуль внушает последнему, что все препятствие к прусскому союзу заключается в нерасположении прусского короля к саксонскому, и для уничтожения этого нерасположения он, Паткуль, обещал, что царь заставит короля Августа прогнать всех злых своих советников; смысл письма был таков: «Или принудить Августа отставить всех своих министров, или прусского союза вам не видать, и делайте, как сами знаете, я умываю руки». Таким образом, сильное желание царя заключить союз с Пруссией Паткуль хотел употребить как средство для свержения саксонских министров, своих непримиримых врагов. Но быть может, он был уверен, что этим он проложит путь и к прусскому союзу? Если он был в этом уверен, то современники сильно ошибались насчет его способностей.

Во всяком случае Паткуль поворачивал круто, и враги его поворотили так же круто, действуя по инстинкту самосохранения. Ненависть саксонских министров к Паткулю достигла высшей степени; недоставало только предлога отделаться от него; предлог представился в передаче Паткулем русских войск в австрийскую службу. Мы уже видели, что Паткуль представлял русскому двору необходимость этой передачи, и наконец Головин отписал ему 3 октября 1705 года: «Если после всех ваших усилий вывести русские войска из Саксонии окажется невозможным, от чего боже сохрани, в такой крайней нужде предоставьте их цесарю на возможно выгодных условиях, но с тем, чтобы без воли царского величества они не были удержаны цесарем долее одной кампании; возвратиться же легко могут чрез Венгрию».

Не говоря ни слова о переводе в австрийскую службу, Паткуль, чтоб снять с себя ответственность, 8 ноября предложил князю Голицыну и всем начальным людям в русском войске следующее: «Так как его царское величество неоднократно повелевал указами войско все из Саксонии вывести в Польшу, то предлагается на генеральный суд: 1) каким путем идти, чрез Бранденбургскую ли землю и Великую Польшу или чрез цесарскую к Кракову? 2) Откуда взять продовольствие во время похода? 3) Который путь безопаснее, чтоб не попасться в полон? 4) Можно ли идти без конницы и откуда ее взять? 5) Не сыщется ли кто, чтоб указать лучший и безопаснейший путь в Польшу? Тому дано будет тотчас 1000 червонных и обещается повышение в чине». В ответе князя Голицына высказалось оскорбленное чувство человека, которым до сих пор пренебрегали, а теперь, в крайности, чтоб сложить с себя ответственность, спрашивают совета. Голицын отвечал: «На 1-е: совета дать не могу: дадут ли позволение и можно ли пройти? Что требует двух степеней, генеральской и министерской, которые обе вручены от царского величества вашей верности; на 2-е: есть указ царского величества, что, по договорным статьям, войска должны кормить королевские

комиссары; если путь будет свободен, солдаты могут взять провианта у комиссаров и на себе нести; на 3-е: ссылаюсь на первый пункт; на 4-е: по договору должны провожать конные саксонские полки; на 5-е: не отвечаю для того: понеже не есть моя повинность в таких делах советовать за деньги». Все начальные войсковые люди объявили, что полкам пройти в Польшу невозможно.

Через несколько дней Паткуль снова предложил на генеральный суд: 1) удобны ли настоящие квартиры? 2) Есть ли у князя Голицына казна на пищу и одежду для войска? Тут же объявлено было повеление государя: если пройти в Польшу нельзя, то отдать войска на службу другому государю. Ответ на оба вопроса был отрицательный, и изъявлена готовность идти всюду для исполнения указа государева. 15 декабря Паткуль заключил с императорским послом в Дрездене договор, по которому русское войско передавалось в австрийскую службу на один год для опыта; употреблять его на Рейне и в Нидерландах и только в крайнем случае в Италии.

Тайный совет, управлявший Саксонию в отсутствие короля, не соглашался на эту передачу: Паткуль не соглашался отменить ее; министры нашли, по их мнению, самое верное средство прекратить вредную деятельность Паткуля: 19 декабря он был арестован и отвезен в крепость Зонненштейн. Князь Дм. Мих. Голицын подал немедленно сильный протест. Вопиющим образом нарушено было народное право, но разве оно не было нарушено, когда по совету Паткуля схватили Собеских в чужих владениях? И что ж за это было? Ничего. Расчет на безнаказанность был верен и в деле Паткуля: царь, разумеется, будет протестовать, будет требовать выдачи Паткуля, но из-за него не рассорится с королем, своим единственным и необходимым союзником, а если рассорится – тем лучше: скорее будет заключен желанный для Саксонии мир с Швециею. К царю отправился королевский камергер Шенбек, который должен был обстоятельно описать наглость всех действий Паткуля и королевское долготерпение: описать, как Паткуль не только в домашние дела королевские вмешивался, но и со всеми министрами ссорился, а некоторых офицеров так бесчестил словами, что если бы те не щадили его посольского характера, то дело могло дойти до самых печальных крайностей, как, например, с графом Денгофом и генералом Шулембургом. При чужих дворах и их министрах и в партикулярных местах порицал королевские поступки и явно приказывал выдавать пасквили, что должно быть всему свету известно. Явно хвалился, что король шведский в собственноручных письмах к нему обещает исполнить все его требования. Без ведома и воли королевского и царского величества, по своему произволу или из частных выгод, перевел вспомогательные московские войска в цесарскую службу, несмотря на то что старались всячески его утолить и всякие обещания давали, а прежде только и проповедовал, что о походе в Польшу и соединении с главным царским войском, сам подписал решение об этом военного совета: для чего же он в такое короткое время отступил от всех, своих прежних советов и мнений и пришел к пагубной мысли ослабить войска в Саксонии и вступление в Польшу сделать невозможным? Для предупреждения дальнейшего зла, для охранения нашего общего благосостояния, для прекращения опасных замыслов Паткуля принуждены были арестовать Паткуля впредь до будущего решения царского величества. Легко могло бы случиться, если бы саксонцы стали москвичей от похода удерживать, а москвичи по приказу генерала Паткуля захотели пробиться

силою, то дело дошло бы до битвы, позорной в глазах неприятельских и дружеских; чтоб Паткуль не успел выдать приказа к походу, единственное средство было овладеть его особою, причем Паткуль арестован не как царский посол, но как генерал, находящийся под фельдмаршалскою командою.

Петр не был удовлетворен объяснениями Шенбека; в его убеждении поступок с Паткулем был поступок «зело жестокий, против всех прав учиненный». Головин писал ему: «Каковы, государь, я письма получил от Паткуля из-за аресту тайно писанные к тебе и ко мне, в которых пишет, оправдая себя, что будто то по указу учинил, и просит освобождения из-за аресту себе, с тех списки для донесения вашему величеству послал я к Гавриле Ивановичу (Головину), понеже у него со всего дела о заарестовании его, Паткулеве, списки обретаются, и, выписав подлинно из посланных к нему указов о перепуске войск, отметил на поле: из того изволите яснее увидеть, что он то учинил весьма противно вашего величества указу; однако ж изволишь, государь, приказать кому говорить о нем, чтоб его из-за аресту свободить и привести к тебе, и тогда он какое может оправдание о себе показать, в чем буди воля твоя». Воля Петра именно состояла в том, чтоб постоянно требовать присылки Паткуля в Россию для исследования дела, но Паткуля не прислали. Расчет саксонских министров был верен: царь должен был ограничиться одними протестами, особенно когда Карл XII обратился против русского войска.

В то время, когда Петр занимал Курляндию и сосредоточивал свое войско в Гродно, Карл XII стоял около Варшавы, где короновался его польский король Станислав. Пришла осень. Карл не двигался; король Август приехал в Гродно к Петру; царь, поруча ему свое войско, при котором были фельдмаршал Огильви и Меншиков как генерал над кавалериею, уехал в Москву. Но вдруг в конце декабря сказан был шведам зимний поход; в жестокие морозы Карл спешил к Гродно. Туда же в январе 1706 года спешил из Москвы больной Петр, встревоженный известием о походе врагах огорченный тем, что должен был оторваться от финансовых и других нужных распоряжений в Москве, где, по его словам, было «все добро, трудились во всех делах как возможно». Верный своему основному плану – бить шведов по частям для школы русским и не давать ни под каким видом генерального сражения, Петр, выезжая из Москвы, писал к Меншикову, что всего лучше войску выйти из Гродно к своим границам, чтоб не быть окружену шведскими войсками, если с Карлом соединится, с одной стороны, генерал его Реншельд из Польши, а с другой – Левенгаупт из Лифляндии. «Тогда мы, – писал Петр, – от единой нужды (в продовольствии) принуждены будем исчезнуть; того для лучше здоровое отступление, нежели отчаемое и безызвестное ожидание; того ради советую, чтоб заранее, не допуская неприятеля, уступить; також и митавское войско, по подорвании замков обоих, к себе привлечь; надлежит же и то смотреть, чтоб магазейны все, из которых уступать будут, сжечь, дабы неприятелю не достались. Того смотреть, чтоб неприятеля отнюдь не допустить зайтить сзади себя. Бude же изволите пожалеть пушек больших (которых ни пятнадцати нет), и затем для бога не раздумывайте, мочно их в Неман кинуть, а потом полковые лошади есть: ибо лучше о целости всего войска (заботиться), в чем по боге все состоит, нежели о сем малом убытке». Меншиков по письму Петра должен был выехать к нему навстречу.

Между тем 9 января в Гродно держали тайный военный совет, на котором предложены были три вопроса: 1) идти ли навстречу неприятелю и напасть на него прежде, чем он соединится с Реншельдом? 2) Или ожидать неприятеля в укреплениях в Гродно и крепко защищаться? 3) Или отступить, и куда? Два иностранных генерала русской службы объявили, что нельзя ни идти навстречу к неприятелю, ни дожидаться его в Гродно, а надобно отступить к Полоцку; Репнин и Меншиков отвечали, что если король не соединится с Реншельдом, то дожидаться его в Гродно, если же соединится, то отступить к Полоцку. Фельдмаршал Огильви был того мнения, что во всяком случае надобно оставаться в Гродно, ибо защищаться можно до тех пор, пока саксонская армия зайдет в тыл неприятелю, отступление же к Полоцку опасно, вредно и постыдно, ибо надобно будет пожертвовать артиллериею, а по суровости погоды, и людьми, и, кроме того, отступление произведет всюду очень неблагоприятное нравственное впечатление. Таким образом, двое генералов были за безусловное отступление, двое за условное, фельдмаршал хотел оставаться во всяком случае: король решил отправить протокол совета к царю для немедленного и прямого решения. При отсылке протокола Меншиков писал царю, что только мнение двоих генералов из иностранцев, мнение, которое поддерживали еще двое польских вельмож, находившихся при короле, сдержало Огильви: иначе он чуть-чуть не решил выступить войску в глубь Польши для соединения с саксонскими войсками. «Фельдмаршал стороны саксонской, – писал Меншиков, – не изволь, государь, его писем много рассуждать и оным подлинно верить. Для бога, не изволь ни о чем сомневаться: все у нас управно; только желаем вас здесь видеть».

Но вместо Петра 13 января явился у Гродно Карл, совершивший переход от Вислы до Немана с необыкновенною быстротою. 14 он перешел Неман, прогнавши русских драгун, хотевших было мешать переправе; 15 числа шведы подступили к Гродно, вызывая русских на бой, но те не приняли вызова, ожидая приступа. Карл, не имея никакой надежды на удачный приступ, начал отступать от Гродно все на дальнейшее расстояние, побуждаемый к тому недостатком в съестных припасах, и окончательно стал в Желудке, в 70 верстах от Гродно, довольствуясь рассылкою сильных партий, чтоб не пропускать съестных припасов к русскому войску. Таким образом, это войско было отрезано от своих границ, а главное, нуждалось в провианте. Король Август, взявши четыре русских драгунских полка, ушел к Варшаве, обещая дать скорую помощь Огильви; Меншиков, исполняя приказание царя, еще прежде выехал из Гродно и встретил Петра в Дубровне. Узнавши, что шведы уже под Гродно и проехать туда нельзя, царь возвратился в Смоленск в самом печальном состоянии духа, ибо не было никаких известий, что делается в Гродно. Приказывая Головину, оставленному в Москве, распоряжаться самому насчет низовых дел (астраханского бунта), Петр писал: «Письма Шереметева посылаю до вас, извольте учинить по рассмотрению, также и впредь извольте вы его дела делать (для которых я вас в Москве и оставил), ибо мне, будучи в сем аде, не точию довольно, но, ей, и чрез мочь мою сей горести. Мы за несчастьем своим не могли проехать к войску в Гродно». В Гродно Петр написал оставшемуся там русскому генералу, князю Репнину: «Зело удивляемся, что по ся поры от вас жадной (никакой) ведомости нет, что нам зело печально; также объявляем, ежели, конечно, надеяться можно, и совершенную подлинную ведомость о приближении саксонских войск имеете, к тому же

провианту месяца на три имеете и конский корм (хотя с небольшою и нуждою), то будьте у Гродни; буде же о приближении саксонских войск верного известия нет, а обнадеживают польскою правдою, то, хотя и Реншильда не чаят, и довольства в провиантах и кормах конских есть, отступить к русской границе всеконечно не испуская времени, куды удобнее и безопаснее, и сие учинить конечно, и объявить о том всем генералам, наченши от фельдмаршала; ибо неприятель уже почитай что отрезал войско наше от границ, когда идет к Вильне, и потому в Гродне ждать нечего, ежели верной ведомости о саксонцах нет, как выше объявлено: однако же все сие покладаю на ваше тамошнее рассуждение, ибо нам, так далеко будучим, невозможно указ давать, понеже пока опишемся, уже время у вас пройдет, но что к лучшему безопасению и пользе, то и чините со всякою осторожностью. Тако ж не забывайте слов господина моего товарища (т.е. Меншикова), который приказывал вам при отъезде своем, чтоб вы больше целость войска хранили, неже на иных смотрели. О пушках тяжелых не размышляйте; ежели за ними трудно отойти будет, то, оных разорвав, в Неметь бросить».

Наконец, в феврале, когда Петр переехал в Оршу, получено письмо от Огильви. Фельдмаршал писал, что прочел царское письмо к Репнину, но не может вывести войско, потому что реки еще под льдом и неприятель осилит конницу; также надобно будет пожертвовать артиллериею и саксонскими войсками, которые уже в походе, и потому он, Огильви, решился остаться в Гродно до лета и ожидать или большего удаления неприятельского, или прибытия саксонских войск. Огильви в своем письме не пощадил Меншикова. «Не знаю, – писал он, – как могут оправдаться пред вашим величеством и пред честными людьми те, которые меня здесь покинули без денег, без магазинов, без артиллерийских и полковых лошадей, замутили всем войском и, как скоро неприятель пришел, убежали, не сказав мне ни слова». Огильви жаловался на дурное состояние войска, на непослушание князей Репнина и Ромодановского, на распоряжения Меншикова помимо его, фельдмаршала.

Письмо не могло понравиться, а тут еще были получены письма Репнина к Меншикову, где говорилось, что фельдмаршал доносит несправедливо о состоянии войска, что Огильви в постоянной переписке с королем Августом, но, о чем идет у них дело, никто не знает, что носится слух о походе из Гродно к Варшаве. Петр отвечал Репнину: «Как слышим, что итти к Варшаве – весьма не надобно, и отнюдь того не делать; тако ж ежели о саксонцах такой подлинной ведомости не получите (при принятии сего письма), что оные конечно Вислу перешли и идут к вам, а неприятель от вас тем часом ежели отдалится так, что вам возможно будет без всякого труда отойти, тогда, для бога, не мешкав, подите к рубежам, куда удобнее; тако же буде недалеко ушли те четыре полка, которые с королем пошли, взять с собою же, буде возможно; артиллерию, тяжелые пушки, ежели везть невозможно, то, разорвав, бросить в воду. Буде же о саксонцах получите подлинную ведомость, а провианта можете доставать и надеетесь, что до весны или приближения саксонского станет оно, то будьте в Гродне. О! зело нам печально, что мы не могли к вам доехать, и в какой мысли ныне мы есть, то богу одному известно». То же самое написал Петр и Огильви; начало письма замечательно: «Мы с немалою прискорбною от вас письма выразумели, в которых такие необъятые тягости наваливаете, сами ж единою бумагою и пером щититесь и во всем нас, винных, творите, что мы не по вашей воле чинили, и не

точию настоящее, но прошедшее паки повторяете и вместо веселости тугу прилагаете: однако ж, все сие презирая, прошу, чтоб вы по сему учинили, за которое я вам буду надмеру благодарен и, когда прибуду к вам, так учиню, что вы никогда жаловаться не будете». Тогда же Петр написал Августу: «Ни о чем ином, точию о сем просим, дабы ваше величество не изволили наших в сем опасном случае оставить, но ак скорее с войском приблизиться, паче же провиантом как возможно скорее удовлетворить, что вашему величеству не трудно учинить, будучи ныне свободной стороны, где неприятель прешкодить (нанести вреда) не может. Ежели при сем малом провианте какое зло сему нашему главному войску случится, то уже нечего вашему величеству с нашей стороны уповать». Август оправдывался, что выехал из Гродно для того, чтоб придвинуть войско свое к этому городу, и выехал уже тогда, когда неприятель отступил. Петр отвечал: «За сие благодарствуем, однако ж не без сомнения, дондеже делом сие исполнится». Август представлял, что нельзя этою зимою опасаться вторжения неприятеля в Московское государство, и просил поспешить присылкою субсидий, без которых ему ничего нельзя будет сделать. Петр отвечал: «Про неприятеля подлинно ведать невозможно, но то ведомо, что уже он наших отрезал от наших границ. Ожидаем со стороны его величества о войсках подлинного слышать о сикурсе нашем, в чем его величество или вечно разорит, или обяжет нас».

Чтоб дать гродненскому войску *сикурс* повернее саксонского, Петр велел гетману Мазепе двинуться из Волыни к Минску и писал к Репнину 17 февраля: «Гетман в скорых числах будет к Минску; станем мы также в три или четыре дни в Минске; Козаков несколько тысяч уже в Бресте, и для того зело потребно, чтоб провиант из Бреста чрез Козаков привезть к вам, для чего пошлите и от себя и о сем, для бога, трудитесь, и если возможете до половины марта провианта, то лучше вам быть у Гродни; ибо мы, с помощию божию, надеемся, вскоре случась с гетманом, вам добрый ответ дать. С восемь тысяч имеем старых солдат, кроме рекрут, а с рекрутами более пятнадцати, кроме курляндских». К Огильви написал: «Слышим о великой скудости у вас провианта; гетманские козаки уже давно в Бресте, и для чего оттоль не велите провианта привезть, не знаю. Для самого бога сие как наискорее учините, чтоб людей в довольстве содержать, которое паче многих добрых дел вам почтено будет, и я зело буду за оное благодарить вам».

«Рубежи наши зело голы, а наипаче всего конницею», – писал Петр Апраксину и потому велел от Смоленска до Пскова везде, где леса есть, зарубить рядом на 300 шагов широтою; ежели в котором месте валом легче, нежели лесом, тут не рубить, а делать вал по первой ростали. Эту линию весть, не смотря, чья земля, наша или литовская, только смотреть, где скорее, удобнее и легче можно сделать. Где воды глубокие или болота непроходимые, тут, для скоростей, не делать засеки. Делать это поголовно, с великою поспешностию, ближайшими уездами, русскими и польскими.

Среди этих распоряжений настигла страшная весть, что на саксонский сикурс не может быть никакой надежды; в начале февраля при Фрауштадте саксонское двадцатитысячное войско под начальством Шуленбурга было разбито в прах шведским генералом Реншельдом, у которого было не более 12.000 войска; большая часть русского вспомогательного отряда, находившегося у Шуленбурга, была варварски истреблена шведами, не хотевшими щадить и сдававшихся. Это изумительное при такой разнице в числе людей поражение Петр сначала приписал

измене, зная, как саксонцы недовольны войною короля своего с шведами, и в этом смысле писал Головину 26 февраля: «Ныне уже явна измена и робость саксонская, так что конница, ни единого залпу не дав, побежала, пехота, более половины киня ружья, отдалась, и только наших одних оставили, которых не чаю половины в живых: бог весть какую нам печаль сия ведомость принесла, и только дачею денег беду себе купили. Сим же случаем и измена Паткулева будет явна, ибо совершенно чаю, того для он взят, чтоб сей их изменной факции никто не сведал. При сем прошу вас, чтоб вы в добром числе рекрутов москвичей (а паче конных, хотя б и еще из людей боярских по небольшому положить) и в прочем трудились. Мы меж тем будем стараться о выручке своих гродненских (которые, слава богу, еще в довольстве обретаются), и уже полки отсель пошли к Минску, куда и мы завтра поедем и там случимся с гетманом Мазепою».

Петр поехал в Минск, отправивши в Гродно следующее приказание: «По несчастливой баталии саксонской уже там делать нечего, но дабы немедленно выходили из Гродни и шли, по которой дороге способнее и где ближе леса, а буде вскроется Неман, то лучше, перешед Неман, идти на левую руку, потому что неприятель чрез реку не может так вредить, тако ж по той дороге гетман и иные наши войска с ним; однако ж полагается то на их волю, куда удобнее, а по которой дороге пойдут, о том нам прежде походу для ведома наскоро писать, дабы можно было нам с конницею их встретить, и, как возможно, курьеров нанимать, на что не жалеть денег. Брать с собою что возможно полковых пушек и другое что нужное (в чем зело смотреть, чтоб не отяготиться, взять зело мало, а по нужде хотя и все бросить), а достальное, а именно артиллерию тяжелую и прочее, чего увезти будет невозможно, бросить в воду и ни на что не смотреть, только как возможно стараться, как бы людей спасти. Отошед из Гродни миль 10 или как случится, когда крепкие места, а именно леса, начнутся, разделить всю армию баталионами или полками, как лучше по рассмотрению, и поход учредить разными дорогами, по которым разверстать все войско, чтоб шло врознь, а не всем корпусом, дабы неприятель всею силою на весь корпус не напал, где может свободно выиграть, нежели потерять. А когда войско наше в рознице будет, тогда невозможно будет неприятелю всю армию атаковать, разве только на один баталион или полк нападет, который хотя и разорят, в том буди воля божия, однако ж не все в атаке будут, а волооких партий опасаться нечего, хотя и сильные будут, только можно верить, что на наш на один баталион смело не нападут. Прежде выхода из Гродни все (кроме пушек и пороху), яко суть ножи и прочая, зело тайно пометать в воду. Сей выход из Гродни зело надлежит тайно сделать таким образом: перво поставить такой крепкий караул, чтоб из жителей никто не точию выйти, ниже выполсть не мог, и в то время как возможно скоро и тайно собраться, пушки изготовить те, кои к походу, а прочие держать на их местах (того для ежели неприятель сведает, от чего боже сохрани, и придет, а пушки прежде выходу брошены будут, то тотчас штормовать будет, и вам борониться будет нечем); потом, когда идти, взять вдруг всем пушки солдатам с траншаменты и вдруг, сведчи с горы, бросить в воду (для чего проруби надлежит заранее изготовить) и потом тотчас идти. Сей поход надлежит учинить с вечера и не поздно, чтоб ночью осталось больше времени, в котором бы далее можно идти до крепких мест, и зело в том тшиться, чтоб полистые места (поля) перейти ночью. Лошадей из Гродни тутошних жителей, кто они ни есть; тако ж еже и скудость провианта из

монастырей и домов, и тако ж в чем нужда есть, взять нужное без крайнего разорения, а лошадей всех. При выходе надлежит конницу позади оставить, чтоб в траншаменте и у мосту была до утрае (дабы неприятель не мог пометать выходу) или и больше, по делу смотря; о полонениках полагается на рассуждение и совет воинской. Все чинить по сему предложению, и паче по своему рассмотрению, и не смотреть ни на что, ни на лишение артиллерии, ни остаточного не жалеть, токмо людей по возможности спасать».

Вслед за этим наказом Петр еще несколько раз писал Огильви и Репнину, чтоб непременно выходили из Гродно. «Ныне уже ни единый вид обретається, – писал он к Репнину, – чтоб вам быть в Гродне, ибо пред тем надежда была на саксонцев, ныне же хотя б и пришли, то паки побегут и вас одних оставят: того для ни о чем, только о способном и скором выходе думайте, несмотря на артиллерию и прочие тягости, как я вам пред сим пространнее писал. О выходе совет мой сей (однако ж и вашей воли не снимаю, где лучше): изготова мост чрез Немон, и кой час Немон вскроется, перешед при пловущем льду (для которого льда не может неприятель мосту навесьть и перейти Немон), и иттить по той стороне Немона на Слуцк (которая добрая фортеция, и в нем добрая артиллерия и наш гварнизон и магазейн); однако ж надлежит при первом взломании льду поход учинить, прежде нежели малые речки пройдут, когда уже невозможно будет иттить. Мы у вас в левой руке от неприятеля будем, при нас войск регулярных с 12.000 человек, которых половина на лошадях, а у других у двух сани, кроме гетманских нестройных обретається; иного пути не знаю, ибо везде неприятель передовыми занять и сам отрезать может, о чем прошу скорого ответа: куды пойдете, чтоб нам ведать и вам дать с своей стороны отдух. Ныне получили мы ведомость, что по приходе шведов в Вильню уже добрую партию отрядили к Полоцку; о чем паки подтврждаю; конечно (при взломании льда, а буде сыщете способ, то лучше б и прежде) по сему учините без всякой отговорки и описки».

Но Огильви был другого мнения; на указы Петра он отвечал, что хочет еще подержаться в Гродно до более благоприятного времени; если выйти теперь, то король шведский может в 24 часа стянуть все свое войско и погнать русские полки; если покинуть Гродно, то вся Польша и Литва склонятся на сторону шведов, и вся тяжесть войны обрушится на Россию; лучше б простоять целое лето в Гродно.

«Что до лета хотите быть, и о сем не только то чинить, но ниже думать, – отвечал Петр 12 марта, – понеже неприятель, тогда отдохнув и получа корм под ноги, не отойдет от вас легко, к тому ж и Реншильд придет (понеже саксонцы паки скоро не сберутся), к тому же и Левенгаупт будет, ибо мы уже указ послали, чтоб курляндские замки подорвать и идти пехоте чрез Двину к Полоцку, потому что ежели до тех пор стоять, как Двина разойдется, то им пропасть будет, а конницею станем чинить неприятелю диверсию. О отдалении неприятеля не надобно думать, ибо для того весь поход его был и ныне стал в тех местах, чтоб нам что ни есть сделать, от чего боже сохрани, а смотреть, чтоб не отрезал, и то можно учинить, когда пойдете или на Брест, или меж Бреста и Пинска, и как можно скоро сперва пойти, чтоб зайти за реку Припеть, которая зело есть болотистая, и там можно по воле к Киеву или к Чернигову иттить: и так неприятелю никоим образом отрезать будет невозможно, а сзади хотя и станет гнать, то не может вас догнать, ибо с пехотою невозможно, а с конницею не будет вам силен; к тому же

надлежит не одною дорогою идтить, то не будет ведать, куды сколько пошло, и не может разделиться неприятель. Сие же писание оканчиваю тем, что первого разлития вод (или и ныне буде возможно) конечно не пропускайте, но с божиею помощиею выходите, чем нас зело обяжете и удовольствуете; противное же, ежели по сему не учините и до травы стоять станете, то уже сие дело не за доброго слугу, но за неприятеля почтено будет».

Пославши это решительное приказание Огильви, на другой день, 13 марта, Петр сдал начальство над войском Меншикову, на которого совершенно полагался, и отправился в Петербург в самом печальном расположении духа. Семь дней тому назад он писал Апраксину: «О здешнем писать, после баталии саксонских бездельников, нечего; только мы с приближающимся Лазарем (днем Лазарева воскресенья) купно в адской сей горести живы, дай боже воскреснуть с ним». Остановившись на несколько дней в Нарве, царь писал Меншикову: «Пути моего было, кроме простоя, пять дней и несколько часов, где, слава богу, все добро, и от сего дня в 6 или 7 дне поеду в Питербурх. Но токмо еще души наши на мытарствах задерживаются, о чем сам можешь рассудить. Боже, даруй воскресением своим радость!» Из Петербурга 7 апреля писал к тому же Меншикову: «Я не могу оставить, отсель не писать к вам из здешнего парадиза, где, при попомощствовании вышнего, все изрядно; истинно, что в раю здесь живем; точию едино мнение никогда нас оставляет, о чем сам можешь ведать, в чем возлагаем не на человечью, но на божью волю и милость».

Наконец бог дал радость: 24 марта, в самый день Светлого воскресенья, русское войско вышло из Гродно, воспользовавшись, как писал Петр, вскрытием Немана, по мосту, заранее приготовленному, а 27 числа встретил его Меншиков. Расчеты Петра оправдались: Карл более недели не мог преследовать русских вследствие вскрытия Немана, а когда шведы навели мост и перешли через реку, то русские были уже у Бреста. Дальнейшее преследование весною в болотистой стране было невозможно, и Карл, давши отдохнуть своим войскам на Волыни, отправился в Саксонию, чтоб покончить с Августом. Петр был в восторге, получивши известие о благополучном выходе своего войска из Гродно. «Min Bruder! – писал он Меншикову 29 апреля. – С неописанною радостию я господина Старика от вас с письмом получил, будучи во флоте у Кроншлота на корабле („Олифанте“) виц-адмирала, и той же минуты, благодаря бога, со всего флота и крепости трижды стреляно, а каковы были сему радостны и потому шумны, донесет Старик вам сам. Истину сказать, что от сей ведомости вовсе стали здесь радостны, а до того, хотя и в раю жили, однако всегда на сердце скребло». Лечение задержало царя в Петербурге целый май месяц. «О бытии моем (т.е. о приезде к войску) не извольте сомневаться, – писал он Меншикову 10 мая, – ибо конечно в конце сего месяца поеду, а ранее того невозможно, ей, не для гулянья, но дохтуры так определили, чтоб, по пускании крови жильной (которая вчерась отворена), две недели на месте принимать лекарство, и потом тотчас поеду, ибо сама ваша милость видел, каково мне было, когда разлучены были от войска мы. О здешних поведениях сомневаться не изволь: ибо в рае божии зла быти не может».

Между тем, не зная еще о походе Карла XII на Саксонию, боялись, чтоб он не овладел Киевом; Меншиков, именем царским, велел всему войску двинуться к этому дорогому для России городу; Огильви протестовал, требуя, чтоб пехота

охраняла Киев и Смоленск, а конница разбросалась по рекам Припяти, Горыни, Стыри, Случе. Огильви жаловался беспрестанно царю, что Меншиков похищает себе его власть; Петр молчал, Меншиков распоряжался: так, когда получена была в Киеве ведомость о взятии Астрахани Шереметевым, Огильви не велел стрелять из ружья в знак торжества, а Меншиков распорядился сам стрельбою. 25 июля Петр объявил, что вышним командиром над всем войском оставляет фельдмаршала Шереметева, Огильви же дается 13 полков, ибо в условиях с ним постановлено, что он будет иметь всегда отдельный корпус, хотя и будет состоять под командою первого фельдмаршала российского. Наконец Огильви был уволен в сентябре 1706 года; по этому случаю Шафиров писал Меншикову: «Невзирая на все худые поступки, надобно отпустить его (Огильви) с милостию, с ласкою, даже с каким-нибудь подарком, чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство, а к подаркам он зело лаком и душу свою готов за них продать».

Меншиков проводил время в Киеве не в одних ссорах с наемным фельдмаршалом. «Я ездил вокруг Киева, – писал он Петру 12 мая, – также около Печерского монастыря и все места осмотрел. Не знаю, как вашей милости понравится здешний город, а я в нем не обретаю никакой крепости. Но Печерский монастырь зело потребен, и труда с ним будет, немного: город изрядный, каменный, только немного не доделан, и хотя зачат старым маниром, но можно изрядную фортецию учинить, да и есть чего держаться, потому что в нем много каменного строения и церквей, а в Киеве-городе каменного строения только одна соборная церковь да монастырь; городовое основание великое, и, ежели его крепить, зело нелегко станет». 4 июля приехал в Киев Петр, нашел, что Данилыч прав, и 15 августа заложил фортецию около Печерского монастыря; постройку ее должны были принять на себя малороссийские козаки.

Распорядившись укреплением важнейшего города юго-западной границы, Петр поспешил к границе северо-западной, чтоб воспользоваться уходом Карла в Саксонию и обеспечить свой парадиз со стороны Финляндии. И октября он осадил Выборг, но осада пошла неудачно, и царь должен был возвратиться в Петербург. Счастливее был Данилыч, который повел войско в Польшу против оставленного там Карлом генерала Мардефельда. В Люблине соединился он с королем Августом и писал Петру: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наедине у меня просил, понеже так обнищал: пришло так, что есть нечего. Видя его скудость, я дал ему своих денег 10.000 ефимков. Правда, что последняя его скудость: понеже на Саксонию надеяться нечего». Петр отвечал: «Писал ваша милость, что король скучает о деньгах. Сам ты известен, что от короля всегда то, что: *«дай, дай, деньги, деньги !»*, в чем сам можешь знать, каковы деньги и как их у нас мало; однако ж ежели при таком злом случае постоянно король будет, то, чаю, надлежит его в оных крепко обнадежить при моем приезде, который я потщуся самым скорым путем исправить». 18 октября Меншиков, ведя с собою и короля Августа, встретил шведов у Калиша. «Неприятеля, – писал он царю, – при Калише мы нагнали, который был в 8000 шведов и в 20000 поляков и нас ожидал с таким желанием, чтоб с нами баталию дать, к чему зело в крепких местах стал, имея круг себя жестокие переправы, реки и болото; однако ж мы, несмотря на те крепости, но больше уповая на крепкого в бранях господя, по отправлении по обыкновению воинской думы, устроясь как надлежит, с оным полную баталию дали, на которой в непрестанном огне ровно

три часа были; однако ж, помощью божиею и счастием вашим, такую мы счастливую викторию получили, что неприятелей на месте положили – шведов с 5000 да поляков с 1000 человек. Не в похвалу доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле мертвыми телами устлано».

Петр запировал в своем парадизе и пропировал три дня, получив «неописанную радость о победе неприятеля, какой еще никогда не бывало». При Калише кроме победы над Мардефельдом Меншиков выиграл еще пред историею процесс свой с Огильви, показав, что русское войско не нуждается в наемном фельдмаршале.

Торжество Петра было непродолжительно: вслед за неописанною радостью он узнал, что оставлен союзником своим Августом, что швед уже не увязнет более в Польше и все бремя войны надобно будет взять на одни свои плечи.

Карл XII не встретил в Саксонии ни малейшего сопротивления; все бежало, что только могло бежать, оставшиеся обложены были тяжелыми податями в пользу шведов. Король Август тщетно надеялся, что другие державы не позволят Карлу вступить в Саксонию и тем нарушить нейтралитет Германии: много было представлений на словах и на бумаге, но никто не посмел тронуться против непобедимого шведского героя. Король Август решился пожертвовать Польшею, чтоб не потерять или по крайней мере не истощить вконец наследственной Саксонии, и вступил в переговоры с Карлом. 13 октября в замке Альтранштадте, недалеко от Лейпцига, тайно подписан был договор уполномоченными с обеих сторон: Август отказывался от польской короны, признавал королем польским Станислава Лещинского, прерывал союз с русским царем, освобождал Собеских, выдавал Паткуля и русских солдат, находившихся в Саксонии, обязывался содержать на счет Саксонии шведское войско в продолжение зимы. Август согласился на все и между тем не решился объявить Меншикову, дал только знать Мардефельду о мире и советовал не вступать в сражение, но Мардефельд не поверил ему, и Август должен был участвовать в калишской битве, должен был участвовать и в варшавских торжествах, бывших по случаю победы, и, когда пошли слухи о мире, уверять, что все это неправда.

Так продолжалось, пока Меншиков не выступил с русским войском из Варшавы в Жолкву на зимние квартиры. При Августе остался князь Василий Лукич Долгорукий, приехавший на время вместо родственника своего, князя Григория. Только 17 ноября Долгорукий узнал о переговорах Августа с Карлом и немедленно имел объяснение с королем; тот объявил: «Трактую для того, что не вижу другого способа спасти Саксонию от разорения; надеялся я на цесаря и его союзников, но теперь явно, что Саксонию оборонять не хотят. Отдать Саксонию на разорение – нечем будет продолжать войну. Саксония будет разорена, с Польши доходов нет, царское величество деньгами не помогает; если по разорении Саксонии неприятель вступит в Польшу, то ваши войска отступят за свои рубежи, и я с своим малым войском воевать в Польше не могу; мира в то время, хотя бы и хотел, не сыщу, а если б и сыскал, то не лучше нынешнего, только Саксония будет разорена. Если царское величество согласится мне помогать деньгами ежегодно в определенное время, то пусть объявит, и если по трактатам с царским величеством получу удовлетворение, то больше ничего не потребую: несмотря на разорение Саксонии, буду продолжать войну; трактатов с неприятелем не окончу,

не дождавшись ответа от царского величества». Но на другой день другие речи: «Невозможно мне Саксонию допустить до крайнего разорения, а избавить ее от этого не вижу другого способа, как заключить мир с шведами, только по виду и отказаться от Польши с целию выпроводить Карла из Саксонии, а там как выйдет, собравшись с силами, опять начну войну вместе с царским величеством. Союза с царским величеством я не нарушу и противного общим интересам ничего не сделаю». 19 ноября пред рассветом Август уехал из Варшавы для личного свидания с шведским королем, велевши чрез польских министров сказать Долгорукому, что союз с царем непременно будет содержать до конца войны, и как скоро неприятель выйдет из Саксонии, то с двадцатипяти тысячным войском возвратится в Польшу: пусть царь держит это в тайне, а явно пусть объявляет о нарушении союза.

Долгорукий поехал в Краков, чтоб, несмотря на отречение Августа, удержать вельмож его партии при русском союзе. Меншиков писал царю из Жолквы 24 ноября: «Пред сим за неделю были превеликие морозы и снег, ныне же воздух теплый и грязь великая, однако ж постоянного времени трудно ожидать, понеже, каковы люди здесь постоянны, таково и время. Сам уже изволишь рассудить, как зело потребно суть милости вашей здесь быть в таком нынешнем противном случае; однако ж не изволь о том много сомневаться, хотя король нас и оставил. А ежели вскоре милость ваша да благоволите к нам быть, то мочно скоро другого короля выбрать, к чему поляки, чаю, при вас будут склонение иметь, которых мы ныне ничем так более не обнадеживаем, точию скорым сюда вашим пришествием, которое всегда разглашаем».

Петр «по тем ведомостям пошел в Польшу, дабы оставшую без главы Речь Посполитую удержать при себе». 28 декабря он приехал в Жолкву, где собрались Меншиков, Шереметев, князь Григорий Долгорукий, необходимый при совещаниях о польских делах, не было первого министра, боярина адмирала Федора Алексеевича Головина. Он умер летом 1706 года в Глухове, на дороге в Киев. Об отношениях покойного к царю можно видеть из письма Петра к Апраксину: «Ежели сие письмо вас застанет на Москве, то не извольте ездить на Воронеж; будешь на Воронеже, изволь ехать в Москву, ибо хотя б никогда сего я вам не желал писать, однако воля всемогущего на то нас понудила, ибо сей недели господин адмирал и друг наш от сего света отсечен смертию в Глухове; того ради извольте, которые приказы (кроме Посольского) он ведал, присмотреть и деньги и прочие вещи запечатать до указа. Сие возвещает печали исполненный Петр». Титул адмирала наследовал Апраксин; Посольский приказ перешел к верховному комнатному Гавриле Ивановичу Головкину, получившему потом звание канцлера. Головкин был один из самых приближенных людей к Петру с его малолетства. Когда Петр был за границею, Головкин писал к нему шуточные фамильярные письма, подписываясь: *Ганка*, например: «Милостивый мой, здравствуй множество лет, а я жив. Пожалуй, хотя по строчке пиши о своем здоровье: можешь то рассудить, что того желаю, а мы с Павлюком живем да редьку в пост жуем, а ученье его зело тупо с природы, учит вечерню. Павлюк приболел, и не одна (не один раз), и Лаврентий, доктор, смотрел и сказал, что на болезнь его в аптеке лекарства нет, а называет ту болезнь ленью. А сват начал учить псалтырь. Медведь и лисица пишут». Или: «Медведь, волк и лисица у меня и грамоте учатся, а хотя то тем животным и несродно, однако правда». Во время войны Головкин

находился при Петре и употреблялся для исполнения важных поручений, причем шуточные письма продолжались, например: «В письме ваша милость напомнил о болезни моей, подагре, будто начало свое она восприяла от излишества венусовой утехы: о чем я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства; у меня в ногах, у г. Мусина на лице. Но та болезнь, кроме отца нашего и пастыря (Зотова), лечить некому».

Еще покойный Головин на помощь себе, особенно на время отсутствия своего из Москвы, выдвинул из переводчиков Посольского приказа даровитого Петра Павловича Шафирова и дал ему титул тайного секретаря; при Головкине, когда тот получил титул канцлера, Шафиров переименован в вице-канцлеры, или подканцлеры.

Головкин начал свое новое поприще важным делом. В половине февраля 1707 года явилось в Жолкву из Львова великое посольство генеральной конфедерации: краковский воевода князь Вишневецкий, мазовецкий воевода Хоментовский, литовский маршалок Волович. На конференциях с верховным комнатным Гаврилою Ив. Головкиным и другими министрами послы объявили, что на Львовской раде сенаторами и Речью Посполитою постановлено отправить их к царскому величеству с полномочием для наилучшего впредь от царского величества к ним вспоможения и сбережения. Прежде всего послы потребовали, чтоб Украина, бунтовщиком Палеем отобранная, немедленно была возвращена республике. Министры отвечали, что Украина будет возвращена, как только для приема крепостей будет кто-нибудь прислан от республики. Потом послы объявили, что им от войск царских великое разорение, особенно от кавалерии и офицеров: не только обыкновенный провиант берут хлебом и мясом и лошадям фураж, но офицеры берут по своим прихотям что что захочет и чего в иных местах, именно в деревнях, купить и промыслить нельзя, например корицу, сахар, гвоздику, лук, перец, огурцы, сельди, пиво, мед, вино; если где этого не сыщется, правят большие деньги, берут под провиант подводы и лошадей, чего уже терпеть больше нельзя, ибо и самим владельцам от подданных своих насущного хлеба уже мало что осталось. Им и от шведского войска легче было, потому что теперь на каждый дым для провианта по 50 злотых польских выходит, кроме подвод. Речь Посполитая рассуждает, что по союзному договору следовало бы только 12 тысячам царского войска быть на польском провианте, а теперь наведены такие многочисленные войска и все содержатся на счет республики; во многих воеводствах, где уже провиант забран на несколько месяцев, опять берут. Речь Посполитая знает подлинно, что у царского величества на все войско, особенно офицерам, идет денежная плата, которою можно довольствоваться, и потому просит сделать ей облегчение в зимовом провианте, спрашивать его только для рядовых, а не для офицеров, а если в том льготы не будет, то Речь Посполитая на шесть месяцев летних, считая с мая месяца, давать провианту не обещает и не хочет.

Министры отвечали, что, кроме положенной порции излишнего ничего у них не берется и брать накрепко закажется. Царские войска введены к ним по их желанию, по союзному договору, заключенному для охранения жизни и вольностей их от неприятеля. Польза для них от этих войск явна в отобрании у неприятеля крепостей и в других случаях, а без провианта войскам никак пробыть нельзя. Посольское заявление о недаче провианта на шесть летних месяцев

царскому величеству будет очень неудобно, потому что у его величества на это войско издержаны многие миллионы; этих миллионов надобно было бы спрашивать на Речи Посполитой, однако не спрашивается. Послы потребовали уплаты по договору двухмиллионов злотых, без чего нельзя будет набрать войска на следующую кампанию. Министры отвечали, что уже выдано в то число 40.000 рублей на войско коронное и 30.000 на литовское, хотя и не довелось давать преждевременно, ибо в договоре положено давать при войске в мае месяце. 40.000 на коронное войско дал король Август от своего имени, а не от царского, возражали послы. Министры отвечали, что договоренного числа войска прошлый год поляки не выставили. Из посольских речей было видно, что если царь согласится уволить Речь Посполитую от дачи провианта, то они не станут требовать обещанных в договоре миллионов. Петр велел объявить им решительно, что от дачи провианта они уволены быть не могут, но, утешая Речь Посполитую, он велел выдать ей польским счетом полмиллиона, а московскою монетою 50.000 рублей. Потом послы жаловались на разоренье от козаков и калмыков и требовали, чтоб польским и литовским жителям дано было из царской казны вознаграждение за пограбленные пожитки. На это министры отвечали, что виновным в каком-нибудь воровстве пощады не будет, а чтоб за воров платить из казны, то дело не статочное и нигде того не повелось: заплатят одному, сейчас же найдется много других, у которых и ничего не взято. Для всяких расправ в обидах учреждены с обеих сторон комиссары: генерал-поручик от артиллерии Брюс вместе с польскими комиссарами будет давать удовлетворение по жалобам. Послы не переставали домогаться, чтоб донских козаков и калмыков вывести из Польши, а если понадобятся легкие войска, то могут быть употреблены польские полки. Петр велел отвечать, что регулярному войску безлегкой конницы никак быть нельзя; обид не будет, потому что за них будут отвечать генералы.

«С сими шалеными едва могли дело совершить», – писал Петр к Меншикову, уведомляя его, что «все подписали и подтвердили все трактаты с нами, тако ж и универсал готовить начали, понеже на мере уже поставлен и срок 16 по их, а по нашему пятое мая». Для прекращения грабежа от войск Петр выдал следующий указ находящимся в Польше генералам: «Всяких денежных и прочих сверх указных взятков и поборов, а наипаче разорения и обид конечно б самим вам не чинить и под командою вашею обретающимся людям запретить под опасением живота и смерти».

Обещали утешить Речь Посполитую 50.000 рублей, но столько денег неоткуда было взять, можно было дать только 20.000. Поляки не соглашались взять меньше половины, не отставали от своих требований насчет Украины. Отдать им эту Украину теперь, когда ждали в Польшу Карла XII, когда королем польским оставался шведский посаженник Станислав Лещинский, было бы крайне неблагоприятно; раздражать отказом считали также вредным. 29 сентября Головкин писал Петру из Варшавы: «Вчерашнего числа получили мы от гетмана Синявского и от бискупа кувявского письма и его, бискупово, рассуждение цыфирью. По которому бискупову рассуждению и с общего совета с г. генералом князем Меншиковым за потребно рассудили мы послать к войску коронному Емельяна Украинцева одного, без денег, но токмо с одним письмом к гетману Мазепе для утешения им, будто об отдаче Украины, и хотя такое письмо и посылаем, однако ж писали к нему, гетману, особливо тайно, чтоб он потому не отдавал и

удерживал всячески, промедливая время. А денег нынешнего определенного числа (20.000) с ним, Емельяном, послать поопасались по совету бискупову, чтоб тем числом денег их к вящему неудовольствию не привести под нынешний неприятельский выход, понеже они великого числа денег желают, а когда они 20.000 пожелают, то немедленно мы оные пошлем». На войско можно было не посылать денег, но нельзя было не давать секретных пенсий разным влиятельным лицам, чтоб не перешли к неприятелю. Так, шестидесятишестилетний служака, думный дяк Емельян Украинцев, приехав в Люблин к правительству Речи Посполитой, доносил, что великого государя жалованье примасу Шенбеку, бискупу куявскому и подканцлеру коронному отдал секретно ночным временем, как они сами того желали, маршалку конфедерацкому еще не отдал, потому что в суете пребывает, многие у него и он у многих бывает. «Подканцлер мне говорил приватно, – писал Украинцев, – что теперь в войске коронном после гетманов самый сильный человек в слове и деле люблинский воевода Тарло, который сам просил у великого государя милостивого призрения, а именно, во-первых, чтоб дали ему денег, во-вторых, чтоб назначено было ему место в России на всякий нужный случай, когда шведы возьмут верх; в-третьих, чтоб ему в этом месте дали дом, двор и пропитание; до сих пор Тарло ничего не получил, даже и милостивого обнадеживания. Ион, подканцлер, свидетельствуясь господом богом в своей истине, служа и радея его величеству в общих интересах обоих государств, доносит и предлагает, чтоб тому воеводе послано было жалованье, хотя бы 2000 рублей, чтоб он в нынешнее время не был в чем противен стороне царского величества».

В октябре велено было Украинцеву отдать полякам 20.000 рублей на войско и грамоту к гетману Мазепе об отдаче Белой Церкви, но гетманы, великий Адам Синявский, и польный Станислав Ржевуский, и другие правительственные лица отвечали ему единогласно, что двадцати тысяч мало, не только принять, но и объявить в войске такую ничтожную сумму они не смеют; если услышит об этом войско, то от них, гетманов, отступит и царскому величеству будет повреждение; они думали, что будет к ним прислано сто тысяч и больше, ибо по союзному договору обещано давать ежегодно по 200.000 рублей, также и Украину царское величество изволил отдать, и по сие время исполнения никакого нет, только проводят их одними обещаниями да, сверх того, упрекают их в неверности, а они договоров держатся постоянно и во всем верны; и теперь если неприятель явится к баталии и царские генералы потребуют их к себе, то они готовы. Украинцев говорил им, что при министрах царских и при войске денег теперь мало, а когда пришлются из Москвы, тогда будет указ и о прибавке на польское войско; об отдаче Украины, отобранной Палеем, у него грамота министерская к Мазепе. Но поляки твердили свое, что на присылку денег нет им надежды, также и на отдачу Украины, потому что и прежде Мазепа получал об этом министерские письма, но не исполнял по ним. «Хотя я ведаю и надеюсь, – писал Украинцев Головкину, – что господин Мазепа по письму вашему не отдаст Украины, однако я этого письма не отдал полякам, потому что бискуп куявский писал мне: если и это письмо окажется по-прежнему неправдивым и Мазепа Украины не отдаст, то мы от себя совершенно гетманов, войско и всю Речь Посполитую отгоним». Гетманы прислали сказать Украинцеву, что если войско не получит на одну четверть царского жалованья, то отступит, пойдет к неприятелю, и им, гетманам, делать

будет тогда нечего. Украинцев писал Головкину: «Денег по сие время еще я никому не давал, ибо вижу, что ни в одном нет истины; повадили мы их такими дачами и даем деньги, то все равно что в огонь бросаем или в воду сыплем напрасно. Бискуп советует мне дать три тысячи маршалку конфедерации Денгофу, а тот и с другими, с кем знает, поделится. И я рассуждаю, что доведется ему дать: он в войске конфедерации силен, и все его любят, и конфедерация составлена у них для того, чтоб стоять за веру и вольные выборы королевские, и на присягу ныне они подписываются не для нас, но крепятся и вяжутся между собою для себя, но при том и нас в присяге написали явственно. Платим деньги войску их и их дарим, а потом портим все свои дела и дружбу малым грабежом. Меня оглушили жалобами. Бискуп жаловался, что в его бискупии все пограблено и ксендз знатный пытан и повешен. Бог весть, правда ли это? Я не верю и говорил бискупу: можно было бы повешенного ксендза привезти к судьям; ваши управляющие сами покрадут ваше имение да и скажут, что козаки и калмыки пограбили: во всем надобно свидетельство и розыск. Как я вижу, – продолжает Украинцев, – в государеву казну из тех грабежей нет в приходе ничего, а швед, что в костелах побрал серебра, с городов и мест денег, то все в его казну пришло. Если воеводы мазовецкий и любельский станут домогаться, чтоб им в нужное время быть за Днепром, в Чернигове или Нежине, и им бы того не позволять, потому что опасно от таких голов всякого в малороссийских городах плевосеятельства к возмущению и бунту, и ныне если они Украину отберут, то надобно того же от них накрепко опасаться, а в нужный случай могут они и без нас спастись: под боком у них Молдавия, Валахия, Венгрия, в Прусах Королевец и другие места, а у нас можно им побыть разве на Луках, в Торопце, под Псковом, в Опочке, кроме Смоленска».

Паны надумались и взяли 20.000 рублей; кроме того, Украинцев дал 5000 бискупу кувявскому и маршалку конфедерации. Оглушая Украинцева жалобами на грабежи от русского войска, поляки ничего не говорили о своем шляхтиче Выжицком, который зазвал к себе в гости ехавших чрез местечко Дуб семеновских гвардейцев и перерезал ночью сонных: двоих офицеров, сержанта от пушкарей и девять человек солдат. Петр был сильно раздражен и велел объявить польскому правительству: «Сие мне зело печально о таких добрых офицерах и солдатах, которых я с молодых лет с собою растил, а ежели их так здесь станут трактовать, то мы наперед контровизит сделаем». На требования Украинцева, чтоб высланы были немедленно в Брест комиссары и судьи на общие суды, гетманы и бискуп отвечали: «Мы знаем, что вы добиваетесь комиссаров и судей не для других каких дел, а только для вершения дела шляхтича Выжицкого с товарищами; и мы, радея царскому величеству, объявляем, чтоб в нынешнее время Выжицкого с товарищами в Бресте не казнить, потому что он в Польше знатный шляхтич и имеет свойство с домами высокоблагородными, чтоб от того в вольном нашем народе не поднялся ропот и не вкоренилась противность, и без того от разорения и грабежей, которые причиняют главные офицеры-иноземцы, и козаки, и калмыки, в войске, между всеми сенаторами и шляхтою и всяких чинов обывателями, духовными и мирскими великий вопль, вздохи и слезы, а на нас, гетманов, нарекание и злоба, будто мы за них не стоим, тогда как и у нас в имениях то же делается; так мы советуем, чтоб Выжицкий с товарищами за вину свою не был тут казнен, в Бресте, и свезти бы его подальше в Литву, на Белую Русь или в иное

место, как Синицкого, который и больше ратных русских людей побил, и казну пограбил, однако не казнен».

В конце года Украинцев писал Головкину: «Не верят поляки нам и опасаются, чтоб мы, оставя их, не заключили с шведом мир с уступкою всего завоеванного. В нынешнее время помощи от них нам не ожидаю; больше всего смотрят и берегут своих интересов; говорил мне бискуп, что и то нам от них помощь, что в нынешнее время лежат они неутралами, к неприятелю не склоняются и на его предложения отвечают, что они в союзе с царским величеством и от него не отступят. Козаков наших хорошо бы с ними не соединять; сам я слышал от гетмана: если они с ним соединятся, то он знает, как с ними поступать: либо целы будут, либо пропадут. Хочет он, гетман, просить у гетмана Мазепы именно полковников Михайлу белоцерковского и Танского: оба они здешней стороны, и козаки у них в полках почти все палеевцы: опасно, чтоб вовсе при них не остались и там начало пристанищу польскому в Украине не положили, потому что поляки сделают их полковниками здешних же, заднепровских городов. Проговариваются, что если мы Украины им не уступим, то будут ее заезжать. Теперь здешние все стали веселы и между собою банкетуют и пригарживаются, слыша, что неприятель со всею силою идет на нас в Литву, думают, что и Станислав Лещинский не отстанет от него. Гетман Синявский о взятии жены своей неприятелем попечалился с неделю, а приехав во Львов, стал опять весел и едва не каждый день банкетует».

Нейтральным желанием этих банкетующих господ Петр не мог быть доволен. Чтоб сосредоточить в Польше силы, противные Карлу и Лещинскому, и дать им сколько-нибудь правильное движение, нужен был король, и в мае 1707 г. Петр отправил ксендза Шембека к королевичу Якубу Собескому с предложением польской короны. Шембек получил инструкцию: поспешив как можно скорее к королевичу, изобразить ему правдивое и прилежное желание царского величества и станов Речи Посполитой к персоне его милости, чтоб он немедленно принял корону польскую. Предложить все способы, которыми королевич свободно на престоле удержаться может, а именно что царское величество ему как всеми войсками, так и деньгами помогать будет и, не утвердя на престоле, не оставит. Прилежно стараться, чтоб королевич сам немедленно поспешил сюда на раду или чтоб немедленно секретного министра своего с полною мочью и желанием о короне к царскому величеству и к Речи Посполитой прислал, с обнадеживанием приезда своего, как скоро будет выбран королем. Если бы королевич Якуб сам не захотел принять короны и согласился бы на ее счет с братом своим Александром, то трактовать точно так же и с последним. Если оба королевича подлинного решения не дадут и станут проволакивать время, то объявить им, что это уже последнее от царского величества предложение и государь немедленно станет заботиться о избрании нового короля мимо их. Если королевич согласится принять корону и потом будет лишен ее шведами, то царь обязывался дать ему и жене его в пожизненное владение одну из пограничных западных русских провинций.

Собеский не решился вступить в борьбу с непобедимым королем и отказался от царского предложения. Смелее был поднявшийся против императора седмиградский князь Рагоци, уполномоченные которого заключили 4 сентября договор с Головкиным, кн. Григорием Долгоруким и Шафировым. Рагоци обещал

Петру принять польскую корону, если будет выбран вольными голосами; Петр давал ему те же обещания, какие и Собескому. Между прочим, было условлено: если швед в нынешнюю кампанию в Польшу не пойдет, то королевские выборы отложить, а между тем при посредничестве Франции и Баварии попытаться заключить мир с шведами, но переговоры по этому поводу не должны продолжаться более четырех месяцев начиная с первого сентября старого стиля; если по истечении этого времени переговоры не поведут ни к чему, то Рагоци без дальнейшего отлагательства должен принять польскую корону; если швед со всеми силами возвратится в Польшу, то Рагоци не должен считать этого препятствием к принятию короны. Царь обещает приводить добрыми способами императора к возвращению вольности венгерской и седмиградской. Рагоци принимал корону только при условии выбора вольными голосами: но избиратели удерживались постоянными внушениями из Саксонии, что король Август не думает отказываться от польской короны и непременно явится в Польшу с войском. То же самое давали знать царские агенты при германских дворах Урбих и Лит, пересылая обещания и требования старого союзника. Головкин писал по этому случаю Петру из Минска 21 ноября: «Изволишь нам на Августово дело и требование последнее свое изволение прислать, а мы подаем вашему величеству по должности своей в рассуждение, что, како мы чаем, едва ли он без дачи денежной пред выездом еще из Саксонии тот договор с вашим величеством совершить склонится ль? А давать ему деньги, не выдав подлинной надежды к выходу его и к начинанию против шведа паки войны, не может никто советовать. И мы писали к Литу, дабы он в приезд Флеминга (Августова министра) в Берлин всяким образом старался их от того запросу ясными доводами, что того чинить без самого действия и начинания Августова невозможно, а то действие ничем иным, кроме вступления его в Польшу, утвердиться не может. И тако той дачи ему от вашего величества давать наперед не мочно».

Наконец к Головкину явился посланный от Августа Шпигель с просьбою, чтоб его непременно отпустили к царю для личных объяснений. «Рассудили мы за благо, – писал Головкин царю 24 декабря, – Шпигеля отпустить к вашему величеству, у которого, государь, изволишь доношение Августово в удобное время выслушать и отправить его с милостию, дабы тем Августа о склонности вашего величества к нему весьма уверить и к скорому выходу в Польшу охоты ему додать».

Но без решительного военного успеха с русской стороны нельзя было добавить Августу охоты к скорому выходу в Польшу. Также напрасны были старания заключить сколько-нибудь выгодный мир со Швециею при посредстве западных держав. В январе 1706 года, перед отъездом своим в Белоруссию навстречу Карлу XII, царь, будучи у голландского резидента фон дер Гульста, сказал ему: «Эта война мне тяжка не потому, чтоб я боялся шведов, но по причине такого сильного пролития крови христианской; если благодаря посредничеству Штатов и высоких союзников король шведский склонится к миру, то я отдам в распоряжение союзников против общего врага (Франции) тридцать тысяч моего лучшего войска». Голландия отмолчалась; попробовали затронуть Англию.

Еще в 1705 году приехал в Москву чрезвычайный английский посланник Витворт для исходатайствования торговых выгод и в разговоре с Головиным распространился о доброжелательстве своей королевы к его царскому величеству,

утверждал, что английскому посланнику в Швеции наказано предлагать посредничество королевы к примирению между Швециею, Россиею и Польшею, и если у царского величества и у короля польского придет к генеральному миру с шведом, то королева готова быть посредницею и будет искать пользы России. Головин спросил, не имеет ли посланник от королевы какого указа о предложении посредничества к примирению России и Польши с Швециею? Витворт отвечал, что ему наказано предложить королевине посредничество, смотря по поступкам шведского короля, по его намерению и склонности к миру, но теперь, едучи дорогою, был он нарочно в Силезии и Данциге и проведал подлинно, что у шведского короля нет никакой склонности к миру, поэтому он не может ничего предложить царскому величеству. В конце 1706 года Петр велел ехать в Англию Андрею Артамоновичу Матвееву: «Понеже сие место ныне принципиальное в мочи у всего алиирта». Матвеев должен был напомнить королеве Анне обещание посредничества, данное через Витворта, просить немедленно приступить к делу и представить, что в благодарность за это царь вступит в их «*великую алианцию* ». Если, сказано в инструкции Матвееву, английские министры станут отговариваться, что теперь им это посредничество нельзя предложить шведу за французскою войною, швед его не примет, то отвечать, что они должны приступить к делу для собственной пользы: нельзя им позволять шведу так усиливаться, потому что он явно держит сторону Франции, вопреки своим обещаниям вступил в области Германской империи и самовластно распоряжается в Саксонии, разоряет ее до основания, чтоб дать отдых французу и поддержать венгерский бунт. Если английские министры спросят, какая польза им будет от союза с царским величеством, то объявить, что царь пошлет войска свои, куда им будет нужно, доставит материал на их флот, может послать войска свои в Венгрию для укрощения тамошнего бунта, который так вреден союзникам, оттягивая силы Австрии и давая отдых Франции. Союзникам легко принудить Швецию к миру: стоит только послать эскадру в Балтийское море и возбудить короля датского и других князей империи; что же касается условий мира между Россиею и Швециею, то царь отдает это дело на волю королевы, выговаривая одно, чтоб возвращенное в нынешнюю войну его оружием отеческое достояние осталось за Россиею; царь отказывается от всяких великих запросов и даже обещает некоторую уступку и относительно основного требования. Посол должен был объяснить, как выгодно будет для англичан, когда Россия получит удобные пристани на Балтийском море: русские товары будут безопасно, скоро несколько раз в год перевозиться в Англию не так, как теперь из Архангельска; русские товары станут дешевле, потому что балтийские пристани близко от Москвы и от других значительнейших городов и водяной путь к ним удобный. Матвеев мог предложить немедленно же написать торговый трактат. В черновой инструкции было тут приписано: «Буде потребно, мочно во обнадеживание их написать, что не изволите великих воинских флотов на том море иметь». На это Петр собственноручно написал: «Зело потребно, только о числе (т.е. кораблей) еще прежде времени не давать знать».

Если посол, продолжает инструкция, увидит невозможность уговорить английский двор исполнить желание царского величества, то должен искать способа, как бы склонить на свою сторону *Малбурка* , и казначея Годольфина, и секретаря северных посольских дел и обещать им немалые подарки; поступать

при этом осторожно, разведав, склонны ли эти министры ко взяткам, также остерегаться, чтоб даром чего не раздать. Здесь Петр собственноручно написал: «Не чаю, чтоб Малбурка до чего склонить, понеже чрез меру богат, однако ж обещать тысяч около двух сот или больше».

По желанию английского двора Матвеев мог заключить договор и с министрами других союзников. Последняя статья черновой инструкции оканчивалась вопросом: если союзники возьмутся устроить мир только на том условии, чтоб за Россию осталась одна гавань на Балтийском море, а все другие завоевания возвратить шведу, то как тут поступать Матвееву? На это Петр написал: «В сей статье не отказывать, но испросить на доношение, тако ж и о границе; буде же по самой крайней мере (о чем надлежит смотреть под потеряннем живота) придет до того, что ни времени не дадут на описку, а скажут так – или делать, или больше примать не будут, то чинить свободный договор, однако ж граничение без описки отнюдь не делать и сие чинить, видя последнее».

В начале мая 1707 года приехал Матвеев в Лондон и дал знать в Россию, что «с первого случая нашел к себе обхождение господ англичан приятное; только из внутреннего исполнения действ больше буду ожидать впредь, нежели из внешностей». Трудности не замедлили представиться: правление не самодержавное, без парламента королева ничего сделать не может, а главное, две *фракции* – тори и виги: одни держат сторону королевы и ее союзников, другие – сторону наследника из дому ганноверского и его союзников, т.е. шведов, вследствие чего английский двор представился Матвееву *многоличным*. Представившись королеве, Матвеев имел конференцию, с государственным секретарем Гарлеем, по требованию которого подал письменное предложение о союзе. Ответа на это предложение долго не было. Матвеев объяснял эту медленность тем, что английское правительство находится в большом затруднении: с одной стороны, боится затронуть могущественного короля шведского, находящегося в Германии, с другой – не хочет оскорбить и русского царя, с государством которого англичане производят такую выгодную торговлю. Матвеев ездил в Виндзор с *докуками*, чтоб занялись поскорее его делом; один ответ – недосуг. Матвеев сердился; особенно сердился он на английских купцов, торгующих с Россией, что не помогали ему ни в чем своим влиянием, как по главному делу о союзе, так и в его требованиях, чтоб Англия не признавала Лещинского королем польским и не гарантировала Альтранштадский мир; он писал Головкину, что в России надобно поприжать английских купцов и таким образом заставить их проснуться и хлопотать за русские интересы: «Много я потерял труда, ходя за теми мужиками, английскими купцами, но они, кроме одного Стельса, не только не оказали мне никакой помощи, даже и ответа не дали, и никого из них я у себя не видал, только раз были у меня по моем приезде с своими рассказами суетными».

Наконец Гарлей в приятельском разговоре сам объявил Матвееву, что русское дело отложено по той причине, что королева при настоящих обстоятельствах не хочет ссориться ни с Россией, ни со Швециею, тем более что Карл XII объявил решительно, что не затронет Австрии. Держать, однако, Матвеева слишком долго без ответа было нельзя, и в конце августа сама королева объявила ему, что готова вступить с царем в великий союз; в начале сентября приехал к нему Гарлей потолковать о содержании ответной грамоты королевичине к царю: в грамоте

королева объявляла явно о своем вступлении с царским величеством в великий союз и, как скоро получится на это согласие Голландии, обещала немедленно объявить, на каких условиях этот союз должен быть заключен, причем королева изъявила желание заключить особый торговый трактат для общей пользы обоих государств. Гарлей сообщил Матвееву под великою тайною, что английский посланник уже обещал шведским министрам дать денег на избавление Паткуля от смерти. «Впрочем, – прибавил Гарлей, – это дело домашнее; публично королева в него не вмешивается, только думаю, что Паткуль спасется от смерти». Марльборо писал к Матвееву, что употребит все свое старание у Штатов, чтоб побудить их согласиться на принятие России в великий союз, но Матвеев мало полагался на эти обещания и написал к оставленному им в Гаге русскому агенту Фандербургу, чтоб разузнал, как будет действовать Марльборо по русскому делу, сходно ли будет его поведение с словами и обещаниями или объявится мед на языке, а желчь в сердце?

Теперь пришел черед Штатам медлить; прошел сентябрь, октябрь – нет ответа. На докуки Матвеева английские министры отвечали, что они ничего не могут сделать до возвращения Марльборо из Голландии. «Здесьнее министерство, – писал Матвеев Головкину, – в тонкостях и пронырствах сублильнее самих французов, от слов гладких и бесплодных происходит одна трата времени для нас». 9 ноября приехал Марльборо в Лондон и на другой же день вечером посетил Матвеева; долго разговаривали они один на один; Марльборо рассказывал подробно о своих стараниях в Голландии, чтоб заставить Штаты согласиться на принятие России в союз; Штаты склонны к этому, но надобно хлопотать, чтоб другие союзники согласились, а это дело трудное по настоящему военному времени, впрочем, надобно иметь полную надежду, что королева исполнит все по желанию царского величества. Матвеев решился просить герцога, чтоб он, как честнейший человек, сказал прямо, без сладких обещаний, может ли царь чего-нибудь надеяться или нет? Марльборо в ответ рассыпался в обнадеживаниях и обещаниях всякого рода. Но одними этими обнадеживаниями и обещаниями и надобно было ограничиться.

На континенте вошел в сношения с Марльборо царский агент Гюйсен. Герцог объявил ему, что готов содействовать видам царя, если ему дано будет княжество в России. Когда Головкин дал знать Петру об этом, то получил ответ: «Отвествовать Геезену на его вопрошение, что дук Малбург желает княжества из русских: на что отписать к Геезену, и если от так и вышереченный дук к тому склонен, то обещать ему из трех, которые похочет-Киевское, Владимирское или Сибирское, и притом склонять его, чтоб оный вспомогал у королевы о добром миру (с) шведом, обещать ему, ежели он то учинит, то с оногo княжества по все годы жизни его непременно дано будет по 50000 ефимков, тако ж камень рубин, какогo или нет, или зело мало такогo величества в Европе, тако ж и орден св. Андрея прислан будет». Дело не пошло далее. Никакое посредство не могло иметь действия при твердо выраженной воле Петра: «По самой нужде и Нарву (шведу) уступить, а о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибудь, а о отдаче оногo ниже в мыслях иметь». Так, весною 1707 года посредством французского посла при Рагоци Дезальера сделано было предложение Людовику XIV быть посредником при заключении мира между Россиею и Швециею на приведенном условии, за что Петр обещал Людовику свои войска, которые король мог

употребить по своему желанию. Дело началось, но Карл XII отвечал, что согласится на мир только тогда, когда царь возвратит все завоеванное без исключения и вознаградит за военные издержки; что он, Карл, скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках царских.

Так же мало было надежды и у венского двора, при котором находился в это время Гюйсен.

Он писал 19 марта 1707 года: «Неприятель наш не спит и старается у других народов привести наш народ в ненависть; шведские министры внушают при всех дворах, что царское величество благодаря своему многочисленному и хорошо обученному войску может со временем предпринять наступательное движение на других государей и преодолеть их скифским подобием. Царевичу своему велел быть в Польшу, чтоб его или князя Александра Меншикова сделать королем польским; главный интерес соседних государей требует препятствовать всеми средствами, чтоб царское войско и флот не могли прийти в лучший порядок. Эти внушения имеют силу здесь: цесарь признал Станислава королем, и думаю, что никогда не будет просить царское величество о посылке в Венгрию московских войск. Когда была здесь речь, что царское величество согласится, по цесаревой просьбе, послать несколько тысяч московских Козаков в Седмиградскую землю для склонения венгров к миру, то цесарские министры, склонные к шведской стороне, рассуждали, что никак нельзя на это согласиться: царь может утвердиться в Венгрии, опершись на живущих здесь сербов греческой веры».

Гюйсен имел поручение предложить от имени царя польскую корону знаменитому императорскому полководцу, принцу Евгению Савойскому. Гюйсен написал об этом Евгению в Милан, и тот отвечал Петру 3 мая, что останется вечно благодарен за такое милостивое расположение к его особе, но, находясь в императорской службе, он не может ничего сделать без ведома императора и всего менее думает оставить службу последнего; кроме того, он находится теперь вдали от двора и накануне открытия кампании. Гюйсен отправился в Милан к Евгению, чтоб лично настаивать на принятии царского предложения. Евгений дал знать Петру от 12 мая, что отправил нарочного курьера к императору с извещением о царском предложении. Какой был получен ответ от императора, неизвестно; только в июне Гюйсен доносил из Вены, что император и принц Евгений охотно приняли бы царское предложение, только императору хотелось бы, чтоб царь и Речь Посполитая отложили избрание до окончания войны. Этим дело и кончилось.

Отношения к Пруссии очерчены всего лучше в письме Петра к Шафирову (от 24 сентября 1706 года): «Прусскому посланнику много нечего говорить, только что мы дружбу его всегда ищем, чего для и Измайлова послали, а частные перемены зело смущают, и нельзя знать, при чем ставят, понеже повсягды разные, также и предложения несносные, которых никогда принять невозможно, а посланнику благодари о его доброжелании». В чем состоял наказ отправленному в Берлин Измайлову, видно из следующего письма к нему Головкина в январе 1707 года: «Изволишь всячески трудиться против данного вам наказу, дабы его королевское величество восприял медиаторство к пользе его царского величества между королем шведским; буде же на то не изволит поступить, то б изволил подтвердить прежний союз и объявил бы себя нейтральным и в том бы изволил весьма обнадежить и дать письмо, чтоб его царское величество весьма в надежде

доброй пребывать мог. И буде такое письмо его королевское величество соизволит дать, то и ваша милость изволь взаимно, присовокупя о том особливую статью к прежнему союзу, дать, написав за своею рукою, и твердо обнадежить, что его царское величество в непрерывной дружбе с его королевским величеством быти желает; однако ж наипаче всего изволь по всякой возможности трудиться, дабы его королевское величество восприял медиацию. Что же изволишь упоминать о обещании министрам денег и советуешь, дабы г. графа Вартенберга чем удовольствовать, то изволь ему, если что он учинит у своего короля к пользе его царского величества, обещать знатное число суммы, и так обещавай, что ежели в добром медиатерстве обяжутся, то ему при том же подписании и заплачено будет, а хотя б со стороны царского величества некоторые из завоеванных мест знатная часть и уступлена была, однако ж чтоб мир благополучный получен был, то и за то ему, графу, или кому иным, причинным к тому, обещать хотя и до ста тысяч ефимков». Ничто не помогало.

Данию также тщетно старались вовлечь снова в войну против Швеции, предлагая Дерпт и Нарву. Хлопоча повсюду на западе о прекращении опасной войны со шведом, царь еще сильнее должен был хлопотать на востоке, чтоб эта война не стала еще опаснее чрез присоединение к ней войны турецкой. Мы оставили русского посла Петра Толстого в Константинополе в 1705 году, когда ему удалось освободиться от стеснений, причиненных наветами турецкого посла, бывшего в Москве. После этого Толстой начал присылать успокоительные вести: «О начатии турками войны в какую-нибудь сторону вовсе не слышится, только султан очень прилежно собирает деньги, и то, как видно, чтоб удовольствовать янычар, боясь от них бунтов. Нынешний визирь никакого дела сделать не умеет, ни великого, ниже малого, и потому я теперь сижу без дела и ни о чем с министрами их говорить не могу; также и министры их, видя визирское нерассудство, ни в какие дела не вступают». В конце года Головин писал Толстому наставление – слушаться советов иерусалимского патриарха, посылать письма только через старых друзей, не отпускать в Москву греков, мастеровых людей и матросов, потому что они лживы. Толстой отвечал в январе 1706 года: «Советоваться с святейшим патриархом, ей, усердно рад, только б изволил подавать совет безбоязненно; письма посылать чрез старых друзей всеусердно желаю, но в то время, когда бываю в утеснении, опасаются они и не принимают и в нужные времена бегают, сыскать их негде, потому посылаю и через других, а когда мне бывает свобода, тогда приятели усердствуют изрядно. Греков отпускать к Москве не буду, потому что в самом деле от мала до велика все лгут и верить им отнюдь нельзя. Только прошу милости: если мне великий государь укажет еще в сих тягостях быть, то мне не занимать денег на мое пропитание невозможно, а занимать, кроме греков, не у кого. Ныне известно единому богу, в какой живу нужде; из соболей, присланных мне в годовое жалованье, до сего времени не продал ни одного и впредь их скоро продать не надеюсь, потому что, на мою беду, привезли нынешний год греки в Константинополь соболей больше пяти сот сороков да турки разгласили, чтоб соболей, кроме визиря и султана, никто не носил, и потому теперь соболей никто не покупает. Прошу милости, чтоб мне выдать жалованье деньгами в дом мой; особенно же милости прошу, умилосердитесь надо мною, сирым, для любви сына божия и для пресвятыя богородицы, заступите милостию своею, чтоб меня, бедного, указал великий

государь переменить: уже ныне строением Божиим и вашею верною к великому государю службою видится, что мирное состояние конечно утвердилось, и, кто ныне здесь ни будет, кажется, что может пребывать безопасен».

Чтоб приласкать полезного человека, заставить его служить без жалоб на важном и тяжелом месте, Петр написал Толстому собственноручно письмо: «Господин амбасадер! Письмо ваше мы благодарно приняли, на которое и о иных делах писал к вам пространнее господин адмирал. Что же о самой вашей персоне, чтоб вас переменить, и то исполнено будет впредь; ныне же, для бога, не поскучь еще некоторое время быть, больше нужда там вам побыть, которых ваших трудов господь бог не забудет, и мы никогда не оставим». Толстой пришел в восторг. «Паче достоинства моего убожества, – писал он Головину, – благоизволил его величество явить ко мне, последнейшему своему рабу, такую превеликую милость, за которую должен хотя бы и сто раз умереть, исполняя его величества повеление, и уже не только стужать челобитьем о перемене моей, ниже мыслить сего возмогу, хотя бы и до конца жизни моей быть мне в сих трудах; со всякою радостью, с веселым сердцем готов работать усердно и быть в странствии и бездомстве, и в том дерзновении уже вельми раскаиваюсь, что дерзнул принести о перемене моей рабское мое челобитье».

В апреле 1706 года опять произошла перемена визиря: новый визирь Али-паша, говорили, был человек добрый и разумный; принял он Толстого ласково. «Воистину, – писал Толстой, – зело убыточны частые их перемены, понеже всякому визирю и кегае его посылаю дары немалые, и пропадают оные напрасно, а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай и так чинят все прочие послы».

С новым визирем Толстой не поладил по поводу ссор кубанских татар с донскими козаками. «Министры турецкие, – писал Толстой 4 августа, – о ссорах кубанских никакого определения до сего числа не сделали; много я с ними о том говорил, но визирь очень загордился и не только не хочет решить дела по правде, но и слов моих не слушает и ни на одно мое предложение не отвечает. Кажется, они так делают потому, что с нашей стороны татарам ни в чем не противятся, а известно, что народ турецкий неблагодарен, кто им уступает, того они больше презирают. К тому же проклятые волохи беспрестанно к Порте пишут, веселя ее, будто рати великого государя вконец побеждены шведами, и от этого турки еще больше гордятся; о похищенных людях и о всяких вещах, что взяли кубанцы, написать бы к крымскому хану не с прошением, но посуровее, чтоб не мыслили турки, что мы изнемогли и их боимся».

Скоро явилась новая причина к столкновению. Толстой дал знать, что приехал от крымского хана мурза Алей; с ним хан писал к Порте, что татары, живущие в русских областях, прислали к хану одного султанского сына и трех черных татар, и писал, что хотят из царского подданства выйти все и переселиться в Крым, потому что в России обижают их в вере, берут с них много денег и свадеб своих не могут они отправлять без русских попов; чтоб крымский хан прислал к ним на помощь войско, и они с женами и детьми выйти из Российского государства в Крым могут. Хан просил у Порты позволения дать требуемую помощь; визирь созвал совет, на котором муфти говорил, что по их закону надобно принять татар.

Все это было крайне опасно в конце 1706 года, когда Россия должна была поднять одна всю тяжесть шведского нашествия. Опять стали думать, как бы занять турок и отнять у них возможность соединиться с шведами против России; Толстой писал: «Премного я мыслил, как бы тайно побудить Порту на вступление в войну с цесарем? Не мог другого придумать, как согласиться тайно чрез переводчика с послом французским и чрез последнего внушать об этом Порте. Сначала стану говорить французскому послу: как жаль, что Порта подозревает царское величество в неприязненных к себе намерениях, не верит, что царское величество непременно хочет с нею сохранять мир, и не могу я один ее в том уверить, и желаю его помощи, потому что он Порте приятель, и пусть будет между мною и Портою тайно медиатором. Думаю, что он будет этому рад, ибо ему то и надобно, чтобы Порта со стороны царского величества ничего не опасалась и скорее бы к венгерскому делу пристала. Потом, когда он в дело вступит, можно ему внушить, что царское величество не будет мешать Порте управляться с прочими соседями, потому что теперь имеет дело с шведами; думаю, что он за это схватится крепко, и потом, посмотря, если будет надобно, можно сказать ему и появнее. И так надеюсь на бога, что к этому делу приступлю. А если бы французский посол и захотел кому-нибудь об этом объявить, хотя бы самому цесарю, – не поверят, зная, что он этого желает и потому затевает из своей головы. А самому мне говорить об этом Порте нет никакой возможности: во-первых, подумают, что мы нарочно хотим их занять, чтоб тем успешнее начать с ними войну; во-вторых, тотчас объявят об этом цесарю, потому что постоянно желают ссорить христиан. Мог бы я это сделать, подкупив ближних султанских и визирских людей, не ясно им открывая дело, подсылать с некоторыми приличными словами: однако и этого делать нечем, просят больших дач, а мне нечего давать, и опасаясь, чтобы дача напрасно не пропала. Идут слухи, что венгры усиливаются против цесаря. Я подсылал к визирю одного его ближнего человека с вопросом: примут ли они венгров или не примут? Визирь отвечал, что есть пословица: когда неприятель войдет в воду до пояса, надобно ему подать руку и спасти его от потопления; когда войдет по грудь, дать ему волю делать что хочет, а когда уже взойдет по горло, тогда надобно его пригнесть и безопасно утопить. Нам теперь надобно смотреть, что будет делаться у венгров с цесарем».

Действовать заодно с французским посланником оказалось неудобно, потому что этот посланник начал действовать против России. Весною 1707 года Толстой дал знать, что французский посланник получил от своего короля приказание поссорить Порту с Россией, не щадя никаких иждивений: посланник согласился тайно с ханом крымским, который и прислал в Константинополь своего визиря с просьбою позволить татарам идти на помощь полякам, которые в союзе с шведами. Хан писал, что он не смеет и не хочет доносить Порте ничего о делах московских, потому что за такие донесения отец его и брат пострадали, но и молчать ему больше нельзя, потому что государь московский уже пришел к ним в близкое соседство, овладел ключом Крымского острова – Каменец-Подольским и теснит Крым с двух других сторон – азовской и запорожской, так что татары не знают – чего им больше ждать? Французский посол, с своей стороны, неусыпно промышляет как у визиря, так и в султанском доме, разослал письма к ближним султановым людям. «Узнавши об этом, – писал Толстой, – я разослал от себя письма к тем же султанским ближним людям, потому что дело это надобно делать

очень тайно; не надеюсь, впрочем, чтоб мои письма были приняты с такою же любовью, как французские, потому что французский посланник посылал свои письма вместе с богатыми подарками, а турки имеют такой обычай, что отца родного и веру за подарки продать готовы. Теперь турки в раздумье, и на которую сторону склонятся – бог ведает. Признали полезным послать к русским границам, в город Бендеры, Юсуф-пашу, господаря молдавского и валахского, также румельских тамариотов и других служилых людей из Румилии под предлогом перестройки бендерской крепости, а в самом деле опасаются внезапного нападения. Это мне не нравится, ибо ясно, что начинают верить лжам французского посла и бредням татарским: также послали указ крымскому хану, пашам в Софию, Очаков, Керчь и другие места, чтоб были осторожны. Прибавил мне тягость Юсуф-паша силистрийский, писал к Порте, что московской границы без войска оставить нельзя; это письмо привело Порту в большое сомнение, потому что прежде он так не писывал».

Толстому удалось проведать в султанском доме содержание писем французского посла; содержание их было таково: оружие цезаря римского и царя московского очень расширяется: чего же ждет Порта? Теперь время низложить оружие немецкое и московское и утвердить свою державу, потому что венгры вопиют о помощи. Если Порта не хочет начинать явной войны, то пусть позволит татарам действовать против Москвы, а на помощь венграм пошлет тайно тысяч 8 или 10 турок. Неполитично позволять одному государю стеснять другого, а теперь царь московский покорил себе Польшу, стеснил Швецию, держит в своих руках Каменец-Подольский, посылает на помощь цесарю на венгров несколько тысяч Козаков. Но Порта должна смотреть, что эти оба государя друг другу помогают по одной причине, чтоб после соединенными силами напасть на Турцию. Если Порта в настоящее время московского царя не утеснит, то уже после долго будет дожидаться такого благоприятного случая. Кроме того, царь московский имеет постоянные сношения с греками, валахами, молдаванами и многими другими единоверными народами, держит здесь, в Константинополе, посла безо всякой надобности, разве только для того, чтоб посол этот внушал грекам и другим единоверцам своим всякие противности. Посол московский не спит здесь, но всячески промышляет о своей пользе, а Порту утешает сладостными словами; царь московский ждет только окончания шведской и польской войны, чтоб покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крым; цесарь римский нападет с другой стороны, и чтоб не принудили мусульман убраться во внутреннюю Азию.

Но благодаря неспособности и вялости тогдашнего турецкого правительства внушения эти остались тщетными, что Толстой приписывал действию своих писем. Совет, созванный султаном, решил остаться в мире с Россией и сменить враждебного ей хана Казы-Гирея, на место которого был назначен Каплан-Гирей; новому хану было внушено, что пример предшественника должен научить его жить мирно с Москвою. Толстой с восторгом писал, что подарки французского посла пропали даром, а ему. Толстому, все дело стоило только мех горностаинный да четыре пары соболей. Толстой не долго радовался; в середине лета пошли у него большие расходы, приехал посланник из Польши от Лещинского на подмогу к французскому послу; чтоб заставить турецких вельмож не внимать враждебным внушениям, Толстой начал на все стороны рассылать соболя и шубы; посредством

соболей он узнал содержание письма Лещинского к султану: Лещинский просил позволить татарам идти вместе с поляками на Москву, представляя, что царь, стесненный с разных сторон поляками, турками, татарами и шведами, принужден будет отдать Азов и все, что только захочет султан, а если в настоящее время Порты полякам не поможет, то они поневоле должны будут соединиться с царем и идти с ним вместе на турок; всему свету известно, что царь имеет намерение начать войну с Портой, полякам говорит явно, чтоб, помирясь, идти вместе на турок, для этого построил множество морских судов, готовя их на Черное море, и полякам много раз объявлял, будто подданные султанские, греки и прочие христианские народы готовы к восстанию на турок, а некоторым полякам по секрету показывал письма своего посла из Константинополя, и в этих письмах говорится, что уже все христианские народы, живущие в турецких областях, готовы к восстанию, и подписаны эти письма руками греков и прочих христиан. Если Порта этому не верит, то может произвести обыск в доме русского посла. Последнее внушение подействовало; некоторые вельможи начали советовать султану, чтоб велел произвести обыск у Толстого, но визирь представил, что такое оскорбление будет равнозначительно объявлению войны, а готова ли к ней Порта? Муфтий, получивший от Толстого два сорока соболей, прислал сказать ему, чтоб был благонадежен, что он, муфтий, ему доброхотствовал, сколько мог, с некоторыми людьми и бранился, и определено поляка, присланного Лещинским, вскоре выслать и мир с Москвою содержать ненарушимо. То же самое прислал объявить Толстому и рейс-ефенди, получивший сорок соболей. Давая знать своему правительству о таком благоприятном обороте дела, Толстой извещал, между прочим, что по стараниям визиря, не любящего способных людей, задавлены двое самых умных пашей; это известие посол оканчивает наивным желанием: «Дай вышний, чтоб и остальные все передавились».

Петр счел за нужное отправить посольство и в Рим; ему хотелось заставить папу действовать в Польше против Станислава Лещинского как возведенного на престол Карлом, врагом католицизма, но при этом, разумеется, надобно было показать папе, что сам царь не враг католицизма. В 1707 году отправился в Рим подполковник гвардии князь Борис Ив. Куракин, *без характера*. После долгих споров насчет церемоний при представлении папе согласились, чтоб Куракин вместо двух раз поцеловал папу в ногу только один раз. В речи своей папе Куракин распространился о расположении царя к папскому престолу: он позволил свободное исповедание католической веры в Москве, позволил строить римские церкви, дал свободный проезд через Россию римским миссионерам, отправляющимся в Китай и Персию; за все это царское величество желает, чтоб папа не признавал короля Станислава, а признал бы того, кто будет избран вольными голосами на сейме; кроме того, Куракин требовал, чтоб папа послал сейму грамоту, в которой бы объявил, что, согласно с царем, он не признает Станислава королем польским; в противном случае, говорил Куракин, если шведам удастся, мимо папы, утвердить Станислава на престоле, то следствием будет уничтожение папской власти и даже совершенное уничтожение римской церкви в Польше. На это отвечали, что папа не признавал и не признает Станислава королем до тех пор, пока вся Речь Посполитая не признает его своим королем, что такой же ответ дан и королю французскому, просившему папу признать Станислава. Куракин спросил: этот ответ будет ли выражен письменно в

грамоте папской к царю? Ему отвечали, что папа не напишет этого в грамоте; он и королю французскому велел передать на словах свой ответ, потому что письменный ответ, когда будет узнан, произведет в Польше сильное неудовольствие против папы: и теперь приверженцы Станислава грозятся не признавать папского нунция за то, что папа медлит признанием их короля. Папа, с своей стороны, требовал, чтоб царь дал грамоту за своею рукою о свободном отправлении римского богослужения и построении римских церквей в России. Куракин отвечал, что если захотят построить римскую церковь в Москве или в каком-нибудь другом городе, то, без сомнения, получат позволение; царь не откажется дать и требуемую грамоту – только после войны и смотря по тому, будет ли продолжаться к нему доброе расположение папы.

Все дипломатические средства были употреблены для приобретения посредников при заключении мира с условием сохранения Петербурга; дипломатические средства не действовали. В Польше все дела шли, «как молодая брага», по выражению Петра. Нужно было взять войну на одни русские плечи, и с первых же дней 1707 года царь распоряжается приготовлениями к обороне. 4 января он писал к Апраксину: «Уже вам то подлинно известно, что сия война над одними нами осталась: того для ничто так надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал (и хотя еще не думает из Саксонии идти, однако все лучше управить заранее) и внутреннего разорения не принес; того для ничем так чаю сему забежать, что от границ указ дать, дабы в начале весны хлеб ни у кого явно не стоял ни в житницах, ни в гумнах, тако ж и сена, но в лесах, или в ямах, или инако как (а лучше в ямах) спрятан был, також для скота и своего людям собрания в лесах же и болотах заранее не в ближних местах от больших дорог каждый место себе уготовить того для, ежели неприятель похочет, обшед войско, впасть внутрь, тогда везде ничего не найдет, а потом войском сзади будет захвачен, тогда сам не рад будет своему начинанию. Сие надлежит заранее людям объявить, понеже сие людям не без сомнения или страха будет, однако ж когда заранее уведают, то в несколько недель обмыслятся и ни во что страх тот будет; тогда хотя и впрямь (чего еще и не чаем за помощь божию) то впадение будет, тогда не так будет людям страшно, понеже уже давно ведали, к тому же и убытку такого не понесут от неприятеля. И сие нескольким персонам, кому надлежит ведать и которые имеют рассуждение, объяви (а не всем) и чтоб о том указы послать в первых числах апреля».

Насчет обороны малороссийской границы Петр писал гетману Мазепе 24 января: «Понеже уже вам небезызвестно есть, что уже сия война на одних нас осталась, того для надлежит вам вящее приготовление и осторожность иметь, чтоб заранее к походу изготвиться и чтоб по самой первой траве в мае под Киевом стать как для совершения начатой фортеции, а паче для обороны от неприятеля своих краев, о котором сказывают, что конечно намерен в первых числах мая идти к нашим краям, чего для надлежит вящее приготовление в войсках иметь, и понеже можете знать, что войско малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стать не может, того для советую вам довольно число лопаток и заступов велеть взять с собою, тако ж и добрую полковую артиллерию, дабы возможно у Днепра (ежели неприятель будет) в удобных местах шанцами или окопами укрепиться и тем возбранить неприятелю ход в свою землю, тако ж дабы и в украинных городах от польского рубежа добрую осторожность иметь и

полисадами и прочим укрепить. Собраться с войском у Киева и Печерский монастырь укрепить. Управляя сие, выступить к Паволочи или где удобнее, а передовых выслать до Полонного или далее для ведомости и голосу. Во время неприятельского приходу, осадя и управляя Печерский монастырь, уступить за Днепр, а старый Киев оставить. И того ради надлежит зело трудиться, дабы Печерский монастырь как наискоряя укрепить и артиллерию управлять, дабы при приходе неприятельском без страха возможно сию фортецию оставить. Повинно все войско козацкое стать у Киева в 10 июня конечно, чтоб сего времени не испустить».

Войско было пополнено новым набором. Как были прибыльщики, которые доносили о возможности новых источников дохода, так были прибыльщики, которые давали знать о возможности взять где-нибудь рекрут. Брянский житель дворянин Безобразов донес, что в Брянске и в уезде и в прочих тамошних местах умножилось подьячих и дьяков и прочих нижних чинов, а наипаче церковников всяких, из которых гораздо возможно довольное число набрать в службу в драгуны или в солдаты. Петр послал указ: «Разобрать и годных в службу написать».

Карл XII давал время Петру распоряжаться. Была даже одно время надежда, что он завяжет в Германии так же, как прежде увяз в Польше, потому что завел споры с императором, которые грозили окончиться войною: так, например, он требовал религиозных прав протестантским жителям Силезии. Франция, разумеется, хлопотала из всех сил, чтоб довести дело до войны и таким образом приобрести могущественного союзника; Англия и Голландия, наоборот, старались потушить споры; Марльборо явился к Карлу в Саксонию с льстивыми словами: «Если бы пол не препятствовал моей королеве, то она бы сама приехала сюда, чтоб видеть государя, возбудившего удивление всей Европы; я, ее подданный, в этом случае счастливее ее и был бы еще счастливее, если бы мог совершить несколько походов под знаменами вашего величества, чтоб дополнить мое военное воспитание». Дело кончилось тем, что император должен был уступить требованиям Карла. Робость, уступчивость со стороны первого государя Европы, лезть со стороны знаменитого полководца, победителя войск Людовика XIV, вся эта слава, которая окружала молодого шведского короля в Саксонии, напоминает историку славу, которая здесь же окружала в ближайшее к нам время другого завоевателя. Обоих окружала эта слава перед походом их в Россию, перед тем, как звезде их суждено было закатиться.

Только в августе 1707 года шведское войско двинулось из Саксонии. Оно имело отличный вид: народ был сытый, отлично обмундированный и вооруженный; при короле находилось 24 500 человек конницы, 20.000 пехоты; Левенгаупт с 16.000 в Лифляндии и Любекер с 14.000 в Финляндии стояли наготове, чтоб по первому приказу вступить в русские пределы. Не мудрено, что при таких средствах в голове Карла составлялись самые смелые планы: он говорил, что заключит с Россией мир *по-саксонски*, он хотел свергнуть Петра с престола и на его место возвести – принца Якова Собеского! Карл надеялся, что ему много поможет неудовольствие на Петра в России; еще в конце 1706 года он сказал императорскому посланнику, что скоро хочет навестить варваров в Москве, в осаде Нарвы и других городов времени терять не будет, надеется обойтись и без этого, потому что в Москве многие князья ему преданны. Но в Европе не все

готовы были поручиться за торжество Карла в России. Гюйсен писал из Вены в сентябре 1707 г., что шведы идут нехотя, сами говорят, что почти совсем отвыкли от войны после продолжительного покоя и роскошного житья в Саксонии. Поэтому некоторые предсказывают победу Петру, если вступит с Карлом в битву. Другие говорят, что менее славы, но более безопасности, если царь выведет свои войска из Польши и будет уменьшать силы неприятельские частными стычками, внезапными наездами козацкими и разными военными хитростями.

Петр уже давно решил, что надобно избрать последнее. Прослышав о приближении шведов, Меншиков выступил из Польши в Литву и расположился с кавалериею в Дзенцолах, фельдмаршал Шереметев с пехотою стал в Минске. После военного совета в местечке Мерече Петр распорядился, чтоб в польских владениях отнюдь не вступать с неприятелем в генеральную баталию, а стараться заманивать его к своим границам, вредя ему при всяком удобном случае, особенно при переправах через реки. Петр, отдохнувши немного после Гродно, опять переживал трудные минуты. Он сам стал замечать в себе сильную раздражительность, какой не было со времени печальных событий 1698 и 1699 годов. Так, он сильно рассердился на Апраксина за то, что адмирал оставил без наказания воевод, приведших к нему людей не в надлежащем количестве, и написал ему жестокое письмо: «Что вы не сделали ничего тем воеводам, которые к вам не по указу довели людей, а отваливаете сие на московские приказы, которое в добро не может причтено быть, но точию двум делам: или лености, или не хотите остудиться (рассориться)». Апраксин сильно оскорбился, и Петр спешил возвратить жесткое слово; он написал ему: «Скорбите о том, что я вам писал о воеводах, и в том, для бога, печали не имейте, ибо я истинно не с злобы к вам, но в здешнем житье хотя что малая противность покажется, то приводит в сердце».

С запада шел страшный неприятель, против которого нужно было напрячь все силы, а на востоке и юго-востоке кипел злой бунт. В рассказе о веках предшествовавших было упоминаемо, что завоевания России на востоке, по Волге, Каме и за Уральскими горами, были быстры и легки, по-видимому, но побежденные дикари не равнодушно сносили русское подданство и возмущались при первом удобном случае, особенно те из них, которые, будучи магометанами, смотрели на турецкого султана как на естественного главу своего и ждали от него избавления от ига христианского. Тяжести, павшие на русских людей в описываемое время, должны были пасть и на инородцев, но эти тяжести, как во всех отдаленных областях государства, увеличивались чиновническими злоупотреблениями и породили сильное неудовольствие, которым воспользовались люди, желавшие свергнуть русское иго под знаменем магометанства.

С 1705 года между башкирцами обнаружилось сильное волнение: в нем обвиняли уфимского комиссара Сергеева, который притеснял башкирцев при сборе с них лошадей для войска и при отыскивании среди них беглых рекрут. В 1707 году уфимский башкирец, назвавшись султаном, ездил в Константинополь и Крым просить помощи делу единоверцев; потом пробрался на Кубань, оттуда к горским народам, чеченцам, мичкисам, аксайцам, и прельстил их, выдавая себя за святого и за султана башкирского. Горцы провозгласили его своим владыкою. Скоро пристали к нему кумыки, аграханские козаки-раскольники, терские кочевые окочены и татары. Собравшись со всеми этими народами, святой султан подошел

12 февраля 1708 года к Терской крепости, сжег слободы и острог; терский воевода Роман Вельяминов после долгого сопротивления должен был уйти в верхний город, где и был осажден врагами. Астраханский воевода Петр Матвеевич Апраксин, узнавши об этом, послал к Терку морем 1200 солдат да степью несколько сот верных татар и 3000 калмыков. 26 февраля это войско напало на неприятеля под Терком и разбило его наголову; сам султан, раненный, был взят в плен. Но этим дело не кончилось: поднимая горские народы для общего магометанского дела, он успел переслаться с своими башкирцами, и вся Башкирия взволновалась.

Волнение было тем опаснее, что у восставших явился глава, назвавшийся ханом. Для поимки этого хана 16 ноября 1707 года из Уфы послан был в башкирские волости Петр Хохлов с отрядом в 900 человек; с ним отправились и башкирцы, которые обещались верно служить; с другой стороны, от Казани на помощь к Уфе шел Сидор Аристов с конным отрядом в 770 человек да полковник Иван Рыдарь с солдатскими полками. Хохлов встретился с мятежными башкирцами в урочище Юрактау, в 90 верстах от Уфы и в 30 от Соловарного городка; башкирцы, бывшие с ним, изменили и, соединясь с своими, осадили отряд Хохлова на степи, где морили десять суток, не давая ни пить, ни есть, ни спать, и, когда русские люди обезумели от голоду и бессонницы, воры разорвали обоз, побили и взяли в плен 400 человек, но с 500 остальных Хохлов пробился и ушел в Соловарный городок, откуда выручили его подоспевшие Аристов и Рыдарь.

Мятеж разгорался все более и более, русские села и деревни запылали. Казанский вице-губернатор Кудрявцев писал царю 7 января 1708 года: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали, и многие пригородки закамские, также и на казанской стороне Камы-реки дворцовое село Елабугу осадили, и из тех пригородков Заинск, который от Казани расстоянием 200 верст, сожгли и людей порубили, а иных в полон побрали, а уездных людей, татар и чувашу Казанского и Уфимского уездов воры-башкирцы наговаривают, будто ратных людей посылают прибыльщики без твоего указа, собою, и чтоб везде русских людей побивать, потому что они с прибыльщиками одноврцы, и, собрався великим собранием, хотят идти под Казань. Башкирцы, ходившие на Яик с торгами, говорили, что козаки говорили им, чтоб русских людей, которые будут на них, башкирцев, наступать, рубили».

Обязанность потушить пожар была возложена на боярина и воеводу князя Петра Ивановича Хованского. Понятно, что, готовясь к отчаянной борьбе с Карлом, Петр хотел прекратить башкирский бунт как можно скорее и потому велел Хованскому попытаться уладить дело мирными средствами. 2 февраля 1708 года Хованский послал из Казани толмача и ясачных татар для разговора с ворами башкирцами и татарами; посланные встретились с ворами на Арской дороге в 80 верстах от Казани и говорили им: для чего они, воры, великому государю изменили и в Казанском уезде многие села и деревни и церкви божия выжгли и людей порубили и покололи? Воры отвечали: все это они делают для того, чтоб великому государю учинилось подлинно известно; потому что наперед сего к нему, государю, к Москве на прибыльщиков о всяких своих нуждах посылали они свою братью ясачных людей челобитчиков, и те их челобитчики были переиманы и биты кнутем, а иные перевешаны, и отповеди им никакие не учинено, и чтоб

великий государь пожаловал, велел с них, башкирцев, татар, вотяков и черемисы, для их скудости, новонакладную прибыль снять, и они отступят и пойдут в дома свои.

Давши такой ответ, мятежники пошли дальше и во второй половине февраля стояли уже в 30 верстах от Казани; в Казанском уезде между Камою и Волгою и за Камою русские и вотяцкие села и деревни почти все были разорены, люди побиты или взяты в плен. Отряд под начальством Осипа Бартенева выступил из Казани по Арской дороге и прогнал воров в Уфимский уезд; с другой стороны, станичный атаман Невежин стал успешно действовать из Сергиевска (где сера из воды бежит); лучшие башкирские батыри не могли взять Билярска и были поражены наголову Невежиным, у которого было 200 русских да сотня чуваш. 22 февраля Хованский выступил с полками из Казани. Воры тотчас оробели и начали пересылаться с ним. Кудрявцев говорил Хованскому, чтоб воровских обманов не слушал и учинил им военный страх. «Не учи меня!» – отвечал боярин и вступил в переговоры. Мятежникам было объявлено прощение, только заводчик бунта, хан, был казнен. Но оставались уфимские башкирцы. Не имея возможности при шведской войне послать значительные русские отряды на отдаленный восток, Петр позволил собираться вольнице, которая бы из добычи истребляла воровские жилища огнем и мечом. Кроме того, он хотел усмирить варваров с помощью других варваров. В январе 1708 года стольник Иван Бахметев получил приказ ехать в калмыцкие улусы к тайше Аюке и уговорить его выслать 20.000 калмыков против башкирцев. Аюка дал 20.000 калмыков Бахметеву, но 22 мая прислали к нему из Казани начальные люди грамоту, что воры донские козаки Игнашка Некрасов и Лунка Хохлач вошли в Камышенку и идут к Саратову: чтоб он, Аюка, послал своих калмыков на этих воров к Саратову. Аюка в присутствии Бахметева сказал присланному из Казани: «По указу великого государя я отдал всех своих людей вот ему, Бахметеву, на башкирцев, у меня останется немного людей, которые мне нужны на караулы и разъезды». Согласились разделить калмыков на два отряда: 10000 отправить под Саратов против воровских Козаков, а другие десять тысяч с Бахметевым на башкирцев. 13 июня явился в войско к Бахметеву калмык, который был на Яике, и рассказал, что при нем на Яик приехали три башкирца и говорили, что их, башкирцев, в собрании много, имеют согласие с каракалпаками, киргизами, донскими козаками и кубанцами: положено у них всех друг друга не выдавать. Услыхавши такие вести, Бахметев поспешно пошел вперед, чтоб не допустить башкирцев до воровского соединения, перешел реку Ик, вступил в жилища самих воровских заводчиков, крепкие и лесистые места, побил их на многих боях и загонах, жилища выжег, много побрал полону, лошадей, скота, захвачен был сын главного заводчика – муллы Измаила. Сначала башкирцы положили было не мириться: «Миром нас русские люди обманут», но теперь, увидавши свое бессилие, усмирились: мулла Измаил и батыри приехали к Бахметеву с просьбою, чтоб по указу великого государя вины им отдать, и казали грамоту князя Хованского, в которой говорилось о прощении: «А если мы теперь с калмыцким и русским войском бились, то виноваты и куран целовать станем». Мулла целовал куран за все четыре дороги, что башкирцы изменять впредь не будут и полон весь отдадут.

Несмотря на то, волнения все еще продолжались. Петр Матвеевич Апраксин, назначенный губернатором в Казань, писал в феврале 1709 года: «О башкирцах

доношу: уже три года до меня и ныне стоят в злодейственном своем упорстве и воровстве, и ныне по призыву от них знатного вора приехал к ним из каракалпак некакой вор, будто ханов сын, тому, что у нас казнен, дядя или брат. Посланные мною к башкирцам пишут, что многие обещаются стоять верно, а иные злодействуют». Апраксин прислал при этом ведомость, чего восточной Украине стоил башкирский бунт: всего в Казанском и Уфимском уездах пожжено и разорено было сел и деревень 303; людей погибло и в плен отведено 12705 человек. В марте Апраксин писал: «О тех башкирах доношу тебе, государю: народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собою начал, хотя б так, как на Дону, подобно атаману – и таких не имеют, приняться не за кого и чтоб особно послать не к кому». Наконец в апреле Апраксин донес: «Башкирцы лучшие люди Кусюм с товарищи прислали выборных людей, вины свои принесли и обещались служить и дани давать по-прежнему».

В то время, когда башкирцы начали уже успокаиваться, бунт запылал там, откуда уже давно ждали его недовольные, – на Дону: здесь наконец явился новый Разин. Мы видели, что Петр уже давно стал требовать нарушения основного козацкого права, права принимать к себе всякого без отдачи. Побег из украинских мест на Дон все усиливались; помещики били челом государю, что они от этих побегов разоряются, платят за беглых всякие подати *спуста*, велено взять с двадцати дворов человека в солдаты, а с десяти дворов – работника в Петербург, а беглые крестьяне, живучи в козачьих городках, государевой службы не служат и податей не платят. Легко понять, как раздражали Петра эти указания, что столько людей отбывает от службы и от податей. На Дон шли царские грамоты с требованием, чтоб такие-то и такие крестьяне, поименованные в челобитных, были сысканы и отданы челобитчикам. Атаманы сыскивали некоторых и отдавали, но много оставалось на Дону: где их всех сыскать, особенно когда искать не хочется? Атаманы и старые козаки уступали, волею-неволею, царским требованиям, но эти требования увеличивались все более и более; было видно, что время совершенного подчинения вольной реки государству близко. Мы видели уже, что царь распорядился переводом Козаков из одних мест на другие для населения Азовской дороги. В мае 1705 года пошла на Дон новая грамота: «Указали мы, великий государь, те городки, которые поселены не по указу и не на шляхах, свесть, и жителей из тех городков перевести и поселить за Северским Донцом по шляху в пристойных местах, и в те, и в другие городки беглецов и никаких пришлых и работных людей ниоткуда отнюдь не принимать; за укрывательство таких беглецов козаки сосланы будут вечно на каторги, а пущие заводчики без милости казнены будут; пришлых людей, которые приняты после 1695 года, всех послать в русские города, откуда кто пришел, потому что работники, будучи у наших, великого государя, дел, забрали в зачет работы многие деньги и, не хотя заработать, бегали и бегают всегда в те города, а которые городки поселены по Северскому Донцу до азовских походов, тем быть по-прежнему».

Вспыхнул астраханский бунт: Дон повел себя хорошо, и царь за такое поведение в феврале 1706 года пожаловал козаков войсковыми клейнотами, послал им пернач серебряный с камнем золочен, бунчук с яблоком и с доскою и с трубкою серебряною золочен, знамя большое, писанное на камке золотом, шесть знамен камчатых станичных. Но Петр, награждая козаков за верную службу, не

забыл, что указ 1705 года о сведении городков не был исполнен. В 1706 году он отправил на Дон прежние требования: свести городки, построенные после азовских походов не по указу и не на шляхах, свести, не дожидаясь нового указа, а в городках, что на шляхах, жильцов всех переписать, старожильцев козаков оставить для почтовой гоньбы, потому что чрез те городки установлена будет к Черкаску и до Азова обыкновенная ради скорости почта, а новопришлых людей выслать в те места, откуда кто пришел.

Новопришлых людей не высылали, и число их увеличивалось все более и более. В каких размерах происходило в описываемое время бегство крестьян, можно судить из следующих донесений: «В нынешнем 1706 году, в январе и феврале, в Шуйском уезде, в вотчине Покровского женского монастыря села Ярлыкова, в разных числах в ночах крестьяне с женами и детьми, 26 семей, со всеми своими животы бежали незнамо куды». Так было в северных областях, откуда нелегко было пробраться на какую-нибудь Украину: что же в местах, близких к Дону? Но на великую реку бежали не одни крестьяне; мы видели, что туда бежали работники с публичных работ, забравши деньги вперед; туда в последнее время прибежало много солдат и драгунов из армии фельдмаршала Шереметева, когда он шел из Астрахани в Киев. Царь не хотел терпеть более, особенно когда нужда в служилых и платящих людях увеличивалась все более и более, и в 1707 году отправил на Дон полковника князя Юрия Владимировича Долгорукова с отрядом войска для отыскания всех беглецов и высылки их на прежние места жительства. Есть известие, что и сами старшины, атаман Лукьян Максимов с товарищами, сильно оскорбились этим окончательным уничтожением исконного козацкого права и решились под рукою помешать Долгорукому: тем более должны были встревожиться новоприбылые люди, беглые, которым предстояло теперь расстаться с вольною жизнью на великой реке. Дело шло теперь не о том только, помочь или нет астраханцам отстоять старое платье; притом же на Дону было не без людей, которые жалели, что Дон повел себя не так в астраханский бунт. В Качалинском городке дьячки говорили: «В Астрахань сосланы с Москвы болваны, чтоб им поклоняться, и астраханцы кланяться им не стали, и за то что над ними сделалось? Напрасно и тех отдали, которые и в Черкаском были!» Теперь надобно было стать за собственную волю; людей, которые должны были отчаянно ратовать против исполнения царского указа, теперь было много на Дону; нашелся и предводитель.

В Черкаске старшины приняли Долгорукого честно и дали ему пять человек из своей среды для провожания и помощи в отыскивании беглых. Но в то же время начала ходить между козаками грамота от имени старшины с увещанием не допускать Долгорукого до исполнения царского указа и бить сыщиков. Бахмутский атаман из трехизбенских козаков, Кондратий Афанасьев Булавин, объявил, что надобно исполнить по грамоте. Разумеется, охотников помочь ему в этом нашлось много: на реке Айдаре ночью на 9 октября нечаянно напал Булавин на Долгорукого и истребил весь отряд вместе с предводителем. Совершивши этот подвиг, Булавин пошел по донецким городкам, рассылая призывные грамоты. По этим грамотам атаман Закотенской станицы Матвей Медведев собрал шайку человек в 500 и хотел было идти к Булавиному, да остановился, потому что многие козаки одумались и начали от него отставать, но товарищи Булавина не одумывались, им нужно было идти в украинные города для коней и для добычи,

потому что это были бурлаки бесконные, безоружные и безодежные. Атаман старого Боровского городка со всею станицею встретил Булавина с хлебом, вином и медом и принял его торжественно в станичной избе. Около Булавина образовалась уже старшина: один назывался полковником, прозвище ему было Лоскут, *сходец* (пришлец) с Валуйки, про него говорили, что был при Стеньке Разине лет семь; другой назывался полковником же, сын староайдарского атамана; третий – коротояцкий подьячий. Боровский атаман говорил Булавину: «Заколыхали вы всем государством: что вам делать, если придут войска из Руси, тогда и сами пропадете, и нам пропасть будет». «Не бойтесь, – отвечал Булавин, – начал я это дело делать не просто; был я в Астрахани, и в Запорожье, и на Терках; астраханцы, и запорожцы, и терчане все мне присягу дали, что им быть ко мне на вспоможенье в товарищи, и скоро они к нам будут. А теперь пойдем мы по козачьим городкам и будем Козаков к себе приворачивать, а которые с нами не пойдут, таких мы, назад вернувшись, будем жечь, а животы грабить и, как городки свои к себе склоним, пойдем Изюмским полком по городам до Рыбного, конями, ружьем и платьем наполнимся, а потом пойдем в Азов и Таганрог, освободим ссылочных и каторжных, которые нам будут верные товарищи, и на весну, собравшись, пойдем на Воронеж и до Москвы». Тут Лоскут сказал Булавину: «Не бойся, я прямой Стенька, не как тот Стенька без ума своего голову потерял, и я вож вам буду». Боровский атаман со всею станицею передался Булавину, но не все и донецкие городки сдавались, а из донских городков при нем не было ни одного человека. Атаман Лукьян Максимов с товарищами, узнав, что Булавин убил Долгорукого и поднимает бунт, пошли против него и разгромили у речки Айдары, после чего послали царю описание всего происшествия. «Мы, выбрав от себя из войска знатных старшин, Обросима Савельева, Ефрема Петрова, Никиту Алексеева, Ивана Иванова, Григорья Матвеева, придали князю Юрию Владимировичу. И наши старшины рекою Северским Донцом по козачьим городкам розыск чинили. И как приехали на речку Айдару в Шульгинский городок и в том городке заночевали октября против 9 дня, и к той ночи Трехизбенского городка Кондрашка Булавин, прибрав к себе Ивашку Лоскута, Филатку Никифорова, Гришку Банникова и иных гулящих людей, человек с 200, князя, офицеров и солдат побили и наших старшин также хотели побить и не застали, потому что, в одних рубашках выскоча, едва ушли, и они, воры, за ними гоняли и за темнотою ночи не нашли, понеже розно разбежались. И мы, атаман Лукьян Максимов с войском, осадили Булавина у речки Айдары, бой учинили и к ним приступали, и приспело время ночи, и мы мало отступили, однако ж с того места свободы им для проходу в Закатный городок не дали и караулы в удобных местах поставили. И они, видя над собою нужную осаду, вначале Булавин тайно от них в лес ушел, также и иные советники един по единому в лес разбежались, и между всеми ими мятеж учинился, и разбежались. И мы, не дожидаясь света, на них били и, переимав многих рядовых, наказание чинили, носы резали больше ста человекам, а иных плетью били и в русские города высылали, а пущих заводчиков, близ 10 человек, повесили по деревьям за ноги, а иных перестреляли в смерть, а 12 человек послали к тебе, великому государю». Петр, еще прежде присылки этого известия, успокоился и написал Меншикову: «Мы ныне получили подлинную ведомость, что то учинилось не бунтом, но те, которых князь Юрья высылал беглых, собрався ночью тайно, напали и убили его и с ним десять

человек, на которых сами козаки из Черкасского послали несколько сот, и в Азов о том дали знать». Когда же получена была отписка атамана, то Петр писал: «О донском деле объявляю, что конечно сделалось партикулярно, на которых воров сами козаки, атаман Лукьян Максимов ходил и учинил с ними бой и оных воров побил и побрал и разорил совсем, только заводчик Булавин с малыми людьми ушел, и за тем пошли в погоню, надеются, что и он не уйдет: и так сие дело милостию божиею все окончилось».

Но дело не окончилось. Булавин из Айдарского леса ушел в Запорожье и поселился в городе Кодаке. Через несколько времени приехали туда к нему с Дону 40 человек с известием, что можно снова начинать дело. Булавин отправился с ними в Сечь и начал просить запорожцев, чтоб «поступили с ним к бунту». Кошевой не хотел на это согласиться, был скинут с атаманства и на его место выбран Костя Гордеенко, «древний вор и бунтовщик». Но и новый атаман не был за явный бунт против Москвы. Решили: позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти с ним явно на великороссийские города только тогда, когда он призовет к себе Белгородскую и Ногайскую орды, горских черкес и калмыков. Около Булавина собралось тотчас несколько сот гультаев; он переправился чрез Днепр, стал на речке Вороновке и разослал призывные грамоты: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конех поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!»

Охотники до гулянья собрались, но гораздо больше дожидалось их на востоке, в верхних донских козачьих городках, и туда перебрался Булавин в начале 1708 года, разослав новые грамоты по Украине: «От Кондратя Булавина и от всего съездного войска походного донского в русские города начальным добрым людям, также и в села и в деревни, посадским и торговым и всяким черным людям челобитье: ведомо им чинят, что они всем войском единодушно вкупе в том, что стоять им со всяким раденьем за дом пресв. богородицы, и за истинную веру христианскую, и за благочестивого царя, и за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга и умирать заодно, а им, всяким начальным добрым людям и всяким черным людям, всем также с ними стоять вкупе заодно, и от них они обиды никакой ни в чем не опасались бы, а которым худым людям, и князем, и бояром, и прибыльщиком, и немцем, за их злое дело отнюдь бы не молчать и не спускать ради того, что они вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными, а между собою добрым начальным, посадским и торговым и всяким черным людям отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и буде кто станет кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь, а по которым городам по тюрмам есть заключенные люди, и тех заключенных из тюрьмы выпустите тотчас без задержания. Да еще им ведомо чинят, что с ними, козаками, запорожские козаки и Белгородская орда, и иные многие орды им, козакам, за душами руки задавали в том, что они ради с ними стать заедино. А с того их письма списывать списки, а подлинного письма отнюдь бы не потерять и не затаивать, а будет кто то письмо истеряет или потаит, и они того человека найдут и учинят смертную казнь. У того письма походного войскового атамана Булавина печать».

В марте Булавин явился в городках по Хопру; тут пристал к нему Пристанский городок, в котором было человек с 500 Козаков; здесь в кругу Булавин, вынув саблю, говорил: «Если своего намерения не исполню, то эту саблю отсеките мне голову!» По хоперским городкам Булавин разослал письма, чтоб никто земли не пахал и никуда не отлучался, все были бы в собрании и на службу готовы, а пришлых с Руси принимали безовзятчно. Рабочих, которые готовили на Хопре лес в отпуск к Азову, он велел взять к себе в полки неволею, а начальных людей побить.

Азовский губернатор Иван Андреевич Толстой выслал из Азова полковника Николая Васильева, который, соединясь с донским атаманом Лукьяном Максимовым, встретил Булавина 8 апреля выше Паншина, на речке Лисковатке, у Красной Дубровы. У Максимова было 3000 козаков, у Булавина 5000. Полковник и атаман хотели немедленно вступить в битву, но бывшие в войске Максимова козаки верховых городков требовали пересылки с ворами, с которыми хотели уговориться: если виноват Булавин, если он своевольно напал на Долгорукого, то пусть единомышленники выдадут его, если же виноват Лукьян Максимов, если он разослал грамоты противиться царскому указу и бить сыщиков, то сковать обоих и послать к великому государю. На другой день, 9 апреля, пришел от Булавина козак и говорил, чтоб не начинать кровопролития, а между собою сыскать виноватых и чтоб Максимов отправил к Булавину на разговор старшину Ефрема Петрова. Ефрем Петров отправился и, возвратясь, собрал войско в круг, чтоб объявить ему о своих переговорах с Булавиным. В это самое время Булавин нападает неожиданно на царское войско, верховые козаки изменяют, переходят к ворам, захвативши четыре пушки, порох, свинец и 8000 рублей денег, присланных из Москвы на жалованье. Царское войско было разбито, Васильев едва успел уйти в Азов, а Максимов в Черкасск.

Следствием победы при Лисковатке было то, что за Булавина поднялись три реки – Хопер, Бузулук и Медведица. Северский Донец также собрался за Булавина под начальством Семена Драного. Здесь в 12 городках было 1680 человек Козаков; по Хопру в 26 городках 3670 человек; по Бузулуку в 16 городках 1490 человек; по Медведице в 14 городках 1480 человек. Тревога распространилась в Тамбове: сюда еще 18 марта пришел церковный дьячок села Княжова Тамбовского уезда; дьячок был в Пристанском городке и рассказывал: «Воры говорят, чтоб им достать козловского воеводу, князя Волконского, а Булавин идет к нам, тамбовцам, с силою, при нем с 17.000 человек, а с другой стороны воры ждут каракалпаков, и намерение их, воровски собрався, всем идти в Черкасской; воры говорили: дело им до бояр, да до прибылыщиков, да до подьячих, чтоб всех их перевести». Тогда же воровской отряд разорил деревни в Тамбовском уезде; воры грозились идти в Тамбов и Тулу, а у тамбовского воеводы Данилова не было и ста человек войска, никто в город (крепость) не шел, многие тамбовцы говорили: «Что нам в городе делать? Не до нас дело!» Воевода велел бить в набат и палить из пушек: по набату в город пришло городских людей человек 300; им роздали порох и свинец, но во время молебна, не дождавшись конца, все ушли из крепости. 21 марта тамбовский воевода дал знать в Козлов князю Волконскому, что воры отогнали лошадей с новых государевых конских заводов. Это известие, впрочем, оказалось не совсем верно: 2 апреля писали царю из Москвы, что приехал солдат из Тамбова и объявил: прежние ведомости солгались, лошадей угнали, которые были в

дальности от Тамбова, за валом, и ныне никакого страха в Тамбове нет. По вестям от Волконского из Козлова, тамбовцы действительно оправились от страха, городские и уездные лучшие люди говорили, что они к бунту не склоняются, что надобно с полками идти к Пристанскому городку, чтоб придать духу тем козакам, которые у воров под неволею. Но в Тамбовском же уезде жители деревень Корочина и Грибановки склонились к воровству, выбрали между собою атаманов и есаулов – чинить расправу по козацкому обычаю. Воры разорили новонаселенные деревни в Тамбовском уезде по реке Вороне, людей, которые противились им, побили, другие к ним склонились, брали многих и поневоле. 30 марта пришли воры на Битюг, человек с 200, засели острог, воеводу, попа, подьячих и многих других битюцких жителей пограбили, воеводу сковали и намеревались повесить. И в Козловском уезде воры многих в свое согласие склонили, привели к присяге, выбрали атамана и есаулов.

Стольник Степан Бахметев с подполковником Рихманом получили приказание двинуться против Козаков. Но вместе с этим Петр счел за нужное отправить из западной армии на Дон одного из лучших своих офицеров, майора гвардии князя Василия Владимировича Долгорукого, брата князя Юрия, убитого Булавиным. 12 апреля царь написал Долгорукому, находившемуся в Невле: «Мин Нег! Понеже нужда есть ныне на Украине доброму командиру быть, и того ради приказываем вам оное; для чего, по получении сего письма, тотчас поезжай к Москве и оттоль на Украину, где обретается Бахметев; а кому с тобою быть, и тому посылаю роспись. Также писал я к сыну своему, чтоб посланы были во все украинские города грамоты, чтобы были вам послушны тамошние воеводы все, и но сему указу изволь отправлять свое дело с помощью божиею, не мешкав, чтоб сей огонь зараз утушить. Роспись кому быть: Бахметев совсем. С Воронежа 400 драгун. С Москвы полк драгунский фон Дельдена да пехотный новый. Шидловский со всею бригадою, также из Ахтырского и Сумского полков; к тому же дворянам и царедворцам всем и прочим сколько возможно сыскать на Москве конных». В «рассуждении и указе, что чинить г. майору Долгорукому» Петр написал: «Понеже сии воры все на лошадях и зело легкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь, и для того только за ними таких же посылать по рассуждению, самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главный Пристанный городок на Хопре), которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанью (о чем вели выписать из книг князь Юрья Алексеевича) к воровству людей; ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть».

Долгорукий отвечал: «Я поехал к Москве сего же апреля 21 дня на почте и, как возможно, буду убираться, чтоб мне немедленно ехать, и мешкать на Москве не буду, и которое, государь, указом мне определено дело, надлежит мне немедленно, прося у бога милости, как возможно скорее тушить, чтоб тот проклятый огонь больше не разгорался. В письме, государь, написано ко мне, чтоб мне выписать из книг Юрья Алексеевича: и мне, государь, и без книг памятно. Ежели бог милость свою даст, то буду больше делать с примеру князь Юрья Алексеевича, а нежели Шеина, о чем от вашего величества довольно наслышался. В цыдулке, государь, ко мне написано, что ваше величество опасается, чтоб я Булавину, за его ко мне дружбу, понаровки какой не учинил; истинно, государь,

доношу: сколько возможно, за его к себе дружбу платить ему буду». Распорядившись отправлением Долгорукого, Петр написал Меншикову: «Командира над всеми тамошними войски учинил я майора нашего, г. Долгорукого (понеже иного достойного на то дело не нашел). А чтоб сему войску собираться на Туле или в Серпухове, то я не за благо признаваю, ибо тем подано будет ворами сердце, но надлежит к Воронежу или к Козлову идтить, понеже будет наших около 7000, с которыми безопасно, с помощью божиею, наступать возможно».

Петр получал все дурные вести с Дона, и потому 27 апреля написал опять Долгорукому: «Я без сомнения чаю, что вы уже указ о езде своей против воров получили; ныне же паки подтверждаю, чтоб немедленно вы по тому указу поход свой восприяли и спешили как возможно; понеже как мы слышим, что оные вору сбираются на усть Хопра и хотят идти в Черкасской, чтоб возмутить донскими козаками, чего ради наипаче поспешить надобно и сей их вымысел пресечь и идти туда, хотя и до Азова, дабы, ежели то правда, не точию для укрепления Козаков, но паче око иметь о Азове, дабы и там чего не учинили, и хотя с Москвы не все с тобою могут поспеть, то хотя с половиною или меньше вам надлежит идти, а достальных пеших водою с Воронежа приказать за собою отправить».

Всего больше заботясь об Азове, Петр писал к тамошнему губернатору Толстому 9 мая с поручиком Пискарем: «Понеже вы уже известны о умножении вора Булавина и что оной идет в низ; того ради для лучшего опасения сих нужных мест послали мы к вам полк Смоленский из Киева и велели ему наспех иттить, а сего поручика нашего, г. Пискарского, послали к вам, дабы уведать подлинно о вашем состоянии и нет ли какой блазни у вас меж солдаты. Также (от чего боже сохрани), ежели Черкасск не удержится, имеешь ли надежду на своих солдат?» На другой день царь опять писал Долгорукому: «Смотри неусыпно, чтоб над Азовом и Таганрогом оной вор чего не учинил прежде вашего приходу: того для заранее дай знать в Азов к г. Толстому, для эха или голосу тамошнему народу, что ты идешь туды с немалыми людьми. Также дай слух, что и я буду туды, дабы какова зла не учинили тайно оные вору в Азове и в Троецком. Еще вам зело надлежит в осмотрении иметь и с теми, которые к воровству Булавина не пристали или хотя и пристали, да повинную принесли, чтоб с оными зело ласково поступать, дабы, как есть простой народ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и ныне не без молвы меж них, чтоб тем пущего чего не учинить. Також надлежит пред приходом вашим к ним увещательные письма послать, и которые послушают, такоже ласково с оными поступать, а кои в своей жесточи пребудут, чинить по достоинству. Также и сие напоминаю вам, что хотя вы с вышереченным Толстым имеете некоторую противность, однако для сея причины надлежит оное отставить, дабы в деле помешки не было». К Меншикову Петр писал 16 мая: «Ежели сохранит господь бог Азов и Таганрог, то им (бунтовщикам) множиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сии города; на Волгу и Астрахань нет им надежды, и для того мусят (должны) пропасть; только теперь, как возможно, утверждать вышереченные крепости как наискоря, в чем да не оставит нас господь бог по своей милости».

Петр действительно сам думал ехать на Дон, что видно из письма его Меншикову от 27 мая: «Понеже воровство Булавина отчасу множится, и ежели Черкасской не удержится, то оные вору пойдут к Азову и Таганрогу (которые

места да спасет господь бог слез ради бедных христиан!), и хотя бог соблюдет их от внутреннего замешания, однако ж воры все дороги займут и водяной ход, тогда зело будут трудны и отчаянны оные места: чего ради объявляю, что когда король Август в Польшу выступит, то уже не чаю жестокого дела от неприятеля, и тогда необходимая нужда мне будет на Дон ехать, а больше не желаю с собою, как двух или трех батальонов своего полку, дабы сей огонь (ежели до сего не истребитя) с помощью божиею конечно истребить и себя от таких оглядок вольными в сей войне сочинить».

Долгорукий не успел доехать и до Воронежа, как уже опасения Петра сбылись: Булавин овладел Черкасском.

После сражения при Лисковатке воры раздували взятую казну, причем досталось по два рубля с гривною на человека. Булавин, оставивши хоперских, бузулукских и медведицких козаков сторожить приход Бахметева, сам с остальными пошел вниз по Дону, по козачьим городкам к Черкаску. Нигде не было сопротивления, охотники приставали к Булавину, козаки из станиц вывозили к нему с двора по хлебу да по чаше пшена и всякий другой запас и живность. 28 апреля Булавин с 15.000 войска осадил Черкасск: город продержался не более двух суток; 1 мая козаки выдали Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшин: Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина; их отвели в Рыковскую станицу и рассадили по избам за крепкими караулами; с полсотни других черкасских козаков, не желая подчиниться Булавину, ушли в Азов к Толстому. Булавин стоял за Рыковскою станицею на Буграх, товарищи его, Игнатий Некрасов и Семен Дранный, беспрестанно разъезжали с разными делами то в Черкасск, то в Рыков, то в Скородумовскую станицу, близ которой были частые круги. В одном из этих кругов приговорили Лукьяна Максимова и старшину побить, привели их в круг, и Булавин бил их плетьюми, допытываясь денег и пожитков. 6 мая атаману и старшинам отсекали головы. Перед плахою Ефрем Петров говорил воровским старшинам: «Хотя я от вас и умру, но слово мое не умрет, вы этот остров такому вору отдали, а великому государю тот остров знатен, и реку великий государь всю очистит и вас, воров, выведет». Атаман и старшины погибли от бунтовщиков, как жертвы верности своей к великому государю, а Долгорукий впоследствии дал об них такое показание: «Атаман Лукьян Максимов с товарищи, отправя брата моего и дав ему четыре человека из старшин для будто изволения его величества указу, послали помянутые воры указ на Бахмут к атаману тамошнему, Булавину, чтобы он брата убил, а их воровской умысел для того был, закрывая свое воровство, что многие тысячи людей беглых приняли, и умысел их воровской был такой: когда брата убьют, то тем воровство их закрыто будет, и, видя в то время его величество в войне великой со шведом, рассудили, что за помянутою войною оставлено им их воровство будет».

На место Максимова атаманом был провозглашен Булавин, который разослал отписки в ближайшие города к царским начальным людям, давая всему своему делу вид законности. В этих отписках говорилось, что козаки, собравшись с Дона, Донца, Хопра, Бузулука и Медведицы для перемены старых и выбора новых старшин, пришли в Черкасск и побили до смерти атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова с товарищи за их неправды, что они царского годового денежного жалованья, также за астраханскую службу 20.000 и что в нынешнем году прислано 10.000, в дуван ничего им не дали, и за иные многие обиды и налоги.

При этом Булавин требовал, чтоб жена его и сын были отпущены из Валуйки к нему в Черкасск. Петр был очень встревожен, получивши известие о взятии Черкаска Булавиным; это видно из письма его в армию к Меншикову, фельдмаршалу Шереметеву и министрам (т.е. Головкину, Шафирову, князю Григорию Долгорукому): «Вор Булавин Черкасской взял и старшин пяти человек побил до смерти и писал в Азов войсковую отписку, что они ничего противного чинить не будут; однако ж чаю сие оной дьявол чинит, дабы оплошить в Азове и тайно возмутить, также и к Москве послана от них станица с оправданием, с отпискою: однако ж сему в подкопе лежащему фитилю верить не надобно; того ради необходимая мне нужда месяца на три туда ехать, дабы с помощию божиею безопасно тот край сочинить, понеже сам знаешь, каково тот край нам надобен, о чем больше терпеть не могу».

К счастью, опасения Петра не оправдались. Взятие Черкаска было последним торжеством Булавина. В тот самый день, когда Булавин подступил под Черкасск, товарищ его Лукьян Михайлов Хохляч с отрядом, состоящим из 1500 человек хоперских, медведицких и бузулуцких Козаков, встретился с Бахметевым и Рихманом на речке Курлаке за Битюгом. У Бахметева было только 600 человек. Воры говорили: «Если побьем царские полки, пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем». Но, как видно, у них была не полная надежда побить царские полки, потому что они отправили к Бахметеву прелестное письмо: «Идете вы к нам, в донские городки, для разоренья: за что вам разорять? Нам до вас дела нет, ни до бояр, ни до солдат, ни до драгун; мы стоим за веру христианскую, что почали еллинскую веру веровать; нам только дело до немец, и до прибыльщиков, и до неправых судей». Перед началом боя Хохляч с товарищами подъехал к реке, разделявшей оба войска, и начали говорить то же, что было написано в письме к Бахметеву. Им отвечали из царского войска: «А вы зачем убили князя Юрия Владимировича?» – «Мы его убили за то, что он стал делать не против государева указа, и ныне мы стоим за правду; станете с нами биться, и мы с вами биться, как меду пить, готовы». Разговор в этом роде продолжался часа с два, а между тем царское войско переправилось за реку. Воры были побиты наголову, пленных у них взято 143 человека и три знамени».

Долгорукий приехал в Воронеж только 12 мая и 19 числа писал государю: «Как я приехал на Воронеж, не токмо б чтоб все были в готовности, хотя б меньше половины было, – я бы безо всякого мешкания того ж часу пошел, и коего часу я приехал, того часу послал указы к Волконскому, Гагарину и другим, чтоб они немедленно шли в указные места, и они и по се число в указные места не бывали; Шидловский пишет, что ему без московских ратных людей, с одними черкасскими (малороссийскими) полками идти ненадежно».

Курлацкие пленные были препровождены в Воронеж к Долгорукому, который 15 мая написал царю о своих распоряжениях относительно их: «Которые воры взяты на бою 143 человека, в том числе старых козаков 23, а достальные все разных городов сходцы: и я, государь, по дороге к Пристанскому велел поставить 20 виселиц и буду их вешать 17 числа и несколько четвертовать и по кольям растыкать». 17 мая было назначено днем страшных казней, а 16 Долгорукий получил из Черкаска от всего войска донского отписку с покорением. Казни были отложены, а тут еще письмо от Петра с внушением поступать милостиво,

жестокостями не усиливать слухов о мести за брата. Долгорукий отвечал 25 мая: «143 человека козаков хотел я вершить и мая 16 числа получил от всего войска донского отписку с покорением вин их и тем винным козакам смертной казни не учинил для такого случая до вашего государева указа. И мне, государь, какая польза, что смерть брата своего мстить? Я желаю того: дай бог, чтоб они тебе вину свою принесли без великих кровей». 26 мая Долгорукий доносил: «Зело козаки в страх пришли и в размышление и опасаются приходу твоих государевых ратных людей».

Действительно, в Черкаске козаки были в страхе и размышлении. Долгорукий писал впоследствии, что Булавин был человек глупый. Действительно, поход Булавина на Дон после битвы при Лисковатке, желание овладеть Черкасском было делом для него гибельным: он разделил свои силы, дал этим разделением возможность Бахметеву разбить Хохлача, а сам зашел в Черкасск и тратил время в бездействии. Если бы, наоборот, Булавин, оставя пока в покое старых Козаков, не оправившихся после сражения при Лисковатке и потому не опасных, бросился со всеми силами своей голутьбы на Волгу и пошел вверх этою рекою, то его движение при незатихшем еще башкирском бунте, при вступлении Карла XII в русские пределы и при внутреннем неудовольствии, возбужденном преобразованиями и тягостями, могло бы дать большую заботу правительству.

Уже в первых числах мая, тотчас по взятии Черкаска и казни старшин, козаки начали советоваться, как бы схватить Булавина и передать в Азов. Однажды в кругу Булавин говорил многие непристойные слова, и верховых городков козаки ему кричали, что он много говорит, а с повинною к государю не посылает: «Не всех ты нас перекуешь! Теперь нас в согласии много, можем тебя и в кругу поймать!» Булавин велел взять за караул крикунов, стал дознаваться, кто его хочет схватить, начал держать при себе караул, человек по осьми, и этими предосторожностями успел разрушить заговор против себя. Между тем челобитная царю была написана и отправлена: «Мая 2, пришед мы в Черкасской, увидали за атаманом и старшинами многие неправды: царского жалованья в дуван не давали, новопришлых с Руси людей многое число принимали, и о займке юртов, без нашего войскового ведома, письма многие давали, и за те письма многие взятки себе брали; по твоему указу не одних пришлых с Руси людей, многое число и старожилых козаков, которые пришли лет по 20 и больше, и тех всех неволею в Русь высылали и в воду, ради своих бездельных взяток, сажали, по деревьям за ноги вешали, женщин и младенцев меж колод давили и всякое ругательство чинили, городки многие огнем выжигали. Князя Юрия Долгорукого убил не один Кондратий Булавин, но с ведома общего, потому что князь чинил у розыску не против твоего указа. И от тебя, великий государь, мы никуда не откладываемся, твоих украинских городов не разоряли и отнюдь не будем, желаем тебе служить по-прежнему всем войском донским и всеми преусердно. И чтоб твои полководцы к городкам нашим не ходили: а буде они насильно поступят и такое разоренье учинят, в том воля твоя; мы реку Дон и со всеми запольными реками тебе уступим и на иную реку пойдем». Действительно, пришли вести, что Булавин хочет бежать на Кубань, куда послал письмо к Гусейн-паше: если государь их не пожалует против прежнего, то они от него отложатся и станут служить султану, и пусть султан государю не верит, что мир: государь и за

мирным состоянием многие земли разорил, также и на султана корабли и всякий воинский снаряд готовит.

Получивши челобитную, Петр написал Долгорукому 28 мая: «Ты больше над козаками и их жилищами ничего не делай, а войско собирай по первому указу и стань с ним в удобном месте». Долгорукий, между тем, перешел из Воронежа в Острогожск и не переставал жаловаться на медленный сбор ратных людей: «Царедворцы (писал он 2 июня), которым велено со мною, не токмо что отправлены ко мне, и имян их не прислано: а они, государь, люди молодые и богатые, тем было и служить, а они отбывают от службы, в одном городе у одного дела человек пять-шесть живет, а они, государь, зело нужны на этих воров: известно тебе самому, каковы донские козаки, не регулярное войско, а царедворцы на них зело способны, на шведов они плохи, а на этот народ зело способны».

Долгорукий по царскому указу остановился, поджидая новых полков, но скоро получил от Толстого из Азова тревожное письмо (от 10 июня): «Июня 8 вор Кондрашка прислал ко мне отписку свою, в которой пишет с грозами: собрався, хочет идти войною к Азову и Троецкому, а меня и азовских и троецких офицеров хочет побить до смерти и иные многие похвальные слова пишет с великими грозами. Пишет, что отогнали у него, вора, конский табун и бежать стало ему не на чем. И черкасские природные козаки многие, Василий Фролов с товарищи, человек с полпятьдесят, ушли от него и живут ныне в Азове: и вор объявляет мне, что будто царским указом вины им отданы и чтоб Василья Фролова с товарищи и конский табун ему отдать, а если не отдам, и за то пишет мне с великими грозами». Кроме этого письма Долгорукий отовсюду получал ведомости, что Булавин пишет в верхние городки указы, чтоб от всякого десятка шли к нему в Черкасск по семи человек для похода под Азов: «Конечно, государь (писал Долгорукий Петру), мне со всеми полками и соединясь с Шидловским надлежит идти к Азову, и за указом вашего величества остановился, а в указе написано, чтоб мне больше над козаками и над их жилищами ничего не делать».

Сам Петр получил известие о движениях Булавина и 12 июня написал Долгорукому: «Хотя пред сим писано к вам, чтоб без указу на воров не ходить, а ныне паки рассудили мы, что лучше вам, собрався, идти к Северскому Донцу, понеже мы известились, что оной вор послал на двое своих людей, одних с Некрасовым водою или в верховые городки или на Волгу, а другую посылку с Драным против вас, с которым только с две тысячи, и ежели тот Драный не поворотился, то лучше над ним искать, с помощью божиею, так и над прочими такими же. Также приезжий козак из Черкаского сказывал, что за посылками вышеписанными при Булавине только с 1000 их осталось. Буде же весьма кротко оные сидят и никуда не посылаются, то лучше бы дожждаться отсель посланных полков. Прочее вручаем на ваше рассуждение, по тамошнему дел обороту смотря, ибо издали так нельзя знать, как там будучи».

По написании этого письма Петр получил от Долгорукого известие, что идут запорожцы для соединения с Булавиным. 14 июня новое письмо Долгорукому: «Получили мы от вас ведомости, что запорожцы идут в случение к Булавину, а не пишешь того, что ты против сего хочешь делать, и того накрепко смотри, чтоб оным не давать случаться, но конечно, с помощью божиею, на одну из них половину, т.е. на донских, или на запорожцев поди, понеже когда случатся, тогда хуже будет». Мы видели, что сначала в Запорожье было определено позволить

собираться к Булавину только охотникам, но потом многие начали жалеть о таком решении. 13 мая была в Сечи рада: козаки кричали на куренных атаманов, для чего им не позволили в великий пост идти с Булавиным? Кричали, чтоб идти теперь на великороссийские города, и была между козаками битва великая, и положили было на том, чтоб идти на самарские города. Но в тот же самый день приехали из Киева в Сечь для служения в церкви монахи на перемену старым монахам; эти новые монахи вынесли из церкви в раду евангелие и крест и начали уговаривать Козаков не начинать нечестивой войны против своих, православных русских; увещания подействовали; раду отложили до другого дня, а тут кошевой Костя Гордеенко представил, что если пойдут они на самарские города, то плохо придется тем 76 запорожцам, которые поехали в Москву с челобитьем о жалованье. Поход на самарские города был отложен, но 1500 своевольных пошли на соединение с Булавиным.

Их ждала горькая участь. Вместо того чтоб идти со всеми силами или на Волгу, или против Долгорукого, когда тот еще не собрался с полками, Булавин остался в Черкаске и раздробил свои силы, отправив Драного и Голого на север, а другой отряд на юг, к Азову. Голый, отделившись от Драного, подкрался врасплох и вырезал Сумской полк в Валуйском уезде на порубежной речке Уразовой. Но 1 июля бригадир Шидловский, подкрепленный присланным от Долгорукого полковником Кропотовым, в урочище Кривая Лука, недалеко от реки Тора, встретили Драного, у которого было 5000 донских Козаков и 1500 запорожцев; бой продолжался три часа дня и два часа ночи. Дранный был разбит и убит. 1500 запорожцев ушли и засели в Бахмуте, но Шидловский достал их и там. «Ныне доношу, – писал он Долгорукому, – конклюдзию учинил: Бахмут выжгли и разорили. В том воровском собрании было запорожцев 1500 человек; есть нам что и не без греха: сдавались они нам, еднак в том гаму нам не донесено, восприяли по начинанию своему».

С другой стороны 5 июля 5000 воров подступили к Азову; против них вышел полковник Николай Васильев с конницею, но не мог сдержать стремительного натиска воров, которые вошли уже в Матроскую слободу, но к Васильеву на помощь явились четыре роты солдат, воры были отбиты от Матроской слободы и от лесных припасов и прогнаны до речки Каланчи при беспрестанной пушечной пальбе с города и с кораблей. Потерявши много своих, воры побежали к Черкаску, и много их потонуло в Дону. Беглецы, явившись в Черкасск, начали кричать, что по посылке Булавина под Азовом побито их многое число и многие потонули в воде, а Булавин их не выручал и им изменил, за что надобно его убить; Булавин ушел от них и заперся у себя в комнате, но атаман Илья Зершиков пришел с толпою Козаков и начал обстреливать курень; Булавин сначала защищался, убил у Зершикова двух человек, но потом, видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, застрелил себя из пистолета.

Между тем Петр еще 19 июня писал Долгорукому: «Является из ваших писем некоторое медление, что нам зело неприятно, и когда дождетесь нашего баталиона Ингермонландского и Бильсова полков, тогда тотчас подитек Черкасскому и, сослався с губернатором азовским, чини немедленно, с божиею помощию, промысл над теми ворами, и которые из них есть пойманы, тех вели вешать по городам украинским. А когда будешь в Черкасском, тогда добрых обнадежь, и чтоб выбрали атамана, доброго человека, и по совершении оном, когда пойдешь назад,

то по Дону лежащие городки також обнадежь, а по Донцу и прочим рекам лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук; по Донцу сверху по Луган; по Медведице по Устьмедведицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Адару все. По Деркуле все. По Калитвам и по другим задонным речкам все. А по Илавле до Илавлинской, по Дону до Донецкого надлежит быть так, как было».

Долгорукий был того же мнения. Узнавши, что Булавин застрелился и на его место избран атаманом Илья Зершиков, он выступил к Черкаску и с дороги писал царю 15 июля: «Я пошел к Черкасскому для лучшего укрепления козаков. Вашему величеству известно, какие они шаткие люди и нынешний атаман какого он состояния; как в Черкасском, так по всем городкам, по большим и по малым, все изменили сплошь, и ежели в нынешний случай, что они в великом страхе от наших полков, ныне над ними чего указом вашего величества не будет учинено, то конечно и впредь от них того ж ждать. Известно вашему величеству: коли стрельцы бунтовали, то они всегда самые заводчики, Яковы Алексеевы с товарищи. В лице выберут дураков, а сами из-за них воруют; так власно, как в Черкасском, и во всех станицах первые люди все сплошь воровству причастны. Коли я был малолюдн, то все вышеписанные воры всеконечно хотели меня совсем снести, а коли я собрался и учинили поиск над Драным, то все начали робеть и бежать, и в Черкаской Драного сын прибежал с вестью, что отца его под Тором убили, и для того у них лучшая надежда пропала. Василий Фролов кой час услышал, что Драного убили, то он и все при нем сказали: ежели в Черкасском то сведают о Драном, конечно, Булавина убьют, для того что Булавин был дурак, все воровство и вся надежда была на Драного. Конечно под такой случай надобно определение с ними сделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать и мыслить, и вольность у них убавить. Так, государь, доношу: которые городки вновь поселились верхние близ наших городов – чтоб конечно у них отнять».

26 июля пришел Долгорукий к Черкаску на Аксай; к нему навстречу выехал атаман Илья Зершиков со всею старшиною и с знаменами; далеко не доезжая до царского войска, слезли все с лошадей, потом подошли к Долгорукому, положили знамена и сами легли на землю. Долгорукий велел им встать. Атаман начал говорить, просил милости у царского величества, отпущения вин, оправдывался: «Как вор пришел на остров, мы сидели в осаде от него, а другие наши же воры, которые с нами сидели, из Рыковских станиц, склонились к вору и нас выдали». Долгорукий отвечал: «Которые верою служили царскому величеству, те получают милость, а воров приводите ко мне». 29 числа Долгорукий подошел под самый Черкасск и стал обозом; сюда атаман и старшина привели к нему сына и брата Булавина, да сына Драного и других пущих воров, всего 26 человек. На другой день пришли все с крестами в обоз и целовали крест и евангелие с великою клятвою и слезами, что им царскому величеству в верности быть, а кто не явится у крестного целования, тех побить до смерти. Долгорукий говорил им, чтоб выдали козаков Рыковских станиц, которые были больше других в воровстве, но атаман и старшина отвечали: «Козаки Рыковской станицы положили начало в воровстве, но за то и в убийстве вора, если б не они, то черкасским жителям одним этого бы не сделать». «Не только рыковские, – писал Долгорукий царю, – все сплошь черкасские в том воровстве равны, и сам атаман Илья и есаул Соколов, будучи у меня, сказали, что они все этому делу виновны, и ежели это дело разыскивать, то

все кругом виновны, сами о себе сказали. А что ваше величество изволил ко мне писать, чтоб выбрать атамана человека доброго: и ручаться по ним невозможно; самому вашему величеству известно и без нынешней причины, какого они состояния, а с нынешней причины и все равны, одного человека не сыщешь, на кого б можно было надеяться. Одно средство – оставить в Черкаске полк солдатский. А жестоко, государь, поступить мне с ними было невозможно для того, что все сплошь в воровстве; разве было за их воровство всех сплошь рубить, и того мне делать без указа вашего величества невозможно». «Господин майор! – отвечал Петр, – письма ваши я получил, на которые отвечаю, что по городкам вам велено так жестоко поступить в ту пору, пока еще были все в противности, и когда уже усмирились (хотя за неволею), то надлежит иначе, а именно: заводчиков пущих казнить, а иных на каторгу, а прочих высылать в старые места, а городки жечь по прежнему указу. Сие чинить по тем городкам, которые велено вовсе искоренить, а которые по Дону старые городки, в тех только в некоторых, где пущее зло было, заводчиков только казнить, а прочих обнадеживать, а буде где какую противность ныне вновь сделают, то и всех под главу. Притом же и сие вам возможно разуметь, что во всяком к вам указе всегда я по окончании письма полагался на ваше по тамошнему состоянию дел рассуждение, что и ныне подтверждаю; ибо нам, так отдаленным, невозможно конечного решения вам дать, понеже случаи ежедневно переменяются. Оставили вы полк в Черкаском, а то кажется не добро ради многих причин, а лучше оному быть в Азове, а когда понадобится, только тридцать верст оттуда. Впрочем, благодарствую вам за труды ваши, в Черкаском показанные».

Трудами, показанными в Черкаске, дело не оканчивалось. Петр верно обозначил большое место, приказывая щадить городки по Дону и искоренять верховые городки по донским притокам, населенные *сходцами, голутьбою*. На Дону бунт прекратился смертью Булавина, но в верховых городках он прекратиться не мог, потому что там было много людей, боровшихся против государства по инстинкту самосохранения. Несмотря на то что Булавин оттянул силы мятежа к Дону, к Черкаску, козаки в самом начале перекинулись на свое широкое раздолье, на Волгу. Козаки Сиротинской станицы и других городков, с ними беглые стрельцы и солдаты, человек с 1000, 13 мая пришли на Волгу и взяли без бою город Дмитриевский на Камышенке. Жители города Камышина забунтовали, мучили и побросали в воду офицера, полкового писаря и бурмистров соляной продажи. Утвердившись на Волге, козаки начали свое дело, поймали майора Друкорта, ехавшего в Астрахань, мучили его и убили, перехватывали и грабили суда, людей мучили. 7 июня 3000 козаков из Паншина и других городков пришли под Царицын. Здешний комендант Афанасий Турченин с 5000 царицынцев да с одною ротою солдат, присланных из Астрахани, сел в малой крепости в осаду, выдерживая жестокие приступы от воров. Петр Апраксин послал к нему на помощь из Астрахани полк солдат с полковником Бернером; вору, не допустив его за пять верст до города, встретили в лодках на урочище Сарпинский остров; после сильного бою, продолжавшегося от 3-го часа пополудни до ночи, раненый Бернер, видя многочисленность воров, отступил к Черному Яру. После этого вору, забрав к себе с судов множество рабочих людей, днем и ночью валили землю к Царицыну, засыпали ров и, зажегши деревянную крепость, взяли ее приступом. Воеводе Турченину, после мучений, отсекли голову,

убили подьячего, пушкаря, двоих стрельцов, но офицеров и солдат оставили на свободе, наругавшись только над ними в кругах своих. Воры оставались в Царицыне до 20 июля, когда присланные из Астрахани полки взяли у них город, пущих заводчиков Апраксин велел прислать к себе в Астрахань, а других всех Козаков и камышинских, пришедших к ворами на помощь под Царицын, велел в Царицыне и по Донской дороге вешать.

Для очищения Волги от воров шел из Казани князь Петр Иванович Хованский. Когда узнали о его походе в Камышине, то казаки и многие из камышенских жителей стали собираться бежать на Дон; остальные, вместе с бурлаками, начали говорить им: «Для чего забунтовали? А теперь бежите на Дон!» – взяли атамана Кондратия Носова в круг, спросили, куда дел порох и свинец? Пошли к нему в дом, вынули бочку пороху и принесли в круг. Тогда другой атаман из камышенских жителей, Иван Земин, видя, что дело плохо, хотят их засадить, стал уговаривать бурлаков идти с ними вместе на Дон, причем посулил бочку вина да по полтине денег; бурлаки не преодолели искушения, передались на сторону Козаков и побежали с ними вместе на Дон, побравши порох и пушки. Не хотевшие бежать камышенцы были прибиты и ограблены, а потом должны были испытать беду от Апраксина, который велел всех их забрать в Астрахань, кроме стариков, женщин и детей. «Те и сами исчезнут!» – писал он царю.

Между тем Хохлач бросился к Саратову, был отбит и отступил, поджидая Некрасова, но, когда приехал к нему Некрасов, явились под Саратовом калмыки, отделившиеся, как мы видели, от Ивана Бахметева; калмыки ударили на воров и обратили их в бегство. Волга была очищена до Хованского, который потому перешел на донские притоки, отыскивая воров в самых жилищах их. Посланные им саратовцы и калмыки взяли Перекопский городок, Козаков побили, дома их выжгли и разорили без остатка. Узнавши, что из Паншина воровские казаки выбрались все с женами и детьми, Хованский отрядил вслед за ними товарища своего, Дмитриева-Мамонова, и калмыков. 23 августа Дмитриев-Мамонов настиг Козаков ниже Паншина верстах в 5, у реки Дона; воров было с 4000, кроме жен и детей, обоз состоял из 1000 телег. «Была баталия с ними великая, – писал Хованский царю, – и никогда я не помню, чтоб так казаки крепко стояли, а более того, разумею, что крепко стояли беглые драгуны и из полков солдаты, а наибольше полку господина фельдмаршала (Шереметева), как он шел снизу, также и других полков». Воры потерпели страшное поражение, ушло их немного, только в двух лодках; женщины, дети и обоз достались победителям. Хованский выжег 8 городков; 39 городков добились челом и приведены к присяге.

В то же самое время Долгорукий губил воров с другой стороны. Он выступил из Черкаска к верховым городкам и 13 августа писал царю: «От вашего величества мне сказано, чтоб мне с ними жестоко поступать, и я для того не так жестоко поступаю, что невозможно: и так к которому городку приду, бегут в леса, и иные к Некрасову, а ежели б я поступил жестоко к первым городкам, все б к вору ушли». По письмам Некрасова, из 16 станиц собралось в Есаулов городок 3000 человек с женами и детьми и ждали Некрасова, который обещал прийти к ним с своею шайкою. Долгорукий, чтоб не допустить до этого соединения, оставив пехоту и обоз, пошел к Есаулову с одною конницею и явился перед городком 22 августа; воры сели было в осаде, но 23 числа, несмотря на то что приступ не удался царским войскам, выслали с повинной и целовали крест. Долгорукий взял с собою

пущих воров 10 человек, атамана Ваську Тельного четвертовал; той же казни подверглись двое монахов раскольников, из которых один, Кирилл, не будучи попом, исповедовал, приобщал, крестил и пел молебен о победе над государевыми людьми. Других, с десятка по человеку, перевешали кругом городка, а иных, поставив виселицы на плотях, пустили по Дону, и казнено их больше 200 человек. Некрасов, узнав об участии Есаулова городка, побежал на Кубань с 2000 воров.

Некрасов ушел, но остался еще Голый. Около него собралось тысячи с четыре воров, с женами, детьми и скотиною. В сентябре он пришел в Донецкую станицу по призывному письму тамошнего атамана Колычева. Недели с полторы после его прихода у Донецкого же показались царские будары: это плыл полковник Бильс с солдатским полком и с провиантом в Азов. Козаки не выставили никакого сопротивления, а Бильс не догадался, куда попал. Голый и Колычев явились к полковнику на будары с честью, с хлебом и солью, Бильс отплатил учтивостию за учтивость, попотчивал их вином и позволил ходить по бударам, осматривать пушки, свинец, казну. Давши Бильсу провожатых, Голый и Колычев отпустили его Доном вниз, а сами поехали берегом за ним вслед. Только что отплыл Бильс версты две от Донецкого, как встала непогода, будары все разбило и многие нанесло на мель; Голый был тут и стал кричать полковнику, чтоб приставал к берегу слушать царский указ; Бильс, опять ничего не подозревая, пристал к берегу; тут козаки бросились к нему на будару, самого Бильса и офицеров перевязали и утопили, казну и офицерские пожитки между собою раздували, а солдат забрали к себе в таборы. Государь, узнавши об этом, написал Долгорукому: «Зело печально, что дурак Бильс так изрядной полк дуростью своею потерял».

Распорядившись с Бильсом, Голый с товарищами начал думать, чтоб жен и детей развести по городкам, а самим идти под украинные города; если Долгорукого разобьют, то в городах чернь к ним пристанет, и тогда можно будет идти до Москвы, побить бояр, немцев и прибыльщиков; в этой надежде утверждало их известие, что Долгорукий полки распустил и стоит в малолюдстве. Голый уже разослал прелестные письма по Украине: «Нам до черни дела нет; нам дело до бояр и которые неправду делают, а вы, голутьба, все идите со всех городов, конные и пешие, нагие и босые! Идите! Не опасайтесь! Будут вам кони, и ружья, и платье, и денежное жалованье, а мы стали за старую веру и за дом пресв. богородицы, и за вас, и за всю чернь, и чтоб нам не впасть в еллинскую веру. А вы, стольники и воеводы и всякие приказные люди! не держите чернь и по городам не хватайте и пропускайте всех к нам в донские городки, а кто будет держать чернь и не отпускать, и тем людям смертная казнь».

Долгорукий был в Острогожске, когда получил известие о судьбе Бильса и замыслах Голого. Он немедленно выступил из Острогожска в Коротояк, куда пришел 15 октября, из Коротояка поспешил к Донецкому и явился под ним 26 числа. Голый и Колычев ушли на устье Хопра, но оставшиеся товарищи их, с 1000 человек Козаков и бурлаков, встретили Долгорукого выстрелами; отстреливались часа с полтора и не отстрелялись: город был взят, разорен и выжжен без остатку, 150 пущих воров повешено. Узнавши, что Голый в Решетовой станице, Долгорукий пошел туда и достиг станицы 4 ноября. У Голого было с 7500 человек войска; воруы вышли на бой, но их сорвали, вогнавши сперва в городок, потом выбили из городка и до Дону рубили без милосердия, трупов положено с 3000

человек, многие потонули, иных на плаву пристреливали, а которые переплыли, померли. Голый ушел сам-третей; городок был выжжен.

Так окончилась вторая сильная, открытая борьба козачества с государством. Как первый (Разинский), так и второй (Булавинский) бунты произошли вследствие умножения *сходцев, голутьбы* на донских притоках, при закрытии выхода Доном в море. Козачество усиливалось за счет государства, вытягивая из последнего служебные и производительные силы. Государство, усиленное при Петре личностью государя и нуждаясь в служебных и производительных силах для собственных целей, не могло позволить козачеству похищать у себя эти силы. Вопрос был поставлен ясно: государство требовало от козачества, чтоб оно не расширяло своих владений на его счет, не строило новых городков и не населяло их беглецами из государства; козачество не слушалось, и государство решилось разорить эти городки и вывести беглое их народонаселение на старые места жительства; тогда беглецы вооружились. Но если бы даже государство и не приняло наступательного движения, то нельзя думать, чтоб обошлось без козацкого восстания, ибо накопилось много голутьбы: при отце Петра государство, по слабости своей, не предпринимало наступательного движения, и, несмотря на то, взрыв последовал при том же необходимом условии, при накоплении горючих материалов. Козачество было побеждено и при царе Алексее, следовательно, нет ничего удивительного, что оно было побеждено при Петре: царское войско при Петре было иное, чем при отце его; эта перемена давала возможность горсти царского, т.е. регулярного, войска разбивать вдвое сильнейших козаков; притом, если б дело затянулось, Петр сам хотел ехать на Дон, чего бы не сделал отец его, но, кроме того, нельзя не заметить и других причин скорого торжества государства: во-первых, козачество опоздало с своим движением, пропустив удобное время астраханского бунта; во-вторых, заводчик бунта Булавин ослабил восстание в самом начале, оттянув главные силы с северо-востока на юго-запад и потратив много времени в Черкаске.

Глава четвертая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Поход Карла XII в Литву. – Распоряжения Петра в Гродно. Карл вступает в этот город. – Дальнейшие его движения. – Болезнь Петра. – Укрепление Петербурга. – Укрепление Москвы. – Битва при Головчине. – Военный совет в Шклове. – Карл в Могилеве. – Битва при Добром. – Движение Карла в Малороссию. – Битва при Лесной. – Состояние дел в Малороссии. – Приготовления к измене Мазепы. – Отношения Мазепы к Кочубею. – Донос Кочубея. – Розыск и казнь Кочубея. – Измена Мазепы. – Распоряжения Петра по этому случаю. – Универсал Мазепы к полковникам. – Взятие Батурина Меншиковым. – Избрание нового гетмана. – Мазепа проклят. – Грамота Петра к запорожцам. – Грамоты Карла к малороссиянам. – Ответные грамоты Петра и нового гетмана Скоропадского. – Военные действия в конце 1708 года. – Вести из Польши. – Отъезд Матвеева из Лондона. – Бесчестие, ему нанесенное. – Сношения с Даниею. – С Турциею. – Военные действия в начале 1709 года. – Петр

в Воронеже. – Его неудовольствие на Шереметева. – Сношения Мазепы с царем. – Царская грамота к малороссиянам по поводу перехваченного письма Мазепы к Лещинскому. – Измена запорожцев. – Взятие и разорение Сечи. – Полтавская битва. – Приготовления к продолжению войны. – Торжества.

Петр собирался ехать на Дон: так опасно было в его глазах козацкое восстание – и это в то самое время, когда Россия одна должна была выдерживать борьбу с непобедимым шведом.

Мы видели, что Карл двинулся из Саксонии в Польшу в августе 1707 года. Ждали, что король быстро пройдет владения своего посаженника Лещинского и немедленно вторгнется в Россию, но, к всеобщему удивлению, Карл четыре месяца выстоял в бездействии на левом берегу Вислы. Было ли это следствием удали, заставлявшей предпочитать для походов зимнее время как более трудное, или, наоборот, Карл боялся осеннего пути в Литве и западной России, – все равно, каждый месяц остановки со стороны Карла был выигрышем для Петра. Шведы, привыкшие к роскошному житю в богатой Саксонии, начали хозяйничать в бедной Польше, хватая все, что только могли захватить. Карл смотрел на грабительство солдат своих сквозь пальцы. Станислав Лещинский горько жаловался, что шведы обируют его подданных так же немилосердно, как и русские, но на его жалобы не обращалось никакого внимания. Французский посланник, находившийся при Карле, доносил своему двору, что шведы питают к полякам глубочайшее презрение и не считают их достойными какого-либо внимания. Сам Карл был так возмущен поведением поляков, что не считал их достойными никакой пощады ни относительно целого государства, ни относительно отдельных лиц.

В конце декабря Карл перешел Вислу и, несмотря на представления о необходимости зимних квартир, двинулся немедленно в Литву. Морозные ночи солдаты проводили на снегу под открытым небом. Люди гибли, еще больше гибло лошадей, за недостатком которых нужно было кинуть часть багажа. Но вреднее всего была шведам враждебность жителей, которые прятались за деревьями и кустами и подстреливали солдат; однажды сам Карл чуть не был подстрелен таким образом. Раздраженный король дал приказ вешать этих беспокойных стрелков и жечь их жилища, шведы охотно исполняли приказ королевский: однажды захваченная шайка враждебных жителей в 50 человек была истреблена тем, что шведы заставили несчастных убивать друг друга. Ожесточенные солдаты не щадили ни женщин, ни детей.

Встретивши Новый, 1708 год в Москве, царь 6 января выехал в Гродно; вслед за ним должен был выехать адмирал Апраксин. В Дзенцолах, где стоял Меншиков, узнал Петр о движении шведов к Неману и отправился в Гродно, куда приехал 21 января. Петр был извещен, что Карл идет прямо на север, и потому сейчас же в Гродне принял свои меры, на другой день после приезда написал псковскому обер-коменданту Кириллу Алексеевичу Нарышкину: «Понеже мы получили подлинную ведомость, что неприятель уже отсюда в пяти милях обретается, и намерение его конечно иттить чрез Ригу ко Пскову, и для того из уездов хлеб и фураж весь забири в город сколько возможно, и сие немедленно учини, понеже время сего требует». Через два дня, 25 числа, новое письмо к тому же: «По

получении сего указа, тотчас вышли дерптских жителей на Вологду, а пожитки их, кроме денег, чем могут кормиться, с роспискою возьми и поставь под ратушу; также все как во Пскове, так и Дерпте как наилучше к обороне устрой (понеже время нужное настает и неприятель уже у нас явился), также и о минах не забудь, только пороху отце не клади». Тут же написал Апраксину: «Как возможно поспешай в Вильню, и буде в Вильню уже приехал, далее не езд, понеже неприятель уже у нас».

Этот неприятель был сам Карл с 800 человек конницы, поспешавший по вести, что царь в Гродно. 2000 русских под начальством бригадира Мюленфельдта должны были защищать у Гродно мост на Немане, но Мюленфельдт не выдержал натиска шведов и дал им дорогу, за что после был предан суду и бежал к неприятелю. Карл 26 числа беспрепятственно вошел в Гродно два часа спустя после отъезда оттуда Петра. 27 числа царь был уже в Меречи, откуда писал майору гвардии князю Василию Владимировичу Долгорукому: «Сегодня получили мы подлинные ведомости, что неприятель еще вчерась ввечеру к Гродне пришел; чего ради надобно вам немедленно маршировать вместе с генералом Репниным, куда ему указ повелевает, и, идучи дорогою, провиант и фураж, также и скотину, лошадей, волов и овец забирать с собою сколько возможно, и чего не возможно, то провиант и фураж жечь, чтоб неприятелю в руки не достался». К Меншикову писал: «Мы идем как можем и, что по дороге довлеет, чиним. Зело потребно, дабы ваша милость приказал задним (доброму и верному офицеру) дороги засечь гораздо не в одном месте; также и другим послать указ, которые другими дороги идут, которое дело великую препону неприятелю учинит. Для бога, как наискоря дайте знать, куды пойдет неприятель, чтоб пехотою мочно ускорить, а я не оставлю все возможное прилагать. Приехал к нам Крюков, который привез от вас письмо, чтоб нам поспешать денно и ночью: и мы делаем как возможно, однако ж, с помощью божиею, безопасны. Для бога, верному вручи ариргарду, а не сим плутам (т.е. иностранцам вроде Мюленфельдта), которые уже явно губят». 28 января Петр был уже в Вильне. Царь должен был смотреть во все стороны, всюду рассылать приказания о движении войск и обороне, ибо никто не знал, куда пойдет Карл – в Лифляндию или на Новгород, на Смоленск или в Украйну? Сначала он двинулся из Гродно на северо-восток, в Сморгоны: казалось, что он пойдет на Псков и Новгород, но, постояв в Сморгонах, Карл двинулся к юго-востоку и надолго остался в Радошковичах. Петр, больной лихорадкою, воспользовался этой остановкою Карла, чтобы пожить в своем парадизе, Петербурге, куда приехал 20 марта. Лихорадка измучила его, что видно из писем к Головкину и Меншикову. К первому писал от 6 апреля: «Как говорят, где бог сделал церковь, тут и дьявол алтарь: хотя я всегда здесь яко в райском месте здоров был, но ныне не знаю, как с собою привез лихорадку из Польши, хотя и гораздо осматривал у себя в санях и платье, ибо всю страстную седмицу мучим от нее был, и самой праздник кроме начала заутрени и евангелия по болезни не слышал; ныне, слава богу, прихожу в здоровье, и еще никуда из избы (а праздник зело непорядочен был, ибо, как память моя есть, всегда бывали мы в красном, а ныне принужден в сером). Сия лихорадка купно с гортанною и грудною болезнью, кашлем (что здесь зело ныне много) сама кончилась, а не удержана, и материи зело много худой вышло, что дохтор зело сему рад для начатия будущего леченья от скорбутики». Через день, 8 апреля, писал к тому же Головкину: «Прошу,

которые дела возможно без меня делать, чтоб делали; как я был здоров, ничего не пропускал, а ныне бог видит, каков после сия болезни, которая и здешнее место Польшею сочинила, и ежели в сих неделях не будет к лечению и отдохновению времени, бог знает что будет». Получив от Меншикова известие, что шведы собираются наводить мосты на реках, Петр отвечал ему 14 апреля: «Зело прошу о себе (понеже я ведаю, что сия игрушка меня не минет), дабы первее не позван был, пока самая совершенная ведомость (и с рассуждением, что оная статця может) о его, неприятельском, походе прямо на войска не будет, дабы мне хотя мало исправиться от болезни. Ибо сегодня от той еще только день, как стал на двор выходить. Тако же с 20 дня сего месяца буду починать лекарства примать от скорбутики первые, а в конце сего месяца или в первых маия меркуриальные, для которых дохтур сказал десять дней не ходить тогда из хором. А сам, ваша милость, ведаешь, что николи я так не писывал, но бог видит, когда мочи нет, ибо без здоровья и силы служить невозможно, но ежели б недель пять или шесть с сего времени еще здесь побыть и лекарства употреблять, то б надеялся, с помощью божиею, здоров к вам быть. А когда необходимая нужда будет мне ехать, извольте тогда послать ставить подводы: понеже о времени том вы можете лучше ведать, нежели здесь».

В это самое время, когда изнурительная болезнь отнимала силы, Петр должен был следить за Булавинским бунтом, переписываться с Долгоруким и Толстым. В половине «лечебных трудных дней, обессилев от лекарства, как младенец» Петр начал заниматься укреплением Петербурга. «Вчерашнего дня, – писал Петр Меншикову 14 мая, – болварок Трубецкого зачали бутить, и первый камень после предика, зело изряднова, положил господин Яворский (Стефан митрополит)». Но, укрепляя свою новую столицу, Петр озаботился и укреплением старой, куда скорее можно было ожидать Карла, чем к Петербургу. Еще в 1707 году Петр послал статьи в Москву к правительствующим вельможам: «Воеводе быть князю Михайле Алегуковичу, а товарищей прибрать ему по воле своей, кого и сколько похочет, також палатным и прочим правительствующим людям быть всем для совету с ним. В гварнизон выбрать в коменданты доброго человека и умного, хотя б и незаобычного, для того, чтоб все приготовил, что надлежит, понеже под час нужды пришем доброго коменданта и несколько старых солдат. (На поле отметка рукою Петра: *Гагарину* .) В Кремле и Китае надлежит быть гварнизону в 13000, из которого числа рекрутов 7000 шибаев, 1000 людей боярских бесконных, 4000 или 3000 из посаду молодых, да изо всех канцелярий и приказов, из ратуши и прочих мест солдат, где оные ни сыщутся. Також надлежит Кремль и Китай укрепить, для чего послан будет Василий Корчмин и прочие с ним, к которому делу надобно по меньшей мере 30000 человек. Весь как торговой, так казенной монастырской (також и у всякого чину людей, у кого лишней не мало) хлеб весь свести в Кремль и там в удобное место положить, а торговой на Житный двор и в набережные палаты и из них продавать по-прежнему, також и прочей хлеб всякому волю для своей потребы дать, лише б конечно было в Кремле, понеже под нужный случай вскоре свозить будет невозможно, а сжечь жаль напрасно, и для того заранее сие учинить надлежит. В начинании сему не без сумнения и торопости будет в людях, того для сказать всем, что сие делается в запас ради всякого случая, понеже преж сего и не от таких неприятелей, но от бездельных татар земляной город делали и колодези в Кремле копали и прочее к осаде готовлено, и чтоб

никто для сего без указа с Москвы не убирался, не уезжал и не уходил под смертною казнию, а когда какой случай позовет, тогда указ сказан будет, чтоб всякой, убрався с пожитками, выехал, объявля, где оной ведом и куда поедет. Коннице надлежит быть от 15000 до 20000, а ружья какое у кого есть, однако ж стараться, чтоб больше огненного было, и, сию армию управля, расставить около Москвы для конских кормов в такой дистанции, чтоб в неделю могли стать на Москве. Князю Петру Ив. Прозоровскому (ежели сей случай будет) с лучшею святынею, також с церковными и казенными богатствами и нужными посольскими письмами выехать по Ярославской дороге до Белаозера или дале, куды случай позовет. Шведского резидента выслать в Стеклольм одного с таким предложением, чтоб он за себя выслал на размену нашего резидента, а ежели он того не учинит, то сказать, что жену и детей его сошлют в Сибирь. Також сказать прочим шведам, которые на Москве от майора и выше, что им на Москве жить не велено, но чтоб они выбрали себе который хотят город (кроме порубежных к их краю), где им жить, и чтоб письменным паролем и порукою круглою обязались, что им без размены не уйдуть и что к злу сему государству не чинить, то позволено им жить в тех местах без караулу. (Слободских (Немецкой слободы) иноземцев каждого народа меж собою перепоручить, а по ком порук не будет, тотчас выслать к городу (Архангельску) и оттоль на кораблях, а ежели из мастеровых по ком поруки не будет, послать в Казань. По дорогам из городов (кроме тех, которые велено крепить), сел и деревень от Серпуховской до Новгородской, зачав от ста верст от Москвы до самой границы, чтоб учинили по прежнему указу приготвление себе, скоту и хлебу заранее, однако ж никто б до указу домов своих, пашен и всяких промыслов отнюдь не покидал под смертною казнию, а когда случай будет и другой указ о выходе из домов придет, тогда б все в уготованные места со всем вышли. Города: Серпухов, Можайск, Тверь по возможности укрепить и полисадировать. Серебряные вещи Казенного приказа, патриарши и монастырские и в прочих местах, где оные ни есть, кроме самых старых и диковинок, все переделать в монеты и отнюдь оных денег не давать в расход без особого указа».

Вследствие этого указа 7 января 1708 года бояре в ближней канцелярии учинили определение, что «им съезжаться в понедельник, среду и пяток. На Москве у городской крепости в нынешней зиме быть работе на четырех болверках; со всех чинов жителей к делу московской крепости взять работников, у кого в доме сколько дымов есть, с трех дымов по одному работнику, а у кого дымов в число работников не достанет, и тем людям, складываясь, давать работников. Всяких чинов людям московским жителям, где которые чины ведомы, сказать, чтоб они в нужный случай готовы были все и с людьми».

Все было приготвлено, чтоб незваные гости встретили пустыню во внутренности государства. В июне Карл выступил из Радошковичей на восток, к Борису, для переправы через Березину. У Борисова стоял русский отряд, чтоб затруднить шведам переправу; Карл повернул в другую сторону, пошел чрез непроходимые леса и болота и переправился гораздо ниже, под местечком Сапежинская Березина, в пяти милях от местечка Головчина. Шереметев и Меншиков решились задержать неприятеля при переправе чрез небольшую, но болотистую речку Бибиц. 2 июля Меншиков писал царю из-под Головчина: «Наша кавалерия, заняв пост подле Головчина и далее, на потребных пасах стала, и

потом, для лучшего удержания неприятеля, рассудили мы за благо и пехоту дивизии фельдмаршала Шереметева и генерала князя Репнина сюда ж взять, которые уже пришли, и на том пасе оно (неприятеля), где речка, и болота, и леса, елико возможно, держать будем, ибо оной ныне с нами об одной той речке в виду обретается, и ежели оный станет переправливаться, то, хотя и с некоторым уроном своим, держать его будем, понеже и он принужден будет також своих людей потерять, а к главной баталии нас принудить ему за узкими дорогами и переправы трудно; токмо дай вышний, дабы ваше величество к нам вскоре прибыл. А взятые языки сказывают, что все его войско к нам собралось, с которым наша легкая конница, непрестанно переезжая за речку, имеет стравки. Полоняники единогласно сказывают, что в войске его конницы и пехоты больше 30000 не будет и в провианте имеют они скудость, а неприятель хочет идти за Днепр и искать с нами баталии, о которой мы, по указу вашего величества до пришествия вашего, остерегаться по возможности будем и без крайней нужды в оную не вступим».

3 июля произошла битва при Головчине. Главная русская армия, при которой находились Шереметев и Меншиков, занимала середину; на правом крыле, в трех милях, при Климочах, стояли генералы Алларт и Флюк; на левом, в двух верстах, князь Репнин и в четверти мили от него фельдмаршал-лейтенант Гольц; князь Мих. Мих. Голицын, стороживший движения Шведского корпуса Реншельда, стоял на верховьях реки Бибича, между главною армиею и Аллартом. Узнавши от перебежчика, что Карл намерен напасть на правое крыло, Шереметев и Меншиков особенно усилили последнее, но «неприятель о третьем часу по полуночи, паче чаяния, пошел всею пехотою своею на дивизию князя Репнина, который стоял влево от фельдмаршала Шереметева, за марастом и лесом (у которого за командированными в остатке было около пяти тысяч), и, пришед, неприятель еще в темноту, в туман и дождь, с большею частию артиллерии своей, начал по оном стрелять жестоко, и под тою стрельбою, в самом болотном месте, сделал мосты понтонами и, перешед, пошел во фланг на транжемент князя Репнина, хотя отрезать от коммуникации с нами. Репнин принужден был отступить к лесу, где неприятель на оно жестоко наступил, и по жестоком бою, которого часа три или четыре было, отступя, пришел Репнин в случение к нам без великого урону, а против Шереметева и Меншикова дивизий поставил неприятель в прикрытии за Головчином знатную часть кавалерии, которая такожде являлась к переходу в готовности, а в наступлении на генерала Репнина, перешед, неприятельская кавалерия пошла на кавалерию нашу под командою Гольца, с которым у неприятеля был великий бой пять часов на обе стороны с уроном, и оной, по жестоком отпоре неприятеля, как и мы, не хотя с неприятелем в главную баталию вступить и не имея к тому удобного места, отступили к Днепру, наша дивизия к Шклову, а Гольца к Могилеву, Алларту и Флюку велели идти к Копоси и, переправясь Днепр, разрядя все войска, будем неприятеля еще держать по возможности. Кроме уступления места, неприятелю из сей баталии утехи мало».

Так донес Меншиков царю о Головчинской битве и ее следствиях. Петр был уже на дороге из Петербурга к армии, когда получил весть об этой битве; на первых порах он написал Апраксину, оставленному защищать новоприобретенный край: «Я зело благодарю бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей его армии одна наша

треть так выдержала и отошла». Потом, узнавши подробнее дело, Петр написал Меншикову: «Понеже в прошедшей оказии под Головчином дивизии генерала князя Репнина многие полки пришли в конфузию и, не исправя должности своей и покинув пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те козацким, а не солдатским боем, и про сие злое поведение генералу князю Меншикову накрепко розыскать, начиная с первого до последнего, со всякою правдою, не маня, ниже посягая, но истиною, как стать пред судом Божиим, ибо должен будет над сим розыском присягу учинить». До нас дошло оправдательное письмо Репнина к государю: «Ежели мне изволите причесть в вину, что у меня не было диспозиции в полках и будто неприятеля не держал и отступил вскоре: и такого поверения о диспозиции у нас никогда не было, а неприятеля мне держать было больше невозможно без сикурсу, и в такое многое время, сколько я неприятеля держал, возможно было с обеих сторон довольное вспоможение мне учинить и неприятеля в конфузию привести; еще ж во всю потребу управлял везде один я, понеже генерал Чамберс, человек уже слабый, а и прочие офицеры, которые тут были, нетокмо бы с ними советовать, и во управлении искусства не все довольное, чего ради слезно прошу, дабы ваше величество Божеское милостивое ко мне милосердие показали, понеже, кроме вашего высокого милосердия, предстателя себе не имею». Но уже после этого (5 августа) царь написал Шереметеву, чтоб «учинил крихсрат и по приговору воинского суда исполнил штрафы немедленно».

На четвертый день после Головчинской битвы, 6 июля, в Шклове был держан военный совет (генеральный консилиум), на котором приговорили: «Понеже неприятель, по ведомости, марширует к Могилеву, а оное место осадить (приготовить к осаде от неприятеля) за пространностию и упреждением неприятельским трудно, того ради приговорено: перебрався на сию сторону Днепра, стать всей кавалерии и конной пехоте по Днепру от Шклова до Могилева и оною (неприятеля) по возможности держать и переправление чрез Днепр оборонять, а пехоте всей итти к Горкам с артиллериею и с обозами, а когда невозможность явится оною переправлению чрез Днепр возбранить, и тогда уступать и коннице каждой дивизии куды способнее добрым порядком до Горок, и тамо, соединясь с пехотою, смотреть на неприятельские обороты и, куды обратится – к Смоленску или к Украине, трудиться его упреждать». Подписались: генерал-фельдмаршал Шереметев, генерал князь Меншиков; министры: граф Головкин, князь Григорий Долгорукий; генералы: Гольц, Репнин, Алларт, Брюс, Рен, Дальбон.

Карл действительно вступил в Могилев и засел здесь надолго: он дожидался прихода Левенгаупта из Лифляндии с 16000 войска, артиллериею и провиантом; дожидался еще вестей о восстании Малороссии против царя. Петр наблюдал за ним из Горок и с удовольствием видел уменьшение сил неприятеля и опасное положение, в котором он находился вследствие скудости продовольствия. 23 июля царь писал Апраксину: «Иного писать не имеем, только что неприятель стоит в Могилеве по-прежнему тихо и конечно под Головчином потерял половину драбантов своих (которые все офицеры майорского рангу), тако ж генерал Врангель убит и два полковника, прочих офицеров со сто на месте побито (кроме драбантов) и больше тысячи рядовых; ранены генерал от пехоты, также офицеров и рядовых зело много. По вся дни имеем переметчиков от неприятеля не точию

иноземцев, но и природных шведов, которые единогласно говорят так, как выше писано, и голод имеют великой».

Не дождавшись Левенгаупта, Карл в начале августа выступил из Могилева и направил путь к юго-востоку, к Чирикову на реке Соже. Поход был тяжел для голодного войска по опустошенной стране; солдаты сами должны были снимать с поля колосья и молотить их между камнями, а тут еще льют непрерывные дожди и негде укрыться и высушиться. Явилось необходимое следствие сырости и дурной пищи – болезни, солдаты говорили, что у них три доктора: доктор Водка, доктор Чеснок и доктор Смерть. Узнавши о выходе Карла из Могилева, царь выступил также из Горок в Мстиславль, беспокоя шведов легкими войсками, мешая им переправляться чрез Сожь. Карл повернул на север, к Мстиславлю, навстречу русской армии. Встреча произошла у местечка Доброго, на речке Черной Напе, 29 августа. Видя, что правое неприятельское крыло поотдалилось от корпуса на четверть мили, Петр, по отправлении генерального консилия, двинул на него генералов князя Мих. Мих. Голицына и Флюка. Об исходе дела царь так уведомлял своих: «По двучасном непрестанном огне Голицын и Флюк неприятелей сбили и с 3000 трупом, кроме раненых, положили, знамена и прочее побрали. Потом король шведский сам на сикурс пришел, однако же наши отошли от них, кроме разорения строю (т.е. в порядке). Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал (дай боже и впредь так!) и такого еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видал. Боже! не отъими милость свою от нас впредь».

Русская армия после сражения при Добром отступила опять к северу; Карл шел за нею несколько времени и опять остановился. Ждал Левенгаупта, Левенгаупт не приходил, а между тем есть было нечего. Матвеев доносил из Гаги: «Из секрета здешнего шведского министра сообщено мне от друзей, что швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение идти в Украйну, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, швед надеется в вольном козацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве; в-третьих, поблизости может иметь удобную пересылку с ханом крымским для призыву его в союз и с поляками, которые держат сторону Лещинского; в-четвертых, наконец, будет иметь возможность посылать козаков к Москве для возмущения народного». Карл 14 сентября повернул к Украйне; Левенгаупт остался на жертву русским.

Левенгаупт был у Шклова, когда получил от Карла известие, что он идет в Украйну, и приказание спешить к Стародубу. Это известие было громовым ударом для Левенгаупта и его подчиненных: две реки, Днепр и Сожь, отделяли их от главной шведской армии, и между этими двумя реками стоял царь. 21 и 22 сентября Левенгаупт перешел Днепр у Шклова и начал пробираться тайком на юг; он подкупил жида, и тот уведомил царя, что шведы еще на правом берегу Днепра. Русские начали было переправляться на этот берег, как встретился шляхтич Петрович, который объявил, что шведы давно уже на левом берегу. Петр погнался за Левенгауптом теперь уже по настоящей дороге. 27 сентября он настиг шведов недалеко от Пропойска, при деревне Лесной, 28-го в час пополудни начался кровавый бой и продолжался до вечера; на другой день поскакали курьеры с

письмами к Ромодановскому, Апраксину, Долгорукому и другим: «Объявляю вам, что мы вчерашнего числа неприятеля дошли, стоящего зело в крепких местах, числом 16000, который тотчас нас из лесу атаковал всею пехотою во фланг, но мы тотчас три свои регимента швенкель против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко из пушек и ружья стрелял, однако ж оного сквозь лес прогнали к их коннице, и потом неприятель паки в бой вступил и, начав час после полудня, даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, а виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет; на последи, милостию победодавца бога, оного неприятеля сломив, побили наголову, так что трупом с 8000 на месте осталось (кроме что по лесам от ран померло и калмыки побили); обоз весь, с 2000 телег, 16 пушек, 42 знамя и поле совсем осталось нам. Р. S. Генерал Флюк неприятеля бегущего достиг в Пропойску, из которых больше 500 на месте положил, да в плен взяли 45 человек офицеров, 700 рядовых, а потом еще многих непрестанно в наш обоз привозят и сами приходят из лесов; також и достальной обоз с 3000 телег взяли. А достальные шведы побежали вниз по реке Соже и в шести милях вплавь за реку переплыли, за которыми сзади калмыки гнали и зело много побили. Также бригадир Фатсман, который за Сожею с командированными драгуны был, и при переправе оных також многих побили».

У русских под Лесным из 14000 человек было побито 1111, ранено 2856; у шведов из 16000 по русскому счету взято в плен 876 человек, на месте побитых тел перечтено 8000, но страшная потеря состояла в том, что Левенгаупт явился к Карлу без военных и съестных припасов, на которые была такая надежда в главной армии шведской; наконец, битва под Лесным имела еще то печальное следствие для шведских солдат, что они потеряли прежнюю самоуверенность, тогда как на русских победа под Лесным произвела совершенно другое впечатление: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца счастье произнесла». На севере такая же участь постигла Любекера, который вторгнулся в Ингерманландию и принужден был оставить ее, потерявши 3000 человек, всех лошадей и военные припасы. При таком-то благоприятном обороте дел Петр вдруг узнал об измене Мазепы.

Мы подробно следили за событиями в Малороссии и видели, в каком странном и печальном состоянии находилась эта страна. Мы видели, как в ней произошел важный переворот, смена землевладельцев. Вместо прежних польских или ополячившихся панов на первом плане явилось войско, козаки, с своими начальными людьми, с своим верховным вождем, гетманом. Войско тяжело налегло на остальное народонаселение, городское и сельское. Началась борьба. Гетманы стали стремиться к увеличению своей власти на счет войска, к наследственности; чтоб не зависеть от шумной войсковой черной рады, хотели упрочить свое положение то посредством Польши, то посредством Москвы и не достигали своей цели; кроме Богдана Хмельницкого, ни один из них не кончил хорошо, постоянно свергались они своими. Начальные люди, войсковые старшины, полковники стремились также упрочить свое положение, стать

землевладельцами и приобрести как можно больше власти над земледельческим народонаселением этих земель; полковникам хотелось управлять своими полками, т.е. городами и уездами их, как можно самостоятельнее, не отдавая отчета ни гетману, ни войску, а главное, не отдавая отчета в доходах и расходах. Простым козакам, разумеется, не нравилось это стремление гетмана и старшины; им хотелось поддержать первоначальное, простое, демократическое козацкое устройство, чтобы гетман и старшина, избираемые войском, находились в полной зависимости от него, не смели возноситься над войсковою массою, властительно обходиться с нею. Это демократическое козацкое стремление находило постоянную опору в Запорожье, представлявшем козацкое общество во всей первобытной чистоте: отсюда постоянно раздавались голоса против гетмана – боярина московского, против старшин, которые, вышедши из рядов простых козаков, стремятся стать землевладельцами и рабовладельцами. Неудовольствия и волнения были всегдашние; сюда присоединялось еще неудовольствие горожан, которым тяжело было козацкое иго, которые звали московского воеводу как освободителя от притеснений козацкого полковника. При таких условиях положение гетмана обеих сторон Днепра Войска Запорожского было очень тяжело. Выкрикнутый на шумной раде, он с первого же дня своего гетманства был окружен людьми, которые при первом неудовольствии, при первом сопротивлении гетмана их произволу становились его врагами, искали случая свергнуть его, подмечали его малейшее движение, малейшее слово, чтоб заподозрить его в Москве перед царем. Вот что писал Мазепа Головину 4 октября 1705 года, вступив с войском в Польшу: «Не дай боже исполниться тем поговоркам, которые пронеслись, как скоро я вошел в Польшу, с такими лядскими похвалками, чтоб и одной козацкой ноги назад из Польши не выпустить. Надеяться не на кого, кроме единого бога, ибо силы великого государя далеко, а у референдаря коронного войска мало, с полторы тысячи человек, да и на наши войска надеяться нечего, потому что привыкли они или бегать, или гетмана с старшиною в руки неприятелю отдавать: сделали они это под Вчорайшим, где выдали гетмана своего Наливайко и старшину в руки ляхам; сделали то же и под Кумейками, выдали гетмана Павлюка: в третий раз сделали то же под Боровицею, не хотя терпеть обложения от ляхов». Гетман хорошо знал, какому произволу предаются начальные люди, и должен был смотреть на это сквозь пальцы, чтоб не возбудить против себя неудовольствия между знатью, и в то же время не должен был спускать глаз с Запорожья, куда переносили свои жалобы недовольные простые козаки. А Москва? Довольны ли там? Нет ли туда доноса?

Старшина, полковники хотели жить по своей воле, распоряжаться в стране, не стесняясь ни войском, ни государством; простые козаки хотели также жить по своей воле, держать в руках начальных людей и, без надзора со стороны государства, кормиться за счет народонаселения, ничего не делая, ничего не платя. Государство не могло сносить долго подобного положения дел. С первых годов подданства беспрестанные безурядицы, смуты, измены со стороны войска и его начальников, постоянные жалобы мирного народонаселения Малороссии на то же войско и его начальных людей, постоянное стремление этого мирного народонаселения высвободиться посредством государства из-под полкового козацкого управления и войти в непосредственное отношение к государству. «Непостоянство черкас», шатающихся между царем, королем и султаном, входит в

пословицу в Великой России. Благодаря этому непостоянству затягивается разорительная война с Польшею, начинается опасная война с Турциею, а черкасы все продолжают менять гетманов, все продолжают посылать на них доносы в Москву. Не поверил царь Алексей Михайлович доносу на Выговского, и Выговский изменил; верно, казалось, служил боярин и гетман Брюховецкий – и тот изменил; наученные опытом, доносу на Многогрешного уже поверили, доносу Самойловича поверили или по крайней мере уступили желанию озлобленной на гетмана старшины, и вот стали говорить, что поверили доносам напрасно, оба гетмана свергнуты по клевете. Русскому правительству не приходилось оставаться долго в таком унижительном положении, быть игрушкой в руках козацкой старшины. Тяжелые обстоятельства времени царя Алексея, Федора Алексеевича и правление Софьи не позволяли русскому правительству думать о преобразовании безурядного быта Малороссии, но с обнаружением самостоятельной деятельности Петра на козаков малороссийских, преимущественно на их начальных людей, напал страх: царь, который с такой энергиею, не знающею препятствий, вводит преобразования в Великой России, неужели оставит Малую при ее прежнем быте? И вот началось для старшины тревожное, мучительное состояние, ежедневное ожидание перемен, при которых уже, конечно, нельзя будет распорядиться так, как прежде распорядились.

В такое-то критическое время гетманом обеих сторон Днепра Войска Запорожского был Мазепа. Ни один гетман не пользовался таким уважением в Москве, как он. Петр знал хорошо затруднительное положение гетмана в Малороссии и тем более ценил способности и усердие Мазепы, умевшего исполнять царские повеления. Мазепа не получил и, конечно, не добивался, как Брюховецкий, сана боярского, нелюбимого в Малороссии и потерявшего свое прежнее значение в Великой России, но Петр сделал гетмана одним из первых кавалеров новоучрежденного ордена Андрея Первозванного; король Август, в угоду царю, прислал Мазепе свой орден Белого Орла. Сановники, управлявшие Посольским и вместе Малороссийским приказом, относились к гетману чрезвычайно почтительно. Столкновение с царским дядею, Львом Кириловичем Нарышкиным, не имело для Мазепы никаких вредных последствий. У Нарышкина была карлица, родом малороссиянка, которая уехала к себе на родину и не хотела возвращаться назад в Москву. Старик сильно разогорчился и с угрозами требовал у Мазепы, чтоб тот выдал ему карлицу. Гетман по этому случаю писал Головину: «Если б та карлица была сирота безродная, не имеющая так много, а наипаче знатных и заслуженных козаков родственников своих, тогда бы я для любви боярина его милости, множество грехов покрывающей, хотя бы и совести моей христианской нарушил (понеже то есть не безгрешно, кого неволею давати или даровати, когда ж она не есть бусурманка и невольница), приказал бы я ту карлицу, по неволе в сани кинув, на двор его милости к Москве допроводить. Но она хотя карлица, возрастом и образом самая безделица, однако роду доброго козацкого и заслуженного, понеже и отец ее на службе монаршеской убит: для того трудно мне оной карлице неволею и насилие чинить, чем бы самым наволоком на себя плачливую от родственников ее жалость и от сторонних людей в вольном народе порицание». Карлицу взяли помимо гетмана, который и успокоился.

Со стороны Москвы бояться было нечего Мазепе: царь любил его, уважал и никаким доносам на него не верил. Несмотря на то, положение гетмана было

тяжело, ибо это было положение между двух огней: между требованиями государства, с одной стороны, и между требованиями людей, вовсе не привыкших подчиняться требованиям государства. Петр требовал, чтоб Малороссия приняла одинаковое участие с Великою Россиею в войне шведской; приказывал гетману двигаться в польские владения на помощь королю Августу, требовал козачьих полков в Ингрию, в Лифляндию, посылал их к Паткулю в Польшу, заставлял козаков укреплять Киев. Все это возбуждало сильное неудовольствие, особенно при страхе преобразований; не говоря уже о неудовольствии запорожцев по поводу построения крепости Каменного Затона. Мазепа изворачивался как мог, мог роптать, жаловаться на свое положение, но подчинялся силе обстоятельств и, конечно, умер бы верным слугою царским, если б судьба не привела к русским границам Карла XII.

Перед глазами старого гетмана, хваставшегося своею опытностию, искусством житейским, окончательно разыгрывалась страшная борьба. На одной стороне был непобедимый король с непобедимым войском, на другой – царь, лучше других сознававший недостаточность своих средств в борьбе, после тяжкого поражения под Нарвою постоянно избегавший встречи с страшным врагом и теперь отступавший перед ним и пославший укреплять старую свою Москву. Какой помощи после того ждать от царя для Малороссии? Может ли эта страна противиться врагу собственными силами и, главное, захочет ли при том сильном неудовольствии на Москву и на царя? Если это неудовольствие выскажется в приход врага, что станется с гетманом, верным слугою царским? Какая же охота погибать и из-за чего? В последнем вопросе заключалась сущность дела. Умей гетман отвечать на него положительно – он остался бы верен России в годину испытания. Но Мазепа, который в Москве считался драгоценным исключением, человеком, преданным царю и царству среди непостоянных, шатающихся черкас, Мазепа вовсе не был исключением; Мазепа не был представителем той массы малороссийского народа, для которой православие было началом, не допускавшим никаких сделок, для которой всякий иноверец был враг, а лях-католик враг непримиримый, для которой мысль о возможности соединения с Польшею была нестерпима: Мазепа был именно представителем этого испорченного поколения шатающихся черкас; мы знаем его воспитание; слуга польского короля смолоду, бедою занесенный на Украину к козакам, слуга Дорошенка, следовательно, присяжник турецкого султана, потом случайно перекинутый на восточный берег Днепра, слуга гетмана Самойловича и потому присяжник царский, Мазепа так часто переменял присягу, что эта перемена стала ему за обычай, и если он был верен, то только по расчету. Вот почему Мазепа ответил отрицательно на представившийся ему вопрос: из-за чего погибать? Когда нет внутренних могучих побуждений жертвовать всем чему-нибудь, не колеблясь, не рассчитывая, тогда обыкновенно ищут и легко находят причины, почему не надобно жертвовать. При московском подданстве одни только неприятности, неизвестно, придется ли умереть гетманом; честолюбивый фаворит Меншиков под хмельком проговаривается; с помощью шведского короля можно и облегчить положение Малороссии, и устроить собственные дела, а если что-нибудь не так, можно помириться с царем.

В 1705 году, когда Мазепа стоял лагерем под Замостьем, явился к нему какой-то Францишек Вольский с тайными предложениями от короля Станислава

Лещинского; Мазепа, выслушав его наедине, призвал стрелецкого полковника Анненкова, постоянно находившегося при гетмане, велел ему взять Вольского за караул, допросить с пыткой о неприятельских намерениях и потом отослать в окопах в Киев к тамошнему воеводе, а прелестные письма Станиславовы отослал к царю при следующем собственном письме: «Уже то на гетманском моем уряде четвертое на меня искушение, не так от диавола, как от враждебных недоброхотов, ненавидящих вашему величеству добра, покушающихся своими злохитрыми прелестями искушить мою неизменную к в. в-ству подданскую верность и отторгнуть меня с Войском Запорожским от высокодержавной в. в-ства руки. Первое от покойного короля польского Яна Собеского, который шляхтича Доморацкого присылал ко мне с прелестными своими письмами: Доморацкого и письма я тогда же отослал в приказ Малые России. Второе от хана крымского, который во время возвращения от Перекопи с князем Василием Голицыным прислал ко мне пленного козака с письмом, в котором уговаривал, чтоб я или соединился с ним, или отступил от войск ваших и не давал им никакой помощи. Письмо это я тогда же вручил князю Голицыну. Третье от донцов раскольников Капитонов, от которых приезжал ко мне в Батуриин есаул донской, склоняя к своему враждебному замыслу, чтоб я с ними ополчился на вашу державу Великороссийскую, обещая, что и хан крымский со всеми ордами придет на помощь: есаула я отослал тогда же для допроса в Москву. А теперь четвертое искушение, от короля шведского и от псевдокороля польского Лещинского, который прислал из Варшавы в обоз ко мне шляхтича Вольского; я приказал расспросить его с пыткой и расспросные речи посылаю ко двору в. в-ства, а его самого, Вольского, для того не посылаю, что дорога небезопасна: боюсь, чтоб его не отбили. И я, гетман и верный вашего царского величества подданный по должности и обещанию моему, на божественном евангелии утвержденному, как отцу и брату вашему служил, так ныне и вам истинно работаю и, как до сего времени во всех искушениях, аки столп непоколебимый и аки адамант несокрушимый, пребывал, так и сию мою малую службишку повергаю под монаршеские стопы». Потом Мазепа перешел на зимние квартиры в Дубно; племянник его Войнаровский с полковником Чернышом находились при государстве в Гродно, а прилуцкий полковник Дмитрий Горленко, в звании наказного гетмана, стоял там же, у Гродно, при армии с двумя малороссийскими полками, своим и Киевским. В это время Мазепа вдруг получает длинное письмо от Горленка, наполненное жалобами на дурное обхождение с козаками великороссийских начальных и подначальных людей; между прочим, Горленко писал, что однажды стащили его и провожавших его с лошадями, которых забрали под подводы, а Иван Черныш прислал к Мазепе копию с царского указа, по которому будто бы два козацкие полка, Киевский и Прилуцкий, посылались в Пруссию для изучения ратного дела и для устройства из них регулярных драгунских полков. Выслушавши эти письма и копию с указа, которые прочел перед ним доверенный его писарь Орлик, Мазепа сказал: «Какого ж нам добра вперед надеяться за наши верные службы? Другой бы на моем месте не был таким дураком, что по сие время не приклонился к противной стороне на такие пропозиции, какие присылал мне Станислав Лещинский!» Спустя несколько времени приезжает в Дубно сам Горленко и рассказывает, что притворился больным и под этим предлогом выпросился из царской армии, подаривши

генералу Ренне несколько добрых коней и 300 ефимков; убежал он таким образом, боясь, чтоб не послали в Пруссию и не устроили в драгуны, за что целое войско козацкое возненавидело бы его, Горленка, как человека, который положил начало этому противному регулярному строю.

Скоро после приезда Горленка в Дубно Мазепа получает приглашение от князя Вишневецкого приехать к нему в Белую Криницу, чтоб быть восприемником его дочери. Мазепа отправился и сблизился там с кумою своею, матерью князя Вишневецкого, по второму мужу княгиню Дольскою, с которою имел дневные и ночные конференции. По возвращении в Дубно Мазепа велел Орлику написать благодарственное письмо княгине, причем послал к ней ключ цифирной азбуки для дальнейшей секретной переписки, и чрез несколько дней получил ответ цифрами: «Уже я послала куда следует с донесением об истинной вашей приязни». В 1706 году будучи в Минске, Мазепа получил еще маленькое цифирное письмо от Дольской, извещавшей, что какой-то король посылает к нему свое письмо. Когда Орлик прочел ему это письмецо Дольской, Мазепа сказал, засмеявшись: «Дурная баба! хочет через меня царское величество обмануть, чтоб его величество, отступя короля Августа, принял в свою протекцию Станислава, помог ему утвердиться на польском престоле, за что обещает подать такие способы, которыми легко может царское величество шведа побить; я уже о том ее дурачестве государю говорил, и его величество смеялся». В Киеве получено новое письмо от Дольской, в котором она просила, чтоб Мазепа начинал преднамеренное дело, чтоб был уверен в скорой помощи от целого шведского войска из Волыни и в исполнении всех своих желаний, на что прищется к нему ассекурация короля Станислава и гарантия короля шведского. Выслушав это письмо, Мазепа, разъяренный, вскочил с постели и начал бранить княгиню: «Проклятая баба обезумела! Прежде меня просила, чтоб царское величество принял Станислава в свою протекцию, а теперь пишет совсем другое; беснуется баба! Хочет меня, искусную, ношеную птицу, обмануть! Пропал бы я, если б дал себя бабе обмануть; возможное ли дело, оставивши живое, искать мертвого, и, отплыв от одного берега, другого не достичь. Станислав и сам не крепок на своем королевстве, Речь Посполитая раздвоена: какой же может быть фундамент безумных прельщений той бабы? Состарился я, служа царскому величеству, и нынешнему, и отцу, и брату его верно, не прельстили меня ни король польский Ян, ни хан крымский, ни донские козаки, и теперь, при кончине веку моего, единая баба хочет меня обмануть!» Сказавши это, Мазепа сжег письмо и велел Орлику написать ответ: «Прошу вашу княжью милость оставить эту корреспонденцию, которая меня может погубить в житии, гоноре и на субстанции; не надейся, не помышляй о том, чтоб я при старости моей верность мою царскому величеству повредил».

Долго после этого не было цифирных писем от Дольской, но вот опять пришло письмо: баба ловко закинула сеть на искусную, ношеную птицу! Княгиня писала из Львова, рассказывала, как она крестила у кого-то ребенка с царским фельдмаршалом Борисом Петр. Шереметевым, вместе потом обедали; она сидела за столом между Шереметевым и генералом Ренне; в разговоре упомянула она случайно имя Мазепы, отозвавшись о нем с похвалою; Ренне сказал ей на это: «Умилосердись, господи, над этим добрым и разумным господином; он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет, отставя его,

сам в Украине быть гетманом». Шереметев подтвердил слова Ренне. Дольская спросила: «Для чего ж никто из добрых приятелей не предостережет гетмана!» «Нельзя, – отвечал Шереметев, – мы и сами много терпим, но молчать принуждены».

Птица попалась. Выслушав письмо, Мазепа сказал Орлику: «Знаю я и сам очень хорошо, что они и об вас, и обо мне думают, хотят меня уkontентовать княжением Римского государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города под свою область захватить и воевод или губернаторов в них поставить, а если бы воспротивились, за Волгу перегнуть и своими людьми Украину населить. Сами вы слышали, чего вам надеяться, когда князь Александр Данилович в квартире моей в Киеве во время бытности царского величества на ухо мне говорил: пора теперь за этих врагов приниматься! В другой раз слышали вы, как тот же Александр Данилович публично княжения себе Черниговского просил, чрез которое стелет путь к гетманству». Расходился старый гетман, припомнил все свои обиды; вспомнил великое себе уничижение и поругание, когда царь в 1706 году послал Меншикова с кавалериею на Волынь, а ему, Мазепе, приказал идти за ним и исполнять его приказания. «Не так бы мне печально было, – говорил Мазепа, – когда бы меня дали под команду Шереметеву или иному какому великоименитому и от предков своих заслуженному человеку». Вспомнил гетман и второе поругание и обман все от того же Меншикова: положил с ним Меншиков на слове – выдать замуж сестру свою за племянника гетманского Войнаровского, но когда потом Мазепа напомнил Меншикову об этом, то он отвечал: «Нельзя, царское величество сам хочет на сестре моей жениться». «Свободи меня, господи, от их господства!» – закончил свои жалобы Мазепа и велел Орлику написать Дольской с благодарностию за приязнь и предостережение.

Упомянутый Мазепою случай, когда Меншиков шептал ему на ухо об искоренении старшины, происходил таким образом: в 1706 году в Киеве просил гетман царя к себе на обед, после обеда Меншиков, будучи немножко *шумен*, взял Мазепу за руку, сел с ним на лавку и, наклонясь к нему, сказал на ухо, но так громко, что близ стоявшие старшины могли слышать: «Гетман Иван Степанович, пора теперь приниматься за этих врагов!» Мазепа отвечал ему на ухо, но так громко, что все опять могли слышать: «Не пора!» Меншиков продолжал: «Не может быть лучшего времени, как теперь, когда здесь сам царское величество с главною армиею». Мазепа отвечал: «Опасно будет, не конча одной войны с неприятелем, другую начинать, внутреннюю». Меншиков сказал на это: «Их ли, врагов, опасаться и щадить? Какая от них польза царскому величеству! Прямо ты верен государю, но надобно тебе знамение этой верности явить и память по себе в вечные роды оставить, чтоб и будущие государи ведали и имя твое ублажали, что один такой был верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил». В это время царь встал с своего места, и разговор Меншикова с Мазепою прекратился. Гетман, проводивши царя и возвратившись с старшиною и полковниками во внутреннюю свою комнату, говорил им: «Слышали все? Всегда мне эту песенку поют, и на Москве, и всюду; не допусти им только, боже, исполнить, что думают».

С этих-то пор начался ропот между полковниками, который все более и более усиливался вследствие военных тягостей. Началась постройка Киево-Печерской крепости; чрез малороссийские города то рекрут ведут в главную армию, то

начальные люди едут, то многочисленные обозы движутся; полковники беспрестанно являются к гетману с жалобами, что приставы у крепостного строения козаков палками по головам бьют, уши шпагами отсекают; что козаки, оставивши дома свои, сенокосы и жнитво, терпят на царской службе зной солнечный, а там великороссийские люди дома их грабят, разбирают и палят, жен и дочерей насилуют, коней и скотину и всякие пожитки забирают, старшину бьют смертными побоями. Миргородский полковник Даниил Апостол говорил Мазепе: «Очи всех на тебя обращены, и не дай боже над тобой смерти: тогда мы останемся в такой неволе, что и куры нас загребут». Прилуцкий полковник Горленко говорил: «Как мы за душу Хмельницкого всегда бога молим и имя его блажим, что Украйну от ига ляцкого свободил; так, наоборот, и мы, дети наши и вечные роды душу и кости твои будем проклинать, если нас по смерти своей в такой неволе оставишь». В 1707 году Мазепа поехал к государю в Жолкву, был на военном совете. Неизвестно, чем его там обидели, только после совета не пошел он обедать к царю, и у себя целый день ничего не ел, и говорил: «Если бы я богу так верно и радетельно служил, то получил бы наибольшее мздовоздаяние, а здесь, хотя бы в ангела превратился, не мог бы за службу и верность свою никакой получить благодарности». На другой или третий день приносят письмо Меншикова к компанейскому полковнику Танскому. Мазепа, прочтя письмо, вскочил в бешенстве с своего места, потому что в письме было приказание Танскому идти к Меншикову. «Может ли быть большее поругание, посмеяние и унижение моей особе? – кричал гетман. – Всякий день князь Александр Данилович со мною видится, всякий час со мною *конверсует* и, не сказавши мне ни единого слова, без моего ведома и согласия, ордонансы людям регименту моего посылает! И кто же там Танскому без моего указа месячные деньги и провиант выдаст? И как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу? А если б пошел, то я б его велел, как пса, расстрелять. Боже мой! ты видишь мою обиду и унижение». Тут, как нарочно, приезжает иезуит Заленский с предложениями перейти на сторону Карла и Станислава Лещинского, и Мазепа не подвергает его пытке, не отправляет к царю. А между тем неудовольствия между старшиною и полковниками становятся все сильнее и сильнее. Приходит царский указ об устройении козаков наподобие слободских полков; старшина и полковники в отчаянии, только и разговоров, что это переход к устройению в драгуны и солдаты, страшный ропот, собрания у обозного Ломиковского, особенно у миргородского полковника Апостола, советуются о способах, как защитить вольность малороссийскую от насилий московских, читают Гадяцкий договор, заключенный при переходе Выговского на польскую сторону. Мазепа ни в чем не принимает участия, молчит и ждет: искусная, ношенная птица!

16 сентября 1707 года в Киеве Мазепа получил вместе с письмами от княгини Дольской и письмо от Станислава Лещинского. Взявши это письмо из рук Орлика, распечатавшего конверт, гетман, видимо, испугался, письмо выпало из рук его. «О проклятая баба, погубит меня!» – промолвил он; долго после того сидел молча, задумавшись, наконец сказал, обращаясь к Орлику: «С умом борюсь: посылать ли это письмо к царскому величеству или нет? Завтра посоветуемся об этом, а теперь ступай домой и молись богу, да яко же хочет устроить вещь, может, твоя молитва приятнее моей, потому что ты по-христианству живешь. Бог сам весть, что я не для себя делаю, но для вас всех и жен и детей ваших». Была ночь. Орлик,

возвратясь домой, взял два рубля денег и пошел раздавать их монахам и монахиням, нищим, калекам, которые лежали в шалашах и богадельнях печерских, чтоб бог избавил его от беды. Бранили его нищие, когда он ночью стучался к ним в шалашах, думали сначала, что вор. На другой день, 17 сентября, Орлик рано уже был у Мазепы и застал гетмана сидящим в конце стола, и перед ним крест с животворящим древом; увидавши Орлика, Мазепа начал говорить: «Так как теперь перед тобою не могло то утаиться, то пред всеведущим богом протестуюсь и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, не для большого обогащения и не для иных каких-нибудь прихотей, но для вас всех, для жен и детей ваших, для общего добра матки моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа малороссийского и для повышения и расширения прав и вольностей войсковых хочу то при помощи божией чинить, чтоб вы так от московской, как и от шведской стороны не погибли. А если бы я для каких-нибудь приватных моих прихотей то дерзал чинить, побей меня, боже, и невинная страсть Христова на душе и на теле». Проговоривши это, поцеловал крест и, обратившись к Орлику, сказал: «Надеюсь я на тебя крепко, что ни совесть твоя, ни цнота (добродетель), ни почтивость, ни природная кровь шляхецкая не допустит тебя, чтоб мне, пану и благодетелю своему, изменил; однако, для лучшей конфиденции, присягни». Орлик присягнул, но заметил: «Ежели виктория будет при шведах, то вельможность ваша и мы все счастливы, а ежели при царе, то и мы пропадем, и народ погубим». Мазепа отвечал: «Яйца курицу учат! Или я дурак прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будет в состоянии не только Украины, но и государства своего от потенции шведской оборонить. Уже я в Жолкве предлагал царю, что ежели король шведский и Станислав с войсками своими разделятся и первый пойдет в государство Московское, а другой в Украину, то мы войском нашим бессильным, частыми походами и войною зруинованным, не можем оборониться, и просил царя, чтоб нам хотя 10000 от войск своих регулярных в сукурс дал, но царь мне отвечал: не только десять тысяч, и десяти человек не могу дать, обороняйтесь сами как можете. Это меня заставило послать ксендза Тринитара, капелляна княгини Дольской, в Саксонию, чтоб там, видя мою к себе инклинацию, по-неприятельски с нами не поступали; однако верность мою к царскому величеству до тех пор буду непременно продолжать, пока не увижу, с какою потенцією Станислав к границам украинским придет и какие будут войск шведских в государстве Московском прогрессы, и если не сила наша будет боронить Украины и себя, то для чего же имеем сами в погибель лезть и отчизну погубляти?» Станиславу Мазепа отвечал 18 сентября, что указа его не может исполнить и что-либо начать по следующим причинам: 1) Киев и другие фортеции в Украине великими гарнизонами осажены, под которыми козаки, как перепелица от ястребов, не могут головы поднести. 2) Потенция вся царская в Польше, недалеко от Украины. 3) В Украине начальные и подначальные, духовные и мирские, как разные колеса, не в единомысленном согласии: одни благоволят к протекции московской, другие склонны к протекции турецкой, третьи любят побратимство татарское, чиня то с природной к полякам антипатии. 4) Самусь с прочими полковниками, по недавних бунтах, опасаясь от войск польских отмщения, едва ли могут склониться к Речи Посполитой: для того надобно прежде стараться войско и целый народ по обеим сторонам Днепра привести к

единомыслию. 5) Гетман имеет всегда при себе несколько тысяч войска великороссийского, которое бодрим оком смотрит на все его поступки. 6) Речь Посполитая еще раздвоена. Одно обещал Мазепа: не вредить ни в чем интересам Станислава и войскам шведским.

Слабый, замешанный в борьбу между сильными, Мазепа искал спасения себе и отчизне, матке Украине, в хитрости, двоедушый, не хотел разрывать с царем, а между тем на всякий случай сносился с Станиславом. Но эти сношения могли ли оставаться тайною в Малороссии, знаменитой тогда доносами на гетманов? Искусная, ношенная птица, Мазепа знал это очень хорошо и не переставал трепетать с тех пор, как завел сношения с врагами царскими. Орлик знал тайну, и гетман боялся Орлика, говорил ему: «Смотри, Орлик, додержи мне верность! Ведаешь ты, в какой я у царского величества милости, не променяют там меня за тебя; я богат, а ты беден, а Москва гроши любит; мне ничего не будет, а ты погибнешь». Но донес на Мазепу не Орлик.

Мы уже встречались в нашем рассказе с генеральным судьей Кочубеем, видели, как падало на него подозрение по поводу замыслов свойственника его Петрика. Подозрение оказалось неосновательным, Кочубей продолжал оставаться с прежним значением и даже сблизился, породнился с гетманом: одна из дочерей его вышла замуж за племянника Мазепина, Обидовского; у Кочубея была еще другая дочь, Матрена, крестница гетманская. Мазепа, овдовевши, вздумал жениться во второй раз, несмотря на преклонные лета, и сделал предложение крестнице своей Матрене Кочубеевой. Отец и мать отказали на основании церковного запрещения. Но дочь смотрела иначе на дело: овладела ли девушкою странная, хотя и не беспримерная страсть к старику, стоявшему выше других не по одному гетманскому достоинству, или действовало честолюбие, желание быть гетманшею, – только она позволила себе убежать из отцовского дома в гетманский. Возвратившись назад по настоянию Мазепы, она продолжала с ним переписку. Некоторые письма гетмана любопытны, например: «Мое серденко! Зажурилися, почувши от девки (присланной Матреною) такое слово, же ваша милость за зле на мене маешь, же вашу милость при себе не задержалем, але одослал до дому; уважь сама, щоб с того виросло: першая: щоб твои родичи по всем свете разголосили, же взяв у нас дочку у ноче кгвальтом и держит у себе место подложнице. Другая причина, же державши вашу милость у себе, я бым не могл жадною (никакою) мерою витримати (удержаться), да и ваша милость также, мусели бисмо (должны были бы) изсобою жити так, як малжинство (брак) кажет, а потом пришло бы неблагословение од церкви и клятва, жебы нам с собою не жити. Где ж бы я на тот час подел, и мне б же чрез тое вашу милость жаль, щоб есть на потом на мене не плакала». Другое письмо: «Мое сердце коханое! Сама знаешь, як я сердечне шалене (безумно) люблю вашу милость; еще никого на свете не любив так; мое б тое щастье и радость, щоб нехай ехала да жила у мене, тилко ж я уважав, який конец с того может бути, а звлаща (особенно) при такой злости и заедлости твоих родичов? Прошу, моя любенко, не одменяйся ни в чом, яко юж не поеднокрот слово свое и рученку дала есь, а я взаємне, пока жив буду, тебе не забуду».

Отослав Кочубеевну домой, Мазепа этим не помешал ее родителям разголосить о похищении и позоре. На упреки отца он отвечал следующим письмом: «Пан Кочубей! Пишешь нам о каком-то своем сердечном горе, но

следовало бы тебе жаловаться на свою гордую, велеречивую жену, которую, как вижу, не умеешь или не можешь сдерживать: она, а никто другой причиною твоей печали, если какая теперь в доме твоём обретается. Убегала св. великомученица Варвара пред отцом своим, Диоскором, не в дом гетманский, но в подлейшее место, к овчарам, в расселины каменные, страха ради смутного. Не можешь никогда быть свободен от печали и обеспечен в своем благосостоянии, пока не выкинешь из сердца своего бунтовничьего духа, который не столько в тебе от природы, сколько с подущения женского, и если тебе и всему дому твоему приключилась какая беда, то должен плакаться только на свою и на женину проклятую гордость и высокоумие. Шестнадцать лет прошалось великим и многим вашим смерти достойным проступкам, но, как вижу, терпение и доброта моя не повели ни к чему доброму. Если упоминаешь в своем пашквильном письме о каком-то блюде, то я не знаю и не понимаю ничего, разве сам блудишь, когда жонки слушаешь, потому что в народе говорится: *Gdzie ogon rżondzi tam pewnie głowa blondzi* (где хвост управляет, там голова в ошибки впадает)».

После таких объяснений разгорелась непримиримая вражда. Мазепа, получая известия, что мать мучит его возлюбленную, кричал о мщении. «Сам не знаю, – писал он Матрене, – що з нею, гадиною, чинити? Дай того бог з душею разлучив, хто нас разлучает! Знав бы я, як над ворогами помститися, толко ти мене руки звязала. Прошу и велце, мое серденко, яким колвек способом обачься зо мною, що маю с вашей милостью далее чинити; боюж болш не буду ворогам своим терпети, конечно одомщение учиню, а якое, сама обачишь».

Кочубей спешил предупредить гетмана.

В сентябре 1707 года в страшном Преображенском приказе сидел его начальник, князь Федор Юрьевич Ромодановский с товарищами; перед ним стоял монах и рассказывал: «Я из севского Спасского монастыря иеромонах, зовут меня Никанором; в нынешнем июле месяце ходил я на богомолье в Киев с товарищем монахом Трифилием и крестьянином того же Спасского монастыря. На возвратном пути в Батурине сели мы на базаре на площади за городом возле земляного вала; тут подошел к нам батуринский козак, расспросил, кто мы такие, и позвал нас к наказному гетману Василью Кочубею, говоря, что Кочубей к странным и прохожим людям милостив. Мы, по тем его словам, пошли к Кочубееву дому и зашли наперед к вечерне в церковь Введения. В церкви была жена Кочубеева, Любовь, и как шла она после службы к себе в сад, мы ей поклонились; она спросила нас – что за люди? Позвала к себе ужинать и ночевать и приказала челяднику своему отвести нас к мужу в хоромы, где хлопцы пели вечерню без священника. Кочубей спросил нас, кто мы такие? Дал нам по шести денег, велел накормить и отвести избу на ночь. Переночевавши, ходили мы к заутрени в ту же церковь Введения. Прилучился день воскресный; самого Кочубея в церкви не было, но жена его была, и когда мы ей кланялись за то, что у них в доме ночевали, и сказали ей, что идем домой, то она стала нас унимать, чтоб отслушали у них в церкви обедню и обедали бы у них, но мы ей сказали, что обедню будем слушать в гетманской каменной церкви, что в замке. Но когда перед обеднею мы были на базаре, покупали харчи на дорогу, подошел к нам Кочубеев челядник и стал опять звать к обедни и обедать к своему пану. Мы послушались, отстояли обедню у Кочубея, и потом пошли к нему на двор обедать, и обедали вместе с большим Кочубеевым сыном, Васильем, за одним столом, а товарищ наш,

крестьянин, обедал за особым столом с челядниками. После обеда, выспавшись, Кочубей позвал нас к себе в хоромы, меня и Трифилия, без крестьянина; пришла жена его из других хором, принесла по холсту польского полотна да по два полотенца и нас обоих подарила, а сам Кочубей дал мне два рубля денег в монастырь архимандриту с братьею на милостыню, мне одному дал ефимок, а Трифилию чехами семь алтын да обоим нам в дорогу большой пирог. Принявши все это, мы стали с ними прощаться, но Кочубей унял нас у себя ночевать и, взявши у нас свои дары, положил в той же светлице на стол и накрыл ковром, а нас послал с челядником в особую светлицу ночевать. На другой день после заутрени и обедни челядник позвал к Кочубею в сад одного меня, в саду был Кочубей с женою вдвоем; увидав меня, позвали к себе, а челяднику велели выйти вон; ввели меня в шатер, в шатре образ богородицы, писан на полотне живописным письмом в черной раме, и перед этим образом начал Кочубей мне говорить: „Можно ли тебе верить, хотим мы с тобою говорить тайное, не пронесешь ли кому?“ Я, смотря на образ и перекрестясь, сказал: о чем вы будете мне говорить, не пронесу никому. Тут Кочубей с женою начали гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездельник он бл... сын и беззаконник! Я у них спросил: за что они гетмана бранят и какой он беззаконник? И они говорили: хотел он нашу родную, а свою крестную дочь взять замуж; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и он, зазвавши ее к себе в гости, изнасиловал. После этих слов жена Кочубеева послала мужа из саду на двор к челобитчикам, а сама вышла со мною из шатра, взяла меня за руку и, идя со мною по саду, говорила: такой он, гетман, вор, хотел нас разорить. Был он у нас в доме на именинах мужа моего, 1 января, и говорил нам, для чего мы своей дочери за него не отдали? И я ему го верила: полно тебе коварничать! Не только ты дочь нашу изнасиловал, ты и с нас головы рвешь, будто мы с мужем переписывались в Крым. Гетман меня спросил: почему вы знаете, что я это за вами ведаю? И я ему говорила: писарь твой, умирая, дал мужу моему письмо своей руки, что ты на нас затевал, именем мужа моего писал в Крым, и гетман мне сказал: вольно вам на мертвого моего писаря лгать, письму его я не верю. Если бы, говорила Любовь Кочубеева, великий государь шел чрез Батурин, то я бы на гетмана сама побилась челом и обо всем донесла.

Этим разговор наш с нею кончился; опять обедали мы с Кочубеевым старшим сыном, и после обеда на прощанье Кочубей сказал мне, чтоб я приезжал к нему вместе с архимандритом, а он даст нам в монастырь вкладу, лошадей, коров, овец, а если архимандрит не поедет, то я бы и один приезжал поскорее. Архимандрит не поехал, потому что он в Севске ведает духовные дела, а послал к Кочубею меня да Трифилия, послал с нами заздравные просвиры да шесть хлебов. 26 августа приехали мы в Батурин, поднесли Кочубею просвиры, хлебы и ночевали у него. На другой день поутру рано пришла к нашим светлицам какая-то женщина, велела мне выслать Трифилия и крестьян, приехавших вместе с нами, и сказала: велел тебе наказной гетман Кочубей ходить к себе без обсылки, усмотря, как у светлиц его людей не будет, а как к нему в светлицы пойдешь, у светлиц двери запирай. Я в то же число в полдни пошел к нему и, идучи у сеней и у светлиц, прошед три жилья, двери запер закладками и крючьями, и пришел до его спальни, у которой двери завешаны были ковром. Когда я сотворил Иисусову молитву, Кочубей вышел ко мне из спальни один, спросил, нет ли кого со мною других людей и

заперты ли все двери? Сам пошел осмотреть, вправду ли все двери заперты, и, возвратясь, заставил меня целовать крест, что я не пронесу ничего, что он мне будет говорить. Тут пришла жена его. Любовь, принесла крест благословящий, писанный на деревянной доске, и говорила с великим плачем: как бог страдал на кресте за нас, так и нам надобно умереть за великого государя! Все мы трое поцеловали крест, и Кочубей стал мне говорить: гетман Иван Степанович Мазепа хочет великому государю изменить, отложиться к ляхам и Московскому государству учинить пакость великую, пленить Украйну, государевы города. Я спросил: которые города хочет пленить? Кочубей отвечал: об этом я скажу, а ты ступай в Москву и донеси боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину немедленно, чтоб гетмана захватить в Киеве, а меня бы убережь, чтоб гетман меня не убил. И дал он мне семь золотых червонных да 12 ефимков на наем подвод, и я для того извету и приехал в Москву».

Прошло четыре месяца, дело потухло в Москве, но разгорелось в Малороссии в начале 1708 года. Киевский воевода князь Дм. Мих. Голицын переслал Головкину письмо ахтырского полковника Федора Осипова от 16 февраля. Полковник писал, что 8 февраля в Ахтырку приехал тайно полтавский спасский поп Иван Святайло от бывшего полтавского полковника Ивана Искры и потребовал, чтоб полковник повидался с Искрою для нужного государева дела. Полковник съехался с Искрою в пасеке своей над речкою Коломаков; Искра, под именем божиим и под клятвою душевною, являя верность к великому государю генерального судьи Василия Кочубея и свою, сказал: «Послал меня Кочубей изъявить тайну, что гетман Иван Мазепа, согласившись с королем Лещинским и с Вишневецким, умышляет на здравие великого государя, как бы его в свои руки ухватить или смерти предать. Хотел он это сделать во время приезда в Батуриин Александра Кикина: гетман думал, что под именем Кикина приедет сам государь, и велел, как будто для встречи, поставить своих верных жолнеров и слуг, которые у него от короля Лещинского, с заряженными ружьями, и приказал им, как государь войдет во двор, выстрелить в него; узнавши же, что царского величества тут нет, один Кикин, велел жолнерам разойтись. И теперь всячески старается и на том положил, чтоб государя предать смерти или, схватив, отдать неприятелю. В прошлый Филипов пост, собравшись с полками своими, хотел идти войною на великороссийские города, и это злое намерение не сбылось за оттепелью, река Днепр не стала. Теперь умышляет, как бы ему Днепр с полками перейти и в Белую Церковь убраться; совокупясь с полками той стороны и соединясь с королем Лещинским или Вишневецким, хочет государеву державу разорить. А полки той стороны давно ему присяжны, для того он их там и населил; все свои скарбы и пожитки одни за Днепр выпроводил, другие с собою возит. Во всех полках regimentу своего, будто по именному государеву указу, велел брать поборы великие с козаков, чего никогда не бывало, с каждого козака от коня по талеру, а от вола по копе, и то делает от злохитрия своего, как бы народ отягчить и возмутить, а особо с мещан взял на жалованье сердюкам. Да и такое в народе возмущение разгласил, будто царское величество велел козаков писать в солдаты, и уже голода готова втайне и на шатость ждет его повеления. А Войско Запорожское, тайно подсылая, прельщает и страшает, будто царское величество, не любя их, велит разорить и место их опустошить, а запорожцы, испуганные, готовы к войне. Старшина генеральная и полковники, хотя подозревают и ведают про его злое

намерение, однако известить великому государю не смеют, одни – по верности к гетману, другие – из страха, третьи – видя к нему милость государя, что не поверит. А лучше всех про то знает ближний его секретарь, генеральный писарь Орлик, через которого всякие тайны и пересылки отправляются. Кочубей и Искра царскому величеству доносят и милости просят, чтоб сие верное доношение до времени у царского величества было укрыто для того, что некто из ближних секретарей государевых и князя Александра Даниловича ему о всем царственном поведении доносят и о сем если уведают, тотчас ему дадут знать. Теперь Кочубей, отбиваясь от судейства, чтоб ему не быть при гетманской измене, притворился больным и живет в имении своем Диканьке, а Искра живет в Полтаве, с собою в поход гетман его не взял, потому будто в войске он не потребен»

Ахтырский полковник не удовольствовался тем, что дал знать о деле киевскому воеводе; от 23 февраля Петр. получил письмо от московского коменданта князя Матвея Гагарина: «Февраля 22 пришли на Красное крыльцо два человека черкас и сказали полковнику, что присланы-де мы из Ахтырки от полковника с великим царственным делом до царского величества, и явили мне три письма: одно подписано на имя твоего величества, второе к сыну твоему, государю царевичу, третье к князю Александру Даниловичу. И в письме сына твоего, государя царевича, написано от ахтырского полковника, что послан писарь от него и с ним приказано на словах донести. И, применяясь к твоим, государевым, указам о подметных письмах, то письмо, которое подписано на твое, государево, имя, чел я, и написано будто об измене господина гетмана, и, выразумев, что се приносят на него неприятели его, отставной полковник, и того, государь, писаря, не расспрашивая поведению того письма, послали его за крепким караулом в Угрешский монастырь, чтоб он того не гласил никому. Сию ведомость явил малому числу господам министрам, и полагают, что взводят то на него по ненависти, и явили мне, что и прежде о нем такие наветы были».

Головкин 9 марта написал ахтырскому полковнику: «Всемиловитейший государь, выслушав дело, изволил милостиво принять, и вас за то уведомление, видя вашу в том верность, премилостиво похваляет, и повелел мне к вашей милости указом своим с сим нарочно посланным господином офицером писать, дабы ваша милость немедленно по получении сего виделись с господином полковником Искрою и объявили ему, что его царское величество верность его и объявление, которое он вашей милости учинил, принял милостиво. И понеже желает его царское величество яко о таком важном деле сам от него, Искры, и от вас о том деле изустно слышать, того ради указал вам собще с ним, господином Искрою, ехать как наискорее чрез Смоленск в войско к его царскому величеству, а до времени извольте сие содержать в высшем секрете, ибо его царское величество желает то зло чрез вас упредить, дабы Малороссийскому краю не произошло какого зла, как и в прошедших летах бывало от такого возмущения и невинных кровопролития». На другой день, 10 марта, отправлено было к Мазепе собственноручное письмо царя: «Пред приездом моим к Москве явился чернец с таким же злом, как и Соломон бывшей, и я о том хотел накрепко разыскивать, от кого то происходит, но скорый мой отъезд в Польшу помешал тому, и для того я сие дело отложил было до свободного времени. Но понеже, как всегда обычай есть, что зло тихо лежать не может, и ныне паки уже не чрез сего чернца, но и чрез особливых посланных явно в том себя явили Кочубей и Искра (бывший

полковник), где, чаю, конечно быть Апостоленку; что я, видев, уже далее отлагать опасаясь, и для того вам сие, яко верному человеку, объявляю, чтоб каким образом оных воров поймать (ибо я чаю в сем деле великому их быть воровству и неприятельской факции), к поиманию же их такое свое мнение объявляю, что мы их присланных отпустим, якобы веря им в том, чтоб оные Кочубей и прочие, будто бы ради лучшего ведения в том деле, сами к нам приехали, ибо ежели б явно послать по них, то б, чаю, конечно ушли, но сим подлогом чаем их приманить, двух, трех, Апостоленка таким образом прибрать же. Посылаю с сим же посланным явное к вам письмо, в котором написано, дабы вы несколько с ним козаков к Быхову послали от себя с добрым командиром, которого командира вы по сему письму учините Апостоленка, и так сим тихим образом всех трех можем в руки получить; к сему же то объявляем, что ежели вы и кроме сего способу можете их всех трех достать, то, не упуская времени, немедленно поймав и сковавонных, к нам пришлите, а ежели чаете, что уйдут, то лучше чрез сей случай, а пока оные попадутся, извольте о сем деле тихо держать, якобы не ведаете о сем. Два полка, которые для скорого похода шведского задержаны были в Смоленску, ныне посылаем немедленно к вам, при сем же просим вас, дабы вы о сем нижадной печали и сумнения не имели».

Между тем сам Кочубей не раз присылал с доносом на Мазепу и требовал, чтоб царь прислал к нему для свидания кого-нибудь из верных особ. Головкин отвечал ему из Бешенкович 11 марта: «Царское величество, рассудя о том, что таких важных дел, кроме знатнейших и верных особ, поверить невозможно, а посылка такой знатной особы в дальнее расстояние не могла б быть тайно, и чтоб не учинить тем подозрения; того ради указал мне к вашей милости писать, дабы ваша милость как наискорее приехал секретно в ближние места к Смоленску, где б я мог с вами видеться и о том деле разговаривать и советовать, дабы то злое начинание возможно было упредить, и какую б верную особу избрать на место того подозрительного, не умешкав; ибо ежели б такая перемена учинилась, а готовой бы особы не было, то б могло из того возмущение и Малороссийскому краю разорение и невинных кровопролитие произойти».

Из Бешенкович Головкин уехал в Витебск и отсюда писал Петру 18 марта: «Сего числа возвратился сюда от гетмана поручик Ушаков и привез от него лист к в. в-ству; он же, гетман, в листу своем ко мне пишет: ваше в-ство изволил ему указать тех воров, в руки поймав, послать к Москве, и надеется на помощь божию, что скоро приберет их в руки; только ежели их посылать к Москве, то боится он, гетман, чтоб не учинилось от полковников (которые им мало не все свойственные) в войску возмущение, которых подлинно тою посылкою может он, гетман, подвигнуть к себе на вражду и ненависть, и нарекут они, не зная подлинно без розыску и обличения их воровства, огласят в народе, что безвинно, с приватной его, гетманской, вражды то чинится, как и наперед сего было на него многое нарекание, когда и не такую знатнейшую особу, но пьяницу Палея, не объявляя его вины, без всякого войскового суда, отослал к Москве, понеже и без того московским его духом называют. Того ради просит гетман, чтоб ваше в-ство повелел тех доносчиков с Москвы или в Киев, или в Батурин прислать и тамо о том воровстве очною ставкою розыскать, чтоб оное всем было явлено и не имели б на него нарекания. Того ради, государь, заблагорассудили мы до гетмана писать, дабы он, когда их в руки получит, не посылал к Москве, а прислал бы в Киев. И

мнится нам, государь, что ежели он, гетман, их всех изловит, то не худо их взять и начало розыску учинить для удовольствия ему, гетману, и малороссийскому народу в Киеве, а потом мочно взять их, куда изволение ваше будет». Петр отвечал ему на это из Петербурга 6 апреля: «Когда получит гетман в руки тех, о которых к нему писано, и чтоб их оной прислал в Киев для нареkania на него от народа, и когда оные будут в Киеве, то лучше там разыскивать князь Дмитрию по прошению гетманскому, и для того и всех их, и письма, и чернеца с Москвы послать в Киев же (только надлежит оных за крепким караулом держать и чтоб солдаты стояли у них из тех двух присланных полков, а не из жилых). А когда тот розыск о гетманском деле кончится, тогда конечно надлежит их взять ближе и о факциях спрашивать, что князь Дмитрию не сделать».

6 апреля Головкин уже извещал Петра, что доносчики отдались в руки правительства, и спрашивал, как с ними поступить? «Получили мы от гетмана Мазепы письмо, что Кочубей и Искра, уведав о приближении посланных его для взятия их к маестности Кочубеевой, Диканьке, ушли сначала на Коломак, где нарочно в пасеке своей Искра сделал для уходу крепость, а потом, увидя, что в оной не могут оборониться, побежали к Самаре, но и тамо, когда посланные гетманские, разделяся, зашли им перед, тогда они, оставя тот путь, ушли в местечко Ахтырского полку, именуемое Красный Кут, и обретаются под защищением ахтырского полковника Федора Осипова. Гетман зело опасается, чтоб ему не пострадать от соумышленников Кочубеевых и Искриных, а наипаче того, дабы они, обретаючись свободно и безопасно в близком от Полтавы расстоянии, видя свою крайнюю погибель, не возмутили против него на убийство народа малодушного чрез сродников своих, которых много есть знатных людей и при нем, гетмане, ныне в Хвастове и во всех полках. И для того зело он просит о посылке туды, в Ахтырку, указу о выдаче их и о присылке оных в Киев для розыску. И мы о сем зело было опечалились, дабы те воры не ушли за рубеж, в Крым или б не пристали к Булавину и запорожцам, но потом обрадовали нас присылкою поручик Озеров и капитан Дубенский, посланные к ним с письмами, что съехались они в местечке Ахтырского полка Богодухове, и тою-де присылкою зело благодарны и, на милость в. в-ства надеясь, едут они купно с ними на Белгород к Смоленску. Просим немедленно указа, где повелишь ими розыскивать, в Смоленске ль или в Киеве, и кому розыскивать? И от гетмана Мазепы требовать ли кого присланного с обличением на них, и, если явится их воровство, укажешь ли их пытать, а сюды, государь, в польские города, кажется, брать их для розыску ради огласки от поляков не надлежит. И мы к гетману о всем том дали знать и обнадежили его вашею милостию и что будут они по приезде в Смоленск окованы, и чтоб он нимало не сомневался о том, чтоб их наветам какая подана была вера».

Петр отвечал 14 апреля: «Розыскивать лучше в Смоленску, а гетману прислать два указа: один тайной, чтоб он ведал про явной и не сумневался о оном, а в явном написать, что извещали на него в некоторых важных делах, и для б того он прислал кого от себя на тот розыск, а сей явной указ для Малороссийского краю, дабы видели, для чего оные держатся и что без суда никому никакого озлобления не чинится, а в Киев ныне посылать опасно, понеже не знаем, куды неприятельские будут обороты, и ежели на Украйну, тогда оных там держать сам знаешь каково». 18 апреля Кочубей, Искра и ахтырский полковник приблизились к

Витебску и остановлены в миле от города на панском пустом дворе; с ними приехали: священник Иван Святайло с сыном, сотник Петр Кованко, крещеный жид Петр Яковлев, ездивший прежде с доносом от Кочубея в Москву, двое писарей, племянник Искры да 8 человек людей. На другой день, 19 апреля, Головкин и Шафиров ездили к гостям и прежде всего занялись расспросом ахтырского полковника, который показал уже известное из письма его к князю Голицыну. Потом был вызван из своей светлицы Кочубей, обнадежен милостию великого государя и спрошен: с чем приехал – пусть объявит? Кочубей подал статьи:

1) в 1706 году говорил гетман мне в Минске наедине, что обещала и уверила его княгиня Дольская, мать Вишневецких, сделать его князем черниговским и Войску Запорожскому выпросить желаемые вольности у короля Станислава, ее близкого родственника; обещала она ему это в селе Белой Кринице на Волыни, где гетман крестил вместе с нею дитя у князя Януша Вишневецкого и говорил с нею много как в доме князя Януша, где пробыли вместе два дня, так и едучи на одних санях от Белой Криницы до Брод. Мазепа хвалился перед всеми, что княгиня Дольская прислала ему постель дорогую и хорошую и музыкантов с инструментами.

2) Однажды бранил Огинского, гетмана польного литовского, говоря: уже все паны от царя отстали, только он один, баламут, держится.

3) Когда в Батурин пришла весть, что король Август, оставивши Польшу, уехал в Саксонию к королю шведскому, то Мазепа сильно обрадовался и сказал в шутку: ох, чего боялись, того не убоялись!

4) В 1707 году, когда получено было известие, что в Пропойске и других городах белорусских литовские люди, бывшие под начальством Синицкого, вышедши из Быхова, перерезали русские отряды, то гетман начал этому смеяться и немерною радостью веселиться, много пил и нас поил, пил здоровье княгини Дольской, говоря: выпьем за здоровье княгини, ее милости, потому что пани знатная и разумная, моя голубка!

5) Говорил мне гетман, что король шведский пойдет из Саксонии в Польшу, а из Польши прямо на Москву, чтоб там поставить другого царя, а под Киев пойдет король Станислав со всеми польскими войсками, при которых будет и шведский генерал Реншольд с своею дивизиею. «И когда, – говорил гетман, – просил я у царя войска для обороны Киева и всей Украйны, то он мне сказал: довольно у вас своих войск, козацких и московских, которые теперь у вас. Так при наступлении короля Станислава придется соединиться с его войсками», – покончил гетман.

6) Когда я пришел просить позволения сделать торжественное обручение дочери моей с Чуйкевичем, то он мне сказал, чтоб я пышного обручения не делал и людей немного сбирал и свадьбою не спешил: как будем с ляхами в единстве, сказал он, то найдется для твоей дочери между ними жених, знатный какой-нибудь шляхтич, который твоей фортуне доброю будет подпорою, ибо хотя бы мы ляхам по доброй воле и не поддались, то они нас завоюют и непременно будем под ними. Я пришел в ужас от этих слов; сказал об них свату Чуйкевичу, и мы положили обвенчать детей наших без откладывания, что и сделали.

7) Сербский епископ Рувим, бывши у гетмана, заехал ко мне и говорил: гетман сильно печалился и слезно плакал, что царь наложил тяжкую подать лошадьми, гетман не знает, что вперед и делать.

8) Дочь моя, выданная за Чуйкевича, крестила вместе с гетманом жидовку; при этом случае Мазепа сказал ей, что Москва крепко старается взять всю малороссийскую Украину.

9) Иезуит Заленский, ректор винницкий, будучи в Киеве, говорил: вы, паны козаки, ничего не бойтесь от шведа, который не на вас собирается, а на Москву. Тот же ксендз говорил: никто не ведает, где огонь кроется и тлеет, но как разом вспыхнет, то пожар этот не легко можно будет потушить.

10) Будучи в Киево-Печерском монастыре, Мазепа запирался с полковниками и читал условия Гадяцкой комиссии, бывшей с ляхами при Выговском в измену его. И если б теперь не было намерения изменить, то зачем читать гадяцкие условия, заключенные с ляхами?

11) В декабре 1707 года пронеслась весть, что господин Кикин едет в Батурин, а вслед за ним сам государь с тем, чтоб гетмана взять в Москву; тогда Мазепа собрал 390 человек сердюков и устроил их при себе под начальством полковника Чечела, намереваясь обороняться и отстреливаться от великого государя, а сначала хотел уехать в Гадяч для защиты. Это верно, потому что преданные слуги гетманские сказывали на другой день, что они прошлую ночь провели с оружием наготове.

12) Ксендз Заленский приезжал на праздник Рождества Христова в Батурин, и пан Орлик, тайно один его встретивши, тайно же проводил в гетманский хутор под селом Бахмачем, откуда ночью порою приезжал ксендз к гетману на Гончаровку.

13) Есть в Полтаве козак Кондаченко, которого он посылал многократно к разным султанам и самому хану с словесными наказами. Мнится, что делал он это для того только, чтоб познакомиться с ними и получить доверие, дабы при удобном случае мог употребить их на свою пользу.

14) Пируя у меня и подвеселившись, когда начали пить за его здоровье, сказал со вздохом: «Благодарствую за приязнь, но что мне за утеха, когда я живу, не имея никогда совершенной надежды своей целости, безо всякого обеспечения, ожидая как вол обуха». Тут же говорил жене моей, хвалил гетманов изменивших, Выговского и Брюховецкого: «Хорошо начали Выговский и Брюховецкий, что хотели из неволи выбиться, но злые люди им в том помешали. И мы хотели бы о своей будущей целости и вольности войсковой промыслить, да не имеем еще теперь способу, особенно же потому, что не все наши в одномыслии находятся: вот и твоему мужу я несколько раз намекал о таких мыслях, как бы нам обеспечить целость нашу на будущее время как для себя, так и для потомства, но он ни одним словом мне не поможет, ни от кого не имею помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность та, что орды не за нас: хан велел отвечать мне, что турецкий султан приказал ему держать орду крепко и ни к кому на помощь не посылать; на орду нет надежды, а тут, в Украине, стоят хорошие московские войска, в Белой Руси хотя и дурные, но много их».

15) Говорил полковникам: может быть, вы думаете, что я намерен гетманство передать Войнаровскому; этого я не желаю; вольно вам будет выбрать на этот уряд кого хотите из среды себя, а Войнаровский проживет и своим отцовским куском, и тем, что я собрал. Я и теперь готов вам уступить гетманство; если между вами есть человек, который бы мог сейчас отчизну свою спасти, я ему уступлю гетманство, а если на меня эту тягость возлагаете, то извольте меня слушаться и

на мой повод смотреть. На турок и татар нет нам никакой надежды, так надобно из другой бочки дело свое начинать, а уговорившись и постановивши на мере, надобно вдруг и за сабли приниматься.

16) Держит при себе слуг породы ляхской и употребляет их для всяких своих посылок, каких ему не позволено без именного указа великого государя.

17) Не исполняет царского указа, которым запрещено пропускать людей на ту сторону Днепра; переселенцев не велел задерживать, а мать его, игуменья, людьми с этой стороны населила великие слободы на той стороне; города и села этой стороны потерпели сильный ущерб в населении, а остальные, уменьшенные в своем числе люди с великим отягчением кормят охотничье войско, и от такой тяжести и последние хотят уходить на западную сторону.

18) На Коломацкой раде положено, чтоб малороссийские люди с великороссийскими женились между собой, но гетман не только жениться, запрещает малороссиянам и звать к себе в гости великороссиян.

19) Укрепления малороссийских городов обветшали, и гетман не заботился о поправке; Батурин двадцать лет стоит без починки, от чего валы около него все осунулись и обвалились, так что и одного дня в нем от неприятеля отсидеться нельзя. Благоразумные особы рассудят, откуда происходит такое нерадение, а Гончаровку свою укрепил и обнес валом для неизвестной цели.

20) Запорожцам грозит и остерегает их, что великий государь велит их истребить.

21) Когда пронеслась весть, что запорожцы, соединясь с татарами, хотят идти под слободские города, то гетман сказал: «Эх, какие-сякие! Если бы что хотели делать, так бы уж делали, а то только разглашают, будто дразнят».

22) Одна близкая к гетману особа при разговоре о войнах с татарами сказала: «Теперь об этом нечего говорить: татары скоро нам понадобятся». 23) Русинович, мещанин львовский, рассказывал в Батурине, что он от Сенявского, Тарла, Хоментовского и Потоцкого письма привозил к гетману; рассказывал, что гетман коронный Сенявский говорил ему: «Разведай, что на Украине делается, и особенно, склонны ли к нам козаки или нет? И предложи самому Мазепе, чтоб был с нами, и пусть козаки будут к нам доброжелательны, если хотят, чтоб им было хорошо, ибо мы наверное знаем, что государь шведов не выдержит и козаки, если при нем останутся, погибнут, а будучи за нами, остались бы в целости и при своих вольностях». Когда я, говорил Русинович, доносил об этом Мазепе, то он отвечал мне: «Бог свидетель, что я панам полякам доброжелателен; не был бы я шляхтичем, не был бы сыном коронным, если б всего добра Короне Польской не желал; вижу я и сам, как государь оскорбил Польшу, он и Украину отяготил; сам не знаю, что с собою делать? Если до чего дойдет, я не смогу удержать козаков на какую сторону устрелятся».

24) Скарб войсковой арендованный без надлежащего надзора находится: это больше гетманский скарб, чем войсковой, как хочет гетман, так его и употребляет, отчего денег запасных в том скарбу нет, только что платят полкам охотничьим да содержат приезжих посланников. Индукта, т.е. сбор мыта, изначала всегда индуктою войсковою называется, а потом отдана была в казну монаршую; я хорошо знаю, что когда в Киеве был на воеводстве боярин Петр Васильевич Шереметев, то у него индукторы откупали индукту и откупные деньги отдавали ему на ратных государских людей, а теперь один гетман 50000 золотых в год

собирает на себя и, только что будет сверх 50 тысяч, из того старшине по несколько сот золотых уделяет. Но для чего этим великим скарбом гетману обогащаться, а не отдать его в казну монаршую на жалованье ратным людям, находящимся в Малороссии? Хотя бы в этом обнаружилась власть великого государя над Малороссиею! И не сыщется ни один человек в войске и в народе, который бы по этой индукте стал скорбеть и тужить, потому что никто бы от этого ничего не потерял, а гетману довольно было бы десяти городов полка Гадяцкого, с которых собирает всякие подати, довольно было бы пяти волостей и значительных сел, приписанных к гетманскому уряду. Не малый доход гетману с порукавичных арендовых, которые теперь умножились, и чрез это умножение аренда стала тяжка простому народу, потому что арендарь, давши большую сумму денег за аренду, дороже продает горелку. Прежде полковников выбирали вольными голосами и позорной симонии было не слышать, а теперь за полковничьи уряды гетман берет взятки: будь хотя самый достойный человек, но если нет у него денег, никогда не получит полковничества, а получит тот, у кого есть деньги.

К доносу Кочубей приложил думу, сочиненную будто бы Мазепою. В этой думе выражается сетование о розни, господствующей между малороссиянами, и призыв добывать права саблею. Вот эта дума.

Дума П. Гетмана Мазепы, в которой знатное против державы великого государя оказывается противление:

Все покою щире прягнут,/ А не в оден гуж все тягнут,/ Той направо, той налево,/ А все братья: то-то диво!/
Не маш любви, не маш згоды,/ От Жовтой взявши Воды./ През незгуду все пропали,/ Сами себе звоевали. /Ей, братица, пора знати,/ Що не всем нам пановати,/ Не всем дано усе знати/ И речами керовати./ На корабель поглядемо,/ Много людей полечимо,/ Однак стирник сам керует,/ Весь корабель управует;/ Пчулка бедна матку мает/ И оной послушает./ Жалься, боже, України!/ Що не вкупе мает сини;/ Оден живет и с погани/ Кличет, сюда атамани!/ Идем матки ратовати!/ Недаимо ей погибати!/ Други ляхом за грош служит,/ По Украйне и той тужит:/ Мати моя старенькая!/ Чом ты велми слабенкая!/ Розно тебе розшарпали:/ Кгди аж по Днепр турком дали:/ Все фортель щоб зслабела,/ И аж вконец сыл немела;/ Третий Москве юж голдует/ И ей верно услугует;/ Той на матку нарекает,/ И недолю проклинает:/ Лепте было не родити,/ Нежли в таких бедах жити./ От всех сторон ворогуют,/ Огнем, мечом руинуют,/ От всех немаш зычливости,/ Ане слушной учтивости;/ Мужиками называют,/ А подданством дорекают,/ Чом ты сыновне учила,/ Чом от себе их пустила?/
Лепше было пробувати,/ Вкупе лихо отбувати,/ Я сим бедный нездолаю,/ Хиба тилко заволаю,/ Ей, панове енерали,/ Чому ж есте так оспали?/
И вы, панство полковники,/ Без жадной полетики,/ Озметесе все за руки /Не допустит горкой муки/ Матце своей болш терпети,/ Нуте врагов, нуте быти./ Санопали набывайте!/ Острых табель добувайте,/ А за веру хоц умрете/ И волностей боронете,/ Нехай вечна будет слава,/ Же през шаблю маем права.

Того же 19 числа спрошен был Искра и объявил, что письмо ахтырского полковника Федора Осипова к князю Голицыну написано с его слов; поехал он к Федору Осипову по совету Кочубея, и доношение их общее, как Кочубеево, так и его. О согласии Мазепы с Лещинским и Вишневецким, о умысле на здоровье царское и что в приезд Александра Кикина Мазепа велел стрелять, — то он все слышал от судьи Кочубея, а сам в то время не был и ни от кого от других о том

секрете не слышал. А про то, будто великий государь повелит козаков писать в солдаты, слышал он, Искра, сам от самого гетмана в Киеве, и при том были полковники миргородский, прилуцкий, черниговский. О прельщении Войска Запорожского и о возмущении их сказывали ему запорожцы, которые часто у него бывають, а иногда и зимуют: сказывали они, что посылал гетман с теми речами трижды хорунжего киевского и велел им будто для опасения от великого государя крепить свой город и никуда не разъезжаться и быть в сборе до указа его.

Самый важный пункт доноса был пункт о злоумышлении на жизнь государя. С него и должен был начаться розыск. 21 апреля Кочубею и Искре дана была очная ставка, так как Искра показал, что о злоумышлении на жизнь государя он слышал от Кочубея, но в донесении Кочубея дело было рассказано не так, как в письме ахтырского полковника к князю Голицыну, писанном со слов Искры: именно в донесении Кочубея не было об умысле Мазепы умертвить царя или, схватив его, отдать неприятелям; также не было о намерении Мазепы идти на великороссийские города. На очной ставке Кочубей сказал, что он Искре о убийстве великого государя в приезд Александра Кикина, и об умысле, чтоб великого государя, поймав, отдать неприятелям, и о походе гетманском на великороссийские города не говорил, а говорил так, как написано в его, Кочубеевом, доношении. Искра сказал, что те слова слышал он от Кочубея, при чем была и жена последнего; тут же Кочубей говорил ему еще, что если бы зима крепка была, то Мазепа и в Филиппов пост разорил бы великороссийские города, а как его, Искру, Кочубей посылал с объявлением к Федору Осипову, то он, Искра, ему, Кочубею, говорил, чтоб обождать, пока явится воровство, и Кочубей сказал, что не надобно ждать. Кочубей говорил, что Искра ему ничего подобного не говорил. Тогда они и люди их были разведены по разным избам и отданы за караул, письма у них и прочее все отобрано и переписано.

В тот же день Искра был приведен к пытке и спрашивается: на гетмана он доносит по чьему наущению? И не по факциям ли, и не по подсылке ль о том какой от неприятеля на извержение гетманское такое зло взвели? Искра отвечал, что никакой подсылки к нему от неприятеля не было и ни за кем того не знает, а подучил его Кочубей тому уже с два года, наговаривая, что делает это по верности своей к царскому величеству, а он, Искра, за гетманом никакой измены не видал и ни от кого не слышал и говаривал Кочубею, чтоб не затевал дела, но Кочубей ему сказал, что хоть умереть, а гетмана обличит. Началась пытка. После десяти ударов Искра сказал: слышал он от Кочубея, что советовался он о доносе с миргородским полковником Апостоленком и с Чуйкевичем, и что по низвержении гетмана Мазепы миргородского полковника желали они сделать гетманом, и в письме, присланном к Кочубею от Чуйкевича, написано: у нас за Днепром огонь загорается: сохрани боже, чтоб и у вас не загорелся.

Приведен к пытке Кочубей и объявил: «Правда, Искра прежде по моему наговору к делу не приставал и уже потом поехал к ахтырскому полковнику, по моему велению, охотою, а миргородский полковник и Чуйкевич писывали ко мне только о ведомостях; предостерег меня от гетманской посылки миргородский полковник, а старик Чуйкевич писал к зятю моему, своему сыну, что послан Скоропадский к великому государю с некоторыми предложениями, думают, с такими же, как и о Соломонке. Письма, что огонь загорается, Чуйкевич не

писывал, должно быть Искра, не поняв дела, говорит, а что за два года я на гетмана говорил про измену, и то делал по семейной своей злобе».

Искре, в присутствии Кочубея, дано еще 8 ударов и спрашивали: что говорил он Федору Осипову об умысле Мазепы на жизнь великого государя, и то Кочубей ли ему говорил, потому что в многом Кочубей запирался? Искра отвечал: что он говорил Федору Осипову и велел писать, то все слышал от Кочубея, и объявлял ему Кочубей, что он все на гетмана взвел по собственной злобе, не видя измены, и он, Искра, ему говорил: о той злобе надлежит тебе бить челом и просить милости у великого государя; однако он, Кочубей, по свойству и по дружбе, привел его на то, что поехал с изветом.

Кочубей перед пыткой объявил: что он на гетмана написал и подал статьи и словесно доносил в измене, то все затеял ложь по злобе на гетмана. Дали ему пять ударов и спрашивали: не по подсылке ль от неприятеля и по факциям его он затеял это на гетмана, дабы его низвергнуть и выбрать другого, к тому их злому начинанию склонного? И кто в том с ним был единомышленники, и нет ли присланных от неприятеля к нему или к другим для такого возмущения на Украйну? Кочубей отвечал, что он все затеял по злобе своей на гетмана, а не с неприятельской факции, и никаких к нему подсылок от неприятеля не было, и за гетманом не ведает никакой неверности, все затеял на гетмана ложно, чая, что ему в том поверят без дальнего розыску.

Признанием Кочубея и Искры в ложном доносе дело оканчивалось: 24 апреля Головкин писал Петру: «Понеже Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради мы его более пытать опасались, чтоб прежде времени не издох. А более в гетманском деле розыскивать нечего, и для того и в Киев их не посылаем, потому что во всем они винулись, кроме факции или наущения от неприятеля, и ежели какую им казнь изволишь учинить, то мнится нам, что надлежит послать их в Киев и с совету гетманского повелеть о том малороссийскому народу публично огласить, чтоб они видели, что за сущую их вину то с ними учинено будет, а надлежит, государь, то дело для нынешнего сближения неприятельского, також и для лучшей надежды гетману скорее свершить».

Но Петру не хотелось оканчивать розыска; ему казалось невероятным, чтоб в такое время Кочубей и Искра затеяли дело сами собою, без побуждения от неприятелей. Он велел отослать доносчиков не в Киев, а в Смоленск. 23 мая Головкин писал ему: «Кочубея и Искру отослали мы в Смоленск; только доносим, чтоб продолжением того дела не было сумнения гетману, ибо он пишет к нам многократно, прилежно прося о прислании оных к нему в войско, а не в Киев для обличения их воровства, чтоб то народ малороссийский видел, потому-де что в народе малороссийском, а особливо в посполстве от их единомышленников рассеиваются многие плевелы, будто его, Кочубея, и Искру до Петербурга проводили и будто на него, гетмана, ваш великий гнев, и ныне обозного генерального челядника, в Киев едущего, в местечке Оленовце за то только, что просил подводы, старшина тамошняя была с таковыми выговорами: полно уже вашего, гетманчики, панства, приедет на вашу всех погибель Кочубей. В простом народе безумные повести оглашаются, будто Кочубей в великой милости вашей здесь, а Искра будто послан гетманом города какого добывать, а когда добудет, отпущен будет на гетманство».

Петр велел привезти доносчиков опять в Витебск и снова допросить, не было ли присылок от неприятелей. Головкин донес ему от 30 мая, что Кочубея и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болезни, не было ли от иных народов к ним посылки для возмущения? Кочубей и Искра стояли крепко, что не было никакой, все он, Кочубей, затеял по собственной злобе. На вопрос Головкина и Шафирова, какою казнию казнить Кочубея с товарищи, Петр отвечал: «Не иною, что какою ни есть только смертью, хотя головы отсечь или повесить – все равно; о попе, который в том же приличен, соизвольте учинить по своему рассмотрению, а Петра Яковлева вины кажется мало, только что он послан был к духовнику с письмами их, того для отпустить его жить к Москве или инуды куды в великороссийские города, а не в малороссийские». После этого Кочубей и Искра отправлены были в Киев, а оттуда в местечко Борщаговку, в 8 милях от Белой Церкви, где стоял гетман обозом; здесь 14 июля они были казнены «при всей посполитой речи генеральной и при многом собрании всего малороссийского народа»

Это печальное дело, дошедшее до нас во всех подробностях, не требует длинных объяснений; нет нужды много распространяться о том странном мнении, по которому во всем виноваты министры Головкин и Шафиров, которые, будто бы подкупленные Мазепю, действовали пристрастно. Во-первых, чтоб говорить о подкупе, надобно иметь основания, а этих оснований нет. Во-вторых, были ли подкуплены министры или нет, они не могли действовать иначе, как действовали по тогдашним правилам, соблюдавшимся в подобных делах: как скоро доносчики порознились в своих показаниях относительно самого важного пункта, употреблялась пытка. Можно обвинить не Головкина и Шафирова, но самого Петра; можно обвинить его за это упорство в доверии к Мазепе; прежде гетман выдерживал все искушения, все прежние доносы на него оказывались ложными, но как же Петр не обратил внимания на главное, на перемену обстоятельств, на то, что новое искушение было гораздо сильнее прежних? Эта бесспорная ошибка со стороны Петра объясняется отвращением к малороссийскому безнарядью, к недостойному поведению старшины и полковников, к дрязгам, доносам, которыми они постоянно тревожили правительство; по своему характеру и стремлениям Петр, более чем кто-либо, должен был не любить порядка вещей, господствовавшего в Малороссии; нашел он там гетмана по себе, умного, благонамеренного, знал, как враги подыскивались под этого гетмана, слышал его постоянные жалобы на безнарядье и, естественно, начал питать отвращение к безнарядникам, естественно, в каждом движении, направленном против гетмана, видел движение, враждебное для государства, факцию неприятельскую. Ошибка объясняется – и только; ошибка остается ошибкой. Но если б Петр не сделал этой ошибки, то и тогда дело не могло вестись иначе, как велось. Разве можно было при известных обстоятельствах 1707 и 1708 годов по первому доносу схватить гетмана и нарядить над ним следствие? Многогрешного и Самойловича свергли не по доносу двух человек, а всей старшины, и тут сколько упреков правительству за это? Нужно было, даже для того чтоб спасти доносчиков от Мазепы, перезвать их в безопасное место и узнать от них хорошенько, в чем дело, и тут если бы Головкин и Шафиров действовали под влиянием самой сильной подозрительности против Мазепы, то не могли бы поступить иначе, как поступили. Следовательно, ошибка Петра не имеет никакого отношения к делу: как бы он ни смотрел на

Мазепу, после доноса Кочубея и Искры должно было оставить его вне всякого подозрения: донос оказался ложным.

После казни Кочубея и Искры обозный генеральный Ломиковский и полковники миргородский, прилуцкий и лубенский начали усиленно требовать от Мазепы, чтоб промыслил о своем и общем спасении, обещаясь стоять до крови за него и за права и вольности войсковые, в чем и присягнули, а гетман дал им присягу в тех же выражениях, как пред Орликом в Киеве. Мазепе больше всего хотелось возвратиться с правого берега Днепра в Батурин и в бездействии выждать, чем кончится в Великороссии борьба между Петром и Карлом. Но на его беду, Карл, вместо того чтоб идти прямо в Москву, повернул в Малороссию. «Дьявол его сюда несет! – сказал Мазепа. – Все мои интересы превратит и войска великороссийские за собою внутрь Украйны впровадит на последнюю оной руину и на нашу погибель». От царя письмо: «Господин гетман! понеже неприятель идет по Днепру вниз и по тому и по другим всем видам намерение его есть на Украйну, того ради предлагаем вам: 1) чтоб вы по своей верности смотрели в Малороссийском краю какой подсылки от неприятеля, также прелестных листов, и всяко оные престерегали и пресекали, и нам в том (ежели одни сами чего не можете учинить) совет и ведомость давали, 2) что неприятель уже зело своим маршем спешит, того ради заблагорассудили мы, чтоб вы со всем своим войском шли как наискоряе к Киеву и, оставя там несколько козаков в гарнизоне по совету с г. Голицыным, сами шли за Днепр в удобное место со всеми тянжары (обозом), кои при Киеве были, а конницу всю (разве мало что при себе оставить) с добрым командиром изготовить налегке в поход, и, когда неприятель станет близиться к великороссийским или малороссийским городам, тогда мы всегда у оногo потщимся перед братья, а ваша б конница всегда сзади на неприятеля била и все последующее оному и обозы разоряла, чем неприятелю великую диверсию можете учинить. Мы бы зело желали, дабы вы сами с тою конницею были, но нудить не можем для вашей болезни и для того сие кладем на ваше рассуждение, однако ж сие надлежит немедленно делать». Мазепа отвечал из обозу от Аслана-городка 18 июля: «Радбым и я сердечно на службу вашего величества присутственно зоставать для лутчего порядку в чиненю диверсии неприятелю, если б при надходящей глыбокой, весма знемошной старости, педокгричная и хирокгричная болезнь препятием не была, для которой на кони труд понести не могу, и хотя мало верхом милю и другую проеду, то того много приболеть мушу (должен); однако ж и в такой немощи и болезни не отрицал былося служить и услужить, хотя б мне пришло на службе вашего царского величества при боку вашем, монаршем, лучше, нежели где на стороне, и жития пострадать, токмо тое благоразумному вашего царского величества рассуждению предаю, что если я особю моею гетманскою, оставя Украйну, удалюсь, то вельми опасаясь, дабы под сие время внутреннее между здешним непостоянным и малодушным народом не произошло возмущение, наипаче когда неприятель, исполняя враждебное свое намерение, похочет тайным яким-нибудь образом прелестные свои листы в города подсылать, а я у здешних не токмо мало, но и никого так верного не имею и усмотреть такого коммендиера не могу, который бы сердцем и душею, верне и радетьельне вашему царскому величеству под сей случай служил, на подсылки неприятельские и на прелести его недремательне смотрел, остерегал и всячески пресекал, однако ж ожидаю в том именного вашего царского указа, и по

должности уряду моего, и по обыклой непорочной верности велел у канцелярии войсковой во все вашего царского величества regimentу моего малороссийские города универсалы выдать, утверждая народ здешний в верности к вашему царскому величеству и, повелевая городской старшине, дабы на подсылки неприятельские бодрое око имели, прелестных писем и универсалов его, если бы какие были о провиантах, не слыхали, оные презирали, отвращали, страхований враждебных не ужасались и к прелестям ласкательным не преклонялись».

После битвы под Лесным Петр отправился в Смоленск, тогда как Шереметев и Меншиков находились около Стародуба, наблюдая за движениями шведской армии. Меншиков получил приказание идти с кавалерией на юг, навстречу к гетману, с которым вместе должен был приехать для совещаний в главную армию, куда в конце октября хотел быть и сам царь. Петр 13 октября писал Меншикову: «Я чаю, что уже в малороссийских городах обретаются, куды вам зело поспешить надобно и видеться с гетманом, понеже от бездельников есть некоторое воровство. Отсель поеду с 18 или с 20 чисел сего месяца в армию, куды и вам с гетманом особами своими быть потребно». Головкин шлет письмо за письмом к Мазепе, чтоб выступал с своими полками к Стародубу. Мазепа велит полковникам миргородскому, прилуцкому и лубенскому собраться к обозному Ломиковскому и решить, должно ли исполнить царский указ? Все единогласно отвечали, чтоб не ходил к Стародубу, а посылал немедленно к королю шведскому с просьбою о протекции и старался соединиться с шведским войском на границах, чтоб не допускать войск великороссийских в Украину. При этом Ломиковский и товарищи просили гетмана объявить им, чего они должны надеяться с целою Украиною и Войском Запорожским? На каком фундаменте заложил он ту машину соединения с шведами и поляками? Мазепа отвечал им с сердцем: «Для чего вам о том прежде времени ведать? Спуститесь на мою совесть и на мое подлое разумишко, на котором вы не заведетесь; болши я, по милости божией, имею разум един, нежели вы все». Обратясь к Ломиковскому, сказал: «Ты уже свой разум выстарил, – и, указывая на Орлика, – у того еще разум молодой, детский. Сам я знаю, когда посылать к шведскому королю». Тут с сердцем вынул он из шкатулки универсал к малороссиянам, привезенный Заленским, и велел Орлику прочесть его вслух: все были довольны.

Следствие этих разговоров Мазепа шлет письма к царю и к Меншикову, что ему нельзя двинуться из Малороссии. «Вчерашнего дня, – писал он Меншикову 8 октября, – за настоящею моею хирогричною и головою болезнью и за многодельствием забыл донести вашей княжой светлости в писании моем о многих под сие время трудностях и внутренних смятениях. Сиятельный граф, его милость Гаврила Ив. Головкин пишет до меня многожды чрез моих и чрез своих нарочных курьеров, чтоб я спешным маршем шел к Стародубу для отпору наступлению неприятельскому, которому я ради малолюдствия, при мне обретающегося, никакою мерою резистенции учинить не могу, понеже больше войска городского великороссийского сердюков одной компании, совокупя в одно число, 5000 при себе не имею, ибо полк сердюцкий один в Белой Церкви и два полка великороссийские пехотные в фортеции Печерской посланы на перемену полку Гадяцкого, отправленного в Польшу на сикурс, и хотя те два полка велел я переменить господину Неплюеву разными командами его людьми и идти велел за собою, однако оные в пути медлят и не знаю, когда ко мне придут, да и в тех

четырёх великороссийских неполных голых и босых полках, при боку моем обретающихся, болши дву тысяч не сберется, яко сами господа полковники сказывают, из которых четырёх полков два в фортеции Печерской остались. И если прибуду к Стародубу, то разве пойду в самый город в осаду, а тут, в Украине, внутренний огонь бунтовничий от гультьев пьяниц и мужиков во всех полках начал разгораться, которые, услыша о вступлении в Малороссийский край неприятельском и моем к Стародубу малолюдном отдалении, всюду в городах великими купами с киями и с ружьем ходят, арендаторов бьют до смерти, вино насильно забирают и выпивают, как в полку Лубенском арендаря и ктитора убили до смерти, в Мглине сотника тамошнего козаки изрубили и спицами покололи, с Сотницы сын обозного моего войскового генерального насилу с женою своею уходом спаслись; в Гадяче на замок тамошний наступали, хотя добро мое там разграбить и господаря убить, которого постигла бы смертная кончина, если б с мещанами от тех гультьев не отстрелялся. А воздвигнули то внутреннее смятение козаки, во время партикулярной баталии от неприятеля распрошенные, кажется под Кадином, которые, разбежися в полки, огласили, будто войска все великороссийские и малороссийские неприятель разбил и люди полку Стародубского великими таборами уходят в дальние места, которые между непостоянным народом неистовыми словами рассеяли те плевелы, будто они паче от войск малороссийских бегут, что села всюду будто в полку Стародубском жгут и грабят и неприятель будто им никакого разорения не чинит, которыми ведомостями зачался в простом и малодушном народе мятеж и роптание, а между гультьев своевольство, ибо опасность и в том великая, что два предводителя гультьейские, один Перебежный, другой Молодец, прибравши к себе своеволиц и болших великороссийских людей донцов 2000, по берегам Днепра и в полях шатаются и людей разбивают, да и от Польши небезопасно, понеже как граф Головкин пишет до меня, что Станислав к Киеву идет, так и резидент мой, при господине Синявском пребывающий, тож подтверждает. Рассуди, ваша княжая светлость, своим высоким благоразумием, какая в том польза будет интересам монаршим, если я пойду в Стародубовщину оног только полку оборонить, а тут всю Украину в таких трудностях, опасностях и в начинающемся бунтовничьем пожаре на крайнее разорение оставлю, а не дай боже еще мне какова там от неприятеля несчастья, то какой оттуда возгорится огонь внутренний – выразуметь можно! Изволь, ваша княжая светлость, ясно ближайший монаршего боку и тайный его государственных дел первейший и поуфальший министр, от бога дарованным себе премудрым разумом и искусством наставить меня, как имею в таковых трудностях и в указах поступить и исправиться?»

Меншиков, пересылая это письмо Петру, написал свое мнение: «Мне кажется, до Стародуба его ради тех противностей заволакивать не для чего, что отдаю в ваше высококоздравое рассуждение». Петр отвечал, что хотя известия гетмана о внутренних волнениях в Малороссии и не совсем справедливы (было восстание на жидов, а не против правительства), однако гетмана «отволакивать ненадобно, понеже большая польза его в удержании своих, нежели в войне». Не *отволакивая* Мазепу к Стародубу, Меншиков писал ему, чтоб он свиделся с ним для необходимых совещаний, но, когда Мазепа объявил об этом Ломиковскому с товарищи, те закричали: «Если поедешь, то и себя, и нас, и Украину погубишь!» Сам Мазепа боялся, что его хотят приманить и, прибрав к рукам, возобновить дело

Кочубея, ибо приходили известия из Польши, что там всюду громко говорят о сношениях его, Мазепы, с королем Станиславом, и потому Мазепа решился послать к Меншикову племянника своего Войнаровского с объявлением о тяжкой, предсмертной болезни своей и об отъезде своем из Батурина в Борзну для соборования маслом от киевского архиерея. Мазепе хотелось употребить все средства, чтоб не ехать к царю или его полководцам, и в то же время не хотелось посылать к Карлу до последней крайности; как обыкновенно бывает в подобных обстоятельствах, он ждал, чтоб другие принудили его сделать последний страшный шаг. Ломиковский с товарищи настаивал, чтоб гетман послал к шведскому королю с предложением союза; однажды вечером Мазепа послал к ним Орлика потребовать, чтоб сказали решительно, посылать или не посылать к Карлу? Ломиковский от имени всех товарищей велел отвечать довольно дерзко, что они удивляются такой сонливости и медленности гетмана: сколько раз просили они его послать к Карлу, когда тот еще был на границах, но гетман не послал и этою своею медленностию впровадил в Украину все силы великороссийские на разорение и кровопролитие всенародное, и теперь, когда уже шведы под носом, неведомо для чего медлит? Мазепа рассердился и сказал: «Знаю, что все это переговаривает тот лысый черт Ломиковский!» И, призвавши к себе обозного с товарищи, дал на них окрик: «Вы не советуете, только обо мне переговариваете; черт вас побери! Я, взявши Орлика, поеду ко двору царского величества, а вы хотя пропадайте!» Потом, смягчившись, спросил их: «Посылать к королю или нет?» «Как же не посылать? Давно пора, не надобно откладывать!» – был ответ. Тогда Мазепа велел позвать управителя своей Шептаковской волости Быстрицкого и заставил его присягнуть в сохранении тайны. Орлик написал по-латыни инструкцию посольства к первому министру Карла XII графу Пиперу, аптекарь гетманский перевел инструкцию на немецкий язык; без подписи и печати отдали ее Быстрицкому, который и отправился в шведскую армию с пленным шведом вместо переводчика. В инструкции Мазепа высказывал великую радость о пришествии королевского величества в Украину, просил протекции себе. Войску Запорожскому и всему народу малороссийскому и освобождения от тяжкого ига московского, уведомлял, что он, гетман, находится в большой опасности, и потому просил о скорой присылке войска на оборону, для которого обещал приготовить паромы на Десне у пристани Макошинской.

Между тем Меншиков 19 октября был уже в Горске, в Черниговском полку, откуда 20 числа писал царю: «Господин полковник! доношу вашей милости, что мы с находящеюся при мне кавалериею пришли сюда вчерашнего дня, слава богу, в добром состоянии; его милость, господина гетмана Мазепу, со дня на день я к себе ожидал, но вчерашнего дня вместо его получил видеть господина Войнаровского, чрез которого пишет ко мне, что едва не последний чрез него отдает мне поклон, ожидаючи себе последнего целования; понеже конечно при кончине своей жизни обретается и для освящения маслом поехал он в Борзну, где ожидает его киевский архиерей. И сия об нем ведомость зело меня опечалила, первое тем, что не получил его видеть, который зело мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от болезни его бог не облегчит, а о болезни своей пишет, что от подагричной и хирогричной приключилась ему апелепсия».

Меншикову очень нужно было бы видеть гетмана, потому что он нашел малороссийские полки в самом печальном состоянии. 21 октября он писал царю: «Понеже опасаясь, дабы неприятель к Новгородку не пошел и там Десну не переправился, того ради весма надлежит в тех местах Десну людьми укрепить, дабы оной великой переправы неприятель свободно без всякого запрещения переправиться не мог, и хотя о том я господину фельдмаршалу Шереметеву ныне постоянно и предлагал, чтоб для того при них обретающуюся кавалерию и нестройных всех, також и ифлянта, на ту сторону Десны отправили, дабы оные неприятелю тою переправу запрещать могли, однако ж и вашей милости о том доношу, чтоб вы от себя паки о том подтвердить изволили. А что велено туда идти войску гетманскому, и на то слабая надежда, понеже како здесь мы видим их, что все в великом страхе от неприятеля и, из домов своих совсем убравшись, кой куда врознь разъезжаются; здешнего Черниговского полку только с полтора человека здесь мы изобрели, и те из последних, а из старшин, почитай, никого не видим, а которой и появится, да того ж часу спешит до двора, чтоб убраться и бежать. При сем за благо вашей милости советую, что, мне кажется, время и самим вам к армии путешествовать ради лучшего при сих обстоятельствах распоряжения»

Петр еще до призыва Меншикова путешествовал к армии и 21 числа был в 80 верстах от Брянска, а между тем в Борзну к Мазепе возвратился Быстрицкий с устным донесением, что сам Карл обещал быть у Мокошинской пристани 22 октября. Но в этот день шведы не явились у Десны, а на другой день, 23 числа, прискакал Войнаровский с вестью, что завтра к обеду приедет в Борзну Меншиков для свидания с умирающим гетманом. Войнаровский рассказывал, что убежал тайком от Меншикова, потому что подслушал, как немецкие офицеры между собою говорили: «Помилуй боже этих людей! Завтра они будут в кандалах». Получив известие о намерении Меншикова приехать в Борзну, Мазепа «порвался как вихрь» и в тот же день поздно вечером поскакал в Батулин, а на другой день рано, переправясь чрез Сейм, приехал вечером в Короп, где переночевал, на другой день, 24 числа, рано переправился за Десну и ночью достиг первого шведского драгунского полка; отсюда отправил Ломиковского и Орлика к королю, а за ними поехал и сам с отрядом, состоявшим не более как из 2000 человек. В селе Бахмаче присягал он торжественно на евангелии перед генеральною старшиною, полковниками, сотниками и знатным товариществом, что он не для приватной своей пользы, но для общего добра целой отчины и Войска Запорожского принял протекцию короля шведского; потом старшине и всему знатному товариществу велел присягать, что будут верны ему, Мазепе, и будут признавать протекцию короля шведского

Между тем Меншиков ехал в Борзну для свидания с гетманом, но на дороге встретил его полковник Анненков и, по отпращивании от гетмана «извычайного комплимента», сказал, что Мазепа из Борзны поехал в Батулин. Меншиков туда: нет гетмана, поехал наскоро в Короп, но тут Меншикова поразило то, что встретил его один великороссийский полк Анненкова, а все сердюки и батуринские жители перебрались в замок и засели в нем, мост был разведен, по стенам стояли вооруженные люди в строю с знаменами и пушками. Меншиков послал к ним полковника Анненкова спросить: для чего поступают по-неприятельски? Анненкова в замок не пустили и дали ответ со стены, что поступают по указу. Меншиков сейчас же поехал в Короп, думая застать там наконец гетмана и

получить от него объяснение, но, отъехав полторы мили от Батурина, узнал, что Мазепа уже за Десною; Меншиков отправился к Десне и из Макошина 26 числа уведомил царя о своих разъездах за гетманом: «И чрез сие злохитрое его поведение за истинно мы признаваем, что конечно он изменил и поехал до короля шведского, чему явная есть причина и то, что племянник его Войнаровский, будучи при мне в 22 день сего октября, в самую полночь, без ведома и с нами не простясь, к нему уехал, и с того времени уже ко мне ни о чем он, гетман, не отзывался. И тако об нем инако рассуждать не извольте, только что совершенно изменил, и для того за благо вашей милости советую, что при таком злом случае надлежит весьма здешний простой народ утвердить всякими обнадеживаниями чрез публичные универсалы, выписав все его, гетманские, к сему народу озлобления и тягости, и чтоб не его никакие прелести не склонялись, понеже когда он сие учинил, то не для одной своей особы, но и всей ради Украйны, и без того не пройдет, чтоб каких не было от него здесь прелестных универсалов или тайных каких факций. При сем еще доношу вашей милости, что в здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешнего гетманского злого учинику никакого худа ни в ком не видать, но токмо ко мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и прочие полчане и приносят на него в том нарекания, и многие просят меня со слезами, чтоб за них предстательствовать и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысл, которых я всяким обнадеживанием увещаваю, а особливо вашим в Украйну пришествием, из чего они, по-видимому, в великую приходят радость».

Петр с главною армиею сторожил на Десне (в местечке Погребках) движения неприятеля, когда 27 числа получил письмо Меншикова и ночью написал ему ответ: «Письмо ваше о не чаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением, и ныне надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и дабы не допустить войску козацкому, при Десне бывшему, переправляться за реку по прелести гетманской: того ради пошли немедленно к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы то им помешали, а полковникам и старшине вели сколько возможно ласково призывать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюды для обрания нового гетмана, а буде полковник миргородский где поблизости обретається, то прикажи, его сыскав, к нам прислать, обнадежа его милостию нашею, потому что он великий неприятель был Мазепе, також и вы немедленно приезжайте». На другой день написан был манифест: «Объявляем верным нашим подданным малороссийского народа, духовным и мирским, а особливо Войска Запорожского генеральной старшине, полковникам, сотникам, атаманам куренным и всему войску малороссийскому, стоящему по Десне и в иных местах против неприятеля. Известно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх божий и свое крестное к нам целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему королю шведскому, по договору с ним и Лещинским, от шведа выбранным на королевство Польское, дабы с общего согласия с ним малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение польское и церкви божии и святые монастыри отдать в унию, и понеже нам, яко государю и оборонителю Малороссийского краю, надлежит отеческое попечение о вас имети, дабы в то порабощение и разорение Малороссии, також и церквей божиих во осквернение не отдать: того ради повелеваем всей генеральной старшине, полковникам и прочим, дабы на прелесть

и измену сего изменника, бывшего гетмана, не смотрели, но при обороне наших великороссийских войск против тех неприятелей стояли, и для лучшего упреждения всякого зла и возмущения в малороссийском народе от него, бывшего гетмана, вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войске, съезжалась немедленно в город Глухов для выбрания по правам и вольностям своим вольными голосами нового гетмана, в чем крайняя нужда и спасение всея Малые России состоит. При сем же объявляем, что известно нам учинилось, что бывший гетман хитростию своею без нашего указа аренды и многие другие поборы наложил на малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего, и сии тягости повелеваем мы ныне с малороссийского народа оставить». К Апраксину, уведомлявшему о торжестве своем над Любекером, Петр писал: «Хотя противно совести моей, чтоб против добрых от вас вестей к вам нечто худое писать, однако ж нужда повелевает являти, что учинил новый Иуда Мазепа, ибо, 21 год быв в верности мне, ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа. Правда, хотя сие дело худо, однако ж не токмо он с совету всех, но из пяти персон сие зло учинил, что, услышав, здешний народ со слезами богу жалуются на него и неописанно злобствуют, понеже, как слышим, кроме бога житие его было. И тако надежда в бозе, что он себе зло. вяще исходатайствовал (чему пособит кровь Самуилова), нежель тому, кому хотел».

30 октября приехал в Погребки Меншиков; созван был военный совет, где решено – отправить немедленно Меншикова для овладения Батурином, прежде чем не вошли туда шведы с Мазепою.

Мазепа ушел к Карлу с немногими людьми, но он надеялся поднять оставшихся своими прелестными письмами; вот что писал он Ивану Скоропадскому, полковнику стародубскому: «Враждебная нам власть московская от многих лет во всезломном своем намерении положила истребить последние наши права и вольности; теперь приводит она это в исполнение, как ясно из того, что без всякой важной причины начала прибирать в свои руки города малороссийские: выгоняя из них людей наших, до конца обнищавших и поработанных, войсками своими наполняет. Пусть бы это делалось в полках Стародубском, Черниговском и Нежинском под ложным предлогом, что это необходимо для обороны от шведов, но для чего же делать это с городами отдаленными, в которые шведы и не думают идти? Зачем, например, посылать полки в Полтаву? Мы о злодейском намерении царя не только от приятелей имели тайные предуведомления, но и сами совершенно узнали из ясных признаков; нас, гетмана, старшину, полковников и все войско, хотел захватить в свою тиранскую неволю, имя войска нашего изгладить, козаков обратить в драгуны и солдаты и народ поработить себе навеки. Не для этого ли Александр Меншиков и князь Дмитрий Голицын спешили к нам с войсками? Не для этого ли заманивали нас в свои обозы? А между тем бессильная и невоинственная московская рать, бегающая от непобедимых войск шведских, спасается только истреблением наших селений и захватыванием наших городов. Поэтому-то мы, гетман, с общего согласия панов генеральной старшины, полковников и всего войска, предались в непобедимую протекцию наияснейшего короля шведского, всегдашнего всемогущего заступника обидимым, любящего правду и ненавидящего лжи, в несомненной надежде, что его шведское величество милую отчизну нашу и войско непобедимым оружием своим оборонит от московского тиранского ига и

не только вольность и права наши сохранит, но и расширит, в чем нас не только королевским своим неотменным словом, но и письменною ассекурациею уверил. Поэтому и вы, как истинный сын отечества, старайтесь нечаянным нападением истребить московское войско, находящееся в Стародубе, согласясь с полковниками переяславским и нежинским. Вам это сделать можно, потому что непобедимое оружие шведское вас покрывает. Если же вам, паче чаяния, истребить московское войско не удастся, в таком случае спешите с войском своим в Батурино, дабы не попался он в московские руки».

Скоропадский не спешил к Батурино; к Батурино спешил Меншиков; к Батурино спешил и Мазепа вместе с шведскою армиею. 31 октября Петр писал Меншикову: «Сего моменту получил я от Флюка (ведомость), что неприятель, пришед, стал у реки (Десны) на батуринском тракте, и для того изволь не мешкать». На другой день, 1 ноября, новое письмо: «Когда сие письмо получишь, тогда тотчас, оставя караулы довольные, поди к тому месту, где ныне неприятель мост делает». В тот же день письмо из Субочева: «Объявляем вам, что нерадением генерала-майора Гордона шведы перешли сюды, и того ради извольте быть опасны, понеже мы будем отступать к Глухову; того ради, ежели сей ночи к утру или поутру совершить возможно (взятие Батурина), с помощью божиею оконचाвайте; ежели же невозможно, то лучше покинуть, ибо неприятель перебирается в четырех милях от Батурина». 2 ноября из деревни Чаплеевки царь писал; «Паки подтверждаю, что шведы перешли на сю сторону реки, и хотя наши крепко держали и трижды их сбивали, однако за неудобностию места одержать не могли, понеже на той стороне реки у неприятеля место было зело удобное, где поставлены были на горе пушки в три боя, и болши держаться нашим было ни по которому образу нельзя: того для извольте быть опасны и потому смотря поступать, ибо неприятель перебрался от Батурина только во шти милях, и наши войска почали отступать к Глухову». Вслед за тем другое письмо в тот же день: «Сей день и будущая ночь вам еще возможно трудиться там, а далее завтрашнего утра (ежели чего не сделано) бавиться (оставаться) вам там опасно».

Меншиков окончил дело в срок. 31 октября он пришел к Батурино, где уже дожидался его князь Дм. Мих. Голицын. Голицын еще до приезда Меншикова имел переговоры с осажденными, которыми начальствовал полковник Чечел и генеральный есаул Кенигсек: и старшина и рядовые отвечали единогласно, что без нового гетмана великороссийских войск в замок не пустят, а гетмана надобно выбирать вольными голосами и пока швед из малороссийских пределов не выступит, до тех пор и гетмана им выбирать нельзя. Меншиков привел полки к реке и хотел по мостам пройти в город, как из замка мазепинцы вывезли шесть пушек и навели их на мосты. Меншиков велел войскам отойти ниже по реке, и когда они построились по берегу, то из замка выехали пять человек и кричали с другого берега, чтоб не ходили, а пойдут силою, то станут бить. Меншиков велел говорить им, чтоб прислали к нему человек двух или трех для разговора: отказали с бранью и уехали прочь. Тогда Меншиков велел переправить через реку на лодках человек с пятьдесят гренадер; увидя это, мазепинцы, стоявшие у мостов с пушками, побежали немедленно в замок с большею тревогою: таким образом мосты были очищены, и царские войска стали перебираться через реку. «Сея ночи, — писал Меншиков, — совсем переберемся, а завтра с божиею помощью

будем чинить промысл, ибо никакой склонности к добру в них не является и так говорят, что хотят до последнего человека держаться».

Ночью осажденные выслали к Меншикову письмо, в котором объявляли о своей верности к царскому величеству и готовности впустить его войска в замок, впрочем, требовали, чтоб им дано было три дня сроку для свободного выхода. Но утром, не дожидаясь ответа и не видя еще никакого движения со стороны царского войска, начали стрелять в него из пушек и зажгли посад кругом города. Меншиков послал им ответ на их письмо, чтоб свободно выходили из замка, не боясь ничего; письмо Меншикова было прочтено в кругу. «Отвечать нам некогда!» – закричали мазепинцы и хотели было убить посланного, но потом одумались и выпустили его с криком: «Мы все здесь помрем, а царского войска не пустим!» День прошел в приготовлениях к приступу. 2 ноября, Петр, находившийся в местечке Воронеже (Черниговской губер.), получил письмо от Меншикова: «Доношу вашей милости, что мы сего числа о шти (шести) часах пополуночи здешнюю фортецию с двух сторон штурмовали и по двучасном огню оную взяли». Петр отвечал: «Сего моменту получил я ваше зело радостное писание, за которое вам зело благодарны, паче же бог мздовоздаятель будет вам; что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от шведов в нем сидеть, то извольте поправить и посадить в гарнизон хотя драгун в прибавку стрельцам, пока пехота будет (однако ж несколько пушек лучших вывезть в Глухов). Буде же (как я от присланного слышал) оной не крепок, то зело лучше такую великую артиллерию вывезть в Глухов (которое там зело ныне нужно), а строенье сжечь, понеже когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то шведы так же легко могут взять, как мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня шведы перешли реку и чаю завтра конечно пойдут к Батурину или куды глубже: и того ради опасно, дабы не помешали вам в вывозе артиллерии; буде же не успеете вывезть, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздав, вывезть. P. S. Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для нового гетмана; зело нужно, також канцелярию возми с собою всю их». Меншиков рассудил, что зело лучше сжечь Батурин.

Взятие и истребление Батурина было страшным ударом для Мазепы; люди, доказавшие на деле свою верность к нему, побиты или в руках царских; в тех же руках богатая казна гетманская, большой хлебный магазин сожжен, но всего вреднее впечатление, которое произведет взятие Батурина на малороссиян: почти в виду непобедимых шведов царские войска взяли и уничтожили столицу гетманскую; такое дело смелости и силы сдержит всех! «Злые и несчастливые наши початки! – говорил Мазепа. – Знатно, что бог не благословит моего намерения, а я тем же богом засвидетельствуюся, что не желал христианского кровопролития, но постановил было у себя в намерении, пришед в Батурин с королем шведским, писать до царского величества благодарственный за протекцию его лист и в нем выписать все наши обиды, прежние и теперешние, прав и вольностей отъятие, крайнее разорение, предуготованную всему народу пагубу, а наконец приложить, что мы как свободно под царского величества руку для православного восточного единоверия приклонились, так, будучи свободным народом, свободно теперь отходим и, за протекцию благодарствуя, не хотим руки нашей на кровопролитие христианское простирать, но под протекциею короля шведского совершенного нашего освобождения будем ожидать. Это освобождение

я надеялся не войною, но покоем чрез трактаты получить, хотел короля шведского всякими способами преклонять к миру с царем, а теперь, в нынешнем нашем несчастном состоянии, все дела иначе пойдут, и Украина, Батурином уstraшенная, бояться будет заодно с нами стоять».

Украина действительно не хотела быть заодно с Мазепою. Шведы 4 ноября перешли Десну, а Петр спокойно отправился в тот же день в Глухов для избрания нового гетмана и 7 ноября писал к своим: «Объявляем вам, что после переметчика вора Мазепы вчерашнего дня учинили здешний народ елекцию нового гетмана, где все, как одними устами, выбрали Скоропадского, полковника стародубского: и тако проклятый Мазепа, кроме себе, худа никому не принес, ибо народом и имени его слышать не хотят, и сим изрядным делом вам поздравляю». Приехал в Глухов митрополит киевский с двумя другими архиереями, черниговским и переяславским, и торжественно предали Мазепу проклятию. «Того ж дня и персону оного изменника Мазепы вынесли, и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач взял и, прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы и потом повесил». На другой день казнили Чечела и других приверженцев Мазепы, взятых в Батурине.

12 ноября проклятие Мазепе было провозглашено в Москве. В Успенский собор съехались архиереи, бояре, приехал царевич Алексей Петрович, и протодиакон на амвоне начал читать письмо от великого государя к царевичу, что бывший гетман Мазепа, забыв страх божий и крестное целование, ему, великому государю, изменил и отъехал к шведскому королю. Потом отслужили молебен о победе над неприятелем, и митрополит Стефан Яворский стал читать к народу поучение про изменника Мазепу: сначала вспомнул Мазепины к великому государю радетьельные службы и к людям добродетели, а потом объявил измену и отъезд к шведскому королю. Окончивши поучение, Стефан обратился к другим архиереям и сказал: «Мы собраны во имя господа Иисуса Христа, и нам дано от самого бога вязать и решить; аще кого свяжем на земли, связан будет и на небеси», – и возгласил трижды: «Изменник Мазепа за крестопреступление и за измену великому государю буди анафема!» Прочие архиереи пропели трижды: «Буди проклят». Затем певчие на клиросах пропели многолетие великому государю и новоизбранному гетману Ивану Скоропадскому.

В то же время в Малороссии читали по всем церквам и прибывали к церковным дверям объявление малороссийских архиереев: «Благочестивейшему монарсе нашему бывший гетман Иоан Мазепа изменил и пристал к еретическому королю шведскому, малороссийские отчизни отчуждился, хотя оную под иго работы лядской поддати и храмы божии на проклятую обратити унею. Сего ради духу св. и нам, малороссийским архиереям, тако изволившим, чужд стался церкви святые православно-кафолические и общения правоверных, и все его единомысленники с ним самоизволне от его царского пресветлого величества до противные части шведские уделившиися, от матери нашае церкви св. восточные суть отвержени и прокляты. К сему же и с позосталых домов их, аще кто-либо соизволяя измене той и предаваяся до их части будет, таковый всяк не токмо от церкви св. восточные, от общения таин св., но и от пребывания православных извержется и весьма чужд будет, архиерейско повелеваем».

Из Глухова царь послал грамоту и к запорожцам. Приглашая их быть послушными новоизбранному гетману Скоропадскому, Петр писал: «Уповаем мы на вашу к нам, великому государю, верность, что вы за отчизну свою и за православную веру и за нас стоять и богоотступного изменника Мазепы прелестей слушать не будете, а за верность вашу к нам милость наша монаршеская к вам умножится и посылаю будет к вам нашего жалованья на каждый курень по 1500 злотых украинских на каждый год сверх прежнего годового вам жалованья, и прислать бы вам к нам в военный поход немедленно посланцев своих, с которыми то жалованье к вам тотчас прислано будет, и наша милость к вам за ваши верные службы никогда отъемлема не будет; ибо когда прошлые зимы ваши посланные челобитчики о нашем жалованье были удержаны на Москве, також когда и преж сего наш великого государя гнев на вас являлся, и то все учинилось по письмам и ложным доношениям изменника Мазепы, который к нам писывал на вас почасту, будто вы к нам неверность свою являете, хотя вас теми своими лживыми клеветы привести в нашу немилость, но ныне мы, видя, что он, вор и изменник Мазепа, то чинил по изменничью своему умыслу напрасно, милость свою за верные и постоянные ваши службы приумножать и вас в оной милости содержать будем непременно, потому нынешний новоизбранный гетман Иван Скоропадский о верной вашей к нам службе доносил».

Карл рассылал манифесты по Малороссии, возбуждая ее жителей к свержению тяжкого ига московского; Петр отвечал своими манифестами, где говорилось, как шведский король плененных в Польше малороссиян велел побить палками до смерти; как приказал перебить в нескольких деревнях безоружных жителей с женами и детьми; как шведы ставят лошадей в церквах православных; хотя король и объявляет малороссиянам, чтоб они спокойно жили в домах, продолжая обыкновенные занятия, но это все лесть: после он их ограбит, поработит Лещинскому и Мазепе, церкви обратит в кирхи люторские и униатские, как то он делал в Польше и Литве, Силезии и Саксонии; в Силезии больше 70 римских костелов превратил насильно в лютеранские. Король разглашает, что царь уменьшил прежние права и вольности малороссийские, но это клевета: «Можем непостыдно рещи, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостию похвалитися не может, как по нашей, царского величества, милости малороссийский, ибо ни единого пенязя в казну нашу во всем Малороссийском краю с них брать мы не повелеваем. А что король упоминает о старых вольностях и привилегиях, то старики помнят, какие были права при польском владычестве: король исполнит свое обещание, т.е. возвратит старину, отдав опять Малороссию полякам. Король пишет, будто по царскому указу у малороссиян дома и пожитки сожжены и разорены: но войскам великороссийским под смертною казнию запрещено делать разорения и обиды малороссиянам, что уже и исполнено на некоторых преступниках при Почепе, и если что пожжено вследствие военного распоряжения, то за это будет полное вознаграждение». В заключение своего манифеста царь приглашал малороссийский народ делать врагу всевозможные препятствия, оставлять его без жилищ и хлеба и промышленять над ним всякими средствами; если кто приведет пленного генерала неприятельского, то получит в награду 2000 рублей, за полковника 1000, за офицера по расчету против чина, а за рядовых по пяти рублей, за убитого неприятеля по 3 рубля.

Новый гетман Скоропадский издал свой универсал, где объявлял, «что не тылко жадной (никакой) вражды от народа великороссийского противно нас не деется, але (но) всякую приязнь, яко от единовѣрных, узнаем. Чего ж мы, православные христиане, от него (Карла XII), яко от иноверного и от иноязычного, з которым а не народ наш, а не границы наши и малые близкости и сполности не мают, ожидать себе можем? И любо бы он и хотив боронить нас, яка оборона нам не есть потребна, лечь як то может из-за Балтицкого моря и, в такой далной отлеглости живучи, тое чинити, и церквей наших, которых он противником, оборонцою быти?»

Мазепа должен был указать Карлу, что особенная сила, притягивающая Малороссию к Великой России, заключается в единовѣрии, и потому придумали в королевском манифесте объявить, что Петр давно уже ведет переговоры с папою, как бы искоренить в своем государстве греческую веру и ввести римскую, что иезуитам уже дано позволение заводить школы и костелы, что царь непременно переменит веру, как скоро освободится от войны. Карл в своих манифестах почел за нужное вооружиться против Петра также и за нововведения, и за то, что людей низкого происхождения возвысил над благородными. Но манифесты шведского короля и универсалы проклятого гетмана не производили никакого действия на малороссиян; крестьяне прятали свое имущество и хлеб в лесах, захватывали, где только можно было, шведов, отгоняли у них лошадей. Петр писал Апраксину: «Малороссийский народ так твердо, с помощью божьей, стоит, как болше нельзя от них требовать; король посылает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит». Таким образом, переход старого гетмана на шведскую сторону не принес Карлу никакой выгоды, а тут еще к концу 1708 года явился новый страшный враг, сильные морозы, свирепствовавшие в то время по всей Европе. 16 ноября Петр выступил из Глухова прямо на юг, к Путивлю, откуда направился немного к юго-востоку, в Лебедин; Карл двигался рядом на Ромны, где и остановился. Гадяч был занят шведским отрядом, Веприк – русским. В начале декабря царь держал в Лебедине военный совет, на котором положено: большей части войска идти добывать Гадяч, а генералу Алларту к Ромнам с тем, что если шведский король пойдет на помощь к Гадячу, то главной армии отступить от этого города, Алларту же захватить Ромны. План удался. Карл вышел из Ромен к Гадячу в надежде поразить главную русскую армию, но та, узнав о движении короля, немедленно отступила к Лебедину, а между тем Алларт занял Ромны. Эта передвижка армий происходила во время таких жестоких морозов, что птицы на воздухе мерзли, и хотя русские большую часть дороги шли возле лесу и ночевали около деревень, однако человек с полтора ста ознобили себе руки и ноги, и несколько десятков померло; шведы же пострадали гораздо больше, потому что Карл продержал их двое суток на степи, все дожидаясь, что русские подойдут к Гадячу, станут его штурмовать, и тут-то он задаст им вторую Нарву.

Гадяч не сделался второю Нарвою, но Петр писал к Апраксину: «Не чаю, чтобы без генеральной баталии сия зима прошла, а сия игра в божьих руках, и кто ведает, кому счастье будет?»

И соседи России также дожидались, кому счастье будет в борьбе, решавшей судьбы Восточной Европы?

В продолжение 1708 года из Польши Украинцев доносил, что тамошние предводители по-прежнему требуют немедленной присылки денег, считая, что вместо 333 тысяч, следовавших на коронное войско по договору 1705 года, получено только 62600 рублей: «Стали они все веселы и ко мне не очень приветливы; вся шляхта и войско также к нам неласковы, говорят, будто в насмешку, что если случится у них с нами война, то не только служилые, но и жены и дети их пойдут на нас. Бискуп выпросил у меня тысячу рублей с великою доукою. На гетмана Синявского надеяться нельзя: он держится нашей стороны до поры до времени, сам он нам сказал явно, что обманом не отступит и шельмой не будет, но, если придут такие обстоятельства, что при стороне царской держаться будет ему нельзя, тогда он нам об этом прямо объявит».

Старик Украинцев не мог оставаться в Польше; понадобился дельный человек для посылки в Венгрию к Рагоци, и Петр писал к Головкину: «К Рагоци кого послать? А, например, Украинцева, ежели лучше того нет, но Дашков, аки глупый, к сему не годится». Украинцев отправился в Венгрию, а Дашков остался в Польше резидентом и в конце марта 1709 года писал Головкину из Сатанова: «Гетман Синявский не имеет силы у Станислава Лещинского, но жена его через других ищет милости у Станислава про запас, если бы не вышел король Август и царские дела пошли дурно. Очень будет хорошо, если придет сюда фельдмаршал лейтенант Гольц с нашими войсками, а если не придет, то боюсь, чтоб поляки не пришли в отчаяние, потому что неприятель разоряет все их имения; притом явились два волоха: Савва, который, взяв Могилев на Днестре, разоряет и мучит шляхту нестерпимо, разглашая, что действует по указу царского величества; другой, Иваненко, захватил Брацлав и также мучит и разоряет шляхту. Многие здесь войсковые люди приходили с великими воплями к гетману: зачем позволяет в очах их мучить их братьев шляхту, и гетман сильно опасается, чтоб не было возмущения в войске». Царь прислал Синявскому 10000 рублей, которые тот роздал регементарям, по 500 рублей, потому что Станислав присылал их перекупать, но они не согласились. Синявский просил Дашкова, чтоб царь прислал какой-нибудь подарок жене его. Об этой госпоже, владевшей мужем, еще Украинцев доносил: «Здесь ее почти никто не любит и рады были бы, если бы умерла и больше гетманом и другими не мучила». Гольц не приходил на соединение с коронным войском, и 21 апреля Дашков дал знать из Черного Острова, что царские дела находятся в очень дурном положении вследствие медленности Гольца: гетман Синявский объявил ему, что если Гольц не придет еще неделю, то все войско перейдет к неприятелю: они уже два раза бунтовали, не получая жалованья и страшно нуждаясь в краю совершенно пустом. Наконец 29 апреля пришла весть, что Гольц за несколько миль от Черного Острова, и коронное войско пришло в восторг. Соединенные войска двинулись к Львову, но тут новая беда: Гольц, как все немцы, не считал нужным скрывать своего нерасположения и неуважения к полякам, так что Дашков должен был писать Головкину: «Фельдмаршал заранее никогда не посылает для провиантов, и когда куда придет, то хочет в один час взять все, но так делать нельзя. Надобно непременно напомнить фельдмаршалу, чтоб обходился с здешними ласково; ласкою здесь можно больше сделать; также и с гетманами обходится зело несклонно». Сюда присоединилась ссора между коронным гетманом и предводителем литовского войска, старостою жмудским: литовцы грабили и били

шляхту, выбирали провиант; Дашков насилу успевал в том, чтобы дело не дошло до явного разрыва. Король Август только манил обещаниями, что скоро вступит в Польшу с войском, но остерегался входить в какие-либо обязательства. Петр понимал, в чем дело, и писал Головкину: «О выходе Августове я не без сомнения, понеже все глухо обнадеживают, а в чем сила, то есть заключение договоров, того по се время не совершено, и конечно чаю, что смотрит на наше дело, что с шведом учиним, – для того медлит и в совершении трактатов».

Западная Европа, занятая своими делами, была рада, что беспокойный шведский король ушел наконец в пустыни северо-востока, и оставалась безучастною, хотя и внимательною зрительницею борьбы между Карлом и Петром. Матвеев понапрасну жил в Лондоне, добиваясь принятия России в великий союз. В феврале 1708 года Марльборо, «муж неописанных хитростей и политики исполненный», прямо сказал Матвееву, что не только королева английская, но и цесарь и Голландия рады союзу с Россиею, но не могут вступить в него немедленно, потому что больше всего боятся союза шведского короля с Франциею и венгерцами. «Слышу, – писал Матвеев Головкину, – что курфюрст ганноверский у герцога Марльборо и у великого казначея Годольфина всячески промышляет наше дело уничтожить; Марльборо и Годольфин говорят: можно ли из-за одних торговых выгод с Москвою раздражать шведского короля при нынешней его силе и во время войны у нас с Франциею?» На официальные запросы Матвеева был прежний ответ, что дело стало не за королевою, а за союзниками, цесарем и Голландиею, которые не дают ответа на предложение королевы о русском союзе. Тайным образом Матвеев проведал о внушениях прусского и ганноверского дворов, что всем государям Европы надобно опасаться усиления державы Московской; если Москва вступит в великий союз, вмешается в европейские дела, навькнет воинскому искусству и сотрет шведа, который один заслоняет от нее Европу, то нельзя будет ничем помешать ее дальнейшему распространению в Европе. Для предотвращения этого союзникам надобно удерживать царя вне Европы, не принимать его в союз, мешать ему в обучении войска и в настоящей войне между Швециею и Москвою помогать первой. Англия, цесарь и Голландия подчинились этому внушению и определили не принимать царя в союз, а проводить его учтивыми словами. В июне Матвеев писал, что от льстивого английского министерства никакой склонности к царскому величеству нет и сердечная любовь к шведу со дня на день увеличивается, хотя бы королева и муж ее, принц датский, и усердно желали всякого добра царскому величеству: но они «от своих сильных вельмож как бы позорища видимые или больше за мертвых вменяются», потому что министры обращаются к наследнику, курфюрсту ганноверскому, и делают все ему угодное. Матвеев предлагал, что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивым образом дело и отозвать его из Англии; ждать нечего: здесь думают, что неудовольствие со стороны царя не грозит никакою опасностью; пусть, рассердившись на союзников, он обратится к Франции: та, связанная тесною дружбою с Швециею, не станет действовать в московских интересах.

Согласно этому взгляду, что можно не обращать внимания на русские требования, Англия признала Лещинского королем польским. Матвеев после этого перестал ездить ко двору; Петр еще в апреле 1708 года писал Головкину: «О Андрее Матвееве, как уже давно говорено, что ему время отъехать, ибо все

рассказы и стыд». Матвеев получил указ об отзывании, совсем собрался уже выехать из Лондона и 23 июля назначил сроком расплаты со всеми своими кредиторами. 21 июля вечером поехал он в Соммерсет-гоуз, где обыкновенно собирались иностранные министры для узнания друг от друга новостей. Но дорогою вдруг подбегают к его карете три человека, остановили лошадей, двое вломились в карету, третий стал на козлы и велел кучеру мчать как можно скорее – неизвестно куда. Вломившиеся в карету начали бить Матвеева, отняли шпагу, трость, шляпу. Когда он стал громко кричать, то они снова избили его и изодрали платье, держа за ворот. На крики Матвеева, однако, сбежались люди, остановили лошадей и ввели было избитого Матвеева в ближайшую таверну, но должны были от него отступить, потому что задержавшие его объявили, что имеют предписание купеческого шерифа арестовать его за долг в 50 фунтов двоим купцам, угольнику и кружевнику. Матвеева в извозничьей карете привезли в долговую тюрьму, но еще из таверны он успел дать знать в Соммерсет-гоуз иностранным министрам о страшном оскорблении, нанесенном всем им в его лице. Флорентийский посланник кавалер Жиральди, особенно дружный с Матвеевым, и лорд Лиффорд тотчас приехали к нему в тюрьму, а португальский посланник поскакал в ту же минуту к статс-секретарю. Секретарь последнего, Вальполь, приехал в тюрьму, описал все дело и обещал Матвееву, что завтра явится к нему сам статс-секретарь и дело розыщется: ходили слухи, что все это сделано по наущению шведского министра. Матвеев не стал дожидаться завтрашнего дня и тотчас же послал к Стельсу, чтоб тот своею порукою высвободил его из тюрьмы, что и было немедленно исполнено. На другой день приехали к Матвееву все иностранные министры, все с ужасом отзывались о неслыханном нарушении народного права; приехал и статс-секретарь с обещанием, что в тот же день поедет в Виндзор и донесет королеве о случившемся, что немедленно будет созван великий совет и он, статс-секретарь, надеется, что королева даст послу такое удовлетворение, какого никому из чужестранных послов не бывало. Понятно, с каким чувством выехал Матвеев из Англии, от этого «христоненавистного народа и канальского злочестия исполненного». Он возвратился на прежний свой пост в Гагу, откуда писал Головкину: «От двора английского не обещаю никакой царскому величеству приязни, видя неизмеримые лукавства герцога Марльборо и склонность его к шведскому и ганноверскому дворам»

В Дании те же выжидания, чем кончится поход Карла в Малороссию? К копенгагенскому двору был отправлен князь Василий Лукич Долгорукий. Датские министры под разными предлогами долго не хотели вступить с ним в конференцию. «По-видимому, – писал Долгорукий, – не без труда склонить здешний двор к желанному царским величеством делу: первая причина та, что король человек не военный и настрашенный войною; другая причина, что половина тайных советников против войны, потому что деревни их находятся в Голштинии, и если война начнется, то они первые будут разорены; главная же причина – неимение денег». Когда наконец Долгорукий добился конференции, то на его предложение начать войну против шведов все министры единогласно отвечали: «Три причины не позволяют нам вступить в эту войну: 1) боимся англичан и голландцев; если мы завоюем что-нибудь у шведов, то англичане и голландцы отнимут это у нас и отдадут опять шведам, да еще с нашими убытками.

2) У нас нет денег. 3) Боимся, что король шведский, оставя войну в Польше, обратится на нас и царское величество в то время нас покинет». Но понятно, что в Дании желали успеха царю и радовались, слыша о затруднительном положении Карла XII. В сентябре 1708 года Матвеев писал из Гаги: «Приехал сюда из Дании тайный советник королевский барон Дейлер, был у меня и имел пространный разговор, говорил, что царскому величеству необходимо не упускать никакого полезного и способного случая к нанесению вреда неприятелю, который находится в таком бедственном положении, что изъяснить нельзя. Не надобно вступать с ним в генеральный бой, но особыми партиями утеснять и тем в конечную руину привести, что сделать легко с такими многочисленными свежими войсками, какие у его царского величества. При крайней скудости швед лошадьми весьма опал; из войска его побег ратным людям беспрестанный, и никаким образом он, в краях тех пустых и безлюдных, ни людей к себе собрать не может, ни денег, чем их содержать, там не найдет, и этим он, швед, сам себя вводит в конечное бедство». После победы под Лесным начались опять конференции: Долгорукий предлагал, кроме вспомогательных войск, деньги: 300000 ефимков на первый год и 100000 ежегодно на все время войны. Датские министры отвечали, что этих денег мало, снаряжение флота очень дорого стоит. Король был за границею, и это обстоятельство затягивало дело. Долгорукий писал: «Зело бы нужно хоть малую дачу здешним министрам прислать; всего их четыре человека, а дать надобно только троим, потому что они уговаривают короля к войне, а четвертый, Лент, отговаривает».

Но до решительного оборота военных дел в Малороссии трудно было надеяться достигнуть чего-нибудь в Копенгагене, даже и по средством дач. Дачи, и немалые, нужны были на юге, в Константинополе, в страшный 1708 год, когда кроме шведа бунт кипел на юге России. Головкин писал Толстому, чтоб трудился и разведывал о тамошнем состоянии и писал: более всего смотрел бы теперь, чтоб Порта не позволила татарам начать неприятельские действия против России; также домогался бы, чтоб Порта послала запрещение Юсуф-паше силистрийскому подавать какие-нибудь поводы к подозрению стороне царского величества. «Юсуф-паше, – отвечал Толстой, – давно и не один указ послан, чтоб он не смел затевать ничего противного России, а как он там поступает, того мне знать нельзя». В России хотели всякими способами ласкать Порту; искали всюду, нет ли где пленных татар и турок, чтоб возвратить их на родину. Толстой не одобрял этих вредных, по его мнению, приемов с турками, которые могли увидеть в подобных заискиваниях признаки страха. Визирь засадил в тюрьму русских купцов, торговавших иконами, и не выпускал их по требованию русского посла. «Когда визирь отдаст мне иконников, – писал Толстой Головкину, – тогда, и то если нельзя будет отделаться иначе, объявлю Порте, что царское величество изволяет послать в дар султану старых полоняников, не по обязанности, но по благоволению своему, для большей любви». Для визиря прислан был мех лисий загривчатый черный; Толстой и об этом подарке писал, что теперь отдавать его непристойно, а надобно помедлить: или визирь станет поступать ласковее, или злый зле погибнет, и мех пригодится на будущее время. «Король шведский, – доносил Толстой, – всячески промышляет, чтоб каким-нибудь образом сочинить с турками любовь, но до сих пор турки об этом нерадят и татарам враждовать с Россиею не позволяют. О бунтовщике, воре Булавине буду здесь смотреть

прилежно, и если оная ребе́ллия вскоре не пресечется, боюсь, чтоб не задалась какая трудность, потому что турки об этом знают и радуются; впрочем, явно ничего не предпринимают в пользу бунтовщиков, и от воров явных присылок сюда нет». В конце 1708 года Толстой писал, что турки начинают с ним поступать *суровейше* ; с другой стороны, писал, что посол французский в происках своих, кажется, как будто немного ослабел. «А впредь что от него явится – бог весть; впрочем, если и будут от него происки, то не будет иметь себе помощников: потому что кто были у него приятели из ближних султанских людей, так всех я удовольствовал, и не будут ему помогать».

В начале 1709 года Толстой сообщил Головкину *утешную* ведомость: начавшиеся было противные замыслы пресечены и после конференции, которую он, Толстой, имел с великим визирем, утверждено было сохранение мирных договоров без нарушения: «Извольте быть безопасны от турок и татар на будущую весну; разве татары только какие-нибудь малые набеги сделают воровски. Уповаю, что и вор Мазепа не может здесь ничего сделать к своей пользе. Ваше сиятельство мне повелеваете не жалеть и превеликих иждивений, и своей последней копейки, только не допускать Порту к разрушению мира: поставляю свидетелем всемогущего, если случится дело, требующее иждивений, то хоть в одной рубашке останусь – ничего не пожалею, но теперь больших иждивений давать уже не для чего; один подарок надобно было дать, и я дал своих 2000 золотых червонных». Старых полоняников Толстой счел нужным отдать туркам. «Пока этого довольно, – писал он Головкину, – и черную шубу визирю подожду отдавать, она пригодится в другом каком-нибудь случае вперед, потому что неизвестно, что будет. Отдача невольников понудила визиря в лучшую со мною вступить любовь, понеже вельми ему сие приятно».

11 апреля Толстой донес: «4 числа получил я ведомость о злых замыслах козаков запорожских: прислали к крымскому хану просить, чтоб их принял под свой *протекцион*, о чем хан известил Порту; от себя доношу, что ни малого о том не извольте иметь сомнения; сколько мне бог помогает, тружусь усердно и уповаю на бога, что Порты к соблазнам таких плутов не склонится». В награду за труды Толстой получил *персону* царскую, диамантами обложенную, и 20 апреля донес о происках Мазепы: приехали татары из Крыма с объявлением к Порте, что Мазепа просит хана вступить в козацкую землю со всею ордою и помочь козакам освободиться из-под ига московского, за что обещает хану давать ежегодно из козацкой земли прежнюю дачу, которая шла в Крым из Москвы; крепость Каменный Затон до основания разорить; король польский Станислав заплатит за все прошлые годы, за которые ничего не присылали в Крым; король шведский обещает также богатые дары; писал Мазепа не от одного себя, но ото всей козацкой земли, и хотя теперь козаки, по-видимому, находятся в подданстве московском, однако с ним, Мазепою, все единомышленны. И тут Толстой писал: «Уповаю на бога, что оный клятвопреступник, паче же богоотступник не может при сем дворе предупеть злобными своими возмущениями». Мазепа писал и к Юсуф-паше силистрийскому с просьбою придти к ним на помощь с войском; турецкого пашу побуждал он не обещаниями, но страшал опасностями со стороны Москвы: «Узнаете, что Москва простирает свои замыслы не на один Крым, но и на царство Оттоманское». Но Юсуф-паша был задарен с русской стороны собольим мехом в тысячу рублей и давал знать Порте, что шведские дела в дурном

положении, притом же у Юсуфа с крымским ханом была сильная вражда, и потому не могли они действовать дружно. Крымский хан писал, что запорожские козаки просят в его протекцию; Юсуф-паша доносил, что они поддались шведскому королю; Толстой твердил, что они находятся в подданстве царском, кроме немногих, прельщенных Мазепой. Порты не знала, кому и чему верить.

Несмотря на равнодушие Порты, крымский хан не переставал придумывать средства как-нибудь столкнуть ее враждебно с Россией и добыть хотя что-нибудь из затруднительного положения царя: он писал Порте, что татары не могут быть безопасны при существовании крепости Каменного Затона и что теперь самое благоприятное время потребовать от Москвы ее разорения, с угрозой, что в случае отказа хан присоединится к шведам со всею ордою. Но и эта попытка не удалась: хан получил указ от султана не затевать ничего, что противно мирным договорам с Москвою. Придумано было еще средство, которое могло иметь успех только в Турции. 10 июля Толстой писал: «Приключились удивления достойные здесь вещи: писали к Порте из пограничных мест паши, что царское величество изволил придти в Азов будто для начатия войны с турками, и вооружил в Азове многие бастименты с великим поспешением, и многие воинские припасы готовят. Ведомости эти скоро здесь разгласились по всему Константинополю и так возмутили здешний народ, что если б подробно все доносить, мало было бы и целой дести бумаги; кратко доношу, что многие турки от страха начали было из Константинополя бежать в Азию; по улицам и рынкам кричали, что флот морской московский пришел уже во Фракийское гирло, и едва не вспыхнул бунт против султана и визиря, также против меня, потому что многие турки из поморских мест с Черного моря прибежали в Константинополь с женами и детьми, покинув дома. Так как их флота морская вся на Белом (Мраморном) море, то с необыкновенною скоростью начали вооружать торговые бастименты и малые галиоты и послали на Белое море за капитан-пашею, чтоб немедленно возвратился с флотом в Константинополь. Потом мало-помалу все усмирилось, и я, повидавшись с визирем, уверил его, что все эти ведомости ложные».

В Константинополе боялись, что Петр приехал в Азов для начатия войны с турками, а Петр спешил в Воронеж и Азов из опасения, что турки воспользуются впадением Карла в Малороссию и объявят войну. Еще из Глухова царь писал адмиралу Апраксину, чтоб ехал поскорее в Воронеж, «понеже там не малая нужда есть, а именно: в отправлении в Азов провианту, денег и прочее, а мы також скоро пойдем на время на Воронеж». После описанного движения армии к Гадячу и занятия Ромен Петр отправился из Лебедина в Сумы, где и встретил новый 1709 год. Этот год, который должен был озарить его такою славою, начался несчастливо. Карл хотел отомстить за прогулку под Гадяч, во время которой погибло столько солдат от мороза, за потерю Ромен и двинулся к Веприку, где было 1500 человек русского гарнизона; крепость была слишком обширна для такого гарнизона, вал без бастионов, ров мелкий, занесенный снегом; несмотря на то, русские отбили три приступа и сдались (6 января), когда уже не стало пороха; шведы потеряли под городом 46 офицеров и более 1000 рядовых. 22 января царь писал из Сум к Меншикову в Лебедин: «Зело нужно чрез добрых шпигов (к чему лучше нет попов) проведать, намеряют ли неприятели маршировать?» Шпиги (шпионы) донесли, что неприятели маршируют к югу по дороге к Красному Куту. По этой вести Меншиков немедленно выступил с драгунскими полками из

Лебедина в Ахтырку. Царь писал к нему 30 января: «Я бы вчерась в Ахтырку поехал, но остался для болезни сына моего, которому сего дня есть мало лучше». Через несколько дней Петр был уже в Ахтырке. Нападение Карла на генерала Ренне было отражено с уроном для шведов; Карл остановился в Опошне; скот и провиант, который шведы набрали по дороге, был отбит русскими. О дальнейших движениях Карла приходили вести, что идет к Днепру, но были также слухи, что пойдет к Воронежу. Петр, оставя Меншикова в Ахтырке, выехал в Белгород, откуда писал адмиралу Апраксину: «Я пред сим уже писал о неприятельском намерении к Воронежу; хотя и теперь то неимоверно, но паки от взятых (пленных) подтверждается, для того изволь о спуске кораблей тщание приложить, а наипаче чтоб хлеб, хотя не скоро, только б перевезен был. Паки возвещаю, что хотя чаю, что сие обман есть, однако ж, что опаснее (осторожнее), то лучше. Хотя я чаю скоро к вам быть, однако ж дабы ни минуты дела остановки не имели». Из Белгорода Петр уехал в Воронеж, откуда писал Меншикову 17 февраля: «Слава богу, все здесь добро поводится, и зело нужен мой приезд был сюды, ибо кумпанские корабли, которые уже трижды перedelывали без меня, оные ни десятой доли того не стоят. А ныне положили их разбить, а надобные, слава богу, в добром порядке обретаются».

Между тем Шереметев отправил генерала Бема на местечко Рашевку (между Гадячом и Глинском), занятую шведами; местечко было взято, шведский отряд истреблен, начальник его взят в плен, взято также 2000 лошадей, но этот успех дорого стоил русским, которые, между прочим, потеряли майора гвардии Бартенева. После этого Шереметев доносил царю 20 февраля: «Как я перебрался реку Сулу в 17 числе от Лохвиц в двух милях с немалою трудностию, также реки от теплоты зело стали слабы: тогда шведский генерал-майор Крейц, уведомився о нашем войске, из Лохвиц в полночь против 18 числа выступив, перебрался за Сулу. Я ныне с своим деташементом остановился в Лохвице для успокоения некоторого времени людям и лошадям, а хотя б и шел, ничего неприятелю не учинил, токмо б людей и лошадей привел в худое состояние, того ради, что неприятелю нынешнее время разлитие вод и дефилии к дефенсии служат». Петр был очень недоволен и писал Меншикову: «Что ж о лохвицком деле, и то кроме печали мне не принесло, как для смерти господина Бартенева, так от бездельных, наипаче торопких поступок фельдмаршала». Не делая никаких выговоров фельдмаршалу, Петр взял у него из-под команды Преображенский полк и отдал Меншикову. Шереметев по этому поводу писал царю: «Мимо меня указ ваш к майору Глебову повелевает, чтоб с полком Преображенским лейб-гвардии идти отсюда к г. генералу князю Меншикову под команду, из чего признаваю ваш царского величества гнев, токмо за какое мое преступление пред вашим величеством – не сведом. И служу вашему величеству истинным чистым намерением, и сколько моей силы и знания есть, и как мне явиться пред лицом Божиим. А Преображенские два батальона посыланы (на Рашевку) для того, чтоб скорее могли к тому месту, Рашевке, прибыть и из того б места неприятель не ушел, которое дело, при помощи Божией, счастливо получено, а кавалериею одною такого поиску учинить было невозможно, понеже вашему величеству известно, коликое число в тех десяти полках добрых с художонных с рекруты обретаются. И ежели б послать пехоту, тогда б за таким неспособным путем и за нескорым прибытием над неприятелем в Рашевке поиску не могли учинить. И

исполнял я вашу волю с чистым намерением и охотно, и прошу вашего царского величества, моего премилостивейшего государя, всенижайше, дабы мне в старости своей с печали безвременно не умереть, и мне объявить, какое мое пред вашим величеством преступление? Или повели к себе быть. А что майор Бартенев умер, в том воля божия, рана была легкая».

Петр был недоволен действиями Шереметева, но очень доволен был он окончанием дела с запорожцами. Мы видели, как Мазепа был опечален взятием Батурина, какие дурные последствия предвидел для своего дела от этого удара. Опасения его день ото дня все более и более оправдывались; Малороссия не поднималась против царя, Турция также не трогалась, и положение Карла становилось все затруднительнее. При таких обстоятельствах еще в конце 1708 года Мазепа решился войти в сношения с царем. К русским войскам явился один из главных недоброжелателей царских, убежавший вместе с Мазепою к шведам, миргородский полковник Данила Апостол; представленный царю, он объявил словесно, что Мазепа обещает предать в царские руки короля Карла и шведских генералов, если Петр возвратит ему гетманское достоинство и удостоверит в своей милости при ручательстве известных европейских дворов. Петр сначала не поверил Апостолу, но потом велел своим министрам, Головкину с товарищи, войти с ним в соглашения. Министры соглашались на предложения Мазепы, но представляли трудность относительно гарантии иностранных дворов; когда же Апостол объявил, что без этого условия Мазепа никак не примется за дело, то согласились и на гарантию. Мазепа, не получая никакого известия от Апостола, прислал к нему сначала цирюльника, служившего у Войнаровского, а потом приехал компанейский полковник Галаган с теми же предложениями. Это совершенно убедило царя и министров, что Апостол говорил правду, и не только было ему позволено отписать Мазепе, что предложение его принято, но и сам Головкин написал бывшему гетману 22 декабря: «Доношение ваше чрез г. полковника миргородского его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намерение и обращение, принял то милостиво и повелел мне к вам писать с крепчайшим обнадеживанием, что ежели вы в том пребывать и начатое намерение свое к исполнению привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость в прежний уряд и в свою милость принять, но оную к вам и умножить изволит, и на те кондиции, чрез помянутого г. полковника предложенные, соизволил, и гарантеров желанных от вас для содержания той амнистии приемлет, хотя бы в том и не без трудности было, только надлежит вашей милости постараться, дабы о известной главнейшей особе по предложению своему безопаснейшим образом постараться; буде же о самой той особе и невозможно, то хотя б о прочих знатнейших то учинить по предложению».

Сношения эти не имели последствий; Апостол и Галаган остались при царском войске, и первый рассказывал, что Мазепа и Карл писали к Лещинскому, приглашая его с войском в Малороссию; что Мазепа показывал убежавшим с ним полковникам и старшине привилегию Лещинского, по которой Малороссия присоединялась к Польше на одинаких правах с последнею и с Литвою; что по прибытии в Малороссию Лещинского и шведского корпуса под начальством генерала Крассова Карл оставит их с Мазепою в Украине, а сам пойдет в Москву, что у Мазепы уже заготовлена грамота к силистрийскому паше. Одно письмо Мазепы к Лещинскому, именно от 5 декабря 1708 года, было перехвачено

русскими; письмо написано тогдашним модным, полупольским и полулатинским, языком. Мазепа адресует лист королевской милости с выражением подданской субъекции; пишет, что в первом письме просил, по сердечному желанию всей Украины, чтоб король двинул победоносную руку для спасения своего наследственного достояния; то же повторяет и теперь, чтобы, по счастливом и скором прибытии Лещинского, они могли соединенным оружием и соединенными душами усыпить в траве дракона неприятельского московского предприятия, особенно теперь, когда Москва начала своими грамотами поджигать простой народ и поднимать междоусобную войну; эти искорки надобно гасить, чтоб от них не было пожара, для чего они, Мазепа с товарищи, как отцы в аде, ожидают пришествия короля, своего спасителя, которого храбрую руку Мазепа целует тысячью поцелуев и остается верным подданным и слугою наинижшим.

Петр воспользовался этим письмом и 28 января 1709 года разослал грамоту по Малороссии. «Мы вам доказывали, – писал царь, – что богоотступник призвал шведа в Украину для порабощения ее под древнее ярмо польское и для приведения церквей божиих в унию, хотя оный в пашквелях своих клялся, будто сделал это для общей пользы народа малороссийского, который будет совершенно независим и от нас, и от Польши, но теперь его богомерзкая ложь объявилась: он называет себя верным подданным Лещинского, а Украину его наследием. Нам от важных особ известно, что он уже получил от Лещинского воеводство в Польше и титул княжения северского. А какую безбожную злобою дышет изменник к малороссийскому народу духовного и мирского чина, видно из следующего: пойман шпиг, который в розыске объявил, будто послан от Мазепы с письмом к архиепископу черниговскому, к глуховским сотнику и атаману и к князю Четвертинскому и будто письма им уже отдал, но с пытки объявил, что послан нарочно Мазепою в Глухов, обещаны ему деньги и велено, если будет пойман, сказать нарочно, будто отдал письма означенным лицам, чтоб привести их в нашу немилость».

Украина не хотела быть наследием Лещинского; одни только запорожцы пошли вслед Мазепы. В Запорожье благодаря Каменному Затону нагорела вражда к Москве; вражда эта могла быть потушена не обещанием лишнего жалованья, а срытием Каменного Затона и самарских крепостей, чего не мог сделать царь в угоду козакам. Мы видели грамоту, которую Петр послал в Запорожье после измены Мазепы. Грамоту повезли стольники Кисленский и Теплицкий, вместе с грамотою повезли деньги – 12000 рублей на войско, 500 червонных кошевому, старшине 2000 рублей; с стольниками поехал от нового гетмана лубенский сотник Савич; для увещаний от имени митрополита и всего духовенства отправился иеромонах Иродион Жураковский. Такое торжественное посольство было принято вовсе не торжественно: взявши деньги, запорожцы начали бесчестить посланников, одного из них хотели посадить в воду, иеромонаха называли шпионом и хвалились сжечь его в смоляной бочке; в ответной грамоте не пощадили и царя, требовали, чтоб в малороссийских городах полковников не было, была бы вольница, как в Сечи, чтоб по рекам Пселу и Ворскле мельницы и Переволоченский перевоз были в запорожском владении, чтоб самарским городам и Каменному Затону не быть. Скоро после того перехвачена была грамота запорожцев к Мазепе; низовое войско просило, чтоб присланы были к нам на кош уполномоченные от короля шведского и польского и от него, Мазепы, для

заклучения договоров, за кем им быть, а для разорения Каменного Затона чтоб присланы были войска, и как только эта крепость будет разорена, запорожцы поспешат к шведам на помощь против московских войск. Бунчужный товарищ Черняк, отправленный Скоропадским к крымскому хану для извещения об избрании нового гетмана, был задержан в Сечи: на раде кошевой Гордеенко бил его до полусмерти и отослал к Мазепе. Чигиринский сотник Невенчанный убил посланного к нему от гетмана Скоропадского и ушел в Запорожье.

В начале 1709 года запорожцы куда-то начали собираться. 20 января царь писал из Сум к Меншикову: «Вчерашнего дня получили мы подлинную ведомость, что запорожцы конные пришли уже давно и кошевого ждут с пехотою вскоре, а сей сбор их только 5 верст от Богородицкого, и опасно, чтоб чего над оным не учинили, также дабы воровством кошевого и судьи не заведены были чрез Переволочну близь шведов (как и Мазепа сделал): того ради зело потребно, дабы Ингерманландский полк в удобном месте поставить и на сей их поход око иметь; также, буде возможно, в Богородицкой людей прибавить». Гетман Скоропадский советовал постараться, чтоб как-нибудь сменить подозрительного кошевого, и Петр написал 18 февраля Меншикову из Воронежа: «Что о запорожцах надлежит, и то гетман советует, чтоб переменить кошевого: и то зело добро, и всегда мы то говорили, что надобно, и, как оное сделать, того способу искать надлежит, которое мню чрез бы миргородского (Апостола) и деньги могло статься; к тому ж неотложно извольте полка два или больши, взяв из гварнизонов, послать в Каменный Затон с добрым командиром». Царь приказывал не жалеть денег для свержения кошевого, «хотя б и не малое что дать». Написали к Апостолу, чтоб выбрал из своего полка добрых козаков и, удовольствовав их, послал в Запорожье в разные курени: пусть там постараются свергнуть кошевого и судью и во всех противниках диверсию учинить. Отправлены были в Сечь с деньгами козаки, бывшие прежде кошевыми, чтоб объявили публично в раде и по всем куреням, что кошевой и судья присягнули Мазепе за деньги. После измены Мазепы Палей был возвращен из Сибири и жил в Москве; теперь придумали, что не лучше ли его привезти в Севск или в другие ближайшие к Украине места, «понеже оный в таких легкомысленных имеет любовь и не малый кредит». Петр все еще надеялся, что можно подействовать на запорожцев увещаниями, и потому писал Меншикову из Воронежа 1 марта, чтоб над полками, посылаемыми в Каменный Затон, «учинить командира из бригадиров кто поумнее, ибо там не все шпагою, но и ртом действовать надлежит, а кого, то полагаюсь на вас; пункты посылаю при сем, токмо едина материя суть, чтоб смотреть и учинить запорожцев добром по самой крайней возможности; буде же оные явно себя покажут противными и добром сладить будет невозможно, то делать с оными, яко с изменниками».

Исполнилось второе. 11 марта кошевой с 1000 запорожцев и девятью пушками явился у Переволочны и дал знать о своем приходе тамошнему полковнику Нестулею; Нестулей приехал с 500 конных козаков для рады. 1 числа приехали от Мазепы с письмами Чуткеевич и Мокеевич, и 13 числа созвана была рада: читали письма Мазепы, в которых старый гетман объявлял, что царь хочет весь народ малороссийский загнать за Волгу, что московские войска разоряют Украину пуще шведа. Раздались крики: «Быть на Мазепиной стороне!» – и полковник Нестулей и все запорожцы объявили себя на стороне Мазепы.

Положено было действовать против царских войск. Кошевой напал нечаянно ночью на русский отряд, стоявший в местечке Царичевке, был отражен с уроном, но успел захватить в плен несколько русских солдат и с торжеством привел их к королю, стоявшему тогда в местечке Будищах. Известие об этом сильно встревожило Петра в Воронеже; он писал Меншикову 4 марта: «Запорожцы, а паче дьявол кошевой уже явный вор, и зело опасно Богородицкого, не для города, а для артиллерии и аммуниции, которой зело много, а людей мало. Того ради зело потребно, дабы один конный полк послать в Богородицкий, велеть бы оному там побыть, пока из Киева три полка будут в Каменный Затон, из которых велеть сот пять водою отправить в Богородицкой на перемену сему конному».

Но запорожцы пользовались всегда сочувствием в низшем слою украинского народа, особенно поужнее, куда именно двигались шведы; пример Запорожья и теперь мог быть заразителен, и Петр пишет Меншикову, чтоб он оставался в Украине, не ездил к нему в Воронеж. «Ежели вы не в пути, то лучше б еще немного там для запорожского дела задержались, а сие дело, сам ты знаешь, что не из последних; я уже три письма писал до г. фельдмаршала, чтоб он подался к Переволочне для сего дела, при том же советую и вам, буде невозможно всеми, хотя б частью позадь Полтавы протянуться для сего ж дела». Опасения Петра оправдались. Один из его министров, князь Григорий Фед. Долгорукий, находившийся теперь вместе с гетманом Скоропадским, писал ему 3 апреля: «Вор кошевой яд свой злой еще продолжает: на другую сторону за Днепр непрестанно прелестно пишет, дабы побивали свою старшину, а сами б до него за Днепр переходили, что уже такая каналия там за Днепром купами собирается и разбивает пасеки». Запорожцы были побиты в схватке с отрядом полковника Болтина; также запорожский отряд потерпел сильное поражение вместе с шведами у местечка Сокольна от генерала Ренне; за отсутствием Гордеенки в Сечи выбрали в кошевые Сорочинского, и Петр писал Меншикову: «Мы зело порадовались, что господь бог в начале сей кампании таким счастием благословил, наипаче тому я рад, что проклятые воры (запорожцы) сами видели, что шведов разбили, от чего принуждены будут оные разбежаться, а что кошевым выбрали Сорочинского, он добрый человек, я его сам знаю». Но Петр ошибся в доброте Сорочинского; перемена кошевого не повела ни к какой перемене в Запорожье относительно царя, и царь послал Меншикову указ взять и разорить Сечь.

Назначенные к Запорожью полки сели на суда в Киеве под начальством полковника Яковлева. У Переволочны Яковлев встретил несколько тысяч запорожцев и послал к ним с требованием, чтоб вины свои великому государю принесли, но козаки, соединясь с переволочинскими жителями, вышли на бой, и Яковлев принужден был доставать их штурмом, с уроном своих войск. У обоих кодаков встречено было также сопротивление. 11 мая Яковлев подошел к Сечи; сначала искал он всяким добрым способом, чрез письма и пересылки склонить воров к стороне государевой. Запорожцы как будто обнаруживали склонность, но это была только хитрость: они хотели продлить время. Потеряв терпение и зная, что Сорочинский поехал за ордою, Яковлев решился добыть Сечь оружием. С сухого пути приступа не было; вода со всех сторон облила крепость; 14 мая солдаты подплыли на лодках, но при нападении на крепость встретили отчаянное сопротивление и должны были отступить, потерявши до 300 человек убитыми, в том числе полковника Урна, много офицеров было переранено; пленники, взятые

запорожцами, были «срамно и тирански» умерщвлены. Но в тот же день показалось вдали какое-то войско: запорожцы подумали, что это к ним идет Крымская орда на помощь, и вышли было на вылазку, но жестоко обманулись: пришли на помощь к Яковлеву драгуны от генерала князя Волконского с полковником Галаганом. Запорожцы, увидав свою ошибку, замешались; тут осаждающие устремились на них, ворвались в Сечь и овладели ею. Большая часть козаков погибли в схватке, немногим удалось уйти, пленных взято с 300 человек, пушек и амуниции взято много. «Знатнейших воров, – доносил Меншиков, – велел я удержать, а прочих казнить и над Сечею прежний указ исполнить, также и все их места разорить, дабы оное изменническое гнездо весьма выкоренить».

«Сего дня, – отвечал Петр 23 мая, – получили мы от вас письмо о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостью услышав, господа, отмстителю злым, благодарили, с стрельбою ивам за оное премного благодарствуем, ибо сие дело из первых есть, которого опасаться надлежало было. Что же пишете о деташемента полковника Яковлева, чтоб оному быть в армии, и то добро, только надлежит из оногo оставить от семи до пяти сот человек пехоты и от пяти до шести сот конницы в Каменном Затоне, дабы того смотрели, чтоб опять то место от таких же не населилось, також которые в степь ушли, паки не возвратились или где инде не почали собираться; для чего ежели комендант в Каменном Затоне плох, то б из офицеров доброго там на его место оставить, а прочим быть в армию».

Было еще одно место в Малороссии, на которое правительство смотрело подозрительно. В начале 1709 года Головкин писал киевскому губернатору князю Дм. Мих. Голицыну, чтоб выслал за рубеж студентов из поляков (т.е. русских родом из польских владений), находящихся в киевском Братском монастыре; чтоб дал знать, сколько останется студентов из малороссиян, сколько монахов из поляков и нет ли в них какого подозрения? Голицын отвечал (15 февраля), что «выслал из Киева всех студентов родом из Литвы и Польши; студентов из малороссиян осталось 161 человек; монахов в Братском монастыре 30 человек, и из них малороссиян только человек пять, а то все из-за границы польской, но иные с младенчества живут в Киеве; узнать, нет ли в ком из монахов подозрения, трудно, потому что монахи все нас чуждаются; во всем Киеве нашел я только одного человека, именно из Братского монастыря префекта, который к нам снисходителен». Этот префект был знаменитый впоследствии Феофан Прокопович: не предчувствовал князь Дмитрий, в каких отношениях будет находиться после к этому снисходительному префекту!

В Киеве и всюду по Украине было тихо. Сечь лежала в развалинах, турки и татары не двигались, о поляках не было слышно; все как будто притаило дыхание, дожидаясь, чем разыграется кровавая игра между Петром и Карлом. В апреле с дороги из Воронежа в Азов Петр писал Меншикову в Ахтырку: «Чтоб вы дали знать, сколь скоро можете в поле с квартир выйтить, чтоб я мог по тому житье свое в Азове расположить, а паче для леченья». В начале мая писал из Троицкого: «Я с первого числа сего месяца начал принимать лекарство, которое зело сильно действует, понеже здешний воздух жаркой оному помогает, и неисходен пребывать буду из дому до десятого числа, и чаю, с помощию божиею, к 15 числу сего месяца из лекарства вытить и готову быть к вам ехать». В другом письме: «Лекарство моё зело действует, только я от него, как ребенок, без силы стал». В

третьем: «Не чаю ранее двадесятого быть к вам, сам слаб, и лошади под батальон ранее 20 дней не будут».

Между тем в начале же мая неприятель формально атаковал Полтаву и несколько раз жестоко к ней приступал, но постоянно был отражаем с большим уроном. В военном совете у Меншикова решили «учинить диверсию», 7 мая на рассвете пехота Меншикова перешла Ворсклу через мосты, а конница через болото и реку вплавь, с одними шпагами приступили к неприятельскому ретраншементу и выбили из него шведов, взявши в плен шестерых офицеров и 300 рядовых и потерявши своих 600 человек. Петр писал Меншикову 15 мая: «Что о Полтаве, и то и ныне подтверждаю, что лучше б вам к оному городу приступить (чрез реку от неприятеля) со всеми и помочь городу чинить (понеже сие место зело нужно), куды надлежит и фельдмаршалу быть, и сие (сколько я могу разуметь) кажется из лучших не последнее дело; впрочем, яко заочно полагаюсь на ваше рассуждение». Меншиков уже расположился под Полтавою со всеми своими полками и 19 мая писал Петру: «О здешнем состоянии доношу, что третьего дня был у нас в шанцах при линии нашей с неприятелем не малый ранконтр, и как неприятель работе нашей помешку чинить хотел, выслана от нас партия гренадеров, и в то же самое время учинили вылазку из города наши под командою бригадира Головина в 400 человек и, нападши на неприятеля с другой стороны, две роты на месте порубили, а прочих в конфузию великую привели. Он же, господин бригадир, поступив чрез меру горячо, дале поступал, лошадь под ним убили, и его в неволю взяли, другие ретировались в город, наши потеряли 100 человек, а неприятеля многое число пропало, и шанцы неприятельские вырублены; мы же от посту нашего ни малой пяди не отступили, но непрестанно пушечною стрельбою чрез многие часы неприятеля утесняли, что ныне гораздо усмирился и уже другой день мало какой промысл над городом чинит. Вчерашнего дня легкая наша партия, перебрався на другую сторону (Ворсклы), лошадей неприятельских около 1000 загнали, и другая партия ныне около 100 лошадей и людей генерала Круза забрали. Мы повседневно чинили здесь неприятелю диверсию, но желаю к тому скорого к нам прибытия вашей милости; то истинно и паче лучшего счастья надеемся, ибо ко всему знатная прибудет резолюция; баталии давать елико можно оберегаемся, а понеже неприятель со всею силою против нас собрался, и я по вашему указу послал к Шереметеву, чтоб, оставя Волконского с тремя полками при гетмане, к нам поспешал, також Долгорукому (Вас. Владим.) вместо Каменного Затона велел сюда идти». 28 мая Меншиков писал: «Прошлой ночи мы заложили последний шанец к самым неприятельским по самую реку апрошам. Полтавская крепость в зело доброй содержит себя дефензии, и никакого ущерба от действия неприятельского еще не обретается».

27 мая Петр выехал из Азова в армию к Полтаве через степь на Харьков и отсюда писал Меншикову 31 мая: «Я сего часу сюды прибыл и как возможно поспешать буду, однако понеже в нужном деле и час потерять нужной бывает худо, для того, ежели что надлежит нужно, и не дожидаясь меня, с помощью божиею, делайте». Но Меншиков дожидался. 4 июня приехал Петр к армии и 7 числа писал Апраксину: «Получили мы от вас еще письмо и пункты, но ныне вскоре ответствовать не можем, понеже сошлись близко с соседьми и, с помощью божиею, будем конечно в сем месяце главное дело с оными иметь».

Наконец Петр не отступал, наконец он стал говорить о необходимости «главного дела» с шведами, с Карлом XII! Только небольшая река отделяла его от нарвских победителей. Но это уже не были шведы 1700 и 1707 годов, это было войско страшно истомленное, упалое духом. Карл не проиграл ни одной битвы, по-прежнему мог считаться непобедимым, и между тем у него не было уже половины того блестящего войска, с которым он перешел Вислу в 1707 году, и в 1709 году первый министр короля, граф Пипер, писал своей жене в Швецию: «Поход так тяжок и наше положение так печально, что нельзя описать такого великого бедствия и никак нельзя поверить ему». Жажда мира и возвращения на родину усиливалась со дня на день. Дисциплина ослабела: солдаты начали оказывать явное непослушание офицерам, когда те требовали от них новых трудов, приказывали идти на новые опасности. Карл по-прежнему искал опасностей, по-прежнему хладнокровно подставлял свою голову под неприятельские пули, но теперь солдаты, вместо того чтоб ободряться этим, говорили: «Он ищет смерти, потому что видит дурной конец». Генералы говорили, что надобно непременно перейти Днепр и войти снова в Польшу. Пипер донес королю об этом требовании генералов, представил, как необходимо удовлетворить ему, как необходимо подкрепить армию соединением с Лещинским и с шведским корпусом Крассова, оставленным в Польше. Но Карл не хотел и слышать о переходе чрез Днепр. «Этот переход, – отвечал он, – будет похож на бегство и только придаст духу неприятелю». Вместо того чтоб двинуться на запад, он двинулся на юг, к Полтаве, ближе к степи, к Запорожью, к границам турецким и татарским; он хотел овладеть Полтавою, утвердиться здесь и ждать Лещинского и Крассова вопреки мнению Пипера, Мазепы, Реншельда и генерал-квартирмейстера Гилленкрока. С последним у Карла был любопытный разговор о Полтаве. *Карл* : Вы должны все приготовить к нападению на Полтаву; вы должны вести осаду и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость; так делывал Вобан во Франции, а ведь вы наш маленький Вобан. *Гилленкрок* : Я думаю, что и сам Вобан призадумался бы, если б увидал, как здесь у нас недостаток во всем, что нужно для осады. *Карл* : У нас довольно материала, чтоб взять такую ничтожную крепость, как Полтава. *Гилленкрок* : Крепость не сильна, но в ней 4000 гарнизона, кроме козаков. *Карл* : Русские сдадутся при первом пушечном выстреле с нашей стороны. *Гилленкрок* : А я думаю, что русские будут защищаться до последней крайности, и пехоте вашего величества сильно достанется от продолжительных осадных работ. *Карл* : Я вовсе не намерен употреблять на это мою пехоту, а запорожцы Мазепины на что? *Гилленкрок* : Но разве можно употреблять на осадные работы людей, которые не имеют об них никакого понятия, с которыми надобно объясняться чрез толмачей и которые разбегутся, как скоро работа покажется им тяжелой и товарищи их начнут падать от русских пуль? *Карл* : Я вас уверяю, что запорожцы сделают все, чего я хочу, и не разбегутся, потому что я буду хорошо им платить. *Гилленкрок* : Но с нашими пушками ничего нельзя сделать, и придется добывать крепость пехотою, которая при этом окончательно погибнет. *Карл* : Я вас уверяю, что штурм не понадобится. *Гилленкрок* : В таком случае я не понимаю, каким образом город будет взят, если только необыкновенное счастье нам не поблагоприятствует. *Карл* : (смеясь): Да, мы должны совершить необыкновенное: за это мы пожнем честь и славу. *Гилленкрок* : Боюсь, чтоб все это не окончилось необыкновенным образом. После

этого разговора Гилленкрок пошел к Пиперу, чтоб тот постарался отклонить короля от его намерения. «Вы так же хорошо знаете короля, как и я, – отвечал Пипер, – вы знаете, что если он раз принял какое-нибудь решение, то уже нет никакой возможности заставить его принять другое». Несмотря на то, Пипер обещал поговорить с Карлом. «Если бы бог послал ангела небесного с приказанием отступить от Полтавы, то я бы и тогда не отступил», – был ему ответ королевский.

Такие разговоры шли у государя с его министром и генералом на одном берегу Ворсклы. Посмотрим, что делалось на другом. Здесь было войско, о котором уже несся слух, что это лучшие солдаты в целом мире; здесь были свои вожди, прошедшие хорошую школу, ознаменовавшие себя победами, здесь были генералы иностранные с изведанным искусством и верностию: несмотря на то, здесь был «учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела), на котором совете положено, дабы апрошами к оной приближаться даже до самого города».

16 июня начаты были новые *апроши*, чтоб сделать возможным сообщение с городом, но шведы не допустили своею поперечною линиею; с другой стороны представили препятствия река и болотистые места. Сношения с городом происходили посредством пустых бомб, в которых летали письма чрез неприятельские линии; осажденные дали знать, что у них уже почти нет пороху, и неприятель сапами сквозь валик из палисад вкопался, и хотя осажденные сделали абшнит, однако долго держаться не могут. По получении этих известий собран новый совет, на котором положено, что другого способа к выручке города нет, как перейти реку к неприятелю и дать главную баталию. 19 июня русская армия тронулась и, пройдя две мили от Полтавы по берегу Ворсклы вверх, 20 числа переправилась через реку; 25 числа повернула назад к Полтаве и остановилась в четверти мили от неприятеля к вечеру, чтоб шведы не могли принудить к главной баталии прежде, чем будет готов ретраншемент. Ретраншемент поспел в одну ночь; кавалерию поставили на правой руке между лесов, и перед нею сделали несколько редутов, осажженных людьми и пушками. Тут узнали, что Карл XII ранен; рассказывали, что ночью подъехал он осмотреть русский лагерь и наткнулся на козацкую партию, которая стояла неосторожно; несколько козаков, ничего не подозревая, спокойно сидели у огня, вдруг раздается выстрел, один козак падает: это сам король не утерпел, сошел с лошади и выстрелил в козака; козаки вскочили, три ружейных выстрела направились в ту сторону, где стоял король, и Карл получил рану в ногу. 26 число Петр употребил на обозрение ситуации. В центре находился фельдмаршал Шереметев; правым крылом начальствовал генерал-лейтенант Ренне, левым Меншиков, артиллерию Брюс. У шведов, так как сам король, по причине раны, не мог принять главного начальства над войском, то его место заступал фельдмаршал Реншельд; вся пехота находилась под начальством генерал-лейтенанта графа Левенгаупта, кавалерия – генерал-майора Крейца. Артиллерия, могшая действовать, была ничтожна по недостатку огнестрельных снарядов.

27 июня было назначено днем главной баталии. Шведы предупредили русских: перед рассветом они бросились на русскую конницу с страшною «фуриею» и овладели двумя редутами, которые еще не были отделаны; генерал Ренне был ранен и должен был сдать начальство генералу Боуру, но зато шесть

батальонов неприятельской пехоты и несколько десятков эскадронов кавалерии были отрезаны от главной армии и принуждены уйти в лес. Генерал Боур получил приказание отступить вправо от русского ретраншемент, чтоб дать время выйти из него пехоте. Боур начал отступление; неприятель, преследуя его, получил себе русский ретраншемент во фланг, и когда Левенгаупт с пехотою приблизился к нему на расстояние 30 сажень, то встречен был убийственным огнем, принужден был прекратить преследование русской конницы и стал к лесу вне выстрелов. Между тем Меншиков и генерал Ренцель с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты атаковали лес, где стояли оторванные в начале дела шведы: здесь неприятель был побит наголову, генерал Шлиппенбах взят в плен, за ним принужден был сдаться и генерал Розен. В то же самое время пехота была выведена из ретраншемент и шесть полков кавалерии взяты с правого крыла, обведены позади пехоты и поставлены на левом крыле. Таким образом, русская армия стала в ордер баталии, и решено было атаковать неприятеля; шведы, не дожидаясь на месте, двинулись навстречу к русским, и в 9 часу утра началась «генеральная баталия».

Два часа кипел отчаянный бой. Петр распорядился в огне, шляпа его и седло были прострелены. Карла с больною ногою возили в коляске между солдатскими рядами, как вдруг пушечное ядро ударило в коляску, и король очутился на земле. Солдаты, находившиеся вблизи, подумали, что Карл убит, и ужас овладел полками, уже и без того колебавшимися. Карл велел поднять себя и посадить на перекрещенные пики; тут увидел он всеобщее замешательство своих и закричал в отчаянии: «Шведы! Шведы!» Но шведы бежали и не слышали голоса своего короля. Прискакал Реншельд и успел проговорить: «Ваше величество, наша пехота потеряна! Товарищи, спасайте короля!» С этими словами он ринулся опять в расстроенные ряды своего войска и был взят в плен. Тут всякий порядок исчез, все побежало.

«Хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однако ж то все далее двух часов не продолжалось: ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск с такою храбростию вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивящше удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнута, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами колоты, и даже до обретающегося леса, где оные пред баталиею строились, гнали, при том вначале генерал-майор Штакельберг, потом же генерал-майор Гамильтон, такожде после фельдмаршал Рейншильд и принц виртембергский купно с многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и несколько тысяч рядовых, которые большая часть с ружьем и с лошадыми отдались и в полон взяты. Неприятельских трупов мертвых перечтено на боевом месте и у редут 9234, кроме тех, которые в розни по лесам и полям побиты и от ран померли. И тако милостию всевышнего совершенная виктория (которой подобной мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордого неприятеля чрез самого государя персональной, храброй и мудрой привод, и храбрость начальных и солдат, одержана; ибо государь в том нужном случае за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал, как доброму приводцу надлежит. При сем же и сие ведать надлежит, что из нашей пехоты только одна передняя линия с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла».

Усталые, волнуемые не испытанными никогда ощущениями, царь, генералы и офицеры после молебна сели в палатках обедать. Светлое чувство неизмеримой радости не допускало никаких темных чувств: всех сюда! и пленных шведских генералов усадили тут же за стол; Петр ласкал фельдмаршала Реншельда, хвалил его храбрость, подарил ему свою шпагу. Во время обеда привели Пипера, который, видя страшное поражение, потеряв из виду короля, не зная куда бежать, сам приехал в Полтаву и отдался в плен с двумя секретарями королевскими. Пипера с товарищами также усадили обедать. Гремели пушки, царь провозгласил тост за здоровье учителей своих в военном искусстве. «Кто эти учителя?» – спросил Реншельд. «Вы, господа шведы», – отвечал царь. «Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей!» – заметил фельдмаршал.

Но где король? Часть шведов ушла, не преследуемая. Неожиданное счастье так поразило, что позабыли о необходимости преследования... Только уже вечером послали в погоню князя Мих. Мих. Голицына с гвардиею и генерала Боура с драгунами.

В тот же вечер написаны были письма к своим, к Ромодановскому, Апраксину и другим; к пресбургскому королю Петр писал: «Доносим вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил с малою войск наших кровию таковым образом: сегодня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею, конною и пешею, атаковал, которая хотя по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю; потом неприятель стал во фронт против нашего лагеру, против которого тотчас всю пехоту из транжаменты вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих флангах, что неприятель, увидя, тотчас пошел атаковать нас, против которого наши встречу пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили, знамен, пушек множество взяли, також генерал-фельдмаршал господин Рейншельд купно с четырьмя генералы, також первой министр граф Пипер с секретарями в полон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, и, единым словом сказать, вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или со отцы нашими обретается), а за разбитым неприятелем посланы господа генералы-порутчики князь Голицын и Боур с конницею, и сею у нас неслыханною новиною вашему величеству поздравляю». К письму Апраксину приписано: «Ныне уже совершенно камень во основание С. Петербурга положен с помощью божию».

Утро было мудренее вечера: на другой день, 28 числа, отправился Меншиков в погоню за неприятелем. Остатки шведской армии, бежавшие 27 числа из-под Полтавы, находились в совершенном расстройстве, и великим счастьем для них было то, что русские оставили их без преследования. Шведы бежали вдоль Ворсклы к Днепру. Перед рассветом 29 июня достигли они Новосенжарова; истомленного Карла внесли в дом, перевязали ногу, он заснул глубоким сном. Но когда совершенно рассвело, его разбудили: «Русские приближаются; если ваше величество изволите приказать, мы пойдем дальше». «Да, да, делайте, что хотите», – отвечал Карл; запылали повозки, лошадей из-под них роздали пехотинцам, и шведы побежали дальше к Днепру. 30 июня после полудня увидели они наконец Днепр у маленького городка Переволочны, где впадает Ворскла, но вместо городка увидели одну кучу развалин и ни одной лодки на реке, ни одного

человека в опустелых окрестностях. Как же переправиться за Днепр? А русские близко: как от них оборониться? Нет ни артиллерии, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духом. Генералы уговорили Карла оставить армию и переправиться за Днепр. Отыскали две лодки, связали вместе и поставили на них повозку короля, так что задние колеса были в одной лодке, а передние в другой, и таким образом поздно ночью переправили на другой берег; Карл взял с собою серебряный столовый сервиз и деньги, собранные в Саксонии. Нашлась лодка и для Мазепы, который успел захватить с собою два бочонка с золотыми. Другие, назначенные сопровождать короля, переправились кто как мог: запорожцы много помогли своим искусством в переправах, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на левом берегу под начальством Левенгаупта, но никто не думал повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, как бы переправиться за Днепр вслед за королем; другие, истомленные, лежали в глубоком сне. На рассвете другого дня Левенгаупт и Крейц начали хлопотать, как бы привести в устройство армию, но едва половина солдат собралась под знамена; многие остались на берегу, другие стояли неподвижно в отдалении, на призыв генерала не отвечали ни слова, смотрели бессмысленно, да и на лицах тех, которые собирались под знамена, выражалось отчаяние. Когда совсем рассвело, Крейц подъехал к Левенгаупту и сказал: «Генерал, уже поздно! Русские стоят за возвышенностями и прислали к нам с требованием сдачи». То был Меншиков с 9000 конницы. На всех возвышенностях раздались звуки труб и барабанов, как будто целая русская армия была тут, и между шведами сейчас же распространился слух, что 30000 русских готовы к нападению. Левенгаупт, видя состояние своего войска, не имел никакой надежды на успех сопротивления и послал Крейца с тремя товарищами к Меншикову договариваться о сдаче. Меншиков предложил им сдаться военнопленными с выдачею оружия и военных запасов, с сохранением платья и частного имущества; запорожцы и бунтовщики исключаются из этого условия. Предложение было принято.

«И тако, божиею помощию, вся неприятельская, толь в свете славная армия (которая бытием в Саксонии не малой страх в Европе причинила) к государю российскому в руки досталась». Сосчитали, что во время баталии у Полтавы и у Днепра при Переволочне взято верховных штаб-офицеров 59, обер-офицеров 1102, унтер-офицеров, рядовых и артиллерийских служителей 16947. Русских при Полтаве было побито 1345, ранено 3290.

По возвращении Меншикова от Переволочны после молебна объявлены были награды: фельдмаршалу Шереметеву пожалованы великие деревни; генерал князь Меншиков объявлен вторым фельдмаршалом; генерал князь Репнин пожалован кавалериею и деревнями; генералу-фельдцеймейстеру Брюсу дана кавалерия; генералу-лейтенанту Рену дан чин полного генерала; генералу Аларту дана кавалерия; генералу-лейтенанту князю Голицыну (Мих. Мих.) даны деревни; генералу-лейтенанту Ренселю дана кавалерия. Ближний министр и верховный президент государственных посольских дел граф Головкин пожалован в канцлеры; тайный секретарь барон Шафиров в подканцлеры; князь Григорий Долгорукий пожалован деревнями и чином тайного действительного советника; боярин Иван Мусин-Пушкин в тайные советники. «Также и иные многие повышены чинами и пожалованы вотчинами, и всех штапных и обер-офицеров жаловал государь

золотыми портретами с алмазы и медальми золотыми же по достоинству их чинов, а солдатам медали серебряные и даваны были деньги».

«Напоследок как министры, так и генералитет, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такие награждения, просили его, дабы в знак трудов своих, как в сию преславную баталию, так и в прочих воинских действиях понесенных, изволил принять чин в сухопутном войске генерала, а на море шаутбенахта (понеже до той Полтавской баталии и во время действия во оной баталии имел только чин при гвардии своей полковника), и по тому их прошению государь изволил принять чин сухопутной генерал-лейтенанта, а на море шаутбенахта, и то подтвердилось общим всех генералитета, министров, офицеров и солдат поздравлением».

Извещая о переволоченском деле короля Ромодановского, Петр писал: «И тако вся неприятельская армия нам, чрез помощь божию, в руки досталась, которую в свете неслыханною викториею вашему величеству поздравляем, и ныне уже без сомнения желание вашего величества, еже резиденцию вам иметь в Петербурхе, совершилось чрез сей упадок конечной неприятеля».

Когда получено было в Москве известие о неслыханной виктории, царевич Алексей Петрович созвал к себе на банкет всех иностранных и русских министров и знатных офицеров, трактовал их велелепно в Преображенском в апартаментах своих и в шатрах; царевна Наталья Алексеевна и знатнейшие вельможи также многих трактовали несколько дней сряду; вечером по улицам сверкали потешные огни; не только в домах, но и перед домами стояли накрытые столы. Комендант князь Матвей Гагарин велел выставить перед домом своим для народа и шведских пленников кушанья и бочки с вином, водкою, медом и пивом; пушечная стрельба и колокольный звон продолжались восемь дней сряду, и во все эти дни позволено было звонить женщинам и девицам, что обыкновенно позволялось только на Светлой неделе. Курбатов писал царю: «Получих аз, вашего величества недостойный раб, письмо за приписанием вашей самодержавнейшие десницы, чрез которое разумехом, яко вседержавный бог неприятеля вконец сотре, и не точию в Европии, но и во оризонте всего мира едва ли слыханно погуби. И сего ради прерадостно ныне веселится вся Россия, увенчевая вас приветствы сицевыми: радуйся, яко ваше царево сердце содержится в руке божиин неотменно. Радуйся, яко, исполняя словеса божиин слова, полагаеши душу твою за рабы твоя. Радуйся, яко снискательным вашим мудрохрабрством переполеровася, яко злато в горниле, ваше воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполнение издавна вашего желания Варяжского моря во одержании. При сем же и сие реку, да яко же вседержавная божиин десница прослави ваше самодержавие в воинстве, тако да прославит и гражданское правление, о нем же видится с премногим тщанием достоин труды к трудам приложити, понеже оное мною пользою есть к воинству, да обоя купно Всероссийя получивши, паки прославит тя, всемилостивейшего нашего государя».

Знаменитый прибыльщик надеялся, что *преславная виктория* поведет к миру, даст возможность царю заняться гражданскими делами, облегчить народ от тяжких поборов. Он писал царю (28 октября): «Вашего величества повелением определяются губернии, и того ради из всех приказов и канцелярий и из ратуши посланы и ныне в последних месяцах посылаются дворяне и дьяки и подьячие для правежа многих прошедших лет и настоящих доимок, и слышно, яко от таковых неотлагаемых вдруг правежей превеликой обходится всенародный вопль, а паче в

поселянах, яко не точию последнего скота, по инии беднейшии и домишков своих лишаются. И ежели вашим призрением ныне вскоре отсрочкою помиловани не будут, то в сих последних сего года месяцах премное приимут разорение и, бог весть, будут ли впредь инии даней ваших тяглецы. Понеже не от того единого, что вдруг всего надлежащего без послабления на них править им разорение, но и от сего, яко всех посланных кормят, дают подводы, иных же, не стерпев жестоких правей, чаю, что и дарят не помалу. Бог же всесильный, видя ваше благое цареву к нему сердце и ведая быти впредь чрез труды ваша некоторых избавлению, помилова и обрадова тя, и прослави во вселенную неслыханною нигде же от века на враги победою: и сего ради и ваше величество да помилует людей достояния своего. Не о снятии конечном тех прешедших лет доимок, но о получении им во оных ныне послабления предлагаю тебе, государю. А впредь, по благом окончании войны сея, могут помалу и во всем исправиться. А и прежде, государь, никогда же без доимок было и впредь быти может, а помалу исправлялись». Ответом на это письмо был указ: «Известно великому государю учинилось, из многих приказов судьи разослали по городам и уездам дворян и приказных людей для правей доимочных денег за прошлые годы, от чего, чаем, не малому быть разорению. Того для, призвав всех судей в ближнюю канцелярию, объявить, дабы они того не чинили, а велели бы доимку выбрать за два года, 707 и 708».

Но об окончании войны нечего было и думать. Карл успел уйти в турецкие владения, и Петр спешил воспользоваться его отсутствием и своею победою, чтоб уничтожить дело Карла в Польше, выгнать Лещинского и утвердиться в Ливонии и Эстонии. 13 июля армия двинулась из-под Полтавы, где нельзя было долее оставаться по причине смрада от мертвых тел и долговременного стояния двух многочисленных войск. Остановились в Решетилровке, где было положено, что фельдмаршал Шереметев со всею пехотою и частию конницы пойдет осаждать Ригу, князь Меншиков с большею частию кавалерии в Польшу, где, по соединении с генералом Гольцом, должен был действовать против Лещинского и шведского генерала Крассова. 15 июля войска двинулись каждое в свой путь, а государь отправился в Киев, где познакомился с *снисходительным* префектом, Феофаном Прокоповичем: в Софийском соборе, в присутствии государя, при многочисленном стечении народа, Феофан говорил панегирик, решивший судьбу его. «Подобает мне, — говорил Феофан, — первее глаголати о побежденного супостата силе, дерзости, мужестве и о тяжести и лютости брани. Супостат воистину таковый, от какового непобежденному токмо быти, великая была бы слава: что же такового победити, и победити тако преславно и тако совершенно? Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководством от проклятого изменника введен есть внутрь самые Малые России? (ибо сам собою не мог бы никогда же и не дерзнул бы внити). Зде воистину супостату нашему сила, тебе же, отче отечества нашего, умножилися бяху труды и препятія. Брань убо сия сотворися, брань ночная, аки бо в темной ноци великое бяше недоумение, кого хранитися, на кого наступати, кого заступати: в едином граде, в едином дому можаху быти двоих противных стран оружия. Пси не угрызают господей своих, звери свирепые питателей своих не вредят; лютейший же всех зверей раб пожела угрызти руку, ею же не толь высокое достоинство вознесен и на том крепце держим бяше. Не устращися Хамова бесстыдия, не убояся Иудина

беззакония, не вострепета Ариева клятвопреступства, не помысли о священной и невредимой чести Христа господня, студ и вред отечества нашего! Ежель бо, сыном себя российским нарицая, враг сый и ляхолюбец. Хранися таковых, о Россие! и отвергай от лона твоего: еще ли ни, не последнюю беду претерпела еси, но имаши всегда носити змия в недрах твоих, и восприличествует тебе глас божий, Иезикиилю иногда изреченный: посреди скорпий живеша ты. Представьте себе пред очи, благоразумный слышателие, вся вышереченная лютая, вся нужды и неудобствия, ими же брань сия тяжка зело сотворилася, и узрите дивную победу. Кто побежден? Супостат от древних времен сильный, гордостью дерзкий, соседом своим тяжкий, народом страшный, всеми военными довольствы изобилующий. Где и как побежден? Во время зело лютое, брани внутрь отечества нашего вшедшей, егда укрепися изменническим оружием, егда ему удобие, нам же неудобствия умножишася; егда он большее, неже имевше собрата, наш же пресветлейший монарх на многие места раздели воинство свое, словом, побежден тогда, егда мняшеся победу в руках держати. Приходит мне зде на память, что повествуют о льве естество испытатели: егда, рече, лев не возможет силе крепких ловцов противостати, на бегство устремляется, а дабы не познали, в какую страну побеже, хоботом загребае следы свои за собою. Кто же ныне тожде не видит и на льве свойском? Видиши ты наипаче, яко с ним же убегший о изменниче! Не токмо телом, но и вероломством хромый; виждь ныне, како под крепчайшую руку отдался еси; ныне ругайся российскому воинству яко не военному; ныне познай, кто бегством спасается: сия бо бяху, между иными, укоризны твоя. Но и пророчество твое, им же свейской силе на Москве быти прорекл еси, отчасти истинно, а отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози под Полтавою возлюбиша место. Таковую убо и толь преславную победу твою, о преславный победителю! Кое слово изрещи, кая похвала по достоянию увенчати возможет? Не много таковых побед в памятех народных, в книгах исторических обретается. Инде отчасти поражени суще, отчасти же целы в дома свои возвращаются врази: наши же зде супостаты со всем воем и вождей множеством, ово плененны, ово убиенны суть, а и немного избегших занесе страх не в дома их, но в безвестная им места. Услышат ближний и соседы их и рекут, яко не в землю нашу, но в некое море внидоша силы свойские: погрузишася бо аки олово в воде, не возвратися вестник к отечеству своему».

Никогда Петр и приближенные его не слышали еще такой предики! Что митрополит рязанский! Царь велел напечатать панегирик вместе с переводом на язык латинский, яко всей Европе общий. Данилыч, о котором одном упомянул *снисходительный* префект по поводу Калишской победы, был в восторге.

Но Петр в Киеве должен был расплатиться за полтавские волнения: «Мне за грех болезнь припала, которая по отъезде вашем ввечеру прямою лихорадкою объявилась была (писал он 6 августа Меншикову). Но когда в понедельник принял *фонмотив*, с помощью божию оную разорвал, однако ж она, яко проклятая болезнь, хотя не знобом и жаром, то тошнотою и тягостию еще давит и свои дни выбирает, и тако не чаю, чтоб ранее 10 числа или праздника (Успения) отселе за бессильством ехать».

15 августа Петр выехал из Киева в Польшу; в Люблин приехал к нему обершталмейстер короля Августа Фицтум поздравить от своего государя с

Полтавскою викториєю и пригласить на свидание в Торн, куда Август шел из Саксонии с 14000 войска. Петр принял приглашение. Между тем польские вельможи, державшие сторону Августа, услышав о Полтавской победе, услышав, что с одной стороны идет в Польшу русское, а с другой – саксонское войско, спешили помириться с Августом. Видя, что в таких обстоятельствах нельзя долее держаться в Польше, генерал Крассов ушел в Померанию, куда за ним последовал и Лещинский с семейством. В сентябре в местечке Сольцах Петр смотрел польское войско, находившееся под начальством гетмана Синявского; сюда приехал к нему камергер прусского короля с поздравлением и приглашением на свидание с своим государем. 20 сентября Петр сел на суда и поплыл Вислою в Варшаву: здесь сенаторы польские поздравляли его с викториєю и благодарили за то, что этою викториєю возвратил им законного короля и спас их вольность. А между тем Меншиков писал государю из Быков: «Получил я от господина гетмана Синявского письмо с великою жалобою на людей наших, якобы оные никакого респекту ни на шляхту, ни на духовный чин не имеют, с дворов шляхетских и из костелов берут без остатку всякое пропитание, на что я ему не легче того отвечивал, как он ко мне писал; також и вашей милости доношу: не изволите ему поверить, понеже он охотник много писать о том, чего и не бывает. Я вам самую правду доношу, что с некоторых дворов шляхетских всякое пропитание принуждены мы брать для того: которым трактом сюда мы шли и оной заступило их коронное войско, и так они сей наш тракт сделали, что мы, за ним идучи, и солому едва где сыскать могли, а чтоб из костелов что брать и тутошним жителям какое разорение чинить, и того отнюдь не бывало, да и разорять некого, понеже всех жителей здешних разогнали они врознь; изволишь видеть, каково их войско: истинно, что и в регулярных полках почитаю одни только знамены да литавры везут, а люди все по сторонам за добычею рассеялись».

26 сентября за милю от Торна встретил государя король польский в двух небольших судах, обитых красным сукном: «И как приехал король Август к судну государеву, тогда государь его, короля, встретил, и между собою имели поздравление и любительные разговоры о состоянии своего здравия и случившихся дел, а наипаче о преславной Полтавской баталии, и, немного тут помедля, оба сии государи пошли на королевское судно или прам, на котором изготовлен был стол с кушаньем, за которым сидели и обедали, и в том судне ехали до города Торуня (Торна), а как прибыли к городу и пристали к берегу, то, вышед из судна, сели оба верхами на лошадей и поехали в город»

9 октября Петр и Август заключили в Торне союзный договор: все прежнее предано было совершенному забвению; отреклись оба государя от всех прежних претензий, и все прежние записки, письменные обязательства и документы сочтены мертвыми. Царское величество обещал королевскому величеству помогать в достижении польского престола как войском, так и ходатайством у Речи Посполитой; король обязался помогать царю против всех его неприятелей. Цель союза – не конечное разорение Швеции, но приведение ее в должные границы и доставление безопасности ее соседям. По окончании войны оба potentата гарантируют друг другу: царскому величеству – покойное владение наследственными, от шведов возвращенными и завоеванными землями; королевскому величеству – спокойное владение Польшею и своих нынешних и вперед имеющих получиться наследственных земель. Король обещает

постараться, чтоб вечный мир между Россией и Польшею был внесен в государственную конституцию. Так как выдачу Паткуля нанесена жестокая обида как царскому, так и королевскому величеству, а виновны в том Имгоф и Финкштен, заключившие так называемый Альтранштадский мир, то король обещает царскому величеству удовлетворение отправлением над ними совершенной юстиции, а царское величество обещает, что прежде помянутая амнистия и ради господина Паткуля на тех министров, которые в его заарестовании заинтересованы и виновны, распространена быть имеет и тем это дело окончено да будет. 20 октября был прибавлен тайный артикул: «Княжество Лифляндское со всеми своими городами и местами его королевскому величеству польскому, как курфюрсту саксонскому, и его наследникам присвоено и уступлено быть имеет».

В Торн явился и чрезвычайный датский посланник фон Ранцов поздравить с викториєю и домогаться заключения оборонительного и наступательного союза с полтавским победителем против побежденной Швеции; ему объявлено, что для заключения этого союза уполномочен в Копенгагене русский посол князь Василий Лукич Долгорукий. Мы видели, как дело подвигалось медленно у Долгорукого до конца июня 1709 года. Получив известие о Полтавской победе, Долгорукий словесно донес о ней королю. Тот отвечал, что уже получил известие из Саксонии, потом пространно начал говорить о победе, удивлялся ей и показывал вид радостный; говорил, что этою победою царь не только себе, но и всему русскому народу приобрел бесконечную славу и показал всему свету, что русские люди научились воевать. Когда Долгорукий объявил ему о вступлении короля Августа в Польшу, то Фридрих IV сказал, что и он желает с царским величеством обновить старый союз и вступить в войну против шведов, но при этом заметил, что английская королева упорно держит шведскую сторону и говорит, что по договорам не может допустить шведского короля до упадка. Долгорукий отвечал, что королева не в состоянии исполнить своего желания по причине войны французской; да если бы война и кончилась, то англичане в парламентах не скоро согласятся наложить на себя новые подати и нести разорение для шведского короля. Но в Дании спешили пользоваться полтавскою победою: первый министр Грабе, которому обещана была милость царская, открыл Долгорукому по секрету, что король в тайном совете приказал своим министрам неусыпно трудиться над военными приготовлениями и намерен начать войну в сентябре или по крайней мере в октябре.

Еще до известия о полтавской победе Долгорукий предложил субсидии: 300000 ефимков на первый год, по 100000 на следующие, на 50000 материалов для флота, от двух до трех тысяч матросов и 10000 пехоты. «Король, – писал Долгорукий, – намерен вступить в войну, но не заключает союза с царским величеством, чтоб побольше выпросить денежных субсидий. Мое мнение: хотя союз с датским королем царскому величеству нужен как теперь, так еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести датского короля в этот союз как можно безубыточнее. Я хотя имею указ обещать им 500000 на первый год, однако до сих пор не объявил еще им больше 300000 и вместо 20000 пехоты объявил только 10000, потому что вижу их склонность к вступлению в войну и думаю, что и тем будут довольны, а если б прежде моей последней конференции я знал о Полтавской победе, то и этого бы не объявил».

Долгорукий писал Головкину, не прикажет ли государь уменьшить субсидии вследствие перемен, произведенных Полтавскою победою, – и вдруг получает указ заключить с Даниею оборонительный и наступательный союз вовсе без субсидий! Долгорукий отправился к королю и объявил, что хотя неприятелю после такого поражения поправиться нельзя и царское величество может заключить теперь благополучный мир, однако не отрицается вступить в оборонительный и наступательный союз с Даниею, только субсидий дать не может по многим причинам. Король с печальным видом отвечал, что надеялся на денежные субсидии, без которых флота вооружить не на что, а министры сказали Долгорукому, чтоб царское величество не изволил надеяться нынешнею победою удержать порт на Балтийском море, если не будет иметь союзников в датских королях, потому что многие другие государства будут мешать ему в том. Министры тем сильнее спорили с Долгоруким, что имели в руках письмо от Урбиха, писанное после Полтавской победы: в письме говорилось, что царь дает королю 500000 ефимков единовременно за союз. 7 сентября приехал к Долгорукому один из министров и объявил, что король непременно намерен вступить в войну с шведами по соглашению с царским величеством, и хотя эта война будет королю убыточнее всех прежних вследствие приготовления морских сил, однако король начнет ее в надежде, что царское величество, увидев тяжкие убытки королевские, если не теперь, то впоследствии окажет помощь.

Несмотря на это объявление, дело опять затянулось благодаря усилиям английского и голландского послов, которые отговаривали от войны датских министров, боясь, что как скоро Дания объявит войну Швеции, то многие государи и князья имперские отзовут свои войска из службы союзников, одни для сбережения своих границ, другие по обязательствам с королем шведским или датским, да и сам датский король отзовет свои войска, когда увидит сильное наступление на себя со стороны шведской, и таким образом голландцы и англичане, сильные только чужими войсками, потеряют возможность продолжать успешно войну с Франциею. Послы их, в конференциях с датскими министрами, прямо грозили, что Англия и Голландия примут сторону Швеции и датский король вместо приобретения чужого может потерять и свое; если же он удержится от войны до общего мира союзников с Франциею, то союзники обещают и без войны доставить ему Шонию. Долгорукий узнал, что когда прусский король дал знать голландским Штатам о предстоящем свидании своем с царем, то те стали убеждать его, чтоб не входил ни в какие обязательства с Россиею, ибо царь становится так силен, что может быть опасен не только другим областям, но и самой Пруссии; все государства обязаны не допускать царя до усиления, которое может быть вредно целой Европе.

При таких внушениях датские министры опять заупрямились, и Долгорукий счел необходимым уступить, согласился хлопотать у царя о субсидиях, согласился определить, какие из шведских земель должны принадлежать России, какие Дании.

Между тем секретарь французского посольства в Копенгагене давал знать Долгорукому, что король его очень желает вступить в союз с царем. Долгорукий, давая знать об этом в Россию, предлагал свое мнение: «Я не думаю, чтоб нужно было входить в обязательства с Франциею, потому что помощь ее теперь не очень нужна; однако надобно показать некоторую склонность, отыскавши способ, чтоб

осталось все в тайне. Польза от этого может быть та, что Франция, увидев к себе склонность со стороны России, станет продолжать войну; потом, союзники так сильно идут наперекор интересам царского величества, и если они действительно станут против нас действовать, то Франция будет нам нужна». Долгорукий получил указ отвечать секретарю, чтоб французское правительство прислало кого-нибудь к царскому двору или бы дало комиссию. Секретарь говорил Долгорукому, что государь его готов прекратить все прежние несогласия с Россиею, готов гарантировать царю все его завоевания, будет стараться, чтоб русские стали твердою ногою на Балтийском море, потому что здесь замешан интерес французского короля, которому желательно ослабить на этом море торговлю английскую и особенно голландскую.

Посланники английский и голландский в Копенгагене действительно сильно шли наперекор интересам царского величества, «двигали землю и небо», чтобы удержать датского короля от войны с Швециею. Наконец Долгорукому удалось ввести короля в войну – без субсидий со стороны России, несмотря на то что к нему присланы были указы обещать сухопутное войско, матросов и по сту тысяч ефимков ежегодно материалами. «Не дал я ничего: ни человека, ни шелега!» – писал с восторгом Долгорукий в Россию. 11 октября был заключен союзный трактат на том основании, что их величества, царь всероссийский и король датский и норвежский, «зело рассудили вредительные последствия, которые бы ярость и злобонасильственные поступки короля шведского по времени произвести могли к великому предосуждению единой и другой областям». Его величество датское обязалось разорвать с королем шведским и тою же осенью наступать на него морским и сухим путем, вступить в Шонию с одним войском, а в Шведскую землю от Норвегии – с другим. Царское величество обязалось кроме начатых уже воинских промыслов в Ливонии и Польше напасть также на Финляндию.

По заключении договора Долгорукий давал обед иностранным министрам: шла, разумеется, длинная речь о войне, начинаемой Даниею; голландский и английский посланники прямо высказали, как противна им эта война. «Ныне уже дело при здешнем дворе все по желанию его царского величества совершилось, – писал Долгорукий от 5 ноября, – король датский войну всчал против короля шведского; войска датские, конные и пешие, вступили в Шону, а как транспорт и десант чинены, я всему тому очевидным свидетелем сподобился быть: дана мне была, по моему прошению, фрегата королевская».

Когда Долгорукий оканчивал дело союза в Копенгагене, Петр уже плыл Вислою к Мариенвердеру для свидания с королем прусским. Их величества «поздравились любительно», но союз был заключен только оборонительный. Из Мариенвердера царь отправился к Риге, под которою уже стоял фельдмаршал Шереметев с войском. Пополуночи на 14 ноября начали бомбардировать город; первые три бомбы бросил сам государь – и писал Меншикову и министрам своим при иностранных дворах: «Сего дня о пятом часу пополуночи бомбардирование началось Риги, и первые три бомбы своими руками в город отправлены, о чем зело благодарю бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому отмщения начало учинить». На этот раз все и ограничилось таким началом отмщения: по позднему времени, по крепости города и многочисленности гарнизона и, наконец, потому, что город не мог получить ниоткуда помощи. Петр распорядился, чтобы Шереметев отвел войска на зимние квартиры в Курляндию, оставив для блокады

Риги семитысячный корпус князя Репнина. Бросив три бомбы в Ригу, Петр на другой день отправился в Петербург, или в «святую землю», как называл его Меншиков в письме своем. В Петербурге царь велел построить церковь во имя св. Сампсона в память Полтавской баталии, распорядился другими постройками и украшением города, который эта баталия закрепляла за ним, велел министрам, генералам и знатному дворянству строить каменные дома на «святой земле», которой многие из них согласны были дать совершенно другое название. 6 декабря заложил корабль «Полтава» и на другой день отправился в Москву.

Приехав 12 декабря в село Коломенское, Петр дожидался тут гвардейских полков. На другой день пришли полки и начали свозить из всех ближних городов шведских пленных, взятых под Полтавою; два дня в слободах за Серпуховскими воротами устраивали полки, разбирали пленных, раздавали взятые знамена, артиллерию по полкам; 21 декабря вошли в Москву с великим триумфом. Построено было семь триумфальных ворот, изукрашенных золотом, эмблематическими картинами, покрытых надписями. Приведем описание ворот, построенных купцами, потому что здесь было дано место и сыну триумфатора. «Купцы великороссийские поставили торжественные врата величайшему силы свейские вконец истребителю. В первой картине вместо Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимого именуют быти солнцем, поставися пресветлейшего монарха нашего персону под зодиатическими знаки рака и льва (яже месяцы июнь и июль знаменуются): яко егда рак месяца июня в зодиачное знамение прииде, тогда, несмысленную дерзостью пришед в чужое отечество, лев шведский, с великим бесчестием всю потерявши силу свою, раком быв, вспять едва выползе. На престоле царственном поставиша во образе девы правду с весами. Близ престола правды, веру христианскую во образе девы с крестом господним. В перспективе царствующий град Москву, а над ним персону государя царевича Алексея Петровича на орле, царском знамени, возлетающего с желанием в большее мужество, имущего же молния на убиваемого льва, знаменующи, яко пресветлейший государь царевич, в отечестве своем быв, уготовляя воинство в чуждую ограду, вшедшего льва шведского к побеждению посылаше. Во второй картине лабиринт, иже вертоград бысть, содержи вельми хитростные в себе стези, знаменующи советы и произволения короля свейского, хитростями премногими исполненные. В той же лабиринт вводящая персону пресветлого монарха нашего дева со змием и зеркалом, еже есть благоразумие знаменующи» и т.д.

После триумфов Петр начал трудиться «во управлении гражданских дел», к которым и нам пора обратиться.

Дополнения

1. Ведомости о числе родившихся и умерших в Москве.

1703 год

В генваре родилось муж. пола 693, женска 592, всего 1285; умерло младенцев муж. пола 318, женска 291, итого умерших младенцев 609; умерло больших мужеска 202, женска 152, итого 354; да в монастырях монахов и монахинь умерло 14, в убогий дом положено мертвых тел 9, всего умерших 986; да в убогом дому Покровского монастыря мужеска 14, женска 1.

В феврале род. мужеска 522, женска 544, всего 1066; ум. младенцев мужеска 365, женска 330, итого 695; умерло больших мужеска 218, женска 255, итого 473, да в монастырях умерло 11; в убогие дома положено 58, всего умерших 1237.

В марте род. младенцев мужеска 571, женска 460, всего 1031; умерло младенцев мужеска 437, женска 391, итого 828; больших мужеска 282, женска 283, итого 565; в монастырях 4 монаха, 11 монахинь; в убогие дома положено 47, всего 1455.

В апреле род. мужеска 500, женска 453, итого 953; ум. младенцев мужеска 383, женска 444, итого 827; больших мужеска 266, женска 281, итого 547; монахов 9, монахинь 12; в убогие дома положено 21, всего 1416.

В мае род. мужеска 489, женска 415, всего 904; умерло младенцев мужеска 515, женска 439, итого 954; больших мужеска 257, женска 230, итого 487; монахов и монахинь 23; в убогие дома положено 13, всего 1477.

В июне род. мужеска 530, женска 470, итого 1000; умерших младенцев мужеска 525, женска 516, итого 1041; больших мужеска 242, женска 192, итого 434; монахов 12, монахинь 9; в убогие дома положено 24, всего 1520.

В июле род. мужеска 541, женска 509, итого 1050; умерших младенцев мужеска 395, женска 387, итого 783; больших мужеска 178, женска 179, итого 358; в монастырях 6 человек; в убогие дома положено 7, всего 1153.

В августе род. мужеска 468, женска 447, всего 915; умерло младенцев мужеска 360, женска 388, итого 748; больших мужеска 126, женска 124, итого 250; в монастырях 12; в убогие дома положено 6, всего 1016.

В сентябре род. мужеска 442, женска 373, всего 815; умерло младенцев мужеска 363, женска 357, итого 720; больших мужеска 121, женска 110, итого 231; в монастырях 2; в убогих домах 4, всего 957.

В октябре род. мужеска 572, женска 510, всего 1082; умерло младенцев мужеска 373, женска 350, итого 723; больших мужеска 113, женска 116, итого 224; в монастырях 6; в убогих домах 16, всего 969.

В ноябре род. мужеска 319, женска 279, итого 598; умерло младенцев мужеска и женска 599; больших 277; монашеского чина 8; в убогих домах 8, всего 892.

В декабре род. мужеска 322, женска 315, всего 637; умерло младенцев мужеска 278, женска 279, всего 557; больших 267; в монастырях 8; в убогих домах 4, всего 836.

1704 год

В январе род. мужеска 461, женска 494, всего 955; умерло младенцев мужеска 265, женска 259, итого 524; больших мужеска 172, женска 122, итого 294; в монастырях 14; в убогих домах 71, всего 903.

В феврале род. мужеска 454, женска 419, всего 873; умерло младенцев мужеска 309, женска 579, итого 888; больших мужеска 238, женска 212, итого 450; в убогих домах 10; в монастырях 3, всего 1351.

В марте род. мужеска 453, женска 365, всего 818; умерло младенцев мужеска 410, женска 367, итого 777; больших муж. 272, женска 261, итого 533; в монаст. 9; в убогих домах 10, всего 1329.

В апреле род. мужеска 463, женска 431, всего 894; умерло младенцев мужеска 305, женска 352, итого 657; больших муж. 319, женска 259, итого 578; в монастырях 16; в убогих домах 87, всего 1438.

В мае род. мужеска 465, женска 340; умерло младенцев мужеска 463, женска 411; больших муж. 224, женска 232; в монастырях 14; в убогих домах 7, итого рожденных 855, умерших 1351.

В июне род. мужеска 483, женска 381, всего 864; умерло младенцев мужеска 451, женска 436, итого 887; больших муж. 149, женска 179, итого 328; в монастырях 4; в убогих домах 51, всего 1270.

В июле род. мужеска 491, женска 465, всего 956; умерло младенцев мужеска 479, женска 446, итого 925; больших муж. 103, женска 128, итого 231; в монастырях 5; в убогих домах 8, всего 1169.

В августе род. мужеска 616, женска 574, итого 1190; умерло младенцев мужеска 616, женска 564, итого 1180; больших мужеска 142, женска 135, итого 277; в монастырях 4; в убогих домах 3, всего 1464.

В сентябре род. мужеска 531, женска 473, итого 1004; умерло младенцев мужеска 437, женска 399, итого 837; больших муж. и женска 206; в монастырях 1; в убогих домах 18, всего 1062.

В октябре род. мужеска и женска 1206; умерло младенцев 726; умерло больших мужеска 84, женска 90, итого 184; в монастырях 1; в убогих домах 6, всего 907.

В ноябре род. мужеска 524 и женска 405, всего 929; умерло младенцев мужеска 335, женска 315, итого 650; больших мужеска 103, женска 100, итого 203; в монастырях 5; в убогих домах 17, всего 875.

(Из дел Монастырского приказа в Архиве мин. юстиции)

II. 1705 года февраля Спаса Андроникова монастыря по указу архимандрита Феодосия с братиею села Покровского крестьяне, выборный сотник, пятидесятник и рядовые крестьяне, выбрали мы на монастырском дворе на мирском совете в выборные к 1705 году крестьянина деревни Давыдкова Никона Васильева: быть ему за нашим выбором в селе Покровском у дела на монастырском дворе, собирать великого государя подати и монастырские, денежный сбор и за монастырскую пашнею смотреть и крестьян ко всякому делу наряжать и у сева и у жнитва быть и от молотбы не отходить и у житниц и в житницах хлеба ведать и беречь накрепко и печатать и на поле копны и снопы считать и у молоту быть и над нами крестьяны ведать и расправу между нами вправду чинить старостою и смирать нас, крестьян, кто чего доведется. А будет он, Никон, за сим нашим выбором, в чем монастырской убыток учинит или учнет пить и бражничать, и на нас монастырская пеня, а пени, что архимандрит с братиею укажет, и что будет за его, Никоновою, оплошкою, учинится какая хлебная и дворовая утрата, и за тое утрату взято на нас, крестьянех, будет вдвое: в том мы, крестьяне, и выбор дали.

(Из дел Монастырского приказа)

III. 1) В нынешнем 1706 году марта в 9 числе большого полку генералу фельтмаршалку и военному Малтийскому свидетельствованному славного чина святого апостола Андрея кавалеру Борису Петровичу Шереметеву в урочище Выкчибурском Яру явились из Астрахани астраханского Спасского монастыря архимандрит Антоний, да приказные палаты подьячий Иван Щетинин да

астраханский житель купецкой человек Федор Клементьев и перед ним фельтмаршалком и кавалером сказали: после отъезду из Астрахани Семена Бехтеева были у астраханских воров и у бунтовщиков по многие дни круги и мятеж великой, и многие ходят с ружьем и с копья, и как присыланы были от него фельтмаршалка указы, и против тех указов говорят, что де ему в Астрахани делать? И для чего с полками без указа великого государя идет? У нас де посланы к великому государю челобитчики, а буде придет к Астрахани с полками в город пустить не хотят разве с малыми людьми с 50 человеками или менши, и пушки и снаряд по городу готовят и говорят: есть де у нас яблок много, мы де и попов поставим по городу, и какова пора будет, мочно де отобратся человек с тысячу и больше и выйтить на выласку, и хотели загородные дворы и слободы выжечь, также с учугов и с Красного Яру и с Селитряного городка людей забрать и сесть в осаду, и если что явится, большой снаряд, которой будет им не в мочь, хотели затопить в воду, а достальной забрать с собою и итить на Аграхань, и велели делать струги, а митрополита астраханского по многие дни говорили, чтоб его убить.

2) Шереметев государю 4 марта. Премилостивейший государь! На Черный Яр пришел я марта 2 дня, и черноморцы все вашему величеству вины шатости своей принесли со всяким покорением. Воевода на Черном Яру Вашутин добр и показал вашему величеству верную службу, многих их уговорил, при том есть и иные из подьячих и из граждан, которые к шатости не приставали: и я тому воеводе велел быть по-прежнему да для караулов оставил полк солдацкой Обухов 500 человек, чтоб заводчиков не распустить до указа твоего самодержавия, а кто из черноморцев в шатости были, послал при сем письме перечень. Посланник мой, которого посылал я в Астрахань, с Саратова возвратился на Черный Яр сего марта 4 дня, привез от астраханцев ко мне отписку, и написали, чтобы я помешкал на Царицыне, и пустить меня в Астрахань не хотят, и многие возвраты (развраты) между ими учинились. А я с полками своими от Черного Яру сего марта 5 дня пойду наскоро, и чтоб при помощи божией намерение их разорвать и не упустить из города и чаю поспешить. Повели указ прислать с статьями, о чем к вашему самодержавству писал наперед сего: естли вину принесут, что чинить?

3) Шереметев Головину 18 марта. За присланное секретное письмо зело зело, милостивый мой, благодарствую, а к Астрахани в поход понужден был для того: естли б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была и имела намерение соединиться с кубанцы и с каракалпаки и итить в верховые города, о чем и Аюка хан тайша говорил мне, что и они в великом сумнительстве были и чаяли, что во оборону не будут. А Хованского ни во что ставили и еще бы с тово выросло, естли бы он пришел, и астраханцы об нем инако рассуждали, о чем, ваша милость, сам изволишь выразуметь, а что изволишь писать ко мне, что я к вам пишу не сходно в ведомостях, и я к вам пишу самую истину, не выбирая ничего и не соглашая одного с одним, уведомясь о каждом подлинно, чти принесено, и можно уверить мое дело: Носов и прочие живы и скажут, что их было намерение. Надобно совершенно прислать к морским судам мастера, а которые здесь были, все перебиты, а иных никого нет.

4) В письме к Борису Петровичу Никиты Кудрявцева, Александра Сергеева, Степана Вараксина написано: уфимцы положенного на них старого ясаку против прошлых лет не платят и посланным от нас из Казани чинят противенство, подвод

по указам против прежнего не дают. Посланного из Казани на Уфу воеводу Льва Аристову на дороге остановили и не пускают и говорят, что воевода-де у них Александр Аничков и он-де им люб, а говорят, что Аничкову приказал ты быть воеводою. Из верховых городов беглецов иноверцев принимают, и кои до сего числа к ним пришли, не отдают. А тот Аничков за некоторыми причинами там быть по многу негоден. Ведомость нам есть, что посланные от милости твоей на Уфу приказом твоим башкирцам быть к тебе с челобитьем велели, и, по словам посланных твоих, поехали к вашей милости с Уфы челобитчики ведомый вор и бунтовщик башкирец Демейко со товарищи, которой прошлого лета в Казанском уезде села и деревни разорял, людей побивал и в полон брал и стада отгонял. А их, башкирцов, по указу царского величества велено ведать нам и от всяких их шатостей приводить в покорение и во всякое послушание, а, кроме нас, никому ни в чем ведать не велено. А будет, ваша милость, изволишь челобитье их примать и ослабу им чинить, то всеконечно добра некакого ждать. И естли что учинится, то не от нас, мы правим дела по имянному царского величества указу, свое на нас положенное, и в. разном несогласии и никогда состояния доброго не бывает. О том от нас писано в полки, а не писать было нам невозможно для того, что они, иноверцы, имеют нравы всегда в ослабе непостоянны, хотя малую себе какую ослабу увидят, то все города и уезды того же пожелают, в те числа укротить их будет невозможно. А что изволишь, ваша милость, писать к нам о присылке хлеба, и мы радеть вседушно по усердию своему ради, и которой приготовлен, с тем пошлем за первым льдом водою, а в другом учинился недобор, иноверцы уже по приезде нашем стали платить, а до приезде нашего нечто мало платили, чинились непослушны, а другие и ныне в том упорстве стоят, а сказывали, что ожидают от тебя по челобитным указов, по которым будто вы обещали им учинить определение.

5) Сиятельнейший князь, милостивейший Александр Данилыч! доношу твоему сиятельству последний твой раб Никита Кудрявцев: к уфимским башкирцам ездил я от Казани в 300 верстах, а не доехал до Уфы 200 верст, и их, собравшись человек с 400, ко мне приехали в саадаках, в них от первых три человека: Урай Ногаев, Кемей Шишмаметев да Мещеряк Имай; сказал я им государеву милость, что царское величество пожаловал их, указал им платить ясак против прошлых лет, а новонакладного ничего не имать. И они, выслушав, поклонились, а по-видимому знатно, что не усердно то приняли. Им же говорил, чтоб беглых к себе татар, чувашу, черемису и прочих иноверцев не принимали, а которые есть, тех бы отдали. И они того и слышать не хотели и сказали, что они беглых никого не знают. Им же говорил: для чего они государевым посланным по дорогам против прежних лет никому по указам подвод не дают? Сказали, что и вперед давать не будем никому, и из них один, башкирец Урай, по-русски говорил мне: полно де нам с тобою говорить! Ты де едешь без государева позволения собою, чтоб де денег больше собралось, и по тем словам пошли от меня с двора все и, отшед от двора, стали кругом и прислали ко мне Мещеряка Сулмаметка, и он говорил, прислали де его начальники и все мирские люди сказать: слышно де им, что идет на Уфу воевода Лев Аристов, и они де его, Льва, не пустят, у них де хорош воевода Александр Аничков. И как я от них поехал назад, и они ехали наперед меня и позади с ружьем человек с 60 тридцать верст, а слышно мне, буде бы я стал брать подводы, не хотели давать. После того послали

мы на Уфу Льва Аристову на Александрово место Аничкова для лучшего усмотрения, и он, Лев, поехал и писал к нам в Казань, что башкирцы его на Уфу ехать не пускают, остановили на дороге до Уфы верст за двести, а говорят: велел де у них быть воеводою Александру Аничкову Борис Петрович и нам де он люб. А он, Александр, житель уфинской, и имели мы в том опасения, нет ли от него к нам в упорстве какого ослабления. А из верхних городов иноверцы и уездные люди бегут в Уфинской уезд, а башкирцы принимают и заказу нашего не слушают, и мы поставили по дорогам заставы, а имея их, велели приводить в Казань. От господина фельтмаршалка послан был на Уфу Василий Арсеньев и, приехав с Уфы, сказывал, что поехал к нему, фельтмаршалку, с Уфы в челобитчиках пуший вор и бунтовщик башкирец Демейко с товарищи, который в прошлом в 705 году разорял села и деревни и людей побивал и в полон брал и стада отгонял. Да и опричь того слышно, что уфинцы поехали к нему, фельтмаршалку, бить челом, по словам присланных от него. А до посылки на Уфу фельтмаршалковой стали было быть смиренно и полонное отдавали и впредь отдавать хотели, а после того не так. Если его милость в такие дела станет вступать и такому народу учинит, не осведомясь с нами, хотя малую ослабу, то всеконечно нам в доброе их установить и злое от них отрешить будет невозможно для того, что мы, по обещанию своему, делаем душевным намерением и безмездно, а другие особым намерением, о котором их намерении ваше превосходительство сами довольно известны.

б) *Шереметев Головину* : апреля 18 числа писали ко мне из Казани Никита Кудрявцев, Александр Сергеев, Степан Вараксин, и я против того письма писал к ним, что Никита Кудрявцев на то на все сам сведом, а не так, как они писали. И как я приехал в Казань, и каков мне был указ премилостивейшего моего государя устной, которой я ему объявил, и с ним о том говорил пространно, как бы тех башкирцов привести в прежнее состояние и послушание, и как я от него выразумел о тамошнем их поведении, и послали к ним с письмами, и которые сидели за караулами в Казани свободили для того и послали с ними нарочно офицера для лучшего уверения, и велели, чтоб они от своих шатостей отстали и были во всяком послушании и покорстве, и для лучшего уверения, что по указу великого государя приехал в Казань, прислали б ко мне башкирцов из лучших людей, буде какие есть нужды, чтоб доносили и во всякое своевольство не вступали. И по тем моим посылкам приехал в Казань башкирец Усей Бигинеев, который был у меня в полку в свейском походе, и о чем они великому государю били челом, и я о тех делах писал и с ним, Никитою, при отпуске к Москве приказывал словесно, чтоб он донес о том великому государю. И по той моей посылке уфимцы и башкирцы почали было быть во всяком послушании и покорности и всякие подати все хотели платить по-прежнему. И как Усей был у меня в Казани, и он сказал, что со всех дорог присланы будут лучшие люди с повинностью своею и с челобитьем, и мне было им запретить, чтоб ко мне не ехать, невозможно для того, что указал премилостивейший государь усмотреть, буде бы что положено на них в тягость, и их своею государевою милостию обнадежить. И при моей бытности пришли было все в старое состояние, и если б я не ускорил своим приходом в Казань, он же, Никита, мне сказывал, что и в Казани было не безопасно, а в Синбирску было и сделалось, если б не показал своей службы синбирской воевода Федор Есипов. И моим прибытием в Казань и в низовые города никакому государеву делу порухи не учинилось, но обновилось, а

на Уфу воевода Аничков послан по указу великого государя, каков привез ко мне Михайло Щепотев, а не я собою послал, на что он, Никита, сведом же, а челобитных, о чем мне подавали уфимцы и башкирцы и иных низовых городов, как в оброках, так и в ясаках и в иных их накладных сборах, и я ни во что не вступал и никакого указа не учинил и те челобитные послал к великому государю к Москве, а когда ко мне приехал в Казань Михайло Щепотев и вручил мне письмо премилостивейшего государя собственной его государевой руки, что указал мне великий государь итить к Саратову и к Царицыну, и я казанские все дела, которые были, оставил все в Казани и по походе своем в тамошнее дело, кроме военных дел, что надлежит к походу моему, ни во что не вступал, а ныне, как прислан великого государя указ, что велено быть ему, Никите, и прочим, и я ни в какие их дела не вступал и не вступаю и впредь без указа вступать не буду, а тем башкирцам дале Синбирска ехать было я не велел, и приехали они ко мне в Астрахань по первым моим посылкам марта в 26 числе, и ныне, государь мой, тех приезжих башкирцов послал к милости твоей. Тебе ж, государю моему, известно чиню: прислали ко мне с Саратова списки с указу великого государя, каковы разосланы во все низовые города от Александра Сергеева и Стрелкова, что меня ни в чем слушать не велит, и те списки послал к милости твоей при сем же писме: и естли, государь, стану о чем в которые города и посылать, а воеводы меня слушать не станут, чтоб в том какой порухи в делах государевых не было и мне не причтено было в нерадение. Зело я, государь, опасаяся, чтоб не учинилось и на Уфе от башкирцев так же, как и в Астрахане, а я вижу, что зреет, а как сделается, мудро будет унимать.

(Москов. архив мин. иностр. дел, дела персидские 1705 и 1706 годов)

IV. 1) Из письма иерусалимского патриарха Досифея к царю 1702 года. Аще приидут отсюды или сервы, или греки, или от иного народа туды, аще бы и случайно были мудрейшие и святейшие особы, ваше державное и богоутвержденное царствие да никогда сотворит митрополитом или и патриархом грека, серва или и русянина, но москвитянов, и не просто москвитян, но природных москвитян, многих и великих ради вин, аще и не мудрии суть: понеже патриарх и митрополит, ежели суть добродетельнии и мудрии – велие есть добро, аще ли же и не суть мудрии, довлеет добродетельным быти, и да имеют мудрых клириков и в иных чинах. Наипаче москвитяне суть хранителие и хвалителие своих (догмат), хранят отческую веру непременную, сущии нелюбопытательнии и нелукавнии человеки, но страннии и онии, иже хождаху zde и тамо, могут произвести некие новости в церкви, и что великое ваше царствие и из Азова выслал оногo грека, много разумнейши и умнейши сотвори, и да будет тамо митрополит москвитянин природный, безлукавный и нелюбопытательный, и да имеет русяны, греки и сервы учителя. Подобае же добродетели патриарха, который будет, имети и смирение, да будет патриарх, а не царь самодержец, да имеют власть архиереи, иереи и презвитеры глаголати церковные пред ним, да не будет зверь, и да страшатся (не страшатся) его архиереи, сущии братия, яко раби; да не возможе глаголати в церкви чуждая церкви, да не может мешатися во гражданских и повелевати синклиту, яко сотвори Никон и смути вселенную. Внемли, всеблагий владыко, не дати власть гордым и тиранский и насильный нрав

имушим. Еще доносим и сие, что пришли сюды письма из Вены и пишут, яко похваляются тамо, что пошлет ваше царствие сына своего, Алексея Петровича туды обыкновения ради и учения: внемли не выслать из Московии сына вашего, да не пойдет в чужие места и научится не обыкновению, но иностранным нравам. Приснопамятнии отцы и праотцы святого вашего царствия и богоутвержденное ваше царствие от которых франков научилися вы обыкновению и ведению? И владели и владеете едва не всею вселенною, крепции сущии, величайшии, страшнии и непобедимии, а онии франки знающии и обыкновении что исправили, токмо что едятся и воюют междо собою? Никакого соединения никогда не твори с франками, от них же и самый Леопольд паповенчанный ложный кесарь коликожды солга великому вашему царствию? Егда имеет нужду, притекает к вам, и молит, и просит, и обещевает множайшая, последи тебе остави единого, не бояся бога и не устыдився людей, и явися явный враг и явный наветник в Карловице, егда посол ваш и венеты противостояху в миру и взысковаху некая взыскания, что глаголаху послы Германов и наипаче посол английский с стороны германские? Довлеет сотворити Отоманом мир с немцами, но венеты и москвитяне есть не есть, едино есть? Великое ваше царствие помогло ему, а он гонит православные горши Диоклитиана и Максимиана.

2) *Из письма того же к тому же* 1704 года. Много много подобает внимати вам и учинити из двух единое, или смирити шведа и укрепити и саксонского в Польше, или учинити мир с шведом и укрепити и саксонского в Польше. Я прежде сего писал к благородию твоему, чтоб не печалился о том, как умирают воины, когда есть полезно, а наипаче, когда время позовет, потому что многожды ни во что ставя время, не мочно в другой ряд сыскать. Господин Димитрий (кн. Голицын) ныне как пришел в Польшу, довелось ему ударитися с своими на шведа, и хотя бы не учинил и победы великой, однако ж умалялася бы сила шведская, зане хотя бы и побиты были москвитяне и козаки, пришли бы иные на их место, а буде убиты были бы шведы, остались бы меньше, и наипаче, как ныне слышим, не были многие под Львовом. Дела саксонского не покажутся храбрые, потому что хитростию ищет победы без трудов, однако ж воинские дела требуют не токмо хитрости, но и дела, понеже Аристотель пишет в нравоучительной своей философии, яко добродетель не состоится в том, что ведати, но в том, что делати. Богом утвержденный мой! Что жалеешь козаков буде умрут? Зане буде умрут есть мученики. Во Львове была одна горсть шведов, и козаки могли бы поглотити их живых. Воинское дело несть для какого упрямства, но для православия, и без бедства как может получить конец, который ему доведется. Есть и стыд от людей, что вышли столько тысяч козаков с гетманом своим и обратятся назад без дела. А есть и иное: когда воюют, сколько живы останутся, научаются воинскому делу, а как сидят, так и не воюют, во время нужды ни к чему не годны. А буде есть такие люди, которые чают, что исправление воинское делается без беды, без труда, без смерти: они бы сделали себе по камилавке, и пошли бы жити в монастырь, и четки свои перевертывали бы.

3) *Перевод с греческого письма, каково подал ближнему боярину Фед. Алекс. Головину иеромонах Серафим в Нарве 1704 года августа в 20* . Начало и причина увещания бедных греков, а потом и вся история яко же следует. Первая причина был умерший патриарх кир Каллиник в 1693 году, как жил в доме посла французского семь месяцев, как отставлен был от патриаршества от кир

Дионисия. Предложено прежде от того посла Кастаниера Скоторнуфия вопросительно на обеде приватно оному патриарху при нас токмо диаконах таких способом. Какое было бы окончание и збытие еллинского роду и всея восточные церкви? Отвещал блаженные памяти кир Каллиник, что всю нашу надежду по бозе имеем на христианских государей, а особливо на Людовика XIV, по дружбе и защищению, которое явил и повседневно являет к бедному, пренебреженному и плененному роду еллинскому и по храбрым и благочестивым делам и христианским поступкам, что повседневно видим и слышим исправляема от него. Отвещал Скоторнуф: добра ваша надежда, но зависть европейских государей есть зла, и та не допустит вам видеть вольности своей. Кир Каллиник его о том спросил: для чего? Отвещал Скоторнуф: понеже никогда не согласятся между собою европейские государи, чтоб отдали Грецию одному, который бы имел и другое государство, но паче предпочитают бытие в руках турецких, нежели отдать другому государю. Того ради потребно бы было, чтоб вы сами промыслили какую Речь Посполиту и согласитесь между собою, и тогда б могли вызвать и просить тайно, кого восхощете себе за государя. И от того времени началась пересылка с французами. А что учинилось между тем, не знаю, понеже был я здесь на Москве и в Англию послан от помянутого патриарха кир Каллиника ради школы, которая учинена в Аксфорте ради еллинов, а как возвратился я из Англии в Царьград, паки послан я был, быв посвящен, от помянутого Каллиника на Белое море в 1699 году к наместником рода (народа), которых есть семь, и из тех большая часть есть ныне консулы французские, и от них я послан во Францию и с другим некоторым иеромонахом, который ныне послан в Ефиопию ради службы рода, а я в Англию в 1699 году. И те семь наместники не были учинены с общего совету рода, но токмо от патриарха и от немногих некоторых тайно: того ради, что ни делали, все с великим страхом и трепетом делали, чтоб не объявиться туркам или венецианам, потому что как от тех, так и от других опасаемся. А между тем случился и мятеж миссионариев короля французского в Турецкой земле, и те миссионари не были так за веру и духовные дела, елико для дел и вымыслов короля французского, как о том и из Голанской земли я вам писал, а понеже поймали нескольких из наместников и посадили их на каторге вместе с миссионариями, однако ж не ради гражданских дел, но ради веры, для того что и туркам не явились дела наши, понеже употреблены были под именем веры. И оные случаи, как мне отписали из отчизны моей в Англию в 1701 году, объявил я некоторым мудрым другом моим, чада суть и те (через мене благодатию божиею учинены) восточные церкви, и те суть содействители и оборонители свободы церкви Христовы, и с теми сей способ знаем привести в едино состояние род наш, и дабы убегнуть и пронырств короля французского и бед других языков, и оный способ есть сей, и его послал из Англии в лето 1702 в отчизну мою, чтоб всякая церковь избрала единодушно и единогласно единого человека из всякой епархии или острова в правление рода, которых доднесь выбрано с 36, которые, избрав от себя трех ученых и искусных, дали бы им всю власть в управлении рода, и те имеют все острова Егейского моря, кроме некоторых, и часть Греции во власти их, и те одни знают все дела тайные рода нашего, так что не знает никто ничего, что ни делают, разве тот, которому явится пристойно объявить что потребное, и имена их суть сия: Димитрий Симадин Митилеянин, Антоний Мивруди Армении Милеянин, Федор Георгиев Фамени Сифнеянин. И они мне писали, прислав двух человек, как я был

в Галле саксонской, чтоб я ехал в Голландию и в Англию уведомить намерение их: естли когда подастся причина и случай приличной искать нам вольности нашей, будут ли нам помогать? (и все они нам обещались, как и ваш посол Андрей Артемонович то знает, что будут нам помогать конечно), и доведався их намерения, чтоб я ехал и к московским уведомить и их намерения и, уведав, чтоб я им то объявил, потому что им доведется усмотреть по рассуждению намерения московского, которое есть полезнее, то бы и начинать, сиречь: или бы с конфедератами протестантов (Англиею и Голландиею) стоять, или бы согласиться с консулами французскими, и их намерение и мысль есть, чтоб освободился род и пусть от кого-нибудь, и будут просить короля французского, и его намерение есть такое: чтоб разделить на четыре части Грецию: часть Иерусалима королю испанскому, часть Египетскую королю ефиопскому, часть Константинопольскую и Анатолию себе, часть Македонии с островами грекам. И так вся история вкратце греческая. А прошение еллинов от благоутробия его величества есть сие: есть ли изволение и благоволение величества его оборонять их или помогать им купно с союзниками протестантов (протестантскими) или неутрально? Понеже естли есть изволение величества его оборонять их, доведется согласиться с Речью Посполитою Венецкою против турка, когда б он поднялся против цесаря римского, потому что мы будем у них (венециан) просить, чтоб нам не мешали собирать людей близь морей или Пелопонеза, а понеже они опасаются, чтоб не было бунту против них, и о том мы им обещаемся пред богом и всеми, что не токмо елико имеют, но сколько ни возьмут, чтоб было их вовсе, и в том, если не учинят добровольно по прошению нашему, требуем ходатайства его величества, когда будут в союзе, а буде не учинят по ходатайству его величества, просить будем чрез конфедератов протестантов перво дружески, а потом принудительно, понеже ради Речи Посполитой Венецкой не доведется быть толиким народом в плене и тиранстве нечестивых. И сему всему доведется быть ныне заранее, чтоб мы не промышляли о том в то время, как доведется промышлять иное, потому что как бы начал турчанин войну с цесарем римским, имеет подняться против него Черным морем во стране Египетской ефиопский король, который есть готов, и тамо надобно турчанину покинуть цвет воинства своего, именуемое Мисиркулу, или египетское войско, которых есть 40000, такожде и мы с стороны Епира сухим путем и морем с помощию, которую нам даст конфедерация протестантов купно с венетами, сожегши перво караван турецкой в Цареграде, такожде и величество его, если б изволил с Черного моря, и тако будет, богу изволившу, конец нечестивым, аминь.

4) *1704 года ноября в 25 доносил боярину (Головину) словесно комендант тителевский Пантелеимон Божич нижеписанное.* Понеже мы от давнего времени пребываем под игом бусурманским и многие нужды и скорби за веру христианскую и за церковь нашу претерпеваем, от чего убегая и чая себе лучшего и свободного пребывания и повольности в вере нашей и всякой себе справедливости от цесаря, яко же он нам обещал, и поддалися ему, за что, по обычаю нашему православному, служили мы ему верно против бусурман и много тысячей людей своих потеряли без всякой платы, не требуя от него ни ружья, ни пушек, но на своем иждивении служили. А видя к себе многую кривду от цесарских начальников, советовали мы с прежде бывшим мунтянским господарем Шербаном Кантакузиным, дабы нам какое себе спасение приобрести, на что онный господарь отвещал всем нашим начальным, чтоб мы себе иного не промышляли, а

ожидали б от восточного царя всякой себе помощи, и тем нас обнадежил, на что мы и присягли все, а по смерти оного Шербана нынешний господарь Бранкован обнадеживал, также и все Кантакузины в том нас утверждали, чего ради и послали посланника своего, господина Корбе, к его царскому величеству, которого и по се время ожидали мы, а понеже уж толикое время отповеди о том деле не получили и всегда пребывали в сумнительстве, прислали меня наши единомышленники начальные к господарю мунтянскому для отповеди и к Кантакузиным, и они меня к царскому величеству для отповеди послали. Того ради доношу его величеству, что я прислан от всех начальных сербов, которые живут под цесарем в Венгерской земле при границах турских, прося его величество, дабы знали мы, что изволяет нас иметь за своих подданных и верных, и во все время приличное ведал бы, что всегда готовы будем служить против бусурман без всякой платы и жалованья, никакого ружья не требуя, но токмо за едино православие, а коликое число войска нашего будет, сам его царское величество удивится, и желаем ведать, если его величество будет иметь под своею рукою, понеже хотя принуждали нас бунтовщики венгерские, чтоб мы были с ними против цесаря, однако, уведав, что та факция есть французская и шведская от посла Речи Посполитой Польской и от шведского короля к Ракоцию посланного, которого мы в пути переняли, в том отказали и ни во что не вступились, покамест здесь я побуду и уведомясь, как нам поступать и долго ли ожидать или бы где себе какого места искать. Такожде и прочие сербы, которые суть под бусурманом и венецианами, все во единомыслии с нами пребывают, в чем иные надежды по бозе кроме его величества не имеем, и если его величество оставит нас, тогда все православные погибнем.

5) *Грамота к царю от иерусалимского патриарха Досифея 28 января 1705 года.* Колена преклоняя пред вашею божественностию и касающася священных твоих колен и лобызая честнейшее и светлейшее лицо твое, молим и просим святое и великое твое царствие яко молебницы и ходатаи всех бога чрез господя нашего Иисуса Христа в душе святе: сей список послания, каково послали мы прежде к господину Стефану, наместнику патриаршеского престола, да соизволит прочести великое твое царствие и, выразумев укорителя и хульника восточные, тожде рещи, кафолические церкви, ругателя и хульника отцев и праотцев наших, ругателя и хульника святых, да сотворит отмщение блаженных отцев и праотцев ваших и всех православных, и да не понесет тое, еже оставити *ето* в такой чести, хотя и успокается и напишет противная в книгах хуления своего, в тех же да умолчает и от чести пречестные да лишается. А какие суть хулы его, объемлет книга, которая напечатана в Мунтянской земле и надписана на имя ваша великие и самодержавные державы. Второе: аще великое твое царствие имеет намерение учинити избрание патриарха, да повелит, чтоб не учинилось избрание особы из козаков, и россиян, и серблян, и греков, зане суть много смешени и сплетени с схисматиками и еретиками, ниже имуть нелестна и чиста во всем православного догмата, но да повелит быти избранию особы из самого москвича, и чтоб был и стар и доброго жития, зане москвитяне патриархи покамест были, хранили целу православия проповедь, и чтоб был такой человек, который смотрел бы одну только церковь, а от политических был бы отлучен и не писался бы господин и патриарх, но токмо б архиепископ и патриарх, и хотя не будет философ, довольно ему знати церковные, и может имети архиереев или клириков мудрых, служащих ему. Есть и другое, что москвитяне патриархи как церкви, так и царства не бывают

наветники и предатели. Есть и еще: да не явится в мире, что не осталось потребных людей из москвитян, и взводятся странные на патриаршеский престол. Третье: да повелит святейшему патриарху, елика новооставишася в церкви, яко же ваянная (шествие патриарха на осле в Вербное воскресенье), и оные комедии, которые составлены от некоторых в праздники, игры папезские и из сердца дьявольского произведенные, или что иное причинилося, хотя велико, хотя не велико, дабы имел власть и указ св. патриарх истребить тая из церкви и токмо бы оставил оные, яже беша древняя и отечественная. Четвертая: дабы имел великое и святое твое царствие попечение токмо единого гражданства, а церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелит доблественно и твердо, зане если случится какое взыскание церковное, да не будет решение в тамошних странах, чтоб не причинилися прения и сумнительства и главоболия царей, но дабы писана была грамота к четверем св. патриархам, и потом да взыскуется решение. Сие, всеблагий государь, несть новое и новоустановленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святого твоего царствия, а наипаче сотвори приснопамятный и преблаженный отец великого твоего царствия. Пятое: молим, понеже великое и святое твое царствие взял много мест у шведов, да не поставит архиерея тамо, но да поставит архиерея в Петрополе, а другого в Нарве, чтоб было удобнейше церковное поучение. Наипаче и сие полезнейше есть, дабы был митрополит в больших городах, и в иных епископы, подлежащие митрополиту, и аще будет какое-нибудь препятие в тамошних странах, архиереев украшения и расходы многи, то да сотворит власть вашего царского величества менши, как имели то в Цареграде архиерее во время святых самодержцев, и яко же творим и мы, что расходы наши суть равны с единым игуменом наименьшего монастыря, и на одежды наши все не изойдет пяти сот копеек. (Греческие дела в Москов. архиве мин. ин. д.)

Шестнадцатый том

Глава первая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Внутреннее состояние России с 1705 года до учреждения Сената. – Характер правления. – Кабинет-секретарь Макаров. Зотов. – Остерман. – Судьба Винуса. – Деятельность Курбатова. – Курбатов вице-губернатором в Архангельске. – Финансовые распоряжения. – Полицейские распоряжения. – Гошпиталь. – Меры против нищенства. – Разбои. – Заботы Петра о просвещении. – Духовенство. – Неудовольствия архиереев на Монастырский приказ. – Дело нижегородского митрополита Исаи. – Стефан Яворский. – Деятельность митрополитов: Иова новгородского и Димитрия ростовского. – Неудовольствия в низших слоях народонаселения. – Состояние Малороссии. – Разделение России на губернии. – Первое счисление прихода с расходом. – Учреждение Сената. – Определение его деятельности. – Учреждение

фискальное. – Комиссары из губерний. – Медленность губернаторов. – Продолжение шведской войны. – Положение завоеванного Прибалтийского края. – Женитьба герцога курляндского на племяннице царской Анне Иоанновне. – Дела турецкие. – Разрыв с Портою. – Действия союзников датчан. – Отношения к Англии и Ганноверу. – Отношения к Польше. – Печальные предчувствия Петра пред началом турецкой войны. – Семейное дело.

В рассказе о внутреннем состоянии России мы остановились на 1705 году. Мы видели, как с этого года борьба преобразователя и с чужими и с своими усиливается, страшный враг входит в пределы России и за бунтом Астраханским следует бунт Башкирский, Булавинский, измена Мазепы. Во все это время мы не вправе ожидать сильной внутренней деятельности, важных преобразований. Характер правления остается прежний; царь по-прежнему в отлучке, изредка приезжает в Москву: приедет, станет заниматься внутренними делами, и вдруг – вести о приближении врага, царь с досадою покидает важные правительственные занятия и спешит к границам. В отсутствие царя по-прежнему управляют бояре, которые носят название *министров* ; министры по-прежнему съезжаются в палату в ближнюю канцелярию на общий совет, *в конзилию*. Оказались беспорядки: приедут не все, а потом при взыске отговариваются: я не был и дела на решал. В 1707 году Петр написал Ромодановскому из Вильны: «Изволь объявить при съезде в палате всем министрам, которые в конзилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый бы министр своею рукою подписывал, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого дурость явлена будет».

Правительственные лица прежние, нам знакомые, по-прежнему сильнее всех Александр Данилович Меншиков; но подле царя является новое лицо, очень скромное, не видное и не слышное, но расположения которого заискивают самые сильные люди. Царь в отлучке из Москвы: он то в Петербурге, то в Воронеже, то в Азове то в Литве; но он следит за всем, к нему обращаются все с донесениями, вопросами, просьбами и жалобами. Все эти бумаги поступают в *Кабинет* царского величества; царь их все прочитывает; но он то преследует неприятеля, то отступает от него, то переезжает с одного конца России на другой – когда он прочтет ту или другую бумагу, когда даст решение? Прочтя, отвлечется другим, более важным, делом: когда опять вспомнит о прочитанном? Но подле него безотлучно находится человек, который подает ему бумаги, читает их; от этого человека, следовательно, зависит, когда подать бумагу, пораньше или попозднее, от него зависит напомнить о бумаге, уже прочитанной, и, главное, от него зависит доложить о деле или напомнить о нем в благоприятное время, когда царь спокоен, в духе. Этот человек – кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, человек без голоса, без мнения; но человек могущественный по своему приближению к царю, и все вельможи, самые сильные, обращаются к Макарову с просьбами: обратить внимание на их дела, доложить о них царскому величеству и напомнить, чтоб поскорее были решены. Для примера, как относились первейшие вельможи к Алексею Васильевичу, приводим письмо Федора Матвеевича Апраксина к нему: «Мой благодетель Алексей Васильевич, здравствуй. Объявляю милости вашей: вручил я письмо до всемилостивейшего государя чрез господина адмирала

(Головина). Пожалуй, мой благодетель, когда вручено будет, вспомози мне о скором ответствовании, в чем имею на тебе надежду. Тако ж де послано письмо до милостивейшего моего патрона Александра Даниловича: по возможности изволь разведать и, по своему приятству, ко мне напиши. Приятелем моим, кои обретаются при его величествии, господам питателем и комнатным служителем и славному богатырю Екиму и всем, кто меня любит, пожалуй поздравь» Для письмоводства при Петре была ближняя походная канцелярия, начальником которой был *всешутейший* Никита Моисеевич Зотов, старый, опытный излагатель царской воли в указах; он назывался: «Ближний советник и ближней канцелярии генерал-президент». Несмотря на этот громкий титул, Зотов далеко не имел того значения, каким пользовался Макаров. С 1703 года для иностранной переписки находился постоянно при государе Остерман, сначала невидный, скромный немчин.

Сходит со сцены старый, неутомимый работник думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. Петр, державший его прежде в большом приближении, сильно охладил к нему, заметив, что старик нечист на руку. В 1703 году Виниус, угрожаемый лишением всех мест, обратился к Меншикову с подарками, привез ему в Петербург три коробочки золота, 150 золотых червонных, 300 рублей денег, а в семи коробочках золота и в 5000 рублях дал письмо, в котором обязывался выдать по востребованию. Данилыч поступил с ним нечисто: дал ему письмо для доставления государю, И в этом письме, которое Виниус прочел, было написано, что старик оправдался совершенно во всем. Но в то же время Меншиков отправил к Петру другое письмо, в котором писал, что Виниус, несмотря на свое *выкручивание*, ни в чем не мог оправдаться. Рассказавши, какие подарки дал ему Виниус, Меншиков прибавил: «Зело я удивляюсь, как те люди не признают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами: или они не хотят, или бог их не обращает. А большую дачу дал мне Виниус и за то, чтоб Пушкарский приказ и аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирский приказ удержать за ним. Из чего изволишь познать, для чего такую великую дачу дал: надеется от Сибирского приказа впредь себе больших пожитков; а прежде много раз бил челом твоей милости о деревнях, говоря, что пить и есть нечего». Виниус продолжал работать, лил пушки, но чувствовал немилость царскую; в апреле 1705 года он писал Петру: «Обрадуй мя, своего раба, в печалех погружаема во грядущий праздник Воскресения Христа, бога нашего, обнадежением своея государския милости». Обнадеживания, как видно, не было; старику стало очень тяжело: другие идут быстро вперед, молодой переводчик Посольского приказа Шафиров в большой милости, заведывает почтовым управлением, отнятым у Виниуса, а старый служака забыт, в опале! Не он ли умножил казну несколькими сотнями тысяч, нашел руды медные и железные, устроил 4 завода, которые кроме удовлетворения государственным потребностям отправляют свои произведения за море; устроил китайский торг, нашел селитру, в два с половиною года изготовил больше 600 пушек, улучшил порох, устроил математическую школу. И за все это вместо награды наложили на него взыскание в 13000 рублей, чтоб заплатить эту сумму, должен был один двор продать, другой заложить, деньги занять; опозорен, обнищал, и наконец 65-летнего старика послали в Гродно, где целый год был в тяжких трудах. В 1706 году узнали, что Виниус ушел за границу, откуда написал царю оправдательное письмо: «Будучи в Гродне, в нашествие неприятелей

лишился без мала не всех своих лошадей и людей. По сих, во время похода достал скудости ради лошадей и денег, иные и худосильные, которыми, отъехав едва до Кнышина, в том месте обессилели и от бескормицы стали, и я, видя себя в таком опасении нужною смертью погибнуть или в руки достаться неприятелю, принужден к прусской границе удалиться». Старик соскучился по России, просил позволения возвратиться и получил его в 1708 году. О возвращении своем он так уведомил царя: «Приял резолюцию паки в недра святые восточные церкви и под кров вашего величества славного милосердия вдатися, чрез океан северный к Архангельской порте и град Москву достигох; но обрете домик мой запечатан, деревни описаны, книги, ими же некогда вашему величеству служих и в горестех своих довольную приях утеху, взяты». Виниус просил возвратить ему все взятое, получил и опять стал служить книгами: через два месяца по возвращении по царскому приказанию перевел трактат механики; объявляя об окончании труда, просил прощения за медленность по старости и недугам, особенно по трудности материи. в которой некоторых имен без лексикона перевести было трудно.

Деятельность Виниуса прекращалась; все сильнее и сильнее становилась деятельность знаменитого прибыльщика Курбатова. Мы видели его деятельность в звании дьяка Оружейной палаты в феврале 1705 года он был сделан инспектором ратуши, т.е. представлен в челе финансового управления в целой России. Прибыльщик на своем месте: письмо за письмом шлет он к царю, вскрывая злоупотребления, указывает новые источники доходов, не щадит сильных людей, опираясь на могущественного милостивца своего Меншикова. Неизвестно, к какому времени относится доклад Курбатова Петру: «Молю тя, государя, повели мне, видя, где мочно учинить какие в котором приказе прибыли; или какие в делах поползновения, судиям наедине доносить безбоязненно. И о которых двух человеках в помощь мне милости я у тебя, государя просил, умилися, государь, ради милосердия божия, даруй мне их ради истинных услуг к тебе, государю, и повели мне сказать о них указ твой. Благоволи в надежду всех поступок моих zde подписать своею, государевою, рукою. Истинно желаю работать тебе, государю, без всякого притворства, как богу». Петр подписал на докладе: «Доносить доброе дело самим, только надобно смотря по человеку, о чем и приточник: обличение нечистивому мозоли. А о дву человеках говори Федору Алексеевичу (Головину), чтоб он сделал». Уже в марте 1705 года Курбатов писал Петру: «Тихон Никитич (Стрешнев) изволит принуждать, чтоб десятою деньгою обложить вновь гостей и гостиных детей. Они милости просят, чтоб их обложить в ратуше; нам приносят многую жалобу, что растащены все врознь; десятые деньги собирают мимо ратуши в разных приказах, от чего им не без утеснении. А повеление вашего величества нам, дабы со всеми околичностями усмотреть ратушу, в чем истинно, как богу, равно желаю тебе, государю, услужити. И надлежит не точию одних гостей обложить, но, усмотрев, и всех слобод торговых людей, для того что в прежних окладах нималое есть усмотрение: кому мочно платить сто рублей, тот платит пятнадцать, а убогие отягчены».

В наказных статьях, данных Курбатову, было сказано: «Надлежит рассмотреть ратушу московскую со всеми ее околичностями и, что возможно еще, прибавить прибыли без тягости народа. Города, которые можно вместе с Москвою тако ж де осмотреть, а прочие потом, как возможно, обнять, един по другом осматривать и ставить на мере». Курбатов принялся за дело и в октябре того же

1705 года донес государю: «Вашего величества повелением вручено мне с товарищи ратушное правление, велено осмотреть ратушу со всеми ее околичностями. Многий в том належит труд того ради, что никакого нет в ратуше правого усмотрения вин ради таковых: 1) что не точно сначала состояние ратуши, но еще с 206 года (1698), с которого им то чинить велено, книг московские таможи по сей год в ратушу не взяты и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейные прибыли многих же годов бурмистры не считаны, в чем усмотрел я, что их милость бурмистры друг другу тяготы носят. 2) В городах от бурмистров премногие явились кражи вашей казны, и в розысках бурмистры говорили, объявляя о черных сборам книгах, которых не подают в ратуше, а подают белые, написав как хотят с великим уменьшением, и во всех городах такие книги есть, которые уже многие и вынуты, и для собрания таких книг хочу послать во все города, а в иные и посланы: и таким клятвопреступникам, крадущим вашу казну, что чинить? Да повелит мне ваше величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да восприимут смерть, без страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москве и в городах в сборах воровство. 3) Подьячие ратушские превеликие воры, и всякое вышеозначенным ворами чинят в их поползновениях попомоществование, и имеют себе похвалу за наследства, и берут премногие взятки, еще ж дают в города знать, да опасаются нашего правления, и о таковых, государь, что чинить? Поступаю и так, при помощи божией, не зело им в угодность, но приемлю ненависть от их патронов, понеже имеют едва не всякий у себя дядек». Курбатов приводил примеры, какие средства употребляют частные люди для собственных выгод против выгод казны: человек Кирилла Киреевского, пришедши в деревню к белевским бортникам, говорил: вам, бортникам, конечно, за государем не быть, а быть по-прежнему за помещиками, а на Меншикова в том не надейтесь; разве двое их за рубеж в иное государство уйдут. Дворовый человек княгини Урусовой, приехав к ним же на мирской сход, сказал: как приедет к вам из канцелярии медового сбора описчик для описи бортных, и вы бортниками ему не сказывайтесь, и в том на прибыльщиков не надейтесь, за государем вам никогда не бывать, а быть за боярынею

В 1705 году Курбатов доносил неопределенно о премногом воровстве; в 1706 уже указывает прямо на лица и на суммы украденные. 4 октября он писал государю: «За градскими бурмистры премногое воровство чрез мое, бедного, усердие сыскано: в одном Ярославле украдено с 40000 рублей. На псковичей Никифора Ямского и Михайла Сарпунова с сыном и на иных лучших людей доносят, что во время точно шведской войны украдено ими пошлин и питейной прибыли с 90000 рублей и больше. Они же, воры-псковичи, посланным с Москвы надзирателям всякое чинили противство, отчего и в сборах уменьшение, и из земской избы их выбили самовластно, в котором противстве Иван Сарпунов ныне на Москве принес повинную, что то противство чинили они по указу лучших людей, Ямского со товарищи. Ныне в таких великих их воровствах и противствах велено сыскать о них Кирилле Алексеевичу Нарышкину, который в многих взятках с них сам приличен и во всем им дружит: как он сыскать может истину? Умилосердись, государь, не вели ему ни в чем их ведать; ежели я в том сыску учиню какую неправость, то вечно лишен да буду вашего милосердия. Доносители так написали: ежели они неправо доносят и воровство их не сыщут,

чтоб их казнить смертию, а чтоб у того розыска Кирилле Алексеевичу не быть». Донося, сколько кем украдено казенных денег, Курбатов прибавлял, сколько он сам сделал казне прибыли: «Моим, бедного, усердием в нынешнем году в Москве одной над все годы от новопостроенных аптек, и что истреблены корчмы многие, со 100000 рублей питейные прибыли будет». Прибыльщик вынул корчемное вино у первого разрядного подьячего Топильского, который находился у боярской книги: подьячий торговал вместе с женою в ведра и скляницы, продал до 400 ведер, и много еще было запечатано. Курбатов открыл и то, откуда подьячий добывал вино: это были взятки с дворян, для которых Топильский обделывал дела в Разряде; в два года он получил таким образом с дворян до 1500 ведер вина и множество других припасов; люди, у него служившие, получены были за долг. Оканчивая свое донесение, Курбатов писал царю: «Едва не все их милости об нем скорбят, подсылают ко мне с дарами, грозят погубить. Молю, спаси! Одни ярославцы и псковичи готовы дать 20000 рублей, чтоб только избегнуть обличения от меня».

Кроме кражи казенных денег Курбатов доносил царю о другом печальном явлении. Мы видели, что одним из первых распоряжений Петра было освобождение городских жителей от воеводских притеснений, им дано было самоуправление; но как же они этим воспользовались? «Через московскую ратушу ведомо великому государю учинилось, что едва не во всех городах в окладных тяглых и в случающихся неокладных и на мирские расходы поборах налагают пожиточные, пользуя себя, на убогих (без всякого скудости их торговых промыслов рассмотрения) платежи тяжки; в иных же городах предлагают они пожиточные в новое убогим же тягчайшее уравнение, именно, оставя имущество пожитков, равняют в ровные с собою подати числом дворовым. И чтоб оные поборы и всякие подати были сбираны по древнему, с расположением каждого в пожитках имущества, обычаю, многое в городах земским бурмистрам от убогих было прошение; но они, ведая о себе, что и сами они из числа первостатейных же, указу им не чинили, иным же производили в тюрьмах задержанием и чрез иные наказания озлобления, от которых обид многие из числа убогих вышли в стороны городов». Для отстранения этих злоупотреблений царь велел «выбирать по общему же с малопожиточными согласию, особливых из первой и из последних статей, сколько человек где прилично, которые б брали у сборщиков и расходчиков всяким поборам и расходам всякие письменные ведомости помесечно и по тем ведомостям сборы и расходы считали самою истинною правдою».

Кроме злоупотреблений Курбатов жаловался и на нерадение выборных бурмистров: «Которые при мне и бургомистры есть, ей, малое от них имею помоществование, понеже видя они мое усердие, что я многое усмотрел не точию за иными, но и за ними, мало за сие мя любят, и лучший Панкратьев однажды или дважды в неделю побывает в ратуше, а в банкетах по вся дни; а я, бедный, ей, ей, государь, едва не всем управляю своею головою».

Жалуясь на бурмистров, Курбатов жаловался на губернаторов, которые не присылали в московскую ратушу денег, собранных в ратушах других городов: «В ратуше, государь, собрано моим усердием из доходов прошедших лет денег тысяч со сто рублей. Из губерний ратушских сборов прошедших лет в ратуше в присылке самое малое число, тако же и бурмистров к отчету: да повелит ваше величество повторить о том именными указами. Премногие тысячи доимочных

денег довлеет быть в сборе, в том числе с двух городов точию, с Астрахани и с Казани, со 150000 рублей. Ничего Петр Матвеевич Апраксин не присылает, а сказывал сам, что у него в Астрахани тех денег есть в сборе тысяч с 70, а в ратушу прислано от него в три года только 10000 рублей».

Знаменитый прибыльщик по-прежнему не ограничивался одними финансами: еще в 1704 году он послал Меншикову статьи о умножении пехотных и конных войск и о поселении пехотных в городах; а в 1705 году писал самому государю: «Доносил я вашему величеству в прошедших годах неоднократно, дабы из москвич и городовых дворян учинить полки драгунские, понеже нестройный их бой не точию шведам, но и татарам не зело страшен. А ныне еще в остатках тех москвич слишком 4000, и ежели при них хотя по одному драгуну учинить из людей их, то будет полков тысячных осмь, а иные возьмут за собою двух и трех человек военных, и служить будут без жалованья, как и ныне, аще и не строим, однако служат едва иные не повсягодно; а многие из них прикрываются, всяко измаяясь, чрез посылки, которое их прикровение истинно всячески надлежит отсечь; ясное неусмотрение, что во многих городах едва не по десяти человек живут ради дел, которые дела мочно все управить одному воеводе; а буде и послать для самых нужд в помощь воеводе, то бы, конечно, из отставных или из дьяков и подьячих, а не из служилых, от которых посыльных дворян превеликое чинится народу разорение, как я уведомился о Вятке, что из их милостей брали с народу рублей тысячи до полторы; их милостей великочестных многих есть дети, братья, а иные и сами могут, но не служат, в пример же сын Алексея Петровича Салтыкова или сын Тихона Никитича (Стрешнева) и прочих». Таким образом, прибыльщик продолжал задевать сильных людей; продолжалась у него и ссора с князем Федором Юрьевичем Ромодановским. Пресбургский король избил ратушского подьячего без розыска в самую великую пятницу, «забыв величество дня». Курбатов послал жалобу царю, причем отозвался очень нелестно об умственных способностях страшного короля: «Видя такую злобу. я сам ослабеваю в моем усердии: понеже аще и скудный в своих рассудках человек, но великомочный в своем правлении, учинит что хочет. Умилосердись, государь, заступись за нас; кому было надлежало нас любить, понеже значитися правосуден (мнением разве), тот паче всех ненавидит. Не вели ему ни в каких делах людей ратушных ведать. Ей, ей, государь, многое творит по пристрастию».

В начале 1711 года в судьбе Курбатова произошла перемена Петр назначал его вице-губернатором в Архангельск, в место, важное по своему торговому значению, ибо Архангельск, или *город*, как его обыкновенно называли, продолжал быть единственным морским пристанищем в России; в 1710 году к нему приходило английских кораблей 72, голландских 58, гамбургских 12, бременских 2, русский 1, испанский 1, датских 8, всего 154. Место было важное: было над чем присмотреть, было где найти злоупотребления и новые источники доходов зоркому глазу прибыльщика Несмотря на то, Курбатов сильно огорчился, узнав о своем назначении: инспекторство в московской ратуше он имел полное право считать выше архангельского вице-губернаторства; притом из столицы, где он имел такое важное значение, перебираться на край света, в Архангельск. Другое дело, если бы назначили губернатором! Курбатов увидал в своем новом назначении опалу и выразил свою скорбь в письме к государю. Петр отвечал ему: «Господин Курбатов! Вчерашнего дни получил я письмо от вас, в котором вы зело

опечалились ездою к городу образом малодушества, то не напоминая, что в каких бедах ваш предводитель и печалях обретается; что же мните, будто ради я какого сердца на вас сие учинил, то извольте верить воистину, что ниже в мысли моей то было, ибо ежели б я хотел, явно б мог без подлогов учинить, о чем пространнее услышите, когда у вас назавтрие буду. Peter». Курбатов просил губернаторского звания. «Построй три корабля, и будешь губернатором», – отвечал ему Петр. Недаром печалился Курбатов: не на добро поехал он к городу!

Прибыльщики указывали новые источники доходов, и правительство брало везде, где только можно было взять, чтоб вынести тяжкую войну, предпринятую для приобретения средств к народному обогащению. С начала 1705 года меры для умножения казенных доходов усиливаются. 1 января – два указа: первый – об отдаче рыбных ловель на откуп; второй: на Москве и в городах, у всяких чинов людей соль описав, продавать из казны, а у продажи быть выборным головам и целовальникам добрым, а над ними смотреть бурмистрам; а впредь соль ставить в казну подрядом, кто похочет, а почему по подряду по истинной цене на месте станет, продавать *вдвое* . В том же месяце велено переписать у продавцов дубовые гробы, собрать их в монастыри и продавать против покупной цены *вчетверо* ; а сосновых, еловых и других гробов не переписывать и не брать. В том же январе наложена пошлина на бороду и усы: кто не захочет бриться, с тех брать: с царедворцев, служилых и приказных людей – по 60 рублей; с гостей и гостиной сотни первой статьи – по 100 рублей, средней и меньшей статьи, с торговых и посадских людей – по 60 рублей, с боярских людей, ямщиков, извозчиков, церковных причетников и всяких чинов московских жителей – по 30 рублей ежегодно; с крестьян велено брать везде по воротам пошлину, по 2 деньги с бороды по все дни, как поедут в город и за город. Сибирским жителям было дозволено для скудости остаться при прежнем платье и прежних седлах. В феврале велено с извозчиков брать десятую долю с наемной платы. В апреле продажа табаку взята у англичанина Гутфеля и сделана казенною. Издавна в Москве в рядах и по перекресткам дегтем, коломазью, мелом, жиром, рыбным салом, а в городах и смолою торговали откупщики: в 1707 году эту торговлю запрещено отдавать на откуп, велено означенные товары продавать выборным из слобод целовальникам под надзором мытенных бурмистров.

Несмотря, однако, на сильную нужду в деньгах, тяжесть некоторых прежних налогов была ослаблена: прежде была наложена рублевая пошлина на домашние бани; в 1705 издан указ: с маломочных, служилых и нижних чинов людей, дьяков и просвирниц, у которых домашние есть бани, а на 704 год с тех бань за скудостью рублевых денег не платили и оплатиться с правеза нечем, те деньги сложить и впредь не править, а брать с домашних бань по 5 алтын на год. Которые имеют у себя пожитков на 50 рублей и больше, у тех брать с бань по рублю; у кого меньше 50 рублей, с тех брать по 5 алтын; с крестьян и деловых людей брать с бань по 3 алтына по 2 деньги. Содержание постоянных дворов, взятое прежде в казну, в 1705 году опять отдано частным людям с обязанностию платить четвертую долю с постоя. Торговля льном взята у англичанина Гутфеля, а велено торговать всем свободно, возить всюду. Заведение флота заставило обратить внимание на леса; те из них, которые доставляли хороший материал для кораблестроения, правительство объявило *заповедными* : в 1705 году было определено, чем и для чего можно было пользоваться в этих заповедных лесах:

«На сани и телеги, на оси и полозья и к большим чанам на обручи рубить заповедные леса: дуб, клен, вяз, корогащ, лиственницу, а на мельничные потребности, на пальцы и на шестерни рубить ныне всем невозбранно; а на иное домовое и ни на какое строение никаких заповедных лесов отнюдь никому не рубить под смертною казнию безо всякой пощады».

Брали деньги везде, где только можно было взять, брали дубовые гробы из лавок и продавали вчетверо; но доходов все недоставало на военные издержки, и потому собирали деньги на жалованье ратным людям с дьяков и подьячих, московских и городовых. Ратным людям надобно было платить жалованье, и платить хорошими деньгами, которые бы имели ход и в чужих странах; для этого в 1706 году распорядились: «Деньги медные держать в расход и давать жалованье и на всякую дачу тем, которые живут на Москве, десятую долю медными, а которые в приказы приносят во всякие платежи, и тех медных денег принимать пятнадцатую долю на такие же московские расходы; а монеты на жалованье в полки посылать и давать всегда в расход». Хорошие же деньги нужно было посылать за границу на жалованье послам: Долгорукову в Копенгаген – 1865 рублей в год; фон дер Литу в Берлин – 2700; Урбиху в Вену – 9000; Толстому в Царьград – 4225; Матвееву в Англию – 5265.

Кроме усиленных денежных поборов, шедших преимущественно на войну, были и поборы другого рода, для внутренних улучшений: в сентябре 1705 года велено было мостить московские улицы камнем, для чего крестьяне и торговые люди должны были доставлять дикий камень и песок. Но вдруг всю Москву вымостить камнем было нельзя; нужно было поддерживать старую деревянную мостовую и позаботиться об опрятности улиц. В феврале 1709 года велено было выбрать во всех улицах и переулках для досмотра помета и мостовых бревен десятских; если против чьего-нибудь двора из мостовой будут бревна выломаны или покрадены или какой навоз и мертвечина и помет явится, то все это очищать и краденые из мостовых бревна замазывать хозяевам, против чьих дворов помет и краденые бревна явятся; ослушников за первый привод бить батогами, за второй бить батогами и брать пени по 5 рублей, за третий бить кнутом и брать пени по 10 рублей.

Крестьяне должны были доставлять дикий камень и песок для московских мостовых; монастырские крестьяне Московского уезда должны были возить на гошпитальный двор можжевельник, поставлять быков. В 1706 году великий государь указал построить за Яузюю-рекою против Немецкой слободы в пристойном месте гошпиталь для лечения болящих людей, а у того лечения быть дохтуру Николаю Бидлу да двум лекарям, Андрею Рыбкину, а другому – кто приискан будет. Тогда же велено набрать из Монастырского приказа в ученики к дохтурственному делу и отослать к доктору Бидле; между прочим, из Адмиралтейского приказа был отослан матрос голландского ученья. В 1707 году гошпиталь попечением Мусина-Пушкина был окончен. Главный доктор Бидлоо в 1712 году писал Петру: «В сем гошпитале благоволил ваше величество, чтоб я сего народа несколько молодых людей, кои голландского и латинского языка искусны были, хирургии по основанию анатомическому научил, и больных, посланных ко мне, и иных бедных увечных исцелял, и всяких людей, кои ко мне присланы были, посещал. Более тысячи больных у меня оздоровели. Лучших из студентов моих рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имеют знание одной

или другой болезни, которая на теле приключается, и к чину хирурга надлежат, но и генеральное искусство о всех тех болезнях, от главы даже до ног, с подлинным и обыкновенным обучением, как их лечить, тако ж приключаются язвы завязывати и ко оным завязывание сочинять, где повседневно от ста до двухсот больных суть, зело поспешно научились. Взял я в разных годах 50 человек до науки хирургической, которых 33 осталось, 6 умерло, 8 сбежали, 2 по указу взяты в школу, один за невоздержание отдан в солдаты».

Существовали старые богоугодные заведения при церквях, богадельни; в 1710 году упоминаются в Москве: Николаевская богадельня за Яузюю на Болвановке, Троицкая у Покровских ворот на Грязях, Введенская на Сретенке, Троицкая в Мещанской, Троицкая в Сыромятниках, Смоленская, Адрианонатальская. В декабре 1705 года боярин Мусин-Пушкин по указу великого государя приказал: нищих, которые являются на Москве, и ходят по рядам и по улицам, и сидят по перекресткам, просят милостыню пришлые из городов и из богаделен, ловить и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщикам себе, а их приводить в Монастырский приказ, и чинить им наказанье, и всякого чина людям заказывать, чтоб тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать, пусть дает в богадельни; а кто не послушается и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в Монастырский приказ и брать с них пеню по указу; из этих пенных денег половина идет в Монастырский приказ, а другая – тому подьячему, который станет таких людей приводить в приказ, и для того послать из Монастырского приказа подьячих с солдатами и приставами по улицам.

В Москве преследовали нищих; в областях продолжалось преследование, и не с большим успехом, более вредных людей. И июля 1707 года сидели бояре в столовой палате, слушали памяти из Разряда, отписки из Углича и Твери и приговорили: на Углич, в Тверь, в Ярославль, в Пошехонье, в Торжок, Бежецкий Верх и другие города и уезды для розыску и поимки разбойников и смертных убийц и зажигателей послать нарочно из московского Судного приказа стольника князя Василия Мещерского, потому что в этих уездах воровские люди ходят, собравшись многолюдством, много сел и деревень пожгли, много домов разорили. В 1710 году в Монастырский приказ дали знать, что разбойник Гаврила Старченок с 60 товарищами приезжал днем в вотчину Ипатьевского монастыря, село Колцево, с ружьями, шпагами, копьями и бердышами; въехавши на монастырский двор, велел прикащику купить в кабаке вина и пива и пил до ночи; разбойники побрали монастырских лошадей, собирали деньги, прикащика, старосту и сторожей били и мучили; крестьяне от вора заперты: никого, никуда, ни с каким делом послать нельзя, проходу и проезду нет, везде разбойники грабят. Тот же Старченок разбил вотчину Вздвиженского монастыря, село Покотцкое, жег огнем, топил печи и сажал туда крестьян, а девиц ругал ругательски; соседние помещики и вотчинники все выехали в Кострому, и разбойники, не видя ниоткуда сопротивления, в полтора месяца отогнали у монастырских крестьян 300 лошадей, не считая пограбленных пожитков. В том же 1710 году били челом государю клинские, волоцкие, можайские помещики и вотчинники: приезжают к ним разбойники многолюдством со всяким оружием, разбивают и жгут села и деревни днем и ночью, мужиков бьют до смерти, баб и девок увозят с собою, лошадей берут, остальных лошадей и скот побивают, хлеб из житниц на улицу высыпают

для разорения; на разбой они ездят, собравшись из многих городов и уездов, беглые солдаты, драгуны и корела. От такого разорения и страха, покинув дома свои, они скитаются с женами и детьми по городам. Против разбойников отправлен был полковник Козин.

Если разбойничество по старине производилось в таких широких размерах, если столько людей решалось жить на счет своих, вести постоянную войну с своими, обходиться с ними, как с врагами, то нет ничего удивительного, что считали все дозволенным для приобретения выгоды от чужого, от врага, попавшегося в руки: в 1706 году иерусалимский патриарх Досифей писал царю, чтоб запретил своим подданным продавать туркам шведских пленников. Но для перемены подобных взглядов в обществе уже принимались средства, хотя и в слабых начатках, хотя и долго еще недействительные: несмотря на тяжкую войну, внимание царя было постоянно обращено на школу, на книги, на все то, что могло распространить знание. В 1707 году приехали из Голландии наборщик, тередорщик и словолитец; последний привез три азбуки *новоизобретенных русских литер*. Этими новоизобретенными литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года. Первою книгою, таким образом напечатанной, была *«Геометрия славенски землемерие»*. За нею следовал письмовник, переведенный с немецкого под названием *«Приклады, како пишутся комплементы разные»*. Эти иностранные приклады начали вытеснять старинные русские образцы писем, отличавшиеся своею униженностию. В том же 1708 году Петр поручил справщику типографии Поликарпову составить русскую историю от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени; Петр писал Мусину-Пушкину, чтоб Поликарпов, описавши на образец лет пять, на два манера – пространно и коротко, прислал ему немедленно. В январе 1709 года, готовясь к решительной борьбе с Карлом XII, Петр писал боярину Мусину-Пушкину, чтоб отыскал в монастырях жалованные грамоты великих князей до царствования Иоанна IV, и у тех грамот какие печати. Тогда же Мусин-Пушкин получил от царя для напечатания книгу историческую о Троянской войне. *«По указу твоему, – писал Петру Мусин-Пушкин, – шведские артикулы, выправя, печатать будем; геометрическая книга скоро не успеет для фигур, архитектурная книга у Гагарина, 2000 календарей послал в армию для продажи, меньшие по 4 копейки, большие по 5, послал 30 книжек кумплементальных, то ж число слюзных. Эзопову книгу славянским диалектом исправили и можем напечатать вскоре»*. Петр был недоволен печатью и переплетами. Тогда же была напечатана *«Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра, великого царя македонского»*. Кроме того, напечатано несколько переводных книг, относящихся к военному искусству. Петр сам поправлял переводы и учил, как переводить; так, в феврале 1709 года он писал молодому Зотову: *«Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификацию делать, то зело темно и непонятно перевелено, также в табели мера не именована, который лист, переправя, вклеили в книгу, а старый, вырезав, при том же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность. И того ради надлежит вам в той книжке, которую ныне переводите, остеречься в том, дабы внятнее перевести, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но, точию сие выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть»*.

Еще в марте 1705 года велено присылать в Посольский приказ все известия о военных действиях, потому что государь указал в Посольском приказе о шведской войне делать диариуш (дневник).

Кроме книг, издававшихся правительством для русского народа, переводов с языков иностранных, на счет русского правительства издавались книги за границу для иностранцев. Мы видели, что в 1705 году царь отправил в Германию Гюйсена «с подлинными комиссиями». Одна из этих комиссий состояла в том, чтоб издать опровержение брошюры Нейгебауера. Это опровержение вышло в 1706 году на немецком языке под заглавием: «Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени перед сим был издан в свет под титулом: Искреннее письмо знатного немецкого офицера». В сочинении Гюйсена Нейгебауер величается архишельмою; уверение его, что в России дурно обходятся с иностранными посланниками, опровергается тем, что об этом Европа узнала бы не из пасквиля, а из газет и публичных актов и государи отплатили бы за оскорбления своих представителей. Защищается Меншиков: его род производится от хорошей дворянской фамилии литовской, утверждается, что его отец был офицером Семеновского полка. О Монсах говорится, что они были выведены Лефортом, который, умирая, умолял царя покровительствовать им. Царь дал обещание и исполнил его; но Монсы употребили во зло царские милости, за что у них были отобраны данные им деревни и большой каменный дом. С царевичем Алексеем Меншиков и министры обходятся чрезвычайно почтительно, но сам царь приказывает, чтоб сына его в молодости не баловали чрезмерным ласкательством. В заключение характер и поведение Нейгебауера описываются черными красками. Нейгебауер отвечал новою брошюрою, в которой обвинял Гюйсена в воровстве; говорил, что Гюйсен получил место при царевиче по ходатайству любовницы Меншикова и т.п.

Мы видели, что Петр, желая поднять духовенство, дать ему силу, потребовал от него образования; в январе 1708 года издан был указ: «Поповым и дьяконовым детям учиться в школах греческих и латинских; а которые из них учиться здесь не захотят, таких в попы и в дьяконы не посвящать, в подьячие и никуда не принимать, кроме служилого чина». Управление церковными имениями находилось по-прежнему в ведении Мусина-Пушкина. Сначала давали каждому монаху по 10 рублей денег и по 10 четвертей хлеба; но с 1705 года царь велел уменьшить эту дачу вдвое, по 5 рублей денег и по 5 четвертей хлеба с готовыми дровами. В которых монастырях по расходным книгам оказалось, что прежде учреждения Монастырского приказа на каждого монаха приходило меньше пяти и четырех рублей, тем и Монастырский приказ выдавал столько же, а малым монастырям с небольшими доходами позволено было ведать свои вотчины по-прежнему, «понеже, – писал Мусин-Пушкин, – нималого прибытка учинить не из чего». Прибыток, чинимый Монастырским приказом, шел на благотворительные учреждения, на богадельни, на новопостроенный госпиталь, также на печатание книг. Некоторые архиереи были очень недовольны учреждением Монастырского приказа и управлением Мусина-Пушкина. В 1707 году из Монастырского приказа послан был драгунский поручик Василий Тютчев для розыска про нижегородского митрополита Исаию и по возвращении донес, что митрополит, выслушав от него, зачем он прислан, начал говорить с криком: «Ты овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Боярин Иван

Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а теперь у нас и данные, и венечные деньги отнимает, и если эти сборы у меня отнимут, то я в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, а ты по наказу своему разыскивай правдою; и так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды, да и вперед, если не отстанете от неправд, шведы вас побьют». Вследствие донесения Тютчева отправился в Нижний дьяк Преображенского приказа Нестеров, чтоб допросить архиерея, точно ли он говорил это Тютчеву; Исаия сказал: «Приехавши в Нижний, свойственник боярина Мусина-Пушкина Василий Тютчев объявил мне о своей присылке в мирском доме, и я к его словам говорил разговором, а не криком: ты – овца, вам ли, овцам, про нас, пастырей, разыскивать? Прибавил я к тому правила св. апостол и св. отец и изложение вселенских патриархов. Боярин Иван Алексеевич сыскивать обо мне прислал свойственника своего нападкою на меня, мстя недружбу; а напал он, боярин, не на меня, напал на церковь Божию, потому: по исконным великих государей указам определены на всякие церковные нужды, без которых в церкви пробыть нельзя, на вино, просвиры, воск, ладон, масло, сборы с церковью данные и венечные; он эти деньги отнимает, и если эти сборы будут отняты, то я церкви затворю, и архиерейскому дому правиться будет нечем и архиерейству быть не у чего, поневоле надобно будет архиерейство покинуть, какое архиерейство, когда данное в дом отнимают? Без именного государева указа я венечных и данных денег не отдам. Говорил я Тютчеву и о том, чтобы по наказу разыскивать правдою, помнил бы видимое лежащее на них за преумножение грехов их и неправд посещение, что шведы стоят такое продолжительное время противно».

Исаия высказал открыто и резко свое неудовольствие; другие высказывали его скромнее и тайнее. Не был доволен и первый архиерей в России, блюститель патриаршего престола, рязанский митрополит Стефан Яворский. Мы видели, как он поступил пред поставлением своим в архиереи на великороссийскую епархию; и теперь все рвался из Москвы в Малороссию. Может быть, действительно ему было тяжело в Москве, как на чужой стороне, где по своему скрытному характеру он не мог возбудить к себе большого сочувствия и где вообще тогда не очень доброжелательно смотрели на малороссиян. Стефан в своих проповедях расхваливал Петра. его дела и поведение, иногда приторно, тяжело, иногда удачно. как, например: «Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикого лица преклонству, толикому смирению и снисходительству: с нами яст, пиет, спит, сидит, любовне беседует с нами; аки един от сосед и друзей наших премирно сожителствует, и забыв себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещет, всякому есть приступен, жилища наши посещает, обедом, вечерию и охотою нашею не гнушается. С нами, аки отец с чадами, больши реку, яко брат с братиею, житие свое проводит. Председание на сонмищах и предвозлегания на вечерях и целования на торжищах давно то оставил фарисеем прегордым». Стефан сам свидетельствовал, что услаждался, как сахаром, милостию царского величества и отеческим его благопризрением; он не мог жаловаться и на скудость содержания при новых порядках, как жаловались другие архиереи. «От самого великого государя, – говорит Стефан, – много раз получал за победительные проповеди (проповеди, сказанные по случаю побед) иногда тысячу

золотых, иногда меньше, также и от прочих членов царского дома многие много раз щедроты бывали мне за литургии и проповеди слова божия».

Несмотря на то, Стефан упорно требовал увольнения от должности, отпуска на родину, представляя свои немощи; но ему, как человеку скрытному, непрямому, не верили, предполагали, что он чем-то недоволен, что ему чего-то хочется, что если бы, например, его сделали патриархом, то он бы не пошел на покой. В 1706 году Яворский был в Киеве вместе с государем и стал проситься, чтоб его там оставили, не возвращали в Москву; Петр отказал и уехал; тогда Яворский приступил к оставшемуся в Киеве боярину Стрешневу с слезною просьбою о том же. «Был я у него не один раз, – писал Стрешнев царю, – и много было с ним разговоров: и милостью твоею я его обнадеживал, и гневом грозил; наконец он решился выехать из Киева и выехал, никому не сказавшись; даже в том монастыре, где жил, не ведали. Просил он у меня, чтобы гневу твоего на него не было за усиленные его просьбы; я ему сказал: твои были большие просьбы, и государево изволение – велено ехать; ты так и сделал, и потому гнева государева на тебя нет и милость государева к тебе по-прежнему не умалится».

Милость государева не умалилась по-прежнему, но и поводы к неудовольствию оставались прежние, а Яворский не имел духу отстранить их откровенным объяснением; только сердился втихомолку да просился на покой. Неприятно блюстителю патриаршего престола, когда царица Марфа Матвеевна пришлет сказать ему, что в Архангельском соборе дьяконы кидают в священников воск; Стефан велит наказать виновных, посадить в заключение, а тут царица опять присылает, чтоб освободить их. Но это еще ничего, по крайней мере царица; но нестерпимо то, что боярин Мусин-Пушкин поставлен каким-то помощником, товарищем блюстителю патриаршего престола. В 1707 году холмогорский архиепископ Сильвестр был переведен в Смоленск; на его место нужно было поставить архиерея, и Стефан представил Петру, находившемуся тогда в Москве, двоих кандидатов, архимандрита троицкого и знаменского. Ни тот, ни другой не понравились, и Головкин писал Стефану, чтоб он избрал на Холмогорскую епархию из духовных особ трех или двух, которые бы были искусные, и ученые, и политичные люди: «Понеже та Холмогорская епархия у знатного морского порту, где бывает множество разных областей иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности политично, к чести и славе Российского государства, яко же и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал». Царь отвергает кандидатов, велит выбрать других, но, что всего хуже, велит Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этом выборе! Головкин писал Мусину-Пушкину: «К Стефану митрополиту я писал, что в том выборе будет и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно те особы избраны будут, о том извольте, милость ваша, с ним, митрополитом, писать к царскому величеству, на что его величество соизволит тогда указ свой послать, кого из тех особ на Холмогоры во архиепископы посвятить». В половине года опять новое столкновение у митрополита с Мусиным-Пушкиным, который жаловался на Стефана Головкину: «В письме твоём писано, что указал великий государь протопопу Тимофею быть в Благовещенском соборе и чтоб я о том указ объявил рязанскому митрополиту, дабы переведен был благовещенский к Воскресению. И я посылал к рязанскому митрополиту с тем указом, а он сказал, что того чинить не будет, дондеже сам

царское величество увидит, и велми злобится на меня, будто все то я промыслом своим делаю. И так во нраве своем переменялся, приехав из Киева, что никто угодить не может».

Свидание с царем в Москве после Полтавы не успокоило Стефана. В 1710 году он писал поздравительные письма Петру со взятием городов у шведов, натягивая, по своему обычаю, каламбуры; так, поздравляя со взятием Риги, писал: «Уже и Рыга их славная *изрыгнула* горестно, яже прежде поглощала сладостно труды людей и наследила многих потентантов богатства; где твоя, Рига, пыха, где твоя, Выборк, гордыня?» По случаю взятия Ревеля писал: «Слава богу, пошло нам на здоровье, егда *ревень* или Ревель врачебную вещь дал нам бог всемогущий стяжати». Стефан подписывался: «Верный подданный, недостойный богомolec, раб и подножие, смиренный Стефан, пастушок рязанский». Но когда в сентябре Петр позвал Стефана в Петербург, пастушок выпросил отсрочку под предлогом болезни и уехал в Рязань. 2 ноября Мусин-Пушкин писал к царю: «Митрополит рязанский поехал на Рязань, и я к нему писал три письма, чтоб изволил ехать к Москве, понеже многие дела требуют его исправления; на третье письмо отвечал, чтоб его не принуждать быть к Москве и дела духовные, которые он ведал, чтоб приказать ведать иному. А слух есть, будто хочет он схимиться, и я писал к нему и послал дьяка, чтоб он без указу вашего величества того не чинил, и велел я всем архимандритам и священникам сказать, чтоб никто его без указу не схимил под жестоким наказанием».

Рязанский пастушок не посхимился, но и не помирился с своим положением, не помирился 41 с Мусиным-Пушкиным. «От головы начинает рыба смердеть, – проповедовал Стефан, – от начальников множится в собраниях бедство. Ирод, егда слыша Иоанна Крестителя, иных обличающа, в сладость послушаше его. Коснуся после Иоанн и самого безобразия Иродова: ваше величество! ты и сам еси от других злейший, понеже ты подданным своим злейший образ подаеши, от тебя мнози соблазняются... Зде Ирод тотчас говорит Иоанну: молчи! в темницу его! За дерзость казнь да примет!» Стефану никто не приказывал молчать, никто не сажал в темницу; он свободно мог проповедовать и производить сильное впечатление, о котором свидетельствуют современники, даже враждебные ему: «Что витийства касается, правда, что имел удивительный дар, и едва подобные ему во учителях российских обрестися могли, ибо мне довольно случися видеть в церкви, что он мог во учении слышателей привести плакать или смеяться, которому движение его тела и рук, помавание очей и лица пременение весьма помоществовало, которое ему природа дала. Он, когда хотел, то часто от ярости забывал свой сан и место, где стоял».

Но были в России два архиерея, два человека с различными характерами, подававшие друг другу руки и стремившиеся к одной святой цели, несмотря на трудности времени, несмотря на то, что Мусин-Пушкин, обрезывая монастырские доходы для нужд государственных, иногда резал по живому месту, лишал достойных архиереев средств служить великому делу образования, не умел делать различия между Исаиею нижегородским и Димитрием ростовским. Первый был Иов, митрополит Новгорода Великого, мало известный как писатель, отличавшийся практическою деятельностью, но хорошо понимавший необходимость образования для духовенства. В то время, когда в Московской академии при отсутствии греческих учителей учителя малороссийские дали

господство латинскому преподаванию, Иов выпросил у Петра позволение взять к себе из ссылки братьев Лихудов, чтобы с их помощью завести при своем доме Греко-латино-славянскую школу. Но в Москве, как видно, не хотели дать преимущества Новгороду, и в январе 1708 года в ближней канцелярии состоялся боярский приговор: иеромонахов греческих – Иоанникия и Софрония Лихудьевых, которые ныне в Великом Новгороде, и при них находящихся людей, которые с ними посланы с Москвы, взять по-прежнему к Москве и учить им в школах греческому языку. Знаменитых учителей взяли у Иова, но у него была еще другая деятельность: в Новгороде явились построенные на архиерейский счет три больницы, две гостиницы и дом для подкидышей. Новгородский митрополит имел особенное искусство при тогдашних трудных финансовых обстоятельствах заводить училища, больницы и сиротские дома; обширная переписка Иова с сильными мира сего показывает его практическое направление.

Другим характером отличался ростовский митрополит Димитрий, продолжавший и в описываемое время свою святую деятельность. Он окончил обширный труд – Четьи-Минеи, имеющие до сих пор такое важное воспитательное значение для русских людей, но не мог успокоиться. Летом 1705 года он поехал в Ярославль, важнейший город своей епархии. Здесь в одно воскресенье, когда после обедни он шел из собора домой, к нему подошли два человека, не старые, но с бородами, и сказали ему: «Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше нам пусть отсекутся наши головы, чем бороды обрезаются». Изумленный митрополит не нашелся, что вдруг отвечать им от писания, спросил: «Что отрастет – голова ли отсеченная или борода обритая?» Те, помолчавши, отвечали: «Борода отрастет, а голова нет». «Так вам лучше не пощадить бороды, которая, десять раз обритая, отрастет, чем потерять голову, которая, раз отсеченная, уже не отрастет никогда, разве в общее воскресенье», – сказал митрополит и пошел в свою келию. Но за ним пришло много лучших горожан, и был у них длинный разговор о брадобритии. Тут митрополит узнал, что многие, обрившиеся по указу, сомневаются о своем спасении, думают, что потеряли образ и подобие божие. Митрополит должен был увещевать их, что образ божий и подобие состоят не в видимом лице человеческом, но в невидимой душе: притом бреются бороды не по своей воле, по указу государеву, а надобно повиноваться властям в делах, непротивных богу и не вредящих спасению. После этого разговора Димитрий счел своею обязанностью написать рассуждение «Об образе божии и подобии в человеце», которое несколько раз печаталось по приказанию Петра. Но на этом нельзя было остановиться: за людьми, которые сомневались в своем спасении, обривши бороды, и которые, однако, в своих сомнениях обращались к архиерею, стояли люди, которые уже давно не обращались к архиереям, считая их отступниками от истинной веры. Как малороссиянин, Димитрий не мог быть знаком с расколом до тех пор, пока не стал управлять Ростовскою епархией; здесь, увидевши всю силу зла, он решился вооружиться против него. «Окаянные последние времена наши! – писал Димитрий. – Святая церковь сильно стеснена, умалена, с одной стороны, от внешних гонителей, с другой – от внутренних раскольников. С трудом можно где найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». Митрополиту указали на

священника, преданного расколу; убедившись, что обвиненный действительно раскольник, Димитрий отрешил его от места, но позволил как вдовцу идти в монахи. Священник нашел доступ к царице Прасковье Феодоровне, та шлет письмо к митрополиту, просит его переменить решение. «Не могу сделать вещи невозможной, – отвечал Димитрий, – много мне было от него досады, перед многими людьми называл меня еретиком, римлянином неверным, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства у него не отнял, дал ему волю постричься в каком-нибудь монастыре; но боюсь гнева божия, если волка в одежде овчей пушу в стадо христово губить души людские раскольническими учениями». В конце 1708 года Димитрий отправился в Ярославль «по нужде раскольнической, потому что сильно умножились раскольники в епархии». Поучив с неделю народ, он нашел, что устной проповеди мало, и потому написал в Москву: «Так как слова из уст больше идут на ветер, нежели в сердце слушателя, то, *оставя летописное дело*, я принялся писать особую книжку против раскольнических учителей, потому что бог за летопись меня не истяжет, а, если буду молчать против раскольников, истяжет». Эта книжица была знаменитый «Розыск о раскольничьей брынской вере».

Для Розыска Димитрий считал нужным оставить летописное дело. «Помню, – писал он, – что в нашей малороссийской стороне трудно сыскать библию славянскую и редко кто из духовенства знает порядок историй библейских, что когда происходило: для того я бы хотел издать здесь краткую библейскую историю, книжицу не очень большую, чтоб всякий мог дешево купить». Первым препятствием, которое встретил Димитрий, была хронологическая запутанность; когда он сделал опыт разъяснить дело и послал его на суд тогдашним ученым мужам, то они заметили, что это не история, и видели соблазн для раскольников в том, что вопрос о годе Рождества Христова оставлен нерешенным. «Это действительно не история, – отвечал Димитрий, – а только оглавление будущей истории, где предлагается не что-нибудь сомнительное, но указываются ошибки, в которых наши упорно стоят. Что же касается до соблазна раскольников, то мне и хотелось показать, что у наших неправое летосчисление на основании хронографов. Почему греческие хронографы не согласны с мнением наших? Разве о таких несогласиях молчать и, что ложно, того не обличать и упрямству людскому снисходить? Раскольникам же никто ничем не угодит: они и добрыми, полезными и святыми вещами соблазняются».

Крепость телесная не соответствовала силе духовной. «Рада душа в рай, грехи не пускают, – писал Димитрий. – Рад писать – здоровье худо. Чего мне, бессильному, надеяться? Страх смерти напал на меня. А дело летописное как останется? Будет ли охотник приняться за него и довершить? Не жаль мне ничего, да и нечего жалеть: богатства не брал, денег не накопил, одного мне жаль, что начатое книгописание далеко до совершения». 28 октября 1709 года святой трудолюбец скончался на молитве 58 лет от роду; в гробе под голову и подо все тело, по его завещанию, постланы были его черновые бумаги. Кроме книг, у него ничего не осталось, он не хотел оставить даже и на помин души, чтобы не нарушить обета нестяжательности.

Жалоба такого архиерея, как св. Димитрий, тяжело легла на памяти Мусина-Пушкина. В мае 1707 года Димитрий писал в Москву о своем состоянии: «Часто болею, отчасти и печалию смущаюсь, видя беды священникам, смотря на

слезы их; и дом наш год от году оскудевает. Хотя и уповаю на бога, однако при виде их нужды скорблю, потому что естество человеческое, сердобольно сущее, обыкло соболезновать бедствующим». До нас дошло также письмо Димитрия к Иову новгородскому: «Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое учение тщанием вашим архиерейским, трудолюбием же премудрейших учителей Иоанникия и Софрония Лихудиевых, сильно о том радуюсь, молю бога, да содействует преосвященству вашему и пречестнейшим учителям в том благопотребном деле; ибо что человека вразумляет, как не учение? И Христос господь, хотя сотворить учеников своих учителями всей вселенной, прежде всего отверз им ум разуметь писания. Уподобляешься господу своему, когда, желая иметь людей учительных, разумных в пастве своей, собрал не малое число учеников и предложил им то учение, которое есть начало и источник всему любомудрию, т.е. еллино-греческий язык, которым все мудрые учения распространились по всем народам. Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начинали было грамматику разуметь недурно; но, попущением Божиим, скудость архиерейского дома положила препятствие, питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и вечные памяти. Умалчиваю о прочих поведеньях наших. Sat sapienti».

Жаловались архиереи, жаловались и простые священники на небывалые тягости и поборы. В Белгородском уезде один сельский священник говорил другому: «Бог знает, что у нас в царстве стало: Украина наша пропала вся от податей, такие подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братьи, священников, дошло, начали брать у нас с бань, с пчел, с изб деньги, этого наши прадеды и отцы не знали и не слыхали; никак в нашем царстве государя нет!» Священник читал в постной триоде синаксарь в субботу мясопустную; в синаксаре написано о рождении антихристе, что родится от блуда, от жены скверны и девицы мнимы, от племени Данова; и стал он думать, где тот антихрист родится, не в нашем ли государстве? В это время приходит к нему по знакомству Белгородских полков отставной прапорщик Аника Акимыч Попов; Аника был человек бездомовный, кормился в разных селах, учил детей грамоте. Священник начал говорить Анике: «В миру у нас стало ныне тяжело, прежние подати берут сполна, да сверх того прибыльщики стали брать с бань, с изб, с мельниц, с пчел деньги, лесов рубить и в водах рыбы ловить не велят, в книгах писано, что антихрист скоро родится от племени Данова». Аника отвечал: «Антихрист уже есть: у нас в царстве не государь царствует, антихрист; знай себе: толкуется Даново племя царским племенем, а государь родился не от первой жены, от другой, так и стало, что родился он от блуда, потому что законная жена бывает первая». Священник заметил: «В книгах писано, что при антихристе людям будут великие тягости, и ныне миру очень тяжело стало, того и жди, что от бога станут отвращать». Игумен Троицкого смоленского монастыря говорил то же, что и нижегородский архиерей, только прямее, не загораживая Петра Мусиным-Пушкиным: «Государь безвинно людям Божиим кровь проливает и церкви Божии разоряет: куда ему Шведское царство под себя подбить? Чтоб и своего царства не потерял!» В Москве недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на немку Монсову. «Видишь, – говорили они, – какое

бусурманское житье на Москве стало: волосы накладные завели, для государя вывезли из Немецкой земли немку Монсову, и живет она в Лафертовых палатах, а по воротам на Москве с русского платья берут пошлину от той же немки». Недовольные настоящим утешали себя будущим: между ними ходили слухи, что наследник также недоволен, что он окружил себя всегдашними представителями недовольных – козаками и ведет борьбу с боярами, потаковниками незаконного царя: «Царевич на Москве гуляет с донскими козаками, и как увидит которого боярина и мигнет козакам, и козаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросят в ров. У нас государя нет; это не государь, что ныне владеет, да и царевич говорит, что мне не батюшка и не царь».

Одни жаловались на бояр за то, что они потакают новым обычаям, другие жаловались на тех же бояр, доносили на них, что не исполняют указов государевых относительно нововведений. В 1708 году разбросаны были подметные письма, в которых, между прочим, говорилось: «Воеводы посулы великие берут и беглых не высылают, и мы, сироты твои, от того вконец разорились, что с пуста платим; воеводы так поступают ради себя, что за ними беглые крестьяне живут, на твоей, государской, земле премножество много деревень населено дворов по 200 и по 300. Бояре и другому указу твоему непослушны, о русском платье: как ты придешь к Москве, и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках, а наверх надевают юпки, а на головах носят не шапки польские, неведомо какие дьявольские камилавки, а если на ком увидят шайку или фантаж, то ругают и смеются и называют недобрыми женами тех, кто ходит по твоему указу, а в заводе (зачинщица) Алексея Салтыкова жена, князя Петра Долгорукого, Абрама Лопухина, Ивана Мусина, княгиня Настасья Троекурова, Ивана Бутурлина, Тихона Стрешнева, Юрья Нелединского, княгиня Аграфена Барятинская; а брали оне образец (шапкам?) из монастыря Чудова от чернеца Колтычевского. Как царь Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменяли и указу его не ругали, а твой указ ни во что ставят, в семь лет не переведут. И так все пропали, что ты наша надежда, государь, не изволишь быть на Москве, лишь только без тебя судьи богатыся, царство твое все разорилось, а они о том велми радуются, что ты идешь вскоре с Москвы, а мы, сироты твои, и пуще все пропадем, что не изволил ничего управить при своем здоровье и им, судьям, за их неправое рассмотрение ничего не учинил. Только и всего указу твоего послушен учинился князь Александр Данилыч – велел всех беглых крестьян выслать. Воистину, государь, бояре твоего указа так не слушают, что Абрама Лопухина, и так в него веруют и боятся его, и он, Абрам, всем завладел, и что он им придумает, так и делают, кого велит обвинить, того обвинят, кого велит оправить, того оправят, кого захочет от службы отставить, того отставят, а кого захочет послать, того пошлют. Да он же, Абрам, был у Алексея Салтыкова (сидевшего в Судном московском приказе), и тут многие были и спросили его, быть ли Троекуровым детям за морем, и он, Абрам, посмеялся: „Еще тот не родился человек, кому нас посылать; разве Абрама Лопухина на сем свете не будет, тогда моим сродникам за море идти; он которых написал сродников моих за море, и я им велел деньги кинуть, на те деньги Меншиковой княгине седла купят, на чем ей ездить в полках“. А сказывал про то князь Петр Долгорукий, как княгиня ездит верхом, и Анна Даниловна, и всякие слова про них

говорили поносные. За ним, Абрамом, и за сродниками его беглых крестьян премножество много и донине. Воистину нам твое здоровье надобно для того: если мы достанемся ему, вору Абраму, во владительство, а он чаёт себе скорого владительства».

Письмо писал поп Алексей Федоров по приказанию жены Никиты Пушкина. Свидетельствами таких источников, как подметные письма, надобно пользоваться осторожно: они писались преимущественно под влиянием личных отношений; несмотря на то, нельзя не обратить внимания на сопротивление московских дам указу о немецком платье; нельзя не обратить внимания на значение Абрама Лопухина, значение, которое основывалось на близости его к наследнику, царевичу Алексею: велико было это значение в настоящем, еще больше грозило стать в будущем...

Мы уже видели, что все эти неудовольствия, выражавшиеся в разных слоях общества, не могли повести ни к какому серьезному сопротивлению действиям правительства в областях центральных; вооруженное восстание могло вспыхивать только на окраинах, в Астрахани, у башкирцев, между козаками; но и тут везде правительство восторжествовало, несмотря на развлечение его сил борьбою с страшным врагом внешним. Расчет Мазепы и Карла XII на сильное неудовольствие в Малороссии на Москву и на царя также оказался неосновательным: народная масса осталась при народном знамени, которое держал Петр; но понятно, что после Полтавы Петр не мог оставить всю власть по-прежнему в руках людей, которые при стремлении к личным целям обращали так мало внимания на народное знамя. Немедленно после Полтавы, 17 июля, в Решетилровке гетман Скоропадский подал царю статьи для утверждения. Первая статья заключала в себе просьбу об утверждении и сбережении всех прав, вольностей и порядков войсковых. Царь отвечал, что эти права, вольности и порядки подтверждены им *генерально* при поставлении гетмана в Глухове и теперь он обещает ненарушимо содержать их *по милости своей*; обстоятельные статьи дадутся гетману после, ныне же это невозможно по неимению времени и послучаю похода государева в Польшу. Во второй статье гетман просил, чтоб в случае не генерального похода, а выступлений только части малороссийского войска на службу наказный гетман был независим от генералов и офицеров, чтоб они не возили впредь козаками дров, сена и не заставляли их пасти рогатый скот и коней, как то бывало прежде. Царь отвечал, что нельзя наказным гетманам не быть под команду великороссийских генералов; но генералам будет настрого приказано не употреблять козаков никуда, кроме войскового дела, в случае непослушания генералов этому приказу наказные обязаны доносить государю, и преступники подвергнутся жестокому гневу царскому. В третьей статье гетман просил, чтоб великороссийские воеводы, где они на прежних местах останутся, ни в какие распорядки и дела городские и полковые не вмешивались, а присматривали бы только за замками, да чтоб малороссиян, расвирепевших и законной власти непокорных, к себе на службу не принимали; не обижали бы обывателей и расправы без малороссийской старшины сами не чинили. Также чтоб были выведены гарнизоны, в некоторых малороссийских городах вновь помещенные, потому что неприятель побежден и нет уже его больше в Малороссии. *Ответ*: Воеводам дано будет повеление, чтоб они, *без указу*, до малороссиян притязаний не имели, вольностей их не нарушали, в суды и расправы

не вмешивались; а если будет какое важное дело до малороссиянина, то розыск и справедливость чинили бы с согласия полковников и старшины, не включая в это постановление государственных дел, измены и т.п. Что касается до гарнизонов, то они выведены отовсюду, кроме Полтавы, потому что большая часть городов Полтавского полка были замешаны в бунт запорожский. В четвертой статье гетман просил, чтоб на козацких дворах никто из великороссиян не становился самовольно, а посланникам квартиры указывали бы старшины городовые или сельские, «бо чрез тое вольность козацкая, за которую едино тылько служат, нарушается». Царь отвечал, что самовольно ставиться на козацких дворах будет строго запрещено; в случае же неповиновения со стороны великороссиян козаки должны жаловаться находящемуся при гетмане ближнему стольнику Андрею Петровичу Измайлову, а в Киеве и вблизи его – воеводе князю Дм. Мих. Голицыну. В пятой статье гетман просил, чтоб великороссияне не брали самовольно подвод, не уводили лошадей, взятых в подводу, как это случалось несколько тысяч раз, чтоб не вымышляли допросов на ратушах, «бьючи и мордуючи людей», и чтобы великороссийские войска при переходах не обижали обывателей. *Ответ* : Государь даст приказание, чтоб постою без крайней нужды у козаков не было, а что в прежней статье к лицу государя выражено, что козаки служат за одну козацкую вольность, того писать не надлежало: весь народ довольно испытал царские милости; он пользуется и ныне привилегиями и вольностями, притом государь освободил его от шведов, от Мазепы и от тиранства, погибели и разорений польских, турецких и татарских. В шестой статье заключалась просьба об увольнении от походов по причине крайнего разорения жителей. Государь уволил на лето 1709 года, кроме крайней нужды и некоторого числа, по требованию обстоятельств. В седьмой статье говорилось: хорошо, что проклятые запорожцы чрез измену утратили Сечь, но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбою и зверями: просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнозатонский воевода, ни гарнизон не делали промышленникам обид и препятствий. *Ответ* : На этот счет будет сделано распоряжение после, а теперь нельзя, потому что под этим предлогом бунтовщики запорожцы могут вгнестись на прежних местах и устроить собрания бунтовщицкие. Осьмая статья: «Один проклятый Мазепа с малым числом единомышленников изменил вашему величеству, а на всех нас, непоколебимых в верности, лежит досада и порок: нас называют изменниками». *Ответ*: О том уже было запрещение, и ныне оно строго подтвердится. Девятая статья: «Бьем челом, чтоб указы не от многих в Малороссию были посылаемы и не в полки, а единственно от вас, великого и всенадежно милостивого государя, и к одному только гетману, он же их будет рассылать куда следует». *Ответ*. Указы будут посылаться в Малороссию прямо на имя одного гетмана и только из приказа Малой России и от министров его величества.

В январе 1710 года царь дал гетману грамоту с подтверждением пунктов, «на которых приступил под высокодержавнейшую руку отца нашего гетман Богдан Хмельницкий». Через месяц настрого было запрещено войсковым людям брать в Малороссии подводы сверх указного числа, ставиться самовольно на козацких дворах и вымогать излишние кормы и питье, велено довольствоваться тем, что дадут. «Также дабы отнюдь никто не дерзал наших верных подданных малороссийского народа людей изменниками называть. Ежели же кто сему

нашему указу явится в чем преслушен, и за то учинен будет офицерам воинский суд и по тому достойное наказание, а рядовым жестокое наказание». Верных подданных запрещено называть изменниками, ибо один Мазепа изменил с малым числом единомышленников, по Мазепа изменил, его предшественники изменили также или по крайней мере были обвинены в измене своими. Чтоб предотвратить на будущее время измену и ложные обвинения в ней, верным средством было поставить подле гетмана великороссийского чиновника, который бы отвечал за его поведение и не давал места крамоле. Жаловаться на такое средство было нельзя, оно оправдывалось необходимостью, а между тем это был шаг к уничтожению сана гетманского, ибо власть гетмана стеснялась присутствием этих очей и ушей царских. Ближнему стольнику и наместнику суздальскому Андрею Петровичу Измайлову поручено было находиться при гетмане для управления, по общему с ним совету, делами великого государя по случаю бывшего возмущения в Малороссийском краю и бунта запорожцев; ему было наказано стараться вместе с гетманом о сохранении тишины и благоустройства в Малороссии посредством поимки всех возмутителей; препятствовать вооруженною рукою запорожцам селиться вновь в Сечи или в другом каком месте; иностранных посланцев принимать вместе с гетманом, доставлять к государю привозимые ими письма и без высочайшего соизволения не отвечать, равно и козацких посольств никуда не отправлять; смотреть, чтоб гетман без указа государева никого из старшин и полковников не отставлял и чтоб избирались они с общего совета и с утверждения царского; препятствовать принятию в службу поляков и других иноземцев; наблюдать, чтоб гетман никого не казнил без воли царской; описать все имение изменников и прислать ему ведомость; впредь гетман не должен маетностей и земель ни давать, ни отнимать ни у кого без царского соизволения, за усердную же службу назначать земли с общего согласия генеральных старшин и потом представлять об этом государю; гетману иметь свое пребывание в Глухове; с городов в Полтавском полку и в других, замешанных в измене Мазепиной, взыскать в казну по два ефимка с каждого двора, в случае неплатежа разорить их до основания, подобно Батурину; истребовать от гетмана и полковников подробную ведомость о войсковых доходах. Кроме этого наказа Измайлову был дан еще тайный: иметь неослабное смотрение за поступками гетмана, старшины и полковников и препятствовать им сноситься с турками, татарами, поляками, шведами и с изменниками-козаками; в случае же измены или народного возмущения требовать пособия от воеводы киевского и от других соседних, а для скорейшего прекращения всякого беспорядка употреблять пехотные великороссийские полки, данные ему в команду и находившиеся прежде при Мазепе. Проведать тайно, сколько прежде собиралось и теперь собирается доходов для гетмана, генеральной старшины, полковников и прочих урядников. Узнавать из разговоров и обхождения, кто из старшин и козаков более привержен к государю и какого уряда достоин. Но Измайлов, несмотря на то что сумел ужиться с гетманом, недолго, однако, при нем оставался, потому что имел неосторожность подписать вместе с Скоропадским увещательную грамоту к запорожцам. «И то мне зело удивительно, – писал Головкин гетману, – чего ради то он учинил, ибо ему того чинить ненадлежало, но вашей милости, яко гетману Войска Запорожского, таковые универсалы и прочие дела, надлежащие к управлению малороссийского народа, одному надлежит подписывать». В сентябре

1710 года Измайлов был отозван, и вместо его велено быть при гетмане думному дьяку Винусу и стольнику Федору Протасьеву для советов о государевых делах. Гетман, узнавши, что Измайлова хотят переменить, просил Головкина, чтоб оставили его при нем по-прежнему, уверяя, что живет с Измайловым согласно, очень доволен его благоразумными советами. Желая успокоить гетмана, Головкин писал ему: «О отозвании господина Измайлова уже указ определен, отчасти по преждебывшему собственному прошению и нужд его домовых и скудости; и определены вместо его при вас для потребного советования думный дьяк господин Винус купно с стольником Федором Протасьевым, которые вашей вельможности довольно известны яко суть люди искусные и неважные и которым приказано будет, дабы с вашей вельможностью во всем поступали нисходительно и вашей вельможности и советы и делами вспомогали, и уповаю, что ваша вельможность оными весьма контент будете». Присутствие при гетмане великороссийских чиновников, одного, потом двоих, разумеется, не могло не возбудить неудовольствия в Малороссии, не могло не возбудить опасения за существующий порядок. В феврале 1710 года киевский воевода князь Дмитрий Михайлович Голицын писал Головкину: «Сказывал мне бывший чигиринский сотник Невенчаный: когда ехал он из Москвы, то на дороге встретил гетманского посланца, отвозившего к государю дичину. Этот посланец спрашивал его: на Москве что делается? А у нас на Украине слышно, что государь хочет украинцев всех людей перевести за Москву и на Украине поселить русских людей. Москва лучшие города наши хочет себе побрать. Что наши и за вольности? Министр, который при гетмане, всякое письмо осматривает. Дурно сделал гетман Мазепа, что не объявил о своем деле всей старшине и посполитым людям. Теперь гетман просил всю старшину, чтоб потерпели какие ни есть тягости от русских людей до весны, пока выйдут в поле, а как в поле выйдут, тогда будут писать к государю, чтоб их вольности по-прежнему были; а если государь тем их не пожалует, то иное будут думать. Невенчаный спросил у того же посланца, не пришли ли запорожцы с повинною к государю? И тот отвечал: „Разве будут дураки, что пойдут; они хорошо делают, что Орду поднимают; а как Орду поднимут, то вся Украина свободна будет, а то от Москвы вся Украина пропала“. Тот же Невенчаный объявил, что встретились с ним два запорожца, шедшие с повинною к государю, и сказывали: „Все запорожцы для того нейдут с повинною к государю, что из Украины дали им знать: если вы пойдете, то все пропадете, заключайте союз с татарами и освобождайте нас, потому что мы все от Москвы пропали“.

Голицын, донося об этом канцлеру, предлагал свое мнение, как надобно поступать в Малороссии. Если, писал он, турки не объявят войны, то черкасы ничего не могут сделать. Для нашей безопасности на Украине надобно прежде всего посеять несогласие между полковниками и гетманом: не надобно исполнять всякие просьбы гетмана, особенно когда будет просить наградить кого-нибудь деревнями, мельницами или чем-нибудь другим; которые были в измене и произведены в чины, тех отставить и произвести на их место тех, которые хотя малую службу к государю показали. Когда народ узнает, что гетман такой власти не будет иметь, как Мазепа, то надеюсь, что будут приходить с доносами. При этом доносчикам не надобно показывать суровости: если двое придут с ложью, а суровости им не будет показано, то третий и с правдой придет, а гетман и старшина будут опасаться. Слышу, целым полком доводят на полтавского

полковника измену, что делал после баталии (Полтавской), и слышу, что гетман полковника защищает; по моему мнению, вам надобно взять себе кого-нибудь из этих доносчиков и персонально допросить, именно Черныша, который послан был в Крым в измену Мазепину; думаю что обнаружилось бы что-нибудь и о запорожцах. Был я в Глухове и виделся с гетманом, были мы немного пьяны: и из слов гетманских не мог я выразуметь ничего доброго; всякими способами внушает злобу на тех, которые хотя мало к нам склонны. Слышал я, гетман хочет просить у государя или просил, чтоб ему дали Умань; быть может, он писал, что Умань местечко малое, но это место большое и соседнее с степью, в городе с уездом будет людей тысяч с пять или шесть; по моему мнению, ему Умани давать не следует, пусть живет со всеми своими делами у нас в середине, не в порубежных местах. Умань на границе степи, нагайским татарам, кочующим по сю сторону Днестра, и запорожцам пристанище, беспрестанно татары из Очакова приезжают туда покупать скотину, а уманцы к ним в Очаков ездят, возят лубья, доски и уголья. Гетман, думаю, многократно писал к вам жалобу на Палея: ему хочется выжить его из порубежных городов и на его место послать кого-нибудь от себя; знаю и то, что если еще не писал, то вперед будет писать к вам жалобу на чигиринского полковника Галагана и на Бреславского: хочется ему, чтоб их не было или чтоб были в его воле, потому что они сравнительно с другими к нам склоннее. Теперь от него в Корсуне полковником Кандыба, который был в измене, и Мазепа из Ромна послал его в Корсунь в полковники; я, узнав об этом, перестерег и не допустил его; ему негде было деться, пришел ко мне своею волею, я послал его к гетману, и тот сейчас отправил его в полковники туда же, куда и Мазепа посылал; а я думаю, что от него, кроме плутовства, нельзя ждать никакого добра; хорошо, если б на его месте был другой с нашей стороны. Как прежде я вам писал, так и теперь повторяю: необходимо, чтоб во всех порубежных городах были полковники несогласные с гетманом; если будут несогласны, то дела их все будут нам открыты.

Подозрительность киевского воеводы относительно порубежных полковников будет понятна, если вспомним, что в Бессарабии при войске шведского короля находился козацкий отряд под начальством гетмана обеих сторон Днепра Войска Запорожского. Мазепа, убежавший с Карлом XII в турецкие владения, продолжал носить этот титул; Петр хотел добыть в свои руки изменника: отъезжая из-под Полтавы, он поручил Головкину велеть Пиперу написать к своему королю письмо о размене его, Пипера, на Мазепу. Головкин немедленно призвал Пипера, письмо было отправлено, но желанного ответа не последовало. Толстой в Константинополе хлопотал о выдаче Мазепы как изменника, и также понапрасну. 22 сентября 1709 года Мазепа умер и похоронен в Варнице, близ Бендер; пошел слух, что, боясь попасться так или иначе в руки царя, он отравил себя; но по другим, более вероятным известиям, он умер от старости, усталости и горя. Только в апреле следующего 1710 года решено было, чтоб козаки, бежавшие с Мазепою, выбрали вместо его нового себе гетмана.

Выбран был Филипп Орлик, и написан был договор между ним и его избирателями. Договор начинается возгласами о древнем могуществе *козацкого народа*, который одно и то же, что козары, гроза империи Восточной, и один из императоров греческих должен был выдать дочь свою за кагана козарского, т.е. за предводителя козаков. Потом Болеслав Храбрый и Стефан Баторий подчинили

козаков своему игу; гетман Богдан Хмельницкий освободил их от этого ига с помощью шведского короля Карла X и крымского хана. Освобожденная Малороссия соединилась с единоверным государством Московским, которое, однако, посягнуло на права и вольности козацкие, вследствие чего гетман Мазепа и отдался в покровительство шведскому королю. Первым условием договора с новым гетманом козаки постановили нетерпимость никакой чуждой религии, преимущественно иудейской; потом требуют усиления способов для русского юношества обучаться свободным наукам, восстановления прежних отношений между киевским митрополитом и константинопольским патриархом; постановляется, чтоб Малороссия находилась в покровительстве шведском и союзе крымском на том основании, что народ козарский, или козацкий, ведет происхождение свое от храбрых и непобедимых готов; постановляется, что гетман должен созывать раду три раза в год: о Рождестве Христове, о Пасхе и о Покрове; гетман не имеет власти наказывать никого из Войска без согласия старшин, постоянно при нем находящихся; управление финансами вверяется генеральному казначею; гетман не имеет права назначать войсковых чиновников, которые выбираются свободными голосами, однако не без согласия гетмана. Карл XII утвердил эти условия и избранного гетмана Орлика, который говорил ему за это речь, блестящую по тогдашним понятиям, например: «Мне ли, новому Атласу, сумеешь поддержать на плечах своих обрушивающуюся твердыню Русского отечества? Мне ли, неопытному аргонавту, направить обуреваемый российский корабль к золотым островам? Мне ли, новому Тезею, вывести стрегомую московским драконом Ариадну, нашу родину, из лабиринта страшного рабства на прежнюю свободу?» и проч.

Новый Тезей не мог вывести своей Ариадны из лабиринта; но он мог, наоборот, ввести ее в лабиринт смут, и царь послал в Малороссию *своего* человека, который бы вместе с гетманом старался о сохранении тишины и благоустройства. Для тех же целей в областном управлении Великой России еще прежде произведена была важная перемена, в конце 1708 года она была разделена на 8 губерний: Московскую, С.-Петербургскую, Киевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Управителями были назначены: в Московскую – боярин Тихон Никитич Стрешнев, в С.-Петербургскую – князь Меншиков, в Киевскую – ближний стольник князь Дм. Мих. Голицын, в Смоленскую – боярин Петр Самойлович Салтыков, в Архангельскую – ближний стольник князь Петр Алексеевич Голицын, в Казанскую – боярин Петр Матв. Апраксин, в Азовскую – адмирал Федор Матв. Апраксин, в Сибирскую – московский комендант князь Матв. Петр. Гагарин. Одной из главных обязанностей новых *управителей* было доставление в Москву сполна доходов, собиравшихся в их губерниях. 27 января 1710 года государь велел в первый раз сличить приход с расходом: оказалось во всех губерниях доходу 3051796 рублей; по табелям губернаторским средних доходов 3016590; из общего сложенного трех годов перечня треть 3133879. Расход на армию простирался до 1252525 рублей; на флот – до 444288; на разные посольские дачи – до 148031; на артиллерию и припасы – до 221799; рекрутам – 30000; на оружейные дела – 84104; гарнизонным служителям – 977896; на разные дачи (царицам, царевичу, царевнам, на дворцовые расходы, аптекарского чина людям, на покупку лекарств, духовенству, русским пленным в Стокгольме, приказным, мастеровым и

дворцовым людям, кормовщикам, ружникам, ямщикам, на постройки) – 675775, итого: 3834418. Сумма прихода разделялась по губерниям таким образом: на Московскую – 1140097 рублей; на Петербургскую – 336627; Киевскую – 114857; Смоленскую – 83258; Архангельскую – 374276; Казанскую – 600000, Азовскую – 154933; Сибирскую – 222080.

Расходы превышали доходы, и не было сомнения, что неисправность и казнокрадство много уменьшали последние; обратить все свое внимание на эту сторону не было возможности для царя; шведская война затягивалась, и к ней присоединялась еще турецкая; денег и людей понадобится еще более, царь снова будет в постоянной отлучке. Это заставило Петра усилить внутреннее правительство, дать ему большее значение и вместе наложить большие обязанности, большую ответственность. 22 февраля 1711 года «определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат для управления». Новое учреждение состояло из девяти членов: графа Мусина-Пушкина, Стрешнева, князя Петра Голицына, князя Михайлы Долгорукова, Племянникова, князя Григорья Волконского, генерал-кригсцалмейстера Самарина, Опухтина, Мельницкого. Обер-секретарем был назначен Анисим Щукин. 2 марта издан был указ о власти и ответственности Сената: «Повелеваем всем, кому о том ведать надлежит, как духовным, так и мирским, военного и земского управления вышними нижним чинам, что мы, для всегдашних наших в сих войнах отлучек, определили управительный Сенат, которому всяк и их указам да будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или и смертью, по вине смотря. И ежели оный Сенат, чрез свое ныне пред богом принесенное обещание, несправедно что поступят в каком партикулярном деле и кто про то уведает, то однако ж да молчит до нашего возвращения, дабы тем не помешать настоящих прочих дел, и тогда да возвестит нам, однако ж справясь с подлинным документом понеже то будет пред нами суждено и виноватый жестоко будет наказан». Сознавая весь вред, проистекавший от господства личных отношений, желая ослабить особные, своекорыстные стремления, выдвинув понятие об общем интересе, об отечестве, о государстве. Петр тогда же, 2 марта, предписал новую форму присяги государю и всему государству.

Деятельность нового учреждения определена была в следующем наказе: «Суд иметь нелицемерный и несправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, то ж и ябедникам да последует. Смотреть во всем государстве расходов, и ненужные, а особливо напрасные, отставить. Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны. Дворян собрать молодых для запаса в офицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать; тако ж тысячу человек людей боярских грамотных для того ж. Векселя исправить и держать в одном месте. Товары, которые на откупах или по канцеляриям и губерниям, осмотреть и посвидетельствовать. О соли стараться отдать на откуп и попещися прибыли у оной. Торг китайский, сделав компанию добрую, отдать. Персидский торг умножить, и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большого их приезда. Учинить фискалов во всяких делах, и как быть им, пришлется известие». Это известие состояло в следующем: «Выбрать обер-фискала, человека умного и доброго (из какого чина ни есть); дела же его сия суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и провеживать про неправый суд, также в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то

должен фискал позвать его пред Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить, а буде уличит кого, то половина штрафа в казну, а другая ему, фискалу; буде же и не уличит, то отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать, под жестоким наказанием и разорением всего имения. Тако ж надлежит ему иметь несколько под собою провинциал-фискалов, и у каждого дела по одному (т.е. в каждой отрасли управления), которые еще под собою несколько нижних имеют, которые во всем имеют такую же силу и свободу, как и обер-фискал, кроме одного, что вышнего судью или генерального штаба на суд без обер-фискала позвать не могут»

Все члены Сената должны были иметь равные голоса; каждый указ подписывали все собственноручно; если один из них откажется подписать, объявляя несправедливость приговора, то приговор остальных членов недействителен; но при этом сенатор, оспаривающий приговор, должен дать свой протест на письме за собственноручною подписью. Для удобнейших и быстрейших сношений Сената с губерниями должны были находиться в Москве комиссары из каждой губернии и безотлучно быть в канцелярии Сената для принятия указов и для ответа на вопросы по делам, касавшимся их губерний; комиссары принимали из Сената грамоты великого государя и ведения о всяких губернаторских делах, и отсылали их в свою губернию, и, получая ведения от губернаторов, подавали за своими руками в канцелярию Сената.

Комиссары должны были сноситься с губернаторами чрез нарочные почты, потому что медленность губернаторов выводила Петра из терпения, как видно из письма его к Меншикову из Преображенского от 6 февраля 1711 года: «Доныне, бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе, а потом буду не словом, но руками со оными поступать». Меншиков не составлял исключения между губернаторами и зело раку следовал в сообщении о самом нужном деле, которое Петр называл артериею войны. 19 февраля царь писал с.-петербургскому губернатору: «Дай знать, которые у вас товары, на сколько когда продано и куды те деньги идут, ибо я спрашивал Щукина для ведения, но он сказал, что ни о чем не ведает: и тако о вашей губернии ни о чем не ведаем, будто о ином государстве». Учредивши Сенат, Петр сам известил Данилыча, что и его губерния не должна быть иным государством, но вместе с другими подчиниться вышнему правительствующему Сенату: «Посылаем при сем указ равной, как и прочим губернаторам, о послушании избранному Сенату и присягу, как Сенат, так и губернаторы какову здесь учинили, а коих нет, к тем посланы указы, дабы там присягли и подписались. Тако ж правления ради здешних нужнейших дел определили мы и губернии вашей к делам в вышнем Сенате князь Григорья Волконского, Анисима Щукина, о чем извольте ведать».

«Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны», – наказывал Петр своему новому Сенату. Война не прерывалась; Петр в 1710 году спешил к Балтийскому морю, чтоб воспользоваться увязнутием Карла XII в Турции, как прежде здесь же воспользовался увязнутием его в Польше. В половине февраля царь выехал из Москвы в Петербург: *парадиз* нужно было обезопасить со стороны Финляндии, и адмирал Апраксин отправился с 18000 сухопутного войска под Выборг, флот под начальством вице-адмирала Крюйса и контр-адмирала – самого царя вез артиллерию и запасы; в июне Выборг сдался, и

таким образом «была устроена крепкая подушка Петербургу», по выражению Петра. В сентябре сдался Кексгольм Брюсу, и покорение Карелии было закончено. Мы видели, что Шереметев осадил Ригу еще в 1709 году; с начала 1710 голод и мор опустошали осажденный город, осаждающие также много терпели от язвы, проникнувшей из Пруссии через Курляндию; в июле Рига сдалась. Петр уведомил Курбатова об этом счастливом событии и получил ответ: «Получил я в в-ства всерадостное письмо, в нем же явлено о взятии Риги, объявил оное московскому купечеству и торжествовахом купно в убогом моем загородном доме, по душе и плоти, с немалым шумом гласов гарматных и мусикийскими органы и различне украшенными в божию и вашу славу пения. Торжествуй, всеусерднейший расширителю Всероссийские державы, яко уже вносимыми во Всероссийское государство европейскими богатствы не едина хвалитися будет Архангелогородская гавань! Торжествуй, радостно преславный обогатителю славено-российского народа, яко аще продолжением войны сея зрится оный в имениях и не без истощания, но ныне имать надежду возобновитися богатствы вящше». Шведскому гарнизону было позволено выйти из Риги, но природные лифляндцы должны были присягнуть царю на верность; им было оставлено их прежнее провинциальное управление, аугсбургское исповедание; город Рига сохранял принадлежавшие ему земли, доходы, преимущества, привилегии, судебную расправу, обычаи, вольности; было обещано ни в городе, ни в уезде не вводить никаких новых судей и законов, также не вводить ни в канцелярии, ни в переписки другого языка, кроме до тех пор употреблявшегося немецкого. Было обещано, что как скоро город Пернау приведен будет в царское подданство и находившийся в нем университет во время приступа к городу не будет сопротивляться и не будет ни во что вмешиваться, то государь не убавит его выгод и привилегий, но еще более распространит и будет заботиться, чтоб университет был снабжен всегда искусными профессорами, учителями языков и экзерциций, потому что его царское величество из своих собственных государств и земель молодых людей для обучения туда посылать будет для большей славы этого университета, вследствие чего его царскому величеству свободное отправление греческого закона предоставляется; царское величество предоставляет себе учредить особого профессора в высокой школе, который бы мог обучать славянскому языку и ввести его туда, прочих же профессоров назначает рыцарство вместе с верховною консисториею. Шляхетство и урожденцы лифляндские имеют перед другими право при назначении на все должности, как военные, так и гражданские, в своей провинции. Шляхетских маетностей никому, кроме лифляндских шляхтичей, покупать нельзя, и если которые уже проданы, то шляхтичи могут их выкупать.

В августе 1710 года сдались русским Пернау и Аренсбург, главный город острова Эзеля, в сентябре – Ревель. По случаю взятия Ревеля Курбатов писал, что при заключении мира все эти приморские места надобно оставить за Россию. Эльбинг, последнее место, которым владели шведы в Польше, сдался русским же еще в самом начале года. Овладев Лифляндиею и Эстляндиею, Петр укрепил свое влияние и в Курляндии. Молодой герцог курляндский Фридрих Вильгельм в 1710 году предложил руку одной из племянниц царских – Анне Иоанновне; условиями брака герцог поставил: вывод из Курляндии русских войск, обязательство со стороны России впредь не занимать Курляндии своими войсками и не брать с нее

контрибуцию; учреждение комиссии для исследования обид, причиненных курляндцам русскими войсками; нейтралитет Курляндии на случай будущих войн, свобода торговли с Россией; наконец, жених просил 200000 рублей приданого. Петр согласился на условия, но с прибавкою своих: из 200000 рублей 50000 отданы будут после утверждения договора, 50000 – в день брака, остальные же 100000 будут уплачены после, в самоскорейшем времени. Из всех этих денег только 40000 считаются за приданое, остальные же 160000 рублей считаются данными займы герцогу на выкуп его заложенных староств, и эти выкупленные староства должны быть отданы будущей герцогине Анне в заклад, причем она получает ежегодно по пяти процентов. Для герцогини будет церковь «по греческому украшению» в замке митавском; сыновья, имеющие родиться от этого брака, будут воспитаны в лютеранском законе, а дочери – в греко-русском. Но, в то время когда Петр закреплял свои владения на Балтийском море, стали приходить тревожные вести с юга, заставившие его покинуть любимые места.

Мы видели, что турки не воспользовались вторжением Карла XII в русские пределы и не объявили войны царю. 28 июня 1709 года, не предчувствуя, что происходило накануне под Полтавою, Толстой писал в донесении Головкину: «Опять Порту возмутили пуще прежнего татары, прислали письмо за многими печатями от всех крымских, ногайских и кубанских татар, что царь пришел в Азов для похода на Крым и что множество судов больших и малых на Азовское море вышло; просят татары Порту с великим усердием, чтоб немедленно подала им помощь и чтоб позволила вместе с шведами и поляками стать против войск царских. С великим трудом и с немалою дачею едва успел я удержать, что не дали татарам позволения соединиться со шведами». Тут же Толстой доносил, как французский посол сошел с ума: «Посол французский, здесь пребывающий, обезумел, тому причина есть сия: когда онный получил от двора французского указ, чтобы с визирем всеконечно примирился, тогда онный по всякой возможности искал примирения и едва возмог иметь с визирем свидание, которое последовало ему великим несчастием, ибо визирь огорчил его тяжким словом, назвал его скотиною, а не человеком, от чего, возвратясь к себе в дом, обезумел скоро и ныне пребывает без ума».

Только 22 июля получил Толстой от Головкина известие о преславной виктории с ее следствиями и потребовал от визиря, чтоб немедленно был послан к Юсуф-паше указ задержать шведского короля и Мазепу под стражею, чтоб не ушли в другие места и не последовало от того неприятство. Визирь велел отвечать, чтоб посол не сомневался, будет все исправлено приятельскою мерою, но что с русской стороны поступлено нехорошо: русские войска, преследуя шведского короля, вошли в турецкие владения; при этом визирь хотел выведать у Толстого, какие будут его требования насчет шведского короля и Мазепы; Толстой отвечал прямо, что он потребует немедленной их выдачи. «Домогаюсь, – писал Толстой, – чтобы короля шведского и Мазепу отдали в сторону царского величества: но о короле не чаю, чтоб отдали ни по какой мере, разве только вышлют его вон из своей области; а о Мазепе боюсь, чтоб онный, видя свою конечную беду, не обусурманился, а ежели сие учинит, то никак не отдадут его по своему закону». 8 августа Толстой доносил: «Порта в большом горе, что шведского короля и Мазепу очаковский паша принял; очень туркам нелюбо, что этот король к ним прибежал, ибо, по закону их и ради стыда от других, отдать его

невозможно и не хотят; однако и то мыслят, что царское величество домогаться его будет и за то мир с ними разорвет, чего они не хотели бы. Теперь с великою поспешностью начали приготавливаться к войне, послав в Румилию и другие места указы, чтоб войска как можно скорее собирались к русским границам, и соберется их осенью около 40000. Говорят, что делают это для своей безопасности, а впрочем, бог знает. На предложения мои о короле шведском ответа не дают, на аудиенцию к султану меня не допускают, даже в конференцию со мною вступать не хотят. Думаю, что это делают лукавством: отказать мне явно боятся, чтоб царское величество вдруг на них, неготовых, не наступил, и думаю, что не будут со мною говорить до тех пор, пока ратей своих не умножат, и тогда, может быть, станут говорить смелее. Теперь король шведский неизреченные соблазны туркам доносит и делает им большие обещания, чтоб они начали войну против царского величества, в чем ему много помогает хан крымский, и хотя меня крепко уверяют муфтей и другие, что от Порты противности не будет, но я сомневаюсь, и не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь! Причина моему сомнению та: турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с ними, турками. Так они думают и отнюдь не верят, чтоб его величество не начал с ними войны, когда будет от других войн свободен. Визирь требует, чтоб рати царского величества от здешних границ удалились; а я доложу, что не только не должно удалять тех, которые теперь на границах, но надобно еще прибавить, потому что здесь делаются большие приготовления с великою поспешностью. Слышу, что король шведский стоит близ Бендер на поле, и, если возможно, послать несколько легкой польской кавалерии тайно, чтоб, внезапно схватив, его увезли, потому что, говорят, при нем людей немного, а турки, думаю, туда еще не собрались; и если это возможно сделать, то от Порты не будет потом ничего, потому что сделают это поляки, а хотя и дознаются, что это сделано с русской стороны, то ничего другого не будет, как только что я здесь пострадаю. Если же не будет совершенной надежды увезти, то лучше и не начинать».

14 августа муфтий прислал сказать Толстому, что этою осенью не будет со стороны Турции никаких неприятельских действий против России, но за будущую весну он не ручается и заранее об этом даст знать послу, потому что многие знатные люди советуют немедленно начать войну с Россиею, пока Польша с нею не в союзе; но совет этот не может быть принят, потому что Порта не готова к войне. Толстой послал тайно к муфтию с просьбою потрудиться, чтоб короля шведского и Мазепу выдали царскому величеству, обещая за труды 10000 золотых червонных да на 10000 соболей. Муфтий отвечал, что во всяком деле он помочь готов, но это дело невозможное, их закону противное, и говорить ему об нем никак нельзя. «Турки размышляют, – доносил Толстой, – каким бы образом шведского короля отпустить так, чтоб он мог продолжать войну с царским величеством, и они были бы безопасны, ибо уверены, что, кончив шведскую войну, царское величество начнет войну с ними».

Пока турки размышляли, Карл XII употреблял все средства, чтоб вовлечь их в войну с Россиею. Он явился в турецких владениях в сопровождении канцлера Мюллерна, секретарей Клинковстрема и Нейгебауера, нашего старого знакомого,

находившегося теперь в шведской службе, генералов Шпарре и Лагеркрона, польского генерала артиллерии Понятовского, Мазепы и племянника его Войнарковского. Принятый почетно очаковским градоначальником Юсуф-пашою, король не остался, однако, в пограничном Очакове и отправился далее – к Бендерам, отправил Нейгебауера к султану с письмом, в котором просил о защите и предлагал союз против России. «Обращаем внимание вашего императорского высочества на то, – писал Карл, – что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе с своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи. При таком состоянии дел, чтоб отвратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство – это союз между Турцией и Швецией; в сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии, чтоб положить предел честолюбию и властолюбию царя».

Приблизившись к Бендерам, Карл не остановился в самой крепости, а раскинул лагерь под ее пушками, на берегу Днестра, на лугу, отененном деревьями; потом, когда это место оказалось очень низко, подвержено наводнениям, перешел на житье в деревню Варницу; 500 янычар составляли почетную стражу короля; ежедневно отпускало ему турецкое правительство съестных припасов на 500 талеров. Карл, вылечившийся от своей раны, вел прежний простой, деятельный образ жизни, был спокоен и весел, как прежде, до Полтавы. Главное затруднение его состояло в недостатке денег. Сначала помогла ему смерть Мазепы: после старика осталось 80000 дукатов чистыми деньгами, которые племянник его Войнарковский отдал займы королю; потом около ста тысяч талеров переслали ему из Голштинии; особенное искусство занимать деньги показал казначей королевский Гротгузен; наконец, в Константинополе Карл нашел доброжелателей в банкирах английской Левантской компании, братьях Кук, которые передавали ему тысяч двести талеров.

Приезд Нейгебауера в Константинополь с королевским письмом привел визиря Али-пашу в большое затруднение. Ответ состоял в осторожных выражениях, что султан не прочь принять некоторые королевские предложения. На помощь Нейгебауеру отправлен был в Константинополь Понятовский, который и начал борьбу с Толстым. Сначала осилил Толстой: в ноябре 1709 года возобновлен был мир между Россией и Портою; относительно возвращения шведского короля в отечество было положено, что он тронется от Бендер с своими людьми без козаков и в сопровождении турецкого отряда из 500 человек; на польских границах турки его оставят, сдавши русскому отряду, который и будет провожать его до шведских границ, наблюдая, чтоб он во время проезда через Польшу не сносился с приверженцами Лещинского и вообще не возбуждал никакого беспокойства; козаки, изменившие царю, должны быть выгнаны из турецких владений. Смерть Мазепы прекратила дело о его выдаче, на которой настаивал Толстой. Легко понять, с каким чувством Карл XII узнал, что его через Польшу будет провожать русский отряд! Он велел составить мемориал, в котором великий визирь был представлен изменником, подкупленным Россией. Понятовскому удалось в январе 1710 года подать этот мемориал прямо султану,

без ведома великого визиря. Понятовский вместе с врагами Али-паши хлопотал изо всех сил о его низвержении и в июне достиг своей цели: Али-паша сослан, и великим визирем назначен Пууман Кеприли. Благодаря новому визирю Карл получил от Порты 400000 талеров в виде займа без процентов; но и Кеприли не хотел разрывать с Россией и указывал Карлу другую, безопаснейшую дорогу для возвращения в Швецию, именно через австрийские владения. Но воинственный Дух, раздуваемый Понятовским, распространился в Константинополе; янычары начали требовать, чтоб их вели на Россию, и Кеприли должен был оставить свое место, которое занял Балтаджи Магомет-паша. А между тем Петр стал требовать от султана, чтоб статьи нового договора были в точности исполнены, жаловался, что до сих пор Карл XII и козаки-изменники находятся еще в турецких владениях, ходят слухи, что султан в угоду шведскому королю хочет расторгнуть мир и действительно татары и козаки впадают в русские границы, а козаки на место Мазепы выбрали себе нового гетмана – Орлика с позволения Порты. В октябре 1710 года Петр потребовал от Порты решительного ответа: хочет ли султан выполнить договор? Если хочет, то пусть удалит шведского короля из своих владений, в противном случае он, царь, вместе с союзником своим, королем, и республикою Польскою прибегнет к оружию. Но гонцы, везшие царскую грамоту к султану, были схвачены на границе и брошены в тюрьму: 20 ноября в торжественном заседании дивана решена была война, вследствие чего Толстой был посажен в Семибашенный замок; весною великий визирь должен был с огромным войском выступить в поход.

Если сохранение мира с Турциею было делом первой важности для России во время борьбы ее с Швециею до «преславной виктории», то и теперь вести о неприятных движениях со стороны Порты сильно смутили Петра среди его торжеств прибалтийских. У него было одно желание – кончить как можно скорее тяжкую войну выгодным миром, и потому он не давал ни себе, ни войску, ни народу своему отдыха, чтоб воспользоваться Полтавою и вынудить у Швеции мир поскорее и как можно выгоднее. И вдруг он должен оставить войну на севере, дать возможность шведам вздохнуть, собрать свои силы; до сих пор он вел войну с сознанием необходимости ее для народа, видел благословение над своим делом, видел близкий конец трудного подвига, берег перед глазами, и вдруг сильная волна относит челн снова в открытое, беспредельное море. Вовсе не любя войны для войны, совершенно чуждый славлюбивых, завоевательных стремлений, Петр видел перед собою новую, бесцельную войну, и войну, представлявшую большие трудности: турки поднимались не одни; с их войсками нужно было ждать к себе в гости старого знакомого, Карла XII, жаждавшего восстановить свою силу и свою славу; Польша ненадежна, в ней по-прежнему дела идут, «как молодая брага»; партия Лещинского поднимется опять при первом появлении шведов; а надежна ли старшина малороссийская? Оборонительною войною на юге, на границах Польши и Малороссии, ограничиться нельзя, крайне опасно; надобно предупредить врага, искать его в собственных владениях, возбуждать здесь против него внутренних врагов, значит, надобно сосредоточить главные силы на юге, надобно самому царю перенестись туда; а что будет на севере? В состоянии ли будет союзная Дания сдержать шведов? Действия ее в 1710 году подавали плохую надежду.

Мы видели, что благодаря Полтаве Долгорукому удалось уговорить датское правительство начать войну с Швециею.

Война началась, но опять пошли тревожные слухи, что англичане и голландцы хлопочут о примирении Дании с Швециею. «Буду доведываться и стараться не допускать до этого, – писал Долгорукий Головкину в декабре, – хотя эти слухи еще неверны, однако я прилежно прошу прислать мне немедленно указ: если узнаю, что то правда, что мне тогда прикажете делать? А сам я не вижу другого способа, как скупить министров, потому что они великую силу имеют в приговорах, король без них ничего не делает; думаю, что надобно заранее одобрить министров, хотя бы двоих, чтоб препятствовали мирным предложениям в совете; а если дожидаться, пока дело откроется как решенное, то, чтоб заставить переменить решение, надобно будет давать дачи великие, да и тут мало надежды переделать сделанное дело. Министры, которым я обещал награду от царского величества, если склонят короля к войне, уже не раз мне говорили об исполнении обещания; я все от них отговаривался тем, что писал и не получил ответа, хотел отволочь, чтоб не давать, а теперь, думаю, надобно им дать хотя немного, чтоб иметь хотя малую на них надежду».

Действия датчан в Шонии были удачны, и составлен был план весною 1710 года соединенными силами русскими и датскими сделать высадку у Стокгольма. Петр одобрил план; но датские министры объявили Долгорукому, что король к весне не может вооружить всего своего флота по недостатку денег, разве царское величество поможет. «Я, – писал Долгорукий Головкину 24 января 1710 года, – всячески буду стараться, чтоб вооружили флот без субсидии; если же увижу, что иначе дело не пойдет, то буду обещать им субсидии. Невозможно описать, как здешний двор старается каким бы то ни было способом вырвать денег от царского величества. При малейшем случае делают все, что могут, только бы денег выпросить».

Отчаявшись вырвать что-нибудь у Долгорукого, датские министры перестали толковать о субсидиях и объявили даже, что на нынешнюю кампанию король имеет довольно денег. Но Долгорукий не переставал внушать своему правительству, что надобно дать министрам, особенно когда пошли зловещие слухи о скором прекращении войны за испанское наследство, что давало Англии и Голландии возможность вмешаться в северные дела. «Король, – писал Долгорукий, – и без субсидий пробыть может, и потому теперь ему субсидий обещать не нужно, а надобно беречь субсидии до того времени, когда придет королю нужда от военных случайностей или когда он станет думать о партикулярном мире. Здесь опасаются, чтоб по заключении мира с Франциею англичане и голландцы не вмешались в войну короля датского и не уняли бы его. Поэтому очень нужно купить министров здешних; довольно будет раздать тысяч на двадцать вещей; из этой же суммы нужно дать и женам их, потому что они над мужьями силу имеют. Всех министров четыре, и все бесстыдно к дачам лакомы: много раз мне говорили чрез польского посланника, чтоб царское величество их пожаловал за договор по обыкновению, и, видя, что ответу нет, сам министр Сегестет мне несколько раз о том говорил. Надобно давать им не вдруг, но часто и понемногу, чтоб всегда смотрели из рук».

Не долго ждали той нужды, в которой датскому королю понадобились русские субсидии. После первых успехов в Шонии датские войска, несмотря на

увещания Долгорукого, предалась бездействию. Этим воспользовались шведы, собрались с силами и в феврале 1710 года разгромили датское войско, которое потеряло 6000 человек. «Если царское величество, – писал Долгорукий, – соизволит помочь королю датскому, то теперь настоящее для этого время». Надобно было помочь и войсками, и деньгами; но Дании в тогдашнем ее положении помочь было трудно. Долгорукий откровенно донес королю о нерадении всех его правителей, начиная с министров; король отвечал, что все это правда, и объявил Долгорукому, чтоб о тайных делах говорил только с двумя министрами – Выбеем и Сегестетом, потому что другим он не верит. «Здесьние дела в самом дурном положении, – писал Долгорукий, – король мало знает военное дело, а из правителей, приставленных к этому делу, всякий хлопочет только о собственных интересах; кроме того, они ненавидят друг друга, каждый старается как бы испортить сделанное другим, и оттого все дела непорядочно идут». В другой раз Долгорукий жаловался королю на правителей; король отвечал: «Я сам вижу, что они негодны, да некем переменить». Флот, снаряжавшийся с крайнею медленностию, однако, был готов в июле и стоял у Борнгольма. Долгорукому уже объявили, что немедленно пошлется адмиралу указ о поиске над шведскими эскадрами, как вдруг Долгорукий узнает, что флот вернулся к Копенгагену. Долгорукий в тот же день поехал в загородный дворец к королю, чтоб «говорить сколько мог» против такого дела; король отвечал, что он сам ничего не знал, пока флот не приблизился к Копенгагену: тут только адмиралы написали к нему в свое оправдание, что комиссары замедлили присылкою провианта и нельзя было оставаться и поморить людей голодом; король покончил словами: «С такими людьми, какие у меня в службе, невозможно ничего сделать».

Понапрасну Долгорукий ездил на флот уговаривать адмиралов к действию против шведского флота, чтоб дать возможность русским кораблям выйти из Финского залива: адмиралы ни за что не соглашались на это. Флот отправился с транспортными судами к Данцигу для перевозки русских вспомогательных войск, но тут несчастье: с 1 на 5 сентября страшная буря разбила флот, и Долгорукому объявили, что при такой беде нечего и думать о перевозке русских войск этой осенью. Конференции после этого были *крикливые*, по выражению Долгорукого: русский посланник попрекал датских министров беспорядком, какой господствует у них в военных делах; министры отвечали, что если бы царь прежде помог королю деньгами, то все дело шло бы порядочнее; Долгорукий возражал: «Если б царское величество дал королю денег прежде, то и те так же бесплодно были бы издержаны, как два миллиона королевских денег, пошедших на вооружение флота, от которых прибыли ни на шелег нет».

В Копенгагене Англия вместе с Голландиею шла открыто против русских интересов; но в Москве после преславной виктории хотели поступать осторожнее. В начале 1710 года приехал в Москву уже прежде бывший здесь чрезвычайный и полномочный посол Витворт и на аудиенции 5 февраля подал государю грамоту королевы Анны. Королева изъявляла глубокое сожаление об оскорблении, нанесенном Матвееву в Лондоне, писала, что отсутствие закона о подобных случаях не позволяет ей наказать достойным образом виновных, но что для будущего времени уже издан парламентский акт, определяющий наказание за подобное нарушение народного права. Витворт объявил, что виновных в оскорблении Матвеева парламент провозгласил бесчестными и что королева

исключила их из амнистии, дарованной даже преступникам, умышлявшим против ее особы, и послала его, Витворта, представить ее королевскую особу, как бы она сама была в присутствии, и извиниться в оскорблении, нанесенном публичному министру, и еще такому, которого королева так высоко почитает. Царь отвечал: «Надлежало бы ее королевину величеству нам дать сатисфакцию и, по желанию нашему, тех преступников, по обычаю всего света, наихудейше наказать: однако ж, понеже ее величество чрез вас, посла своего чрезвычайного, извинение нам приносить повелела, что того за оскудением прежних прав государственных учинить не могла и для того общим согласиём парламента новое право о том для впредь будущего учинила, того ради приемлем мы то за знак ее приязни и награждения». Так как в грамоте королевиною царю, по старому обычаю, дан был титул императорский, то Головкин потребовал, чтоб этот титул был вперед постоянно употребляем. Витворт согласился.

Витворт в Москве толковал о дружбе и союзе, а отправленный в Лондон русский посланник князь Куракин писал Головкину в мае 1711 года, что английский двор один из первых противников русским интересам. Еще прежде отправления в Англию Куракин ездил в Ганновер, чтоб склонить к союзу тамошнее правительство, столь враждебное до сих пор к России. В ноябре 1709 года Куракин приехал в Ганновер и держал перед курфюрстом Георгом Лудовиком такую речь: «Его царское величество имеет особливую склонность и почитание в вашей курфюрстской светлости и желает прежде персональную учиненную знаемость и дружбу с вашею светлостью не токмо возобновить, но и добрую корреспонденцию впредь сочинить, также и о некоторых нужных делах мне повелел предложить». Курфюрст отвечал: «Его царское величество учинил мне особливую склонность; всегда желаю иметь продолжение доброй корреспонденции и потщуся мои услуги в чем возможно показать». Куракин продолжал: «Хотя царское величество известен был, как ваша светлость електорская от некоторых немалых времен имел всегда с короною шведскою добрую дружбу и союз, также и двор ваш во всех оказиях всякое вспоможение интересу шведскому оказывал: однако ваша светлость немного благодарения за то получил, но разве больше всякие противности видел; и если бы амбиция шведского короля счастливым оружием царского величества не унижена была, то конечно он был намерен возвратиться в империю, где бы учинил всем своим соседям и другим немалую руину. Ваша светлость, изволишь усмотреть прямой свой интерес и небезопасность своих провинций от близости соседства шведских владений Бремена и Вердена. И того ради царское величество, получа счастливую викторию над королем шведским, сыскал способ, которым бы мог в будущем обуздать силу шведскую и содержать шведского короля в прежних его терминах, чтоб не мог впредь чинить разорение как империи Римской, так и Российской и всем своим соседям. Однако его царское величество не намерен того искать, чтоб в конечное разорение оную корону привести, как король шведский хотел сделать с Россиею, но только намерен содержать ее в умеренности. Того ради его царское величество то свое намерение повелел мне вашей светлости електорской предложить и желает ведать взаимно намерение вашей светлости». Курфюрст отвечал: «Чаю, что царское величество не желает в империи каких-нибудь развращений, из которых бы в нынешней войне с Франциею всем союзникам произошел вред, и надеемся, что нынешнею зимою его величество учинит мир с

королем шведским». «Царское величество, – сказал на это Куракин, – всегда ищет приязни и дружбы со всеми соседями; но намерен для общего интереса обеих империй, Римской и Российской, обуздать силу шведскую, а к миру никакого вида нет и не надеюсь, пока будут удовольствованы союзники царского величества». Курфюрст начал говорить о баталии (Полтавской) и других посторонних делах и, между прочим, сказал, что по многим обстоятельствам думает, что король шведский умер; тем аудиенция и кончилась.

Куракин писал Долгорукому в Копенгаген: «По приезде моем я двор здешний нашел склонным; однако не надеюсь, чтоб он согласился в чем-нибудь на наше желание, разве останется нейтральным». Весною 1710 года Куракину удалось заключить между Петром и Георгом Лудовиком следующий договор: 1) оба государя пребывают между собой в прямой конфиденции, содержат постоянную дружбу, искренне помогают друг другу советами и средствами; один другому никакого вреда или предосуждения не чинят, неприятелям друг друга ни людьми, ни деньгами не помогают, разве, против всякого чаяния, потребует противного составляющееся в Гаге и Регенсбурге постановление насчет содержания и спокойствия в империи. 2) Государя сообщают друг другу обо всем, также своим министрам повелевают добрую корреспонденцию и коммуникацию между собою иметь. 3) Ежели таковые случаи приключатся, что одна сторона другой, когда нужда требовать будет, вспоможением войск вспомочи возможен, то хотят оные уведомлены быть и по изобретению нужды в том согласиться. 4) Его царское величество великодушную свою декларацию учинить повелел: если шведские войска, находящиеся в немецких провинциях, принадлежащих короне шведской, из них или других соседственных, к Римскому государству принадлежащих провинций против царского величества или его союзников не начнут неприятельских действий, то его царское величество не только сам не беспокоит оружием шведских провинций, в Римском государстве находящихся, особливо же Померанию, но будет стараться, чтоб и союзники его поступали таким же образом, чтоб от этой войны не начались возмущения в империи и чтобы высокие союзники в войне против Франции не получили препятствия. 5) Его курфюрстская светлость будет стараться всеми силами, чтоб союзники царского величества, короли датский и польский, не подверглись нападению в своих немецких провинциях. 6) Если последует нападение на кого-нибудь из договаривающихся из противности и зависти к этому трактату, то государя обещают согласиться, как могут оказать друг другу крепкое вспоможение. 7) Это обязательство продолжается 12 лет.

Но важнее Ганновера была ближайшая Польша.

По восстановлении короля Августа чрезвычайным и полномочным послом к польскому двору отправился снова князь Григорий Федорович Долгорукий, который был встречен в Варшаве страшными воплями на разорения, претерпеваемые от русских войск, находившихся под начальством фельдмаршала-лейтенанта Гольца. Долгорукий счел своею обязанностию написать Головкину в начале 1710 года: «Извольте Гольцу указом высокомонаршим подтвердить, чтоб хотя немного теперь прежнюю горечь полякам засластить. Известно вам самим, как наши люди с поляками обходились, а теперь еще хуже поступают; со всех сторон, особенно же на Гольца, великие жалобы и слезы, что сам человек очень корыстолюбивый и своевольных не

унижает. Безмерная мне тягость от жалобщиков на наших людей, больше на офицеров, и всего больше на иноземцев». Тягость обнаружилась еще в том, что на первой же конференции (10 февраля) сенаторы высказали свое удивление Долгорукому, что царь после Полтавской баталии ввел в польские и литовские земли многие свои войска вопреки союзному договору, ибо ни в Польше, ни в Литве никакого неприятеля больше нет, и русские войска разоряют край, как неприятели. Сенаторы потребовали немедленного вывода русских войск и объявили, что если у Долгорукого в инструкции об этом ничего нет, то они не станут с ним говорить ни о каких других делах. Долгорукий отвечал, что несколько кавалерии введено в Польшу только для изгнания из нее остальных шведских сил, для охранения польских прав и вольностей и возвращения на престол законного короля. Войска коронные и литовские не могли напасть на неприятеля и выгнать его из Польши, а когда шведы услышали о приходе царских войск, то обратились в бегство. За это сенаторам следует только благодарить царское величество. Что же они говорят о разорении края русскими войсками, то пусть покажут явные доказательства, где, кому и какие именно нанесены обиды, и обидчик будет наказан по военному суду. Для вывода войск теперь он не имеет указа; и нельзя поручиться, чтоб неприятель, усилясь, не вошел весною опять в Польшу, и если войска будут выведены, то поворачиваться им назад опять для изгнания неприятеля будет трудно; если же весною опасности никакой не будет, то царское величество велит вывести войска. Четыре конференции прошли с шумом: сенаторы требовали, чтоб в апреле войска были непременно выведены, кроме выговоренных по союзу 12000. «Не только другие, но и наши доброжелатели противный вид мне показывают, – писал Долгорукий, – публично говорят, что, вопреки союзному договору, что хотим, то и делаем в Польше и хуже неприятеля до последнего конца всех разоряем. И от короля, кроме комплиментов, никакой помощи в деле своем не вижу, только от других слышу, что нами не доволен; много раз говорил он мне, чтоб я писал к командирам наших войск о прекращении грабительств. И чужеземные министры с удивлением мне говорили, для чего так без всякого милосердия союзных поляков до конца разоряем». По этим письмам отправлен был в Польшу генерал-майор Полонский с приказанием разыскать о всех грабежах и наказать виновных по военным законам, не описываясь с государем. Так как сенаторы и после этого не переставали требовать вывода войск, то Долгорукий объявил: видя, что Речь Посполитая к его царскому величеству в угоду приверженцам Швеции никакой приязни показать не хочет, полномочный посол просит королевское величество отпустить его к царскому величеству. Сенаторы отвечали, что более ничем не будут трудить полномочного посла.

Но Головкин заставлял Долгорукого трудить короля и Речь Посполитую. «Предлагать и домогаться, – писал Головкин, – чтобы как на Львовскую епископию, так и на прочие благочестивые епископии никто из униатов допущен не был, были бы посвящены из благочестивых монахов». Август отвечал, что когда вечный мир между Россиею и Польшею будет внесен в конституцию, тогда он, король, не позволит ставить униатов на православные епископии. Вольная рада решила внести вечный мир и последний союз в конституцию, а Долгорукий за это дал письменное обещание возвратить украинские Палеевы города.

В начале 1711 года приехал в Москву чрезвычайный и полномочный посол польский Волович, маршал литовский, и объявил царским министрам требования, чтобы 1) на основании устных обещаний, данных царем прошлого года в Люблине и Торне, отдана была Польше вся Лифляндия, на укрепление которой гарнизонами чины Речи Посполитой уже определили знатную прибавку войск; 2) чтоб отдана была Польше взятая русскими войсками у шведов крепость Эльбинг; 3) чтоб русские войска были выведены из польских владений с вознаграждением за страшные убытки, ими причиненные; 4) чтоб отданы были Польше украинские крепости: Белая Церковь, Хвастов, Браславль, Немиров, Богуслав, а в Литве Полоцк, Витебск и другие города; 5) чтоб доплачены были все деньги, обещанные по союзному договору; 6) чтоб освобождена была забранная в плен шляхта; 7) чтоб отданы были Польше в полное владение города, лежащие на правом берегу Днепра: Чигирин, Конев, Трахтемиров, Мошны, Сокольница, Черкасы, Ржищев, Боровица, Воротков, Бурин, Крылов, стоящие теперь пустыми; но обращение земель в пустыню не водится между монархами христианскими; 8) чтоб дана была вольность вере католической римской латинского и русского обряда; также чтоб дан был свободный проезд чрез Россию в Китай миссионерам римским; чтоб дано было место в Смоленске для построения римской каплицы.

Министры отвечали, что теперь, при начале турецкой войны, Риги отдать никак нельзя, потому что поляки не в состоянии содержать в ней достаточного гарнизона, а по окончании войны Рига и Лифляндия им отдадутся. Крепостей украинских нельзя отдать по причине той же турецкой войны, ибо эти крепости близко границы молдавской. Точно так же и Эльбинг отдан будет по окончании турецкой войны, а теперь отдать его нельзя из опасения выхода шведов из Померании. Войско русское из Польши уже все двинулось. Когда польское войско в поле выйдет, то царское величество заплатит ему по союзному договору не отрицается, если только войска будет выговоренное число; вперед давать денег никак нельзя: гетман Вишневецкий взял русские деньги на литовское войско да и пошел с ними к шведам. Разграничивать земли на Днепре теперь некогда; по окончании турецкой войны будет назначена для того особая комиссия. Шляхта, взятая на бою против войск царского величества, содержится как неприятели и изменники отечества; царское величество по просьбе посла освободит их, но посол должен дать ассекурацию, что они не будут потом служить в рядах неприятельских. Вере римской и униатской никакого утеснения со стороны царского величества не делано и делать не велено; римская вера в землях царского величества отправляется свободно, и в разных местах, где есть этой веры жители, костелы иметь позволено, именно в Москве и в Петербурге, а в Смоленске жителей католицкой веры нет; диплом дать в подтверждение о вольном отправлении веры католицкой и о пропуске миссионеров в Китай и Персию царское величество не отрицается, ежели от папы римского к его царскому величеству покажется склонность и польза в нынешней войне против турка, на что будет царское величество от того двора ожидать отзыва. Волович не мог вытребовать ничего больше. Но, сохраняя твердость и достоинство в ответах на требования Речи Посполитой, Петр в то же время старался делать все возможное, чтоб сохранить доброе расположение панов, бывших верными русскому союзу; так, 6 марта он писал Меншикову: «Посол польский Волович предлагал здесь о маетностях госпожи Огинской, о старостве Езерецком (которое захал Девиц,

будто за ваш долг, и владеет), дабы ему возвратить, о чем извольте нас уведомить; однако ж для нынешнего случая надобно им отдать назад, дабы их тем удовольствовать, а особливо такого, у кого отец подлинной был верный нам, и николи б я того от вас не чаял, хотя б какой и долг на них был».

Итак, Дания, единственная деятельная союзница, ведет плохо свои дела; от Польши нельзя ждать ничего доброго; Пруссия никак не склоняется к наступательному союзу против Швеции, она ждет, как пойдет турецкая война. При таких-то обстоятельствах царь должен был покинуть север и углубиться в южные степи. Тяжелые предчувствия томили его душу, и под их влиянием он хотел устроить семейное дело, которое лежало на его совести. «Благодарствую вашей милости, – писал он Меншикову, – за поздравление о моем пароле, еже я учинить принужден *для безвестного сего пути*, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житие иметь, а ежели благой бог сие дело окончат, то совершим в Питербурху».

Кому же Петр принужден был дать пароль для безвестного пути?

Несколько раз в нашем рассказе упоминалось имя Анны Монс, красавицы Немецкой слободы, обворожившей великого царя. В 1704 году эта долгая и, по-видимому, крепкая связь рушилась: пошли слухи, что красавица сблизилась с прусским посланником Кейзерлингом и приняла предложение выйти за него замуж; чем руководилась при этом Анна, страстию или желанием при охлаждении царя обеспечить свое положение таким почетным браком, – мы не знаем, знаем одно, что она вместе с сестрою своею, Балк, подверглась опале, была посажена под арест. В марте 1706 года Головин дал знать царю, что Кейзерлинг бил челом, «чтоб Анне Монсовой и сестре ее Балкше дано было позволение ездить в кирху, и Балкову жену, буде мочно, отпустить к мужу. Сие просит он для того, что все причитают несчастье их ему, посланнику». Петр отвечал: «О Монше и сестре ее Балкше велел я писать Шафирову, чтоб дать ей позволение в кирху ездить, и то извольте исполнить». «Все причитают несчастье Монс и сестры ее мне», – говорит Кейзерлинг, а не говорит прямо: «Я виновник их несчастья». Нельзя не обратить внимания на эту неопределенность слов Кейзерлинга. Но в какой бы степени ни был справедлив слух об участии Кейзерлинга в опале Анны Монс с сестрою, верно также, что дело Монс не ограничивалось одними ее личными отношениями к царю, т.е. переменою их; дело было гораздо обширнее, и в него замешано было с 30 человек, что видно из письма Ромодановского к Петру в 1707 году: «С тридцать человек сидят у меня колодников по делу Монцовой; что мне об них укажешь?» Петр отвечал: «Которые сидят у вас по делу Монцовны колодники, и тем решение учинить с общего совету с бояры, по их винам смотря, чего они будут достойны». Вероятно, красавица Немецкой слободы и близкие к ней люди, пользуясь своим *авантажем*, позволяли себе разного рода злоупотребления. В упомянутом выше возражении Гюйсена на брошюру Нейгебауера говорится о Монсах: «Они этим снисхождением (царя) так широко воспользовались, что принялись ходатайствовать по делам внешней торговли и употребляли для того наемных стряпчих. Можно легко догадаться и даже рассчитать, сколько стекалось в это семейство подарков и драгоценностей от его клиентов. Столь великое и неожиданное счастье сделало Монсов высокомерными, и невозможно довольно надивиться, с какою неблагодарностию они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаниями и прибегали к советам

разных женщин, каким бы способом сохранить к их семейству милости царского величества».

Анне Монс нашлась более счастливая преемница. При дворе любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексеевны, жило несколько женщин, которые играют значительную роль в судьбе Петра и его любимца Меншикова. Здесь жили две сестры Меншикова – Марья и Анна Даниловны, две сестры Арсеньевы – Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Из них Дарья Михайловна Арсеньева была в связи с Меншиковым и в 1706 году вышла за него замуж. В сентябре 1705 года Меншиков писал к ней: «Для бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтоб она училась непрестанно как русскому, так и немецкому учению, чтоб даром время не проходило».

Мы видели, что Меншиков готовил свою сестру в невесты царю, но его замыслы не осуществились. С 1703 или 1704 года в числе названных женщин является молодая Екатерина, дочь лифляндского обывателя Самуила Скавронского, находившаяся, как говорят, в услужении у мариенбургского пастора Глюка и попавшаяся с ним вместе в плен к русским при взятии Мариенбурга. Под письмом названных женщин от 6 октября 1705 года к Петру подписались: «Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева), *Катерина сама третья*. Тетка несмышленная (Толстая). Дарья глупая (Арсеньева). За сим Петр и Павел, благословения твоего прося, челом бьют». Если в октябре 1705 года Екатерина имела уже двоих детей, то мы можем приблизительно определить начало ее связи с Петром, и когда обратим внимание на время опалы Анны Монс, то эта опала может получить объяснение.

Счастливая соперница Анны Монс называлась сначала Катериною Василевскою – так она названа в собственноручной записке Петра от 5 января 1708 года: «Ежели что мне случится волею божиею, тогда три тысячи рублей, которые ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василевской и с девочкою». По принятии православия она начала называться Катериною Алексеевною по восприемнику своему царевичу Алексею. При этом же переименована была и фамилия: вместо Василевской ее начали называть *Михайловою*, фамилия, которую, как известно, носил и сам Петр. Связь Екатерины Алексеевны Михайловой с Меншиковым и его семейством была самая тесная, что видно из ее писем к светлейшему; тон этих писем хотя и изменяется вследствие постепенного изменения в положении Екатерины Алексеевны, но всегда остается дружественным. Так, в сентябре 1708 года она пишет вместе с Анисьей Толстой: «Милостивый наш государь батюшка князь Александр Данилович, здравствуй и с княгинею Дарьею Михайловною и с маленьким князем на множество лет. Благодарствую за писание твое; пожалуй, прикажи впредь к нам писать о своем здравии, чего всечасно слышати желаем. По отъезде нашем из Киева от вашего сиятельства ни единого письма не получили, о чем зело нам прискорбно. Но впредь просим, дабы незабвенны чрез писание вашей милости были. Пожалуй, наш батюшка, прикажи отписать про здоровье государево». Говоря о сыне Меншикова, Екатерина обыкновенно расточает самые ласкательные выражения. В письме из Москвы от 13 февраля 1710 года прежние дружественные отношения, но тон уже другой: «Доношу милости твоей, что господин контр-адмирал (Петр) милостию всевышнего бога в добром здравии, тако ж и я с детками своими при милости его в добром же здравии, только что собинная твоя дочка ныне скорбит

зубками. Тако ж доношу, что г. контр-адмирал не в малой печали есть, что слышал, что милость твоя изволишь печалиться, что мало к милости твоей писал: и милость твоя впредь не изволь сомневаться, понеже ему здешнее пребывание, как милость твоя сам известен, велми суетно. Иван Аверкиев доносил про милость твою, что ты изволил трудиться и сам от Калинкиной деревни на большую дорогу изволил дорогу просекать; и я хозяину своему о том доносила, что зело угодно ему стало, что такой верный прикащик там остался. Дитя наше зело тоскует по бабушке, и ежели милости вашей в ней нужды нет, то извольте пожаловать к нам прислать немедленно». Подписано: «Екатерина». В письме из Петербурга от 8 апреля 1710 года находится PS: «Маленькие наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются». Тон писем Меншикова к Екатерине Алексеевне изменялся также с изменением отношений ее к «хозяину своему». От 12 марта 1711 года последнее письмо от него к ней, надписанное: «Катерине Алексеевне Михайловой», с обычным обращением: «Катерина Алексеевна, многолетно о господе здравствуй!» В письме от 30 апреля того же года уже совершенно иное обращение: «Всемиловитейшая государыня царица!» и дочери Екатерины Алексеевны называются государынями царевнами. Екатерина в письме от 13 мая 1711 года подписалась: «Пребываю и остаюсь ваша невеска Екатерина».

Екатерина Алексеевна в своем новом значении, уже всем известном с 6 марта, отправлялась с «хозяином» в турецкий поход. Меншиков, верный прикащик, оставался в Петербурге стеречь парадиз и новые завоевания.

Глава вторая

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Движение русских войск к южным границам. – Объявление народу о войне с турками. – Отъезд царя. – Его болезнь и печальное состояние духа. – Веселые вести. – Свидание с польским королем в Ярославле и договор с ним. – Сношения с турецкими христианами. – Молдавский господарь Кантемир. – Договор его с царем. – Сношения с сербами и черногорцами. – По просьбам христиан Петр торопит Шереметева. – Шереметев переходит Днестр. – Кантемир объявляет себя против турок. – Недостаток провианта. Переписка Петра с Шереметевым по этому поводу. – Царь у Прута. – Поездка его в Яссы. – Решение военного совета. – Переход армии через Прут, она окружена турками. – Отчаянное положение русских. – Затруднительное положение визиря. – Переговоры. – Мир. – Положение Петра. – Его письма в Сенат и к «своим». – Подканцлер Шафиров и молодой Шереметев остаются при визире для окончательного улажения дела. – Петр не хочет исполнять договор, пока Карл XII останутся в турецких владениях. – Турки требуют, чтоб русские не входили в Польшу. – Послы голландский и английский помогают Шафирову в переговорах. – Петр решает исполнить первую статью договора насчет отдачи Азова и срытия Таганрога. – Шафиров заключает новый договор. – Издержки при заключении этого договора. – Петр Толстой. – Усилия его и Шафирова противодействовать шведским внушениям. – Пребывание русских войск в Польше служат им в том главным препятствием, раздражая султана. – Шафиров, Толстой и Шереметев

в Семибашенном замке. – Турция снова объявляет войну России за невывод войск из Польши. – Трусость султана. – Разлад его с Карлом XII. – Окончательное заключение мира между Россией и Турцией. – Черногорцы. – Дела польские.

Как только было получено известие о разрыве мира со стороны турок, Петр послал повеление князю Мих. Мих. Голицыну двинуться к молдавским границам с десятью драгунскими полками и сторожить движение турок и татар. Шереметев должен был идти туда же из Ливонии с двадцатью двумя пехотными полками; князь Михайла Ромодановский отправился в Путивль с дворянскими полками, а киевский губернатор князь Дм. Мих. Голицын должен был следить за запорожцами. 25 февраля 1711 года в Московском Успенском соборе в присутствии царя объявлено было народу о войне против врагов имени Христова; перед собором стояли оба гвардейские полка, готовые к выступлению в поход: на их красных знаменах виднелся крест с подписью: «Сим знаменем победиши».

6 марта сам царь выехал из Москвы к польским границам. В Луцке остановил его сильный припадок болезни, о котором он так уведомлял Меншикова 9 апреля: «Объявляю, что я зело был болен скорбью такою, какой болезни от роду мне не бывало, ибо две недели с жестокими *палаксизмами* была, из которых один полторы сутки держал, где весьма жить отчаялся; но потом великими потами и уриною свободился и учусь ходить». В тот же день Петр написал и Апраксину: «Я был зело болен и не чаял живота себе (от скорбутики), но ныне, слава богу, прихожу в прежнее». Печальное расположение духа не покидало Петра и, разумеется, могло только усилиться от болезни. 12 апреля он писал Меншикову в ответ на известие о смерти царевича имеретийского, умершего в шведском плену: «Зело соболезную о смерти толь изрядного принца; но невозвратимое уже лучше оставлять, нежели воспоминать; к тому ж имеем и мы подлежащий безвестный и токмо единому богу сведомый путь». 24 апреля он писал из Яворова Апраксину, попечению которого были вверены низовья Дона и который спрашивал, где ему лучше утвердить свое пребывание. «Где вам быть, то полагаю на ваше рассуждение, – отвечал Петр, – ибо вся та сторона вам вручена, и что удобнее где, то чините, ибо мне, так отдаленному и, почитай, *во отчаянии существу*, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать, ибо дела что день отменяются». Скоро, впрочем, стало веселее в Яворове: пришло известие, что татары, нападшие на Украину, прогнаны с большим уроном, что Заднепровская Украина, приставшая было к Орлику, сильными мерами приведена в послушание. Петр писал Меншикову 3 мая: «Наши войска будут на Днестре кончая в 15 сего месяца; о хане, чаю, что вы известны, что с уроном великим возвратился и сын его убит на Украине. Здесь Заднепрская Украина вся было к Орлику и воеводе киевскому (Потоцкому) пристала, кроме Танского и Галагана, но оную изрядно наши вычистили и оных скотов иных за Днепр к гетману, а прочих, чаю, в подарок милости вашей в губернию на пустые места пришлем. Христиане бедные зело ревностно к нам поступают и пишут неописанный страх и конфузию в поганых, которую наипаче умножил тот знак, когда пошли из Царяграда, тогда стал чрезвычайным штурм и магметово знамя, которое несено было пред янычарами в полку, то все изорвало и древко втрое изломило». Весело было в Яворове и Екатерине Алексеевне: знатные поляки давали балы, где ее принимали уже как

царицу. «Мы здесь, – писала она Меншикову, – часто бываем на банкетах и на вечеринках, а именно четвертого дни (9 мая) были у гетмана Синявского, а вчерашнего дни были у князя Радивиля и довольно танцевали. И доношу вашей светлости, дабы вы не изволили печалиться и верить бездельным словам, ежели со стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбенахт (Петр вице-адмирал) по-прежнему в своей милости и любви вас содержит».

В Ярославле Петр свиделся с королем Августом, и 30 мая заключен был между ними договор: «Вследствие опасного для соседних держав усиления шведского корпуса в Померании король Август выставляет 10000 конницы, также из регулярного польского и литовского войска сколько собрать может полков; царь употребит для той же цели 6000 своих войск, уже находящихся в Польше, и к ним присоединит еще от 8 до 10000, которые уже получили указ идти в Великую Польшу под начальством генерал-лейтенанта Боура; притом же царь даст королю 100000 рублей и обязуется не вводить более войск своих в королевство Польское. Датского короля обнадежить и склонить ко вступлению в сей концерт тем, что, когда экспедиция против Померании окончится, дастся ему помощь и для его конкетов. Царское величество себе из конкетов в Померании ничего не претендует и обещает, ежели возможно, сделать диверсию из Финляндии в пользу Дании. О разглашенных сумнительствах, будто бы его царское величество имеет намерение на ариентальское (восточное) цесарство и чтоб Речь Посполитую разорить и разлучить, объявлено королю, что его величество ни на одно, ни на другое ни мало рефлексии не сочиняет, и того б ради король в тех местах, где о том подозрение восприято, противное тому наговорил». Так как ближайшая опасность от турецкой войны грозила Польше, где успехи турок должны были снова поднять партию Лещинского против Августа, то последний обещал отряд войска для союзного действия с русскими против турок.

На поляков была плохая надежда; гораздо важнее была помощь, какую могли оказать в самих турецких владениях «бедные христиане, которые zelo ревностно к нам поступали». На первом плане, разумеется, стояли тут Дунайские княжества. В Валахии господарем был Бранкован; в Молдавии прежний господарь Николай Маврокордат был свергнут Димитрием Кантемиром, который был обязан своим успехом крымскому хану. Последний прямо сказал султану в полном диване: «Бранкован богат и силен, у него много войска, он предан русским; неосторожно при настоящих обстоятельствах оставить в его руках Валахию; ежеминутно должно ждать от него измены и помехи успеху нашего оружия. Надобно захватить его, потому что добровольно он не явится в Константинополь; только Димитрий Кантемир в состоянии исполнить это дело, и потому назначьте его молдавским князем, а Николай Маврокордато не способен на это. Не могу сноситься я о важных делах с человеком, которому не верю». Кантемир получил Молдавию с обещанием, что если успеет захватить Бранкована, то ему отдадут и Валахию. Между тем турки объявили войну России. С одной стороны, христианское народонаселение с затаенным восторгом ждало полтавского победителя, с другой – турки делали сильные вооружения. На Молдавию должен был пасть первый удар. Кантемир, слабый между двумя сильными, прибегнул к оружию слабого, хитрости. Он вошел в тайные сношения с русским царем, открывал ему планы дивана и, чтоб удобнее прикрыть свое поведение, выпросил у визиря позволение прикинуться другом русских, чтоб лучше проникнуть их тайны. Визирь дал

позволение, и Кантемир действовал на свободе: поверенный его в Цареграде, Жано, открыто отправлялся в Семибашенный замок, переговаривал с русским послом, принимал от него депеши и отсылал к Кантемиру, который пересылал их царю. Но долго хитрить было нельзя: два войска – турецкое и русское двигались к Молдавии. Кантемир созвал совет бояр и спрашивал, что делать в таких обстоятельствах! Бояре отвечали, что надобно удалиться куда-нибудь в безопасное место и дожидаться, на чьей стороне будет победа, чтоб принять сторону победителя. Кантемир удалился в Фальчинский уезд, но еще прежде отправил к Петру в Польшу посла Стефана Луку для заключения окончательного договора, давши знать туркам, что послал Луку с целию разведать силы и планы неприятеля. 13 апреля 1711 года Лука заключил с царем договор: «Господарь находится вечно под защитою царского величества, как верным подданным надлежит, и должен сперва секретно принести присягу и, подписав своею рукою и припечатав княжою печатью, прислать как можно скорее с верным человеком; крайний срок присылки – последние числа мая. Это будет содержано в величайшей тайне до самого вступления русских войск в Молдавию; а между тем господарь обязан показывать царскому величеству всевозможную верную службу в корреспонденции и в прочем, как может, тайно». Пункты, на которых Кантемир принимал подданство, были следующие: 1) Молдавия получит старые границы свои до Днестра, со включением Буджака. До окончательного образования княжества все укрепленные места будут заняты царскими гарнизонами, но после русские войска будут заменены молдавскими. 2) Молдавия никогда не будет платить дани. 3) Молдавский князь может быть сменен только в случае измены или отречения от православия; в таком случае будет избран в преемники ему один из сыновей или братьев его; престол останется всегда в роде Кантемира до совершенного его прекращения. 4) Царь не будет заключать мира с Турциею, по которому Молдавия должна будет возвратиться под турецкое владычество. Кроме этого договора был еще другой – насчет будущей судьбы Кантемира, если военное счастье не будет на стороне русских. Царь обязался: 1) если русские принуждены будут заключить мир с турками, то Кантемир получает два дома в Москве и поместья, равные ценностью тем, которыми он владеет в Молдавии, сверх того, ежедневное содержание для себя и для свиты своей он будет получать из казны царской. 2) Если Кантемир не пожелает остаться в России, то волен избрать другое местопребывание.

В то время, когда молдавский господарь договаривался, обеспечивал свою судьбу в случае успеха и неуспеха русского оружия, «бедные христиане» действовали. Еще в мае 1710 года приезжал в Москву сотник Богдан Попович и привез грамоту от австрийских сербов, из городов Арада и Сегедина, от полковников Ивана Текелия и Волина Потыседа. Полковники писали: «О благочестивейший царю, красносиятельное солнце правды! милостивым оком воззри на нас, убогих, и твоими царскими щедротами промысли о нашей отеческой Сербской земле, от многих лет, грех ради наших, ярмом бусурманским обремененной, особенно когда воздвигнет господь бог крестоносную десницу твою на бусурмана; не забудь и нас, малейших, приглашением царским и милованием своим, да и мы потщимся службою своею за своего православного царя». Когда султан объявил войну, то сербский полковник Михайла Милорадович отправлен был для поднятия черногорцев против турок. В грамоте царя к

черногорцам говорилось: «Известно да будет вашим благородным особам и всем народам, почитателям распятого Христа, бога нашего, чрез его же все надеемся в царствие его внити, добросердечно потрудившись за веру и церковь. Понеже турки-нечестивцы, видя наше царское величество христианскому народу доброжелательных и милостию божиею в воинских поступках преуспевательных и возимевши подозрение, будто мы намерены отбирать от них несправедное завладение и христианам, под игом их стонящим, воспомогать, осоюзились с еретиком королем шведским и нашему царскому величеству безо всякой от нас данной причины войну объявили: того ради мы, видя их такие неправды и презирая на гонение христиан, призвав бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочих потентантов, союзников наших, и сего года имеем намерение идти на них войною, дабы не токмо против бусурмана отпор чинить, но и сильным оружием в средину владения его вступить и православных христиан, аще бог допустит, от поганского ига освободить. С любезно верными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаем против врага, ибо должно презреть страх и трудности за церковь и православную веру и не только воевать, но и последнюю каплю крови пролить, что от нас по возможности и учинено будет. Притом, понеже известна нашему царскому величеству храбрость древних ваших владетелей, глубина добрых ваших христианских сердец и искусство, которое прежде сего по должности своей чрез храбрые оружия за веру в воинских случаях вы оказывали, как мы удостоверились из книг напечатанных, и во всем свете выхваляются искусства ваших народов, что Александр Македонский с малыми войсками тамошних народов многих царей побил и многие империи завоевал и бессмертную славу в военном обхождении по себе оставил; что Георгий Кастриот, сиречь Скандербег, во всю свою жизнь с немногими войсками вашего ж народа не токмо лютому поганскому зубу не допустил себя терзать, но еще на шестидесяти трех главных баталиях неприятеля наголову побил; и ежели бы прочие деспоты и владетели ваши с такими ж сердцами трудились, то не допустили бы себя в неволю и наследников своих в подданство. В нынешнее от бога посланное время пристойно есть вам древнюю славу свою обновить, осоюзившись с нашими силами и единодушно на неприятеля вооружившись, воевать за веру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наследников ваших. Если кто из вас в сей праведной войне потрудится, то от бога получит благовоздаяние, а от нас милость и награждение, и всякий по заслугам и желанию вашему привилегиями нашими пожалован будет, ибо мы себе иной славы не желаем, токмо да возможет тамошние христианские народы от тиранства поганского освободить, православные церкви тамо украсить и животворящий крест возвысить. Итак, если будет всякий по возможности трудиться и за веру воевать, то имя Христово прославится наивящше, и поганина Магомета наследники будут прогнаны в старое их отечество, пески и степи арапские». Весною 1711 года Милорадович писал Головкину, что, приехавши в Македонию, Диоклетию и прочие провинции и собравши всех христиан, князей и воевод, он подал царские грамоты Даниилу, митрополиту скандерийскому, и другим, кому следовало. Христиане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали все единодушно за веру и отечество кровь проливать; и те, которые получали жалованье от венециан и турок, бросили это жалованье, соединились с своими и стали воевать, как при древних сербских царях и королях. Все это воины

добрые, писал Милорадович, только убогие; пушек и прочих военных припасов не имеют. Когда он прошлым годом замки, слободы и села разорял и жег, то нуждался в олове и порохе, а достать нигде не мог, потому что латины и венециане под смертною казнию запретили продавать ему эти вещи; также запретили, чтоб никто не принимал его к себе в дом, и оттого, идя на войну и с войны, он принужден был ночевать в церквах. По словам Милорадовича, латины гораздо враждебнее его делу, чем турки, ибо латины надеялись, что земля будет вся их, и когда он пошел на турок, то латины посылали к ним письма, обнадеживая их, чтоб не боялись, и уговаривали турок, чтоб обещали христианам деньги за его голову; но христиане все обещались верно государю служить.

Между тем из разных мест Петр получал письма от турецких христиан, которые просили о немедленном вступлении к ним русских войск, чтоб предупредить турок. Сначала царь назначил армии Шереметева стать у Днестра к 15, а по нужде и к 20 мая; но теперь, после получения упомянутых писем, он послал сказать фельдмаршалу, чтоб войска сходились у Днестра непременно к 15 мая и готовили магазины. «Мы, – писал Петр 22 апреля, – тако ж к 15 числу мая к вам будем, и ежели кого в своем месте не застанем, и те принуждены будут после отвечать. Для бога, не умедлите в назначенное место, ибо и ныне от всех христиан паки письма получили, которые самим богом просят, дабы поспешить прежде турок, в чем превеликую пользу являют; а ежели у мешкаем, то вдесятеро тяжелее или едва возможно будет свой интерес исполнить, и тако все потеряем умедлением». 7 мая из Яворова Петр отправил князя Василья Владимировича Долгорукого к Шереметеву торопить старика и подробно изложить ему причины, почему поспешность необходима: «Изо всех мест получают известия, господари молдавский и валахский и знатные люди этих стран присылают беспрестанные просьбы, чтоб мы шли как можно скорее, если нельзя со всем корпусом главного нашего войска, то по крайней мере значительную его часть, преимущественно кавалерию, послали быв Молдавию к Дунаю, где турки велели делать мост. Господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок: на что глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турка, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а может быть, и бунт поднимут. А если мы замедлим, то турки, переправясь через Дунай с большим войском, принудят господарей поневоле соединиться с собою, и большая часть христиан не посмеют приступить к нам, разве мы выиграем сражение, а иные малодушные и против нас туркам служить будут. Господарь молдавский уже присягнул нам на подданство; господарь валахский скоро последует его примеру. Приехавши к фельдмаршалу, князь Долгорукий должен говорить ему, чтоб немедленно шел в поход и переходил Днестр. По вступлении в Молдавию фельдмаршал, посоветовавшись с отправленным к нему Саввою Владиславичем Рагузинским, должен немедленно послать к молдавскому господарю с просьбою, чтоб шел тотчас же с своим войском для соединения с ним, фельдмаршалом, и в то же время разослать ко всему молдавскому народу листы и указы, чтоб шли все за имя Христова к войскам нашим против врага креста Христова. И когда молдавский господарь, или

воевода его Антиох, или другие знатные молдаване приступят к нам явно, то поступать с их совету. Послать и к валахскому господарю с просьбою о соединении его войск с нашими и присылке наперед верной особы для совета и соглашений. Самому фельдмаршалу идти с войском к Дунаю, и если турки через мост еще не переправились, то стараться овладеть мостом и разорить его. Если же узнает подлинно, что турки через Дунай со всею силою перешли, то стать за Днестром в удобном месте, иметь добрую осторожность, разведывать чрез шпионов и молдаван о неприятельской силе, походе и обращении и о всем том писать; стараться также привлекать к себе молдаван, валахов, сербов и прочих христиан, и которые станут приходить, тем давать жалованье по рассмотрению и обещать помесечную дачу. По вступлении в Молдавию стараться устроить в удобном месте магазин, просить господаря, чтоб помог в этом деле, и дать на покупку всего нужного до 6000 денег. Прочее предается господину фельдмаршалу в его рассуждение с общего совета, только похода ни за чем и низа каким рассуждением не отлагать, но идти с поспешностию. При входе же в Молдавию заказать под смертную казнию в войске, чтоб никто ничего у христиан, ни живности, ни хлеба, без указа и без денег не брали и жителей ничем не озлобляли, но поступали приятельски. Наконец, разослать универсалы на татарском языке к Белгородской (Акерманской) и Буджакской орде для склонения ее в подданство к нам: старайтесь склонять их угрозами, разорением, искоренением, также и обнадеживанием милости; а между тем можно с них безденежно получать провиант и живность и строить магазин».

Шереметев, получив указ, перешел Днестр; Кантемир волею или, по некоторым известиям, неволею должен был объявить себя на стороне русских. Получив об этом известие, Петр писал фельдмаршалу от 4 июня: «Поздравляю вас счастливым переходом и начатием соединения с христианы утесненными, которых вскоре желаю видеть». Через день, 6 июня, другое письмо: «Будем к вам, как возможно, поспешать. К генералу Вейду писал я, дабы он, как возможно, к вам поспешал, не дожидаяся нас. Впрочем, извольте чинить все по крайней возможности, дабы времени не потерять, а наипаче чтоб к Дунаю прежде турок поспеть, ежели возможно. Взаимно поздравляю вас приступлением господаря воложского (молдавского)». 8 июня Петр был в Браславле, откуда писал Апраксину: «Господин фельдмаршал Шереметев уже в Яссах, которого господарь воложской со всем войском встретил и с оным случился, и публично универсалы против турок на посполитое рушение выдал, и поступает zelo ревностно, чего и от мултянского (валахского) и от прочих вскоре ожидаем; и тако сею новизною вам поздравляем и просим у бога, дабы сам за свое имя вступился и даровал сему доброму началу благополучный и скорый конец».

Это было последнее письмо с веселыми вестями и с выражениями надежды. Шереметев дал знать, что он не мог упредить турок, которые уже перешли Дунай, но, что всего хуже, фельдмаршал давал знать о недостатке провианта; о магазинах, которые приказывал устраивать царь, небыло и помина. «Зело имею великую печаль, что хлеба весьма взять невозможно, ибо здешний край конечно разорен, а впрочем, буду ожидать вашего величества высокого указа и сведения, что повелите чинить?» – писал фельдмаршал от 8 июня. 12 июня Петр стал на берегу Днестра, откуда написал Шереметеву: «О замедлении вашем zelo дивлюся, понеже первое хотели из Браславля идти 16 числа (мая), и тако б возможно было

поспеть в четыре дни, т.е. к 20 числу; и вы перешли 30 числа, и тако десять дней потеряно, к тому ж на Яссы криво; и ежели б по указу учинили, то б конечно прежде турков к Дунаю были, ибо от Днестра только до Дуная 10 или по нужде 13 дней ходу, на которое дело я больше не знаю, какие указы посылать, понеже обо всем уже довольный указ дан, в чем можете ответ дать. О провианте, отколь и каким образом возможно, делайте, ибо когда солдат приведем, а у нас не будет, что им есть? Сей момент пришли мы с полками к Днестру, где вся пехота стоит; мост будет дни в три готов, а меж тем перевозятся и скоро могут все перейти, только хлеба, почитай, нет, а у Аларта пять дней как ни хлеба, ни мяса. Здесь скоро ожидаем баранов 6000, которые раздав, можем итить, только оные не долго будут. Извольте нам дать знать подлинно: когда до вас дойдем, будет ли что солдатам есть, а у нас, кроме проходу до вас, ничего провианта, ни скота нет. О сем ожидаю немедленного ответа, яко на главное дело и инако невозможное». Шереметев оправдывался, что если б он пошел прямо от Днестра к Дунаю, то Кантемир или был бы принужден соединиться с турками, или был бы ими разорен; что на прямом пути нет воды и при драгунских полках хлеба всего было на месяц, который уже и употреблен. Что, идя и этим путем, он не мог бы предупредить турок. «Хотя здесь самая нужда в хлебе, – писал Шереметев, – но по сие число еще драгуны крайней нужды не видали, также и скотины с 2000 я купил и по полкам роздал; а в степи и того бы не получил. Буджакская орда всю скотину к морю и за озеро отправила. Я в провианте весьма опасен и имею неусыпный труд, и ныне с господарем и с боярами договорились, которые подписались, что скотины 10000 за деньги – первую 5000 в семь дней поставят, вторую вскоре. Турецкой скотины господарь обещал до 20000; 30000 войска чрез месяц возможно прокормить»

Иностранцы пишут, что на берегах Днестра был держан военный совет, что генералы Галларт, Енсберг, Остен и Берггольц представляли необходимость остановиться на Днестре, указывая на недостаток в съестных припасах, на изнурительность пятидневного пути от Днестра к Яссам по степи безводной и бесплодной. Но генерал Ренне был того мнения, что необходимо продолжать поход, что только этим смелым движением вперед можно достигнуть цели похода и поддержать честь русского оружия. Русские генералы согласились с Ренне, и Петр принял мнение большинства.

Мнения на военном совете могли быть высказаны именно таким образом; большинство и вместе с ним Петр могли иметь сильное побуждение желать продолжения похода; мы видели, что побуждало царя спешить в турецкие владения: надежда, что при появлении его здесь христианское народонаселение встанет и войско султаново, окруженное со всех сторон врагами, исчезнет. С другой стороны, возбудив надежды христианского народонаселения, обмануть эти надежды, остановившись на Днестре, было очень тяжело для Петра: Молдавия уже объявила себя за Россию, что будет с нею, когда царь не появится с главным войском и отзовет Шереметева, который один не мог держаться в Молдавии? Несмотря, однако, на такие сильные побуждения к продолжению похода, Петр не предпринял дальнейшего движения, не обеспечив себя насчет продовольствия. 13 июня от места Сороки он писал Шереметеву: «Когда я сюда с гвардиею пришел, то обрел зело мало провианта, а именно только на пять дней; того ради немедленно просим дать ведать, а именно в три дни, и от сего числа, есть ли у вас

на всю пехоту, буде не хлеба, то хотя скота, недель на шесть, а буде хотя теперь нет, однако ж надеетесь конечно получить; и когда сие получим, то тотчас пойдём к вам; буде же не можете на всю пехоту сыскать, то дайте знать, на коликое число можете сыскать, такое число и пошлём к вам пехоты, дабы, ведчи, не поморити. Паки скорого прошу ответа, ибо не можем здесь долее быть, не имеячи ничего. Тако ж слышим мы, что в Буджаках довольно скота и хлеба есть, и буде то правда, то лучше б вам итить туда, ежели в Волохах нет, и нам о том дать тако ж знать». К 16 числу в Сороки доставлено было столько провианта, что можно было с ним дойти до Ясс; несмотря на то, Петр написал Шереметеву: «Прежде сего писали мы к вам о нужде в провианте и чтоб вы нас уведомили, можете ль оного или скота получить на весь наш корпус ныне или где хотя вооруженной рукой; и ныне о том же подтверждаем, понеже за тем наш поход медлится, и ныне мы имеем столько провианта, что к Яссам дойти совсем можем. И для того трудитесь, чтоб на предбудущее время получить. И для того рассуждаем, чтоб вам итить или всем, или хотя половину регулярной и две доли нерегулярной кавалерии в Буджаки послать, где все сказывают, что много хлеба и скота, и велеть трудиться столько оного захватить и собрать, сколько можно, и не дать неприятелям пожечь и скота выгнать, в чем все наше дело состоит, а мы надеемся прибыть к 20 или 21 туда, где вы ныне обретаесь».

По удовлетворительным известиям от Шереметева, войско двинулось. Фельдмаршал писал, что ему нужны деньги для покупки провианта; царь отвечал ему 20 июня от речки Кейнора: «Денег наперед послать трудно для опасения от неприятеля; а мы, как возможно, спешаем и чаем быть на Прут, Аларт – завтра или послезавтра, а мы дни в три или кончае в четыре; и когда будем на Прут, тогда можем послать к вам деньги, для чего просим, дабы на Пруте, где первый стан наш будет, несколько скота пригнать для солдат; впрочем, иного писать не имею, точию зело желаем как наискорее вас видеть и, войско совокупи, прося у праведного судии милости, искать неприятеля». На другой день Петр написал Шереметеву: «Понеже мы уже по известию от вас видим, что вам дале итить, не случась с нами, опасно и никакой пользы нет: того ради рассуждаем мы за благо чтобы вы с корпусом своим далее не шли, но, став где в удобном месте у Прута, дожидались нас, и мы к вам походом своим, елико возможно, спешаем. А меж тем пошлите партию от себя с добрым командиром тысячах в трех регулярной кавалерии и, сколько пристойно, нерегулярной к Мултянской земле (Валахии) и пишите с ними от себя, тако ж Саве (Рагузинскому) велите писать с общего согласия с господарем и с Кантакузиным, призывая их, чтоб по обещанию своему к нам пристали; а меж тем велеть купить провианта, и буде провианта не могут весьма получить, то хотя и скота по последней мере на все войска недели на две или сколько возможно, ценою не гораздо дорогою, для чего с ними послать денег. Буде же станут мултяны отговариваться, что не могут пристать, то объявить, что мы из того увидим их самое неприятельство, и велеть в таком случае тому командиру, посылая, брать самим в Мултянской земле хлеба и скота, сколько могут получить безденежно, только чтоб ничего не грабили».

Ночью на 24 июня Петр достиг Прута и, оставив здесь войско, на другой день отправился в Яссы, куда приехал в тот же день. Кантемир встретил его за городом, жена его и дети встретили царицу. Господарь произвел благоприятное впечатление на Петра, показался «человеком зело разумными в советах способным». В Яссы

приехал из Валахии великий спафарий Фома Кантакузин и объявил, что он и весь народ в их земле верен царю и как скоро русские войска явятся в Валахии, то все к ним пристанут; но господарь Бранкован не склонен к русской стороне, потому что очень богат и не хочет поставить себя в затруднительное и опасное положение, поэтому он, Кантакузин, с согласия народа, но без ведома господарского тайком приехал в Яссы. Надежды Петра увеличились робостью врагов; султан поручил иерусалимскому патриарху Хрисанфу снести с Бранкованом, чтоб тот предложил мир царю. Петр отверг предложение, «ибо тогда частью не поверено, паче же того ради не принято, дабы не дать неприятелю сердца». Взявши с собою Кантемира и Кантакузина. Петр поехал к войску на Прут, где 27 июня праздновалась Полтавская годовщина стрельбою из 60 пушек и из ружей. На другой день у Головкина собрался генеральный военный совет: главный вопрос был, как помочь недостатку в провианте. Мало его собрано в опустошенной саранчою Молдавии. Вследствие этого положено было со всем войском переправиться за Прут и идти вниз по правой стороне до урочища Фальчи, потому что ниже этого места по причине великих болот неприятелю трудно или и совершенно невозможно было переправиться; от урочища Фальчи войско должно было идти лесами к реке Серету, за которою, как все уверяли, у турок собрано много съестных припасов, и лежат по деревням около Браилова безо всякой обороны. Чтоб захватить поскорее эти запасы и принудить Бранкована открыто пристать к русской стороне, отправлены были в Валахию генерал Ренне и бригадир Чириков с конницею, с ними отправлены были универсалы, возбуждавшие валахов к восстанию; Ренне и Чириков должны были идти к Браилу и, овладев запасами, возвратиться к Галацу, где назначено было соединение их с главною армиею. «Хотя и опасно было, однако же, дабы христиан, желающих помощи, в отчаяние не привести на сей опасный весьма путь, для неимения провианта позволено». Ренне с Чириковым отправились 30 июня, а главная армия перешла Прут и шла в назначенном направлении до 7 июля, несмотря на известие, что хан перешел реку сзади. 7 июля, в шестом часу пополудни, генерал Янус, шедший впереди войска мили за три, дал знать, что визирь у Прута и янычары уже переправляются через реку. Петр послал указ Янусу, чтоб отступал для соединения с главною армиею к Ренне, чтоб также немедленно шел назад, захватив с собою провианта, сколько мог собрать. Янус, получив указ, начал двигаться назад, несмотря на наступление турок, успел привести свой отряд без урона. За ним по следам явился неприятель и, несмотря на то что был встречен сильным огнем, до самого вечера не переставал нападать на русских, а ночью стал по горе. У русских в эту ночь был генеральный совет: рассуждали, что в провианте и конских кормах сильный недостаток, конница ушла с генералом Ренне, неприятель в превосходном числе: всего турецкого войска было 119665 да татар 70000, а у русских – только 38246. Положено было отступать, и рано утром двинулись назад вверх по Пруту, неприятельская конница преследовала отступавших, но без пользы для себя. 9 июля пополудни войско достигло места, носившего название *Новое Станелище* : здесь расположили обоз к реке, и войско стало около него в линию; к вечеру явилась неприятельская пехота и артиллерия и стала к горе, от русской линии с версту; неприятель занял также и другой берег реки. Турецкая пехота и конница наступала *прежестого* , бой продолжался до ночи, но неприятель нигде не мог повредить русской линии;

наконец неприятельская конница отступила, а пехота всю ночь стреляла из пушек, и под эту стрельбою турки сделали кругом своего лагеря ретраншемент и выставили 300 пушек.

Положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов оставалось очень немного, помощи ни откуда. Но и визирь находился в затруднительном положении: янычары, испуганные отчаянным сопротивлением русских, потерявши 7000 человек своих, решительно отказались возобновить нападение 10 числа и кричали, чтоб визирь исполнял приказание султана – Поскорее заключил мир; кроме того, получено было известие, что генерал Ренне занял Браилов. 10 июля за хваченные в плен турки объявили, что визирь желает вступить в мирные переговоры. Это объявление подало русским слабую надежду выйти мирным путем из своего ужасного положения.

К визирю отправился трубач с письмом от фельдмаршала Шереметева: «Сиятельный крайний визирь его салтанова величества! Вашему сиятельству известно, что сия война не по желанию царского величества, как, чаем, и не по склонности салтанова величества, но по посторонним ссорам; и понеже ныне то уж дошло до крайнего кровопролития, того ради я заблагорассудил вашему сиятельству предложить, не допуская до той крайности, сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя, который может быть ко обеих стран пользе. Буде же к тому склонности не учините, то мы готовы и к другому, и бог взыщет то кровопролитие на том, кто тому причина, и надеемся, что бог поможет нежелающему. На сие ожидать будем ответу и посланного сего скорого возвращения»

Ответа от визиря не было; послано другое письмо, опять от имени Шереметева: «Послали мы сего дня к вашему сиятельству офицера с предложением мирным, но еще респонсу никакого по се время на то не восприяли: того ради желаем от вас как наискорей шей резолюции, желаете ли оного с нами возобновления мирного, которое мы с вами можем, без дальнего пролития человеческие крови на полезнейших кондициях учинить. Но ежели не желаете, то требуем скорой резолюции, ибо мы с стороны нашей ко обоим готовы и принуждены воспринять крайнюю резолюцию, однако сие предлагаем, щадя человеческого кровопролития, и будем ожидать несколько часов ответу».

На это второе письмо визирь прислал ответ, что он от доброго мира не отрицается и чтоб присылали для переговоров знатного человека. Того же десятого июля отправлен был подканцлер Шафиров с тремя переводчиками и подьячим, а для пересылок отправились с Шафировым генерального шквадрона ротмистр Артемий Волынский да сын обер-комиссара Петра Бестужева Михайла Бестужев, служивший волонтером при армии. Петр дал Шафирову следующую инструкцию: «В трактовании с турками дана полная мочь г. Шафирову, ради некоторой главной причины, которое дело его не только с моей воли, но и всех, и суть истинна: 1) туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать. 2) Буде же о шведах станут говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием лифляндов, а буде на одном на том не могут довольствоваться, то и прочие по малу уступать, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иные провинции, а буде возможно, то лучше б не

именовать, но на волю салтанскую положить. 3) О Лещинском буде станут говорить, позволить на то. 4) Впрочем, что возможно, салтана всячески удовлетворять, чтоб для того за шведа не зело старался». При этом царь позволил Шафирову обещать визирю и другим начальным лицам, в ком сила есть, большие суммы денег, а именно: визирю – 150000 рублей, кегае его – 60000, чаушбаше – 10000, янычарскому аге – 10000; секретарю, переводчику и прочим обещаны также большие дачи. Между тем весь генералитет и министры по последней мере положили на совете: «Ежели неприятель не пожелает на тех кондициях быть довольным, а будет желать, чтоб мы отдались на их discreцию и ружья положили, то все согласно присоветовали, что итить в отвод подле реки».

Шафиров дал знать, что хотя турки и не прочь от мира, но проволакивают время. На это Петр написал ему 11 июля: «Я из присланного слова выразумел, что турки хотя и склонны, но медленны являются к миру: того ради все чини по твоему рассуждению, как тебя бог наставит, и ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чего похотят, кроме шклявства, и дай нам знать конечно сегодни, дабы свой десператной путь могли с помощью божиею начать. Буде же подлинно склонность явится к миру, а сегодни не могут окончить договора, то б хотя то сегодни сделать, чтоб косить за их траншаментом». В тот же день Шафиров возвратился в русскую армию с следующими условиями: 1) отдать туркам Азов в таком состоянии, как он взят был; новопостроенные города – Таганрог, Каменный Затон и Новобогородицкий на устье Самары разорить, а пушки из Каменного Затона отдать туркам. 2) В польские дела царю не мешаться, козаков не беспокоивать и не вступаться в них. 3) Купцам с обеих сторон вольно проезжать торговать, а послу царскому впредь в Цареграде не быть. 4) Королю шведскому царь должен позволить свободный проход в его владения, и если оба согласятся, то и мир заключить. 5) Чтоб подданным обоих государств никаких убытков не было. 6) Все прежние неприятельские поступки предаются забвению, и войскам царского величества свободный проход в свои земли позволяется. Но до подтверждения мирных договоров и до исполнения с царской стороны всех обязательств подканцлер Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева Михаил Борисович, полковник астраханского полка, должны оставаться в Турции.

Шафиров был немедленно же отправлен назад в турецкий обоз, чтоб поскорее заключить мир на этих условиях. Договор был написан и скреплен 12 июля. Шафиров дал знать Петру, что русское войско может беспрепятственно выступить из лагеря.

Легко представить себе радость русских, когда они узнали о заключении мира; радость была тем сильнее, чем меньше было надежды на такой исход. «Если бы, – говорит один из служивших в русском войске иностранцев, – если бы поутру 12 числа кто-нибудь сказал, что мир будет заключен на таких условиях, то все сочли бы его сумасшедшим. Когда отправился трубач к визирю с первым предложением, то фельдмаршал Шереметев сказал нам, что тот, кто присоветовал царскому величеству сделать этот шаг, должен считаться самым бессмысленным человеком в целом свете, но если великий визирь примет предложение, то он, фельдмаршал, отдаст ему преимущество в бессмыслии».

У войска, у офицеров и генералов радостное чувство не могло очень уменьшиться и после, когда прошло первое впечатление. Но другое было с царем. Прийти с тем, чтоб своим появлением поднять все христианское народонаселение,

прогнать турок из Европы или по крайней мере предписать им мир; вместо того заключить позорный мир, отказаться от Азовского моря, от южного флота, который стоил таких трудов и издержек. Как освободиться от упреков, зачем небольшое войско заведено так далеко в чужую сторону, без обеспечения насчет продовольствия, по слухам, что народонаселение примет русских как освободителей? Зачем повторена была ошибка Карла XII, который с такими же надеждами на козаков вошел в Малороссию? И все это бесславление после «преславной виктории»! Петр привык уже писать к своим письма с известиями о победах; а теперь о чем он должен известить их?

Говорят, что 10 июля, когда не было надежды, что визирь согласится на мир, когда предстояли или смерть, или плен, Петр отправил следующее письма Сенату: «Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в семь крат сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены и что я без особливой божии помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелению от нас, было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моем; но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

Это письмо заподозревается. Оно не сохранилось в подлиннике; оно заключает в себе странность: Петр велит Сенату выбрать достойнейшего ему наследника, тогда как был законный наследник, царевич Алексей Петрович, у которого с отцом не было еще, по-видимому, никаких неприятностей. Но, несмотря на сильные, по-видимому, возражения против достоверности письма, мы не считаем себя вправе решительно отвергать эту достоверность. Здесь главные вопросы: могло ли письмо по своему языку и слогу принадлежать Петру? Могло ли оно принадлежать ему по его взгляду на свои отношения к государству и собственному семейству? Могли ли быть побуждения сочинить подобный акт? Могли ли быть побуждения уничтожить его в подлиннике? На первые два вопроса всякий, знакомый с языком и слогом писем Петра и с его взглядами, может ответить утвердительно: для Петра на первом плане было его дело, дело преобразования, все другое на втором плане. Для сочинения подобного акта мы не найдем побуждений; сочинена была духовная Екатерины I Бассевичем, духовная Петра II Долгорукими: везде побуждения открыты и ясны; но кто и для чего сочинил бы приведенное письмо от Прута? При последующей смене линий царствующего дома, при свержении правителей никогда не раздавался голос о возможности выбрать кого-нибудь на престол не из особ царствующего дома и не по отношению к этим особам; но при отсутствии закона о порядке престолонаследия, т.е. до самого конца XVIII века, были побуждения скрыть, уничтожить подлинный акт, уполномочивавший Сенат выбрать царя мимо царевича, выбрать достойнейшего, особенно когда этот акт исходил от Петра Великого, к памяти которого питали такое благоговение. Ничье право не утверждалось на этом акте, следовательно, некому было его выдумывать; но могли опасаться, чтоб акт не послужил опорой для какого-нибудь притязания, следовательно, имели побуждение уничтожить его. Не нужно, впрочем, и

настаивать много на побуждения, могшие заставить уничтожить подлинное письмо: при тогдашней невнимательности к сохранению актов письмо от Прута могло легче других затеряться, ибо, как чрезвычайно любопытное, возбуждало внимание, переходило из рук в руки, тогда как бумаги, не возбуждавшие любопытства, не трогались и сохранились. Разве все письма Петра дошли до нас в подлинниках? Что же касается до отношений Петра к сыну, то в 1710 году уже было известно даже в Германии, что царевич окружен людьми, возбуждающими в нем ненависть ко всем новизнам. Неужели не знал этого отец? Петр мог думать, что с течением времени, особенно вследствие брака на иностранной принцессе, молодой человек изменит свои взгляды; но 10 июля 1711 г., когда дело шло о восшествии на престол Алексея таким, каким он был тогда, мог ли Петр считать его *достойнейшим, способнейшим* поддержать величие России и дело преобразования в таких ужасных обстоятельствах? Нет сомнения, что если бы несчастье случилось, то царевич Алексей был бы провозглашен царем. Петр не мог в этом сомневаться; но в такую страшную минуту по своему взгляду на отношения свои к родной стране он мог желать очистить свою совесть, уполномочивая Сенат выбрать достойнейшего.

Адмирала Апраксина Петр должен был уведомить первого о заключении мира, потому что Апраксин должен был исполнять тяжелые его условия – разорить и сдавать туркам Азов и Таганрог. «Хотя я николи б хотел, – писал Петр, – к вам писать о такой материи, о которой ныне принужден есмь, однако ж понеже так воля божия благоволила и грехи христианские не допустили. Ибо мы в 8 день сего месяца с турками сошлись и с самого того дни даже до 10 числа полуден в превеликом огне не точию дни, но и ночи были, и правда, никогда, как и начал служить, в такой дисперации не были (понеже не имели конницы и провианту), однако ж господь бог так наших людей ободрил, что, хотя неприятели вяще 100000 числом нас превосходили, но однако ж всегда отбиты были, так что принуждены сами закопаться и апрошами яко фортецию наши единые только рогатки добывать, и потом, когда оным зело надокучил наш трактамент, а нам вышереченной, то в вышереченной день учинено штильштанд, и потом сгодились и на совершенный мир, на котором положено все города, у турков взятые, им отдать, а новопостроенные разорить: и тако тот смертный пир сим кончился. Сие дело есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однако ж, чаю, сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть».

Через несколько времени в тех же самых выражениях Петр известил Сенат и приближенных к себе людей о прутских событиях. Сохранился ответ Меншикова из Петербурга: «С радостными слезами всевышнему богу благодарение воздали за такое его божеское милосердие, еже вашу милость в том бывшем случае сохранить и сию войну (которая ко утверждению места сего не без повреждения б была, ежели б продолжилась) в такой скорости окончить изволил; что же о лишении мест, к которым многой труд и убытки положены, и в том да будет воля оные места нам давшего и паки тех мест нас лишившего спасителя нашего, который, надеюсь, что по своей к нам милости либо паки оные по времени вам возвратит, а особливо оный убыток сугубо наградить изволит укреплением сего места, которое правда воистинно несравнительною прибылью нам есть. Ныне же молим того же всемогущего бога, дабы сподобил нас вашу милость здесь вскоре

видеть, чтоб мимошедшие столь пружестокые горести видением сего парадиза вскоре в сладость претворитись могли».

14 июля русское войско выступило из несчастного прутского лагеря и поспешно направило путь к Днестру. Для Петра продолжались бессонные ночи. Главная забота его теперь состояла в том, чтобы «сим лишением другой стороне было великое укрепление», чтоб обратить все свои силы и силы союзников против Швеции и принудить ее поскорее к заключению выгодного для России мира. Но для этой цели ему необходимо было действовать заодно с королем Августом и проводить свои войска чрез польские владения; а во второй статье Прутского договора говорилось, чтоб царю к польские дела не вмешиваться; Петр боялся интриг Карла XII, который опять мог поднять Порту на Россию, боялся, что турки возьмут уступленные им места, а шведского короля не вышлют и по его наущению опять начнут войну. Чтоб не быть обманутым, царь писал Апраксину не отдавать Азова туркам, прежде чем получит от Шафирова известие, что султан подтвердил Прутский договор и Карл XII выслан из турецких владений. В том же смысле Головкин писал к Шафирову. Положение подканцлера было очень затруднительно. Визирь говорил ему, чтоб царь помирился с шведским королем. «Жаль мне его, – говорил визирь, – что лет с десять уже своим безумием от своего государства отлучен». «Сам виноват», – отвечал Шафиров. Визирь не переставал просить его, чтоб начал переговоры с шведским королем; Шафиров отвечал, что не имеет указа и полномочия; визирь настаивал, чтоб послать за указом к царю; Шафиров обещал писать, но заметил, что с царем в союзе против шведов король датский, без согласия которого мириться нельзя. На письмо свое к царю об этих переговорах с визирем Шафиров получил ответ от Головкина: «Царское величество повелел мне к вам ответствовать: во-первых, о вольном проезде короля шведского чрез его цар. в-ства земли его величество соизволяет против того, как вы о том визирю объявили, и, сверх того, изволяет для проезду его королевской персоны и сущих при нем шведов дать по 500 подвод. Писали вы о предложении визирском, дабы между его цар. в-ствами королем шведским учинить мир, и для того б прислать к вам полную мочь: и ваша милость можете о том визирю объявить (ежели паки упоминаться о сем будет), что его цар. в-ство как прежде, так и ныне от благополучного мира не отрицается и всегда оный учинить готов, токмо того его в-ству учинить невозможно, не сообщая о том союзникам своим; а ежели он, король шведский, совершенно с их царским и королевским величествами миру желает, то б назначил место и выслал своего полномочного министра для трактования того миру, куды его цар. в-ство и его союзники своих вышлют, в чем его цар. в-ство всякое удовольствие показать обещает. Что же принадлежит о походе его цар. в-ства с войски, и ваша милость изволите объявить, что его в-ство, высокою своею особою, токмо с полками гвардии своей изволит итти прямо в Ригу, не мешкая нигде, кроме обыкновенных наслегов; а господин генерал-фельдмаршал, со всем главным войском переправившись Прут, где удобнее, пойдет прямым путем к Киеву; а чтоб Польши не занимать, и того учинить весьма невозможно, понеже она лежит, почитай до Очакова, и обойтись никуда ся не мочно, только захватится самый малый Польши край, яко Немиров, Браславль и прочие; а идучи Польшею, нигде мешкать не будут, в чем извольте визиря обнадежить».

Между тем татары обнаружили враждебные действия; царь дал знать об этом Шафирову, тот – визирю, и немедленно сделано было распоряжение унимать самовольных, казнить смертью. Шафиров доносил Петру 13 июля: «О шведском короле сегодня не поминали ничего, и я чаю, что на него плюнули; зело турки с нами ласково обходятся, и знатно сей мир им угоден». Петр писал Шафирову, чтоб вытребовать и от турок обязательство не вмешиваться в польские дела. «Буду стараться, – отвечал Шафиров, – сколько невольничье мое состояние позволит, ибо мы не столько в министерском лице, как в аманатах здесь оставлены, дабы договор исполнен был с вашей стороны. Я представлял визирю, какая будет польза и России и Турции, если дать шведам волю именем Лещинского владеть Польшею. Визирь мне на это отвечал с сердцем: „Вам о себе надобно говорить и обещать не мешаться в польские дела, а до других какое вам дело?“ Видя себя аманатом в турецких руках, боясь, что дорого может поплатиться в случае нарушения трактата царем, Шафиров писал Петру: «Слыша о пути вашем чрез Каменец прямо Польшею к Риге, опасуюсь отсюда разных противностей: от турок нареkania, что вступили в Польшу вопреки трактату, потом от поляков великого озлобления, потому что им не без тягостей будет от этого похода, а поляков, кажется, теперь надобно было бы приластить; да и неудобно такое долгое путешествие: по своей земле гораздо скорее можно было бы доехать к Риге на расставных подводах; гораздо лучше бы от Каменца идти прямо на Киев; это было бы не так продолжительно, не так туркам противно и полякам озлобительно. Еще на память приходит, что главный ваш интерес состоит в том, чтоб усилить датского как на море, так и на сухом пути, и для того изрядно занять миллион-другой у того жида, который обещал дать денег князю Василью Долгорукому, и на те деньги прикупить кораблей, а войско как-нибудь к ним переслать, чтоб по совету Анфендейля могли в сердце Шведской земли вступить и там принудить шведов к миру, ибо ныне, имея с одной стороны свободные руки, не надобно ничего жалеть, чтоб принудить шведа к миру, пока *калигаты* (союзники – император, Англия и Голландия) мира не заключат с Франциею)». Головкину Шафиров передал рассказ грека, бывшего переводчиком между Карлом XII и визирем во время их свидания после 12 июля; король говорил с сердцем визирю, для чего он без его совета и согласия помирился с царем: мог бы все получить, чего хотел, и самого царя, имея все в руках; и султан без его королевского совета ничего не делал, а он, визирь, его в совет к себе не призвал. Визирь отвечал: «Я поступил по закону: закон наш запрещает отказывать тем, кто просит мира». Хан говорил то же самое, и не хотел глядеть на короля, и пересмежал его с визирем, потому что поссорился с королем в Бендерах. Ночью с 15 на 16 июля привезли в обоз деньги, обещанные Шафировым визирю и другим начальным людям, но визирь их не принял, опасаясь хана, который эту ночь ночевал у него в обозе.

Деньги не достались визирю со товарищами: на первый раз он побоялся принять их при хане, а потом боялся принять вследствие подозрений, возбужденных в Константинополе Карлом XII, на которого визирь сердился все более и более. 20 июля Шафиров виделся с визирем и представлял ему о необходимости отпустить немедленно шведского короля. Визирь отвечал: «Я бы желал, чтоб его чорт взял, потому что вижу теперь, что он только именем король, а ума в нем ничего нет и как самый скот; буду стараться, чтоб его куда-нибудь

отпустить бессорно!» Но старания эти не увенчались успехом. Петр не хотел исполнять Прутского договора, пока шведский король не выедет из турецких владений. 3 августа он писал Апраксину: «Азова не отдавайте и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу, ибо турки ныне хотят, чтоб короля шведского проводить чрез Польшу в пятитысячном числе турков и таким же числом татар; а ежели не захотят чрез Польшу, то проведут его в Царьград. Хотя и не чаем, чтоб турки паки зачали войну, получа так прибыточный себе мир, однако же мню, что так они хотят учинить, дабы в Польше король шведский паки возмутил и остался в войне с нами, а они в покое безопасном. Мы, так рассуждая сие, для того войск наших из Польши не выведем по договору, пока подлинно приедет король шведский к себе. И для того, ежели пойдет на Царьград, а Шафиров будет писать, что он и оттоль отпущен, то исполняй по его письму; буде же иным путем, а именно чрез Польшу или Немецкую землю, то хотя и он будет писать, то, не списався со мною, не совершай отдачею Азова». Шафиров по царскому приказу объявил визирю, что Азов не будет отдан и крепости не будут срыты до тех пор, пока шведский король не выедет из турецких владений. Визирь возражал, что пункт об отдаче и срытии городов не имеет ничего общего с пунктом об отъезде Карла XII, что о связи между этими двумя пунктами нет ничего в договоре. Петр оставался при своем. 17 августа Шафиров писал государю: «Непрестанные острые и угрожающие слова и поступки турецкие, опасность от разорвания мира приводят меня до самой, почитай, десперации, и будучи в таких руках; и ежели придет до того, что постражду от них, прошу милостиво призреть на бедных моих сирых оставшихся мать, жену и детей».

Но и визирь был не в меньшей десперации; тайком чрез своего кегаю и секретаря присоветовал он Шафирову объявить торжественно при хане и начальных турецких людях, будто русские перехватили письма Карла XII к казакам, где король пишет, что надеется и этот мир разрушить, как прежний, и нынешнего визиря свергнуть, как свергнул Али-пашу; а между тем явно кричал с яростью Шафирову, чтоб первый пункт договора был исполнен немедленно, иначе мир разорван и с ним, Шафировым, и товарищем его, Шереметевым, будет поступлено, как с обманщиками, а янычарский ага грозил, что янычары иссекут их в куски. Шафиров предложил три месяца сроку для исполнения первого пункта; Турки не согласились; предложил два месяца с половиною – турки не согласились и на это, и потом визирь прислал уговаривать Шафирова и Шереметева, чтоб не губили себя, уменьшили срок до двух месяцев, обнадеживая с клятвою, что, как скоро первая статья будет исполнена, сам он, визирь, пойдет в Бендеры и вышлет Карла XII силою, что у него уже есть об этом указ султанский. Шафиров и Шереметев решились дать письменное обещание насчет двух месячного срока, после чего Шафиров писал Головкину. Артемием Волинским (19 августа): «Если наше обязательство не будет исполнено, то мы безвозвратно пропадем и мир разорвется, а надобно рассудить, что и после нашей гибели будет: турки уже теперь ободрились и так пеняют на визиря, что до бою не допустил, и могут они собрать войска вдвое перед нынешним; а на кого у нас надежда была (на славян), те не посмеют ворохнуться от страха, и теперь все злы на нас и клянут, где увидят, ибо многим гибель приключилась; о поляках сами знаете, чего в таком случае от них ожидать. Напомни его величеству данное мне милостивое обещание при отпуске моем сюда (это было при тебе); если б я погиб

тогда для избавления, то не так бы чувствительно было, а теперь не знаю, за что нам пропадать. О господине Волинском прошу предстательствовать, чтоб его переменить чином и наградить жалованьем, по тому что изрядный человек и терпит одинакой с нами страх, и при слать его опять ко мне». Петр не одобрил поступка Шафирова насчет двухмесячного обязательства. «Зело удивляемся, – писал он ему, – что вы такое письмо дали туркам; нельзя в такое короткое время и таким малолюдством исправить в Азове и Таганроге, вы этим себя только пуще связали; не бойтесь, чтоб вас стали мучить или убили; если и вздурятся, то запрут вас только, как Толстого заперли. Они на нас спрашивают сверх человеческой силы, а сами одного человека, короля шведского, выслать не могут; если не верят, пусть пошлют кого-нибудь освидетельствовать, что исполняем по возможности, очищаем и разоряем города».

Чего стоило Петру это очищение и разорение, видно из письма его к адмиралу Апраксину от 19 сентября: «Письмо твое я получил, на которое отвечаю, что с слезами прошение ваше видел, о чем прежде и больше вашего плакал; но буди воля божия в том, ибо мы в сей войне зело правы, и мню, что праведный бог, может быть, к лучшему сделал для зависти у некоторых, которые впредь кланяться будут, чему есть уже вид; тако ж и то рассудить надлежит, что с двумя неприятелями такими не весьма ль отчаянно вой ну весть и упустить сию шведскую войну, которой конец в надеянии божии уже близок является, ибо и Померания тако ж, как и Ливония, следует; сохрани боже, ежели б, в обоих войнах пребывая, дождались французский мир, то б везде потеряли; правда, зело скорбно, но лучше из двух зол легчайшее выбрать, ибо можешь рассудить, которую войну труднее скончать. И того ради (*как не своею рукою пишу*) нужда турок удовольствовать... Пока не услышишь о выходе короля шведского и к нам не опишешься, Азова не отдавай, но немедленно пиши, к которому времени можешь исправиться, а испражнении весьма надобно учинить, как возможно скоро, из обеих крепостей. Таганрог разорить, как возможно низко, однако ж не портя фундамента, ибо может бог по времени инаково учинить, что разумному досыть». В другом письме к тому же Петр писал: «Место где хотите изберите для поклажи вывозной, ибо ныне какво мне к вам о сем деле писать, сам рассудишь, ибо ежели б не было отрады с другой стороны, то б бог знает, чтоб было, которое (т.е. шведская война) с помощью божиею зело изрядно идет и ко окончанию есть добрая надежда, что дай боже, а когда здесь окончится надежда в бозе, паки оной ущерб исправится, к чему уже и теперь со стороны заговаривают. Зело надобно не точию абрисы Азова, но и профили валам, рвам и горам, тако ж и вышину от воды вам с собою взять гораздо аккуратно».

Известие, что русские войска остановились в Польше, еще более затруднило дело и увеличило десперацию Шафирова. Петр писал ему по этому случаю: «Рену указ дан, чтоб перебрался под Жванцами, что он и сделал; войск наших у Каменца не бывало и ныне нет; через Польшу, кроме нашего полка для моего конвоя, не хаживали и не пойдут: в том будьте весьма надежны, разве зимою, и то через Пруссию от Риги в Померанию к будущей кампании. Войско наше стоит от Корца до Дубны, и приказано фельдмаршалу, что если король шведский пойдет не через Польшу, то ему тотчас выступать в Киев, а если чрез Польшу, то стоять, пока пройдет; а отряд послать боком чрез Литву, чтоб, идучи, смотрел на шведовы поступки. Лучшие поляки все очень меня просили, чтоб войск от них не выводить,

пока пройдет швед; однако я это полагаю на ваше рассуждение: если турки не отпустят шведского короля потому только, что войска наши стоят в польских местах, то пишите фельдмаршалу, чтоб он приказал войску выйти, оставя у себя не больше 7000. А ничего в Польше не оставить очень опасно, ибо поляки (хотя я их весьма обнадежил) сильно сомневаются и говорят, что мы их покинем, и не в пример стали ласковы, чем прежде были в Ярославле. Но и относительно семитысячного отряда – быть ли ему в Польше или нет? – решайте, как заблагорассудите по тамошним делам, и сноситесь с фельдмаршалом. Что же касается Азова и Таганрога, то я уже много раз писал, что, пока швед у них, исполнения не будет».

Но и турки стояли на своем. Двухмесячный срок, которым обязались Шафиров и Шереметев, исходил; в конце октября визирь прислал объявить им, что получил султанский указ остановиться в Адрианополе и нейти в Царьград прежде получения ведомости об отдаче Азова, и потому чтоб снова слали гонца к адмиралу Апраксину с требованием отдачи этой крепости, в противном случае объявлена будет война и их, аманатов, погубят; при этом визирь велел объявить о получении другого султанского указа, что до отдачи Азова король шведский не будет выслан из областей турецких.

8 ноября пришел в Адрианополь султанский указ о смене великого визиря и о назначении на его место янычарского аги, бывшего при Пруте, Юсуф-паши. Новый великий визирь призвал к себе Шафирова и Шереметева и объявил им султанским именем, чтоб они не сомневались насчет смены визиря: мир будет сохранен со стороны Порты, если со стороны царской будут выполнены все условия, и что они должны вместе с ним ехать в Константинополь. 20 ноября Шафиров и Шереметев приехали в этот город, а через пять дней приехали посланные в Азов и объявили, что Апраксин не отдает города до получения о выезде шведского короля из турецких владений. В конце декабря Шафирову и Шереметеву было объявлено: так как мир нарушен с русской стороны неотдачею Азова, вступлением царских войск в Польшу и неуступкою малороссийских козаков (ибо в договоре сказано: козаков не беспокоивать и не вступаться в них), то объявлена война против царя, и сам султан пойдет в поход весною; впрочем, мир может быть сохранен, если царь согласится на следующие четыре статьи: всем русским войскам немедленно выступить из Польши и впредь в нее никогда не вступать, хотя бы и швед вступил, и ни союзу, ни корреспонденции с Польшею не иметь; короля шведского турки отпустят, когда и каким путем сами захотят, а для свободного его проезда царь должен заключить с ним перемирие на три года; от Украины всей царь должен отступить и отдать ее в протекцию Порте; Азов отдать и Таганрог разорить немедленно. Шафиров чрез посредство английского и голландского послов возражал; что эти статьи никогда не могут быть приняты; если относительно всей Украины турки ссылаются на пункт о козаках, то спрашивается, для чего же в другом пункте говорится об уничтожении крепостей Каменного Затона и Новобогородицкой? Если б вся Украина, по трактату, отходила к Турции, то и эти крепости необходимо отходили бы к ней же в целости. Турки ничего не хотели слушать. «Не видим, почитай, надежды, – писал Шафиров Петру, – и чаем себе вкратце зело злого трактаменту, и надлежит для того вашему величеству конечно с поспешением готовиться всеми силами к войне».

Наступил 1712 год. 1 января Шафиров должен был писать царю прежние печальные вести: трое ближних султановых людей были с ним в конференции и объявили прямо: так как прежний мир нарушен с русской стороны неотдачею Азова, вступлением в Польшу и неуступкою всех малороссийских козаков, по договору обещанных, то объявляется война России; впрочем, война может быть остановлена уступкою всего Малороссийского края Турции, выходом из Польши и обязательством никогда в нее не вступать, хотя бы и король шведский вступил в нее. Ближние люди объявили, что Карла XII вышлют из Турции, но не определили времени, когда это будет, не определили и пути, по которому он пойдет. «Хотя мы, – доносил Шафиров, – и доказывали им несообразность этих требований чрез послов английского и голландского, без которых турки не хотят с нами говорить: однако не видим надежды и чаем себе вкратце зело злого трактаменту; поэтому надлежит вашему величеству конечно с поспешением готовиться всеми силами к войне и войска все совокуплять, ибо султан сам идет в поход весною; конечно не извольте в том поступать слабо. Английский и голландский послы, по-видимому, трудятся в сем деле усердно и о примирении с шведом ничего нам не упоминают, ни о выступлении из Померании; и хотя я знаю, что вашему величеству сие противно будет, что мы их до сего дела допустили, но, буди воля вашего величества, турки не хотели с нами ни о чем более говорить и ничему верить без медиаторов не хотят; а француз денно и ночно старается за шведа, и для того мы принуждены просить англичанина и голландца не как настоящих медиаторов, но только как добрых приятелей, и если ваше величество заблагорассудите, то извольте просить и правительства их о формальной медиации, ибо я чаю, что они наперекор (на перекосердые) с французом будут стараться в сем примирении. Хотя визирь, другие министры и народ склонны к миру, но султан весьма надут от хана чрез подущение шведов и поляков и бунтовщиков-козаков; хан ему внушил, что теперь самое удобное время вести с вами войну, когда войска ваши в розни против шведа, а когда шведа повоюете, тогда все ваши войска будут вместе, и можете легко, и отдавши Азов, опять в короткое время назад его взять, если Украина в ваших руках и поляки в вашей же воле, за принуждением войск ваших будут. Турки проговорились английскому послу, что им не так важна отдача Азова, как то, чтоб ваше царское величество отнюдь до Польши дела не имел и с войском в нее вступать не мог, ибо если они дадут в этом волю вашему величеству, то вы легко повоюете шведа вконец и потом не только Азов отобрать, но чрез Польшу опять внутрь их государства вступить можете. И потому нужно вам хотя оборонительно собраться, дабы они не могли себе никакого выигрыша получить, ибо когда турки увидят, что нелегко могут Украину завоевать и Азов получить, то соскучатся; а теперь они обнадежены ханом, неприятелями нашими и бунтовщиками, будто легко могут все получить и Украина забунтует и поддастся им, и для того нужно крепкую иметь осторожность и войска иметь достаточно в Украине, также калмыков и других нерегулярных затянуть на татар».

В феврале дела переменились: в Константинополе получено было известие, что Азов отдан и Таганрог срывают. Петр, видя упорство султана и опасаясь вторичного отвлечения своих сил с севера на юг вследствие новой войны турецкой, решился выполнить первую статью Прутского договора и, не дожидаясь высылки Карла XII из Турции, 6 ноября 1711 года он написал Апраксину, что для избежания войны надобно отдать Азов и срыть Таганрог: «Ибо в последних

письмах от Шафирова зело злобны являются турки для неотдачи Азова». В тот же день Петр написал Шафирову: «По совету вашему я писал к салтану, что оное учинится конечно (отдача Азова и срытие Таганрога), лишь бы выслан был швед, и для того посланы две грамоты, обе равно писанные: в одной написано, что Азов отдать на срок, лишь бы швед в то время выслан был; в другой, ежели и тому не чаешь быть, то хотя б письмом обязаться крепко, чтоб по отдаче Азова тотчас выслан был, и сие даем на ваше рассуждение, по тамошнему делу смотря, которую лучше, тое и подашь: лучше бы первую, а по нужде необходимой и другую употребить. Еще же, чтоб все уже последнее сделать и не допустить до войны, то и сие предлагаем, что хотя, паче чаяния, турки и письмом не обяжутся, то ежели от вас в сем или декабре месяце писем не получим, то в первых числах января и так Азов отдан и Таганрог разорен будет: в том будьте конечно надежны и при последнем случае (чего не дай боже!) туркам объявите». Шафиров доносил: «Если бог сие мирное дело благополучно совершит, то послы английский и голландский достойны великой вашей милости и благодарности, также и правительства их поблагодарить надобно: истинно, государь, можем засвидетельствовать, что они до сих пор с такою ревностию и радением, как о своем сущем деле, стараются. Можно признать по нынешним турецким поступкам, что если бы Азов при прежнем визире отдан был, пока еще турки не озлобились и хан с прочими султану не надули многих безделиц, то бы все по желанию вашего величества окончилось, и шведский король был бы выслан, и излишних запросов никаких не было: потому что и теперь, по отдаче Азова, лучшие люди сильно противятся начинанию войны, только султан ищет причин к нарушению мира. Но хотя бы и явилась надежда на мир, то, имея в виду их непостоянные поступки и множество наших недоброжелателей, никак нельзя отлагать воинских приготовлений; по-прежнему надобно соблюдать крайнюю осторожность в Украине, чтоб не забунтовала при вступлении в нее войск турецких».

Муфтий, боясь султана, перед ним толковал о необходимости войны, а между тем тайком подучал законников (улемов), чтоб противились объявлению войны, ибо при их сопротивлении и муфтий не мог дать своего благословения; шведы сулили ему 30000 левков, но он им отвечал, что по закону не может позволить нарушения мира; опираться на закон муфтию было тем легче, что и Шафиров обещал ему ту же сумму. Шафирову удалось достать ноту французского посла, в которой он побуждал султана к войне: кто до сих пор имел дело с царем, тот знает, что на слова его никак нельзя полагаться, говорилось в ноте; посланники голландский и английский представляют плохую поруку, потому что правительства их по отдаленности своих владений от России не могут заставить царя исполнить данные обещания. По мнению посла, султан должен был отправить с шведским королем 30000 турецкого войска и 15000 татарского: этого числа достаточно для предупреждения обманов русских, для защиты Карла XII от короля Августа и его союзников, Карл дойдет безопасно до своих границ, поляки признают его своим освободителем, и не будут им страшны наветы и мучения московские.

Но союзники победили Францию и в Константинополе: 8 апреля Шафиров дал знать, что 5 апреля мир возобновлен по крайнему радению и старанию посредствующих послов – английского и голландского, также грека Луки Кирикова, более которого, по словам Шафирова, и природный раб не мог служить

царскому величеству. «Если б не английский и голландский послы, – доносил Шафиров, – то нам нельзя было бы иметь ни с кем корреспонденции и к вашему величеству писать, потому что никого ни к нам, ни от нас не пускали, и конечно б тогда война была начата и нас посадили бы, по последней мере, в жестокую тюрьму; английский посол человек искусный и умный, день и ночь трудился и письмами и словами склонял турок к сохранению мира, резко говорил им, за что они на него сердились и лаяли; и природному вашего величества рабу больше нельзя было делать; при окончании дела своею рукою писал трактат на италийском языке начерно и вымышлял всяким образом, как бы его сложить в такой силе, чтоб не был противен интересу вашего величества; голландский посол ездил несколько раз инкогнито к визирю, уговаривал его наедине и склонял к нашей пользе, потому что сам умеет говорить по-турецки. И хотя мы им учинили обещанное награждение, однако нужно было бы прислать и кавалерии с нарочитыми алмазами, также по доброму меху соболью; если кавалерии не изволите прислать, то по крайней мере хотя по персоне (портрету) своей с алмазами доброй цены». Новый договор состоял из следующих пунктов: 1) царское величество выведет свои войска, которые в Польше по сю сторону, в месяц, считая со дня заключения договора, а которые на другой стороне в Польше же, те выведет в три месяца и впредь ни под какими предлогами не введет, но совершенно отнимет руку свою от этой державы. Но если король шведский или войска его вступят в Польшу и возбудят поляков против царского величества, тогда и московские войска могут вступить в Польшу и действовать неприятельски. 2) Когда Порта захочет выслать шведского короля в его землю, то вышлет, не определяя времени и пути; если захочет послать его чрез Московское государство, то он и войска, которые будут его сопровождать, не должны причинять никакого вреда русским, и обратно – русские не должны вредить им. 3) На западной стороне Днепра за Россиюю остается только Киев с принадлежащими к нему землями и местами; от козаков же, живущих на западной стороне, царское величество отнимает свою руку и от полуострова Сечи. 4) Между Азовом и Черкасском новых крепостей не строить. 5) Мир заключается на 25 лет. За мир было заплачено: визирю – 30000 червонных венецианских (по 3 рубля 26 – 24 гривны); муфтию – 10000 червонных; зятю султана Али-паше – 10000; комиссару султанскому, бывшему в конференции, – 4000; рейс-ефенди – 3000 да мех соболий; верховному кадию – 2000; Маврокордату – 500 червонных и мех соболий; английскому послу – 6000, голландскому – 4000; переводчикам и секретарям их – 1000; всего с разными мелкими расходами – 84900 червонных да 22000 рублей денег.

Между тем Толстой все сидел в Семибашенном замке. 3 февраля 1712 года ему удалось отправить письмо к Головкину. «Иного не имею что доносить, – писал он, – токмо что по-прежнему сижу в тяжком заключении и что день прибавляют мне турки бедственнейшую тесноту. Ради пресвятыя троицы, благоволи возыметь о мне, бедном и заключенном, милостивое попечение, чтоб не умереть с голоду, как и к домишку моему, в сиротстве существу, благоволительно призри». По заключении мирного договора с Шафировым Толстого освободили из едикула и дали двор в Константинополе подле двора, занимаемого Шафировым и Шереметевым. Извещая Головкина о своем освобождении. Толстой писал ему: «С кровавыми слезами припадая мысленно к ногам вашим, молю: буди милостивый

предстатель всемилостивейшему нашему государю, чтоб умилосердился надо мною и повелел бы меня из сего преисподнего тартара свободить по десятилетнем моем страдании; аще бы делам государственным мое здесь пребывание полезно было, я бы не стужал и не просил милости о свободе: а ныне в том наигоршая моя печаль, что уже я при сем дворе, как видится, действовать по-прежнему не могу, понеже имеют ко мне турки великое подозрение и, хотя меня освободили из тюрьмы, обаче вельми презирают, ниже за министра меня почитают, но живу без всякого дела, и по договору, учиненному на реке Пруте, велми того хотят, чтоб я отсюда поехал. Ныне, возымев время, дерзновенно доношу мое страдание и разорение: когда турки посадили меня в заключение, тогда дом мой конечно разграбили и вещи все растащили, малое нечто ко мне прислали в тюрьму, и то все перепорченное, а меня, приведши в Семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную, из которой последним, что имел, избавился и был заключен в одной малой избе семнадцать месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев и не мог упросить, чтоб хотя единожды прислали ко мне доктора посмотреть меня, но без всякого призрения был оставлен, и что имел, и последнее все иждивил, покупая тайно лекарства чрез многие руки; к тому же на всяк день угрожал мучением и пытками, спрашивая, кому министрам их и сколько давал денег за содержание покоя, и наипаче в то время, когда король шведский был в Украине и Мазепа изменил; и все сии смертные страхи терпел, доколе прежде бывшему визирю Али-паше отсекли голову, тогда и меня о том спрашивать престали».

Государь велел немедленно освободить Толстого из преисподнего тартара. Головкин писал ему, что может ехать в Москву, но турки не пустили его, велели дожидаться отъезда Шафировова и Шереметева, т.е. дожидаться, пока царь исполнит все условия договора и, главное, очистит Польшу от русского войска. «Если, – писал Толстой в сентябре, – настоящее правительство переменится, то может случиться то же, что произошло после смены визиря Али-паши, ибо ничто так туркам не противно, как бытность русских войск в Польше, и если узнают, что наших войск там осталась хотя малая часть, то, без сомнения, рано весною война опять начнется и сам султан выступит в поход». Толстой сообщил вести, полученные им от приятелей из султанского дворца: 16 сентября был султан у матери своей и с сердцем говорил о враждебных намерениях царя, который не исполняет своего обещания, не выводит войск из Польши. «Надеюсь на бога, – говорил султан, – что уже вперед он нас не обманет, не взяв от него всей козацкой земли, мира с ними не заключу». Мать возражала, что надобно разузнать прежде, верны ли известия, не затевают ли этого шведы? Муфтий по старой дружбе дал знать Толстому, чтоб домогался себе отпуску, хотя бы и дал что-нибудь визирю или кому другому, потому что дела опять запутываются: только дадут знать из Польши, что русские войска еще там, султан непременно объявит войну. Посол французский «публично изbleвал яд злобы своей к стороне царского величества», говоря, что Франция и Англия безотложно намерены помогать интересу шведскому.

Между тем Шафиров, зная, что интриги врагов продолжаются и по заключении мира, не сидел сложа руки. Он стал внушать визирю, что шведы грозят свергнуть его и возвести на его место своего приятеля капитан-пашу.

Визирь велел отвечать: «Правда, что я старанием о благе обоих государств и о сохранении мира нажил себе много врагов и чуть головы не потерял, но теперь надеюсь на бога и на свою правду, что неприятели не могут мне повредить, и хотя шведы лжами своими многих одолели, но меня не одолеют, султан уже послал сказать шведскому королю, чтоб он больше на него не надеялся, а ехал бы из его государства, ибо весь народ не хочет его более видеть в своей земле. Пишите к вашему государю, чтоб поскорее присылал подтвердительную грамоту и выводил войска свои из Польши: этим он зажмет рот неприятелям своим». Шафиров не нуждался в советах визиря, чтоб умолять свое правительство о скорейшем исполнении турецких требований; он писал также, что надобно задарить хана крымского и бендерского пашу, вредных своею враждою к России, послать французскому королю жалобу на его министра в Константинополе, постоянно действующего в пользу Карла XII; писал, что Рагоци венгерский также враждебен России, и потому надобно его схватить и послать соболей ловить, объявивши цесарю, что это делается для него; писал, что бывшего господаря Кантемира надобно взять из Харькова куда-нибудь подальше, чтоб неприятели не знали, где он, и не внушали Порте ничего противного о царском величестве, а Кантемиру по его прежним поступкам в Константинополе верить нечего, потому что и на патриарха, и на брата своего, и на валахского господаря доносил много раз; Шафиров писал, чтоб не доверять ни господарю валахскому, ни патриарху иерусалимскому, потому что оба турецкие приятели, и патриарх уже был назначен *козацким* патриархом. «Изо всех греков, – доносил подканцлер, – ни мы, ни Петр Андреевич не сыскали приятеля, ни доброго человека, и бегут от нас, как от чумы».

Довериться было некому, а враги действовали постоянно и ловко. Шведский посланник писал великому визирю, что интересы Порты и Швеции одинаковы, потому что Москва им обоим злой враг; она с каждым днем усиливается; известно, что царь хочет быть императором греческим, беспрестанно увеличивает свое войско, беспрестанно обучает его воинской дисциплине; его намерение – одолев шведов, начать войну с Портою, причем крепко надеется, что как только приблизится к границе, то все христианские подданные султана перейдут на его сторону. Этот замысел его явен: курфюрст саксонский восстановлен им в Польше с условием, чтоб уступил ему провинции, находящиеся на границах оттоманских, т.е. Подолию, Украину, Волынь и половину Литвы. Москвичи уже взяли несколько порубежных мест в Польше – ясный знак, что договор приводится в исполнение, хотя дело и содержится в великой тайне. Для уничтожения замыслов обоих государей одно средство у Порты: король Август – похититель чужого престола, поляки его не любят, и у него нет собственных средств держать их в страхе, держится только союзом московским; теперь Август отправляет к Порте своего посла Рыбинского: Порте стоит только отказать этому послу, объявив, что не хочет иметь никаких сношений с Августом, ибо признает законным королем польским только Станислава; вследствие этого объявления поляки станут выгонять Августа, его место займет Станислав, друг Порты, и, таким образом, упадут все замыслы царя московского и Оттоманская империя останется в безопасности и покое.

Шафиров принимал свои меры; он послал сказать визирю, что шведский король если не получит от Порты требуемых денег, именно 1200 мешков, хочет занимать деньги у купцов английских и французских; и теперь шведский

посланник, занимая деньги, дает по 40 и по 50 процентов; если шведский король добудет денег, то употребит их на подкупы для произведения нужных ему перемен, и прежде всего для перемены визиря; и потому царские министры советуют верховному визирю призвать английского посла и сказать ему, чтобы запретил своим купцам давать деньги взаймы Карлу XII, особенно двоим купцам, братьям Кук, которые очень склонны к шведу; по 18 июня Карл XII набрал у французских и английских купцов около 800 мешков левков, кроме того что от Порты дано ему 500 мешков и ежедневно дается по мешку: можно угадать, куда он эти деньги девал. Визирь отвечал, что посоветуется с рейс-ефенди; а рейс-ефенди сказал, что дело опасное, если султан проведает.

Шафиров счел нужным подкупить бастанжи-пашу по его близости к султану: обязанный по должности своей находиться на корме судна во время султанских прогулок по воде, бастанжи-паша пользовался этим временем и подавал султану мимо визиря предложения шведского и французского послов; подкуплен был также шведский переводчик, сообщавший содержание переписки между султаном и Карлом XII и посольских конференций. Старые связи Толстого во дворце были также выгодны: кегай султановой матери дал ему знать, что шведский король прислал к ней в подарок часы и серьги в 5000 левков с просьбою, чтоб она уговорила сына дать ему, королю, сильный конвой для провожания в Швецию и 1200 мешков левков; кегай спрашивал у Толстого совета, принимать ли королевский подарок или нет. Толстой и Шафиров, посоветовавшись вместе, послали сказать кегае, чтоб султанша не принимала подарка и отказала шведу во всех просьбах, за что получит с царской стороны подарок ценнее и кегай также забыт не будет; к султанше отправлено было перо алмазное на шапку да кушак с алмазами и яхонтами в 6200 левков, а кегае – 375 червонных с просьбою, чтоб султанша уговорила сына не давать корму шведскому королю: русские подарки были приняты, шведские отосланы назад; при этом султанша велела сказать Толстому и Шафирову, что она говорила с сыном и тот обещал этим же летом выслать Карла XII. Шведский переводчик дал знать, что Карлу XII действительно отказано в деньгах, велено выезжать без отговорок и объявлено, что в провожатые ему больше 8000 войска не дадут, потому что султан хочет отправить его через Польшу дружески. Муфтий объявил посланному Шафирова, что так как Азов возвращен, то вести войну не для чего и противно их закону, что теперь надобно думать о войне не с русскими, а с венецианами, несправедливо владеющими Морею, на эту войну он, муфтий, сам готов идти на старости лет, только бы изжить собаку короля шведского, который еще и теперь пытается огонь возжечь, как то сделал в грамоте, присланной к султану; эту грамоту сам султан давал ему, муфтию, читать; оскорбил визиря, не давши ему знать о грамоте, и за это надобно ему отомстить, потому что визирь такой у них добрый человек, какого никто не запомнит. Сам визирь сказал секретарю, присланному от Шафирова: «Король шведский сам дурак, и посланник его такой же дурак; хотя король мною и пренебрег и грамоты своей ко мне не прислал; однако я знаю, что в ней писано; скажи подканцлеру, что с мула седло уже спало, и если этот сумасбродный король будет еще упрямыться и ехать из государства нашего не захочет, то мы зашлем его в такую даль, где он может и исчезнуть». То же самое подтвердил визирь и самому Шафирову: «Не бойтесь, чтоб шведский король мог теперь здесь что-нибудь

сделать, хотя он и хлопочет и всюду суется, уподобляясь человеку, посаженному на кол: с тоски то за то, то за другое хватается».

Все дело зависело теперь от Польши, которая должна была дать свое согласие на проезд шведского короля чрез ее владения, должна была постановить условия, на каких могла согласиться на это. Но Польша медлила, и дело затягивалось. В конце июля Шафиров писал царю: «Высылка короля шведского, к которой у турков столь преизрядная склонность есть, за бездельною гордостью и медлением господ поляков остановилась, и бог весть, не испортится ли это дело и вовсе, когда оный король время получит здесь чрез зиму паки факции свои делать; я в том трудился, сколько моего малого смыслу и сил стало, истинно ни денно, ни ночью себе покоя не давая, и приведено было то к доброму окончанию, но что чинить, когда те, от кого тот пропуск зависит, ничего делать не хотят и все портят; прошу покорно повелеть королевскому величеству предлагать и домогаться немедленной присылки полной мочи и указу для его посланника, ибо ежели то замедлится в зиму, то конечно им войны чаять на себя от турок. Второе принужден вашему величеству по должности своей донести, коль противна туркам ведомость о бытии войск вашего величества в Польше и как визирь от того трепещет и опасается себе конечного низвержения или гибели, ежели о том султан вправду уведомится. А ежели, чего боже сохрани, ему перемена учинится, то все наши дела пойдут паки худо, ибо можно сказать, что не как бусурман, но лучше многих христиан снами поступает и в ваших интересах служит, хотя и боязнь великую от салтана имеет, сам советы нам подает и все, что с ним государь его говорит, то объявляет; и не могу тако я оставить по должности своей рабской вашему величеству не донести, что ежели потребно с сим краем содержать мир, то конечно надлежит вывести войско из всех мест польских».

Хан доносил, что русские войска остаются в Польше; визирю и другим приверженцам мира не оставалось ничего больше делать, как предложить султану отправить в Польшу верного человека для поверки ханских донесений. Этот верный человек был солохор, или подконюший; Шафиров обещал ему шубу добрую соболью и до двух тысяч червонных, если он будет доброхотствовать царской стороне; не надеясь, впрочем, ни на шубу, ни на червонцы, Шафиров отправил вслед за солохором капитана Жидовинова и переводчика Антонаки, которые должны были хлопотать в Польше, чтоб солохор был задержан как можно долее на границе, и давать знать русским войскам, чтоб убирались как можно скорее из Польши; сам визирь секретно прислал сказать Шафирову, не может ли он уговорить польского посланника, чтоб поляки на время прикрыли, если еще русские войска не успели выйти из Польши.

Прикрыть было трудно: хан не переставал доносить, что русских войск в Польше было много; шведы, зная, как сильна русская, или мирная партия и что обычным путем, через визиря, нельзя ничего донести султану, подали ему донесение в пятницу, когда он шел в мечеть. Султан вследствие этого велел крепко держать русских послов и прекратить сношения Шафирова с Толстым. Визирь объявил Шафирову султанским именем, что если царь не выведет войск своих из Польши, то мир не состоится; визирь говорил с сердцем: «Вам бы, послам, можно было донесением своим однажды сделать, чтоб войск русских в Польше не было, и тот бы проклятый король шведский не мог ничем отговориться, должен был бы выехать». Шафиров уверял, что русских войск нет в Польше. «Но что из этого, что

их там нет, – говорил он, – король шведский все же отсюда не поедет, если силою не будет выслан, ибо он видит, что его Порты поит и кормит и всем довольствует, а, приехав ему в свою землю без силы и денег, никакой пользы не сыскать; сила его ясно оказывается из того, что во всю его бытность в Турции ни одного пенязя из его королевства к нему не прислано; много хватал он войсками своими, а теперь эти войска и своей земли оборонить не могут: так, видя свое худое состояние и не имея надежды помочь себе собственными средствами, ищет он, как бы ввести Порту опять в войну, и не поедет отсюда до тех пор, пока не получит от Порты под свою команду 100000 турок да тысяч 5 или 30 татар, чтоб войти с ними в Польшу и действовать там по своей воле». Визирь повторял свое: «Если б тот проклятый дьявол не мутил, то бы никаких трудностей не было; но правда ли, что русские войска не будут зимовать в Польше?»

«Правда!» – говорил Шафиров. «Неправда!» – говорил французский посланник в своем мемориале. – Царь стоит посередине Польши с большим войском. Султан сердился, грозил войною, визирь был в отчаянии. Ему объясняли, что русские войска вышли из Польши в Померанию, а из Померании назад им другой дороги нет, как опять через Польшу. «Вы нас обманули! – приказывал визирь говорить Шафирову. – Зачем вы при заключении мира не сказали, что вашим войскам ни в Померанию, ни из Померании нет другой дороги, как через Польшу? Вы нас обманули, и султан на меня гневается!» 24 сентября визирь позвал Шафирова в конференцию и объявил: «Если вашему государю нужен мир, то определите теперь путь, каким ваши войска могли бы пройти из Померании домой, только не через Польшу, а если пойдут войска, из Померании чрез Польшу, то знайте, что мир разорвется». «Неприятели царского величества, – отвечал Шафиров, – внушают вам, что русские войска в Польше и проходят чрез нее. Русские войска находятся в Померании, и когда нужно им будет возвращаться назад, то могут сыскать путей довольно; но мы здесь, не зная воли государя своего, определять ничего не можем. Если б было нужно идти им и через Польшу, то этой дороги только на несколько миль; мы вам объявим, когда они пойдут через Польшу, и вам от этого прохода войска опасаться ничего не следует, потому что от их дороги до ваших границ 200 миль. О Померании вам говорить не следует, потому что о ней в договоре не упоминается». Визирь настаивал на своем: «Нам дела нет, что царские войска теперь в Померании; царское величество как изволит, хочет – Померанию берет, хочет – не берет – нам нужно только, чтоб русские войска шли из Померании не через Польшу. Не думайте, что мы придираемся, желаем нарушения мира; мы говорим только для того, чтоб совершенно окончить пункт о Польше, который всего нужнее Порте. Если царское величество изволит и впредь чужие земли и города воевать и забирать, то пусть для прохода войск своих сыщет другой путь, только не через Польшу». Шафиров принужден был при посредстве английского и голландского послов составить следующую статью: царские войска будут возвращаться из Померании в Россию морем, если же понадобится им возвратиться зимою сухим путем, то должны идти не чрез средину Польши, но близ берега Балтийского моря владением польским и могут пройти этим путем только один раз. Но за эту статью Шафиров получил выговор от царя. «Претензия турецкая, – писал ему Петр, – чтоб, не захватывая Польши, наши войска шли из Померании в Россию, не иное что, только чтоб, из вас вымуча письмо, иметь причину разорвать мир; ибо зело удивительно, что сами говорят,

что иного пути нет, а идти заказывают. А что вы говорили морем, и того за неприятельским флотом учинить нельзя, а что чрез Датскую землю, то разве вы разума отбыли? Будь воля божия, лише б наша была правда: не утешись, кто хочет зла, ничем, а наипаче чем невозможно, ибо землю переделать нельзя, ниже море осушить, а хотя б и криле имели, то б чрез оную же землю лететь, а для отдохновения на оной же б садиться. Что же о выводе войска, истинно никакого нет».

О статье, впрочем, скоро забыли; 25 октября возвратился солохор из Польши и объявил, что в ней русских войск еще много. Тогда, несмотря ни на какие оправдания и отговорки, послов заперли и потребовали от них обязательства, что русские войска выйдут в два или три месяца из Померании, хотя через Польшу, потому что, пока русские войска будут в Померании, царь не может отнять руки от Польши и турки не могут быть безопасны. «Так как мы на это никак согласиться не можем, то не знаем, что из этого произойдет?» – доносил подканцлер царю. Произошло то, что Шафирова, Толстого и Шереметева заключили в Семибашенный замок, позволив взять с собою только по три человека. Ноября они писали государю: «Посадили нас в тюрьму едикульскую, в которой одна башня да две избы, всего саженьях на шести, и тут мы заперты со всеми людьми нашими, всего в 205 человеках, и держат нас в такой крепости, что от вони и духу в несколько дней принуждены будем помереть». 29 ноября султан выехал в Адрианополь, разославши объявление о войне и указы о сборе войска. «Но война, – писал Шафиров Головкину, – противна всему турецкому народу и начата одною султанскою волею; султан с самого начала не был доволен миром на Пруте и взыскивал с великим гневом на визире и на других, зачем не воспользовались тогда как должно счастливыми обстоятельствами; султан непременно хотел начать войну в прошлом году, но визирь с муфтием, янычарским агою и главными офицерами почти силою принудили его к миру законною причиною; потому всяким образом искал он случая, как бы разорвать этот мир, и поспешил воспользоваться известиями, привезенными солохором. Хотя и разглашено в народе, что война начата по справедливости, однако многие в том сомневаются, и если она будет неудачна, то ожидаем народного восстания против султана».

Но когда-то будет еще восстание, а теперь война объявлена, и царь должен снова вести борьбу на севере и юге. Канцлер Головкин подал мнение: «Так как царское величество имеет теперь против себя двух неприятелей и большая часть войск наших в Померании, то надобно против турок вести войну оборонительную и фельдмаршалу Шереметеву стоять при Киеве с войсками регулярными. Когда неприятель будет приходить к Днепру, то надобно затруднять его поход войсками нерегулярными, истреблять запасы, выжигать траву и если неприятель приблизится к Киеву, то гетману с козаками стоять на сей стороне Днепра и не допускать его до переправы; губернатору казанскому (Петру Апраксину) с корпусом своим и с калмыками стоять у Полтавы, а царедворцам у Белгорода или у Севска и смотреть, чтоб не впустить татар в Украину. Если турки, пришедши к рубежам польским, пошлют с королем шведским и его приверженцами часть войск для привлечения поляков к своей стороне, а король Август и гетманы потребуют от фельдмаршала помощи, то послать часть войск нерегулярных, отобрав лучших, а если нужда потребует, послать к Белой Церкви или Полонному отряд регулярного войска из конницы для устрашения неприятеля, только

смотреть, чтоб последний не отрезал этот отряд от Киева. Киевскую старую крепость надобно держать и без крайней нужды не покидать; Белую Церковь и Полонное, кажется, можно держать до тех пор, пока неприятель не подойдет к Днестру; когда же он подойдет к этой реке, надобно из Полонного и из Белой Церкви гарнизоны вывести и последнюю разорить. Киевскую губернию для наступающей войны надобно по возможности от податей обольготить. Малороссиян как в Киев, так и в прочие гарнизоны, кажется, можно ввести, хотя и до половины против солдат, ибо они и прежде, и недавно в Полтаве в гарнизонах были и держались хорошо, и не неприятно будет это другим малороссиянам. При гетмане Скоропадском для советов и всяких осторожностей надобно быть кому-нибудь из знатных людей. Если падет подозрение на кого-нибудь из знатных малороссиян, то брать их к себе и удерживать политично; если же кто явно изменит, с таким поступать, как с изменником, для устрашения других. Волохам, сербам надобно давать жалованье, дабы, смотря на то, и другие из этих наций в службу приходили охоту имели».

В России хотели вести войну оборонительную, а султан отправился в Адрианополь для наступательной войны, и отправился с большими надеждами: французы и шведы указывали ему важные выгоды, которые он получит от восстановления Станислава Лещинского на польском престоле, ибо тогда Польша будет постоянно союзницею Турции; король шведский, придя в прежнее свое состояние, вступит в австрийские владения, и Порта в союзе с ним возвратит города, потерянные ею в Венгрии по последнему миру. Французский посол отправил с Понятовским следующий мемориал для вручения султану: если царь московский опять станет просить мира, то надобно предписать ему следующие условия: 1) города около Азова, по берегу реки Дона на 50 часов езды, должны быть разорены; 2) Украина должна быть отдана или Турции, или хану крымскому; 3) король Август должен отказаться от Польши; 4) надобно принудить царя к миру с королем шведским, причем царь должен возвратить все свои завоевания. Он непременно будет просить мира, ибо не в состоянии бороться в одно время с султаном, ханом крымским и королем шведским, тем более что в Померании войска его и союзников его побеждены.

Новый, 1713 год русские послы встретили в Семибашенном замке, с ужасом помышляя, что-то будет летом, когда и зимою с трудом можно было дышать в тесном заключении. Но вот начали проникать к ним в тюрьму приятные слухи, что у султана нелады с королем шведским; узники сначала боялись верить, но слухи начали все более и более подтверждаться, и наконец 8 марта Шафиров отправил к царю радостное донесение: «Можно признать милость божию явную к вашему величеству, что, видя вашу правость, посрамил неприятелей ваших и обратил чудесно мечи их, изошренные на вас, в междоусобную между ними брань. Вашему величеству известно, с какою горячностью султан стремился к начатию этой войны, несмотря ни на чьи советы, и сначала превеликую ласковость шведскому посланнику и Понятовскому и чрез французского посла к королю шведскому показал, 600000 левков к нему послал, лошадей и других даров много, советовался с ним тайно и явно о действиях воинских. Но потом вдруг, неизвестно с какой причины, отменил свое намерение». Причина была ясна: султану внушали, что как скоро он объявит войну, то царь сейчас же пришлет к нему с просьбою о мире и примет все предписанные ему условия; но царь не

прислал, значит, он силен, значит, француз и швед обманули; надобно будет весною идти в Польшу или Россию, а чо, если неудача? Война начата против народного желания, вспыхнет восстание, и можно будет поплатиться престолом и жизнью. По приказанию султана хан отправился в Бендеры уговаривать Карла XII ехать с ним и с его татарами немедленно через Польшу; король, разумеется, стал отговариваться, научил и татар бить челом султану, что им нельзя ехать: бояться войск царских и саксонских. Султан послал жестокие указы к королю и хану, чтоб шли непременно; те не трогались; султан послал в другой раз, чтоб шли без отговорок, в противном случае пусть король приезжает к нему в Адрианополь. Хан испугался и вместе с бендерским пашою стал принуждать короля к походу, «по варварскому обычаю, – как писал Шафиров, – сурово, а король, по своей солдатской голове удалой, стал им в том отказывать гордо, причем присланный султаном конюший грозил ему отсечением головы; король на это вынул шпагу и сказал, что султанского указа не слушает и готов с ними биться, если станут делать ему насилие. Тогда турки отняли у него корм, пожгли припасы и амбары и окружили его войском. Карл окопался около своего двора, убрался, по воинскому обычаю, приготовился к бою, велел побить лишних лошадей, между которыми были и присланные от султана, и приказал их посолить для употребления в пищу. Султан, узнавши об этом, послал указ взять Карла силою и привезти в Адрианополь; если же станет противиться, то чинить над ним воинский промысл». Так началась эта «разумная с Обеих сторон война», по выражению Шафирова.

Когда турки и татары приблизились к шведскому окопу, то Карл начал бить по ним из двух пушек и мелкого ружья и побил немало. Турки привезли пушки из Бендер; когда окоп был разбит, то Карл, «храбрый и первый в свете солдат», по выражению Шафирова, засел в хоромах своих и отстреливался из окон; турки зажгли хоромы; «мудрая голова» стал перебираться в другие хоромы, но на дороге был обойден янычарами и взят в плен, потерявши четыре пальца, часть уха и кончик носа; Карла с киевским воеводою Потоцким посадили в Бендерах в тюрьму, окружавших его шведов и поляков, мужчин и женщин, частью побили, частью разобрали турки и татары по себе и распродали. «Турки, – доносил Шафиров, – не ради и стыдятся, что объявили против вашего величества войну, и в разговорах дивятся, для чего ваше величество никого к ним не пришлет для обновления мирных договоров».

Шафиров и Толстой воспользовались этим оборотом дел и отправили в Адрианополь находившегося у них на жалованье переводчика при голландском посольстве Тейльса внушить султанским ближним людям, чтоб они возобновили переговоры с ними, Шафировым и Толстым, ибо царь не пришлет другого посла, опасаясь и ему такого же злого трактамент. Посланный успешно исполнил свое поручение, и 21 марта Шафирову и Шереметеву велено было приезжать в Адрианополь. Как здесь шли дела, всего лучше видно из донесения Шафирова царю от 17 апреля: «Мне стыдно уже доносить вашему величеству о здешних происшествиях, потому что у этого непостоянного и превратного правительства ежечасные перемены. Визирь Юсуф-паша, преданный России, был сменен Солиман-пашою, врагом ея; Солиман-паша был сменен Ибрагим-пашою, который прежде был капитан-пашою. Ибрагим начал было склонно поступать к интересам вашего величества: нас, освободя из едикула, взяли сюда для трактования о

возобновлении мира, а господина Толстого с остальными людьми велено освободить и сюда отпустить; визирь обнадеживал нас, что непременно мир будет возобновлен. А потому не знаю, по какой причине, верно по наговору, обещаниям или дачам французов, которые денно и ночно трудятся, чтоб возобновить войну, превратный визирь 13 апреля собрал великий совет и объявил, что надобно ему идти в поход к границам вашего величества и взять с собою нас и польских послов». Но вслед за этим Ибрагима сменили, и рейс-ефенди велел сказать Шафирову: «Радуйтесь перемене визирской, она вам выгодна, султан переменял Ибрагима, увидав, что он дурак, не может делами порядочно управлять и превратен, был мужик простой, из морских солдат; дня два посидите тихо, а потом вас позовут». Но Шафиров не мог сидеть тихо и написал два мемориала для султана и муфтия, «потому что, – писал Шафиров, – французский посол и Понятовский мечутся, как бешеные собаки, и я принужден ныне последние силы и умишко в том употребить; за грех ныне я весьма один и не имею помощника в советах и для того ожидаю с желанием господина Толстого».

Когда начались переговоры, то турки выставили два новые пункта, на которые Шафиров никак не мог согласиться. Первый пункт состоял в том, чтобы возобновлена была ежегодная дача крымскому хану; второй – в том, чтоб граница проведена была между реками Самарою и Орелью и по этой границе с турецкой стороны поселены были запорожцы, изменившие России. Для отстранения первого пункта Шафиров обратился к хану, дарил его, обещал дать в Адрианополе тайно 30000 левков, обнадеживал, что и царь будет обсыпать его подарками; но хан был непреклонен, прислал подарки назад с ругательством, грозил, что если послы не согласятся на эти два пункта, то будут посажены в ямы и сгниют. Рейс-ефенди также прислал сказать Шафирову, что если два пункта не будут приняты, то непременно откроется война. «И понеже, – доносил Шафиров царю 16 мая, – нам делать более нечего и на сии два пункта позволить невозможно, полагаемся на волю божию и готовы страдать за интерес ваш; только радуемся, *что* хотя с бесчестием нашим, а сия кампания бесплодна у них пройдет, ибо время упоздало, только надлежит в доброй готовности и вооружении быть от нападения татарского».

На новых конференциях послы согласились, чтоб граница была проведена между Самарою и Орелью на половине, но никак не согласились на поселение здесь козаков, изменивших России, не согласились и на ежегодную дачу хану, хотя турецкие комиссары объявляли, что мир, заключенный без этого условия, не может быть крепок. Турки грозили впадением стотысячного татарского войска в пределы России; Шафиров отвечал: «Царское величество от татар никогда опасения не имел и не имеет и трактует с Портою, а не с татарами, ибо их мужество русскому народу знакомо. Удалось им теперь за миром войти в Россию и побрать в плен подданных царских, к чему они заобычны всегда, а во время войны биться не умеют и не охочи». Насчет киевской границы послы согласились, чтоб она была по договору, заключенному с султаном Магометом, т.е. ниже местечка Стаек, а от этого местечка до самой Сечи городов строиться не будет. Согласились и на то, чтоб царь не въезжал в Польшу, хотя бы и без войска; а войска русские должны оставить Польшу в продолжение двух месяцев. Шафиров согласился на эти условия без указа царского и для оправдания своего изложил «*Рацши*», для которых он с Толстым рассудили отважиться на заключение

мира»; в «Рациях» говорилось: «Хотя эти варвары (турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмерно многоденежны и ныне имеют благовременство, ибо имеют таких учителей, которые все интересы и силу не только Российского государства, но и всей Европы знают и им непрестанно внушают, и именно французского посла с его секретарями и переводчиками, Лещинского с гетманами его в Бендерах, и здесь от них Понятовского и Кришпина: головы преострые! Король шведский хотя не умен, но при нем есть несколько министров и генералов умных; Орлик и прочие изменники – черкасы и запорожские и донские казаки сведущи о всем внутреннем состоянии государства его величества, а им всем промотор и ходатай хан нынешний крымский, человек преострый и за неполучение своего запроса о даче погодной весьма на нас непримирительно озлобившийся, так что ничем его склонить не могли. Маврокордато сказал нам: „Не думайте, что войска турецкие пойдут прямо на Киев, ибо и сами они то ведают, что им то опасно и трудно; у них есть способ лучший войну продолжать через короля шведского и Лещинского, дав им денег довольно, и с знатным корпусом войска ввести их в Польшу и принудить оную отступить от Августа, принять Лещинского и соединить оружие против царского величества, ведая, что Франция и иные области христианские королю шведскому против царского величества помогут; притом Порты, имея у себя головы умные и знатные из царских подданных, надеется и козаков на свою сторону склонить“.

Шафиров беспокоился тем более, что считал канцлера Головкина своим врагом. «Я имею сильных неприятелей, – писал он, – меж которыми ясно себя мне показал главный мой товарищ, господин канцлер: во все мое двухлетнее здесь пребывание ни одного указа и обстоятельного ответа мне не прислал, а только отвечал о приеме моих писем». В своем беспокойстве подканцлер обратился к царице Екатерине Алексеевне: «Мы новый договор о мире на мере поставили; однако же в том обретаюсь в великой печали, что сие принужден учинить, не получа нового указа, понеже тому с 8 месяцев, как ни единой строки от двора вашего ни от кого писем не имели. Того ради прошу о всемилостивейшем предстательстве ко государю, дабы того за гнев не изволил принять, что я не смел сего случая пропустить и сей мир заключил, дабы изволил повелеть на сей трактат немедленно прислать ко мне подтвержденную грамоту, чтоб от медления присылки тех грамот, как и в прошлом году учинено, неприятели ваши не нашли паки случая сей мир разорвать и мне бы, сирому вашему рабу, от сих варваров не пострадать смертью, как и ныне тем многократно угрожали и всеконечно убить хотели, называя нас обманщиками, и пять месяцев в такой тюрьме нас морили, в которой, ежели б не явное чудо божие нас спасло, невозможно бы было живым быть, и понеже я, сирый, никакой иной помощи и заступления, кроме вашей государской милости, которою я взыскан, не имею, но наипаче чаю заочно и многих неприятелей безвинно имею: того ради припадаю к стопам ног вашего величества, со слезами прося меня, своего раба, по всемилостивейшему обещанию своему, данному мне при отпуске моем, всей погибели не оставить».

14 июня новый великий визирь Али-паша созвал к себе сановников и офицеров и спросил, начинать ли войну из-за двух пунктов, которых не принимают русские послы. Муфтий, которому Шафиров посулил 10000 левков и мех соболий, отвечал, что война будет незаконна, ибо царь выполнил условия договора; остальные согласились с мнением муфтия, и это решение отправлено

было к султану, который отвечал, что и он согласен на мир; а 15 августа послы были обрадованы письмом Головкина от 15 июля из Петербурга, что царское величество доволен заключенным договором.

Покончили с турками; не щадя ни червонных, ни мехов собольих, отклонили опасную войну, могшую помешать счастливому ведению войны Северной; надобно было вознаградить и союзников, поставленных в очень неприятное положение Прутским миром. В октябре 1711 года царь получил грамоту из Черногории от воевод, князей и прочих всех, живущих в пределах Зетских и Черногорских. Воеводы и князья писали, что они царские грамоты радостно получили и по желанию государя радостно служить начали. Война началась 15 июня, и первая битва произошла близ Гадска, в Захелмии, а другая – там же, близ города Ниша, палили деревни и села, а города взять не могли за неимением оружия; еще имели битву с турками близ поморья Диоклетианова и турок прогнали. Черногорцы просили, чтоб царское величество наградил их за это и не дал в посмех, чтоб христиан привести в соединение, не прельщались бы они на супостатские деньги по своей скудости.

Известие о заключении мира при Пруте прекратило войну. Черногорцы заключили перемирие с турками; Петр велел выдать Милорадовичу 500 червонных для раздачи его сподвижникам; но сношения с Черногорию этим не прекратились. В ноябре 1713 года митрополит Даниил писал царю, прося решительного ответа, что делать черногорцам. «Мы с неприятелями до сих пор еще верного мира не имеем, – писал митрополит, – также и венециане озлобляют нас тайным лукавством, сносятся с турками к нашему вреду, не пропускают купцов ни своих к нам, ни наших к себе; торговля остановилась, и народ живет в тесноте и скудости. Премилостивейший государь, царь непобедимый! Призри на озлобление наше, наставь нас, что нам делать! И как от врагов наших спасение получить?»

Посланник владыки архидиакон Максим ждал ответа до конца 1714 года, когда ему на его статьи было объявлено: бояре и воеводы тамошних мест, которые не могут оставаться в отечестве своем или хотят переселиться в государство его царского величества, могут приезжать в Россию с свидетельством от митрополита: им будут даны земли, годные для поселения, а денежной дачи за нынешним военным временем дать им невозможно. Монахи разоренных турками монастырей, не имеющие места и пропитания, также могут переселяться в Россию и жить в здешних монастырях. Знаков милости царской, как-то портретов и т.п., давать теперь, за мирным с турками постановлением, невозможно, разве когда турки вступят действительно в войну с венецианами и в такое состояние придут, что опасности от них не будет. Митрополиту архиерейские одежды, книги и прочее церковное украшение дано будет, а грамот к митрополиту и к народу теперь послать нельзя, ибо неизвестно, где они теперь обретаются: есть известия, что они турками разогнаны и укрываются по разным местам.

В 1715 году приехал в Россию сам владыка Даниил и получил за разорение от турок десять тысяч рублей, полное архиерейское облачение, книги. Кроме того, министры тайного коллегия (Головкин, Шафиров, Петр Толстой) приговорили сверх посылаемых в Черногорию церковных сосудов, одежд и десяти тысяч рублей послать за их службы 160 портретов для начальных людей, всего на 1000 золотых червонных. Наконец, государь, ведая подлинно, что Черногория разорена

турками за то, что жители ее единовѣрны с русскими, и за то, что во время последней войны они сражались за благочестивую веру, соизволил из монастыря Цетинскоо Черногорского Рождества Богородицы присылать в Россию через два года в третий за милостынею по два и по три монаха да по два и по три бельца, которые будут получать в каждый приезд по 500 рублей. В царской грамоте, данной при этом, сказано: «За нынешнею долгопротяжною с еретиком королем шведским войною, на которую многие иждивения употреблять мы принуждены, дабы оную как наискорее окончить, не можем мы по достоинству и по заслугам вашим вам награждение учинить; а впредь, когда мы мир благополучный получим и от претяжких воинских иждивений освободимся, не оставим за ту вашу верную службу вяще наградити».

Милорадович вступил в русскую службу и сделан был гадяцким полковником. Кроме него вступили в русскую службу другие молдавские, волошские и сербские офицеры, турецкие и цесарские подданные. Их разместили: полковников Кегича и Танского – в Киевской губернии, с их офицерами и рядовыми; а валахского полковника Гиню, четырех ротмистров, поручика девять офицеров, двух капитанов сербских и 148 рядовых сербов – в Азовской губернии. Для житья им и *контентования* отведены в слободских полках: полковникам – по местечку или по знатному селу, а прочим офицерам – по несколько дворов; на хозяйственное обзаведение даны деньги и хлеб, причем им объявлена царская воля: для лучшего им, офицерам, удовольствования и пожитка даны будут земли, на которых могут они поселить людей из своих народов, и потому пусть таких людей к себе призывают, пишат и посылают за ними в свои края нарочно; над этими людьми будут они иметь в военное время команду, а в мирное время от них пожиток.

В приведенных сношениях Шафирова с турецким правительством впервые выразилась ясно тесная связь турецкого, или восточного, вопроса с вопросом польским в русской истории. Француз и швед постарались открыть глаза туркам, и те начали повторять, что для них важнее всего, чтоб царь не вмешивался в польские дела и не вводил войск своих в Польшу. По этой тесной связи двух вопросов мы должны обратиться к Польше и посмотреть, как определились отношения ея к России в описываемое время.

Спеша загладить позор прутский успехами в Северной войне и зная, что эти успехи во многом зависели от союза с Польшею, в возможности проводить войска через ее владения, Петр 17 июля, извещая своего посланника в Польше князя Григория Долгорукого о Прутском мире, писал: «Можешь короля верно обнадежить, что этот мир служит к великой пользе нашим союзникам, потому что теперь мы праздны со всею армиею, и пошлем как можно скорее добрую часть войска к Померании, и сами пойдём в Пруссию к Эльбингу, чтоб там ближе иметь сношения об этом деле» Мы видели из писем царя к Шафирову, что заставляло его медлить выводом русских войск с юга польских владений; то же писал он и Долгорукому в начале сентября: «Я виделся у Ржевуского со всеми гетманами и прочими принципалами, которые единогласно просили, чтоб не выводить войска нашего; они очень боятся, чтоб мы не оставили их вовсе; я их накрепко обнадежил, что не оставим. Бог весть их внутреннее, а ныне не в пример кажутся ласковы». В случае крайности Петр решался вывести все войска из Польши; но он никак не хотел понимать известного пункта Прутского договора так, что он не

имеет права проводить свои войска через польские владения, и, двигая их в Померанию, дал в октябре такой наказ сыну своему царевичу Алексею: «Что делать в небытии моем сыну моему в Польше? 1) Сбирать магазейны и устраивать по рекам обеим Вартам, которые тянут в Померанию, а именно на 30000 человек на 6 месяцев по 2 фунта хлеба, по полфунта мяса или по четверти фунта масла, круп четверть четверика на месяц, соли фунт на неделю. И для сего надлежит устроить комиссаров, как своих, так и польских, и сначала универсалы послать с сроком, а потом посылать на экзекуцию офицеров и солдат. 2) Под оные магазейны надобно приготовить плотов и судов, чтоб при первом вскрытии воды возможно оное сплавить к Штетину сей магазейн, кроме того числа, которой ныне в осень отпустить за корпусом Боуровым. 3) Для сего магазейну употреблять драгун, которые оставлены будут от корпуса Боурова, а над их офицерами всегда посылать офицеров от гвардии и наперед перед посылкою всем офицерам сказать: ежели кто чрез указ возьмет что у поляков, то казнен будет смертию, и чтоб все тот указ подписали, дабы никто неведением не отговаривался; а кто сие преступит и от кригсрехта обвинен будет, то без всякого пардона экзекуцию чинить и самому накрепко при тех кригсрехтах смотреть, дабы фальши не было. Сию экзекуцию совершать, не описываясь до полковника, а буде полковник или выше кто то учинит, таких по осуждению кригсрехта держать за караулом и писать к нам».

Но немцы, поступавшие в русскую службу с единственною целию обогащения, продолжали думать, что строгие указы царские относятся только к русским. Вот что писал князь Василий Владимирович Долгорукий о поведении одного из этих западноевропейских козаков: «Определен был к моей дивизии генерал-квартирмейстер фон Шиц в то время, когда обе дивизии шли от прутской границы к Торну; тогда еще начал помянутый генерал-квартирмейстер показывать себя, брал с поляков червонные; я ему говорил, чтоб он от взяток унялся; но он не унялся, начал брать деньгами и подводами под свой багаж и за фураж хотел брать деньгами. Приезжал ко мне комиссар с великою жалобою, также и шляхтич, у которого Шиц взял 10 лошадей до Данцига, послал человека своего на двух лошадях, а остальных взял с собою и не хотел отдать, просил 10 червонных. Потом стал он меня просить, чтоб ему собирать провиант, а без того дела своего не хотел делать, и чтоб польский комиссар без его воли ничего не делал; а комиссар мне сказал: если мне быть в его воле, то я пойду к королю, потому что я королем и Речью Посполитою назначен для прокормления русского войска; а в пунктах от фельдмаршала нам написано: по вступлении в Польшу требовать провианта от комиссаров польских, и если комиссары будут давать провиант, то на экзекуции для сбора провианта отнюдь не посылать. И я Шицу в сборе провианта отказал, потому что это не его дело: управлял бы он своею частию, занимал квартиры на дивизию и расписывал по полкам, смотрел бы того, чтоб в квартирах была людям выгода, чтоб все были под кровлею, чтоб марши были невелики. На это Шиц мне отвечал: если не будет он собирать провианта, то не будет и своего дела исправлять, и поехал в Пруссию. А я, видя в нем такого на корысть слабого человека, дать ему волю боялся гнева вашего величества, особенно по нынешнему в Польше непостоянству, и от фельдмаршала нам в пунктах жестоко подтверждено, что все на нас взыщется и за всю дивизию буду я отвечать. Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: генералу

Боуру говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошел, чтоб, идучи через Польшу, сумму денег себе достать».

В конце 1711 года посол Долгорукий дал знать, что поехал лечиться в Карлсбад. Будучи в Дрездене, 29 февраля 1712 года он получил царское письмо. «Сколь скоро допустит ваше здравие, – писал Петр, – то немедленно поезжайте на съезд в Варшаву и там, будучи при Королевском величестве и при чинах Речи Посполитой, пререгайте наш интерес, а особливо королю и кои надежней поляки объяви, ежели будет что происходить от турков о том пункте, которой в мирном договоре у нас с ними учинен, что нам до Польши не интересоваться, то объяви, что оной состоит в той силе, что нам из их владения ничего к себе не присвоить и не претендовать и в их дела, которые касаются управления их государства, не мешаться, а не в такой силе, чтоб войскам нашим не иметь проходу чрез Польшу в неприятельские границы, в Померанию; и ежели будут о том, тако ж и о тех, которые при обозах обретающихся войск в Померании оставлены, турки упоминаться, то б они писали от себя к туркам, что те войска по союзу их с нами, учиненному чрез воеводу хелминского господина Дзялинского, посылаются от нас ради действий в Померании против неприятеля, короля шведского, и что мы в их дела ничем не интересуемся, дабы в том у турков от нас всякие подозрения тем отнять, и чтоб они прежде назначенного воеводу Мазовецкого, конечно, послали от себя в послах к туркам и с ним о том к туркам писали ж. О сем наипаче королю говори, ибо его собственной в том интерес: ибо ежели они сего не учинят, а турки, толкуя сей пункт иначе, будут нам объявлять, что ежели не выведем войска, то войну объявят, тогда мы принуждены будем вывести, и так все опровержется. Тако же объяви королю, что мы обещанные войска в Померанию, конечно, пошлем, хотя б против всякого чаяния турки и мир разорвали, и я сам буду, ежели они чрез посольство туркам против вышеписаного объявят, ибо у Киева для всякой осторожности фельдмаршала Шереметева определили».

Поляки ничего не имели ни против пребывания русских войск в Польше, ни против прохода их в Померанию через польские владения, только не хотели кормить их. По приезде в Варшаву Долгорукий писал Головкину в начале апреля: «О сборе в познанский магазин провианту от королевского величества указу и от поляков позволения здесь, на сейме, домочися мне ни которыми меры невозможно, понеже того и слышать не хотят, которых я никогда так противных к нашей стороне не видал, как ныне, и не токмо до магазину провиант собирать, но и в проходе нашим войскам пропитания дать не хотят и с великим усилием и голосами просят у короля, чтоб конечно изволил выдать универсалы, дабы войску нашему ничего не давать. Приезжая ко мне купно, бискуп кувявской канцлер коронной Шембек и маршалок сеймовой гетман польной литовской граф Денгоф объявили, то конечно король удержать Речь Посполитую от посполитого рушения не может, токмо разве чрез те универсалы, которыми принужден был обещать, чтоб войскам нашим ничего не давать. Чего ради я довольно его королевскому величеству предлагал, дабы таких универсалов выдавать не изволил и тем нас в вящую ссору с поляки не приводил, и труждаюся, дабы оной сейм был разорван или лиментован до иного времени, понеже из оногo нашему интересу ни малого пожитку не будет, ибо факции многие неприятельские происходят, которой сейм, чаю, в скором времени окончится, и по окончании оногo в сенатус-консилиуме

буду по всякой возможности в интересе царского величества трудиться, а наипаче о магазинах для пропитания в Померании войск».

Сейм отложили до декабря, но, грозя посполитым рушеньем, вытребовали у короля универсалы, чтоб не давать русским войскам продовольствия. Долгорукий объявил многим сенаторам и послам публично, что русским войскам, служа и умирая за них, без провианта ветром прокормиться невозможно. Король и доброжелательные поляки сказали ему, что русскому войску без провианта пробыть нельзя, только собирать его надобно *доброю манерою*, без отягощения народного. Долгорукий написал царевичу Алексею Петровичу, чтоб приказал собирать провиант добрым порядком, не отягощая чрезмерно те воеводства, которые близки к Померании: иначе жители покинут несеянную землю и уйдут за рубеж; тогда с пустой земли нельзя будет ничего получить. Король по секрету советовал Долгорукому, чтоб русские удерживали в Торне суда с хлебом, плывущие по Висле, и брали с них провиант в магазин; но Долгорукий не послушался, потому что в таком случае озлобление дошло бы до высшей степени, так как суда принадлежали знатым панам и богатой шляхте.

Озлобление и без того было сильное. Князь Василий Владимирович Долгорукий с начала года несколько раз писал из Торна, что поляки провианта давать не хотят, из Краковского воеводства выслали русского офицера Соловова с великим бесчестием. Гетман Сенявский повсюду разослал указы, чтоб не давали русским провианта. В Радоме собралась рада: съехались все сенаторы и со всех воеводств и поветов послы и комиссары и положили: не давать провианта и русских офицеров, посланных за провиантом, выбить. Гетману и сенаторам стоило большого труда удержать шляхту, которая хотела непременно разорвать союз с Россией. 4 февраля приехали к Долгорукому в Торн послы от Речи Посполитой и говорили, чтоб русские офицеры были выведены из воеводств и чтоб войска, стоящие в Польше по квартирам, ничего не брали. «Если вы, – говорили послы, – будете собирать провиант, то мы непременно все животы свои за вольность свою отдадим: никогда не бывало, чтоб без воли Речи Посполитой рассылали универсалы и экзекуции для сбора провианта».

Вследствие этих столкновений усиливалась партия недовольных королем Августом. На помощь этой партии Карл XII выслал десятитысячное войско, состоящее из поляков, козаков и татар, под начальством старосты равского Грудинского (Яна из Грудни). Вступив в Польшу, Грудинский разослал универсалы против русских и короля Августа и направлялся к Познани с целью захватить стоявшие там русские обозы и сжечь магазин. Это сильно встревожило в Варшаве князя Григория Долгорукого, потому что обозов и драгунских лошадей, было много у Познани, а людей мало; он немедленно отделил от войск князя Репнина и отправил к Познань и три тысячи пехоты и один полк драгунский; собрался и сам идти вслед за ними, потому что отовсюду приходили тревожные слухи: поляки целыми хоругвями приставали к Грудинскому; воеводства Краковское, Серацкое и Калишское без королевских универсалов сели на коней для посполитого рушенья; Любельское воеводство выбрало себе маршалком Тарло, неприязненного королю Августу; волнения коснулись и Литвы, где староста бобруйский пристал к недовольным. Долгорукий писал Головкину: «Если король не приедет теперь в Польшу и войска наши выйдут в Померанию, то надобно опасаться, что Польша и Литва взбунтуются на последнюю свою гибель».

и разорение, чем могут не только в Померании диверсию учинить, но и опять на несколько лет войну продолжить, потому что я никогда не видал королевскую партию в таком бессилии, как на нынешнем сейме: противники королевские явно что хотели, то и делали».

Долгорукий не напрасно беспокоился за Познань: недалеко от этого города, при местечке Пыздрах, в июне месяце посланный Грудинским стражник Загвойский напал на Киевский полк и разбил его: обоз был разграблен, полковник Гордон и майор Розен взяты в плен. Князь Василий Владимирович Долгорукий, бывший в Познани с войском, доносил, что несчастье случилось по глупости полковника Гордона. Князь Василий спешил поправить эту глупость и 15 июня при местечке Вресне побил наголову соединенные войска коронного писаря Потоцкого и Грудинского, причем у поляков было 15000 войска, а у русских – 2700; Долгорукий преследовал неприятеля пять миль. «Многих побили и перестреляли, – писал Долгорукий, – а в полон я брать не велел под великим штрафом, велел рубить и стрелять, и рубили, как могли догнать, и они пришли в великий страх и побежали в лес кои куды беспамятно, и дале того гнать за ними стало не можно, понеже лошади наши притомились. Неприятель стал протиматься к Калишу, и я писал к рементарю Брюховскому, который отправлен от Синявского с войском и прибыл к Калишу, чтоб разбитого неприятеля как-нибудь престерег, и они попали ему в руки: польские хоронгви сдались, а казаков запорожских и волоские хоронгви вырубил. 14 сей огонь, божию милостию и счастием премилостивейшего нашего монарха, пресекася».

В Польше огонь пресекася, но зажигался с другой стороны: грозила турецкая война, причем России нужно было обеспечить себя насчет Польши. На варшавский сейм, собранный в конце 1712 года, отправлен был камергер и полковник князь Юрий Юрьевич Трубецкой в характере министра вместе с секретарем государственных дел Васильем Степановым. Они должны были требовать, чтоб король и Речь Посполитая помогали царю в предстоящей войне турецкой и выставили бы на границах войска свои, коронные и литовские, которые должны действовать согласно с фельдмаршалом Шереметевым, стоящим с войском у Киева; также чтоб король отправил крепкие указы послу своему в Константинополе – стараться всеми силами об отвращении войны, представляя, что в Польше нет ни одного человека из русского войска. Если же турки не обратят внимания на эти представления, то объявить им, что король и Речь Посполитая с царем в вечном союзе и потому обязаны помогать ему. Если поляки станут упоминать о Лифляндии, требовать ее отдачи им по договору, то Трубецкой и Степанов должны были обнадежить их, что царское величество не изменит прежнего решения своего отдать Лифляндию Польше; если же поляки не удовольствуются этим обнадеживанием и станут требовать немедленно отдачи Ливонии, то объявить им, что царское величество согласен пустить в Ригу несколько польских войска, которые будут содержать гарнизон вместе с русскими, а доходы будут идти в казну царскую; по окончании же войны страна отдана будет Польше со всеми доходами. Если поляки станут говорить, чтоб быть в Ливонии римским костелам, то объявить, что царское величество взял Ригу на капитуляцию, причем обещано свободное отправление веры, и нарушить этого обещания теперь нельзя; когда же по заключении мира поляки примут Ливонию в свое владение, то могут поступать в ней как хотят.

В январе 1713 года Трубецкой и Степанов приехали в Варшаву и застали еще сейм. 17 числа король объявил им наедине, что, по верным известиям, турки войны не начнут и раскаиваются в том, что ее объявили. «Донесите об этом царскому величеству, – продолжал король, – и напишите, чтоб не вводил войск в Польшу, ибо этим подастся туркам причина к войне». Трубецкой отвечал, что не надобно полагаться ни на какие известия, а заранее сделать все приготовления к войне, и просил короля дать немедленное решение на все его предложения, чтоб обнадежить царское величество. «Отнюдь не упоминайте ни о чем на сейме, – сказал король, – чтоб нам его окончить безо всякого помешательства, а после сейма буду всячески стараться удовольствовать царское величество». Трубецкой и Степанов доносили, что они и сами видят на сейме много неприятельских факций и если объявить царское предложение на сейме, то получится непременно отказ, и потому они посполитому народу ничего не объявляют, а напоминают о том беспрестанно гетману, канцлеру и другим доброжелательным людям, которые после сейма обещают удовлетворить царским требованиям в сенате.

Сейм *разорвался*, т.е. разошелся, не постановивши ничего. 11 февраля Трубецкой и Степанов подали королю мемориал на основании своих инструкций и получили ответ, что так как они не имеют полномочия, то дело должно быть отложено до приезда новых царских комиссаров с полною мочью, а теперь король может обещать одно, что весною коронные войска получат указ стать у Каменца Подольского. После этого канцлер и епископ куявский объявили Трубецкому и Степанову, что если будут присланы комиссары с полною мочью, но не будут иметь указа об отдаче всей Лифляндии, а не одной только Риги, то польские комиссары не будут с ними вести переговоров.

Трубецкой и Степанов уехали из Варшавы, поручивши все дела резиденту Дашкову. 1713 год прошел в тревожных ожиданиях, что предпримут турки. В конце года русское правительство озабочено было слухами, что Август II хочет заключить с шведским королем отдельный мир при посредничестве короля французского; поэтому в начале 1714 года Головкин писал Дашкову: «Разведывай секретно, чрез кого можешь, о королевских поступках и намерениях, которые могут повредить Северному союзу, а что уведаешь или сам предусмотрешь, о том давай сюда знать обстоятельно». Советник польского посольства в Петербурге объявил словесно Петру, что его король хочет заключить союз с Франциею и посылает своего министра в Париж. Это заставило Петра написать Августу: «Не можем мы вашему величеству дружечно-братски не объявить, что нам сия негоциация с Франциею видится не во время предпринятая, и не иначе нам как зело подозрительна быть может. Хотя бы сия негоциация имела целию только удержание Порты от разрыва, как ваш советник посольства здесь обнадеживал: однако мы не знаем, как можно было надеяться на французские обещания, имея в памяти прежние поступки французского двора, как сильно он всегда у Порты интересовался за шведа и искал его восстановления. Вашему величеству самому известно, какое тесное обязательство всегда между Франциею и Швециею было, какой великий интерес Франция имеет в том, чтоб Швеция была сохранена. Вам также известно, какую непримиримую злобу король шведский всегда и теперь еще питает к вашей высокой особе; и хотя бы Франция убедила его эту злобу на некоторое время отложить, однако это будет сделано только для выиграния времени, чтоб потом снова еще с большею силою обнаружить ее против вас.

Кроме того, извольте рассудить: вы, с нашего согласия, приказали объявить, что мы готовы принять посредничество императора и обеих морских держав для заключения мира с Швециею; какое же великое подозрение эта негоциация ваша с Франциею возбудит у цесаря и всего Римского государства? И не будет ли цесарь побужден ею поспешить миром с Франциею, который даст ему возможность вмешиваться в северные дела к предосуждению вашего величества, не упоминая о многих других вредных последствиях французского союза. По нашему мнению, французский король имеет единственную целию усыпить ваше величество и мнимыми обещаниями отлучить от союза; и хотя мы не думаем, чтоб вы допустили отлучить себя от союза, однако не можем не представить вам, какое попечение имели мы до сего времени о вашем интересе и удержании вас на польском престоле, как верно во всех наших предприятиях с вами поступали и еще недавно всякое вспоможение против Порты обещали; и потому мы никогда не могли ожидать, чтоб ваше величество вступили в союз с Франциею без нашего согласия и ведома».

Получивши это письмо, Август отдал его фельдмаршалу Флемингу, потом сам поехал к нему и долго с ним разговаривал. Флеминг объявил Дашкову, что король и не мыслит входить ни в какие партикулярные сношения с шведом, никакой нужды в том нет и никакой прибыли; и с королем французским никакого трактата не заключено: французский министр подал проект, и король Польши не отказывает, чтоб выиграть время относительно Турции, и действительно послал своего министра в Париж, для того только, чтоб Францию держать в надежде, а не в самом деле выслушивать от нее предложения. «Донесите царскому величеству, – говорил Флеминг, – что я отнюдь до того не допущу, изволил бы на меня надеяться крепко; если б я усмотрел что-нибудь подобное, то служить бы больше не стал, потому что стыд и срам был бы нам на весь свет. И то король нехорошо сделал, что и первый трактат с шведом заключил без воли царского величества; но тогда были самые натуральные причины, потому что шведский король был в великом счастье, войска саксонские, польские и русские не могли против него стоять, везде проигрывали, притом вошел он в самое сердце Саксонии; до того трактата довела короля десперация; а теперь никакой причины нет; рассевают такие дела наши неприятели».

Не полагаясь на слова Флеминга, Дашков всячески проводывал стороною и ничего не мог узнать. Говорил с канцлером коронным Шембеком, представляя ему последнюю польскую пагубу от французского союза и партикулярного мира с Швециею. Шембек клялся, что ничего не знает, напротив, много раз слышал он от короля, что нынешний северный союз не только надобно содержать в целости до конца войны, но и после нее надобно его обновить.

Но Петр, наученный опытом, так был встревожен известиями о сношениях Августа с Швециею и Франциею, что отправил к королю камергера Семена Нарышкина, «дабы подлинно ваше величество нам объявить изволил, истинно ль сие или неправое разглашение», – как писал царь Августу. Нарышкин приехал в Дрезден 12 марта 1714 года и на третий день представился королю. «Может быть, – сказал Август, – царское величество получил известие о моих сношениях с Швециею от тех, которые сами склоннее к партикулярному миру с нею, чем я». В этих словах заключался намек на датчан. 21 числа Нарышкин обедал у короля, который за столом тихо говорил ему: «Клянусь, что всегда буду в союзе с царским

величеством верно и партикулярного мира с шведами отнюдь не заключу». То же самое король повторил, отпуская Нарышкина, то же написал и в ответной грамоте своей к царю.

Царь боялся, что Август заключит отдельный мир со Швециею; Август боялся того же самого с русской стороны. К Дашкову обращались с вопросами: верно ли известие, что царское величество трактует с шведами? Еще более боялись, чтоб недовольная Августом Литва не обратилась к царю с просьбою о помощи. Сильное подозрение возбудила поездка Огинских в Петербург; король не хотел верить Дашкову, чтоб со стороны этих вельмож не было никакого предложения царю, чтоб они ездили в Петербург по своим частным делам. «Хотя царское величество, – говорил король, – и не принял от Огинских предложения, однако они предлагали». Начали стращать Дашкова, говорили: «Если царское величество скоро не отдаст Риги королю с провинциею, то Англия, Голландия и прусский король примут свои меры». Дашков отвечал: «Мы таких страхов не боимся; не из страха, но для исполнения договора царское величество удовлетворит в этом короля». А коронный канцлер Шембек тайно говорил Дашкову: «Отправлено полномочие к королевскому резиденту в России, чтоб требовал Риги, а Речь Посполитая о том и не ведает». «Если надобно, – писал Дашков, – чтоб Рига несколько времени осталась за нами, то нужно здесь тайком подучить поляков, чтоб требовали у короля посылки уполномоченного от Речи Посполитой к царскому величеству относительно отдачи Риги с провинциею; король отнюдь не захочет, чтоб в Риге был польский гарнизон, и потому не пошлет польского уполномоченного; и таким образом в их прекословии можно Ригу и не отдавать скоро. Королевские министры всеми мерами стараются, чтоб Рига была в руках королевских, и слышать не хотят о том, чтоб была в руках польских».

Прекословие между польским королем и Польшею становилось день ото дня сильнее. Поляки требовали, чтоб король вывел от них свое саксонское войско; король для вывода половины войска требовал денег, провианту и подвод на дорогу; шляхта не хотела ничего давать; гетман великий коронный Синявский утверждал ее в этом. Под Опатовым шляхта начала было собираться против саксонцев; те в числе 5000 стали обозом, и шляхта утихла, но не прекратилась ненависть между нею и саксонцами. Канцлер коронный Шембек жаловался Дашкову, что король ничего ему не сообщает о делах между Россиею и Польшею, все делает чрез своих саксонских министров. Канцлер продолжал быть на жалованье у русского двора вместе с другими знатнейшими вельможами. «Просил меня канцлер великий коронный, – писал Дашков Головкину, – чтоб я вашему сиятельству донес о годовом ему жалованье, ибо уже год давно минул, а трудов его, правда здесь много, и об интересах царского величества имеет всегда старание и беспрестанно при короле живет; а бискуп куявский хотя по-прежнему наш приятель, но никогда при короле не живет, приедет разве на неделю и опять уедет и уже от публичных дел начал отваливаться, а живет по своим деревням, строит и деньги сбирает, и ему давать не за что, и когда бы пришло какое дело на сейме, то и тогда ему можно вексель дать; также и гетману коронному давать ныне не для чего, потому что и без того может он царскому величеству быть верен, ибо королевское величество гораздо к нему недобр».

Между тем подозрения насчет поведения короля Августа относительно России все увеличивались. Август оказывал явное расположение прежним врагам

своим, киевскому воеводе Потоцкому, старосте бобруйскому Сапеге и другим; рассказывали, что Сапега советует королю начать войну против России заодно с Турцией. Дашкову были подозрительны тайные переговоры короля и Флеминга с крымским посланником; он дал 35 червонных переводчику последнего, и тот рассказал ему следующее: посланник обнадежил короля, что по настоянию хана Порты опять объявит войну России, а король ему говорил, что и он с поляками будет помогать туркам для отобрания Киева и Смоленска; и если бы гетманы не захотели ему помогать, то есть люди, которые могут отнять у гетманов войска коронные и литовские, т.е. воевода киевский и староста бобруйский. Воевода киевский с товарищи послали к Порте свои проекты, обнадеживая, что поляки все будут с турками. «Впрочем, я не думаю, – писал Дашков, – чтоб поляки послушались короля и начали войну с нами безо всякой причины: они совсем обнищали, нет у них ни денег, ни лошадей, ни скота, ради и свое отдать, только чтоб в мире жить; Саксония также обнищала от несносных и беспрестанных контрибуций. В Польше никогда так голодно не бывало, как теперь: во многих воеводствах начали покупать корец ржи по 40 злотых, а корец малым больше нашей осьмины; недород был великий; я сам видел, что не мужики, а убогая шляхта по нескольку недель не едят хлеба, только овощами питаются». То же самое доносил и князь Василий Владимирович Долгорукий: «В Польше, государь, немалая конфузия. Саксонцев по квартирам в Польше и Литве, сказывают, около 30000, и поступают они с поляками очень гордо, что полякам, по их нравам, всего противнее; деньги положены с каждого двора на месяц по 32 злотых. Сильно озлоблены поляки, и думаю, насколько я их знаю, что будет между ними смута; и, как мы теперь видим житье польское, несносно им, не могут выдержать; так стали убоги, что поверить нельзя».

Действительно, королю Августу было не до войны с Россией: на сеймиках поляки объявили, что добровольно ничего не дадут саксонцам, пусть берут сами до времени; многие кричали, что их вольность уже кончается и остается одно спасение – просить обороны у российского орла. Саксонцы начали собирать деньги сами; Дашков начал говорить приятелям своим по секрету, что царское величество, жалея приятелей своих, чтоб не пришли безо всякой нужды до крайнего разорения, велел предложить королю о выводе саксонских войск из Польши. Приятели были очень благодарны за такую милость и говорили: «Мы до сих пор думали, что король не выводит от нас своих саксонцев с позволения царского величества, и потому не смели и рук поднять на саксонцев, а теперь поведем дело иначе: если саксонцы останутся здесь до весны, то мы их выгоним». Со стороны русского двора действительно было сделано королю предложение о выводе саксонских войск из Польши; Август велел сказать Дашкову, что саксонские войска необходимы в Польше по случаю проезда шведского короля из Турции. Дашков отвечал, что царь требует вывода саксонцев не для своего частного, но для общего интереса, ибо между поляками сильное неудовольствие и готовы они пристать не только к шведу, но и к самому дьяволу; притом король шведский хорошо знает, что на границах польских и литовских стоит большое русское войско, которое у него в большей консидерации, чем саксонское войско.

Сильно отговаривался от вывода саксонских войск из Польши отправляемый королем в Россию тайный советник Фицтум в конце 1714 года. «Если король все войска выведет, – говорил Фицтум, – то надобно опасаться, что шведские

приверженцы опять поднимутся и произведут такое возмущение, которого после и усмирить будет нельзя, особенно если король шведский также что-нибудь предпримет. Притом если король выведет войска из Польши, то, не имея чем их кормить, принужден будет половину распустить, что не будет полезно царскому величеству». Фицтум был прислан с требованием отдачи Лифляндии. Ему отвечали, что царь от исполнения трактата не отречется; но надобно смотреть, чтоб от этого исполнения не выросло большого зла: если царь отдаст теперь Лифляндию, то поляки станут кричать, что король хочет сделаться самовластным и что царь ему в этом помогает, и станут искать покровительства у турок: следовательно, всего лучше отложить отдачу Лифляндии до заключения мира. Фицтум возражал, что царь должен немедленно отдать Лифляндию для показания перед всем светом своей умеренности: многие державы и так уже завидуют и внушают королю, что царь никогда не уступит ему Лифляндии; надобно опасаться, чтоб другие державы не согласились овладеть Лифляндиею, и тогда она ни царю, ни королю не достанется. Что же касается до неудовольствия поляков, то король берет на себя потушить это неудовольствие. Если Лифляндия отдана будет королю польскому и курфюрсту саксонскому, то никто не может догадаться, отдана ли она его величеству как избранному королю польскому или отдана наследственно, как курфюрсту саксонскому.

Отношения Августа II к России и отношения польских его подданных к нему самому были таковы, что требовали присутствия в Польше искусного дипломата, и весною 1715 года в Варшаву отправился снова князь Григорий Федорович Долгорукий, а Дашков поехал на резиденцию при коронном гетмане. Первым делом Долгорукого по приезде в Варшаву было требовать от короля пропуска русского войска чрез польские владения. Август отговаривался от этого всеми мерами, представляя и голод, свирепствовавший в Польше, и ненадобность в большом войске, потому что шведов мало и король прусский готов ударить на них с многочисленною армиею, и страх, что вступлением русских войск в Польшу возбудятся подозрения турок. Долгорукий не верил, чтобы прусское войско скоро начало действовать против шведов, ибо знал, как французские министры переезжают от прусского двора к шведскому и трактуют, видел, как французский министр при польском дворе Безанваль находится в необыкновенной милости у Августа II, видится с ним, когда хочет. О положении дел в Польше Долгорукий доносил: «Примас, гетманы и все принципалы сильно недовольны королем, все живут по своим маетностям и ехать ко двору не хотят, потому что не могут упросить короля о милосердии своему народу: собирают новую контрибуцию, не обходя и гетманские имения; два года уже недород, в сыть не едят, но по лесам и полям былием питаются и мрут с голоду; все единогласно говорят, что если нынешним летом будет такой же неурожай и король милосердия не покажет, войск саксонских не выведет, то, покинув отечество, пойдут за границы, где могут сыскать себе пропитание. В такое убожество и бессилие здешнее государство пришло, что хуже быть нельзя, и нельзя поверить, если кто сам не увидит; не в одной пище – во всем великая скудость; ни с какой стороны из-за границ ни с каким товаром не едут». Относительно прохода русских войск чрез Польшу Долгорукий переговорил с доброжелательными сенаторами и дал знать Головкину, что в случае нужды можно двинуть войска в Польшу без всяких предварительных

просьб и домогательств. «Король к нам очень холоден, – писал Долгорукий, – и знаю наверное, что приездом моим недоволен».

В августе Долгорукий дал знать, что были в Варшаве коронные гетманы и некоторые сенаторы и домогались у короля вывода из Польши саксонских войск, но получили отказ, притом же наложена новая тяжкая контрибуция, которой выплатить никак нельзя. Долгорукий обнадеживал гетманов протекцией царскою: «По окончании войны принудим короля вывести из Польши его войска, только потерпите хотя во время нынешней кампании». Гетманы обещались терпеть, только выразили опасение, чтоб шляхта с отчаяния чего-нибудь не начала, а особенно боялись за Литву, где гетман Потей уже выдал универсалы против войск королевских. Долгорукий советовал Головкину, что если Потей пришлет к царю с просьбою о покровительстве, то не обнадеживать его скоро и не отказывать вовсе, но удержать от восстания на нынешнее время, потому что, хотя король и думает о самодержавии, однако скоро достигнуть своей цели не может и ему, Долгорукому, можно еще этому помешать, а по окончании войны можно взять поляков в свое покровительство и уничтожить королевское намерение.

Долгорукому было много хлопот: король боялся, что русские войска вступят в Польшу на помощь недовольным; поляки, наоборот, боялись, что войска эти идут на помощь к королю против Потея; Долгорукий должен был уверять всех, что русские войска идут в Померанию по требованию Дании и Пруссии и никогда не думают вмешаться во внутренние дела Польши. С другой стороны, Долгорукий писал Потее, чтоб тот подождал хотя бы до окончания померанской кампании; но в Литве не хотели ждать, определили собрать регулярного войска 8600 человек, собирать на его содержание деньги, а саксонцам отнюдь ничего не давать и на квартиры не пускать, отражая силу силою. Король собрался в поход на Литву; Долгорукий отговаривал его, представлял, что этим походом Потей можно привести в отчаяние: станет он ходить со всеми людьми по Польше и по Литве и всех бунтовать против саксонцев, к нему пристанут не только Литва, но и коронный народ, и все войска, отчего может разгореться такой великий огонь, которого долго погасить будет нельзя. С другой стороны, Потее дано было знать, что царь не желает восстания, и в Литве все успокоилось; в сентябре король уехал в Саксонию, упросив Долгорукого остаться в Польше и наблюдать, чтоб здесь не вспыхнуло восстание.

Восстание вспыхнуло. Коронное войско составило конфедерацию при Сендомире и выбрало в маршалки ротмистра Гуржинского, одного из приверженцев Лещинского; начались у конфедератов битвы с саксонскими войсками, причем последние, захватываемые по частям, терпели сильный урон; многие воеводства уже садились на коней для соединения с восставшими. Долгорукий немедленно написал фельдмаршалу Шереметеву, чтоб помедлил походом в Померанию и остановился в Польше для задания страх конфедератам; писал к коронным гетманам, чтоб старались потушить восстание, писал и к Гуржинскому, грозя приходом русских войск, разослал офицеров по воеводствам с успокоительными письмами. «Можно за великое счастье почитать, – писал Долгорукий Головкину, – что войска наши теперь так близко стоят отсюда, и если б не они, то вся Корона и Литва были бы против короля, все саксонцы в Польше пропали бы и могла бы быть здесь в интересе нашем великая перемена. Войско наше никогда не пользовалось такою доверенностью в Польше, как теперь, ни от

одного человека не слышал я жалобы, а только благодарность, потому что солдаты кормятся по дороге безо всякого огорчения обывателям. От резидента Дашкова до сих пор никакого известия не получаю о конфедерации, и фельдмаршал Флеминг говорил мне, что Дашков по своей частной злобе склоняет поляков против короля и объявляет им от царского величества претензию: если бы поляки не были им обнадежены, то не начали бы восстания. Я к нему неоднократно писал, чтоб гетманов и войско удерживал от противности нынешнее время; а если он вперед ко мне писать не будет и прежних непотребных глупостей не оставит, то я ему прикажу при себе быть, а на его место пошлю к гетману кого-нибудь другого, потому что король, и весь двор, и поляки им недовольны; бискуп куявский, приехав из Литвы, говорил, чтоб его на нынешнее время при гетмане не было и что Потей по его обнадеживанию встал на короля».

Хлопоты Долгорукого достигли своей цели: конфедерация приостановилась и заключила с саксонцами пятнадцатидневное перемирие, объявляя, что если королевские войска выступят из Польши, то все останутся довольны и спокойны. Воеводства, которые намерены были приступить к конфедерации, остановились по письмам Долгорукого. Посол надеялся больше всего на русское войско, но фельдмаршал Шереметев боялся, остановившись в Польше, не успеть вовремя в Померанию. Долгорукий по этому поводу писал Головкину: «Зело опасуюсь, ежели войско наше, все перешед через Вислу и не остановясь, пойдет в Померанию, то, чаю, трудно будет поляков успокоить и зело опасно посполитого рушенья. Я непрестанно всеми силами труждаюсь и к противным полякам пишу и оных к трактату склоняю, дабы тот огонь наискорее угасить и войска бы нашив Померании не остановить: однако ж ежели и того скоро не могу угасить, то хотя лучше на некоторое время войска наши остановить, при которых надеюсь, с помощью божией, по-прежнему в Польше покой учинить, что и алиатам (союзникам) нашим противно не будет, и могут рассудить, что то ни для чего учинено, токмо для общего интересу».

Коронные гетманы обратились к Долгорукому с просьбою о посредничестве, и посол отвечал им, что имеет полномочие для этого и как только король вернется из Саксонии, то с обеих сторон приступят к трактату. «Надеюсь, – писал Долгорукий Головкину 25 ноября, – оных благополучно без продолжения времени к полезному миру привести и обе стороны удовольствовать и непобедимое благодарение и славу его царскому величеству в здешнем народе навеки оставить; и ежели будет которая сторона к тому покою не склонна, то конечно надлежит через вступление наших войск – от Украйны кавалерии и из Курляндии пехоты – к благополучному миру принудить, дабы не допустить которой стороны до десперации и противной турецкой протекции».

Долгорукий дожидался короля; но Августа II нельзя было выманить из Саксонии прежде карнавала, а между тем фельдмаршал его, Флеминг, по выражению Долгорукого, заливал огонь не водою, а вином горячим, выдав универсалы, в которых грозил полякам огнем и мечом; тогда конфедераты немедленно собрали *коло рыцарское*, где воеводства выбрали генеральным маршалком конфедерации Ледуховского, подкомория кременецкого, и отправили послов поднимать Литву. Долгорукий начал хлопотать, чтоб Речь Посполитая публично просила царя о покровительстве и посредничестве, вследствие чего можно было бы ввести русское войско в Польшу и успокоить ее. В конце декабря

посол доносил, что если зимою волнение не успокоится, то на весну вся Польша и Литва будут в конфедерации. Несколько раз Долгорукий давал знать королю, что присутствие его необходимо в Польше; ответа не было. Долгорукий хотел трактовать и без короля, но с саксонской стороны разглашалось, что русская медиация убыточна будет полякам, поплатятся они за нее Лифляндию. Долгорукий с своей стороны велел Дашкову внушить гетманам, что если они заключат договор с королем без гарантии царского величества, то король не станет исполнять его.

Между тем русское войско, шедши в Померанию, было удержано в Польше; королевский посланник при русском дворе Лос на письме просил об этом царя, и хотя поляки медлили просьбою к царю о покровительстве и посредничестве, не медлила Литва. В ноябре месяце великий гетман Потей дал знать Петру, что в Польше образовалась конфедерация, конфедераты приглашают и литовцев соединиться с ними, в противном случае грозят силою к тому их принудить; гетман всенижайше просил царское величество решить, как поступить ему в таком случае? Много причин заставляют в настоящее время желать примирения и тишины, но это примирение может быть получено защитою и посредничеством царского величества, причем не должно быть употреблено оружие, достаточно будет высокой чести союзного монарха и его государских увещаний; господа коронные обещают быть уступчивыми во всем, как скоро получат освобождение от контрибуции, налогов и утеснений, как скоро выйдут из Польши войска саксонские, обещают подтвердить присягою верность и послушание королевскому величеству и готовы все сесть на коней против шведа, лишь бы свободны были от утеснений по правам своим и вольностям.

14 декабря Петр выслушал гетманские пункты и дал такую резолюцию: его царское величество с милостивою благодарностию признает, что господин гетман и за его управлением все княжество Литовское по совету его царского величества в покое удержались, в чем не царского величества, но собственный их интерес был. Его царское величество обнадеживает, что он как до сего времени, так и вперед об интересах гетмана и Великого княжества Литовского и всей Речи Посполитой попечение иметь будет и во всяком злом случае их не оставит. Его царскому величеству самому известно, какие обиды и утеснения чинам Речи Посполитой от саксонских войск были, и для того по особенной своей склонности и дружбе к Речи Посполитой всевозможные добрые средства прилагает у его королевского величества, чтоб им облегчение и освобождение в том исходатайствовать; но его царское величество при том рассуждает, что не надлежало господам коронным такие крайние способы предпринимать и неприятельски поступать, но должно было законными путями (добродетельно) искать себе освобождения, тем более что его царское величество свои услуги к исходатайствованию этого облегчения многократно представляли не без надежды был его получить. Его царское величество не чает, чтоб конфедераты коронные силою княжество Литовское к соединению с собою принудить могли, если литовцы не захотят сами. Царское величество надеется, что эти беспокойства мирными средствами вскоре успокоены будут, в чем его величество труды свои действительно прилагает, и если только его посредничество Речью Посполитою принято будет, то не сомневается и короля к тому склонить. Его царское величество и его, господина гетмана, просит, чтоб и он с своей стороны

конфедератов к принятию медиации царского величества и к добродетельному примирению склонил, обещая им его величества помощь в исходатайствовании потребного им облегчения. Но если, паче чаяния, конфедераты, несмотря на эту его царского величества представленную медиацию и обещанное вспоможение у короля, не успокоятся, но свои волнения продолжать будут, то из этого ясно окажется, что они под предлогом притеснений от саксонских войск войну внутреннюю продолжать намерены в пользу общему неприятелю; в таком случае и его царское величество принужден будет иные меры принять, ибо его царское величество отнюдь допустить не может, чтоб в таком соседнем государстве такой огонь разгорался и тем неприятелю отдых и польза учинена была.

Отпуская посланного Потеем шляхтича Лойку, Петр велел ему сказать гетману устно следующее: «Хотя его величество никогда не допустит Речь Посполитую до падения, однако без генерального призыва от всех царскому величеству сильно в эту медиацию вступить нельзя; хотя к королю и писано в форме совета, но это неважно; а когда просить будет Речь Посполитая, тогда сильно может его царское величество предлагать королю и, если тогда он не примет, может его величество и силою принудить. Пусть гетман приложит старание, чтоб помянутое прошение от всей Речи Посполитой его царскому величеству надлежащим образом учинено было, и в таком случае обещает его царское величество, по всегдашнему к Речи Посполитой доброжелательству, в посредство к примирению с королем и к облегчению ее сильно вступить, в чем они могут на его величество твердую надежду иметь».

Наступил 1716 год. Конфедераты заключили с Флемингом мирный договор, утверждение которого, однако, было отложено до сейма, и конфедерация выговорила что не *развяжется* до тех пор, пока король не выведет своих войск из Польши. Король, обнадеженный этим миром, отправил посольство к царю с требованием немедленного вывода русских войск из Польши, послав такое же требование и к Шереметеву. Но король недолго утешался надеждою, что Польша успокоится без русского вмешательства: литовский гетман Потей по соглашению с Долгоруким съехался тайно с маршалом конфедерации Ледуховским и уговорил его не утверждать мирного договора, вследствие чего конфедераты начали опять бить саксонцев, и Ледуховский обратился к Долгорукому с просьбою о медиации царского величества, объявляя, что послы их принуждены были заключить договор не по данной им инструкции. Долгорукий отвечал, чтоб конфедераты назначили место и время, и он готов ехать и быть посредником. В конце января король приехал в Варшаву, сильно опечаленный неожиданным оборотом дела. Долгорукий при первом свидании с Августом представил ему необходимость примирения с конфедератами, необходимость вывести из Польши саксонские войска. Король отвечал, что сделает все угодное царскому величеству, с которым сильно желает иметь личное свидание в Торне или в другом каком-нибудь городе. Потом прислал Флеминга представить Долгорукому, что ему нельзя обратиться к царю с просьбою о посредничестве, потому что это будет противно его чести: конфедерация составила не против короля и не вся Речь Посполитая вступила в конфедерацию. Относительно своих требований вывода русских войск король оправдывался тем, что сделал это по принуждению от сенаторов польских. Это желание видеться с царем и возобновить с ним прежнюю дружбу все усиливалось в короле, потому что конфедераты не хотели и слышать о мире в надежде, что

царь, имея много причин сердиться на Августа, не заступится за него и они получат таким образом возможность свергнуть саксонца и выбрать другого короля. Король просил, что если царскому величеству по состоянию его здоровья нельзя приехать в Варшаву или в Торн, то изволил бы подождать его в Данциге.

Дело не могло обойтись без царского посредничества; конфедератам не принять этого посредничества было страшно: могущественный царь станет тогда на сторону королевскую, и какая возможность успеха, если русские войска придут на помощь к саксонским? И обратно: королю нельзя было не принять царского посредничества, ибо в противном случае русские войска соединятся с конфедератами. Делать нечего, надобно сблизиться с медиатором, а медиатор сердит, и король хорошо знает, за что сердит медиатор. Как же быть? Короля ждут в Варшаву в начале 1716 года, но вместо Варшавы Август едет в Данциг для личного свидания с царем, для откровенного изъяснения. В Данциг едет и князь Григорий Фед. Долгорукий: там он найдет при царе и великого канцлера графа Головкина, и вице-канцлера Шафирова, и Петра Андреевича Толстого – значит, соберутся все «тайного иностранных дел коллегия министры».

24 марта собрались царские и королевские дипломаты в дом графа Головкина на конференцию; бискуп куявский с товарищами предложил статьи: 1) королевское величество накрепчайшим образом обнадеживает царское величество, что, как он прежде всегда верным приятелем и союзником царского величества был, так и вперед желает в постоянной дружбе находиться и приехал сюда, желая иметь с царским величеством свидание для показания своей приязни. 2) Добрые союзники должны друг другу прямо объявлять, в чем один на другого подозрение имеет; а его королевское величество с сожалением слышит, что его царское величество некоторое недоверие и противность к его королевскому величеству и его министрам имеет и поступками их недоволен. Поэтому королевское величество просит, чтоб ему все причины недоверия были объявлены, дабы он мог в том себя очистить, а он с своей стороны обнадеживает, что никакой причины к тому не подал. 3) Когда недоверие царского величества к королевскому разгласилось, то из этого общему интересу великий вред произошел, ибо не только король шведский еще больше возгордился в надежде извлечь пользу из этого несогласия союзников, о чем прямо объявил шведский посланник Шпар при французском дворе, но и польские конфедераты в той же надежде не приняли королевского предложения о выводе саксонских войск и сложении контрибуции, отвечая, что не могут ни на что согласиться без ведома царского величества и хотя королевское величество совершенно уверен в добром намерении царского величества, однако злонамеренные люди продолжают все поступки царского величества в свою пользу толковать и разглашать, будто царское величество им свое покровительство обещал и хочет поддерживать против короля. Поэтому королевское величество просит царское величество вступить в это дело таким образом, чтоб ни король, ни конфедераты не могли его упрекнуть в пристрастии к стороне противной. 4) Королевское величество желает с царским величеством согласиться в способах, как бы внутреннее спокойствие в Польше поскорее восстановить, а потом заключить мир с шведом. Эти способы следующие: 1) предложить конфедератам, чтоб они как можно скорее назначили место и время для конгресса. 2) Тотчас при открытии конгресса заключить перемирие, по которому король все контрибуции немедленно сложит, а

потом стараться о заключении формального трактата, в котором определится срок вывода саксонских войск и созвания сейма. 3) Конфедераты должны покориться королю, который соизволяет, чтоб царского величества посол был на конгрессе и старался добрыми средствами примирить обе стороны, и если одна из сторон на добрых условиях примириться не захочет, то русский посол должен объявить, что царское величество будет действовать против стороны, не желающей мира. Предложения королевских дипломатов оканчивались статьею: все подозрения с обеих сторон оставить и обоим монархам в добром согласии и любви между собою пребывать.

Головкин с товарищами отвечал, что царское величество с удовольствием согласился на личное свидание с королем, для чего замедлил походом, назначенным для свидания с королями прусским и датским. Какие противности показаны царскому величеству со стороны королевской, о том представляется письменное известие. Царское величество соглашается на все предложенные королем меры к восстановлению внутреннего спокойствия в Польше, но только с условием, чтоб король назначил срок, когда выведет саксонские войска из Польши, и объявил здесь же статьи, на которых согласен помириться с конфедератами. Царское величество обещает оставить все подозрения и жить в добром согласии и любви с королем, если получится удовлетворительный и откровенный ответ на письменное известие о противностях и дастся обещание, что вперед ничего подобного не будет.

В «Мемории досадам», поданной царскими министрами королевским, главнейшею досадою было выставлено сношение Августа с французским двором и принятие посредничества этого двора в мире с королем шведским без ведома царского; потом король заключил и формальный договор с Франциею, подлинное содержание которого царскому величеству до сих пор неизвестно; когда уже царское величество со стороны получил об этом известие, то король сообщил кратко содержание договора, но даже и в этом кратком извлечении есть одна статья, очень вредная всему Северному союзу, а именно сказано, чтоб при заключении мира все в Римской империи оставалось так, как было определено по Вестфальскому миру; но по этому миру Швеция получила свои германские владения, следовательно, возвращение всех завоеванных у нее провинций прямо ей обещано. Как только этот договор был заключен, то французский посол при Порте, действовавший прежде против короля Августа, получил приказание хлопотать за него и стараться об отдельном мире между ним и Карлом XII, и если этот мир не состоялся, то надобно только благодарить упорство короля шведского. Кроме того, король Август посылал многих эмиссаров секретно в Бендеры с предложениями отдельного мира шведскому королю; о том же посылал и к хану крымскому. Король же Август посылал к французскому послу в Константинополь с предложением отдельного мира с шведами, и этот посланный, венгерец родом, жил в квартире французского посольства, внушал туркам и разглашал всюду, что царское величество давно намерен воевать с турками и для того хочет принять титул цесаря ориентального. Шпигель предлагал Порте от имени королевского, что государь его не только желает заключить с Швециею отдельный мир при посредничестве султана, но желает заключить с Портою и шведским королем оборонительный и наступательный союз против России, представляя, что король обижен царским величеством, не исполнившим своих обещаний ему. Царское

величество много раз жаловался королю на Шпигеля, требуя розыска, но не получил никакого удовлетворения. Шпигеля укрывали под разными предлогами, а когда царский посол приехал в Варшаву, то Шпигеля вместо розыска увезли в Саксонию и потом объявили, что умер. Трактовали с агою, присланным от Порты, трактовали долго и тайно с посланником крымским, не объявляя царскому величеству. Все поляки, которые были противной партии, не только прощены, но в крайнюю милость и приближение у короля приняты, а иные и награждены. В 1712 году, когда царское величество хотел осадить Штетин, то со стороны королевской делались этому всевозможные препятствия, кончилось тем, что вся кампания прошла понапрасну. Частые свидания саксонского фельдмаршала Флеминга с шведским генералом Штейнбоком способны были возбудить сильные подозрения в царском величестве; следствия свиданий и посторонние ведомости показали, что подозрения были основательны. Тот же Флеминг имел потом свидание с Лещинским, причем, как подлинно известно, трактовано о партикулярном мире между королями польским и шведским; Лещинский обещал быть посредником, за что ему обещана ежегодная дача с употреблением королевского титула по смерти, и, кроме того, у короля Августа были частые пересылки с Лещинским. Когда царское величество в Мекленбурге хотел идти для соединения с королем датским, то со стороны короля польского трудились всеми способами помешать этому движению, вследствие чего русские войска не могли поспеть прежде Гадебушской битвы, а какие были следствия этого, всему свету известно. Известно всему свету и то, каким образом министры короля польского ко вреду королю датскому вступались за голштинцев и короля прусского так завязали в интерес голштинского дома, что он уже и войска свои собрал было, и на короля Датского напасть хотел и только удержался сильными декларациями царского величества. Король польский виделся и трактовал в Лейпциге с ландграфом гессен-кассельским, союзником и родственником короля шведского, не давая знать об этом царскому величеству; не дано знать и о трактатах, заключенных прошлого года с английским и прусским королями. Прошлою весною, вместо того чтоб побуждать прусского короля к наступательным движениям против шведа, министры польского короля действовали совершенно в противном смысле. Какие противности со стороны короля польского царскому величеству показаны при отправлении русских войск на помощь союзникам в Померанию, и пересказать нельзя: старались склонить королей английского и прусского к тому, чтоб не требовали русских войск, внушая о них все дурное; хлопотали, чтоб цесарь и империя мешали этому, потом запрещая царскому величеству свободный проход чрез Польшу и возбуждая поляков, чтоб не пропускали русских войск. Когда, несмотря на все это, русские войска вошли в глубь Польши, а поляки составили конфедерацию против войск саксонских, то вдруг русские войска понадобились, граф Флеминг и польские сенаторы начали просить, чтоб войска эти были остановлены, и упросили фельдмаршала графа Шереметева. Таким образом, этими войсками и грозными письмами посла князя Долгорукого конфедерация была сдержана в самом сильном огне, и саксонцы получили время собраться. В то же время королевский посланник при царском величестве барон Лос также просил государя о задержании русских войск в Польше, обещая пропитание и квартиры; польские министры просили и королей прусского и датского, чтоб согласились на задержание русских войск в Польше. Войска возвратились назад в Польшу в

самую дурную погоду и не участвовали в славном окончании Померанской кампании. И за все это король не только не поблагодарил царское величество по возвращении своем в Польшу, но еще велел тому же Лосу объявить, будто никогда царских войск не требовал, и представил при других дворах остановку русских войск в Польше делом насилия. Сам король жестоко выговаривал фельдмаршалу Шереметеву, зачем остановился в Польше, и приказал немедленно идти к русским границам, зная очень хорошо, что войска должны были идти не в Россию, а на помощь королям прусскому и датскому; а на запрос царского величества, для чего делаются ему такие противности и оскорбления, получен ответ, что все это делается для виду, в угоду полякам; но поляки тут ни в чем не причастны, со стороны короля поляков вооружают против царского величества всякими злыми внушениями, жалуются и при всех чужих дворах, будто царское величество возбуждает поляков против короля и войска свои насильно держит в Польше. Полякам внушают, что царское величество хочет быть посредником только для того, чтоб отторгнуть что-нибудь от Речи Посполитой; но царское величество может отлично отомстить за это, ясно представив полякам замыслы саксонских министров насчет Польши, зачем и войск саксонских король не хочет выводить из нее, не говоря уже о некоторых соглашениях ко вреду польским вольностям, о чем ясно говорят в Вене и при других дворах.

Русские министры требовали, чтоб министры королевские обстоятельно отвечали на каждую статью *«мемории досадам»*. Прислан был ответ, ловко написанный, но далеко не удовлетворительный, потому что главное средство защиты, употребленное королевскими министрами, состояло в утверждении, что король и его министры оклеветаны пред царем, что во всех их сношениях, указанных в «мемории», не было ничего вредного для русских интересов и для интересов союза, а некоторых сношений и вовсе не было. Царские министры упрекали короля за тайное сближение с Францией и в доказательство сближения приводили то обстоятельство, что французский посол в Константинополе из врага сделался доброжелателем Августа. Что ж, отвечают королевские министры, за это вместо упреков надобно благодарить короля, который постарался из врагов сделать друзей, а кто ему друг, тот друг и всем его союзникам. Относительно Шпигеля отвечали, что этот человек действовал, как глупец, не имея никаких поручений от короля, а за глупость нельзя жестоко наказывать, тем более что от его глупости ничего вредного не произошло; несмотря на то, Шпигеля хотели заключить в Зонненштейн – самое жестокое наказание, какому мог быть подвергнут этот дурак, и после самого строгого допроса. Поляки, принадлежавшие к партии Лещинского, прощены для того, чтоб отвести их от этой партии. Оправдывая себя, королевские министры сильно вооружались против Дании: по их словам, изобразить обстоятельно все непорядочные поступки датского двора заняло бы слишком много времени; прямо говорят, что люди, находящиеся при датском дворе, оклеветали царю польского короля и его министров. Любопытно, как отделались королевские министры от упрека, что королевский посланник Лос письменно в мемориале просил об остановке русских войск в Польше; Лос, отвечали министры, действовал без указа, из доброго намерения, зная, что царскому величеству это будет не неприятно; такой поступок можно назвать погрешностью министра, а не виною. Ни сенаторы, ни граф Флеминг, по словам министров, никогда не просили об оставлении русских войск

в Польше, только послано было письмо к турецкому сераскиру в Хотине о вступлении русских войск в Польшу да граф Флеминг о тогдашних конъюнктурах некоторые не в указ резонансы изобразил и передал русскому послу Долгорукому, фельдмаршалу Шереметеву и переслал к царскому двору. На угрозу объявить полякам о замыслах саксонских относительно Польши королевские министры отвечали, что они этого не понимают: если некоторые особы говорили об этом в частных разговорах, то их слов не следует смешивать с делами министерскими. Царское величество сам знает, что давно от известного двора (прусского), который теперь переменял свое намерение, об этом деле как в России, так и в Польше предложено было.

Русские министры заметили королевским, что в «мемории досад» нет известий, основанных на ложных слухах. Но долго препираться о старых досадах было некогда; надобно было решить, как действовать для примирения конфедератов с королем. В марте приехали в Данциг к Петру послы Тарногородской конфедерации с изложением причин и целей восстания. В конференции с царскими министрами послы засвидетельствовали, что конфедерация составлена не по шведским интригам, не к пользе неприятеля, но единственно для обороны от несносных тягостей, разорений, убийств и прочих насильств, какие позволяют себе саксонские войска. Просим, говорили послы, чтоб царское величество ни малюго сомнения или подозрения не имел, потому что мы во всем полагаемся на его царское величество, надеемся единственно чрез его посредство освободиться от саксонских притеснений. А что конфедераты давно не прислали к царскому величеству с просьбою о посредничестве, в том виноваты сенаторы польские и гетманы, которые всеми способами их от этого удерживали, представляя опасность, которая всегда грозит бессильному от сильного посредника; но конфедераты, видя, что домашние посредники, господа сенаторы, не только ничего не сделали к пользе Речи Посполитой, но и принудили депутатов конфедератских к миру для большого разорения республики; видя, что и гетман Синявский, вместо того чтоб защищать права и вольности Речи Посполитой, только потакает саксонцам и прямо говорит, что, хотя бы все пропало, только б ему при булаве остаться; слыша, что король польский отправил посланника к Порте, а гетман Синявский – к хану крымскому, видя и слыша все это, конфедераты ни за что не хотят подтвердить насильно постановленный договор и отправили своих послов к цесарю римскому и султану турецкому не для того, чтоб просить помощи у султана, но из опасения, чтоб послы королевский и гетманский на них не наклеветали. Так как гетман коронный Синявский никакой помощи не оказывал и не оказывает, а только вред и помешку, то они желали бы другого гетмана на его место, желали бы также перемены некоторых министров и чтоб царское величество в том им помог. Мы приехали, продолжали послы, просить царское величество быть посредником и дать крепкое ручательство, что договор, который будет заключен при его посредничестве, будет соблюдаем саксонцами; в основании договора должны быть два главнейшие пункта: сложение всех податей и поборов, о которых и слышать не хотим, и вывод всех войска саксонских, не исключая и тех 1200 человек, которых король называет своею гвардиею; пусть эта гвардия состоит из поляков. Наконец, послы просили, чтоб русские войска были выведены из Польши и никогда вперед в нее не входили, чтоб государь сделал это по высокой дружбе своей к Польше и сжалившись над бедностию ее

несчастливых жителей. С тем же приехали и особые послы от Великого княжества Литовского.

Обнадежив и тех и других, что царское величество употребит все старания для успокоения Речи Посполитой, Головкин с товарищами вошел в переговоры с королевскими министрами, и было постановлено, чтоб конгресс уполномоченных с обеих сторон открыт был как можно скорее в Ярославле, именно в средних числах мая по новому стилю. Царь-медиатор назначает полномочным послом своим на конгресс князь Григор. Фед. Долгорукого. При открытии конгресса провозглашается перемирие, во время которого не должно быть никаких неприятельских поступков и контрибуций. По заключении трактата саксонские войска должны быть выведены из Польши в продолжение четырех недель; при короле остается только, по статутам, 1200 человек гвардии, которую он обязан, однако ж, содержать на своем иждивении. Речь Посполитая должна обязаться в случае нового нападения короля шведского оборонять саму себя и короля без всякого вспоможения с его стороны. Посол царского величества князь Долгорукий будет стараться добрыми средствами примирить обе партии; если же которая из них на добрых условиях помириться не захочет, в таком случае посол объявляет, что царское величество будет против не желающей мира стороны и будет иметь посол указ к генералу Рену, чтоб тот шел немедленно из Украины с войсками и действовал против того, кто не хочет внутреннего покоя.

Вместо Ярославля конгресс собрался в Люблине и вместо мая – в июне месяце. Правление конфедерации поместилось в Ленчне, в трех милях от Люблина, куда привезли и гетмана Синявского, с тем чтоб его судить. Долгорукий, узнав об этом, написал тотчас маршалкам конфедерации, чтоб они во время конгресса под боком у Люблина не смели начинать своих судов и чтоб отдали гетмана ему, послу, на честное слово. «Я чаю, государь, – писал Долгорукий Петру, – что господа конфедераты недовольны теми условиями, которые постановлены в Данциге, и знатно у оных иное намерение не только о гетманах, но и о короле, потому что здесь конфедератские депутаты зело упрямо и нескоро к миру приступают, так делают, как бы чего иного себе ожидали, и есть здесь ведомость, будто писарь коронный недавно был у турецкого паши тайно в Хотине. Фрезер, приезжавший в Данциг послом от конфедерации, был у меня и, наобещав мне много подарков от маршалка конфедерации Ледуховского, объявил, что конфедераты опасаются вперед мести от короля и гетманов и поэтому были намерены хлопотать о королевиче Якове Собеском, также и булавы отдать другим. Я ему не гораздо противно отвечал и просил его о полной доверенности, желая и вперед выведывать чрез него о их намерениях. Бискуп куявский публично во всем заседании конгресса при мне говорил конфедерацким депутатам, что резидент их в Вене публично послу шведскому говорил, что здешняя нынешняя медиация не поведет к миру. Если конфедерацкие депутаты все так станут трактовать, то, чаю, мы не можем и в полгода мир учинить; они для того время длят, что им жаль нынешней власти оставить, понеже мало не все конфедерацкие принципалы из незнатных и убогих особ, и пришли до великой власти и пожитку, что во всем государстве все доходы и пошлины самовластно на себя берут и всем повелевают. Сами депутаты мне в конфиденции объявили, что из них многие не хотят покоя для своего интереса и не думают, чтобы конгресс окончился счастливо без принуждения, потому что непременно хотят литовскую булаву отдать бывшему

гетману Вишневецкому, а коронную прочит себе маршалок Ледуховский. Троцкий воевода Огинский и новгородский каштелян Новосельский с товарищи в конфиденции мне объявили, что если ныне от противных факций конгресс будет разорван, то они в Литве будут стараться, чтоб гетману и им быть под протекциею вашего величества, для чего я оных всемерно милостию вашею и протекциею обнадежил. Был у меня Тарло, воевода любельский, и по секрету мне говорил, будто нынешняя их конфедерация зачата в той надежде, что между вашим и королевским величеством недоверие, поэтому надеялись они иметь от вашего величества протекцию, чрез которую от саксонских войск Польшу освободить и другого короля учинить. А как узнали о персональном свидании в Данциге, где будто обновилась между вашим величеством дружба, то стали искать другой протекции и надеются быть посполитому рушению. Я к генералу Рену на Украину писал, чтоб он о вступлении своем в Польшу наперед для страха к конфедерацким маршалкам написал, что ему указано в Польшу идти не для войны, а только для усмирения, чем можно у них дальние замыслы пресечь. Здесь от неприятельских партизанов многие безделицы полякам внушаются, а те, легкомысленные, всему верят и, на то смотря без ума, гордо поступают. Больше тридцати человек депутатов от разных провинций и войск здесь, на конгрессе, заседают, и между ними таких немного, которые бы основание дела знали, только своевольно кричат, а которые из них лучше знают, те не смеют при оных смело говорить. Я чаю, государь, лучше у донских козаков в кругу, нежели в наших нынешних сессиях; часто с седмого часу до четвертого с полудня кричим, а ничего сделать не можем».

В июле дела пошли еще хуже. Конфедераты начали разглашать, что шведы берут верх над союзниками, в Норвегии у шведов много войска и большой транспорт войск назначен к Данцигу; держали послов турецкого и крымского как послов покровительствующих держав, объявляли, что не развяжут конфедерации без сейма. Несмотря на перемирие, били саксонцев везде, где только могли; у литовского гетмана Потя отняли литовское войско, и сам гетман едва ушел от них живой из Ленчна в Люблин, где спрятался в монастыре; перерубили людей, у которых пристали лошади Потя; Долгорукий и королевские уполномоченные, одевши гетмана в немецкое платье, успели выпроводить его в саксонское войско; все депутаты конфедерации выехали из Люблина в Ленчно, куда привели к себе войско; королевские уполномоченные испугались и уехали к саксонским войскам. Долгорукий отправился в Ленчно к маршалкам конфедерации и нашел их там «в великой гордости, как будто бы они уже всех завоевали». Видя их гордость и лукавство, посол повысил голос и объявил им, что до сих пор он делал все в их пользу, заставил на первой же сессии королевских уполномоченных признать конфедератов за Речь Посполитую, принудил прежде времени вывести гарнизоны из Львова и Замостья, однако ничем не мог склонить их к примирению, потому что у них пользуются доверенностию и дают советы все партизаны шведские. Долгорукий не ограничился одним окриком: написал к Рену, чтоб выступал в Польшу, написал к гетману Скоропадскому и киевскому губернатору князю Голицыну, чтоб соблюдали осторожность: поляки публично говорили, что если Рен вступит в Польшу, то крымский хан пойдет на Украину. В Ленчне Долгорукий имел возможность познакомиться с маршалками конфедерации и так описывал их царю: «Литовский маршалок Селистровский, человек самый простой, мало что и говорить умеет; а маршалок Ледуховский, человек умный и хитрый и очень похож

всеми поступками на Мазепу, он теперь во всей Речи Посполитой великий кредит имеет: так мог всех обмануть и привести себя в всенародную милость, что которым зло делает, те все за него присягать рады, так что если бы случилось какое-нибудь несчастье с королем, то поляки непременно выбрали бы его себе в короли; такой умно-лукавый человек, какого я во всей Польше не видал, на вид святой и праводушный, клянется, что хочет мира, а тайно делает факции, длит конгресс, усиливает войско и других способов везде ищет». Прошел июль, и дела находились в том же положении. Долгорукий, по его словам, истощил все способы к примирению, и все понапрасну: конфедераты не хотели ни на что смотреть и отвечали так гордо, как будто были в состоянии завоевать весь свет. Прошел август и сентябрь, уполномоченные переехали из Люблина в Варшаву, и здесь дело наконец подвинулось благодаря известиям, что Рен перешел Днепр и идет в Польшу. Ледуховский писал к Порте, уведомляя о вступлении русских войск в Польшу и прося помощи, но получил ответ от визиря, что Порта в польские дела вмешиваться не может. Конфедераты изъявили готовность уничтожить конфедерацию (учинить екзвинкуляцию), но с условием, чтоб Долгорукий послал Рену приказ не идти далее в Польшу. «Чрез всю свою в Польше бытность такого труда не имел, как ныне, – писал Долгорукий, – непрестанно от осьмого часа утра до девятого пополудни в спорах и криках в сессиях бываем, и чаю, конфедерация скоро развяжется и к бесконечной славе вашего величества счастливый мир установится. Чаю, государь, не только у турок, но и при цесарском и прусском дворах есть немалая *жалюзия* : цесарский посол много трудился, чтоб и цесарю быть медиатором; с другой стороны, посланник прусский писал ко мне, чтоб и его королю быть медиатором». В двадцатых числах октября Долгорукий получил царский указ, что кроме Рена в Польшу вступят еще шесть русских кавалерийских полков под начальством Боура и будут зимовать. Долгорукому показалось это большою роскошью, и он отвечал Петру: «Пока конфедерация не развяжется и саксонские войска не выступят в Саксонию, до тех пор о вступлении нашей кавалерии полякам объявлять не буду, чтоб не повредить заключению мира; а когда, даст бог, счастливо все окончится, то, чаю, и Рену надлежит из Польши возвратиться в Украину, а Боур с кавалериею останется зимовать, и хотя полякам это будет и противно, однако ничего не сделают, потому что конфедерация развяжется и войска коронные и литовские будут под командою прежних гетманов». 24 октября был подписан мирный договор между королем и республикою, и, несмотря на то, дело все еще не оканчивалось. 11 января 1717 года Долгорукий писал Петру: «Не извольте, государь, за гнев принять и высокомиловитиво рассудить, что многими моими рабскими доношениями ваше величество о скором здешнем примирении обнадеживал не для чего иного, только смотря на здешние конъюнктуры и состояния дел; однако по се время еще конституцию окончить не могут и удерживают за своими партикулярными интересами и своевольством больше всего те, которые имели в конфедерации команды и вольны были свой народ грабить; так же натурально во многом своевольном народе не может никакое дело скоро окончиться, к тому же помогают отчасти факции шведская и Лещинского. Однако извольте благонадежны быть, что непременно в скором времени все окончится, потому что не только принципалам и шляхте, но и всем это разоренье наскучило, также и я, как возможно, обе стороны к совершению примирения побуждаю». Петр хотел, чтоб были употреблены

побуждения самые действительные. «Сиятельный нам любезно верный! – писал он Долгорукому в рескрипте из Амстердама 8 января 1717 г., – сим вам паки повторяем, дабы вы всевозможное старание прилагали дело примирения с конфедератами как наискорее к совершенству привести, и для того, ежели потребно будет, хотя и войскам нашим далее в Польшу и к конфедератам ближе маршировать, и особливо в маестности тех вступить велеть, которые продолжению сего полезного дела виновны, дабы таким образом их к скорейшему окончанию принудить». Наконец 21 января на экстраординарном однодневном сейме мир был подтвержден и саксонским войскам послан приказ выйти из Польши в четырнадцать дней. Потом обе примирившиеся стороны приступили к Долгорукому, чтоб велел также и русским войскам выступить к своим границам. Посол нашел необходимым написать к преемнику Ренову, генералу Вейсбаху, чтоб шел назад в Украйну, относительно же Боура упросил, чтоб дали ему время списаться с своим двором. «А между тем, за этою перепискою, Боур может остаться до весны в Польше», – доносил Долгорукий царю. Сейм был безгласный, даже и примасу говорить не позволили, все предложения отложили до другого, обыкновенного сейма. «А ежели б тот сейм был с голосами, – доносил Долгорукий, – то, чаю, не токмо б оный продолжился, и весь трактат был бы опровергнут. Бог знает, ежели и ныне надолго тот покой продолжится, разве счастливо вскоре генеральный мир будет. Известно, государь, вам самим, каков здешний двор и польский народ постоянен. Теперь меня публично благодарят, говорят, что долго не было бы миру, потому что многие противные в конфедерации, невзирая ни на какое свое разорение, намерение свое хотели исполнять, если бы медиация и войско вашего величества к тому миру обе стороны не принудили. Просили меня гетманы – коронный Синявский и литовский Потей, чтоб при оных быть по-прежнему русским резидентам, чтоб не только войска, и все б ведали, что ваше величество изволите оных иметь по-прежнему в своей милостивой протекции». Тут же Долгорукий сообщает любопытные известия о поведении в Польше генерала Ренне, незадолго перед тем умершего: «Рен, вошед в Польшу, лучших и богатых мало не всех для своего интересу освободил от обязанности содержать русское войско и всю тягость, на бедную шляхту возложил; шляхта жаловалась мне, я много раз писал Рену, от отвечал, что поляки говорят неправду; а теперь, после его смерти, генерал Вейсбах по письму моему прислал длинную роспись всем этим освобождениям: изволите, государь, высокомиловитиво рассудить, как было такому знатному и заслуженному генералу не поверить?»

Вышли из Польши саксонские войска, вывел генерал Вейсбах бывший Ренов корпус в Украйну, но с другой стороны вступил в Польшу корпус Шереметева и расположился здесь в ожидании, как пойдут дела на западе. Долгорукий был в затруднительном положении: сначала говорил полякам, что войскам нельзя идти в распутицу, должны дожждаться травы; потом говорил, что шведы готовят сильную высадку; поляки не хотели ничего слушать, грубо ему выговаривали, грозили посполитым рушеньем. «Хотя они и не могут чего-нибудь сильного против наших войск учинить, однако не было бы из того повреждения вашего величества высоким интересам, – доносил посол, – противные факции по всей Польше разгласили, будто короли английский, датский и прусский заключают союз, чтоб

наши войска принудить к выходу из Германии, впредь бы оных никогда не впускать и с шведами помириться без нас».

Слухи о враждебных против России движениях на западе были основательны: за столкновениями с Августом польским последовали у царя столкновения и с другими союзниками. Но прежде, нежели приступим к описанию продолжения Северной войны и ссоры Петра с союзниками, обратимся к явлениям, имеющим теперь важность первостепенную, обратимся к внутренней деятельности преобразователя.

Глава третья

Продолжение царствования Петра I Алексеевича

Состояние России от учреждения Сената до прекращения Северной войны. – Сенат, его отношения к царю, к губернаторам; отношения сенаторов друг к другу. – Коллегии. – Областное управление. – Уложение. – Уничтожение правяща. – Майорат. – Дворянство. – Войско и флот. – Купечество. – Торговля и промышленность. – Крестьяне. – Финансы. – Меры против казнокрадства. – Фискалы. – Деятельность обер-фискала Нестерова. – Подметные письма. – Дело сибирского губернатора князя Гагарина. – Злоупотребления в Астрахани, в Ревеле. – Злоупотребления магистратских членов; злоупотребления фискалов. – Злоупотребления Меншикова. – Дело Курбатова и Соловьевых. – Борьба с разбойниками. – Полиция. – Преследование нищих, кликуш. – Госпитали для подкинутых младенцев. – Меры против пожаров. – Нравы и обычаи в разных слоях общества. – Меры для просвещения: училища, издание книг, собрание естественных предметов, редкостей и древностей. – Меры для распространения географических сведений. – Искусство. – Церковь, ее борьба с раскольничеством, с протестантскою и католическою пропагандой. – Распространение пределов русской церкви на Востоке. – Меры для усиления нравственного значения духовенства. – Церковное управление. – Стефан Яворский и Феофан Прокопович. – Учреждение Синода. – Дела на окраинах.

В мае месяце 1711 года Петр писал Апраксину: «О деньгах изволь писать к Сенату, ибо все на них положено». Мы видели, что именно было положено на Сенат, который немедленно и приступил к исполнению своих обязанностей, но Петр не всеми его распоряжениями был доволен. Царю хотелось, чтоб новое учреждение действовало не по-старому, не довольствовалось только распоряжением, посылкою указа, но старалось, чтоб все было исполнено немедленно, как следует. Царь прежде всего требовал от нового учреждения, чтоб оно не теряло дорогого времени; 8 апреля 1711 года он писал в Сенат: «За исправление дел благодарствую, в чем и впредь надлежит трудиться и все заранее современем (своевременно) изготовлять, понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно». В апреле 1711 года Сенат дал знать государю, что рекруты по указу в Ригу отправлены; Петр отвечал: «Шереметев и Меншиков доносят, что в Ригу явились рекруты только с одной Казанской губернии, и то не

все, многие в бегах; вместо беглецов велите из губерний выслать вновь, чтоб указное число было исполнено. Зело дивлюсь, что пишете, как старые судьи: „послано“, а то позабыли, что дошли ли? Или у вас уже та клятва вышла из души, которую недавно учинили? Над денежными дворами учините нового управителя, придав исправных товарищей; также и в прочих прибыльных делах усмотрение и добрый порядок учините, как я сам дал указ при отъезде своем, понеже деньги – жизнь войны». Находясь у Прута, за несколько дней до встречи с турецким войском Петр думал о прибыльных делах, писал в Сенат о распоряжении насчет векселей, поташу, смолы, соли.

Сенат распорядился: разослал объявления, не найдутся ли охотники составить компанию для торговли с Китаем, нашел выгодным позволить торговать всяких чинов людям, но чтобы каждый торговал под своим именем; при этом велено спросить у купецких людей, не будет ли от этого позволения им убытка?

Петр опять не был доволен всеми распоряжениями Сената. В сентябре 1711 года он писал ему: «Вы сделали хорошо, что послали осведомиться о приходе и расходе товаров, которые были в канцеляриях; старайтесь сделать здесь еще большую прибыль, потому что теперь все у вас в руках. О китайском торгу учинили вы весьма не так, как я говорил и писал, ибо невозможно посадским одним в такое великое дело вступать; надобно искать, чтоб из разных людей несколько человек и при них торговые в оное вступали. Не так поступили вы и в позволении торговать всем чинам, ибо вовсе не нужно было спрашивать у торговых людей, не будет ли от этого им убытку? Разве могут они сказать, что не будет убытка? Вы сделали это насмех или взявши с них взятки, по старым глупостям, и когда приедете в Ингерманландию, то у вас совершенно иначе об этом спросится». Сенат отвечал на это подробным изложением своих распоряжений: «Доимку выбираем мы ныне сами. О компании торгу китайского во все губернии указами объявлено давно и по воротам здесь листы прибиты, дабы в оную, кто похочет из знатных людей и из всякого чина, складывались безо всякого опасения. Позволение в торговле всем чинам учинили мы ради умножения торгов, и для того губернаторам и всем у дел находящимся никому под именами торговых людей торговать не велено; но дабы всякий своим именем, с достойным пошлин и десятой деньги платежом, торги свои имел свободно. А купецких людей спросить велели, не будет ли от оного позволения какого в торгах их препятствия, и то учинено бесхитростно, в чем у вас просим милостивого прощения. Городские товары, которыми из приказов и из губерний торговали ради большей прибыли, определили ныне и впредь ведать и торговать ими у города (Архангельска) и за море отпускать Архангелогородской губернии вице-губернатору Курбатову да Дмитрию Соловьеву. Рекрут по требованию Бориса Шереметева выслали, Преображенский и Семеновский полки укомплектовали, в дивизии генерала Шица мундир у нас готов, волоскому господарю Кантемиру двор очищен. Для определения китайского торгу в компании Филатьев, Матвей Евреинов, Илья Исаев и другие из купецких, которые знатные, в Сенат призываны, и они по взятии оного торга в компанию отказали. О позволении всякого чина людям в свободном торгу указы в губернии посланы, на что смоленские торговые люди подали сказку за руками: ежели-де иных чинов люди будут в Смоленску торговать, и им будет препятствие и обиды и помешательства. О укрывающихся от службы в народное ведение указы по воротам объявлены и в губернии посланы. Дворянских

детей, в службу годных, сыскивают. А из людей боярских 1000 человек грамотных, которые годны были в офицеры, за нынешним здесь малолюдством, набрать невозможно; однако ж грамотных из людей боярских и из монастырских служек и из подьячих набирают».

Петр требовал от Сената быстроты и точности исполнения; трудно было удовлетворять этому требованию по новости дела, по привычке к неповоротливости: Сенат шлет несколько указов губернии, нет ни исполнения, ни ответа, а царь все спрашивает на Сенате, «понеже теперь все у него в руках». Чтоб иметь возможность увеличивать доходы и уменьшать расходы, Сенат прежде всего должен был знать состояние тех и других и потребовал присылки из губерний подлинных приходных и расходных книг. Легко понять, сколько могло быть важных причин, заставлявших медлить этою присылкой. Сенат ждал, посылал новые указы, наконец 28 декабря 1711 года приговорили: «За неприсылку по многим указам подлинных приходных и расходных книг на сибирском, архангелогородском губернаторах, а на московском управителе на самих, для того что они нигде в отлучках от правления своего не были, а Казанской, Азовской, Киевской губерний на ландрихтерах, которые в небытности самих губернаторов от них во всем губернском отпращивании были, взять штрафу по 1000 рублей». Чтоб заставить исполнять немедленно указы, в ноябре 1715 года определен был при Сенате особый «генеральный ревизор, или надзиратель, указов». Должность эта была поручена Василию Зотову, сыну знаменитого Никиты Моисеевича. Генеральный ревизор должен был смотреть, «чтоб все исполнено было, а ежели кто не исполнит в такое время, в которое можно было исполнить, или указ точный имеет с сроком, на того объявлять в Сенате, которому немедленно штрафовать виновных; если же в Сенате станут тянуть время несколько сенаторов или все, то на них доносить государю. Ревизор должен иметь столик в той же избе, где Сенат сидит, и записывать указы».

Обер-секретарь Сената Щукин в 1714 году писал Макарову: «Ныне у нас в Сенате во всем большое правление, и все приказные палаты зависят на господах месячных сенаторах, а общий всех съезд для общего дел решения бывает не по вся дни, но временно; итак, слава богу, правление стало быть изрядное». Но некоторые сенаторы находили, что правление не совсем изрядное. Сенатор граф Петр Матвеевич Апраксин подал извет: «По указу царского величества велено нам в правлении Сената дела всякие управлять всем сообща, без всяких прихотей, по настоящим указам, с исполнением правды, под опасением его царского величества гневу. А в нынешнем 717 году привезен из Киевской губернии фискал Безобразов, у которого в Курске была брань с тамошними подьячими; в этой брани говорил он подьячим: „Что вы бунтуете?“ Подьячие подали на него доношение; он в Сенате допрашиван и сказал, что эти слова говорил только в брани при свидетелях. Надлежало бы по тех подьячих и по свидетелях послать, и если бы кого довелось по очным ставкам пытать, то этот розыск довелось чинить при всех них, о чем и другие господа сенаторы приговорили согласно; но сенатор князь Долгорукий (Яков), без приговору всех сенаторов общего, самовластно, своею силою, являя всем страх свой и по каким-то своим злобам, поехав в застенок один, того фискала Безобразова пытал жестоко, а другие сенаторы для той пытки, кроме племянника его, князь Михайлы Долгорукого, никто не ездили, для того что прежде времени, не дождавсь помянутых подьячих, пытать его не надлежало, в чем я ему, будучи в

Сенате, многими словами спорил при господине сенаторе Самарине и при господине генеральном ревизоре бригадире Зотове, чтоб он такого своевольства не делал. И потом, видя, он, князь Долгорукий, что Безобразова пытал без приговора общего, один, спустя больше недели велел дьяку о той пытке написать приговор задним числом, как не только в Сенате, но и в других канцеляриях не бывает, а лежал оный приговор на столе не закреплен долгое время, и по многим словам его закрепили, которого неправдивого приговору закрепить я не мог». Долгорукий оправдывался тем, что Безобразов пытан во многом воровстве и в бунтовых словах, а что не все сенаторы в том застенке были, то для этого отлагать пытки до другого дня было нельзя, потому что Безобразов приличился в воровских бунтовых словах, а такие дела разыскиваются неотлагательно; приговор о том застенке хотя и после написан, однако это сделано для его, графа Апраксина, слов по повелению сенаторов, да и после сего извета Безобразов пытан без приговору же, при которой пытке он, доноситель, и сам был. Граф Апраксин в улику говорил, что Долгорукий Безобразова пытал один прежде времени, а про приговор и сам он, князь Долгорукий, сказал, что писан после пытки. Дело было передано лейб-гвардии майорам Дмитриеву-Мамонову и Лихареву и поручику Бахметеву; они решили, что за неправоное доношение графа Апраксина на князя Долгорукого, по военному артикулу 6 главы, надлежит взять на Апраксине штраф 300 рублей в лазарет на дачу солдатам, потому что Безобразов пытан по настоящей его вине. Под приговором подписано собственною рукою царя: «Взять». В 1719 году положены были штрафы за два неправоые вершения на сенаторов князя Якова Долгорукого, графа Мусина-Пушкина, князя Михайлу Долгорукого, Самарина и Стрешнева.

И генеральный ревизор Зотов не находил, что правление в Сенате было изрядное. В 1718 году он донес царю: «В бытность мою при Сенате по многим указам не исполнено, и хотя сенаторам я неоднократно доносил, но те мои доношения уничтожены. Велено господам сенаторам съезжаться в канцелярию и сидеть в неделю три дни всем, а месячному каждый день, и ежели кто не будет, на том брать штрафу за каждый день 50 рублей; этот указ постоянно не исполняли, о чем значится во вседневной записке. По указу 1714 года велено в Сенате, в войсках и губерниях всем делам составлять протоколы и без того отнюдь не дерзать; а в Сенате по протоколам дел решено до моего прибытия одно да при мне в три года три дела. Годовые ведомости ниоткуда в Сенат не присылаются, без чего не видно ни приходу, ни расходу, ни доимок, ни губернаторских или других подчиненных неисправ. В недосылке из губерний денег с 714 по нынешний год близ 1 1/2 миллиона рублей; за эти и за иные неисправы положено было штрафов 31657 рублей, из которого числа взято 3368 рублей, да по указу отсрочено 5613, сложено 2834, не взято 19841 рубль. По нарядам с 714 года в С.-Петербург на житье не перевелено шляхетства со 150, купечества и ремесленных с 3000 домов, и за неисполнение никто не штрафован. На содержание гошпиталей сборных с вечных памятей денег из многих епархий с 714 года ничего не прислано, а из иных не на все годы, да и вычетных у офицеров денег за повышение чинов не присылают же, о разных рудах и красках, про которые объявляют доносители, решения не сделано».

Зотов жаловался на нерадение Сената, на послабление его людям, не исполнявшим указы; а с другой стороны, были жалобы на притеснения от Сената.

Последние жалобы произошли вследствие столкновения Сената с ближайшим губернатором московским – князем Михайлою Григорьевичем Ромодановским. В 1712 году Ромодановский жаловался царю: «Купечество всякими делами и сборами и военными постоями ведалось в ратуше, а пожарным ведомством и объездами по Москве в Земском приказе. А в нынешнем 1712 году *господа сенаты* сами собою повелели купечество военными постоями, пожарным ведомством и объездами ведать в московском гарнизоне у *Сената ж* и обер-коменданта князя Голицына, по дружескому между ними совету, в чем купечеству есть обиды, а денежным сборам с них в губернском правлении остановка великая, потому и многих людей, из купечества взяв в гарнизон и к объезжим, напрасно держат. Пришел ко мне на двор дьяк и сказал словесно: сенатским повелением Поместный приказ мне не ведать, а ведать дьякам под ведением сенатским; а набор рекрут и работников из Поместного приказа ведать в губернской канцелярии. Сенаты сами собою, без моей вины Поместный приказ с поместными делами взяли у меня из губернского правления к себе под ведомство, чиня Московской губернии и мне напрасную обиду, знатно того ради: в том приказе есть их сенатские (сенаторов) многие дела, так чтоб им самим те дела вершить было всячески способно без всякого препятствия. А наинужнейшие государственные дела – набор рекрут, работников, плотников – они, сенаты, перенесли из Поместного приказа в губернскую канцелярию, не дав к тем наборам прежних дьяков и подьячих, в чем самая сильная государственная нужда и неуправление; а поместные дела челобитчиковы, а не вашего величества. Этих наборов они, сенаты, под ведомство к себе не взяли, знатно желая меня в тех наборах за какое-либо, хотя малое, от одного безлюдства неисправление видеть в сущей напасти и штрафовать, потому что без прежних дьяков и подьячих, за обычных ведомцов, управлять тех наборов невозможно. Слободскими посадскими людьми командуют *господа обер-комендант и комендант* и делают что хотят, и ни в чем нашему слову места нет. Слезно у тебя, государя, милости прошу: или вели коменданту с гарнизоном быть у меня, или губернию управлять обер-коменданту. Указами от правит. Сената наряжают дела очень крутые, сроки определяют очень краткие, а штрафы сулят неслыханные, якобы великому злодею; посулили у меня отписать поместья и вотчины, ежели я не соберу и не пришлю в июне месяце 25000 рублей, чего мне сделать нельзя за их же указами, что о пустоте указу не чинят, а лишку собирать не велят».

Вслед за тем новые жалобы от Ромодановского: «Велено мне ведать губернию Московскую, а мне управлять никоим образом нельзя: добрых царедворцев самое малое число, и более того сенаты давать не хотят и отказали, а солдат и начальников артикульно и ни одного нет. И многие команды без командиров, а при которых делах командиры и есть, и из тех многие негодны, также и посылки многие в остановке, посылать некого. А по доношениям нашим правит. Сенат довольства и письменного указа не чинят, по многим делам приказывают словесно, а многих доношений и не принимают. От гарнизона нам нет никакой помощи, а только великие и многопомешательные обиды в воровствах, корчмах и других делах. Ныне их честность определили ко мне 5000 человек солдат, в которых ниже вида солдатского, люди нищи и многие дряхлецы, ни мундиру, ни ружья, ни начальных людей, ни командующего с ними не прислано. Во всякий спрос и во всякую отправу и в тягость мы им близки, а в

другие губернии им не видно, и когда еще их гнев дойдет, а мои помощники не только м... бранью и многими окриками, но и тюрьмами наказаны, а вины их богу только известны, а нам не показаны... Да и лучший мой и добрый помощник господин вице-губернатор (Ершов) бранью и окриками наказан очень довольно, и посулено ему черевы на кнутях выметать, а за что – не знаю же и, кроме добрых его трудов в делах ваших, не вижу и не слышу. Он же выбит из двора, и караул сенатский прислан за штрафные деньги, будто за неприсылку книг 710 года; а те книги не его и ведомства, и стоять ему за них не для чего, и отосланы еще до штрафования задолго. А хотя б и подлинно он такого штрафа достоин, то платить ему конечно нечем, служит тебе, государю, весьма верно и прилежно и бескорыстно, и тебе, государю, служба его много прибыточна: при у правительстве его учинено тебе прибыли 116000 рублей; и всякие губернские дела отправлял верно и ревностно, и народ охранял от многих обид всеусердно, и жалобщиков на него нет; а жалования ему за губернские его труды не учинено, без чего ему пробыть нельзя, потому что служит бескорыстно и вошел во многие долги».

По первому письму Ромодановского царь послал указ Сенату, чтоб дали во всем управу и объяснили обстоятельно, в чем дело. «Но от их честности, – писал опять Ромодановский, – ничего о том не учинено, и на меня и на помощника моего день ото дня умножается несносное гонение без всякой вины. Гарнизонная комендантская канцелярия завербовала всеми слободами, купецкими разными многими делами, понеже собственные твои, государевы, сироты, купецкие люди исстари беззаступны, и того ради всякому они в команду надобны. Вашему величеству верно известно, что мужик я престарелый, и в роде поколения моего осиротелый по-видимому безнадежно, и одряхлел в достаток, и уже что мне, рабу твоему, надобно? Пожалован я всем довольно и больше ничего не требую, и прочить мне некому». Ромодановский умер в начале 1713 года. У преемника его, Салтыкова, не было ссоры с Сенатом, и шел слух, что он получил место по старанию сенаторов, особенно Мусина-Пушкина и Долгорукого. Но зато началась ссора у губернатора с вице-губернатором Ершовым, который публично, в глаза упрекал Салтыкова в казнокрадстве. В 1716 году царь дал указ Сенату: «Между губернатора и вице-губернатора московских разыскать в их ссорах, а паче того смотреть, в чем они учинили повреждение и убыток государству, а между тем на время велеть быть в Московской губернии губернатором Кириллу Нарышкину, а вице-губернатору старому». Следствием розыска было то, что Нарышкин сделался настоящим, а не временным только губернатором вместо Салтыкова и, подобно Ромодановскому, начал ссориться с Сенатом. В 1717 году Меншиков писал Макарову: «Просил нас слезно губернатор московский господин Нарышкин, что от господ сенаторов великие ему и несносные чинятся напрасные обиды, а именно приказали у него отписать дворы и деревни безо всякой причины, будто за ослушание, а более злясь на него за бывшего губернатора Салтыкова; могу я истинно засвидетельствовать, что они его ругают напрасно; для бога, приложите старание свое у ее величества государыни царицы и у прочих, у кого надлежит, и учините ему вспоможение». Не одни московские губернаторы ссорились с Сенатом; в 1717 году казанский вице-губернатор Кудрявцев писал Макарову: «Я послал царскому величеству особое просительное письмишко, чтоб меня помиловал за бедную мою дряхлость и беспамятство, указал меня от

губернаторских дел освободить: несносно стало, по указам от прав. Сената трудно исправляться. Другие губернии милуют, а на нашу все прибавляют, и когда их превосходительству приносим оправдание, здравого рассмотрения не чинят и не принимают; одно затвердили, что наша губерния богата: она так богата сделалась, что перед другими губерниями с дворов все вдвое собираем, и всеконечно опустеет; а переменить нельзя: хотя чего малого не дошлем, все штрафы да разоренье».

Еще в 1712 году число сенаторов увеличилось тайным советником, генерал-пленипотенциаром, кригс-комиссаром князем Яковом Федоровичем Долгоруким, который занял между ними первое место. Взятый в плен под Нарвою, Долгорукий чудесным образом освобожден в 1711 году; его с 44 товарищами привезли было для размены на восточный берег Ботнического залива, но потом опять повезли на шведскую сторону. «И всемилосердый бог, – пишет Долгорукий, – предстательством богоматери дал нам, союзникам, благой случай и бесстрашное дерзновение, что мы могли капитана и солдат, которые нас провожали, пометать в корабли под палубу и ружье их отнять, и, подняв якорь июня 3 дня, пошли в свой путь и ехали тем морем 120 миль и, не доехав до Стокгольма за 10 миль, поворотили на остров Даго. И шкипер наш и штырман знали пути до Стокгольма, а от Стокгольма чрез Балтийское море они ничего не знали и никогда там не бывали и карт морских с собою не имели; и то море переехали мы без всякого ведения, управляемые древним бедственно-плавающих кормщиком, великим отцем Николаем, и на который остров наморились, на самое то место оный кормщик нас у правил». Впоследствии вступили в Сенат граф Петр Матвеевич Апраксин, князь Меншиков, адмирал граф Апраксин, канцлер Головкин, Яков Брюс, подканцлер Шафиров, граф Петр Толстой, князь Дмитрий Голицын, граф Андрей Матвеев, князь Дмитрий Кантемир. Такое увеличение числа сенаторов произошло вследствие того, что с 1718 года в Сенат вошли президенты коллегий. Тогда же Сенат получил право баллотированием выбирать в высшие чины. В наказе воеводам 1719 года говорится, что воевода должен вести себя так, как пред богом, его царским величеством и пред Сенатом и пред всем честным светом ответ дать может. Об обязанностях Сената царь писал: «Никому в Сенате не позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются службы нашей, тем менее заниматься бездельными разговорами или шутками, понеже Сенат собирается вместо присутствия его величества собственной персоны. Без согласия всего Сената ничего нельзя начинать, тем менее вершить, и надобно, чтоб всякие дела не в особливых домах или беседах, но в Сенате решались и в протокол записывались, и не надлежит сенатским членам никого посторонних с собою в Сенат брать. Всякое дело должно быть исполнено письменно, а не словесно; глава же всему, дабы должность свою и наши указы в памяти имели и до завтра не откладывали; ибо как может государство управлено быть, егда указы действительны не будут: понеже презрение указов ничем не рознится с изменою, и не только равномерную беду принимает государство от обоих, но от этого еще больше, ибо, услышав измену, всяк остережется, а сего никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится, и люди в непослушании останутся, чему не что иное, токмо общая погибель, следовать будет, как-то в Греческой монархии явный пример имеем». Сначала сенаторы

переезжали из Москвы в Петербург и обратно, но потом окончательно остались в новой столице.

Правительствующий Сенат, у которого в руках было теперь все, по выражению самого царя, считал себя вправе брать дела из одного приказа и передавать их в другие ведомства, ибо, как мы знаем, разнородные дела соединялись в известных приказах случайно и оставались вместе по обычаю, по старине. Но теперь, когда всякая старина была тронута, что мешало, например, возникнуть вопросу: с какой стати набор рекрут и работников принадлежит к числу занятий Поместного приказа? При усложнении правительственной машины, при новых потребностях и взглядах старые приказы не могли долго держаться. Чем же они могли быть заменены? В преобразующейся России на всякий подобный вопрос обыкновенно отвечали другим вопросом: а как дела делаются за границую, в образованных государствах? Там были коллегии, следовательно, они должны были явиться у нас. Знаменитый Лейбниц писал Петру, что хорошее правление может быть только при условии коллегий, которых устройство похоже на устройство часов, где колеса взаимно приводят друг друга в движение. Сравнение не могло не понравиться Петру, который именно стремился к тому, чтоб русские люди во всем приводили друг друга в движение, ибо все зло происходило от разобщенности колес. Итак, надобно старинные приказы заменить коллегиями; но где взять колеса для часовых машин, для которых старые колеса не годятся? Первый способ для этого, разумеется, взять готовое, взять иностранцев. В августе 1715 года Петр поручил генералу Вейде достать иностранных ученых и в правостях (правах) искусных людей для отправления дел в коллегиях; иностранцу давали ассессорский чин, 500 рублей жалованья и квартиру; отправлять должность свою иностранцы должны были чрез толмачей. Это неудобство, разумеется, заставляло искать другого способа наполнить коллегии в «правостях» искусными людьми; в конце того же года царь дал наказ резиденту при императорском дворе Веселовскому: «Старайся сыскать в нашу службу из шрейберов (писарей) или из иных не гораздо высоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской, из бемчан (чехов), из шленцев (силезцев) или из моравцев, которые знают по-славянски, от всех коллегий, которые есть у цесаря, кроме духовных, по одному человеку, и чтоб они были люди добрые и могли те дела здесь основать. Также сыщите книги: лексикон универсалис, который печатан в Лейпциге у Симона; другой лексикон, универсалис же, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке, и оный сыщите на латинском или на немецком языке; также сыщите книгу юриспруденции. И как их сыщешь, тогда надобно тебе съездить в Прагу и там в езуитских школах учителям говорить, чтоб они помянутые книги перевели на славянский язык, и о том с ними договоритесь, по чему они возьмут за работу от книги, и о том к нам пишите; а понеже некоторые их речи несходны с нашим славянским языком; и для того можем к ним прислать из русских несколько человек, которые знают по-латыни, и оные лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить. В сем гораздо постарайся, понеже нам зело нужно». Но охотников нашлось немного, и потому в августе 1717 года приглашены были шведские пленники, хорошо познакомившиеся с русским языком, вступить в службу при коллегиях. И этим способом, как видно, не могли добыть много людей в коллегии; по крайней мере Измайлов, имевший поручение приглашать шведских

пленных, живших в Сибири, писал Макарову в сентябре 1718 года: «В Тобольске и в других сибирских городах в службу царского величества пошло шведских офицеров 9, драгун и солдат то же число, а более никаким образом призвать не мог, потому что имеют довольство немалое, чего и в отечестве своем многие не имели, и в *калеги* (коллегии) никто не пошел, а больше для того нейдут, что ожидают в скором времени мира». Между тем хотели приготовить и своих, русских: в январе 1716 года велено послать в Кенигсберг человек 30 или 40 молодых подьячих для научения немецкому языку, дабы удобнее в *коллегиум* были, и послать за ними надзирателями, чтоб они не гуляли.

В конце 1717 года уже определено было число коллегий – девять: 1) чужестранных дел, что ныне Посольский приказ. 2) Камер, или казенных сборов. 3) Юстиция, т.е. расправа гражданских дел. 4) Ревизион, счет всех государственных приходов и расходов. 5) Воинский (т.е. коллегиум). 6) Адмиралтейский. 7) Коммерц. 8) Штатс-контор, казенный дом, ведение всех государственных расходов. 9) Берг– и Мануфактур. Назначены были президенты и вице-президенты в каждую коллегию: в коллегию Иностранных дел президентом – канцлер граф Головкин, вице-президентом – вице-канцлер барон Шафиров; в Камер-коллегию президентом – князь Дм. Мих. Голицын (киевский губернатор), вице-президентом – барон Нирот; в Юстиц-коллегию президентом – тайный советник Андрей Артем. Матвеев, покончивший свое дипломатическое поприще, вице-президентом – Бревер; в Ревизион-коллегию президентом – князь Долгорукий, вице-президента не было назначено; в Военную коллегию президентом – князь Меншиков, вице-президентом – генерал Вейде; в Адмиралтейскую президентом – адмирал граф Апраксин, вице-президентом – Крейс; в Коммерц-коллегию президентом – Петр Андр. Толстой, вице-президентом – Шмидт; в Штатс-контору президентом – граф Мусин-Пушкин, вице-президента не было назначено; в Берг– и Мануфактур-коллегию президентом – Брюс, без вице-президента. Таким образом, кроме последней, Берг– и Мануфактур-коллегии, президентами были назначены русские, вице-президентами (кроме Иностранной коллегии) – иностранцы.

Назначенные президенты должны были выбирать советников и ассессоров, но с тем, чтобы последние не были их родственники или собственные креатуры; на всякое место должны были выбрать по два или по три человека и потом представить списки имен в собрание всех коллегий, где должна происходить баллотировка. В конторы по губерниям отправлены были добрые люди, чтоб и там выборы происходили таким же образом, с присягою. В коллегиях должны были быть русские: президент и вице-президент (впрочем, вице-президент мог быть и иностранец); потом из русских должны были быть четыре советника, четыре ассессора, один секретарь, один нотариус, один актуарий, один регистратор, один переводчик и подьячие трех статей (старые, средние и младшие). Из иноземцев были: один советник или ассессор, один секретарь, один шкрейвер. В апреле 1718 года царь дал указ: «Всем коллегиям надлежит ныне на основании шведского устава сочинить во всех делах и порядках (регламент) по пунктам; а которые пункты в шведском регламенте неудобны или с *сетуациею* сего государства несходны, и оные ставить по своему рассуждению и, поставя, об оных докладывать, так ли им быть?» С 1720 года уже все коллегии были в полной деятельности.

Колеса в новых машинах не пошли вдруг хорошо; вместо того чтоб приводить взаимно друг друга в движение, иногда зацеплялись друг за друга и мешали общему действию. Еще в 1719 году царь жаловался на бессюзство, разности и свары между членами Юстиц-коллегии, вследствие чего был издан указ о пресечении местничества и о порядке старшинства коллежских членов. В том же году в коллегии Иностранных дел произошло столкновение между президентом и вице-президентом. Мы уже видели, что вице-канцлер Шафиров, находясь в Константинополе, подозревал канцлера Головкина в нерасположении к себе. По возвращении его в Россию это подозрение, как видно, не уничтожилось. 19 мая означенного года были в коллегии Иностранных дел канцлер граф Головкин да подканцлер барон Шафиров, и от канцлера было предложено, чтоб по именному указу великого государя дела слушать, решать и подписывать всем членам коллегии. На это предложение подканцлер барон Шафиров объявил, что он с находящимися теперь налицо членами дел подписывать не будет, в том протестует, причем назвал одного из членов, Курбатова (Петра), канцлеровою креатурою; Шафиров говорил, что потребно полное число членов и что коллегия Иностранных дел другим не пример, а с членами, которые из подьячих, и сидеть стыдно. Канцлер ему отвечал, что эти члены коллегии написаны уже прежде в ведомостях, поданных за их руками в Сенат, в Камер- и Штатс-коллегии: Василий Степанов написан советником канцелярии, Петр Курбатов – секретарем-ассессором, и, пока не набрано будет полное число членов, публичные дела коллегии, кроме чужестранных, надобно управлять с ними по-прежнему, мнение каждого должно записывать в протокол и крепить приговоры вместе с ними. Подканцлер сказал на это: «Я с ушниками и бездельниками дел не хочу делать»; и когда канцлер заставлял советника Степанова подписываться к указам, то Шафиров сказал: «Когда у нас такой спор, то надобно требовать определения от его царского величества». Сказавши это, подканцлер с сердцем встал и пошел вон, но, остановясь в дверях, закричал канцлеру: «Что ты дорожишься и ставишь себя высоко? Я и сам такой же!» Канцлер ему отвечал: «Как ты моей старости не устыдишься такими словами мне досаждать и кричать!» Шафиров, вышедши в переднюю палату, перед просителями – гетманским посланцом Кегичем, калмыцкими посланцами и волохами – говорил служителям канцелярии, что канцлер хочет коллежские дела делать с своими креатурами и хочет заставлять их с собою подписывать. Протокол об этом, подписанный Головкиным, Степановым, Курбатовым, Губиным, Аврамовым, был представлен государю.

Возвратившись домой, Шафиров послал за Степановым, тот не пришел; Шафиров посылал еще два раза, Степанов не явился; подканцлер подал на него жалобу, требуя суда; Степанов представил оправдание: «Я не пришел по следующим причинам: 1) 19 числа в коллегии подканцлер сказал, что он с ушниками и бездельниками дел делать не будет, и называл меня с прочими креатурою канцлеровою, поэтому канцлер мне и другим членам коллегии ходить к нему не велел. 2) Боялся я того, чтоб меня не убил, потому, что, прибавши Губина, говорил он, чтоб и мы того же опасались. Подканцлер потом подьячему Аврамову говорил, что он звал меня тогда не для дела, но хотел ведать о записке протокола, врученного вашему величеству; еще и то говорил, что хотя бы он и побил меня, то б мне можно за его ко мне благодеяния то снести. Я о моей персоне не говорю, только характер канцелярии советника не допускает, что не токмо побои, но и

брани терпеть. Он же, Аврамов, и то сказывал, что подканцлер говорил ему, будто ваше величество ему обещали меня и Губина бить, как и Михайла Волкова, а Курбатов-де места поищет». Чем дело кончилось, неизвестно, ибо царским расправам протоколы не велись.

Когда коллегия Иностранных дел получила полное число членов, то 13 февраля 1720 года последовало следующее определение: «Когда случатся важные дела, то призывать всех или несколько (по важности дела) тайных советников действительных, и все должны подавать совет письменно и потом докладывать о решении. Канцелярии советники: тайный канцелярии советник Остерман, канцелярии советник Степанов; их должности – сочинять грамоты к чужестранным государям, рескрипты к министрам, резолюции, декларации и прочие бумаги великой важности и тайны, а прочее заставлять сочинять секретарей экспедиции и надзор за ними иметь. Когда случатся такие государственные тайные дела, что его царское величество высокою особою присутствовать в коллегии изволит, или для какого-нибудь совета другие тайные советники созваны будут, то из двоих канцелярии советников один или, по множеству дел, и оба присутствуют и о предмете совещания доносят и читают и соответственно решению рескрипты или грамоты и прочие резолюции сочиняют; а если понадобится, то им и голоса, для большего секрета, вместо нотариуса записывать. Совета их притом не спрашивается, но могут делать ремонстрации или представления. Если же в Иностранной коллегии присутствуют только канцлер да подканцлер для решения дел, тогда канцелярии советники вместе с ними сидят за одним столом и ко всему, что будет в собрании определено, подписываются».

Более других президентов коллегий было тяжело президенту Юстиц-коллегии, как видно из жалоб Матвеева, поданных в 1721 году: «По указу вашего величества положено на коллегии Юстиции прежних семь приказов, т.е. Поместный, судные все. Сыскной, Земский, и прибавлены еще фискальские дела: бремя несносное! К тому же всякую неделю по три дня всем президентам определен съезд в Сенат, а два дни на расправу коллежскую; членам коллегии одним во время моей отлучки в Сенат решать дела нельзя, отчего в таких многочисленных делах беспрестанная остановка и на коллегию нарекание. В той же многодельной коллегии ныне вице-президента и добрых помощников нет за разбором по иным коллегиям лучших царедворцев; когда при коллегии бываю я, то работаю, сколько могу по малым моим силам, и дела решаются; но хотя решаются они и настоящим образом, однако не только мне, но и ангелу бесплотному на народ наш угодить и без упреков от него быть никак нельзя, как вашему величеству самому известно. Из Юстиц-коллегии в три года дел с 15 перенесено в Сенат по челобитью недовольных, да и те еще там не решены и ничего на коллегию не показано. В прошлых годах князь Яков Фед. Долгорукий, когда сидел в Судном московском приказе, то в один год с полтора ста дел по челобитьям на его вершение было перенесено в расправную палату; и тому судье угодить на наш народ было невозможно. Юстиц-коллегия, исполняя все верно и не угождая произволам некоторых нажила себе многих неприятелей, всегда вредящих тайно и явно; особливо же некоторая знатная особа, которая с протоколистом Иностранной коллегии Протопоповым важное имела прежде дело у нас в коллегии и по желанию своему не получила успеха, несет на меня

партикулярно свою неукротимую злобу и, где найдет случай, великий вред мне причиняет и других к тому же подучает; нрав этой особы, думаю, и самому вашему величеству известен. Также и другие знатные особы, имеющие по фискальским доношениям на себя дела, а иные, за своих сродников и приятелей заступаясь, увидав, что я им без поманки и без всякой корысти по делам их не угождаю, всячески с своими приятелями и фамилиями намереваются и угрожают у вашего величества и в Сенате всегдашний вред мне причинять, отчего я, в таком своем крайнем сиротстве будучи постоянно, опасаясь их, ибо и Геркулес едва ли бы мог против двоих стоять».

Мы видели, что в 1708 году Петр разделил государство на губернии, губернии разделялись на провинции. Правители пограничных губерний в описываемое время назывались генерал-губернаторами, в остальных – губернаторами; помощниками их были вице-губернаторы, иногда, впрочем, вице-губернаторы управляли целою губерниею: так, Курбатов в звании вице-губернатора управлял всею Архангельскою губерниею; как видно, здесь была уступка родовитым людям: царь не хотел дать человеку холопского происхождения одинакого звания с Ромодановскими, Голицыными и Апраксинами; в указе 6 марта 1712 года было сказано: господ Петра Апраксина, князя Дмитрия Голицына, Петра Салтыкова, князя Матвея Гагарина писать губернаторами, Алексея Курбатова – вице-губернатором. Провинции управлялись воеводами; при губернаторах и воеводах находилась *земская канцелярия*, приводившая в исполнение все распоряжения губернатора или воеводы. Указом 24 апреля 1713 года в областное управление внесено было коллегиальное начало: велено назначить ландратов: в больших губерниях – по 12, в средних – по 10, в меньших – по 8; их должность состояла в том, что они все дела с губернатором решали и подписывали, и «губернатор у них не яко властитель, но яко президент»; он имел только два голоса и никакого дела без них не делал. Ландраты выбирались в каждом городе или провинции всеми дворянами за их руками. В 1719 году ландраты исчезают, как видно по недостатку в людях. Для суда учреждены были земские судьи, или ландрихтеры и обер-ландрихтеры, и, чтоб дать им большую независимость, они и имения их были изъяты из-под ведомства губернаторского; судились ландрихтеры в Сенате. Жалобы на несправедливые решения губернаторов и судей поступали в расправную палату при Сенате, где чинили указ по тем делам. В 1720 году в значительных городах учреждены были надворные суды для дел гражданских и уголовных. Надворный суд составлял высшую инстанцию в областном судеустройстве, среднюю составлял суд провинциальный и последнюю – нижний городской суд; как в надворном, так и в нижнем судах в столицах упоминаются обер-ландрихтеры в качестве президентов. Мысль об отношениях судебной власти к административной находим в следующей инструкции воеводам: «Хотя воеводе не надлежит ссор тяжёбного дела судить и судьям в расправе их помешательства чинить, однако ему крепко смотреть, чтоб земские судьи уездный суд управляли по инструкции и подданных волокитами не утесняли. Воеводе велеть уставы, паче же в смертных делах, по знатным праздникам прихожанам в церквах трижды в год прочитывать. Смертные дела воеводе каждое к своему подлежащему суду отсылать и по определению дворового суда действо производить». В указе из Юстиц-коллегии 1719 года также предписывается губернаторам и вице-губернаторам смотреть, чтоб не было

волокиты и напрасных убытков челобитчикам всякого чина, особенно же призирать бедных людей, вдов и сирот безгласных и беспомощных. Чем для целого государства была Камер-коллегия, тем в губерниях были земские конторы, управлявшиеся земским камериром, или надзирателем сборов; у камерира были три книги: в первой были обозначены все источники казенных доходов; во второй – все получения и выдачи; в третьей – все свидетельства и счета; земский комиссар собирал и записывал все казенные доходы, кроме пошлин. В январе 1715 года было постановлено, чтобы в тех городах, в которых нет гарнизонов, обер-комендантам и комендантам не быть, быть вместо них ландратам, по одному человеку над каждую долю, в которой содержится 5536 дворов или по сколько будет удобнее по расстоянию места, больше или меньше, по рассуждению губернаторскому. С ландратами для управления всяких сборов и земских дел в каждой доле быть по одному комиссару. В тех городах, которые прилегли к украинным местам и для опасения от неприятельских набегов будут в них гарнизоны из ландмилиции (т.е. *земское войско*), в таких городах быть комендантам, которым ведать и ландратское правление. Из ландратов всегда быть при губернаторах по два человека, с переменою по месяцу или по два месяца, а в их отсутствие должность их исправляют комиссары. В конце года все ландраты съезжаются к губернаторам со всеми ведомостями своего правления для счета и решения дел всем вместе. Губернаторам ни для каких сборов и дел от себя никуда в ландратское правление нарочных не посылать, кроме того случая, если кто-нибудь из ландратов впадет в погрешение или спор какой будет в землях; в таких случаях для розыску и межеванья посылать ландрихтеров, а судить ландратов губернаторам самим с вице-губернаторами и ландратами. Посадских людей ландратам ни в чем не ведать и ни в какие их дела не вступать, а иметь им для управления своих дел и земских сборов бурмистров за выборами, с ведома губернаторского; в исках своих бить челом посадским на крестьян ландратам, а крестьянам на посадских – земским бурмистрам. Тогда же назначено было жалованье: губернаторам – 1200 рублей денег, 600 четвертей хлеба, с.-петербургскому – вдвое. Вице-губернаторам: петербургскому – 3000 рублей (?), 300 четвертей хлеба; прочим – по 600 рублей и 300 четвертей. Ландрихтерам: петербургскому – 600 рублей и 150 четвертей, прочих губерний – 300 рублей и 150 четвертей. Обер-инспекторам (за торговлею) петербургскому и рижскому – по 1200 рублей. Комиссарам петербургским и из губерний, в Петербурге при Сенате находящимся, – 120 рублей и 60 четвертей; губернским – по 60 рублей и по 30 четвертей. Дьякам в губерниях – по 120 рублей и по 60 четвертей; подьячим старым – по 60 рублей и по 30 четвертей; средней статьи – по 40 рублей и 20 четвертей, молодым – по 15 рублей и 10 четвертей.

Учрежден был Сенат, коллегии, дано новое устройство областям, а нового уложения не было. Мы видели, что в 1700 году государь велел боярам сидеть у уложения, снести Уложенную книгу 1649 года с новыми статьями и вершенными делами. Но, чем далее шли по дороге преобразований, чем более знакомились с иностранным бытом, тем менее становились довольны Уложением царя Алексея Михайловича. Учрежден Сенат, вместо приказов – коллегии, в областях – губернаторы, ландраты и ландрихтеры, надворные суды и канцелярии, всюду – новые порядки: неужели же при этом останется старое уложение? В апреле 1718 года был дан именной указ о сочинении регламента всем коллегиям на основании

шведского устава, и в следующем же месяце последовала резолюция на доклад Юстиц-коллегии об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе шведского уложения и об учинении свода российских законов с шведскими. Президент Юстиц-коллегии Матвеев писал Макарову через два месяца после того: «Я ныне токмо починаю ослабу от болезни своей иметь и, хотя тяготою оной болезни своей одержим, однако ж в повсвременном ныне труде пребываю сам при своде шведского устава с российским Уложением, не покладывая в том ни на кого; и хотя которые приказные люди при том деле есть, но во всем моя несклонная работа умножается, понеже в таких нужных делах на не заобычных людей положиться, ни им управить без меня невозможно». В декабре 1719 года был дан указ Сенату о начатии заседаний для слушания уложения 7 января 1720 года; в указе говорилось: «Слушаючи оное, которые пункты покажутся несходны к нашему народу, то против оных из старого уложения или новые пункты делать; тако же ежели покажутся которые в старом уложении важнее, нежели в шведском, те тако ж противу написать и все то нам к слушанью изготовить. Для поместных дел взять права эстляндские и ляфляндские, ибо оные сходнее и, почитай, одним манером владения имеют, как у нас». В мае 1721 года коллежским членам, которые сочиняют уложение, велено указные три дня в неделю сидеть до половины дня в коллегиях, а после полудни, от третьего до осьмого часа, – за уложением.

Петр не дожидался составления уложения, чтоб приступить к преобразованиям в области права. 15 января 1718 года был отменен праваж: «Которые люди по подрядам и по откупам и по верным таможенным и питейным и всяким сборам, и в начетных и штрафных деньгах, и во всяких таможенных государственных сборах на определенные им сроки в платежах не исправились, и в том ныне в губерниях и канцеляриях на правеже держатся, и впредь ежели кто в таковых неисправах явится, и таковых как самих, так и поручиков их, а буде сами должники померли, после их жен их и детей на правеже не держать, а отсылать их в С.-Петербург и отдавать в Адмиралтейство, а в Адмиралтействе определять годных в галерную работу, а старых и малолетних мужеского полу в другую работу, а жен в прядильный дом; за ту работу зачитать им тех долговых денег, на месяц по рублю человеку. Во время той работы давать корм наравне с каторжными; а буде такие должники будут просить в платеже тех долговых денег сроку, и таковым сроку давать с добрыми поруками на полгода. И которые люди те долговые деньги заработают, и таких от той работы освобождать, давая им отпускные письма. А которые люди будут в истцовых исках должны и на определенные сроки платежом не исправятся ж, и о посылке тех чинить против вышечисаного ж, долги вычитать за работу по рублю ж на месяц человеку, а заимодавцам зачитать каждую персону за работника, кроме жен». Важно было преобразование в области семейного права относительно служилого сословия. Мы видели, какие две цели назначил Петр для своей преобразовательной деятельности: внутреннее спокойствие и внешнюю безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли. Имея в виду эти две цели и смотря постоянно на сильные и богатые поморские государства, Петр приступил к преобразованию служилого сословия. Оно не могло быть для него, как было для его предков, только служилым сословием; оно было в его глазах и сословием земледельческим и в этом значении своем имело

ближайшее отношение ко второй цели преобразовательной деятельности, к обогащению страны, именно могло содействовать благосостоянию крестьян, прикрепленных к его землям, и внести новые силы, нравственные и материальные, в среду торговых людей. Поэтому Петра занимал вопрос о порядке наследства за границею. Неизвестно, к которому году относится письмо Якова Брюса к царю: «По твоему, государскому, писанию к Адаму Вейду послал я к тебе краткое описание законов (или правил) шкоцких, агленских и французских о наследниках (или первых сынах)». В апреле 1711 года, когда внимание было занято турецким походом, Головкин писал секретарям Посольского приказа: «Желает его царское величество ведать подлинно из правил французских, аглинских и венецыйских, какое у них определение как в недвижимых маетностях и домах, так и пожитках детям, по отцах оставшимся, мужеска и женска пола в наследствии и разделе оных, как знатнейших княжих, графских, шляхецких, так и купецких фамилий: и вы поищите таких правил в книгах, которые вывез к Москве Петр Посников, и ежели того нет, то спрашивайте и ищите оных правил на Москве у иноземцев, и ежели где что сыщется, то велите немедленно перевести». В марте 1714 года оказалось, зачем Петру нужны были эти правила: он издал указ о майорате и, по обычаю, объяснил причины этого нововведения: первая причина – большая исправность в платеже податей и улучшение быта крестьян: «Если недвижимое будет всегда идти одному сыну, а прочим движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большого всегда господин довольнее будет, хотя по малу возьмет, и один дом будет, а не пять, и может лучше льготить подданных, а не разорять. Вторая причина: фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славные и великие дома. Третья причина: прочие (сыновья) не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что они сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть. Понеже разделением имений недвижимых великий есть вред в государстве нашем как интересам государственным, так и самим фамилиям падение, например ежели кто имел 1000 дворов и пять сынов, имел дом довольный, трапезу славную, обхождение с людьми ясное; когда же по смерти его разделится детям его, то уже только по двести дворов достанется, которые (дети), помня славу отца своего и честь рода, не захотят сирот жить, но каждый ясно (хотя и не так), то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один и двести дворов принуждены будут едва не тож нести, как 1000 несли, и тако от того деления казне государственной великой есть вред и людям подлым разорение, и когда от тех пяти по два сына будут, то по сту дворов достанется и тако далее, умножаясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами застать могут, и знатная фамилия вместо славы поселяне будут, как уже много тех экземпелев есть в российском народе. Еще и сие есть, что каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малый, ни в какую пользу государству без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всяко уклоняться и жить в праздности, которая (по св. писанию) матерью есть всех злых дел». Это изложение побуждений, заставивших ввести майорат, показывает ясно, что Петр смотрел на обязательную службу землевладельческого сословия как на меру временную, вынуждаемую обстоятельствами, потому что если бы все сыновья землевладельца обязаны были государственною службою на всю жизнь, пока отставят за старостию или ранами, то нельзя было бы толковать о возможности

для младших сыновей искать хлеба службою, учением, торгами и прочим. Чтоб побудить младших сыновей к деятельности, в следующем месяце принята была мера, выраженная в дополнительном указе: «Ежели кадет пойдет в службу воинскую и получит себе службу деньги, на которые себе захочет купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однако не ранее как по истечении семи лет службы его; если же будет в гражданской службе, то по истечении десяти лет службы; если будет в купечестве или мастерстве, то после пятнадцати лет; а кто ни в чем вышеописанном не будет, тому никогда нельзя будет приобретать недвижимую собственность». Служба, и именно военная, давала, таким образом, наиболее прав младшему сыну, или кадету, как тогда выражались. Чтоб побудить дворян к службе, еще ранее выдан был указ: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии ни был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать, и писаться только офицером, шляхетству (которые в офицерах) только то (т.е. свое шляхетство) писать, куда разве посланцы будут». Людям низших сословий заслуга открывала дорогу в офицеры, а чин офицерский возводил их в высшее, дворянское сословие; 16 января 1721 года дан был собственноручный указ: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство».

Но для успеха службы, равно как и других занятий, признано было необходимым образование, хотя первоначальное, и преобразователь обязывает дворян иметь это образование. Вот знаменитый указ 20 января 1714 года: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей цыфири и геометрии, и положить штраф такой, что не вольно будет жениться, пока сему не выучится».

По обстоятельствам времени военная служба требовалась преимущественно от дворянина; дворянин имел право на начальнические места в войске; но для этого он должен был иметь, во-первых, общее первоначальное образование, а потом специальное военное, знать службу. Чтоб родовые связи, покровительство не мешали дворянину приобретать последнее, в феврале 1712 года издан был указ: «Так как многие производят сродников своих и друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а некоторые служили только для вида по несколько недель или месяцев: поэтому таким требуется ведомость, сколько каких чинов есть с 709 года; а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в гвардии». В обер-офицерские чины производились в войске по свидетельству штаб- и обер-офицеров полка, в штаб-офицеры – по свидетельству всей дивизии генералитета и штаб-офицеров. Относительно увольнения от военной службы Петр дал указ Сенату в марте 1716 года: «Которые офицеры служили в армии и за старостию и за ранами отставлены, таких велите употреблять в гарнизоны или к другим каким делам, по губерниям в ландраты, а особливо бедных, ибо не без греха есть в том, что такие, которые много служили, позабыты и скитаются, а которые нигде не служили, тунейдцы многие, по прихотям губернаторским в губерниях взысканы чинами и получают жалованье довольное. А которые к делам не годятся за дряхлостию и увечьем, тем давать некоторое жалованье из денег, которые собираются на гошпиталь со всех чинов».

В 1716 году был издан воинский устав. Если заботились об офицерах, то надобно было позаботиться и о солдатах, о рекрутах, которых обыкновенно не доводили до назначенных мест в полном числе вследствие дурного содержания и побегов. В сентябре 1719 года Военная коллегия приговорила: «Сделать в Сенат предложение, что так как рекруты до сего времени из губерний очень непорядочно приводятся, и главная тому причина худое пропитание в пути, от чего многие померли и с дороги побежали, как то явилось из нынешних приводов: поэтому надобно, чтоб вперед не бегали и имели полное довольство в пути, давать им полное против солдат жалованье с обыкновенным вычетом с того времени, как в рекруты приверстаны будут; от этого им вначале будет охотно к солдатству, не будут склонны к побегу и немного будет больных. Хотя неоднократно в губернии были посланы и опубликованы указы о порядочном сборе и приводе рекрут, однако эти указы по большей части не исполняются, от чего происходит не малое государству разорение и в полках неисправность, а именно: 1) когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут, скованных, и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам немалое время, и, таким образом еще на месте изнузив, отправят, не рассуждая по числу людей и далекости пути, с одним, и то негодным, офицером или дворянином, при недостаточном пропитании; к тому же поведут, упустив удобное время, жестокою распутицею, от чего в дороге приключаются многие болезни и помирают безвременно, а всего хуже, что многие и без покаяния, другие же, не стерпя такой великой нужды, бегут и пристают к воровским компаниям, из чего злейшее государству приключается разорение, потому что от такого худого распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся; всякий может рассудить, отчего такие великие умножились воровские вооруженные компании? Оттого, что беглые обращаются в разбойников. 2) Хотя бы и с охотою хотели в службу идти, но, видя сначала такой над своею братьею непорядок, в великий страх приходят. 3) Из губерний немалое число присылают увечных и к солдатской службе весьма негодных, из которых в одни нынешние приводы больше 700 человек в Военной коллегии за негодностию в службу не приняты. Чтоб таких непорядков не было, когда наряд рекрутам учинится, надлежит в Военную коллегияю тотчас прислать ведомость, сколько в которой губернии определено будет взять рекрут, и тогда в Военной коллегии тех рекрут росписать по командам и командировать для приема и привода их добрых штаб-, обер- и унтер-офицеров, смотря по числу рекрут, и этим офицерам принимать у губернаторов и воевод рекрут самых добрых и к службе годных; провожать их должны гарнизонные солдаты; офицеры, приняв рекрут, тотчас должны привести их к присяге и, чтоб не бегали, перепоручить их круговою порукою; потом, соединив тех рекрут с гарнизонными солдатами, развесть по капральствам и ротам, и учить их непременно солдатской экзерциции, и читать им воинский артикул, дабы в полки не сущими мужиками, но отчасти заобычайными солдатами пришли; а определенное им хлебное и денежное жалованье с самого их приема давать сполна. Чтоб их не изнурить в дороге скорым походом, вести их по обыкновению марша солдатского: три дня идти, а четвертый отдыхать». Школою для сухопутных офицеров служила гвардия; кроме того, сыновья знатных лиц отправлялись в иностранные войска к знатным полководцам. Так, князь Репнин писал государю в 1717 году: «Дети мои, князь Василий и князь Юрий, отправлены

в цесарскую армию для искусства к князю Евгению, и я, вступя в долг, послал к ним 800 червонных; они в Вене жили, а теперь в обозе живут непотребно со всяким непостоянством; и те все деньги и посланные мною еще 300 червонных прожили и много долгу еще нажили, которого и заплатить не могу, потому что до сих пор они уже стоят 15000 рублей, из которых с семь тысяч взято мною в долг, кроме того, что они беспутным своим житьем наделали долгов. И для того со слезами рабски прошу ваше царское величество да повелит мне дать Указ, чтоб детей моих взять, для чего послать мне кого-нибудь из офицеров; а они, дети мои, будучи там, в армии, от своего беспутного житья вашему величеству ныне и впредь никакого плода не покажут, только мне вечный стыд и разорение и несносная к старости печаль».

Если школою для сухопутных офицеров служила гвардия и для некоторых – иностранные армии, то школою для морских офицеров служили преимущественно иностранные флоты: в начале 1717 года послано было во французскую морскую службу 20 человек гардемарин да в Венецию 27 человек. Корабли покупались за границу и строились у себя; но как в приготовлении корабельных лесов, так и в Адмиралтействе дела останавливались за неимением рабочих. Казанский вице-губернатор Кудрявцев писал царю в 1717 году: «По вашим указам корабельные леса готовятся; но работники конные и пешие упорны стали к найму, нейдут; по указу вашего величества берем невольных для того – остановить работы не смеем. Да повелено будет к работе над корабельными лесами определить из гарнизонных офицеров, потому что в народе офицеры всегда страшнее дворян». Андрей Ушаков, наблюдавший за строением кораблей, писал 1717 году Макарову: «При Адмиралтействе в строении кораблей и прочем большая остановка, потому что не имеем на жалованье мастеровым и рабочим людям денег, и от этого плотники бегут. Я послал за ними погоню, устроил в Бронницах заставу, и уже несколько человек переловлено. Я предлагал в Сенате, чтоб вместо беглых из тех же мест, откуда они взяты, взять других, пока беглые будут сысканы; но этого доношения моего сенаторы не приняли, а велели подать в Камер-коллегию, а чтоб по водяному пути у Шлюссельбурга устроить заставу, это сенаторы отреклись сделать. Я, видя крайнее оскудение в деньгах на жалованье мастеровым людям, отпустил от себя в Адмиралтейство займы 10000 рублей».

Денег не было на жалованье плотникам, строившим корабли; корабли были нужны для закрепления за собой моря, море было нужно для усиления торговли: будет большая торговля, деньги будут. Чтоб усилить торговлю, надобно беречь торговых людей, не разорять их и надобно завести такие порядки, благодаря которым иностранцы усилили свою торговлю и разбогатели. В начале 1712 года Петр писал: «Как вино, так и прочие вещи надлежит отдавать на откуп, дабы в службе находящимся торговым людям не было разоренья. Учинить коллегииум для торгового дела исправления, чтоб торговлю в лучшее состояние привести, к чему надобно один или два человека иноземцев (которых надобно удовольствовать, дабы правду и ревность в том показали), с присягою, дабы лучший порядок устроить, ибо без прекословия есть, что их торги несравнительно лучше наших». В июле 1712 года Петр писал Сенату: «Немедленно потщиться в купецком деле лучший порядок сделать». Сенат отвечал, что этого вполне сделать нельзя, потому что все лучшие из русских купцов теперь в Архангельске на ярмарке, но до их возвращения, чтоб не терять времени, сенаторы послали на Вологду за

переведенными туда нарвскими и дерптскими купцами и будут с ними советоваться, каким образом купечество в лучшее состояние привести. В ноябре 1711 года Сенат получил письмо от канцлера Головкина: «Царское величество указал к Сенату писать, чтоб выбрали на Москве из гостей и других лучших купцов человека четыре или пять, которые бы могли довольно знать о купеческих делах на Москве, у Архангельска и в других городах, также и о сборе пошлинном, и прислали их в Петербург; также прислать с ними списки уставов, как старых, так и новых, и другие всякие потребные к тому ведомости и выписки, потому что английский посол и голландский посланник предлагают заключить новый торговый договор, и для этого дела такие от купечества сведомые люди и торговые уставы и ведомости надобны». Выбраны были: Алексей Филатьев, Семен Панкратьев, Илья Исаев, Иван Стрежнев да для китайского торга купчина Ивана Саватеева Ми хайла Гусятников. Из этих купцов Илья Исаев в следующем году получил важное место надсмотрщика над рижским магистратом; царь писал Сенату: «Понеже над рижским магистратом у надсмотру тамошних купецких дел определили быть Илье Исаеву, того для о чем он будет вам писать, и по тем его письмам чинить решение; также просил он, чтоб к тому делу дать ему в товарищи гороховленина Михайлу Ширяева, которого к нему выслать, и ежели будет просить еще кого из купецких и из приказных людей себе в помочь, и тех к нему отпускать». Мы видели, что, устраивая областное управление, Петр запретил ландратам вмешиваться в дела посадских людей, которые должны были ведаться у своих выборных земских бурмистров. 13 февраля 1720 года Сенату был дан указ: «Объявить бригадира Трубецкого над здешним (петербургским) и прочими магистраты обер-президентом, и чтоб он ведал всех купецких людей судом, и о их делах доносил в Сенат, и рассыпанную сию храмину паки собрал; в товарищи ему над здешним магистратом президента определите Илью Исаева». 16 января 1721 года издан был регламент Главного магистрата. Он имел коллегиальное устройство, непосредственно был подчинен Сенату и состоял из членов петербургского городского магистрата, которые наполовину были иностранцы; президента назначал сам царь. По своему регламенту Главный магистрат был обязан устроить магистраты во всех городах и дать им инструкции; покровительствовать торговле и промышленности; смертные приговоры, произнесенные городскими магистратами, не приводились в исполнение без утверждения Главного магистрата; в гражданских делах недовольные решениями магистратов апеллировали к Главному магистрату; тяжбы между горожанами и магистратами передавались прямо на решение Главного магистрата; наконец, Главный магистрат утверждал членов, избранных горожанами в городские магистраты. Главный магистрат должен был разделить все русские города на пять отделов, на основании числа дворов: к первому отделу принадлежали города Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига, Ревель, Архангельск, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, в которых число дворов было от 2000 до 3000 и больше; во втором отделе были города с числом дворов от 1000 до 1500 и больше; в третьем – от 500 до 1000; в четвертом – от 250 и выше; в пятом – все остальные малые города и слободы. Подведомственные магистратам городские жители делились на две гильдии. Мысль Петра о *коллегииуме*, который бы приводил торговлю в лучшее состояние, осуществилась в Коммерц-коллегии, которая должна была заботиться о торговле внутренней и внешней; под ее

надзором должны были строиться корабли и производиться работы по водяным сообщениям и по устройству сухопутных дорог. Она должна была защищать матросов и корабельных капитанов от всяких неприятностей, решать споры между ними, равно как между всеми иностранными купцами, наказывать за нарушения таможенных предписаний. По ее представлению Сенат назначал консулов и таможенных чиновников, которые находились с коллегиею в постоянных сношениях и давали ей отчет о состоянии торговли в иностранных государствах; они давали инструкции посланникам для заключения торговых договоров.

Смотря постоянно на Россию как на посредницу в торговом отношении между Европою и Азиею, Петр уже давно задумал соединить Каспийское море с Балтийским, Астрахань – с своим *парадизом*. В 1706 году под надзором князя Матвея Гагарина соединена была река Цна каналом с Тверцою; но в 1717 году каменную «слезу» занесло песком, и по этому случаю начало производиться следствие. До учреждения Коммерц-коллегии устройство каналов было непосредственно поручено Сенату; но Меншиков, зная, как соединение Волги с Неввою важно для *парадиза*, а следовательно, и для его основателя, вмешался в дело и в июне 1717 года писал царю: «Господа сенаторы по указу вашему послали от себя механика для осмотра коммуникации с Волгою, но, как слышу, он едва ли мог что сделать, только что хотел очистить Боровицкие пороги, куда он от них и отправлен, обо всем же прочем сказал, что ничего сделать нельзя. Я, видя, что ничего не будет, старался всячески, как бы это нужнейшее дело подвинуть, и посылал нарочно новгородского дворянина Пустошкина ниже Мстинских порогов реками, озерами и всякими проливами до Мологи, дабы осмотреть, как устроить сообщение с Волгою. Пустошкин ездил и привез чертеж, из которого я выразумел, что ничего еще нельзя сделать. Поэтому я послал туда полковника инженера Кулона, чтоб по чертежу Пустошкина осмотрел, можно ли что там сделать, сделал бы особый от себя чертеж и мне об этом репортовал. Кулон репортовал, что находит вполне возможным устроить это дело, и в непродолжительном времени, а именно в два года, если добрые будут надзиратели». Но для соединения Каспийского моря с Балтийским понадобился еще другой канал, для обхода бурного Ладожского озера. Любопытен указ Петра Сенату насчет Ладожского канала, данный в сентябре 1718 года: «Понеже всем известно есть, какой убыток общенародный есть сему новому месту от Ладожского озера, чего для необходимая нужда требует, дабы канал от Волхова в Неву был учинен, к которой работе, ежели даст бог мир, намерение наше есть, чтоб оную всею армиею исправить, но сие еще безызвестно, а нужда – челобитчик неотступный: того ради надлежит резолюцию взять, хотя и не будет мира, дабы оную работу, яко последнюю главную нужду сего места, немедля начать; чего для надлежит мыслить и поставить на мере, каким образом сие учинить, и именно не такими работниками, как до сего времени делали, из чего больше разорения, нежели пользы, было, к чему я свое мнение прилагаю при сем и вам в рассуждение отдаю; но так ли или инако, однако конечно надобно».

В то время как хлопотали о соединении Балтийского моря с Каспийским, шла сильная борьба по вопросу о том, направлять ли движение внешней торговли к Балтийскому морю, к Петербургу, или оставить товары идти старым, привычным путем, к Архангельску. Петр, разумеется, хотел первого и, не дожидаясь, пока

сами купцы, иностранные и русские, предпочитают Балтийскую дорогу Беломорской, хотел изменить направление правительственными распоряжениями. Против этих распоряжений начали сильно хлопотать купцы голландские: они уже издавна устроились в Архангельске, и переноситься в Петербург, где их ждали все неудобства только что основанного города, было крайне затруднительно, убыточно и неприятно; потом Балтийское море не было безопасно по причине войны России и ее союзников с Швециею; наконец, голландцам вовсе не хотелось развития русской торговли на Балтийском море. Голландский резидент жаловался, что в Петербурге за деревянный дом, который не может идти в сравнение с самою скромною избою голландского крестьянина, надобно платить 800, 900 или 1000 флоринов, тогда как в Москве или Архангельске иностранный купец может жить хорошо за 200 флоринов в год; говядина в Петербурге – 5,6 и 8 копеек фунт, и дурного качества. Но если голландцы хлопотали, чтоб осталось все по-прежнему, то жители Любека и других прибалтийских городов старались, чтоб торговля была переведена из Архангельска в Петербург.

25 марта 1714 года царь объявил голландскому резиденту Деби, что по представлению Штатов относительно перемещения торговли и навигации из Архангельска в Петербург он решил, что всякий волен везти пеньку и лен в Архангельск. На третий день после этого разговора Деби дал знать в Голландию, что хотя большая часть этих товаров была уже на дороге к Петербургу, однако хозяева как скоро узнали о царском позволении, то немедленно велели повернуть их к Архангельску. Летом того же года Деби опять имел разговор с царем, опять настаивал, чтоб не переводить торговлю из Архангельска в Петербург, представляя все трудности: малую широту вод, удобных для плаванья, малую величину кораблей, которые должны будут плавать на этих водах, тяжести, которые должно будет переносить, плату за проход через Зунд, конвои, необходимые особенно во время войны, выгоду, которую любские негоцианты по своему положению получают перед всеми другими, дурное помещение для иностранных купцов в Петербурге, недостаток магазинов и погребов для товаров, рабочих для их переноски. Царь отвечал: «Приложение принципов всегда трудно, но с течением времени все интересы примирятся». По словам Деби, за перенесение торговли из Архангельска в Петербург стоял один Меншиков, все другие министры были против. Видя, однако, что вследствие желания самого царя торговля будет перенесена, Деби начал настаивать на заключении нового, более выгодного торгового трактата между Россиею и Голландиею. Заключение трактата откладывалось. Деби сердился; Остерман, утешая его, говорил: «Между нами, я вам скажу всю правду: у нас здесь нет ни одного человека, который бы понимал торговое дело; но я могу вам сказать наверное, что царское величество занимается теперь этим делом». Русские, писал Деби своему правительству, боялись основания предлагаемого трактата, которое заключалось в том, что голландцы могли торговать свободно по всем областям России; возражали, что это разорит вконец русских купцов, которые не будут в состоянии соперничать с голландцами.

Петр приводил в исполнение свой план постепенно. В январе 1718 года в Архангельске был опубликован указ, позволявший торговлю пенькою, но запрещающий вывоз хлеба, ввоз шелковых материй и парчей и повелевавший привозить в Петербург две трети всех товаров. Указ привел в отчаяние голландских купцов: они боялись, что чрез это распоряжение количество сумм, им

должных, увеличится и уплата делается еще труднее, потому что время, назначенное для распродажи запрещенных товаров, было коротко; при этом голландцы удивлялись, что, запрещая ввоз европейских шелковых материй, царь не запретил ввоза материй персидских и китайских. В апреле того же года Деби писал в Голландию: «На будущее лето будет в Петербурге огромное количество русских товаров; уже навезено много пеньки, и города Тверь, Торжок и Вышний Волочок завалены товарами, которые будут перевезены в Петербург Ладожским озером, потому что возчики отказались перевозить их сухим путем по дороговизне конских кормов и дурного состояния дорог». О состоянии дорог видно из того, что иностранные посланники езжали из Москвы в Петербург по 5 недель вследствие грязи и поломанных мостов; дней по 8 приходилось дожидаться лошадей на станциях. И, несмотря на то, русские люди, на лошадях и пешком, толпами тянулись к устью Невы. Правительственные лица обязаны были переехать в Петербург и строить там дома; кроме того, переселялись туда семьи дворянские, купеческие, ремесленничьи; в XV веке по воле Ивана III тянулись из Новгорода в Москву переселенцы, умножившие народонаселение и богатство новой столицы всея Руси; теперь по той же дороге, только в обратном направлении, из Москвы, тянулись переселенцы в новый город, имевший стать столицей Русской империи. Работников не доставало для построек в Петербурге, и, чтоб здесь не останавливались работы, остановлены были на время каменные постройки в целой России. Для примера, как набирались работники в Петербург и собирались на них деньги, приведем таблицу, в которой разложены были люди и деньги по губерниям на 1712 год: с Московской губернии – 1192 человека и 2942 рубля денег; с Петербургской – 1052 человека и 2604 рубля; с Киевской – 190 человек, денег недостает в таблице; с Смоленской – 342 человека и 846 рублей; с Архангельской – 703 человека и 1739 рублей; с Казанской – 799 человек и 1974 рубля; с Азовской – 285 человек и 705 рублей; с Сибирской – 342 человека и 846 рублей. Кроме Петербурга нужно было населить Кронштадт, и в 1712 году Петр велел Сенату «объявить шляхетским тысяче домам, купецким лучшим пятистам и средним пяти же стам, рукомесленным всяких дел тысяче же домам, что им жить на Котлине-острове по окончании сей войны, и даны им будут дворы готовые за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последнее без денег), и, кой час будет, даст бог, мир, тотчас будут переведены, и для того сказывают заранее, чтоб никто неведением не отговаривался».

В то время как между иностранными купцами и резидентами в России шло сильное движение по поводу важного для них вопроса о перемещении торговли из Архангельска в Петербург, происходили сношения об усилении русской торговли с Испаниею и Франциею. Здесь столкнулись два царских агента, иностранец Лефорт, племянник знаменитого любимца Петровой молодости, и русский, молодой Конон Зотов, сын Никиты Моисеевича. Конон Зотов кроме близости к Петру по отце расположил царя в свою пользу еще следующим поступком: в 1707 году, находясь в Лондоне для науки, он написал отцу, чтоб ему позволено было остаться еще на несколько времени в Англии и служить здесь на кораблях. Старик Зотов показал письмо царю: Петр пришел в восхищение, благословил письмо и выпил кубок венгерского за здоровье Конона, как первого охотника на любимые его дела. Находясь теперь во Франции, Зотов выставляет свою ревность, идя наперекор своекорыстным намерениям иностранца Лефорта. Лефорт хлопотал о

составлении во Франции компании для торговли с Россией и требовал для этой компании больших выгод; Зотов настаивал на пользе свободной торговли для каждого подданного обеих держав. В октябре 1716 года Зотов писал царю из Парижа: «Ваше величество по первому предложению о коммерции с Испаниею изволили сказать, что пошлете не только 6 кораблей с товарами, нужными для строения и вооружения кораблей, но 18, если мир будет с Швециею. Вспомнив это, думаем, что также изволите послать во Францию все, в чем она будет иметь нужду, а Франция взаимно вышлет все, чего ваше величество будете требовать. Таким образом Россия и Франция свой народ сильно побудят подражать этому примеру, не давая ни малых, ни великих привилегий купцам, и не нужно будет последним составлять какие-нибудь компании, но всякий пользуйся и своему государю должное с товаров плати. Ваше величество, дав некоторые привилегии французам, будет также требовать взаимно от Франции для русских таких же привилегий, чего Франция не может сделать никогда, потому что англичане, голландцы и другие народы потребуют от нее того же. Если ваше величество повелите дать места под дворы и магазины первоприезжим французским купцам, то будет ваша отменная к ним милость, а не привилегия. Я не мог отказать г. Лефорту в переводе на русский язык его привилегий, которых он хочет домогаться у вашего величества; я с них здесь посылаю копию, открестивши те пункты, которые считаю вредными. Он хочет требовать этих привилегий на имя своей фамилии: но тогда какая будет французскому двору угодность и за что этот двор вашему величеству будет обязан, потому что милость ваша оказана будет одной женевиской фамилии? Я по прибытии моем сюда хотел от самого маршала д'Этре (вице-адмирал и президент в консилие морской) искусно осведомиться, можно ли ожидать от Франции угодного вашему величеству, если она получать будет от России помощь к восстановлению своего флота? Но этому помешал беспорядок, случившийся в мою небытность: г. Лефорт, бывши арестован за какие-то старые долги, просил маршала д'Этре об освобождении, что тот немедленно приказал исполнить. Но Лефорт потом, вместо того чтоб благодарить маршала, пришел к нему с выговором, требуя удовлетворения от тех, кто его арестовал, и объявляя, что его арестом нарушено право народное. Маршал, справедливо рассерженный, сказал ему: „Ты сам себя знаешь; и то милость тебе оказана, что тебя выпустили, потому что агента, как всякого другого, можно арестовать, нельзя только, без нарушения права народного, арестовать посла, посланника и резидента“. Лефорт, не зная народного права, еще грубее сказал ему: „Я буду об этом писать к царскому величеству“. Маршал отвечал: „Я также буду писать и думаю, царское величество больше поверит моим письмам. Выйди вон и заплати долги“». Зотов не удовольствовался письмом к царю и написал к Макарову: «Здесь посылаю письмо от г. Лефорта к царскому величеству. Извольте хорошенько выразуметь его, а мне кажется, что все к себе, попросту сказать, мякишем воротит. Я с ним ни о чем не спорил, только после письма выговорю, что верно он и компания думают о нашем дворе как не знающем ни чести своей, ни интереса, домогаясь таких ужасных привилегий, от которых государевы доходы все пропадут. Голландец, англичанин, русак и дьявол – все будут под именем этой компании торговать; одним словом, они думают, царское величество обратит кругом и не назвать другом. Еще доношу, что Лефорт здесь арестован в покупке некоторых вещей для государыни царицы: ради бога, в деньгах ему не извольте верить вперед; я думаю,

что деньги государыни он издержал на себя, а потом нечем стало выкупить вещи. Также должен я донести, что он держит в своем доме игральное картное: большое от этого бесчестие царскому величеству, всякий говорит: верно, мало ему жалованья от его государя! Поэтому или прибавьте ему жалованья и игрище закажите держать, или что иное извольте сделать. Я ему в этом деле не удивляюсь: скудость ко всему пригоняет». В том же месяце новое письмо от Зотова к царю: «Маршал д'Этре принял меня так милостиво, будто сына своего; он назвал ваше величество творцом российского народа: что может быть сказано в вашу хвалу лучше этого? Потом я ему предложил, что ваше величество желаете иметь коммерцию со всеми окрестными государствами, особенно же с Франциею, что ему очень было приятно слышать, и сказал он мне: „Я так сделаю, что и российской короне, и нашей угодно будет“. В скором времени буду иметь трактат о коммерции. Правда, что это не мое дело, да что же делать, когда бог сподобил птенцам служить вашему величеству в таком деле, в котором посол, г. Матвеев, и прочие не могли ничего достигнуть».

Петр был рад отпускать и в Испанию, и во Францию как можно больше кораблей с сырыми материалами, нужными там для построения флота, но при этом старался, чтоб Россия переставала нуждаться в иностранных мануфактурных товарах, чтоб начинала пробавляться своими, начинала обделывать сырые материалы и обделанные отпускать за границу. «Наше Российское государство, – говорил Петр, – пред многими иными землями преизобилует, и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы; причина этому была, что наши подданные не разумели рудокопного дела, частию же иждивения и трудов не хотели к оному приложить». Чтоб заставить употреблять иждивение и труд, Петр в декабре 1719 года объявил, что все в собственных и чужих землях имеют право искать, плавить, варить и чистить всякие металлы и минералы. Помещики, в чьих землях откроется руда, могли прежде всех других просить о дозволении построить здесь заводы; но если они не могут или не захотят того, то право на построение заводов предоставляется другим с уплатою землевладельцу 32-й доли прибыли, «дабы божие благословение под землею втуне не оставалось». Кто утаит руду или будет препятствовать другим в устройении заводов, тот подвергается телесному наказанию и смертной казни. Берг-коллегии велено было призывать иностранных охотников до рудокопных дел. Мы видели, как Винус восхищался обилием и добротой железа в Сибири и как немедленно было приступлено к его обработке. В Нерчинске упоминаются серебряные заводы, в Тобольске – два железных, в Верхотурье – два железных, в Кунгуре – медные. Еще в 1702 году верхотурские железные заводы отданы были Никите Демидову; заводы эти были построены государевою денежною казною и городскими и уездными людьми, и на строение их вышло из казны 1541 рубль, да, сверх того, с крестьян на наем работников взято 10347 рублей. По жалованной грамоте Демидову, он должен был уплатить те деньги, которые вышли из казны на постройку заводов, также за готовые припасы, в них им найденные, с зачетом железа, которое вышло из заводов до отдачи их ему; все это он должен был уплатить с разверсткою на пять лет. Кроме того, у Демидовых были железные заводы в Алексинском уезде с 1703 года. В Тульском и Каширском уездах находились железные заводы Александра Львовича Нарышкина; в Малоярославском – иноземцев Меллеров. Упоминаются железные

заводы *Липские*, где лили пушки и кнители, *Кузминские*; в Романовском уезде – железные заводы дьяка Борина. На казенных тульских оружейных заводах (с 1715 года) велено было выделывать в год ружей 15000, пистолетов 1000 пар, пикинерных копий 1209, и на все это издерживалось по 30000 рублей в год. В 1717 году заведена была игольная фабрика Томилиным и Рюминым с привилегиею на 30 лет при запрещении вывоза игл из-за границы. По близости к Петербургу важное значение имели Олонецкие заводы, которыми управлял иностранец Геннин. Мы должны познакомиться с этим замечательным деятелем эпохи преобразования, и самое лучшее средство к этому знакомству – переписка его с царем. Так, в марте 1715 года Геннин писал Петру: «Воистину я опасюсь вашего царского гнева, что не мог исполнить всех указов. Почитай, на каждую неделю вновь указы присылаются, а тут еще вновь работы и припасов спрашивают в Петербург и в Архангельск, и от такой великой и крутой работы, и от высылки подвод, и от строения кат и шкун, и от смоляного куренья, сверх заводской нужды, остальные мужики разбегутся: они складывают уголь, известь, руду, гоняют подвод, отправляют заводские работы да еще платят мелкие подати, так что приходится на каждый двор по 30 рублей, – сам изволь рассудить о такой тягости! Я не для себя только, а для тебя и для народа, а тебе необходим будет завод в нынешнее время». Что отвечал ему на это Петр, видно из письма Геннина к нему, написанного в апреле: «Вашего царского величества всемилосердное письмо с великою радостью я принял; и за такое милостивое благодарное письмо я должен, раб, не только ручки, но и ножки у тебя, государя батюшки, поцеловать и рад тебе, сколько мочи есть, в вашем деле радеть с радостью. Прошу и пишу бескумплементно: ежели не помилосердствуешь о прибавке к здешнему уезду другого, то истинно содержать всех заводов будет невозможно. Я тебе, батюшка, лучшего ищю: ежели будет хотя немного легче здешнему народу и прибавлено в помощь ему, то надеюсь, что 8000 дворов, которые давно пусты, опять наполнятся. Ты ныне пойдешь в поход, а без тебя в Сенате на мою просьбу решения не будет и опять дело будет отложено в долгий ящик». Упоминаются селитряные заводы в Казанской губернии майора Молоствова; в Воронежской губернии – в Тамбовском, Шацком, Темниковском, Кадомском уездах; также в Киевской губернии; купоросные заводы Савелова и Томила в Московском уезде. Убежденный в важности ископаемого топлива, Петр старался разузнать о каменном угле в России.

Камер-коллегия, между прочим, обязана была сообщать сведения о состоянии, натуре и плодородии каждой провинции, стараться населять пустые земли и всякую пустоту предупреждать осторожным домодержавством. В мае 1721 года Петр велел снимать хлеб косами вместо серпов. Разведение табаку началось при Петре, но царь обращал особенное внимание на производство льну и пеньки как по усилившемуся внутреннему потреблению, так и вследствие большого отпуска за границу. В декабре 1715 года он приказал: во всех губерниях размножать льняные и пеньковые промыслы, и для того приготавливали бы земли и прибавляли сеvu на всякий год, а где к этому непривычны, чтоб обучали крестьян, и о том объявить в народе, что этот прибавок сеvu повелено иметь для всенародной пользы и для прибыли крестьянам. Желая приучить к обработке сырых материалов, царь тогда же издал указ: чтоб семени льняного и конопляного к морским пристаням для продажи отнюдь не возили, а чтоб привозили маслом.

Приняты были меры для сбережения старых лесов и для разведения новых в местах безлесных.

В начале 1712 года Петр дал указ Сенату: завезть конские заводы, а именно в Казанской, Азовской и Киевской губерниях, а для заводу кобыл и жеребцов купить в Шлезии и Прусах.

При учреждении постоянного войска Петра тяготила необходимость выписывать из-за границы сукно для обмундирования, и потому он должен был обратить внимание на улучшение овцеводства. В 1716 г. капитан Норов послан был за границу нанимать овчаров и суконников. В 1719 году овчар иноземец Каминский, который находился при овчарном деле в Ярославском уезде, объявил, что всего в этом уезде шерсти 52 пуда 28 фунтов; тот же овчар представил в коллегии шерсть для образца, ее показывали директору мануфактурного двора Роде, и тот сказал, что она лучше шерсти, присылаемой на мануфактурный двор из Киевской губернии. На казенных овчарных заводах Азовской губернии считалось 10080 овец, и при них было три овчара из Силезии.

О суконных фабриках в Москве Петр хлопотал уже давно; еще в 1705 году он писал Меншикову: «Сукны делают, и умножается сие дело зело изрядно, и плод дает бог изрядный, из которых и я сделал (себе) кафтан к празднику». Потом в Азовской губернии, в Сокольском ландратстве, заведена была суконная казенная фабрика с 48 станами; заведена шляпная фабрика для солдатских и матросских шляп, здесь употреблялась шерсть, не годная на суконные фабрики. Казенные суконные фабрики находились в Москве под ведением Чебышева и в Казани под ведением Грузинцева. Но царь имел в виду, заведши фабрики от казны, отдать их частным людям с двоякою целью – освободить казну от издержек и побудить русских людей к мануфактурной деятельности. Взгляд Петра на средства к этому побуждению выражен в одном указе Мануфактур-коллегии: «Что мало охотников (заводить фабрики), и то правда, понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что ясно изо всех нынешних дел: не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел». На этом основании в январе 1712 года дан был указ Сенату: «Завод суконный размножать не в одном месте, так чтоб в пять лет не покупать мундира заморского, и, заведчи, дать торговым людям, собрав кумпанию, буде волею не похотят, хотя в неволю, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласковей им в том деле промышлять было». Но, как видно, и неволею нельзя было заставить; казенные фабрики продолжали существовать; о казанской фабрике вице-губернатор Кудрявцев доносил в 1719 году: «На заводах сукна ткнут и все готово, только некому их красить; и ныне прошу ваше величество, чтоб прислан был мастер, кому те сукна красить, а здесь такого сыскать нельзя, а прежний мастер только краски теряет». Из частных суконных фабрик была известна Воронина в Москве; в начале 1720 года заведена была фабрика Щеголина с товарищи с выдачею 20000 рублей из казны; в 1721 г. в Москве – суконная фабрика Александрова с товарищи. Упоминается также суконная фабрика огородника Соболюкова. Уже в 1718 году было дано приказание делать мундир на гарнизонных солдат всех губерний из сукон московского дела. Издан был и другой любопытный указ: «Велеть людям боярским либереи (ливреи) или платья носить из сукон российской мануфактуры,

а заморских не носить, тож разумеется и о посадских нижних, однако ж наперед удовольствовать сукнами солдат. Людям боярским ежели не будет доставать сукна, то делать с каразей, и для того делать каразеи двойные. Позументов убавить или вовсе заказать, ибо в обычай входить почало, что много носят, от чего не только убыток партикулярным, но и государству, ибо англичане богатеe нас, а позументов не носят».

В Петербурге заведена была шпалерная фабрика; директор ее Багре был спрошен: может ли в шпалеры и ковры употреблена быть русская шерсть, и показали ему всех русских шерстей пробы; о шерсти, которая взята из Киевской губернии к коломиночному делу, Багре сказал, что она к шпалерному делу годна для учения учеников, а если лучше будет прядена, то пригодится в дело и мастерам. О работах на Петербургском мануфактурном дворе доносили в июле 1719 года: шпалерные мастера французы делают: Гринконь де Бурден – государеву персону, которая на коне; мастер Берагье – другую государеву персону, поясную; мастер Гошер св. Анисий – персону, при которой дьявол; мастер Вавок – цветник, в котором шептала и прочие фрукты. Коломинки начали ткань на семь станов, салфетки – на один стан.

Понятно, что усердно старались об улучшении тех производств, которые уже были прежде, и чрез это улучшение усилить сбыть их за границу. Заведение флота требовало заведения парусных фабрик; в 1702 году они заведены в Москве, и в 1719 году встречаем следующую краткую их историю: «В 1702 и 1705 годах парусные заводы были так хороши, якобы близ голландских. В 1711 году, находясь в заведывании Григория Племянникова, они были в очень дурном состоянии. В 1715 и 1716 годах, во время управления Андрея Беляева, едва не разорились вконец, только три четверти парусной холстины было прислано в Петербург, и то все гнилое. Когда после этого времени они были отданы в заведывание князя Одоевского, то до сих пор находятся в изрядном состоянии и парусные полотна доставляют добрые». В 1711 году полотняный завод, ведомый прежде в Посольском приказе, отдан был купецким людям Турке с товарищи на 30 лет, и к нему приписано суздальского епископа село Кохма с деревнями в Суздальском уезде. В декабре 1714 года велено было отдать в ведомство московского губернатора скатертное, салфеточное и полотняное дело. В следующем году распоряжение: полотна делать широкие против европейских государств, какие за великие цены в Российское государство вывозятся, для того что во всех европейских государствах делают полотна широкие и от больших цен имеют многое народное пополнение, понеже тем широким полотнам великие расходы состоят паче других товаров; а в Российском государстве от негодных узких полотен, которые самыми малыми за негодностию ценами продаются, не только прибытков, но и своих издержанных вещей не получают и от того в излишние скудости приходят. В 1718 году дан был указ о свободной торговле холстами всех рук, какие у кого есть, и о пропуске их в заморский отпуск; но в том же году резидент Федор Веселовский писал из Лондона: «Говорили мне здешние купцы, что в России делаются полотна трех разных рук, только все узки и за этою узкостию худо продаются». В 1720 году директором полотняной фабрики был назначен иноземец Томес, который должен был призывать к себе в компанию из купечества; компания должна была умножить свое производство (полотен, скатертей, салфеток и тиков) по возможности до 500 станов, причем произведения

фабрики должны были равняться с заморскими. Члены компании не выбираются ни в какие службы, на их дворах не ставятся постои, судом и расправою, кроме уголовных дел, ведаются они в Берг- и Мануфактур-коллегии. Содержать им фабрику 30 лет, если будут содержать в добром порядке, мастеров-иноземцев выписывать им из-за моря с свободными контрактами, а из русских в мастеровые, ученики и работники нанимать свободных, а не крепостных с платежом за труды их достойной платы и содержать их при фабрике 7 лет как учеников, сверх того, три года как подмастерьев и по прошествии урочных лет давать им письма. В том же году государь указал: холст, хрящ толстый за границу отпускать невозбранно, а тонких полотен узких не отпускать, делать широкие по прежним указам. В 1718 году запрещено было ввозить в Москву заграничные чулки, позволено было продавать только чулки московской фабрики француза Мамвриона.

Важно было по заграничному отпуску производство кожевенное. В 1716 году к Архангельску было привезено юфти 135467 пудов: из этого числа Строгановым принадлежал 991 пуд, петербургским купцам – 12057, гостиной сотне – 9908, казанцам – 10709, гороховцам – 11173, москвичам – 16901, ярославцам – 38161. Царь занялся улучшением этого выгодного производства и в конце 1715 года издал указ: понеже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна есть к ношению, ибо делается с дегтем, и, когда мокроты хватит, распалзывается и вода проходит, того ради оную надлежит делать с ворванным салом и иным порядком, чего ради посланы из Ревеля мастера к Москве для обучения того дела, для чего повелевается всем вышеписанным промышленникам во всем государстве, дабы от каждого города по несколько человек ехали в Москву и обучались; сему обучению дается срок два года, после чего, если кто будет делать юфти по-прежнему, тот будет сослан в каторгу и лишен всего имения. В Казани учрежден был завод пумповых кож под надзором англичанина Умфри; в 1720 году Кудрявцев доносил царю: «Англичанин, пумповых кож мастер Умфри, учеников, по-видимому, учит прилежно, и ученики сказывают, что ни в чем от них не скрывается». В Азовской губернии существовали кожевенные заводы с 1714 года; в 1719 году велено было юфтяного дела мастеров-иноземцев для размножения производства и обучения русских людей послать в Киевскую и Азовскую губернии по два человека; губернаторы по своему усмотрению должны были определять их в тех местах, в которых можно было сыскать наиболее материалов к этому производству. В том же году Мануфактур- и Берг-коллегии приговорили коломиночный, шпалерный и кожевенный заводы в Петербурге отдать в содержание охочим людям, а в следующем году явился в Петербурге кожевенный завод президента Главного магистрата Исаева с товарищи.

До описываемого времени все потреблявшееся в России количество писчей бумаги привозилось из-за границы; теперь заведены были свои фабрики; в апреле 1714 года издан был указ о присылке в петербургскую канцелярию пометного холста и лоскутья с платою по 8 денег за пуд собравшим.

Чтоб уменьшить роскошь в тяжелое время Великой войны, уменьшить ввоз из-за границы дорогих материй и украшений и в то же время дать возможность подняться своим мануфактурам, царь в конце 1717 года издал указ: объявить для настоящей войны, чтоб вновь никакого золота и серебра пряденого и волоченого не носили и нигде не употребляли, а донашивали б старые, а вновь отнюдь не делали под великим штрафом. А носить только китайские из Сибири шелковые

материи и персидские, также из здешних мануфактур всякие, кроме золота и серебра. Адмирал Апраксин, Шафиров и Петр Толстой завели фабрику шелковых парчей с привилегиею на 50 лет продавать произведения фабрики беспошлинно. Но дело у них пошло не очень успешно; в январе 1719 года они подали прошение: «Так как мануфактура наша не может вскоре в такое состояние придти, чтоб могла удовлетворять парчами все государство, хотя мы, не щадя никаких изживений, стараемся усиливать производство чрез иноземцев и русских и уже понесли убытку больше 40000 рублей, и так как ввоз европейских парчей запрещен, а азиатских недостаточно, то нарекание идет на нас. Поэтому мы просим позволить иноземцам ввоз тех парчей, которых производства мы не можем усилить вскоре, и просим, чтоб это позволение положено было на нас, чтоб мы, по своему усмотрению, могли ввоз одних парчей позволять, а других запрещать» Дела не поправились, и Апраксин с товарищи просили, чтоб взять у них мануфактуру и отдать купецким людям, которых и указали, а им возратить затраченный капитал. В Москве была шелковая фабрика истопника Малютина: он завел ее в 1714 году на свои деньги, со всякими инструментами, русскими и заморскими.

Приведенные распоряжения относительно промышленности во многом касались крестьян: они должны были изменять, усиливать свою деятельность по указаниям преобразующего правительства. Изменения в их отношениях к землевладельцам не могло быть произведено; крепостное состояние произошло вследствие бедности страны, финансовой несостоятельности государства; эта несостоятельность не исчезла, принимались только сильные, более или менее деятельные меры к обогащению народа и казны. Вольный труд был невозможен; доказательством служило то, что правительство набирало работников, как солдат; другое доказательство: когда понадобились заводы, к ним начали приписывать окрестных крестьян, и явился новый разряд заводских крестьян, крепких не земле, но фабрике или заводу. Об основном изменении участи крестьян, повторяем, нельзя было думать; эпоха преобразования была еще очень близка к древней России, прикрепившей крестьян; в 1713 году возмутились крестьяне села Лыскова в Нижегородском уезде, принадлежавшего грузинскому царю Арчилу, села Поречья ростовского архиерея, Вышегородской волости Верейского уезда, на землях иноземца Меллера, Вознесенского села, принадлежавшего Воскресенскому монастырю (Новый Иерусалим); *отложившиеся* крестьяне были приведены в повиновение, причем заводчики были биты кнутом. Можно было только принимать меры к облегчению участи крестьян: так, эта цель имелась в виду при учреждении майората, хотя по хозяйственным же условиям, как увидим, цель не могла быть здесь достигнута. В 1719 году воеводам было наказано: «Так как есть непотребные люди, которые своим деревням сами беспутные разорители суть и ради пьянства или иного какого непостоянного житья вотчины свои не только не улучшают, но разоряют, налагая на крестьян всякие несносные тягости, бьют их и мучат, отчего крестьяне, покинув тягла свои, бегают и происходит отсюда пустота, а в государевых податях умножается доимка; поэтому воеводе и земским комиссарам смотреть накрепко и до того разорения не допускать; когда для денежных и других сборов поедут в уезды земские комиссары и найдут пустоту или сильное умаление крестьян перед переписным числом, то должны об этом объявлять воеводе, воевода разыскивает, отчего пустота явилась и не было ли крестьянам от помещиков большого

разорения; обыски с достоверными свидетельствами присылаются в Сенат; и если по сыску и по свидетельству подлинно обнаружатся разорители своих имений, таких велеть исправлять ближним сродникам и свойственникам, и до исправления заведовать их деревнями этим сродникам и свойственникам, довольствуя помещиков доходами из тех деревень; которые не исправятся, посылать под начал до исправления; которые не исправятся и под началом, тех не освобождать, но доходами довольствовать их самих, жен их и детей, а по смерти отдавать деревни, кому будет следовать по линии». В апреле 1721 года был издан именной указ: «Обычай был в России, который и ныне есть, что крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь, кто похочет купить, как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продает, отчего немалый вопль бывает; и его царское величество указал оную продажу людям пресечь; а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то б хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь». Цены за крестьянские семьи были разные, смотря по обстоятельствам: так, в протоколах Сената читаем: «Димитрию Шулепникову за крестьянина его Ивана Фомина с женою и детьми, который взят к городovým делам в кузнецы, выдать денег 35 рублей». Или: «Против прошения комнаты царевны Анны Петровны карлицы Устиныи из крестьянства отца ее с женою и детьми уволить и помещику за него заплатить денег 50 рублей».

Относительно управления монастырских крестьян дошла до нас любопытная челобитная крестьян можайского Лужецкого монастыря в 1720 году: «Державнейший царь, государь милостивейший! в прошлых годах по нынешний 720 год был у нас архимандрит Сергей и ведал нас, и слуг и служебников, судом и расправою и всякими делами, а ныне оный архимандрит волею божиею очами обнищал и отъял бог очес его зрение; а в прошлом году прислан нам Знаменского монастыря иеромонах Иосиф Бронцов, и в нынешнем году оный келарь взят к Москве за его немалые неистовства, и ныне у нас судом и расправою ведать и от сторона оберегать некому; а у нас в Лужецком монастыре есть иеромонах Иоасаф Каржавин, человек добрый, не пьяница, суд и расправу меж нами и от сторон оберегать станет: просим иеромонаху Иоасафу быть судебным монахом». Подписались выборные крестьяне.

Война продолжалась, и финансовые затруднения не уменьшались. Старое препятствие к уравнительному сбору, укрывательство тяглых людей, существовало, несмотря на меры царя Алексея и повторительные указы сына его. В 1714 году повелено было Сенату: таможенные, кабацкие и оброчные сборы положить в каждом городе на купечество по большому окладу, а откупы и счета отставить и от дворового с крестьян и с купечества сбору отличить и собирать особо. По старым и по новым указам всяких чинов людей и крестьян, которые имеют торги, выключая тех крестьян, которые продают то, что у них родится, взять в посад и поселить в слободах, а закладчиков и выходцев и беглецов взять, и с наказанием. Уравнять все губернии как дворами, так и душами и с них сборы, чтоб во всех губерниях было равенство. Никакие меры не помогали, доходы не высылались сполна, важнейшие дела останавливались за неимением денег. Мы видели донесение Ушакова, как разбежались строившие корабли работники за неимением денег. Это не был единственный случай; в декабре 1716 года адмирал Апраксин писал Макарову: «Истинно во всех делах как слепые бродим и не знаем,

что делать, стали везде великие расстрои, а где прибегнуть и что впредь делать? не знаем, денег ниоткуда не возят, дела, почитай, все становятся». О недосылках можно судить из донесения князя Якова Долгорукого в 1719 году: «Военный комиссариат учрежден с начала 1712 года, а по табели положено из губерний, кроме С.-Петербургской, денежной казны присылать на дачу армии жалованья и на строение мундира и амуниции 1578333 рубля; и хотя того постоянного числа из губерний в присылке сполна никогда не было и осталось в доимке многое число, однако армия вашего величества с того года как жалованьем, так мундиром и амунициею удовлетворена, еще же, сверх указа, прибавлены строить многие амуничные вещи вновь, а на провоз мундира и амуниции до разных мест в расходе без малого 300000 рублей. Ныне в мундирных канцеляриях покупных сукон, мундиру и амуниции и других припасов в остатке на 350000 рублей, да из губерний недослано по табели с 712 года на семь лет 2500000, в том числе на два года 717 и 718, на которые велено по указу вашего величества весьма доправить 950000 рублей, а на достальные пять лет править со временем исподволь». Так как главною причиною скудости доходов были злоупотребления при переписи дворов, то Петр решился ввести подушную перепись. 22 января 1719 года был издан указ: ради расположения полков армейских на крестьян всего государства брать во всех губерниях сказки о душах мужеского пола; за утайку душ прикащикам, старостам и выборным людям смертная казнь безо всякой пощады. 19 января 1720 года новый указ: хотя сказки и высылаются, однако в них пишут одних крестьян, а дворовых и прочих не пишут, в чем может быть такая же утайка, как и в дворах бывала, и потому писать всех, кто живет в деревнях. 16 декабря того же года новый указ: назначен был срок подачи сказок 20 июля, и все сказки не поданы, ландраты и комиссары пишут, что помещики, люди их и крестьяне сказок не подают, из дворов бегают и укрываются, вследствие чего у ослушников указа отписать деревни, а самих выслать к розыску. Указ 15 марта 1721 года говорит, что доносители показали утайку до 20000 душ, и потому велено сказать всем землевладельцам, чтоб объявляли об утайке без всякого страха, на виноватых не будет взыскано, в противном случае они подвергаются наказанию по прежним указам.

Страна была действительно бедная, малолюдная, без промыслов, тяглые люди действительно бегали и употребляли все средства, чтоб уклониться от платежа денег в казну; но Петр хорошо знал, что одною из главных причин скудости казны была закоренелая болезнь русского общества, воспитанного на *кормлении*. Тщетно преобразователь выставил понятие о государстве, о бескорыстном служении ему, тщетно толковал о пользе всенародной; русский человек в продолжение многих веков привык смотреть на службу как на средство кормления, и века должны были пройти прежде, чем он мог отстать от этой привычки. Но Петр не был такой человек, который мог спокойно передать времени известное улучшение, известную работу; чувствовать всю нужду в деньгах и знать, что вместо употребления на общее дело они расходятся по частным карманам, было для него невыносимо, и как везде, так и здесь он принял самые сильные меры, начал кровавую борьбу с казнокрадцами, как в старину с стрельцами.

Петр по частным делам должен был допустить то, что мы называем взяточничеством: бедное государство не могло обеспечить жалованьем служащих

ему и потому должно было позволить им кормиться от дел. В 1713 году подьячие секретного стола сенатской канцелярии били челом государю, что им, кроме жалованья, прибытка нет никакого и пропитаться с домашними своими невозможно, и потому просили прибавки жалованья. Государь на их просьбе написал: «Вместо жалованья ведать в секретном столе все иноземческие и Строгоновы дела, кроме городских (архангельских) товаров». Но он неумолимо решился преследовать похищения казенной собственности, взяточничество, вредившее государственным доходам. В августе 1713 года читали указ: «Великий государь, милосердую о народах государств своих, ревнуя искоренить несправедливые, бедственные всенародные тягости и похищения лукавые государственной казны, понеже известно ему учинилось, что возрастают на тягость всенародную и умножаются для лукавых приобретений и похищений государственных интересов великие неправды и грабительства и тем многие всяких чинов люди, а наипаче крестьяне приходят в разорение и бедность. И того ради его царское величество указал объявить всенародно на удержание оных злых вымыслов и лукавых корыстей и граблений сей свой указ, дабы впредь неведением никто не отговаривался, чтоб всех преступников и повредителей интересов государственных с вымысла, кроме простоты какой, и во всяких государственных делах неправды и тягости искоренить, а именно: всякие сборы, всякие покупки и продажи и подряды чинить в приказах и губерниях с великих радетельным осмотрением, без всяких лукавых вымыслов и беспосульно, ища государственной прибыли без тягости народной, и к покупке и к продаже и к подрядам призывать, объявляя всяких чинов людям не тайно; а самим судьям и приказным и иным подчиненным их на свои или на чужие имена, и людям их и крестьянам отнюдь не подряжаться и никаким образом не вымышлять; а доходы окладные, с купечества и с уездных дворового числа, и иные неокладные, сложив все вкупе, собирать на четыре срока и объявить всенародно, чтоб на те сроки все доходы из уездов привозили платить в города бездоимочно». Вслед за тем другой указ: «К положенным законам о грабителях народа в пополнение объявить всенародно: ежели кто таких преступников и повредителей интересов государственных и грабителей ведает, и те б люди безо всякого опасения приезжали и объявляли о том самому его царскому величеству, только чтоб доносили истину; а кто на такого злодея подлинно донесет, тому за такую его службу богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будет, а буде достоин будет, дастся ему и чин его; а сие позволение дается всякого чина людям, от первых даже и до земледельцев, время же к доношению от октября месяца по март».

Указ, обещавший такое богатое вознаграждение за донос на казнокрадцев, произвел сильное впечатление на людей, знавших кой-что за собою; между ними начались толки: «Донести, доказать легко, но за что же наказывать? Ведь прежде это не было запрещено». Узнав об этих толках, 24 декабря 1714 года Петр издал новый указ: «Понеже многие лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены, и прочие тому подобные дела, которые уже наружу вышли, о чем многие, якобы оправдан себя, говорят, что сие не заказано было, не рассуждая того, что все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступления. И дабы впредь плутам (которые ни во что иное тщатся, точию мины под всякое доброе делать и несытость свою исполнять) невозможно было

никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всем чинам, которые у дел приставлены, дабы не дерзали никаких посулов казенных, и с народа собираемых денег брать торгом, подрядом и прочими вымыслами. А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шелмован и из числа добрых людей извержен или и смертию казнен будет; то же следовать будет и тем, которые ему в том служили и чрез него делали, и кто ведали, а не известили, хотя подвластные или собственные его люди, не выкручаясь тем, что страха ради сильных лиц или что его служитель, а дабы неведением никто не отговаривался, велеть всем у дел будучим к сему указу приложить руки, и впредь кто к которому делу приставлен будет прикладывать, а в народе везде прибить печатные листы».

Указами, угрозами, вызовом доносителей дело не ограничилось. Мы видели, что вместе с учреждением Сената Петр учредил и фискалов. В августе 1711 года старик Зотов взял на себя звание государственного фискала: «Понеже видя беспорядок, господин граф Никита Моисеевич Зотов взял на себя сие дело государственного фискала, т.е. надсмотрителя, дабы никто от службы не ухоронивался и прочего худа не чинил, и сей свой уряд подписал своею рукой». Но о деятельности Никиты Моисеевича в этом новом звании мы не имеем сведений. В указе 28 января 1721 года говорится: «Понеже государственного фискала вскоре еще выбрать не можем, того ради, пока оный учинен будет, определяем по одному из штаб-офицеров от гвардии быть при Сенате, переменяясь помесечно. Он должен смотреть, дабы Сенат должность свою исправляли по данной им инструкции. Смотреть того, дабы указы не только что на письме были сделаны, но чтоб экзекуция на все указы, как возможность допустить, чинена была. Ежели кто того чинить не будет, то три раза напоянуть, а буде по третьем слове кто не будет чинить, тотчас идти к нам или писать». Первым обер-фискалом был назначен дьяк Былинский, но он скоро был уволен по просьбе князя Ромодановского, которому он был нужен для строения дома его в Петербурге. Вместо Былинского был назначен стольник Михайла Желябужский, в товарищи к нему назначены комиссар Нестеров и шесть человек царедворцев. В апреле 1712 года уже встречаем известия о деятельности фискалов. Трое фискалов – Михайла Желябужский, Алексей Нестеров, Степан Шепелев – подали царю жалобу на Сенат: «Изволил ваше царское величество учинить фискальное дело, для чего по указу из Сената определены мы. И мы, рабы твои, по должности своей всячески проводывая и усмотря как в сборах, так и в расходах и об иных нуждах, подали в Сенат многие разные доношения. А по другим делам в разных приказах как за судьями, так и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чем написано порознь в наших особливых доношениях и обличениях, по которым, против твоих пунктов, указу и определения не учинено и по се число, и на суд нам неправду сотворших не токмо которого судью, но и последнего подьячего ко обличению не поставлено. А когда приходим в Сенат с доношениями, и от князей Якова Федоровича (Долгорукого) да от Григория Племянникова безо всякой нашей вины бывает к нам с непорядочным гордым гневом всякое немилосердие, еще ж с непотребными укоризны и поношением позорным, зачем нам, рабам твоим, к ним и входить опасно. Племянников называет нас уличными судьями, а князь Яков Федорович – антихристами и плутами».

Особенною любовью и ревностию к своему делу отличался фискал Нестеров. Он доносил в 1713 году: «Князю Якову Федоровичу Долгорукому даны волости в

уезде Юрьева Польского с условием, чтобы доходы, прежде шедшие в казну, собирались в нее без умаленья; но в 1713 году Долгорукий, по согласию с казанским губернатором Апраксиным, сложил много сборов, а именно 4755 рублей, и приписал к себе землю, которой в именном указе не было означено. С 1704 года, кроме государева клею, нигде никому держать и продавать не велено; а он, Долгорукий, дал из Сената указу господину Рагузинскому, велено ему купить клею у других, кроме государева, 2000 пудов для продажи в отпуск за море, от чего государю убытка больше 10000 рублей. Долгорукий не принял ружей, которые Стрежнев продавал по рублю 20 алтын, а принял у Строганова, который написал по 2 рубля за ружье, принял, не освидетельствовавши и не призвавши к торгу никого, и этим доставил Строганову прибыли 8420 рублей. Долгорукий подрядил иностранца ставить селитру дороже, чем предлагали русские; ставил наемщиков вместо своих крестьян в рекруты вопреки указу. С многих сильников солдат не брано, а только берут с тех, кто безответен и богобоязлив и страх имеет от вашего величества, да которые солдаты с таких сильников и с других взяты, и те Поместного и Военного приказов дьяками и подьячими распущены будто негодные, а вместо них других не взято, то из взяток, то придабриваясь. Теперь как за прежними, так и за нынешними нашими фискальными доношениями в приказы привели и приводят немалое число солдат, начали и из вышних персон, а именно сенатор князь Григ. Иван. Волконский беглых солдат привел из подмосковной с отпуском и без отпуска 5 человек; князь Григорий Федорович Долгорукий сказал, что у него беглых солдат в Хатунской волости есть, и обещал их поставить, а сам его благородие едва не все лето там был, да без доношения нашего прислать не соизволил. Капитан Алексей Буторин по согласию с дьяками и подьячими Поместного приказа, когда вел солдат в Ригу, отпустил из полку с дороги, будто переменою, годных 12 человек, которые солдаты и отцы их повинились. Тот же капитан с дороги отпустил больше ста подрядных подвод, отчего солдаты разбежались, и в Ригу доведена разве половина».

«В Монастырском приказе немалые тысячи старых денег и несколько пудов серебряной посуды и прочих вещей разных, которые в правление графа Мусина-Пушкина забраны из Ростова с митрополичья двора и из других разных монастырей. Князь Яков Федорович взял у нас об этом доношение себе собственно и в Сенате не объявил; зачем он так делает – укрыть ли хочет или тайно донести? – подлинно не знаем, только, по-видимому, доношения их друг на друга не ожидаем, ибо и он не чище других. Некоторые из них, сенаторов, не только по данным им пунктам за другими не смотрят, но и сами вступили в сущее похищение казны вашей под чужими именами, отчего явно и отречься не могут: какой же от них может быть суд правый и оборона интересов ваших?»

«Майор Волконский, будучи для розыску в Архангелогородской губернии, взял без указа, самовольно у подьячего Ерофеева из казны денег 1500 рублей и, не отдав, уезжает в Ригу; подьячий опасается, чтоб за Волконским эти деньги не пропали. А о других Волконского худых и указу противных делах, также о взятках, и что он брал из земских изб деньги, и о прочем, подам обличения тогда, как повелено будет мне дела его привезенные „оказать“». Петр написал на этом доношении: «Приготовляй к зиме».

Нестеров указал и на печальное состояние торговых людей, о которых уже писал прежде и Курбатов. «Купечество, – доносил Нестеров, – в Москве и городах

само себе повредило и повреждает: сильные на маломочных налагают поборы несносные, больше, чем на себя, а иные себя и совершенно обходят, отчего маломочные в большую приходят скудость и бесторжицу; к тому же у них отняты всякие промыслы и прочие торги, которые за ними издревле бывали, и в рядах стало уже вотчин и всяких торговых мест больше за беломестцами, нежели за купечеством, да и торговать уже им за нападками небезопасно; например, один Волынский, будучи в Персии, насильно взял более 20000 рублей с прикащиков Евреинова и прочих, будто бы на государевы нужды, а выходит, на свои прихоти; бить челом на него не смеют, потому что им миновать нельзя Астрахани, где он губернатором, о чем и вышним господам известно, да молчат. Иные купцы, отбывая платежей и постоев, покинув или распродав беломестцам в слободах жилища свои, разошлись в другие чины, в артиллерию, в извошники и воротники, также записались в Покровское и Тайнинское, отдались в защиту разных господ на дворы их московские и загородные, у своей братьи и у других разных чинов в домах нанимая места и избы особые за Земляным городом, мимо настоящих своих слобод, построив дворы, живут; кроме того, живут в защите и в закладе у разных людей, будто бы за долги, не только сами, но и с торгами своими и с винными заводами. Другие подлогом, будто бы за скудостью и болезнями, в богадельни вошли, иные разошлись на заводы и промыслы в прикащики и сидельцы и работники, несмотря на то что свое имение довольное имеют. В противность указам мимо ратуши забирают и таскают купцов в Преображенское и другие приказы. Притом явилось от бурмистров и ларечных с прочими служителями превеликое воровство и кража казны и взятки. Московские бурмистры Антип Михайлов и Василий Горский с московских слобод себе в приход собрали немалые деньги, обличены, а надворный суд приговорил только на них доправить те сборные деньги да штрафу по гривне на рубль, а жестоко при народе не истязаны. Не только купецкие люди, но и многие дворовые крестьяне от всяких тягостей разошлись в разные губернии, в Сибирь и в черкасские города, в Ивановское и в Почеп, живут там домами, имеют торги и промыслы и заводы, немалое число ушло и в Керженцы. Дорогомиловской слободы ямщики, по прозванию обыденки, разбогатели, покинув гоньбу и отбывая с торгу платежей, записались пролазом своим и подлогом чрез Полибина в сенные истопники к комнате царевны Натальи Алексеевны и доньне под тою опекою имеют торги и лавки немалые. Купецкие люди, которые вышли из слобод, покинув свои прежние жилища, и доньне налицо живут явно в Москве на господских дворах слободами, например за Москвою-рекою на Пятницкой и Ордынке, на Офросимова и Ржевского дворах, за Мясницкими воротами, на Шеинском и Долгорукого, за Арбатскими, на Головкине дворе и у прочих таких же, а в слободы, на тяглые свои жилища нейдут; старосты и другие, видя это, для своих польз им позволяют».

После того, что было раскрыто фискалами, понятна будет инструкция, данная Петром майору Ушакову в 1714 году: «Смотреть: 1) подрядов, которые, почитай, все на Москве чинятся, и невозможно стать, чтоб без великой кражи государственной казны были и чтоб хотя про одно такое дело проведать подлинно. 2) В канцелярии военной також сборов много, а денег, сказывают, нет, а наипаче в мундирном деле посмотреть, понеже, чаю, и тут не без тогож, также и о денежных дворах. 3) В Московской губернии в ратушных и в иных делах, сколько возможно, проведывать зело тайно чрез посторонний способ, чтоб никто не знал, что сие

тебе приказано. 4) Також о утайке дворов крестьянских, где возможно, проведать же. 5) Проведать также, которые кроются от службы, также которых можно послать для ученья и, проведав о всем, а наипаче о деньгах, которые по зарукавьям идут, приехать сюды».

Мы видели, что кроме фискалов Петр требовал, чтоб каждый объявлял о казнокрадстве. Несмотря, однако, на богатые награды, обещанные за такие объявления, явно никто не указал ни на кого, а явились подметные письма. 29 декабря 1713 года поднято было письмо, подписанное так: «Вашего величества нижайшие богомольцы, убогие сироты, соборне и келейне бога всеблагого моля, падши, умоляем». Донос состоял в следующем: «Господин Мусин известный коварный лукавец и гонитель всякие правды. Долгорукие вора Наумова отписные деревни отдали, по свойству, сыну его; они же, укрывая Ильина в приеме беглых рекрут, Колычева в краже и продаже фузей, забрали дела от Ершова (московского вице-губернатора) в Сенат и по указу не учинили. Господин Волконский тульских купцов разорил вконец: повелено на государя делать по 15 фузей в год на сроки, и между теми сроками, исполняя свои прихоти, заставляет их делать многое свое ружье обронным лучшим мастерством; а который не сделает указного ружья на срок, таких мучит жестоким истязанием, и надсмотрщик стольник Чулков с них за то великие взятки берет и у выдачи денег вычитает и говорит, что половина князю, а другая половина ему. Никита Демидов обещал поставлять железо не выше 13 рублей двух денег, поставил в Тверь 20000 пудов и, по заступлению Волконского, получил по 16 рублей 4 деньги за пуд, а с купцов берет по 13 и меньше за пуд; да и другие артиллерийские припасы другие возьмутся поставлять за половинную против Демидова цену. Демидов неправдивец, но ему доставалось не столько барыша, сколько Волконскому и другим. Ежели изволишь о том розыскивать, прикажи вице-губернатору Ершову, ибо он, никого не боясь, ни для какой корысти неправды не сделает. О иконоборце Самарине и Апухтине уже и писать оставляем, понеже того ли они состояния, что им сидеть в поверенном Сенате? Ни». Донос оканчивается похвалами Ершову: «В 1712 году, как был губернатором Ромодановский, с тем он, будто с чертом, возился, ибо хотя и умен был, да слаб, и завладел им человек его, Фатуев. А нынешнего губернатора, слышно, что вставили сенаторы, а больше Мусин да Долгорукий, старого плута и всесветного труса, вступил с Ершовым в контру, да и у этого есть подобен Фатуеву, прозванием Лаговчин, от которого уже бедный Ершов и лаю слышал. По мирской пословице: хорошо государю верно служить, да было б кому хвалить, а его, Ершова, право никто из них тебе не похвалит».

Умножение подметных писем заставило Петра издать такой указ в начале 1715 года: «Понеже многие являются подметные письма, в которых большая часть воровских и раскольничьих вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой изливают, того ради повелеваем всем: кто какое письмо поднимет, тот бы отнюдь не доносил об нем, ниже чел, не распечатывал, но, объявляя посторонним свидетелям, жгли на том месте, где поднимет; ибо недавно некто подкинул письмо якобы о нужном деле, в котором пишет, ежели угодно, то он явится; почему не только позволено оному явиться, но и денег в фонаре 500 рублей поставлено, и более недели стояли, а никто не явился. А ежели кто сумнился о том, что ежели явится, то бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а милость многим

явно показана; к тому же могут на всяк час ведать, как учинены фискалы, которые непрестанно доносят не точию на подлых, но и на самые знатные лица безо всякой боязни, за что получают награждение. И тако всякому уже довольно из сего ведать возможно, что нет в доношениях никакой опасности; того для, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому государю или, пришед ко двору его царского величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное донесение, а именно о следующих: 1) о каком злом умысле против персоны его величества или измене; 2) о возмущении или бунте; 3) о похищении казны; а о прочих делах доносить, кому те дела вручены, а писем не подметывать».

«Фискалы доносят безо всякой боязни и получают награждение», – говорил указ. Но известно было, как обращались с ними в Сенате; впоследствии Петр должен был сознаться, что «земского фискала чин тяжел и ненавидим». Рязанский митрополит Стефан, блюститель патриаршего престола, в торжественный день именин царевича Алексея, 17 марта 1712 года, в проповеди сделал сильную выходку против фискалов. «Закон господен непорочен, – говорил митрополит, – а законы человеческие бывают порочны; а какой то закон, например, поставити надзирателя над судами и дати ему волю кого хочет обличити, да обличит, кого хочет обесчестити, да обесчестит; а хотя того не доведет, о чем на ближнего своего клеветает, то за вину не ставит, о том ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобает сим быти: искал он моей главы, поклеп на меня вложил, а не довел, пусть положит свою голову; сеть мне скрыл, пусть сам ввязнет в узкую; ров мне ископал – пусть сам впадет в онь». Петр не отменил фискалов, но выходка Яворского не осталась без влияния на новое распоряжение о них, выданное 17 марта 1714 года: «Обер-фискалу быть при государственном правлении, да с ним же быть четверем фискалам, в том числе двоим из купечества, которые бы могли купеческое состояние тайно ведать; а в губерниях во всякой при губернаторском правлении быть по четыре человека, в том числе провинциал-фискал, из каких чинов достойно, также и из купечества. А в городах во всех, смотря по пропорции города, быть по одному и по два человека. Должность их состоит во взыскании всех безгласных дел, т.е.: 1) всякие преступления указам. 2) Всякие взятки и кражи казны и прочее, что ко вреду государственного интереса быть может. 3) Прочие дела народные, в которых нет челобитчиков, наприм. ежели какого приезжего убьют или наследник, последний в своей фамилии, в младенчестве умрет без завещания предков его и т.п. Во всех этих делах фискалам надлежит только проводывать, доносить и при суде обличать, а самим ничем ни до кого, таки и в дела, голос в себе имеющие, отнюдь ни тайно, ни явно не мешаться под жестоким штрафом или разорением и ссылкой. Если фискал на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить, ибо невозможно о всем том аккуратно ведать; а если ни в малом не уличит, но все доносы его будут не правы, однако ежели фискал сделал это не из корысти и не по злобе, то взять с него штраф легкий, дабы впредь доносил с большим осмотрением. Если же фискал по какой-нибудь страсти или злобе затеет и пред судом подлинно и истинно от того, на кого взвел, обличен будет, то ему, как преступнику, то же учинить, что довелось было учинить обвиненному, если б по доносу подлинно виноват был. Также если фискал из взятки или из дружбы не известит о краже казны и проч., то учинить над ним то

же, чего винный достоин будет. Провинциал-фискалу надлежит своей губернии города объезжать самому в год однажды для осмотра состояния фискалов, как они дела свои отправляют: неприлежных фискалов отставлять и на их места выбирать людей добрых и правдивых, только из дворян молодых не принимать, а быть именно от сорока лет и выше, кроме тех, которые из купечества. В делах взыскание иметь с 1700 года, а далее не начинать».

Между тем Нестеров становился все усерднее и даже сына своего начал обучать фискальству. В 1714 году он нашел кражу за шатерничим, но сенатор Мусин-Пушкин не обратил внимания на его донесение; нашел кражу на денежном медном дворе; обличил дворцового судью Савелова, укрывавшего беглых, тот повинился, но указу не учинено, потому что Савелов шурин Мусину-Пушкину. Нестеров жаловался на фискалов московских, которые далеко отставали от него в усердии; но если плохи были фискалы московские, то в других губерниях еще хуже. «А в других губерниях и спрашивать уже нечего, – писал Нестеров, – многие фискалы по городам ничего не смотрят и ни с кем остуды принять не хотят; добились чрез обер-фискала своих мест, чтоб отбыть службы и посылок, и живут как сущие тунеядцы в своих деревнях; я положил на них штрафы, а обер-фискал сложил, потому что у них общая дворянская компания, а я между ними замешался один только с сыном моим, которого обучаю фискальству». Впрочем, относительно губернских фискалов были исключения; до нас дошло донесение Нестерову от Данилова, провинциал-фискала Воронежской губернии: «Отбывают от службы царедворцы и другие обыватели; мы вице-губернатору Колычеву и воеводам тех провинций доносили, чтоб определить их в службу, но они наши доношения уничтожают и в службу не пишут и ныне живут праздно безо всякого обучения; таких сыщется человек с 500, живут у воевод, добиваются к делам и к сборам, происходят всячески, многие нигде в переписи не написаны, а другие по канцеляриям сидят и пишут и на подъячих работают, и таким происхождением век свой без дела коротают, а воеводы их у себя охраняют». Нестеров не ограничивался открытием казнокрадства, но стал пересылать царю мнения свои об улучшении финансов. В 1714 году он уже советовал произвести ревизию и уравнильный побор. «Собрав в одно место списки начальных людей всех губерний, выложив от них особо таможенные, кабацкие и другие оброчные, всегда, кроме народа, надежные сборы, остаточный положенный по табелям оклад росписать, почему из того оклада достанется по распоряжению во всякой губернии на всякого человека. И когда, сверх того табельного платежа, понадобится взять в службу и в работу людей и деньги, надеюсь, никто укрыться не может, сборщикам и приказным людям, как прежде было и ныне есть, нельзя будет обходить вымышленною пустотою или переводимыми на другие места и выморочными дворами, также нельзя будет из двух, трех, четырех дворов для отбывания платежа сводить многих людей в один двор, дворы и ворота разгораживать и в один пригораживать, и никакого прежнего или нового лукавства делать будет нельзя, только надобно утвердить за утайку душ жестокий и неотменный штраф. Все будут, особенно маловотчинные, довольны и платить станут без доимок, разве не захотят этого одни только многовотчинные, за которыми написано по страсти и в угождение дворов мало, а людей в них много. В иных губерниях ныне в дворах мужеска и женска пола есть душ по 20 и по 30 и больше, а в других – только по 10 и по 6, и против 30 этим малым как можно

всякие ваши подати управлять? Не боязливые люди разные дворы сносят в один и людей многих сводят в один двор, а богобоязливые и страшливые остаются с малыми душами во дворах, и тянут, и платят то же, что многосемейные. От *уравнительного определения* будет и та польза, что беглые не будут укрываемы».

Нестеров доносил, что выморочные пожитки Шеиных расхищены, много перевезено к князю Якову Долгорукому, к князю Мих. Владим. Долгорукому, к коломенскому архиерею. Нестеров добрался и до сибирского губернатора, бывшего московского коменданта князя Матвея Гагарина, о котором писал царю в 1714 году: «Проведал я в *подлиннике*, что князь Гагарин свои и других частных людей товары пропускает в Китай под видом государевых с особенными от него назначенными купчинами, отчего как сам, так и эти его приятели получают себе превеликое богатство, а других никого к китайскому торгу не допускают; от этого запрета и бесторжицы многие пришли во всеконечное оскудение. Предлагал я в Сенат, чтоб послать в Сибирь верного человека и с ним фискала из купечества для осмотра и переписки товаров в последнем городе, куда приходит караван, но учинить того не соизволили». Мы видели из подметного письма, что в Москве вице-губернатор Ершов был в ссоре с губернатором Салтыковым. В декабре 1715 года Нестеров писал: «В губернской канцелярии вице-губернатор Ершов при ландратах, при мне и провинциалах говорил в лицо губернатору Салтыкову с укоризною немалою, что-де ты вора́м потакаешь? И в той же контре он, Ершов, говорил ему, губернатору, в укоризну, что он, Салтыков, потерял у вашего величества казны тысяч с 50, в чем и обличать его впредь хотел». Нестеров обвинил Матвея Головина, который, будучи судьей в Ямском приказе, отдал подряд под артиллерийские припасы в отвоз подрядчику без торгу, взявши за это с него 200 рублей, тогда как другие подрядчики просили торгу и уступали; Нестеров обвинил казанского губернатора Петра Апраксина за немалый ущерб казне в продаже табаку.

Но самое важное дело, начавшееся вследствие доношений Нестерова, было дело о злоупотреблениях сибирского губернатора князя Гагарина. Еще в 1711 году до царя дошли сведения, что сибирский губернатор ведет себя не очень чисто, вследствие чего Гагарин получил приказание вывести из Сибирской губернии свойственников своих. Мы видели, что донос Нестерова о китайском караване был подан в 1714 году; чтоб понять сущность дела, надобно обратить внимание на то, как производилась у нас в это время торговля с Китаем. Туда отправлялся царского величества купчина, с которым отпускались казенные товары из Сибирского приказа и из сибирских городов тысяч на 200 рублей. Купчина этот забирал также в Москве и в городах по договору всякие товары у всякого чина людей по настоящей московской цене или в каком городе какая цена товарам будет; по выходе из Китая купчина отдавал за взятые в России товары каждому по договору китайскими товарами вдвое; договоры о том, какими товарами отдать вдвое, заключались в Сибирском приказе. Люди, отдавшие свой товар купчине, назывались складчиками. Несмотря на то что Сенат не обратил внимания на представление Нестерова о необходимости послать в Сибирь верного человека, обер-фискал не унывал, проводывал явно и тайно, расхищения казны в Сибирском приказе усмотрел немало, запечатал два ящика с делами и дал знать в Сенат. Сенаторы опять не занялись этим делом, а сенатор Мусин-Пушкин, приехав из Петербурга в Москву, велел ящики распечатать и все уничтожить, говоря, что

фискалам в приказах по десятой год ничего смотреть не велено. Но Нестеров не отставал от своей добычи и обвинил купцов Евреиновых, которые торговали табаком в Сибири и незаконно обогащались по губернаторской поблажке. Дело пошло на рассмотрение к князю Якову Долгорукому, но вопросы, как доносил Нестеров, были предложены Гагарину и Евреиновым «самые фальшивые, с закрытием, как ему, Гагарину, в том надобно». Это было в печальный 1717 год; Нестеров воспользовался прибытием Петра в Москву по делу царевича Алексея, и дело Евреиновых было взято от Долгорукого и поручено комиссии, составленной из офицеров гвардии – Дмитриева-Мамонова, Лихарева, Пашкова и Бахметева. Нестеров был тут при допросах Евреиновых, которые, как писал фискал, «моими усердными трудами и призыванием чрез разговоры, со всяким увещанием в надеяние вашего к ним милосердия, объявили мне письменное известие о всяких сибирских и китайских торгах немалые дурости, показано великое похищение вашей государевой казны и взятки золотом и прочими вещами, а именно на губернатора Гагарина и на людей его, Якова Матвеева с другими, и на племянников его, князя Василья и князя Богдана Гагариных, и купчин китайских караванов, и на купецких людей, как на Бориса Карамышева, который согласник губернатору, все ведает в Сибирском приказе и всякого зла в похищении исполнен, и на других разных купецких же людей, также и на тамошних комендантов. Истину вашему величеству пишу, а не лжу: но только великое чудо или ужас, как там делано, не боясь бога и забыв души свои и присягу. Еще ж Евреиновы показали, что за них, как взяты были к Долгорукому по доношению моему в распрос, дал он, Гагарин, князю Долгорукому немалые взятки». После Нестеров доискался подробностей и представил: «Генерал князь Долгорукий во время розыску по делам, которые были в канцелярии его ведомства, получил себе в презент с разных персон, а именно с князя Богдана Гагарина 500 червонцев; князь Матвей Гагарин прислал к нему из Сибирского приказа мех ценою в 600 рублей, который уступил он светлейшему князю; да с него же князя Матвея за Евреиновых 1000 червонных, с Никиты Демидова 500 рублей да к палатному строению железа 1030 пуд и 20 заслонок трубных; с детей думного дьяка Автомона Иванова 500 червонных за то, что к ним был милостив; красноселец Иван Симонов на дачу ему, Долгорукому, поручил госпоже Балкше коробочку серебряную во 100 рублей, а в ней 100 червонных да 500 рублей за то, чтоб от розыску быть свободну; да у него же с светлейшим князем и с фельдмаршалом Шереметевым и с господами Апраксиными и с Кикиным между собою были подарки лошадьми с конскими уборами, что обер-фискал прилагает во взятку»

Дмитриев-Мамонов с товарищи дали знать царю с своей стороны, что Евреиновы в некоторых худых своих делах повинную принесли и Алексей Евреинов просил написать государю, чтоб приказал остановить и осмотреть караван, идущий из Китая с купчиною Гусятниковым, потому что в нем много было провезено неявленных товаров. Евреинов же написал и сказал в допросе: «Сибирский губернатор князь Гагарин в Китайское государство купчин избирает по своему нраву, которые к тому делу доступают великими дачами и во всем с ним общее согласие имеют и более угождают ему, нежели усердствуют о пополнении казны и о государственной пользе. В караване, которого ждут теперь из Китая, товаров Гусятникова на 40000 рублей да у целовальников пошло товаров тысяч на сорок же». Для исследования дела на месте отправлен был в Сибирь майор

гвардии Лихарев и прислал целый реестр взяток и сборов, которых в приходе не оказалось. По следствию оказалось, что Гагарин утаил хлеб, купленный на Вятке для отпуска за море, велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, а приходные и расходные книги кинул; брал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи; писал угрожающее письмо к купчине Гусятникову, чтоб прислал ему китайские подарки, что и было исполнено; взял у купчины Карамышева казенные товары и заплатил за них казенными же деньгами, причем переводных писем в Сибирском приказе записывать не велел; взял у князя Якова Долгорукого в китайский торг товары без оценки и, не дождавшись купчины с караваном, велел выдать деньги вдвое; удержал три алмазных перстня и алмаз в гнезде, купленный на деньги, взятые в китайский торг из комнаты царицы Екатерины Алексеевны; взял себе товары из караванов купчины Худякова и, приняв у купчины книги этих караванов, сжег.

Гагарин во всем повинился и написал письмо государю: «Припадая к ногам вашего величества, прошу милосердия и помилования ко мне, погибающему: розыскивают много и взыскивают на мне управления во время ведения моего Сибирской губернии и покупки алмазных вещей и алмазов, что я чинил все не по приказному обыкновению. И я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не надлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания, кроме виновности своей, принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости всевышнего к вашему величеству: сотвори надо мною, многобедным, милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и недвижимом моем имени да будет воля вашего величества».

Вместо монастыря Петр назначил Гагарину виселицу. Поведение Гагарина не было новым явлением. Мы видели, что сибирские воеводы издавна позволяли себе большие злоупотребления, потому что до царя им было далеко. Та же отдаленность усиливала беспорядки и злоупотребления в Астрахани. В 1719 году произведено было здесь следствие, и открылось, что дворянин Тютчев с воевода обер-коменданта Чирикова посылал свинец в Персию; что Чириков посылал от себя за море соколов и кречетов, что было запрещено; от откупов и от прочих дел взял посулов 2135 рублей, а государственным доходам сделал недобору 17098 рублей; из государевых учугов рыбу себе на потребу брал. Солдаты команды поручика Кожина подрались с солдатами полковника Селиванова; Кожин велел своим солдатам бить и рубить селивановских солдат и полковника вытащить из дому, дрались с обнаженными палашами, и порублено было два человека. Тот же Кожин ездил на святках славить в дома астраханских обывателей на верблюдах и на свиньях, приехал на свиньях и к бухарскому посланнику, который принял это себе за большое оскорбление. В Ревеле комиссар Яков Лопухин вместе с Иваном Петровым-Соловым и Никитою Скульским сделал Три подложные подряды; школьник Федоров составил им подложные приемные письма, по которым они взяли из казны деньги сполна и разделили по себе, а школьнику дали 340 рублей. Лопухин был казнен смертию.

Преобразователь показал, что он не намерен потворствовать старому злу: сибирский губернатор был казнен; горожане давно уже были изъяты из ведомства городских правителей, судились своим судом; но мы видели, что доносили преобразователю о состоянии торговых людей, получивших самоуправление и свой суд, и напоследок преобразователь должен был выслушать мнение, что лучше возвратиться к старине, снова восстановить власть воевод над горожанами: «Когда учинены магистраты по провинциям, и бургомистры с товарищи обнадежили себя, что будут непременно, то гражданам начала происходить чувствительная обида. Магистратские члены или посланные от них скупщики являются на гостиные двory и другим гражданам купить товару не позволяют, и никто покупать не смеет, боясь от магистратских разорения безочередными службами и постоем; и приезжему продавцу не без разорения, ибо достойной цены взять не может, должен брать, что дадут магистратские. Заморские товары магистратские заседатели продают гражданам таким порядком: который товар стоит 100 рублей, на тот положат цену 150 или 130 рублей и продают по этой цене купцам средней статьи, которые торгуют в лавках; который купец не захочет взять, того отягощают безочередным постоем, службами и другими нападками; податей сами магистратские не платят, торгуют свободно, и вместо них подати платят гражданскою суммою. Если б велено было магистратских членов переменять, то голос был бы свободный, один другого напрасно притеснять не мог бы и купечеству была бы от того ревность. А переменять бы гражданам магистратских членов с ведома и рассмотрения воевод, и воеводам бы иметь смотрение над магистратами так, как исстари бывало. Если б всякого звания людей, в том числе и купечество, ведать воеводам по-прежнему, то бы всякого звания людям была польза немалая и обиды было бы меньше; ибо у многих правителей обидимый не может управы получить, понеже истец и ответчик не единого суда, а именно один воеводского, а другой магистратского, и в том бывает несогласие, а бедные люди разоряются».

Магистратские члены притесняли торговых людей; фискалы из купечества мало помогали. Мы видели, как Нестеров жаловался на нерадение фискалов в провинциях. Но другие фискалы позволяли себе больше чем нерадение. Нестеров донес об утайке пошлин фискалом Косым. Что это был за человек, видно из следующего письма президента Юстиц-коллегии графа Матвеева к Макарову: «В коллегии Юстиции фискал Косов под надеждою свободы своей великую образу и бесчиние оной же коллегии чинил, что вся коллегия та, паче же иноземцы, за многий себе афронт приняли, якобы коллегия та больше торжищем есть, на что извольте добрую регулу впредь учинить и такие наглости подлых людей в подобострастие привести. Дело было так: великий государь указал фискала Михайла Косого по делу обер-фискала Нестерова об утайке пошлин, по которому он в Сенате и в коллегии Юстиции обвинен и держан под караулом, отдать на росписку знатым людям. И он, фискал Косов, призван был в коллегию Юстиции для прикладывания руки к росписке; и он, Косов, со изменительным лицом и с криком великим, приблизясь к президентскому столу, ударя во стол рукою, говорил, что он непослушен будет никакому суду до прибытия государя».

Страшное зло, застарелая язва древнерусского общества, было вскрыто сильными мерами преобразователя, и сам он, как ни был знаком с этим злом, не мог не содрогнуться. Тяжелые минуты переживал Петр, когда, возвращаясь из

заграничных походов в Россию, вместо отдохновения в кругу людей, которых хотел любить и уважать, должен был испытывать сильное раздражение, получая известия о противозаконных поступках этих самых людей. Тяжелые минуты переживал Петр, когда он узнавал о незаконных поступках самого близкого к себе человека, того, кого он называл «дитею сердца своего» (mein Herzenskind), того, кого он возвысил и обогатил больше всех, кто, следовательно, не имел уже ни в чьих глазах ни малейшего оправдания в своей алчности к обогащению, – когда он узнавал о противозаконных поступках Данилыча.

Сколько мы знаем, впервые негодование Петра против любимца было возбуждено поведением Меншикова в Польше. «Николи б я того от вас не чаял», – писал к нему царь, как мы видели, в марте 1711 года. Отправившись, в турецкий поход, Петр с дороги писал к Меншикову в том же необычном тоне: «Зело удивляюсь, что обоз ваш слишком год после вас мешкает (в Польше); к тому же Чашники (местечко) будто на вас отобраны. Зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбиться о том, ибо первая брань лучше последней; а мне, будучи в таких печалях, уже пришло до себя, и не буду жалеть никого». Чем дальше въезжал царь в польские владения, тем сильнее становились жалобы на Меншикова. Светлейший князь оправдывался, писал, что нельзя обращать внимания, если какая безделица и взята у поляков; Петр отвечал ему: «Что ваша милость пишете о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется в озлоблении жителей. Бог знает, каково здесь от того, и нам жадного (никакого) прибытку нет; к тому ж так извольничались, что сказать невозможно, и указов не слушают, в чем принужден буду великим трудом и непощадным штрафом живота оных паки в добрый порядок привести. О обозе объявляю, что не без лишнего было, ибо сверх вашей указной 1000 порции еще много порций брано на ваших людей, которые, побрав, иные к вам, а кои иноземцы и домой отпущены, в чем адъютант Жуков никакого оправдания ясного не положил, ни указу, почему то делал, не сказывает; что делал по письму Гольцова секретаря, от которого указов без самого Гольца подписи принять было не довелось, для чего ныне он за арестом и розыскивают. Что же вы пишете, что вы послали для обоза своего адъютанта Гопа, и оного я сам наехал недалеко от Алыки – выбирает деньги себе». У Меншикова была при царе сильная покровительница – царица Екатерина Алексеевна; мы видели, как она успокаивала своего старого приятеля письмом из Яворова: «Доношу вашей светлости, чтоб вы не изволили печалиться и верить бездельным словам, ежели с стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбенахт по-прежнему в своей милости и любви вас содержит». Петр мог ограничиться первою бранью относительно поведения Меншикова в Польше; но, возвратясь в Россию, он увидел, что Данилыч и в вверенной его управлению губернии, и в самом парадизе употребляет во зло доверенность царскую. В начале 1712 года, отправляя Меншикова в поход в Померанию, он говорил ему: «Ты мне представляешь плутов как честных людей, а честных людей выставляешь плутами. Говорю тебе в последний раз: перемени поведение, если не хочешь большой беды. Теперь ты пойдешь в Померанию; не мечтай, что ты будешь там вести себя, как в Польше; ты мне ответишь головою при малейшей жалобе на тебя». В то же время голландский резидент Деби доносил своему правительству, что Зотов, один из сыновей Никиты Моисеевича, ревельский комендант, страшно притесняет

иностранных купцов и делится добычею с Меншиковым, хотя тот не терпит его и отца его.

В 1713 году началось знаменитое Соловьевское дело, в котором Курбатов столкнулся с старым своим благодетелем, Меншиковым. Мы видели, что Курбатов, задевая сильных людей, донося на них царю, постоянно опирался на сильнейшего из сильных, Меншикова, называя его в письмах к Петру «избранным от бога сосудом, единственным человеком, который без порока перед царем». Чтоб иметь поддержку в Меншикове, Курбатов всячески ему услуживал, был посредником между ним и людьми, нуждавшимися в милости князя и щедро платившими за эту милость; так, в 1704 году он писал к светлейшему князю: «Благодарствуя твое милосердие, Григорий Племянников прислал ко мне в почесть тебе, государю, денег две тысячи рублей, которые ныне до повеления твоего и соблюдаются у меня в палате». Бывали и столкновения у Курбатова с Меншиковым. Так, Меншиков, неизвестно почему, настаивал, чтоб несколько городов и слобод было взято из ведения ратуши и отдано в Сибирский приказ и в дворцовую канцелярию, настаивал, чтоб известное уже нам псковское дело розыскивать с Кириллом Нарышкиным. Курбатов настаивал на противном, писал царю: «Что за причина быть городам в Сибирском приказе? В приказе сборов нет и 100000, в ратуше 1500000; ей-ей, в единособранном правлении всегда лучше бывает». О псковичах писал, что скорее ему живота лишиться, чем таким ворами быть помилованным. Меншиков, узнавши о сопротивлении Курбатова, рассердился, начал называть его своим противником и ругателем. Курбатов испугался и писал к государю: «Всемиловитивейший государь! Не дай мне, бедному, погибнуть в нынешнем страхе: уже премилостивейшего моего патрона привели на гнев, от которого, трепеща, ужасаюсь. Сотвори, да милостив ко мне будет». Государь помирил их, после чего Курбатов стал еще сильнее услуживать Меншикову. Прибыльщик имел очень широкий, по-нашему, взгляд на средства к этим услугам: мало того что он считал совершенно законным принимать благодарность за дела, прямо говорил царю, что он принимает эту благодарность и другие принимают и должны принимать; так, он писал, что напрасно давать жалованье судьям, судьи люди нескучные, им немало добровольных приношений от приказных дел, причем поставил в пример самого себя, получивши в два года более 600 рублей; мало этого, Курбатов, хлопоча изо всех сил об увеличении казенных доходов, думал, что имеет право распоряжаться прибылью, его трудами полученною, и часть ее употреблять в пользу своего милостивца, в награду за услуги последнего царю! Так, в 1708 году он писал Меншикову: «Получивши я, вашего светлейшества раб, выше о присылке водок повеление, изготовил их как мог с поспешением и послал их к вашему светлейшеству в сулеях. А денег за те водки, во что оне стали, у господина Кузьмы Думашева я братъ не велел для того, что оне, водки, из прибыльных денег строены, денег этих прежде в ратуше не бывало, и в помощь ратушским окладным доходам приложено их многое тысяч число, которое всегда может причитаться вашего светлейшества к усмотрению, для того что чрез ваше, премилостивейшего нашего патрона, к всемиловитивейшему государю доношение к той работе я, убогий, определен и впредь к тебе, государю, посылать со всяким усердием готов не точию такое, как ныне, число малое, но сколько на весь вашего светлейшества дом потребно за ваши к всемиловитивейшему государю услуги». Мы видим здесь, как прибыльщик

приучает любимца государева смотреть на казенные деньги, как на свое; Меншиков велит на строение водок взять деньги у своего управителя; Курбатов говорит ему: зачем эта трата? Вся прибыль, сделанная мною казне, к услугам вашего светлейшества, потому что благодаря вам я получил возможность сделать эту прибыль и потому что вы оказали такие важные услуги государю! Зато, когда нужно было Курбатову насильно притянуть в ратушу способного человека, он обращался за помощью к сильному любимцу: казанец, гостиной сотни Микляев был несколько лет в ратуше бургомистром, потом отпущен и жил в доме своем лет пять; Курбатов вспомнил об нем как о человеке способном и царским указом определил его опять бургомистром в ратушу и послал приказание ехать в Москву; но казанский комендант Кудрявцев отвечал, что он определил Микляева в Казани к кожевенным заводам. Курбатов сейчас письмо к Меншикову: «В Казани можно б к таким делам выбрать и других, довольно там купецких людей нарочитых, а в бургомистрах быть не всякий может, Микляев к ратуше кому делу человек привычный, и в ратуше он необходим; умилосердись, повели Микляева отпустить в ратушу без задержки; он сделал это нарочно, не хотя служить; ей-ей, притворно это с ним сделано, или по дружбе, или для его богатства; паки молю тебя, государя, ей-ей, доношу тебе по самой нужде, ей, выбрать некого».

Мы видели, как в 1714 году Курбатов волею или неволею отправился вице-губернатором в город. Здесь он опять должен был столкнуться с своим старым милостивцем. Меншиковым были выведены трое братьев Соловьевых: один из них, Федор, управлял имениями светлейшего князя; другой, Осип, был царским комиссаром в Голландии, занимался продажей казенных товаров, переводом денег из России за границу и т.д.; третий брат, Дмитрий, был обер-комиссаром в Архангельске, а комиссаром при нем был Племянников, который как мы видели, подарил Меншикову через Курбатова 2000 рублей в почесть. Соловьевы и Племянников действовали заодно, дружно, в интересах своего благодетеля. Вслед за назначением Курбатова вице-губернатором в Архангельск в сентябре 1711 года вышел сенатский указ: «Все товары (казенные) велено принимать и у города продавать и за море отпускать вице-губернатору Курбатову да обер-комиссару Дмитрию Соловьеву вместе; а прежде эти дела ведали Соловьев с комиссаром Племянниковым». Таким образом, Племянников отстранялся, и Соловьев должен был действовать вместе с вице-губернатором, при котором необходимо должен был играть уже второстепенную роль. Прошел год, в мае 1713 года новый сенатский указ: «Государевы товары, которые ведали у города Архангельского вице-губернатор Курбатов и обер-комиссар Соловьев обще, и тех товаров вице-губернатору, кроме таможенного усмотрения и пошлинного счета, ничем не ведать для того, что от разных управителей чинится в торгах царского величества не без повреждения: убыток от икры, что прислана к весне, упусти самую добрую пору, зимнее время. Ведать товары обер-комиссару одному». Стало быть, Курбатов помешал и отстранен Сенатом, с которым у него нелады и который поэтому легко исполнил желание светлейшего князя. Но Курбатов был не такой человек, чтоб мог позволить отстранить себя безнаказанно. В июне 1713 года он подал донос: «Дмитрий Соловьев отпустил за море своего хлеба в 1709 году 8081 четверть, в 1710 – 7556, в 1711 – 6973, пшеницы – 155 четвертей, итого в три года отпущено 22766 четвертей, а государева хлеба отпущено 32709 четвертей. А указ 1705 года под смертною казнию запрещает

торговым людям закупать хлеб в отпуск за море, закупается хлеб на государя. А в прошлом 1712 году в письме его, Соловьева, к нему, вице-губернатору, писано, что писали к нему из Амстердама, из конторы брата его, что хлеб ныне покупать не надлежит, ибо и старого за морем не продано ничего. И сие признал он, вице-губернатор, за ним, Соловьевым, неправду, ибо пишет, чтоб хлеба государева не посылать, что и старого ничего не продано и купцов нет, и посему можно разуметь, как может государев хлеб быть в продаже, что своего ими отпущено за море число многое, и, знатно, того ради он, Соловьев, посылку государева хлеба удержал, дабы им прежде свой хлеб продать, а государев после». В конце августа новое письмо от Курбатова Макарову: «Светлейшего князя и г. барона Шафирова у города и у нас содержится компания – торг солью, трескою и моржевными костями, а ведают торг Дмитрий Соловьев да племянник его Яков Неклюдов и покупают у города на имя светлейшего князя премногие товары, как будто на те товарные деньги, для домового расхода светлейшему князю, но весьма неприличные для его светлости, напр. несколько сот пар рукавиц, чулков, платков, а из знатных товаров множество; видно, что светлейший князь о том ничего не знает и покупают они эти товары под его именем себе, не платя пошлин». Курбатов и в Архангельске был таким же неохотником до немцев, как прежде в Москве, по-прежнему пользовался случаем указать на недостойность немца и просить о замещении его русским. В том же письме он писал Макарову: «Просил я царское величество о присылке вместо полковника Вебера (коменданта) другого полковника; а тот Вебер, ей-ей, ни к чему не годный, всегда пьян и без моего ведома ловит к себе на двор в ярмарку торговых людей, бьет и берет взятки, только стыд перед иноземцами; умиласердись надо мною, сделай, чтоб был прислан добрый человек, кто-нибудь из русских». Но теперь немцы соединились с русскими против прибыльщика: двое голландских купцов подали своему резиденту в Петербурге жалобу, что Курбатов заставил их заплатить самым незаконным образом 6000 рублей; в Сенате против Курбатова действовал Самарин: он поднял старое, известное нам дело о фальшивом серебре. По доносу Курбатова на Соловьева и вместе по жалобам русских и иностранных купцов на Курбатова отправлен был в Архангельск майор князь Волконский. Вице-губернатор был недоволен действиями следователя и писал Макарову в ноябре 1713 года: «Г. майор князь Волконский Соловьева и других только допросил, а о совершенном розыске, бог весть, будет ли иметь старание, ибо, по-видимому, очень с ними поступает легко. Прошу вас всеусердно, по твоей отеческой ко мне милости яви мне, что он к его величеству на меня пишет? Я думаю, он очень хлопочет, чтоб по сенатскому указу меня ему допрашивать и турбовать и тем препятствовать мне в деле Соловьева; и если будет ему это позволено, то лучше мне умереть, нежели такое бесславление во всей губернии иметь; неужели такое мне будет воздаяние за мои истинно усердные труды! Я писал на Соловьева по ревности моей, никого не боясь, а что он врал на меня в допросе и тому будут верить, то где же будет истина? Как возможно будет вперед в усердии простираться? Если бы я захотел молчать, то, знаю, получил бы от него очень хороший гостинец. Но все это по ревности моей презрено. Премилостивейший мой государь, батюшка! если ты меня в моем сиротстве оставишь, то мне уже не у кого больше будет искать помощи, истину тебе говорю: едва не вси мя возненавидеша».

Но, в то время как Курбатов писал это письмо, голландский резидент Деби подал мемуар о несправедливых и жестоких поступках архангельского вице-губернатора. В январе 1714 года Курбатов приехал в Петербург; Деби, узнавши об этом, несколько раз ходил к Головкину и Меншикову, водил и двоих своих купцов, жаловавшихся на обиды вице-губернатора. С голландцами Курбатов уладился полюбовно, не дожидаясь сенатского решения, и был отпущен в Архангельск, но тут Волконский представил на него обвинение во многих взятках. Тогда Петр, наученный опытом не полагаться ни на кого и решившийся не щадить никого, отправил Лодыженского на смену Курбатову и написал собственноручно новому вице-губернатору в мае 1714 года: «Приехав к городу, объявить бывшему вице-губернатору Курбатову, что писал на него во многих взятках Волконский: для того вам велено его переменить, а от города (ему) не уезжать, пока паки будет Волконский; а о чем будет Волконский писать про него, и тех сыскивать и держать, дабы при прибытии его скорее розыск кончиться мог, и того Волконского, Курбатова и прочих, до кого розыск сей касаться будет, отправить с начала сентября месяца сюды, а далее чтоб отнюдь не было». Но Петр напрасно надеялся, что к сентябрю все дело могло кончиться. Следствие перенесено было в Устюг, центральное место Архангелогородской губернии; в августе месяце Курбатов был допрошен в разных пунктах; дело, по его мнению, должно было принять благоприятный для него оборот, и он после допроса с торжеством писал Макарову: «Волконский с плутом Пивоваровым и бездельниками устюжскими фискалами советуют нам тщетная; но знаю, в надежде на бога и на мою правду, что советы их злонамеренные разорятся, потому что этот господин едва уже не в дисперации, во многом и сам узнал, что понапрасну оклеветал меня перед царем, а именно будто сверх оклада общего платежа приписано и взято с губернии лишку 84817 рублей: в том явилась ложь; будто со всего Важского уезда собирали на меня по 6 алтын со двора, и в проезд с Вологды к городу поднесено мне в почесть 805 рублев: и в том явилась самая ложь. И едва не во всем писал ложно, кроме того, что мне подносили в городе харчевые припасы и малое нечто от камок из мирских сборов, и то я принимал по их многому прошенью истинно без моих запросов. И ныне он и сам говорил так: „Хотя я и писал к государю, а теперь явилась и неправда, то я писал не с вымыслу, сколько мог справиться, в то время не было у меня подлинных ведомостей“. И поэтому изволь, мой государь, рассудить: уязвив меня смертельно, да чем мне извиняется? Кто его заставил писать, не справившись? Сбирает ныне со всей губернии всякие ведомости, по которым ничего не сделать ему и в три года, и никакого не найдет погрешения нашего. Свидетель бог, что я работал от души и сердца моего и, сколько мог, народ берег. Слышу, будто светлейший князь доносил государю, что я со 100000 рублей у него, государя, украл и губернию разорил: донеси, мой батька, что не только 100000 рублей, даже 100 копеек вымышленно не похитил; а что малое ради прокормления от денег и питей и провианта себе брал, о том явно в канцеляриях и в Сенате, и то делал, надеясь на его, государеву, милость, ведая свое усердие и многосотных тысяч приложение; а если бы так я жил, то мог бы прожить и без того жалованья, еще бы осталось и внучатам моим. Если жив буду и приеду в Петербург, подам государю ведомость всему моему богатству, что я в 16 лет нажил; изволит познать тогда, как я богат; а можно было в ратуше в шесть лет косых мешков нажить сотню».

Меншиков доносил на Курбатова в то время, когда его собственное положение было очень плохо вследствие открывшихся злоупотреблений по управлению С.-Петербургскою губерниєю. Отношения его к царю переменились, прежняя фамильярность исчезла, исчез в письмах дружественный, товарищеский, шуточный тон. Меншиков стал писать к Петру, как подданный к государю. Горе и невоздержание расстроили здоровье светлейшего князя. В мае 1714 года сделался с ним такой припадок, что лекаря объявили: если немедленно же не произойдет перемены к лучшему, то останется мало надежды спасти его. Уже более трех лет Меншиков харкал кровью и, видимо, ослабел, но не переменял образа жизни, по-прежнему много пил, и говорили, что у него сильная чахотка. Железная природа Данилыча обманула лекарей; он оправился, несмотря на невоздержанную жизнь и усиливавшиеся неприятности: в конце 1714 года, приехавши к Меншикову по-старине, на семейный праздник, царь укорял его в самых строгих выражениях за его поведение и за поведение его креатур, говорил, что все они обогатились в короткое время от грабежей, а казенные доходы истощились. Вслед за тем были перехватаны все чиновники Ингерманландской канцелярии, также городской и адмиралтейской; схвачены были два сенатора: Волконский и Опухтин; мы видели жалобу на злоупотребления Волконского по управлению тульским заводом; Опухтин провинился по управлению монетным двором. Петербургский вице-губернатор Корсаков подвергнут был пытке: царь видел в нем самого тонкого и хитрого из слуг Меншикова. Арестован был и Александр Кикин, считавшийся царским любимцем и стоявший в челе адмиралтейского управления; арестован был Синявин, главный комиссар при постройках, в четыре года наживший огромные деньги. В апреле 1715 года Корсакова публично высекли кнутом. Ходили слухи, что светлейший потеряет свое Ингерманландское наместничество, которое перейдет к царевичу Алексею Петровичу. Говорили, что сильные враги Меншикова, потеряв надежду погубить его, стараются по крайней мере удалить его от царя и от правления. Вместе с Корсаковым подвергнуты были публичному наказанию два сенатора – князь Волконский и Опухтин, которым жгли язык раскаленным железом за то, что подражались сами чужими именами под провиант, брали дорогую цену и тем народу приключили тягость. Присутствовавшие при экзекуции говорили, что царь очень раздражен на Волконского и называл его Иудею. Кикин писал к царю умиловительное письмо, каялся, что совершил преступление, не смеет просить милости, просит только позволения жить в деревне у брата. Он заплатил денежный штраф и получил позволение жить в Москве.

Между тем дело Курбатова тянулось; в марте 1715 года он написал Макарову: «Великою печалью объят я ныне, боюсь, не отвратил ли кто по ненависти вашей от меня милости, на которую я больше всего имел несомненную надежду. Несколько раз писал я, бедный, к царскому величеству, чаще к вам, изъясняя мою невинность; но письма мои нисколько мне не помогли, а письма Волконского, лукаво писанные, идут в дело. Или я уже порочнее всех, обращавшихся у дел монарших, что так со мною поступают? Я не бегу от правосудия, но прошусь к нему». В 1716 году Волконского отставили от следствия, производить которое было поручено полковнику Кошелеву, но Волконский медлил сдачею дел, и Курбатов в июне жаловался царю: «Вашего величества повелением следуют дела наши, и г. полковник Кошелев, а паче дьяк Воронов усердие в том имеют доброе;

но дело замедляется тем, что Волконский в сдаче дел умышленно тянет время, боясь, чтоб не обнаружили вскоре его несправедливости: с 15 мая по 18 июня не очистил сдачею ни одного сундука, а дела у него в четырех сундуках». Новый следователь не мог скоро окончить дела, заключавшегося в четырех сундуках. В октябре Курбатов писал Макарову: «Всемиловейший государь изволил ко мне своею рукою написать: если я сделаю три корабля, то буду пожалован в губернаторы; я сделал не три, но семь кораблей и не только не получил губернаторства, но и прежнего чина лишился и уже нищенствую».

Курбатов находился в это время в Петербурге и не мог не беспокоиться, видя, что светлейший князь по-прежнему силен. Несмотря на перемену своих отношений к прежнему любимцу, царь не мог забыть его заслуг в прошлом и нуждался в его способностях для настоящего. Постройки в Ревеле и Петербурге шли успешно благодаря тому, что ими заведовал энергический Данилыч. Петр снова начал ласкать его, осведомлялся об его здоровье, прислал из Данцига фунт табаку. Меншиков теперь мог отвечать на эту ласку только почтительными письмами. Так, от 20 апреля 1716 года написал: «Зело соболезную, что ваше величество в прямое состояние здоровья своего еще не пришел; но молю всевышнего, да ниспошлет духа своего святого на воды, которыми изволили пользоваться, к совершенному исцелению здоровья вашего. Что же о моей скорби, и она с помощью божиею, почитаю, миновалась, о внутренней же моей болезни описание, по вашему милостивому повелению к доктору Арескину на будущей почте пошлю, и за оное ваше обо мне милостивейшее отеческое попечение всепокорнейше благодарствую; но понеже ваши милостивейшие писания паче всякого медикамента меня пользуеть могут, того ради всепокорно прошу, дабы и впредь таким же образом, как и ныне, по превысокой вашей ко мне милости, жаловать меня ими изволили».

В отсутствие Петра, 18 июня 1716 года, умерла в Петербурге любимая сестра его, царевна Наталья Алексеевна. Меншиков, извещая об этом царя, писал: «И понеже, как вы сами, по своему мудрому рассуждению изволили знать, что сие необходимо есть, к тому же мы все по христианской должности такие печали сносить повинны: того ради всепокорно прошу, дабы не изволили вы сию печаль продолжать, но последовать своему мудрому рассуждению, которым и других обыкли от таких печалей отводить, к чему извольте вспомнить свою бабушку Анну Леонтьевну, ибо во многих бывших ее печалях мужество ее сами вы изволите всегда похвалять и, отводя других от печалей, за эксемпель брать».

Переменивши свой тон в обращении с царем, светлейший не хотел переменять его в отношении ни к кому другому. Понятно, что ему не нравилось учреждение Сената, который стеснял его самовластие, и он не упускал случая сделать выходку против медленности и нераспорядительности правительствующей коллегии. Однажды на свадьбе у одного гвардейского офицера голландский резидент Деби спросил Меншикова, решен ли вопрос о хлебной пошлине? Меншиков отвечал, что сенаторы не оканчивают никакого дела и проводят время в пустяках. В июле 1716 года адмирал Апраксин, находившийся с войском в Финляндии, прислал отчаянное письмо в Петербург, что войско его погибает от голоду и если ему сейчас же не пришлют припасов, то он возвратится. Меншиков явился в Сенат и начал упрекать правительствующих господ в нерадении. Поднялся сильный спор: сенаторы говорили, что не их вина, если суда

с припасами еще не пришли в Петербург, что в казне нет денег, что все источники доходов истощены и что государь не может требовать от Сената невозможного. Меншиков возражал, что Сенат занимается только пустяками и пренебрегает государственными интересами, что в настоящем случае он имел средство снабдить армию. Раздраженные сенаторы закричали: как он смеет так говорить? Он забыл, что Сенат представляет особу и власть царского величества, что имеет власть посадить его под арест и потом требовать удовлетворения у царя! Меншиков вышел из Сената и сейчас же собственною властью велел взять припасы из купеческих магазинов на 200000 рублей и нагружать их на суда для отправления в Або. Сенаторы еще более осердились, стали говорить, что у Меншикова собственные магазины с хлебом, который он скупает и производит этим дороговизну и голод в Петербурге, чтоб после продавать по высокой цене. Меншиков говорил, что этого ничего нет, а сенаторы раздражены его мерою, потому что у каждого из них есть доля в хлебе, который он велел захватить у купцов. Спор дошел до того, что с обеих сторон послали жалобы государю. Петр, разумеется, не мог сердиться на Данилыча за его энергическую меру, спасавшую войско, особенно когда Апраксин, возвратившись в Петербург, писал царю в конце года: «Я всегда живу в отлучке, и, как я уведомлен от других, ежели б не было здесь светлейшего князя Меншикова, то б в делах могли быть великие помешательства». Энергический Данилыч был нужен, когда тот же Апраксин писал Макарову: «Истинно во всех делах как слепые бродим и не знаем, что делать? Стали везде великие расстрои, и где прибегнуть и что впредь делать – не знаем, денег ни откуда не возят, дела, почитай, все становятся». У Меншикова с Апраксиным был постоянный союз, что видно из их переписки. Так, в январе 1716 года Меншиков спешил известить адмирала о жалобе на них обоих Кикина, который снова был в милости у царя. «Известую вашему сиятельству, – писал Меншиков, – были мы у Скляева с его царским величеством; пришел Кикин, и государь изволил его спросить, что он худ и не лежал ли болен? Кикин отвечал, что худ он от меня и от вашего сиятельства, а каким образом, о том хотел он царскому величеству впредь донести пространно, а которые были тут слова, и на те я ему довольно отвечал, объявляя все его бездельные между нами поступки, и просил его величество и государыню царицу, чтоб тому его бездельному челобитью на меня и на тебя не верили. Итак, это дело уничтожено, к тому же случился в тот час и отъезд в Ревель. Если по возвращении произойдут к вам какие слова, то, ваше сиятельство, постарайтесь также внушить государю пространно о всех бездельных делах Кикина и просите, чтоб доношению его верить не изволил». «Итак, это дело уничтожено», – писал Меншиков Апраксину, но сам беспокоился, что видно из письма его к Макарову, в котором просил «господина секретаря и своего благодетеля», чтоб уведомил, подано ли от Кикина доношение и если подано, то в какой материи?

Любопытно также другое письмо Меншикова к Апраксину, в котором он просит адмирала не печалиться насчет царского выговора: «Что изволите, ваше сиятельство, из письма царского величества иметь сомнение, что его величество изволит как бы иметь нареkanie в укушении от вас отправления эскадры, и о том не извольте сомневаться, ибо оная остановка не от вашего сиятельства чинилась, понеже эскадры за непрошеством льду отправить вашему сиятельству никоим образом невозможно, что его величество всемилостивейше рассудить изволит. Не

мог я и сего не объявить, как мне его царское величество прежде о гаванной работе с немалым нареканием писать изволил, когда же изволил по моим доносительным письмам уведомиться, что оное дело с помощью божию добрым учинено порядком, то не только оное нарекание изволил оставить, но и всемилостивейшее благодарение за труды мои прислать соизволил: того ради прошу ваше сиятельство, яко всегда присного моего друга и особливого благодетеля, да не извольте в том сумнении себя предавать, отчего может приключиться вашего сиятельства здравию немалый вред, о чем весьма соболезную и от сердца желаю, дабы всемилостивый бог оное ваше сумнение милостиво от вас отвратил».

Меншиков не одними энергическими мерами и распорядительностию старался снова заискать милость Петра: зная любовь царя к маленькому сыну, царевичу Петру Петровичу, он писал отцу за границу длинные письма о «бесценном сокровище, о своем дражайшем хозяине», как он называл маленького Петра. 29 октября 1716 года он писал: «Понеже сей настоящий день есть преславной радости и неописанного веселия всего отечествия нашего, в которой всевышний бог изволил даровать нам бесценное сокровище, т.е. дражайшего вашего сына: того ради оным его преславным и неизглаголанной радости исполненным рождением ваше величество от всего моего верного сердца всепокорнейше поздравляю, желая усердно, да сподобит вас всевышний и в предыдущие времена многих таких торжественных дней счастливо употреблять и его высочество в таком видеть достоинстве, как вы сами ныне есть; а мы в сей день, благодаря всевышнего бога, сей бесценный Маргарит нам даровавшего, надеемся равным же образом повеселиться, как было и в самый первый день его рождения. Государь царевич, между прочим, за лучшую забаву ныне изволит употреблять экзерцицию солдатскую: чего ради караульные бомбардирской роты солдаты непрестанно в большой палате пред его высочеством оную экзерцицию отправляют, и правда, что хотя сие он изволит чинить по своей должности сержантской, однако ж зело из того изволит тешиться; речи же его: папа, мама, солдат. Дай, всемилостивейший боже, самим вам вскоре его видеть: то надеюсь, что ничего того в нем увидеть не изволите, чем бы не довольно мочно навеселиться».

Трудно было решиться на явную борьбу с Меншиковым, но Курбатов решился: он подкупил служителя князя Меншикова Семена Дьякова, который украл нужные Курбатову бумаги, содержавшие в себе улики Соловьевым. Имея в руках это сокровище, Курбатов написал из Петербурга Петру за границу в октябре 1716 года: «Соловьевы три брата, Дмитрий, Федор, Осип, превеликие казне вашей учинили умышленно утраты кражею ваших, государевых, пошлин, о чем и по нынешнему исследованию будет явно, а паче изобличатся вины их при пришествии вашем, понеже я имею такие письма, против которых они никакого, оправдания принести не могут, но повинны будут пыткам и сыщется интерес ваш многий. Ежели о здешних Соловьевых учинен будет розыск крутой, а брат их Осип о том уведает, опасно, чтоб он, убоясь, не остался вовсе жить в Амстердаме или где инде, и богатство свое тамошнее могут они скрыть. И в нынешнем году из С.-Петербурга отпустили на кораблях купленного из Адмиралтейства поташу на 10000 ефимков с лишком подлогом, именем конторного своего писаря Гейтера и англичанина Коленза, у которых ни малого своего нет имения и живут ныне у них,

Соловьевых, в доме. И за тот поташ договорились они платить в Адмиралтейство заморскою солью по 10 алтын пуд, и теми ж именами откупили в Адмиралтействе во всей Финляндии торговать одним им солью и табаком, о чем я уведомил с обер-фискалом. И ежели повелит ваше величество того Осипа Соловьева каким способом выслать в Россию, то для содержания торгов ваших комиссии на его, Осипово, место доношу по истинному моему усердию о двух, которые, надеюсь, что могут содержать без повреждения, московские купцы – Иван Короткой, Афанасий Павлов, люди умные и торговцы знатные и летами нестарые, и иноземцы их имеют за правдивых купцов».

Курбатов выбрал неблагоприятное время: царь был в продолжительном отсутствии за границую, и все внимание его было поглощено делами внешними и бегством сына. Только в октябре 1717 года в Петербурге разнесся слух, что Осип Соловьев захвачен в Амстердаме, книги его отобраны и сам он отправлен под стражею в Россию. Известие это поразило его братьев и Меншикова; последний потребовал от своего управителя, Федора Соловьева, чтоб он составил подробный отчет обо всем, находившемся под его ведением. Началось дело, в котором главною уликою были собственноручные письма Соловьевых, полученные Курбатовым от Дьякова; уличенные собственными письмами, Соловьевы повинились. В декабре 1717 года был расстрелян князь Волконский, производивший неправильно следствие над Соловьевыми по прежнему доносу Курбатова. В других воровствах Соловьевых приговорено пытать секретаря их, Рязанова; днем розыска назначено 13 февраля 1718 года. Накануне этого дня, в именины Курбатова, приехали к нему двое канцеляристов Меншикова, братья Артемий и Данила Астафьевы, как будто с поздравлением, а на другой день, 13 числа, другого рода посещение: явился к Курбатову майор гвардии князь Юсупов с солдатами на извощиках, обыскивали весь дом, никого не нашли, дом запечатали со всеми бумагами, приставили караул, а Курбатова с сыном, прислугою и с жившими при нем подьячими посадили в сани и отвезли сперва в Зимний дворец, а оттуда в крепость и поставили перед светлейшим князем. «Где мой секретарь Сергеев и подьячий Каминский? Вчера мои канцеляристы Астафьевы видели их в твоём доме; и зачем ты принял к себе Дьякова?» «Вчера, – отвечал Курбатов, – на обеде и после обеда было у меня много посторонних людей, но Сергеева и подьячего не было, засвидетельствуют все гости». «Для чего ты Дьякова к себе принял? – кричал Меншиков, – он вор, покрад у меня много бумаг, потому и ты стал такой же вор, что вора у себя держишь!» «Которые Дьяков принес мне бумаги о воровстве Соловьевых, – отвечал Курбатов, – те я объявил самому царскому величеству; этими бумагами Соловьевы и обличились; а Дьяков явился к следствию тех дел в канцелярию генерала князя Долгорукого, и этого нам в воровство причитать не следует». Курбатова отпустили, но Дьяков был взят в крепость и посажен, скованный, под крепким караулом. Курбатов в письме к Макарову жаловался: «15 февраля светлейший князь прислал дьяка и велел всякие письма у меня пересмотреть. А у Соловьевых, и по явному обличению, дома, пожитки и письма не описаны и не запечатаны; розыск за тем и остановился, понеже доноситель Дьяков держится скован, а мать его и жена с детьми и людьми держатся из дома светлейшего князя в доме своем за арестом. В то же время светлейший князь брал в крепость и дьяка Воронова и говорил ему: „Ты вороной

конь, я тебя такую м... сделаю граненым и разрушу вашу воровскую компанию“. И за таким страхом дело мое остановилось и розыскивать не смеют».

Но розыск мог быть остановлен только на время, в отсутствие царя, который был занят *своим* делом в страшный для него 1718 год и когда Меншиков мог распоряжаться в Петербурге. Розыск пошел своим чередом, и оказалось, что с Соловьевых следует взыскать в казну 675040 рублей, а имения у них по описи явилось на 407447 рублей, недоставало в платеж 302177 рублей. Но рядом с делом о воровстве Соловьевых тянулось дело и о злоупотреблениях самого Курбатова. В январе 1719 года он писал царю: «Вашим повелением пункты о винах моих написаны; умилосердися, государь, рассмотрев и познав, каковыя вины мои, разреши своим милосердием, понеже от печали и мнения не могу излечиться чрез четыре года от болезни моей, и лекаря за тем отказывают, к тому ж и оскудал едва не всеконечно и впал в долги многие, и в Москве домишко мой от непотребных людей моих во всяком разорении, не бывал я в нем с лишком три года; повели отпустить меня к Москве до половины марта месяца; при сем же молю: не благоволи иметь на меня мнения в строении цитадельном семиградские избы (в Архангельске): при мне в три года только в расходе 13000 или 14000 рублей, а чаю, и меньше. Ей-ей, во всем работал вседушевно, но нет мне хвалителей, ибо ни в ком, кроме вас, государя, не искал и того ради от всех оставлен. Еще молю слезно: помилуй, государь, повели мне, бедному, хотя малое что выдать на пропитание, понеже шестой год не получал жалованья ничего, а о работе моей в деле о Соловьевых известно вашему величеству». Курбатову дали отпуск в Москву до 20 марта.

Прошло два года; дело приходило к окончанию, но не так оно оканчивалось, как бы хотелось Курбатову. В марте 1721 года он написал царю: «Весть бог, что я пред вашим величеством ничто же лукавное по совести моей пред богом учинил и ничего тайно и умышленно казны вашей не похитил, а работал вам, государю единому, всем сердцем и душою, о чем не неизвестно вашему величеству. А ныне в канцеляриях, по немилости господ судей, штрафуюся так тяжко, якобы совершенно виновный, и положили на меня штрафов и других денег с 20000 рублей, в том числе по делу Шустовых, о котором известно вашему величеству и за которое я пожалован, и по делу в корабельном строении, за что я всемилостивейше был обнадежен, и выданное мне в московской ратуше и в губернии жалованье правят и сего единого произыскивают, что хотя малое какое мне присмотреть погрешение, и не токмо к великому штрафу, но и к самому бедству склоняют, а верных моих работ не только не упоминают, но и ни во что вменяют и к выписке оправданий моих вписывать не велят, а которое оправдание было и вписано и подписано моею рукою, и то вычеркивают и доношений моих к оправданию не приемлют. Умилися, государь, не допусти меня погубить им напрасно, повели все о мне дела из их канцелярий для собственного вашего рассмотрения собрать в Кабинет или в Коммерц-коллегию. А ежели я по вашему богоподобному рассмотрению явлюся виновен тяжко, то уже не прошу милости, от всего мя повели обнажить имения и пустить нага, точию за прежде показанную мною государственную пользу и верность молю соблюсти живот мой, понеже и так от печали в болезни моей чаю умереть вскоре. О всемилостивейший государь! изволь ведать, как погибают, на вас, единого, уповаущии, как я, бедный, всю мою надежду и упование имел на вас, государя единого, не имея посторонних дядек, и

того ради ныне погибаю напрасно. А ежели я ныне погибну напрасно, не без сожаления потом будет о мне вашего, государева, понеже я, бедный, при помощи божией не бесплоден явился в государствии вашем».

Вскоре после этого письма, летом 1721 года, Курбатов умер до решения своего дела. Суд в канцелярии генерал-майора Матюшкина по приговору штаб- и обер-офицеров решил, что надобно взыскать с Курбатова 16000 с лишком рублей. Большая часть этой суммы, именно с лишком 12000 рублей, причиталась за взятые им из казны без указа деньги; остальное – за передаточное без торгу подрядчикам из-за взяток; взяток оказалось на 1085 рублей, при этом 15 дел не было решено за справками по разным губерниям.

Начет на Курбатова был ничтожный в сравнении с громадным начетом на светлейшего князя. Петр обещал ему сложить часть штрафа, и он писал ему в 1718 году: «Понеже, ваше величество, по превысокой своей ко мне милости изволили обещать в нынешних штрафах пред другими мне польготить, того ради всепокорно прошу о милостивом того обещания исполнении, как вам бог обо мне на сердце положит. Собственный мой полк (о котором вашему величеству известно, что я ни для чего иного, но с единой своей ревности набрал и вооружил) ныне по указу вашему раскосован, и оных солдат велено зачесть мне за рекрут моих деревень: прошу вашего величества, дабы в то ж число заменить драгун и солдат, которые во время нужды взяты к дому моему из полков и из рекрут, которых ныне на лице 150 человек, да матросов 4 человека, кои взяты из новгородских дворян; да в Копорье и Ямбурге из стрельцов торопецких и великолукских 300, итого 454 человека; да с начала того полка по раскосованию издержано моих собственных денег как на вооружение, так и на прочие полковые расходы и на дачу жалованья 19156 рублей, и о сих деньгах прошу, дабы милостиво были мне возвращены или зачтены. Понеже ваше величество неоднократно милостивым вашим словом обнадеживать изволили, ежели какая в пользу государственную учинится прибыль, то из нее дана будет десятая часть: а под моим правлением в канцеляриях и в здешней губернии учинено прибыли и приложено в повсягодный сбор 476849 рублей да по особливым моим прошлой зимы вашему величеству поданным пунктам учинено прибыли у соли 100000 рублей, а ежели доброе будет смотрение, то и еще прибудет: и по тому вышепомянутому вашему обещанию всепокорно прошу о милостивом награждении. Все губернаторы каждый из своей губернии всякое довольство имел, а иные, сверх того, и денежным жалованьем снабдены, а я с самого того времени, как по вашей милости в губернаторы пожалован, т.е. от 1702 года, губернаторского жалованья никакого не имел, а трудов моих в здешней губернии сколько было, о том также небызвестно, ибо и все прочие губернии пример от нас брали; а что с здешней губернии за меня изошло, и то все до последней деньги на мой счет положено: и того ради требую в том милостивого призрения; если же чего не изволите мне зачесть и что по тем моим счетам на мне останется, то да изволите повелеть платить мне погодно, дабы можно было исправиться, не допусая себя до бесконечной нужды. Притом чаю, ваше величество изволите милостиво припомнить, что во время нужных случаев по вашим особливым изустным повелениям немалые от меня дачи были, а особливо во время бытности в Жолкве, когда господа поляки, по отречении королевском от короны, на обе ноги хромали, то, лаская их, истинно из-под платья соболями меха выпарывая, также и

прочими вещами их дарил; и чтоб порядочную тому записку иметь, то как могло б статья, сами извольте рассудить, к тому ж нимало мне на ум не прихаживало, чтоб в том счет иметь; и для того и прочие многие в пришествии ваши к армии и в другие случаи как деньгами, так и лошадьми, каретами и прочими вещами и всякими припасами, также и во время генеральных, вашему величеству известных, банкетов бывшие расходы уничтожал, все свое за ваше почитая, чего и ныне вспоминать и на счет ставить не хочу, но во всем на вашу превысокую отеческую ко мне милость полагаюсь и о милостивейшем на меня в том призрении всепокорно прошу».

Государь просмотрел сам начет, против многих статей пометил: *зачесть*, но все еще много осталось.

В 1719 году Меншиков опять писал ему: «По счету, который изыскивал князь Василий Долгорукий в канцелярии Ижорской, написано на меня несколько сот тысяч без всякого явного свидетельства, о чем было надлежало отвечать президенту Анисиму Щукину, ибо он тою канцеляриею правил, и в том я во всем отвечивал; да снято с меня 485537 рублей; а затем с меня взято деньгами, пенькою и прочими материалами 615608 рублей, да я же сверх того на счет принял к заплате 67005 рублей. И хотя я милостивою вашего величества резолюциею удовольствован, ваше величество пожаловали меня, дабы из трехсот двадцати четырех тысяч трехсот пятидесяти четырех рублей штрафных прибыльных с подрядного провианта половину на мне не брать, однако ж, всемилостивейший государь и отец! я есмь смертен, к тому же при жизни моей всегда меня, что я еще не от всех тех дел свободен, зело снедает: того ради всенижайше ваше величество прошу, чтоб я от всех канцелярий, где следуют по моим делам, был свободен, дабы никто ничем меня не касались, а особливо для нынешнего моего отсюда отлучения; а те деньги, что на мне взять надлежит по счетам, удержать в казне вашего величества». Одновременно с делом Меншикова шло дело о князе Мосальском, которого казенный грабеж прикрыл адмирал Апраксин; дело о взятии князем Яковом Фед. Долгоруким прибыльных денег прежде, нежели возвратился китайский караван.

Тяжело было положение преобразователя, когда открылась перед ним вся глубина раны, которою страдала Россия, когда он должен был взглянуть иными глазами на людей самых близких, когда эти люди, казавшиеся представителями новой, преобразованной России, явились вполне зараженными закоренелюю болезнию старой России. Удалось завести войско, флот, школы, фабрики, овладеть морскими берегами, но как поднять благосостояние народа с теми понятиями, которыми руководились Меншиков с товарищи? И где средства искоренить эти понятия? Рубить направо и налево? Но средства материальные бессильны против зла нравственного. Были, однако, для преобразователя и утешительные минуты: недаром вооружался он в своих указах против казнокрадства, недаром толковал о необходимости собственные выгоды приносить в жертву общему добру, недаром внушал понятия о государстве, которое все должны иметь в виду, которому все должны служить с забвением личных интересов. Внушения действовали, и то, что прежде казалось делом обыкновенным, невинным, явилось грехом, с которым не хотели умереть и предстать пред верховного судию. В марте 1714 года Петр получил письмо, подписанное Иваном Кокошкиным: «Пресветлому монарху приношу, как самому богу, чистое покаяние, лежа на смертном одре: виновен я

пред богом и пред тобою; как бы мне явиться лицу божию и вечных скорбей избыть и в вине своей от тебя прощение получить, покуда грешная моя душа с телом не разлучилась. Были от меня рекрутские наборы в Твери, и от тех рекрутских наборов брал я себе взятки, кто что приносил от наемщиков, и от перемены, и в покупке мундира. Да я же тебе, государю, виновен: отдал я за своих крестьян приводного человека, который был приведен в Тверь в приказную избу по оговору в воровстве».

В то время, когда велась такая сильная борьба с людьми, препятствовавшими народному благосостоянию казнокрадством и взяточничеством, людьми, стоявшими на верхних ступенях общественной лестницы, в то самое время продолжалась ожесточенная борьба с людьми, стоявшими на низших ее ступенях и которые открыто вели войну с обществом. Одним из первых распоряжений новоучрежденного Сената было принятие мер против воров и разбойников: по его указу их вешали в тех местах, где ловили; для поимки беглых рекрут, которые увеличивали число разбойников, сделаны были заставы от Москвы до Смоленска. Тихон Геев, посланный с драгунами для сыску разбойников на север, в июне 1711 года в Карашевской волости Ростовского уезда, в лесу сыскал воровской стан; воры схватились с драгунами, одного убили, но были рассеяны; взятые в плен указали товарищей, которые не только разбойничали, но и делали медные деньги. Тогда же тверской комендант донес князю Меншикову, что в Тверском уезде воры и разбойники разорили многие дома и ходят многолюдством, вследствие чего все денежные и хлебные сборы, особенно рекрутский набор, остановились. В 1719 году в Юстиц-коллегию поданы были ведомости о разбойниках из Новгородского, Можайского и Мещовского уездов: здесь разбойники по 100, по 200 человек и больше, верхом, вооруженные, с *порядком регулярным*, не только многолюдные деревни разграбили днем, все до конца пожгли и людей вырубали, но и знатный монастырь Георгиевский близ Мещовска днем разбили и разграбили, потом ворвались в самый город Мещовск и пойманных своих товарищей из тюрьмы выпустили. В 1717 году жители Москвы увидали, какую потерю они понесли со смертью князя Федора Юрьевича Ромодановского: как только не стало страшного пресбургского короля, «обливавшегося кровию в Преображенском», так разбои усилились в столице. В июле 1718 года фельдмаршал Шереметев писал из Москвы к Макарову: «О здешнем московском поведении не могу ничего полезного доносить: Москва так состоит как вертеп разбойнич, все пусто, только воров множится, и беспрестанно казнят». При таком положении дел царь, разумеется, должен был озаботиться лучшим устройством полиции. В Петербурге был назначен генерал-полицеймейстер, в Москве – обер-полицеймейстер; в главных городах жители избирали уличных надзирателей, под начальством которых находились надсмотрщики за каждым десятком домов; из всех городских жителей, достигших двадцатилетнего возраста, была устроена стража для охранения спокойствия и порядка в городе. В провинциальных и уездных городах полициею заведовали коменданты, магистраты и старосты, в уездах – губернаторы, воеводы, земские комиссары. Полиция вела постоянную войну с нищими, число которых не уменьшалось, несмотря на повторительные против них указы. В 1718 году в Москве было 90 богаделен, мужских и женских, в них нищих на жалованьи было около 4000, причем число женщин сильно превышало число мужчин; жалованья на них выходило в год около 12000 рублей; кроме того, без

жалованья прибылых нищих было 207 человек. Сперва богадельни находились в ведомстве Монастырского приказа, а потом, с 11 ноября 1717 года, переведены в ведомство Патриаршего Дворцового приказа. В тот же самый день, 11 ноября, выставлены были указы по всем воротам кремлевским, китайским и белгородским и во всех рядах, чтоб нищие не бродили и по улицам не лежали. Для поимки и приводу таких нищих посланы были патриаршего дома дворяне и богаделенные солдаты по всем улицам, и ежедневно приводили нищих, которых наказывали и подвергали «жестоким истязаниям», чтоб по миру отнюдь не ходили; слепые и безногие отсылались в богадельни, а здоровые – на прежние места жительства. Но дворяне и солдаты, приводившие нищих, записывали изветы, что у них нищих по всем улицам отбивают и их самих бьют, а за Сретенские ворота к пушкарям и входить не смеют. И этого мало: однажды в Евпловскую богадельню (на Мясницкой) вломились три человека пушкарей и увели семь человек приводных нищих. Кроме нищих полиция должна была воевать с кликушами. В мае 1715 года издан был указ: «Если явятся где мужеского и женского пола кликуши, то их забирать, приводить в приказы и розыскивать, потому что кричала в церкви плотничья жена Варвара Логинова и потом призналась, что кричала нарочно, чтоб оговорить плотника Григорья, которому мстила за то, что он бил деверя ее». Полиция захватывала замужних и незамужних женщин, замеченных в безнравственном поведении, и отсылала их на прядильный двор.

В ноябре 1715 года государь указал в Москве и в других городах при церквях, у которых пристойно, подле ограды, построить *гошпиталии*, в Москве – мазанки, а в других городах – деревянные, точно так же как «благотщательное и душеспасительное осмотрение учинил преосвященный Иов митрополит в Великом Новгороде». Указал избирать искусных женщин для сохранения зазорных младенцев, которых матери, стыда ради, отметывают в непристойные места, отчего эти младенцы безвременно помирают, а иные матерями умерщвляются, и потому объявить, чтоб младенцев не отметывали, а приносили б к тем гошпиталиям и клали в окно тайно. Гошпиталии построить и содержать из губернских доходов: приставленным женщинам на год давать денег по три рубля да хлеба по пол-осмины на месяц, а младенцам на день – по три деньги. В 1719 году в Московской губернии таких младенцев было собрано 90 человек, при них кормилиц находилось 45. В 1720 году младенцев было 125, кормилиц – 63. В 1714 году велено было собирать венечные деньги (венчальные пошлины) на содержание лазаретов. Полиция должна была наблюдать, чтоб на рынках не продавали испорченных съестных припасов, чтоб в Петербурге торгующие съестными припасами носили белый мундир и наблюдали бы во всем чистоту, в мундире, заполах и покровках на товаре; чтоб мера и весы были прямые, чтоб цену съестным припасам не в указную пору не поднимали; чтоб подозрительные дома, зернь, картежные игры и «все таковые мерзости были испровергнуты».

Но разумеется, одною из главных забот полиции были предотвращение и потушение пожаров. Для ослабления «Вулканусовой» силы велено было в городах и деревнях строить дома по предписанному плану, в известном расстоянии друг от друга, запрещено застраивать улицы лавками, для которых велено отводить особые просторные места. Как «Вулканус» продолжал свирепствовать в Москве, видно из описания пожара 13 мая 1712 года: пожар начался за Пречистенскими

воротами, в приходе Пятницы Божедомские; сгорело 9 монастырей, 86 церквей, 35 богаделен, 32 государева двора, частных дворов около 4000; людей сгорело и от гранатного двора побито 136 человек.

Представленная борьба правительства с противупубличными привычками и стремлениями людей из разных слоев общества вскрывает нам некоторые стороны нравственного состояния этого общества; но для большего уяснения дела мы должны обратить внимание по возможности и на другие стороны, поближе познакомиться с действующими лицами описываемого времени, с их воззрениями, бытом и взаимными отношениями. Начнем сверху, с главного деятеля, великого преобразователя государственного и общественного.

Мы видели, что в семейных отношениях Петра произошла важная перемена: он женился на Екатерине Алексеевне Скавронской. Не удивительно, что к сороковым годам возраста у Петра явилась потребность к семейной жизни; но при его деятельности и привычках ему нужна была *подруга*, которая бы сообразовалась с этою деятельностью и привычками, и такую именно подругу нашел он в знаменитой мариенбургской пленнице. Царь редко оставался долго на одном месте, он двигался беспрестанно, с необыкновенною быстротою пробегая громадные пространства; царица, не способная по своей природе к подобному движению, при всем сочувствии к нему, при всей преданности мужу могла быть только титулярною женою Петра; чтоб быть действительною его женою, подругою в полном смысле, царица должна была быть способна к такому движению, должна была быть походною, офицерскою женою. Такова была именно Екатерина; ей ничего не стоило разъезжать за мужем по всей России и за границу; ей ничего не стоило привыкнуть к любимому местопребыванию царя, к парадизу на болоте, представлявшему все неудобства только что начавшего строиться города; привычка к жизни самой простой, равнодушие к неудобствам, неизбежным особенно в то время, при постоянной перемене мест, всегдашнее спокойствие и веселость, умение не теряться в затруднениях и опасностях, умение прилаживаться к взглядам и привычкам мужа и умение при этом сохранять свою свободу и самостоятельность, быть другом, подругою, а не рабою – эти свойства делали Екатерину драгоценною для Петра и заставили его решиться связать с нею навсегда свою участь. Мы видели, как печальные предчувствия перед Прутским походом заставили Петра серьезнее взглянуть на свои отношения к Екатерине Алексеевне; самый Прутский поход окончательно очистил для Петра эти отношения торжественностию страшного времени, пережитого им вместе с Екатериною. 19 февраля 1712 года был сдержан пароль, данный в 1711 году: брак царя с Екатериною был заключен торжественно. В воспоминание страшного прутского времени царица учредила от своего имени орден св. Екатерины, или орден Освобождения. В уставе ордена (24 ноября 1714 года) учредительница говорит: «Я возжелала утвердить вечную память сего знаменитого *свобождения* (при Пруте) и заблагорассудила учредить орден кавалерии. Помянутый орден называться будет *Орден Свобождения* ».

Петр развелся с первою женою, потому что вместо отдыха, успокоения и удовольствия встречал в семье неудовольствия. Новая царица привязывала его к себе и к семье именно тем, что при них находил он себе отдых, удовольствие, мог повеселиться, посмеяться, отвести душу. В разлуке переписка мужа и жены отличается веселостию, шутливостию, но из-за шуток проглядывает сильная

привязанность *старика к Катеринушке, другу сердешнинькому, к матери его любимого шшечки* (царевича Петра Петровича); так, в 1719 году Петр писал Екатерине из Ревеля: «Слава богу, все весело здесь; только когда на загородный двор приедешь, а тебя нет, то очень скучно». В другом письме: «Мы поминаем огород: чаю, теперь зело хорошо. Дай бог вам сие время вместо меня веселиться; а нам бог хотя сие время не велел, только чтоб впредь уж без отволочки быть». Или: «А что пишешь, что скучно гулять одной, хотя и хорош огород, верю тому, ибо те ж вести и за мною; только моли бога, чтоб уж сие лето было последнее в разлучении, а впредь бы быть вместе». Петру становилось скучно в *отволочке* от семьи: недаром он называл себя стариком. Екатерина в своих письмах шутливо отрицала эту старость и старалась показать, что живет с *дорогим стариком* одною жизнью, одними интересами. Если Петр поздравлял ее со днем Полтавской битвы, *Русским нашим воскресеньем*, то она спешила предупредить его и поздравить «предбудущим днем Полтавской баталии, т.е. началом нашего спасения, где довольно было вашего труда». Екатерина не забывала поздравлять Петра и с починкою корабля, зная, что это одна из самых приятных новостей для старика: «Поздравляю вас, батюшку моего, сыном Ивана Михайловича, который ныне от болезни своей, благодарить бога, совсем уже выздоровел, и хотя к кампании, так готов. Каким образом оный сынок свободен, о всем о том будет вам известно от Брауна; а я вкратце доношу, как слышала, что учинена в нем самая малая скважинка возле кия и, конечно, от якоря». Мы привыкли видеть в Петре великого человека, иногда человека ужасного в выражении своих страстей, употребляющего крутые средства для достижения своих целей, человека с привычками дурного воспитания; в переписке его с Екатериною мы видим в нем доброго, веселого человека, и, разумеется, он не мог не быть благодарен женщине, которая поддерживала в нем эту доброту и веселость. Были ей благодарны и другие, которые обращались к ней с просьбами о своих нуждах, об избавлении от гнева царского; просьбы принимались приветливо, исполнялись: новая царица, видя еще непрочность своего положения, хотела и умела приобрести расположение многих.

К тону, господствовавшему между мужем и женою, старались подделываться и окружающие. Одною из самых приближенных к семейству Петра женщин была княгиня Настасья Петровна Голицына, жена боярина князя Ивана Алексеевича. Вот что писала она Петру из Ревеля 14 июля 1714 года: «Всемиловитый государь дорогой мой батюшка! Желаем пришествия твоего к себе вскоре; и ежели, ваше величество, изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволит опочивать за полночь три часа, а я при ее величестве безотступно сижу, а Кириловна, у кровати стоя, дремлет; царица государыня изволит говорить: тетушка, дремлешь? Она говорит: нет, не дремлю, я на туфли гляжу; а Марья по палате с постелью ходит и среди палаты стелет, а Матрена по палатам ходит и со всеми бранится, а Крестьяновна за стулом стоит да на царицу государыню глядит. Пришествием твоим себе от спальни получу свободу».

Княгиня Голицына в этом письме не упоминает о карлицах, хотя в то время эти несчастные существа считались необходимою принадлежностью дворцов и знатных домов. Мы упоминали о ссоре Нарышкина с Мазепою по поводу бегства карлицы. Явление карлицы в семействе могло считаться не бедствием, а счастьем;

в сенатских делах находим бумагу о даровании отцу карлицы Устиньи Никитиной с семейством свободы от помещика его: счастливое семейство! Меншиков писал Яковлеву в 1716 году: «Понеже у одной моей дочери карлица есть, а у другой нет, того ради просим вас благовременно ее величеству государыне царице доложить, дабы из карлиц, которые остались после царицы Марфы Матвеевны, изволила определить мне указом одну карлицу взять». Кроме карлиц знатные люди увеселялись болтовнею попугаев, а иногда вместо попугаев служили и люди; в 1708 году Меншиков писал своей жене: «Послал я к вам ныне в презент двух шляхтянок-девок, из которых одна маленькая, может вам за попугая быть: такая словесница, какой еще из таких младенцев мало видал, и может вас больше увеселить, нежели попугай». Любили и великанов: король прусский Фридрих Вильгельм I собирал их отовсюду в свое войско, просил и царя прислать ему великанов из России, царь посылал, но так как нельзя было русских людей оставлять навсегда на чужой стороне, то великанов переменяли, посылали новых. Великаны находились и в русском войске: в 1718 году велено было при сенатской роте быть двоим великанам. Необходимую принадлежностью дворца и домов знатных людей считались также шуты – люди, у которых всегда были наготове остроты и шуточки, чтоб посмешить хозяина и компанию. У Петра в описываемое время главным шутком был иностранец Лакоста, по просьбе которого был сослан в Казань знаменитый впоследствии лекарь Лесток.

Чтоб познакомиться поближе с житьем-бытьем преобразователя и окружающих его людей, более всего тронутых преобразованием, перенесемся в Петербург, этот *парадиз*, где Петру сподручнее работалось и веселее пиоровалось, чем где-либо. Город отстраивался быстро, иностранцев уже поражал своею красотою Невский проспект, длинная и широкая аллея, вымощенная камнем, с рошицами и лужайками по сторонам; пленные шведы проложили проспект, они же каждую субботу и чистили его. Прочных построек было немного: Адмиралтейство, царский летний дворец (у Летнего сада), Биржа, почтовый двор, где теперь Мраморный дворец, дом князя Меншикова на Васильевском острове; большая часть частных домов строилась на скорую руку и представляла большие неудобства, особенно в петербургском климате: в домах знатных людей потолки протекали и за большими обедами разгоряченные вином гости прохлаждались крупными дождевыми каплями, падавшими им на лицо. Дождь часто мешал праздникам, которые Петр любил задавать в Летнем саду: тут праздновалась коронация царя, «преславная виктория», царские именины. Праздник начинался в пять часов после обеда; на обширном месте подле сада (Царицын луг) становились два гвардейские полка – Преображенский и Семеновский; сам царь угощал их, подносил в деревянных чашках пиво и вино. В саду у одного из фонтанов помещалась царица со всею фамилиею и дамами, которые с изумительною для иностранцев быстротою переняли европейское обращение. Двор царицы великолепием не уступал дворам германским, зато двор царя отличался простотою, состоял из одних денщиков; некоторые из них были в большой милости у Петра, но подвигались вперед не самые любимые, а самые способные, как Ягужинский, Девьер. Угощение в саду происходило по старому русскому обычаю: пей непременно – хочешь не хочешь, и ворота на запор! Запах хлебного распространялся по всему саду, являлось человек шесть гвардейских гренадер, которые несли большие чаши с вином. За солдатами идут майоры

гвардии и угощают: нельзя не выпить за здоровье *их полковника*. Гости развеселялись; высшее духовенство, постоянно приглашаемое на праздники, веселилось больше других. Между тем в открытой галерее, построенной на северной стороне сада, подле Невы, начинались танцы и продолжались до двенадцатого часа ночи.

27 июня, в день «преславной виктории», утром совершалось богослужение на большой площади перед Троицкою церковью. Здесь ставилась большая палатка с алтарем внутри; шагах в пятидесяти от алтаря стоял Петр, одетый точно так, как был во время баталии, в зеленом кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх которых надета черная кожаная португеза; на ногах зеленые чулки и старые, изношенные башмаки, в правой руке пика, под мышкою старая шляпа. Вечером – пир в Летнем саду и старо любимое удовольствие Петра – фейерверк. Самое сильное угощение бывало при спусках кораблей: при конце пира адмирал Апраксин заливался слезами – знак, что много выпито. Данилыч падает замертво, жена и свояченица хлопчут около него, оттирают спиртами; кто ссорится, кто клянется в дружбе.

Одним из любимых удовольствий Петра в *парадизе* летом было катанье по Неве. Петербургские жители для удобства сообщения в городе, строившемся по берегам большой реки, имели парусные и гребные суда, полученные ими безденежно из казны. Когда в определенных местах города вывешивались флаги, то все суда должны были собираться у крепости; кто не явится, платит штраф. Царь с царицею и со всем двором участвовал в этих прогулках. По уверению очевидцев, невская флотилия представляла прекрасный вид; удовольствие прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку.

Мы видели, как в молодости Петр праздновал свадьбу шута. В 1714 году кокуйский патриарх Никита Моисеевич Зотов вздумал на старости лет жениться. Петр сначала был против этого странного брака, но потом уступил желанию старика и не упустил случая, чтобы отпраздновать свадьбу всешутейшего с особенным блеском и торжеством. Это торжество происходило в начале 1715 года. Все приглашенные должны были явиться кто в польском, кто в испанском, кто в старонемецком, кто в турецком платье. Составлен был список, кого приглашать на свадьбу; составлен был таким образом: «Позвать вежливо, особливым штилем, не торопясь, того, кто фамилиею своею гораздо старше чорта» или: «Того бы не забыть, кто пятнадцать дней чижики приискивал, да не сыскал; не знаю о том, может ли он и то сыскать, куда он устремляется и куда гости призываются и торжество готовится; того человека, кто в Алепе родился, того, кто кушать приуготовить умеет; того, кто не по силе борца сыскал» и т.п. Свадьба Зотова заслужила в потомстве особенное внимание: одни вооружаются против неприличия этого торжества, другие стараются оправдать его и вообще хотят видеть здесь насмешку над патриаршеством, желание унижить сан, который хотелось уничтожить. Но мы знаем, что это была просто игра в короли, папы и патриархи – игра, понятная при тогдашнем состоянии юного общества. Зотов назывался кокуйским патриархом еще тогда, когда настоящий патриарх был в Москве, когда, по всем вероятностям, не западала еще мысль об уничтожении патриаршества; теперь этот кокуйский, шутовской, патриарх вздумал жениться, и свадьбу его отпраздновали приличным его званию образом. Если предположить, что Петр хотел насмеяться над патриаршеством, то надобно предположить, что он

хотел насмеяться и над своею собственною царскою властью, потому что у него был и шутовской пресбургский король, впоследствии кесарь; со смертью старика Зотова шутовское патриаршество упразднилось, но остался князь-папа в соответствие князю-кесарю.

Из петровских вельмож старинным русским гостеприимством особенно отличался адмирал граф Апраксин. Нигде не пили так много, как у него; хозяин наблюдал зорко за гостями, и беда, если кто-нибудь из них неисправно осушал бокалы; хозяин хмурился, вставал с места, подходил к гостю, умолял выпить, и когда тот соглашался наконец исполнить просьбу, то адмирал выпускал радостный крик. Совершенную противоположность адмиралу представлял канцлер граф Головкин, страшный скряга и потому угощавший сухо; в приемной комнате у него главное украшение составлял длинный парик, повешенный там только для вида, по тому что Головкин по скупости никогда не надевал его. Ни наружностью, ни характером не был на него похож ближайший товарищ его и враг, вице-канцлер Шафиров: Головкин был высокого роста и очень худ, Шафиров маленького роста и едва двигавшийся от толщины; он жил великолепно и отличался необыкновенно приятным обращением.

В ноябре 1718 года объявлено было, каким порядком должны были собираться ассамблеи; в этом объявлении говорится, что ассамблея, или вольное собрание, составляется не для одной только забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и обо всем переговорить, также слышать, что где делается. Хозяин того дома, где должна быть ассамблея, должен повестить, что каждому вольно к нему приходить, как мужеского, так и женского пола. Ассамблея ранее 5 или 4 часов не начинается, а далее 10 пополудни не продолжается. Хозяин не обязан гостей ни встречать, ни провожать ни потчевать, даже может и не быть дома; он обязан только очистить несколько покоев, приготовить столы, свечи, игры на столах, питье для тех, кто попросит. Каждый может приехать и уехать когда угодно, между назначенными часами. Всякий в ассамблее может ходить, сидеть, играть; вставанья, провожанья и другие церемонии запрещаются под штрафом великого орла (осушения огромного кубка), только при приезде и отъезде поклоном почтить должно. В ассамблею могут ходить с вышних чинов до обер-офицеров и дворян, также знатные купцы и начальные мастеровые люди; лакеям и служителям в те апартаменты не входить, но быть в сенях или где хозяин определит.

Петр женился на Екатерине в то время, когда прежние отношения его к *компани* рушились: одни дряхлели, умирали, других Петр должен был удалить от себя, должен был охладеть и к самому Данилычу; около царя образовалась пустота; тем сильнее он должен был привязаться к Екатерине. Петр до конца сохранял привязанность к человеку, который сделал для него много добра, хотя и говорили, что царь был ему обязан некоторыми дурными своими привычками: то был князь Борис Алексеевич Голицын; в 1713 году старик, страдавший подагрой и хирагрой, потерявший сына Алексея, был утешен царем: Петр прислал ему собственной работы *возило*, или кресла, на которых больной мог ездить. Оканчивал свое поприще и знаменитый мальтийский кавалер, фельдмаршал Шереметев. Отношения к нему царя в последнее время любопытны: старик продолжал служить, хотя жаловался, что с ним обходятся не очень почтительно. В феврале 1716 года он писал Макарову: «За писание твое по премногу

благодарствую, что содержишь меня в любви своей, за что тебе, государю моему, бог мздовоздаятель. Пожалуй, государь мой, уведоми меня, нет ли вящего на меня гневу его величества, а я от печали своей уже одна нога моя в гробу стоит и болезнь моя умножается, а паче же беспамятство великое пришло, и прошу вас, моего государя, научи меня по милости своей: велеть ли мне себя, больного, вывезть навстречу или ожидать указа, а я признаваю со всего на себя вящего гнева, ибо не имею ни единые литеры к себе от его величества и по чужим указам управляю, а не управлять не смею». Последняя жалоба на чужие указы относилась к тому, что фельдмаршал должен был двигать войска по письмам послов – Долгорукого из Варшавы и молодого Головкина из Берлина. В следующем году старик просил государя отпустить его в Москву для устройства своих дел. Ответа не было; Шереметев обратился к Макарову: «Просил я его царского величества о милосердии, чтоб меня пожаловал, отпустил в Москву и в деревни мои для управления, и чтоб успел я отделить невестку свою со внуком и прочими детьми, ибо показывает мне старость моя и слабость здоровья моего скоро отходить сего маловременного веку; о чем меня и внук мой зело просит, чтоб я его при себе отделил, також крайняя моя нужда: сколько лет не знаю, что в домишке моем, как поводится и в деревнях; чтоб я мог осмотреть и управить; ежели еще бог продлит веку моего, где жить до смерти моей и по мне жене моей и деткам. А как я управлю домишко свой и отделю внука, в то время домишко мой, где мне жить и умирать в царствующем граде Петере и как содержать московские деревни и дальние: а зимою бы нынешнею и на весну водою приготовил бы припасами и основательно б все мог управить, ежели б что от бога не зашло. А ежели б мне ныне прямо итить в Питербурх, я не имею себе пристанища, хоромишки, которые были мазанки, и о тех пишут ко мне, что сели, жить в них никоими мерами нельзя, запасов ничего не имею, також и фуражу ни на пять лошадей не обретається. Покорно вас, моего государя, прошу: подай мне руку помощи, чтоб по желанию моему его царское величество меня пожаловал». О том же писал он и к Головкину. Желанного ответа не было: Шереметев видел, что царь на него сердит; он уже имел с ним словесное объяснение в Данциге насчет своего поведения в Польше; теперь счел за нужное объяснитьсь письменно. В сентябре 1717 года он написал Петру: «Понеже я при отшествии от Гданска вашего величества признал на себя гнев вашего величества за польские квартиры, где я стоял, и я о том при Гданску вашему величеству словесно доносил, только не мог исправиться и в тонкость вашему величеству донести, сколько получено; а в Польше я рационы получал, как вашего величества указ состоит, а именно 200 рационов и, сверх того, для своего собственного пропитания и всего дома своего на кухню и на всякие нужды, так и на денщиков, а которых лошадей я по своему рангу в указанное число не имел, собрал чрез всю бытность в Польше с квартир по доброй воле и согласно с обывателями, а не иными какими своими нападками 8600 курант талеров; да через всю же бытность мою в Польше из своей воли и не для того, чтоб я интерес вашего величества ради своей пользы отпустил, подарили меня воевода познаньский цугом лошадей и коляскою да брат его, великопольский генерал, лошадью с седлом, против чего и я их по своей возможности дарил же, и тех их подарков я от вашего величества не утаил и устно доносил, и челобитчиков на меня нет и впредь быть не чаю. А ныне за таким вашего величества гневом прихожу в крайнее живота моего разрушение и с печали при самой смерти

обретаюсь; и того ради не иным каким образом пред вашим царским величеством оправдать себя в том могу или извинение представить, токмо всепокорно прошу показать надо мною, рабом своим, свое милосердие, и то мое пред вашим величеством погрешение по сему моему низжайшему откровению, яко сам бог, всемилостивейше презреть, не дай мне безвременно без покаяния с печали умереть». В то же время князь Василий Лукич Долгорукий написал к царице Екатерине Алексеевне: «Умилосердися, всемилостивая государыня царица, для самого бога, над фельдмаршалом, в чем он погрешил пред его величеством, чтоб не учинено ему было на такой старости какого афронту, за все его службы показана была высокая вашего величества милость, хотя б то на нем было взято, что дерзостью своею получил. Истинно в такой он десперации, жалко на него смотреть, а у нас у всех по бозе надежда на ваше величество». Афронту учинено не было, но царь велел фельдмаршалу ехать прямо в Петербург, а не в Москву.

Шереметев просил, чтоб царь своим гневом не ускорял его смерти; сенатор граф Петр Матвеевич Апраксин, брат адмирала, в феврале 1719 года поражен был параличом, узнавши о царской опале. До нас дошло любопытное письмо об этом случае к Макарову от Меншикова, который был дружен с обоими Апраксинскими: «Граф Петр Матвеевич отъезжал отсюда для поста первой недели в Нилову пустыню и, когда поехал оттуда в Петербург, остановился в ближних своих деревнях, в которых увидел, что его служители забраны все в канцелярию полковника князя Голицына, зело тяжкая приключилась болезнь, и зашиб его паралич, и правая рука отнялась, и говорит с нуждою, и рот кривит на сторону: того для при удобном времени, ежели потребно, донесите государыне царице, а брату его Федору Матвеевичу не вскоре, но також при способном времени извольте объявить, дабы не вдруг его сиятельство оскорбить, ибо ваша милость довольно известны, каков он к нему горяч».

Все обращались в своих бедах и нуждах к царице Екатерине; обратился к ней и граф Матвеев, хотя его просьба могла быть с трудом исполнена: Матвеев, жалуюсь на свое разорение, просил денег, а Петр не любил давать денег на частные нужды. По возвращении Матвеева в Россию царь поручил ему Морскую академию; Матвеев по этому поводу писал ему в феврале 1716 года: «По указу вашего величества повеленное мне дело и попечение о академии с радостною душою я принял, ведая, что то к угодности вашей есть. Токмо недостаток мой последний к исправлению дворового строения и к покупке двора отнюдь не допустит меня. Вся моя безродная фамилия по бозе вручена вашему величеству, и никакого в том своем безродстве себе покровителя, ни помощника, кроме вас и супруги вашей, всемилосердой государыни нашей царицы и матери, отнюдь не имею». Жена Матвеева, как опытная в заграничных поведениях дама, была назначена гофмейстериною ко двору герцогини курляндской Анны Иоанновны: новые издержки, и Матвеев обращается к Макарову, пишет, что заложил свою подмосковную в 1000 рублях, что от академии ему жалованья нейдет, что дом купил в Петербурге в долг; что у жены ни серег в ушах нет, все в Голландии и в Вене осталось в закладе, ее в Курляндии содержать нечем и самому в Петербурге придется в нищете и с голоду таять; принуждают на Васильевском острове строить каменный дом, но ему не только каменного, и деревянного дома построить не на что. Для переездов назначена шлюпка, а в гребцах отказано, и при таком лишении принужден он больше сидеть дома. Графине Матвеевой назначили

для поездки в Курляндию 1000 рублей, но этого оказалось мало. Графине Матвеевой почему-то очень не понравилось в Курляндии, и граф обратился к вице-канцлеру Шафирову с просьбою, нельзя ли отозвать жену оттуда: «Воистину без всяких хитрословных и политических притворов объявляю вам, что я уже из последнего моего отчаяния во всепагубном нахожу себя быть падении. Если возможно вашему превосходительству, вместе с общим нашим милостивым приятелем А. В. Макаровым, последнюю со мною сотворить милость, чтобы и фамилии моей свободной от того дела быть. Ибо я усматриваю тамошние порядки из всегдашних слезных писем жены моей и хочу избежать на будущее время всяких неуютностей и злополучий; а если этого сделать нельзя, то чтобы фамилия моя в нуждах ее тамошних при таком ее сокрушении не была оставлена». Тогда же Матвеев обратился к Екатерине, писал, что по смерти царицы Натальи Кирилловны, оказывавшей горькому сиротству его высокие материнские милости, у него не остается другого покрова и прибежища, кроме царицы Екатерины Алексеевны, всемилосердой матери и заступницы о всех сирых, просит сотворить ему милость, припомнив разорение, ссылку, смерть отца его и его собственные многолетние верные службы; милость должна была состоять в том, чтоб был взыскан царским денежным жалованьем, потому что он с женою разделился на две службы, денежного дохода со всех деревень своих имеет только 300 рублей на год, впал в неоплатные долги: «К тому же, с горькослезною моею фамилиею упадши к ногам вашего величества, с рыданием плачевным всенижайше прошу о свободе жены моей от нынешнего несносного ей дела и по всему там неуютного, чтобы ей при ее всегдашней болезни от тех повсевременных печалей безвременно не умереть и быть хотя последнею служительницею при вашем величестве, ежели то угодно, или ко мне ее отпустить, только бы там не быть, чего она отнюдь снести больше не может».

Матвееву отзывали из Курляндии в 1718 году, но в 1719 новые просьбы со стороны ее мужа; в это время он представил мемориал: «Сначала, когда я отправлен был к чужим дворам, жалованье мне посылалось самое малое, а именно пять лет давали по 4000 рублей, к которым принужден был прибавлять своих денег для имени и чести его величества. В продолжение 17 лет (кроме Полтавской виктории) все торжества и тезоименитства его царского величества и прочие разные расходы для дел государственных исправлял на свои деньги. К тому же случилось несчастье: когда из Парижа ехал в Голландию, тогда разбило на море погодою судно, где лучший весь скарб и посуда серебряная вся пропала, и, приехав в Голландию, принужден был по чину своему все новое покупать и заводить. И от тех причин впал в великие долги, а деревни за мною самые малые и разоренные. Безвинно у отца моего взято в казну денег и пожитков продано на 85232 рубля; отцу моему, как он из ссылки возвратился, сверх старых деревень дано село Ландех с 700 дворов, которое в Смутное время князь Иван Хованский роздал разночинцам всяким; они и теперь без жалованных грамот владеют им, а вместо того села мне ничего не дано». Матвеев занял у Меншикова 9000 рублей, отдавши в заклад алмазные и серебряные вещи, с обязательством платить по шести процентов, и «сия облигация была ему зело несносная». «По безприкладной милости» Макарова Матвеев получил близ Петербурга приморское место для сена и дров.

Матвеев просил денежной помощи, выставляя на вид многолетнюю разорительную службу. С такой же просьбою обращался к Екатерине и Макарову человек, относительно Матвеева еще молодой, Артемий Петрович Волынский. Способности Волынского особенно обнаружались в трудных обстоятельствах прутских и были выставлены перед царем Шафировым, при котором он тогда находился. В 1719 году Волынский пожалован в полковники и сделан астраханским губернатором. В том же году он писал Макарову: «В надежде вашей ко мне милости приемлю смелость чрез сие низайше просить, припоминая ваше милостивое обещание, дабы изволили милостиво внушать о моем разорении и убытках всемилостивейшему государю и государыне царице; а ныне поистине пропадаю с десперации и паки прошу меня не оставить, понеже известна вам моя одинокость и пустота. От горести моей не рад, что и жив, ибо себе ни что иное получил, токмо что от многих вижу злую ненависть и лаю (брань) кроме всякой моей вины». Впоследствии окажется, кроме ли всякой вины Волынский видел от многих ненависть и лаю.

С жалобой на свое разорение и с просьбою о помощи обратился к царю и иноземец Остерман, выставляя свои заслуги и усердие. «Бескрайняя нужда, – писал он, – принуждает меня вашему царскому величеству всеподданнейше представить, что я вашему величеству с 1703 года служить честь имею и могу смело о себе объявить, что я никому из природных ваших подданных в верности и усердии к службе вашей не уступаю. По возвращении моем от Прута отец мой покойный усиленно требовал, чтоб я для услужения ему в старости его в отечество возвратился. По сему отца моего повелению я неоднократно об отпуске моем всеподданнейше просил как у вашего величества самого, так и у представленных мне начальников, но ваше величество сами такими милостивыми обнадеживаниями продолжения малой моей службы требовать изволили, что я, несмотря ни на что, со всякою охотою и радостию остался, толь наипаче, понеже всегда натуральную склонность и любовь к службе вашей имел и имею. Но по смерти отца моего я принужден был сие мое всеподданнейшее прошение повторить, понеже я, яко христианин, о себе попечение иметь должен был, а здесь надежное основание будущей моей жизни не имел и одним жалованьем честно пропитаться не мог, ибо я за готовые деньги жить принужден, а дороговизна в С.-Петербурге известна. Я тысячекратно письменно и словесно бедное мое состояние представил и со многими горькими слезами начальников моих просил, дабы, для самого бога, милосердие надо мною показали и, ежели малая моя служба угодна, мне токмо честное пропитание исходатайствовали, ибо больше того я никогда не желал. Оные мои начальники меня из году в год, от времени до времени высоким вашего величества именем обнадеживали, что ваше величество не токмо меня довольным жалованьем, но и деревнями для лучшего моего пропитания пожаловать изволите. В той надежде я чрез многие годы ныне обретаюсь, отечество и многие случаи к утверждению тамо фортуны моей и разные мне тамо представленные полезные супружества презрел и не токмо из отцовского малого моего имения все то, чем я располагать мог, истратил, но уже давно в великие долги впал. Ныне я вашему величеству вовсе себя отдал и со всемилостивейшего соизволения вашего женился, и от того, по обыкновенным при таких случаях расходам, понеже я ни копейки денег за женою не взял, не токмо долгов моих умножилось, но и я, как истинным и всеведущим богом

клянуся, насущного хлеба не имею, но, занимаячи, изо дня в день печальную жизнь мою пробавляю. Посему принужден я к вашему величеству самому свое прибежище иметь и о высоком вашем милосердии со слезами всеподданнейше просить. Иноземцы, которые недавно в службу вашего величества пришли и со мною в одной степени обретаются, получают жалованье втрое против моего, а которые еще степенем ниже, и те против моего получают вдвое кроме других припадков (доходов) и от вашего величества им пожалованных маестностей, а я оных всех службою, верностию и усердием к службе вашей далеко превзошел. Я о богатстве не прошу и оно не ищу, ибо все, которые меня знают, ведают, что сердце мое к богатству не привязано; но я прошу токмо о хлебе и чтоб я себя и бедную мою фамилию честно пропитать мог. А я обещаюсь вашему величеству верно и от всего моего сердца служить и, где потребно, за интересы ваши живот мой всегда с радостию положить».

Петр имел право быть не очень чувствительным к таким просьбам, откладывая «из году в год» их исполнение, потому что в отношении к самому себе соблюдал строгую бережливость, уменьшая расходы двора до крайних пределов. Он служил, проходил разные чины, как сухопутные, так и морские, и получал следующие по ним оклады. Любопытно посмотреть, на что он тратил свое жалованье; до нас дошла приходо-расходная его ведомость с 1705 по 1716 год: «В 705 году прежних, которые привезены из Воронежа к Москве за корабельную работу, оклад 366 рублей. На Москве принято у Гр. Писарева третнего жалованья, капитанская дача 44 рубли. У него же принято, будучи в Киеве, на 706 год 156 рублей. В 707 году в Гродне полковничья оклада 460 рублей; в 710 году жалованных от полку Преображенского полковничьих 1572, итого в приходе 2598. Итого написано в расходе: в 707 году отдано в Вильне в Духов монастырь на церковное строение и на милостыню 150 рублей. За материи, купленные в Вильне, 39 рублей 26 алтын 4 деньги. Анисье Кириловне на штоф 26 рублей; князю Юрию Шаховскому на штоф 41 рубль 23 алтына 2 деньги; адъютанту Бартеневу для нужнейшей посылки 50 рублей; Прокофью Мурзину, как он был болен, 20 рублей; в Вильне в богадельню нищим 11 рублей; Авраму арапу да Якиму карле на платье 87 рублей 13 алтын 2 деньги; Ульяну Синявину на строение шпиталя и на раздачу неимущим 600 рублей».

Знаменитый Никита Моисеевич Зотов умер; незадолго перед смертью он вздумал жениться на вдове Стремоуховой. Тотчас по смерти старика между его сыновьями и мачехою началась тяжба Самый живой из братьев, уже известный нам Конон Никитич Зотов, писал весною 1719 года два письма: одно – к царю, другое – к Макарову, любопытные по отношению к лицу и к нравам эпохи к Макарову он писал, возвращаясь из-за границы: «Вящая моя печаль, что я знаю, с чем еду, а к чему еду, того не знаю, т.е. нет у меня ни отца, ни матери, ни дому, ни покрова. Хоть братья меня по своей милости не оставят, только сердцу моему несносно быть у них в милостыни! Мне уже без года 30 лет, как еще 10 лет, то пора будет идти в попы. Ныне я несчастнее всякой твари, ибо птицы гнездо имут и лисы язвыны имут, а я, бедный, не имею где головы моей приклонить, разве веселиться Невою рекою и петь песню: „Если кто хочет жити без кручины, тот бы ехал к нам на матушку на Неву реку“. Если к слову, прошу донести о моей бедности, где надлежит: истинно никакая милость меня не избалуует; а на шальных топор и виселица еще есть!» К Петру Зотов писал по делу с мачехою: «От

краткости времени и от превеликой моей печали о смерти отца моего, также и от чрезвычайной моей прискорбности, наносимой от госпожи Анны Еремеевны Пашковых по отце, пред тем бывшей за капитаном-поручиком Стремоуховым, а в последних изволившей быть за отцем моим, обретающимся в младенческом состоянии, не могу иную челобитную принести, только предисловие к читателю, которое я учинил для книги о морских экзерцициях. Умилосердись, царь государь, и помилуй от обиды наглой, безбогобоязливой и бесстыдной: наглая обида для того, что ее (мачехи) не знал, ни в чем не озлоблена была от меня, также и от братьев моих; безбогобоязливая для того, что за такого шла в противность богу, а бесстыдная, что ведала, что вашему величеству и всем тебе подражающим весьма было противно такого старика уморить плотскою похотью. Ученейшие меня *легистаторы* во Франции положили, что человек, который перешел за 70 лет, не может ничем и ни в чем определять, и тако женитьба в летах отца нашего весьма не почитается женитьбою что надлежит до наследства. Дай боже, чтобы Сенат все сии права знал. Не от помраченного ли ума сие происходит и не во тьме ли ходят некоторые сенаторы, что вершат дело наше против намерения вашего величества, оставя уже духовную отца нашего? Намерение вашего величества есть такое, чтоб фамилии всегда были в неущербаемом состоянии, а они ущербуют нашу фамилию отдачею в чужой род, мачехе нашей, четвертой части из движимого и недвижимого; как же еще к тому, если из нас, трех братьев (на приклад все женаты), два умрут бездетны, то еще женам, вдовам, надобно также отдать по четвертой части, и так третий брат останется при одной четверти имения отца своего!»

Относительно нравов эпохи, когда люди высшего сословия принимали новые обычаи, но внутренне были очень близки к домостроевским временам, замечательно дело известного нам князя Григория Федоровича Долгорукого с зятем своим кравчим Салтыковым, дело, очень долго тянувшееся. В феврале 1721 года князь Долгорукий бил челом, что зять его, кравчий Салтыков, жену свою, а его дочь, имел в любви немалое время, а потом обратился немилостию, по наговору людей своих безвинно бил мучительски, и голодом морил, и хотел в Митаве убить до смерти, и, что было ее, все ограбил, и, видя свое последнее житие, принуждена с дороги от Риги к нему, отцу, в Варшаву уходить. Салтыков отвечал: «Безвинно не бивал, а когда какую противность и непослушание мне учинит, тогда ее своеручно бивал; к милости она меня не привращала, всегда меня не слушала и невежничала многими досадными словами».

Если старина так сильно сохранялась между людьми, стоявшими наверху, прежде всех тронутыми преобразованием, то понятно, что еще сильнее сохранялась она вдали от двора. Мы не раз встречались с крестьянином Посошковым, видели, как чуть-чуть не попался он в большую беду за связь с людьми, которые решились указать молодому Петру черную сторону его правления; потом видели его имя, соединенное с именем прибыльщика Курбатова, в разных промышленных предприятиях. Посошков, живой, талантливый, умный русский человек, ясно понимал необходимость для России выйти из прежнего положения, сочувствовал преобразователю, его благонамеренности, но вместе сильно тяготился тем, что преобразование идет не так скоро, что меры Петра встречают повсюду страшные препятствия, и выставил все эти препятствия в своем замечательном сочинении «О скудости и богатстве». Нетерпеливый

Посошков предлагал самые крутые меры для истребления застарелого зла: «Если для установления правды правителей судебных и много падет – быть уже так. Без такого страха не думаю я, чтобы можно было тот злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно затернеет, то нельзя на ней сеять пшеницы, пока этого терния огнем не выжгут; так и в народе злую застарелость злом надобно и истреблять. Не только у иноземцев-христиан, но и у бусурманов суд чинят праведный; а у нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная расправа никуда не годится: какие указы ни состоятся, все ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает. И пока прямое правосудие у нас в России не устроится и все совершенно не укоренится, никакими мерами богатым нам быть, как в других землях, нельзя, также и славы доброй нам не нажить, потому что все пакости и непостоянство в нас чинятся от неправого суда, от нездорового рассуждения, от нерассмотрительного правления и от разбоев; крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды. Древних уставов не изменяя, никак правосудия насадить и утвердить нельзя. Неправда вкоренилась и застарела в правителях, от мала до велика все стали быть поползновенны – одни для взяток, другие, боясь сильных лиц. Оттого всякие дела государевы неспоры, сыски неправы, указы недействительны. Все правители дворянского чина своей братьи знатным нороят, власть имеют и дерзновение только над самыми маломочными людьми, а нарочитым дворянам не смеют и слова противного сказать. Сколько послано указов во все города о недорослях и молодых дворянских детях; если какого дворянина и именно указано выслать, то и того нескоро высылают, но, по старому Уложению, дожидаются третьего указа, и если ничем отбыть не могут, то уже вышлют. И при таком презрении царских указов иные дворяне уже состарились, живя в деревнях, а на службе и одною ногою не бывали. В Уложении напечатано, что третьего указа дожидаться, и этим сделана потачка плутам и царского величества презирателям. Как этим указом избалованы дворяне, вот пример: в Устрицком стану есть дворянин Федор Макеев Пустошкин, уже состарился, а на службе ни на какой ни одною ногою не бывал, и какие посылки жестокие по него ни бывали, никто взять его не мог: одних дарами угодзит, или притворится тяжело больным, или возложит на себя юродство. За таким его пронырством иные его и с дороги отпускали, и когда из глаз у посыльщиков выйдет, то юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев, рыкает. И хотя никакой службы великому государю не показал, а соседи все его боятся. В Алексинском уезде я видел дворянина Ивана Золотарева: соседям своим страшен, яко лев, а на службе хуже козла. В крымский поход вместо себя послал убогого дворянина; дал ему лошадь и человека своего, и тот его именем был на службе, а сам он дома был и по деревням шестериком разъезжал и соседей своих разорял. И не только городовые дворяне, но и те, которые в Москве служат и называются царедворцами, великому государю лгут: когда бывает им наряд на службу, то одни напишутся в сыск за беглыми солдатами, возьмет указ, заедет в свои вотчины да там и пробудет военную пору, другие напишутся в выимщики, по дворам вино корчемное вынимать, или, к другим всяким делам бездельным добившись, так и проживут военную пору. Видим мы все, как великий наш монарх трудится, да ни в чем не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору хотя и сам-десять тянет, да под гору миллион тянут, то как дело его споро будет? Сколько новых статей издано, а немного в них действия, ибо всех их древняя неправда

одолевают. И оттого дело идет по-старому: кто кого сможет, тот того и забижает. На что бодрее и разумнее князя Дмитрия Михайловича Голицына? В 1719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурный и водку взять на подряд; и неведомо за что велел меня за караул посадить; и сидел я целую неделю, и стало мне скучно, что долго сижу, а за что сижу – не знаю; велел я уряднику доложить о себе, и князь Дмитрий Михайлович спросил: давно ль он под караулом сидит? Урядник сказал: уже целую неделю сидит; и тотчас велел меня выпустить. А я, кажется, и не последний человек, и князь меня знает, а просидел целую неделю ни за что. Что же, если какого-нибудь мизерного посадят, да и забудут? В немецких землях очень людей берегут, особенно купецких людей, оттого у них купецкие люди и богаты очень. А наши судьи нимало людей не берегут и тем небережением все царство в скудость приводят. Что это у наших людей за разум, что ничего впрок государству не прочат, только прочат имение себе, и то на час?»

Богатые землевладельцы по-прежнему продолжали принимать беглых крестьян от бедных, которые, по словам Посошкова, если и найдут своих крестьян, то разве из-под рук на них посмотрят, а взять и помыслить нельзя; и воеводы в такие вотчины посыльщиков посылать не смеют. По-прежнему землевладельцы вели друг с другом войны при размежевании; но теперь, при расширении горизонта русского человека, когда стали разумно глядеть на явления, доискиваясь их причин и стараясь найти средства к отстранению явлений вредных, – теперь явилась мысль о генеральном межевании: 18 марта 1719 года Василий Татищев подал предложение о генеральном размежевании, «чтоб не было между шляхетством междоусобия». По словам Татищева, у Петра было намерение «для уравнивания даней, сложив с народа часть податей, расположить оную на земли, и сие в сем же году в заготовленном указе о межевании было уже и определено, однако ж за неокончанием помянутого межевого наказа не вышло».

По-прежнему, чем далее на восток, тем больше позволяли себе сильные люди. В феврале 1721 года Кудрявцев писал царю из Казани: «Прошу милосердия на сумасбродного старого Молоствова: ездил по деревням татарским и, собирая татар, сказывает им, что он прислан от вашего царского величества с полным указом уставить в мире правду и волю имеет казнить и вешать, как и прежде вешал, так и ныне может делать самовластно, никого не боясь, и внушает им, что от податей государство все разорилось, рассказывает, как древние государства разорялись и пропали, и наше также разорилось и пропадет. Также сказывает им, что ваше царское величество не указал ныне корабельного леса готовить и велел всем невольню дуб рубить, и я работаю корабельных лесов, будто мучу напрасно людей. Стакался с Гаврилою Норовым, велит им дубовые леса всякому на свои нужды рубить, и письма давал, чтоб рубили. Во свидетельство правды слов своих говорил, что в 1717 году многих людей перевешал, за что похвалу себе принял, и обещался татарам, что до смерти своей будет им помощником и предводителем всякому делу; что хотел было постричься, но теперь для них до смерти не пострижется, и ныне им же, татарам, сказал, что поедет в С.-Петербург и привезет указ, что меня перед ними, татарами, казнить».

По примеру царя и членов царского дома русские дворяне в описываемое время начали ездить за границу лечиться. Царь, разумеется, не отказывал в позволении желающим, но были другие препятствия. В этом отношении любопытна история того же семейства Зотовых. Мы знакомы с двоими сыновьями

Никиты Моисеевича – Васильем и Кононом; но был еще третий брат, Иван, которому отец не позволял служить, а употреблял для управления имением. Иван заболел и писал Макарову: «Известно вам, что брат мой Конон также чрез великую силу вашим предстательством избыл из дворничества в службу государеву; я ныне, бедный, закоснел и в скорби упал по воле отцовою, понеже держал меня для деревень под клятвою и ни в какую службу не выпускал; а ныне как увидал, что я весьма болен, по желанию некоторых считал меня в расходе десять лет, от чего я едва не умер, однако отчет дал; а потом и кормить, как сына надлежит, не соизволяет, а своим мне прожить нечем». Иван просил позволения ехать лечиться за границу и по этому поводу писал самому царю: «Премилосердным вашего величества природным человеколюбием призирая на мою погибель, повелено мне для исцеления тайной моей конечной скорби, чтоб здесь не исчезнуть, ехать в теплицы французские, о чем указ из Кабинета вашего величества и паспорт из канцелярии иностранных дел ко мне был отправлен; и тот указ я получил, а паспорт и поныне удержан у господина моего отца, который за жалостию разлучения и для строения дому и поныне меня не отпускает, не рассуждая того, что я в такой моей злой болезни безвременно погибну и, пока жив, не токмо вашему величеству в службу, ниже кому-либо годен быть могу. Слезно молю человеколюбивые ваши щедроты: повели мне всемилосердным вашим собственным указом ехать к Архангельскому городу и оттоль чрез Амстердам в теплицы, где, свободясь от скорби, возмог бы вам, государю, служить подобно, как и брат мой Конон, который, если б не вашею взят был монаршею рукою, и поныне закоснел быв крестьянских судейках, как и я пребываю по се время»

Некоторые ехали за границу лечиться; другие, волею-неволею ехали туда же учиться; здесь, на западе Европы, вырвавшись на свободу, русские молодые дворяне иногда позволяли себе такое же поведение, к какому привыкли в лесах и степях Европы восточной. В августе 1717 года Конон Зотов писал царю: «Господин маршал д'Этре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамных поступках наших гардемарин в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такую бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради обобрали у них шпаги». В сентябре новое письмо: «Гардемарин Глебов поколол шпагою гардемарина Бярятинского и за то за арестом обретается. Господин вице-адмирал не знает, как их приказать содержать, ибо у них (французов) таких случаев никогда не бывает, хотя и колются, только честно на поединках лицом к лицу. Они же ныне все по миру скитаются»

Лень, стремление отбивать от деятельности – следствие многовекового застоя в народной жизни – замечались повсюду, во всех сословиях и вызывали насильственные меры преобразователя, бесцеремонно будившего русского человека, бесцеремонно гнавшего его на работу. «Иные и посадские люди, – говорит Посошков, – такие есть лежебоки, что живут своими домами, но, не хотя ни торговать, ни работать, ходя по миру, милостыню собирают, а иные, сковавшись, ходят, будто тюремные сидельцы, и, набрав милостыню, дома лежа, едят. А иные сами и промышляют, а детей своих посылают милостыню просить. Ныне истинно стыдное дело, что в нищих да в колодниках пройти невозможно». И это после повторительных строгих указов против нищенства! И на поведение русских ремесленных учеников за границею слышались жалобы; царский

резидент в Лондоне Федор Веселовский писал в сентябре 1718 года: «Ремесленные ученики последней присылки приняли такое самовольство, что не хотят ни у мастеров быть, ни у контрактов или записей рук прикладывать, но требуют возвратиться в Россию без всякой причины, также просят великого себе жалованья, и больше того, как прежним их товарищам определено, а именно по два ефимка английских на четверть года (на праздничную забаву, ибо мастера обязаны были одевать их и кормить пять лет). И хотя я их добром и угрозами уговаривал, чтоб они воле вашего величества послушны были, однако ж они в противности пребывают, надеясь на то, что я их наказать не могу без воли вашего величества и что, по обычаю здешнего государства, наказывать иначе нельзя как по суду».

Будучи сам из крестьян, Посошков хорошо знал их быт, и между ними он находил тот же главный порок: крестьянское житье скудно, по его словам, не от иного чего, как от собственной их лени, и потом от нерассмотрения правителей и от помещичья насилия и небрежения. Больше всего крестьяне терпят от пожаров вследствие тесноты жилищ и от разбойников вследствие неразвитости общественной жизни, непривычки к общему делу: в иной деревне десятка два или три или и гораздо больше дворов, а разбойников придет и небольшое число к крестьянину, станут его мучить, огнем жечь, пожитки его на возы класть, соседи все слышат и видят, но из дворов своих не выйдут и соседа от разбойников не выручают. «Еще, – говорит Посошков, – немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. В иной деревне дворов двадцать и тридцать, а грамотного человека нет ни одного, и от того случается, что если придет кто-нибудь с указом или и без указа, да скажет, что указ него есть, то ему верят и принимают на себя излишние убытки, потому что все они слепые, ничего не видят, не понимают. Многие приезжают и без указа и пакости им чинят великие, а они оспорить не могут, и в поборах много с них лишних денег берут. Для охранения от таких напрасных убытков не худо бы крестьян и *поневолить*, чтоб детей своих отдавали дьячкам учиться грамоте, читать и писать. Не худо указ послать и в Низовые города, чтоб у мордвы детей брать и грамоте отдавать учить, хотя бы и насильно. А когда научатся, то и самим слюбится, потому что к ним чаще, чем в русские деревни, приезжают солдаты, приставы, подьячие, иногда с указом, иногда без указа, и делают что хотят, потому что мордва – люди безграмотные. Не очень справедливо и то, что помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимые, ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в рабочую пору не дают крестьянам ни одного дня на себя что сработать. Многие дворяне говорят: крестьянину не давай обрасти, но стриги его, как овцу, догола. Говоря так, царство пустошат, так их обируют, что у иного и козы не оставляют. От такой нужды крестьяне дома свои оставляют и бегут, иные в понизовые места, другие в украинские, некоторые и в зарубежные; чужие страны населяют, а свою пусты покидают. Крестьянам помещики не вековые владельцы, оттого они не очень их и берегут, прямой их владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно». Мы видели, какие меры принимало правительство для улучшения участи крестьян; дурное обращение с ними помещиков, как скоро делалось известным, не оставалось без наказания: в 1721 году Василий Головин сослан был на каторгу на 10 лет за то, что бил человека своего и тот во время побоев умер.

Посошков требовал сильных средств, чтоб выжечь старую неправду; но тем, которые испытывали на себе эти сильные средства, разумеется, они не нравились. В 1720 году бурмистр новгородской ратуши Сыренский в приказной палате сказал: «Кто со Христом водился, те без головы стали, а кто и с царем поводится, и тот без головы и без спины будет». У астраханского подьячего Кочергина найдено письмо-заговор: «Лежит дорога, через тое дорогу лежит колода, по той колоде идет сам сатана, несет кулек песку да ушат воды, песком ружье заряжает, водой ружье заливает; как в ухе сера кипит, так бы в ружье порох кипел, а он бы, сберегатель мой, повсегда бодр был, а монарх наш, царь Петр, буди проклят (трижды)». По доносу духовника тяглец Садовой слободы Василий Волк винился: он при исповеди царское величество называл антихристом, потому что «велел бороды брить и платье немецкое носить и службы великие, и податями и поборами солдатскими и иными нападками народ весь разорен, и в приказах судьи делают неправды и берут многие взятки, а он, государь, судей от того не унимает и за ними не смотрит, и в податях милости нет: и пишут герб орла двоеглавого, а о дву головах орла не бывает, а двоеглавый змей, т.е. антихрист, а пришло это ему в мысль потому, что слышал в евангелии и в других книгах читали (сам грамоте не умеет): в последние времена восстанет царство на царство и народится антихрист; и сам он по делам разорен, и указу ему не чинят в Земском приказе, учинилось ему убытков 200 рублей, и доправлена на нем выть безвинно; а когда он, государь, прямой царь, а не антихрист, и судей в неправде унимает, и ему бог в помощь, а ему, Василью, дела нет». Поп Будаковский говорил: «Какой он царь? Лучших бояр велел посадить на колья, Петербург одел в сапоги и вызолотил, а Москву одел в лапти; но Москва у нас без государя не будет». Разглашали, что Петр какую-то Бутурлину довел до смерти, в Измайлове бояр канатом таскал из проруби в прорубь, Якова Степ. Пушкина сажал на куриные яйца. Письменное распространение подобных слухов заставило в августе 1718 года издать указ: «Если кто станет, запершись, писать, кроме учителей церковных, какие-нибудь письма и кто об этом узнает, должен извещать; если же кто не известит и про то сыщется и в том повреждение царского величества чести или какое возмущение явится, то не донесшие равную казнь или наказание примут с нарушителями царской чести и возмутителями». С другой стороны, жестоко наказывали ложных доносчиков и лжесвидетелей: в 1713 году ложного доносчика колесовали и повесили за ребро, лжесвидетеля повесили.

«Службы великие!» Мы видели средства, какие употребляли тогдашние дворяне, чтоб избыть службы; но не всем могла быть удача в этих средствах, не все могли задаривать и притворяться юродивыми. Из двух бед надобно было выбирать меньшую, и в 1715 году 280 человек недорослей, избывая службы, записались в Славяно-латинскую школу. Но средство было выбрано неудачное: нужна была наука, но нужна была и служба, и нельзя было позволить, чтоб во время великой войны школы наполнялись на счет полков, тем более что записываться в школы тогда еще не значило учиться. Недорослей выписали из Славяно-латинской школы. От службы спасались в школы; от заграничной школы уходили в монахи, и тоже понапрасну: вологодский помещик Иван Морков, посланный в Венецию для навигацкой науки, ушел оттуда в Россию и постригся; но Петр велел взять его из монастыря в Петербург, несмотря на то что это уже был не Иван Морков, но иеродиакон Иоасаф. И относительно школ справедливы были

слова Посошкова, что Петр с немногими тянул на гору, а многие старались тянуть под гору. В феврале 1718 года префект славяно-латинских школ Феофилакт Лопатинский бил челом царю, что у него школы каменные валяются и уже часть их с переходами каменными упала, также и двор школьный без починки и без очистки в запустении. В Спасском училищном монастыре деревянные кельи, данные учителям, очень обветшали, и жить в них нельзя; в том же монастыре большой недостаток в кельях, потому что обитель была малая да часть новой отдана учителям, так что для братии осталось только четыре кельи; а есть при том же монастыре вместо стены часть ряда иконного. Государь указал: школы и школьный двор починить и очистить, в Спасском монастыре кельи построить каменные, иконный ряд от монастырских до школьных ворот отдать в тот же монастырь и перестроить его на кельи. Прошло полгода, указ не был исполнен, и Лопатинский должен был подать прошение в канцелярию сенатского правления: «По именному указу в Монастырском приказе ничего не сделано: а учителям негде жить и учеников негде учить, собрать их после вакации нельзя». Сенат послал указ в Монастырский приказ, чтоб исполнен был указ великого государя. Учителям (осьми человекам) давалось жалованья по 150 рублей человеку, архимандриту – по 300 рублей, что по тогдашним ценам было очень достаточно; но иногда вдруг выдача жалованья прекращалась: сенатского указа не было, и учителя должны были подавать прошение; прекращали выдачу и дров, ссылаясь также, что нет сенатского указа.

Ученики бегали, учителей били разбойники. Известный уже нам московский ученый Поликарпов писал начальнику своему Мусину-Пушкину осенью 1716 года: «Учителя греческие роспись беглым ученикам в сенатскую канцелярию послали, числом на 40 человек, и, что будет по ней, доносить не умедлю, обаче сомневаюсь, дастся ли поневоле своевольным наука? А ныне и наипаче нужда умножить греческую науку, понеже соученик и споспешник мой о господе Никола справщик переселился ко отцем своим и от здешних трудов восприя покой смертию, и смертию внезапною, ибо шедша его из мыльни при вечере, нападше всего обнажиша и бивше умертвиша и в глубокою грязь повергоша, его же наутрие мертва обретше, вчера погребох; отправихом же погребальная из казны государевы десятью рублями, понеже по нем кроме двух рублей не обретется». Поликарпов отыскивал в Москве учителей и для новой столицы: в 1715 году великий государь указал выслать в С.-Петербург учителей немецкой и французской школ, приняв у справщика печатного дела Федора Поликарпова, и прислать, если они пленные, то за караулом, а если не пленные, то с провожатым. По доношению Поликарпова оказалось, что оба учителя свободные, а не пленные, один французской школы Иосиф Иванов Гагин (родом итальянец), другой немецкой школы Яган Вурм. В 1711 году под ведением графа Мусина-Пушкина были четыре разноязычные немецкие школы; в том же году упоминается о школе, которую ведал Павел Веселовский, в ней было 9 человек учителей, на содержание которым шло 1050 рублей, 38 учеников, на которых издерживалось 1894 рубля, школьный подьячий, получавший по 9 рублей; всего выходило на эту школу 3000 рублей. В инженерной школе было 23 ученика; Петру казалось этого мало, и в январе 1712 года он написал: «Школу инженерную умножить, а именно сыскать мастера из русских, который бы учил цифири, или на башню (Сухареву) для сего учения посылать, а когда арифметику окончат, учить геометрию столько, сколько

до инженерства надлежит, а потом отдавать инженеру учить фортификацию и держать всегда полное число 100 человек или полтораста, из которых чтоб две трети было из дворянских детей». Указ не был исполнен, и в ноябре 1713 года – новый: «В инженерную школу в прибавок к прежним ученикам, к 23 человекам, набрать в военной канцелярии из всяких чинов людей, также из царедворцовых детей, за которыми есть до 50 дворов, 77 человек, чтоб всех их было 100 человек». Мы видели меры для первоначального обучения дворянских детей; в 1714 году велено было дьячих, подьяческих, поповых и прочего церковного чина, архиерейского дома и монастырских слуг детей, кроме дворянских, от 10 лет до 15 учить цифири и геометрии и для того послать в каждую губернию из школы по два человека, которые арифметику и геометрию выучили; ведать эти школы в Адмиралтейской коллегии. Сенат прибавил, чтоб детей посадских людей неволею учиться не понуждать, принимать только таких, кто сами собою к науке охоту возымеют, потому что дети посадских людей в эти годы начинают заниматься торговлею, так чтоб от этого государевым податям не было повреждения.

В новой приморской столице учреждена была Морская академия, директором которой был сделан француз барон С. Илер, под главным начальством графа Матвеева. Между ними скоро произошло столкновение: в сентябре 1716 года Матвеев писал Макарову: «В академии здесь все идет порядочно: кадеты в науках прилежно преуспевают, а солдатской экзерциции так хорошо обучались, как бы старые; только, присматриваясь к действиям господина барона (С. Илера), нахожу, что деньги, которые ему отпущены в большом числе, все равно что в окно выкинуты. Если бы не было у меня английских профессоров, то бы некому было освидетельствовать кадетов; науки не оканчиваются, потому что барон в них не сведущ; регламенты, им поданные, не были его практики, а переписаны с печатных правил французской морской академии, а он выдал их за новость». С. Илер, вероятно, узнавши мнение Матвеева о себе, подал графу Апраксину письменное доношение, в котором Матвеев назывался невеждою. Тогда Матвеев написал Апраксину в декабре 1716 года: «Срамно всем слышать, что С. Илер напрасно похитил назвище генерального директора, который должен отличаться совершенным знанием своего дела и иметь бесстрастный надзор над всеми профессорами, не только что над навигаторами и кадетами. Но он, С. Илер, во время годового пребывания своего в академии ни одного кадета в дальнейшую науку не произвел и успехов в самой меньшей науке свидетельствовать не может, не только не превосходит профессоров, но и навигаторской науки не знает; если бы не случилось английских профессоров, то нельзя было бы и в десять лет ни одного кадета из науки в науку произвести». Навигатор Угримов подал прямо царю челобитную, что С. Илер бил его по щекам и палкою при всей школе. Апраксин в январе 1717 года написал царю: «Как я здесь мог усмотреть, между господ правителей академии, графа Матвеева и барона Сенталера, происходит немалая противность, и друг на друга подают письменные доношения, в тех их спорах в академии не без помешательства; и ежели не изволит ваше величество их развести, то академия в лучшее состояние никогда придти не может, и ежели из них поручить сие правление которому одному, а другого отпустить, то я бы надеялся, что будет лучше, а по моему мнению, лучше б поручить графу Матвееву, чтоб вам можно было на одном взыскивать, однако ж сего без воли вашего величества учинить не смею».

Между тем С. Илер струсил, особенно после беседы с страшным Данилычем, которому до всего было дело и который, как все русские, начиная с царя, пользовался искусством иностранцев, но при каждом удобном случае любил делать им сильные внушения, чтоб они не забывались и не важничали. С. Илер почел нужным помириться с Матвеевым и вот что писал ему 1 марта 1717 года: «Узнал я, что его царское величество известен о споре между вашим сиятельством и мною. Я прихожу к вам всепокорно просить, чтоб оную прекратить. Я хочу ваше сиятельство гораздо обнадежить, что я забываю все озлобления, мне учиненные, потому что по вашим наговорам пресветлейший князь Меншиков грозил меня палками бить, чтобы, по его словам, выучить французский народ, как жить; вашему сиятельству известно, что таких потчеваний не чинят шляхтичу в нашей Европе. Ваше сиятельство может быть обнадежено, что я буду иметь всегда к вам весь респект и все почитание, должное вашему характеру». Но обнадеживания опоздали: Петр, по письму Апраксина, велел поручить академию одному Матвееву.

Мы видели, что обучение медицине началось при учреждении московского госпиталя; в мае 1719 года велено было отослать 30 учеников к доктору Блументросту для изучения медицины. Отсылка молодых людей за границу для науки продолжалась безостановочно. В январе 1715 года Петр писал Конону Зотову: «Ехать во Францию в порты морские, а наипаче где главный флот их, и там, буде возможно, и вольно жить, и присматривать волонтиром, то быть волонтиром, буде же невозможно, то принять какую службу. Все, что по флоту надлежит, на море и в портах сыскать книги, также чего нет в книгах, но от обычая чинят, то пополнить и все перевести на славянский язык нашим штилем, токмо храня то, чтобы дела не проронить, а за штилем их не гнаться. Суворова и Туволоква отправить в Мардик, где новый канал делают, также и на тот канал, который из океана в Медитеранское море проведен, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починивают и чистят, чтоб они могли присмотреться к машинам и прочему и могли тех фабрик учиться». Мы видели, что в 1716 году были отправлены в Кенигсберг молодые подьячие для того, чтоб по возвращении служить в коллегиях. За границу не всегда давали русским людям возможность учиться. Царский резидент при английском дворе Федор Веселовский писал Петру в сентябре 1718 года: «Об ученике Третьякове я у короля английского домогался, дабы оному повелено было учиться пушечному литью, и хотя его королевское величество изволил мне того часу позволение свое дать и указ к комиссарам артиллерийским послать, однако ж они тому не последовали под претекстом, что его королевское позволение несходно с правами здешнего государства». Не за одну западную границу отправлялись русские люди учиться; ведя упорную борьбу у Балтийского моря, Петр не спускал глаз с Востока и в январе 1716 года дал указ: «На Москве из латинских школ выбрать из учеников ребят добрых молодых пять человек, таких, которые бы по меньшей мере грамматику выучили, для посылки в Персиду при посланнике г. Волынском для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому».

Типография работала. Справщик Федор Поликарпов в 1718 году бил челом: «Работаю я в книжном правлении и в управлении всего печатного двора 17 лет и приплодил казны с 50000 рублей. Еще сверх учрежденного дела, за десятилетнее гражданских книг правление (в которых я один всегда труждаюсь), также и за

переводы разных книг, как и ныне новопреведенная трудная книга география свидетельствует, я не взыскан». В описываемое время мы видим особенные заботы об отечественной истории. В 1713 году в Петербурге издана была «Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества российских, во взятии преславных фортификаций, и разных местех храбрых баталий, учиненных над войсками его королевского величества свейского». В следующем году напечатан гражданскими буквами уже известный нам «Синописис, или Сокращенная история, собранная от разных авторов». В 1717 году издано было составленное подканцлером Шафировым «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр I к начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена. Все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых актов и трактатов, тако ж и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиною». Цель книги видна из следующих строк, внесенных в рассуждение самим Петром: «Понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют, одни для незнания, другие по прелестным словам ненавистников, зря отечество наше возвышаемо богом, третий, понеже тунеядцы, ныне не вышней степени суть (т.е. тунеядцам теперь плохо); и тою для против оных ответствую. Против вторых: понеже зависть не вещь почитати полезное, а злоба ничем утолиться может. Третиим же, яко ответа недостойным, им же святыи апостол и ясти воспрещает, и яко корень всем злым праздность есть, того ради, не умножая к оным рассуждения, обращаюсь к первым, иже доброй совести суть, но точию неведения ради негодуют: того ради сие им объявляю. Перво надлежит нам взять слово св. Никодима, в евангелии сущее, к негодующим на Христа жидам реченное: егда закон наш судит человеку, аще не слышит от него прежде и разумет, что творит; тако и нам надлежит прежде ведать и рассуждать. И аще бы из сих негодователей желал со мною прение иметь, мною не вящше б двух слов вопрошал: 1) для чего сия война начата? 2) для чего так долго продолжается? Лучше бы мириться, хотя и с великою уступкою. На второе пространно ответствую. Продолжение сея войны не от нас, но от неприятеля, как явно является из посылок к шведам не точию когда они в силе были, но и в крайнем силе их разрушении под Полтавою. Отвещал бы негодующий, что неприятель для того не мирится, что много у него взято, и не хочет уступить; а когда б отдали, то б был мир, понеже и без того прежде жили и с ними ж войны бывали и, брав города, отдавали; для чего ныне не так? Ответствую: прежние времена не суть равны нынешним, ибо шведы тогда не так о нас рассуждали и за слепых имели, как о том славный историк Пуфендорф пишет. Тако ж, последуя ему, граф Штейнбок писал к королю своему по победе у Нарвы, дабы не продолжал войны долго и тем бы не обучил россиян, отчего великую опасность являл. Из чего довольно мочно ведать, что ныне так невозможно делать, как прежде. Того ради рассуди, коя была всегдашняя злоба сих соседей еще при начатии рощения российской славы и введения добрых порядков? Каково ж ныне, когда господь бог так прославил, что оные, от которых, почитай, вся Европа опасалась, ныне от нас

побеждены суть? И могу сказать, что никого так не бояться, как нас, за что господу сил да будет выну хвала; нам же, помощью его в такую высокую степень восшедшим, не негодовать или скучать подобает, но терпеливо понести и трудолюбие искати, с его же помощью, доброго и безопасного конца сея войны. Помысли, егда отдачею на сем крае моря допустим так злобного соседа паки внутрь себя, то какого добра впредь ожидать имеем? И не посмеется ли весь свет, что, претерпя уже 19 год и получа такие славы, паче же безопасности, паки подвержем себя всегдашнему бедству и вечному стыду без всякой нужды? Но хотя б славу, честь и прибыток уничтожа, учинить мир и допустить паки так близко сего соседа, как пред тем был, то какой покой обрящем! Воистину не покой, но бедство: ибо уже довольно видеть из вышеписанных мочно, что, когда у нас и на уме ничего не было, какие промыслы и злохитрые коварства оные имели. Ныне же, исполни то все, чего оные опасались, и так глубоко досадя, паки себя обнажим: то подумай, оставят ли они нас в покое, дабы всегда могли нас бояться? Воистину, никак! Но будут искать того, чтобы так нас разорить, чтоб век впредь не в состоянии были какие знатные дела чинить, и не только чтоб им нас бояться, но всегда б так над нами быть, дабы никогда не смели ничего против их учинить. И тако бы мы сами себе враги и разорители были».

Шафиров же в описываемое время написал «Дедикацию, или Приношение царевичу Петру Петровичу о премудрых, храбрых и великодушных делах его величества государя Петра I». В этой дедикации автор говорит: «Истину реку, что не обрящется не токмо в нынешних нашей памяти веках, но ниже в гисториях прежних веков его величеству равного, в котором бы едином толико монарху надлежащих добродетелей собрано было и который бы не во многие лета в своем государстве толь многие славные дела не токмо начал, но и от большей части в действо произвел и народ свой, который в таких делах до его государствования отчасти мало, отчасти же и ничего не был искусен, не токмо обучил, но и прославил, и, тако рещи, весьма в иное состояние, обыкновение и обхождение внутрь и почтение и знатность вне государства привел, так что, хотя пред несколько десять леты о российском народе и государстве тако в других европейских государствах рассуждали и писали, как о индейских, персидских и других народах, которые с Европою, кроме некоторого купечества, никакого сношения не имеют, тако и об оных не токмо ни в каких европейских делах, до войны и миру принадлежащих, никакой рефлексии и рассуждения не имели, но и в число европейских народов мало причитали: тако ныне никакое дело ниже в отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязни и союзе не старались или осторожности и опасности в противности от оногo себе не имели, и, что удивительнее всего, что все те великие дела помянутое его величество начал и даже до сего времени произвел токмо единым своим от бога дарованным талантом, охотно, высоким разумом и неусыпными трудами и старанием безо всякой науки или к тому понуждения и от кого-либо побуждения». Описав подвиги и учреждения Петровы, Шафиров говорит: «И како может мое слабое и неискусное перо то описать и по достоинству прославить, чтобы и славному в краснословцах Цицерону, и премудрому в филозофех Аристотелю, и великому в политиках Корнелию Тациту, и славным историкам Квинту Курцию и Титу Ливию не без трудности учинить возможно было. О счастлива и благополучна еси Россия, имея такого преславного

монарха, и должна еси призывать вышнего, да приумножит дней живота его преизобильно, даже и до лет Несторовых, дабы за его премудрым государствованием все сии от его величества начатые и учрежденные дела укоренились и доброе основание получить могли, а наипаче дабы вы, о всемилостивейший, пресветлейший государь царевич, яко надежда предбудущих России благополучий, аки орлицище от орла престарела и высокопаряща, обучитися могли в солнце смотрети, т.е. славным делам его от него и прикладу его обучитися и потом подражати. Имеем на всевышнего бога надежду, что подаст к тому свое благословение, ибо не туне он ваше высочество к наследствию таких великих и пространных государств определил. Ни един монарх от высочайшей фамилии вашей не был на престоле, который бы коего плода к пользе государственной не принес. Царь Михаил Федорович уже к самой гибели приведенное государство восставил. Алексей Михайлович возобновил славу Российского государства добрым учреждением воинским, ибо многие было регулярные полки по чужестранному обычаю учредил и оными купно с другими нерегулярными войсками своими отмстил тогда клятвенным неприятелям российским, полякам и литве, и возвратил наследные предков своих от России отторгнутые провинции. Царь Федор Алексеевич, хотя и весьма слабой комплекции и худого здравия был, однако ж славы родителя своего и попечения о пользе государства не упустил, но, елико силы его и здравие и краткость времени допустили, во введении лучших и с чужестранными народами сходных обыкновений, во учреждении некоторых изрядных зданий и в премене древней и неудобной одежды рачение свое о государственной пользе показал». Петр знал историю лучше Шафирова и потому здесь приписал своею рукою о царе Феодоре: «Паче же зело жестокой и вредительной обычаи в разрядных случаях (местничество), которой как закон почитали, пременял».

Возможность для людей, слывших знающими, забыть или не знать, что царь Федор Алексеевич уничтожил местничество, должна была побуждать Петра заботиться о доставлении русским людям средств знать свою историю. В 1716 году Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «*История* твоя и лексикон хотя и не очень благоугодны были, но чрез старание и прошение мое ныне царское величество изволил приказать за оные твои труды выдать тебе с Печатного двора двести рублей; да исправляй немедленно посланную прежде к вам книжку географию». Поликарпов не умел как следует исполнить своей задачи, и Петр обратился к другому средству. В январе 1719 года Головкин писал Макарову: «По его, царского величества, повелению посылаю Краткий летописец или выписку о житии великих князей российских до государствования царя Ивана Васильевича, которая делана по указу его царского величества у нас в канцелярии из книги большой, зовомой Степенной, и обретающиеся в той книге многие излишества, которые к сей истории не приличны, выпущены; но что надлежит к житию великих князей, то все в ту выписку внесено». В декабре 1720 года Петр велел «во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, осмотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие курьезные письма оригинальные, также книги исторические, рукописные и печатные, какие где потребные к известию найдутся».

Мы видели, что Петр сослался на «славного» Пуфендорфа; в 1718 году вышло из печати «Введение в историю европейскую, чрез Самуила Пуфендорфия

на немецком языке сложенное». На русский эта книга была переведена иеромонахом Гавриилом Бужинским с латинского. Для переводчиков описываемого времени был важен вопрос о языке, на который должны были они переводить: переводить ли на книжный, славяно-церковный, или разговорный язык? Петр требовал последнего, но привычка тянула к книжному языку. При решении этого вопроса, разумеется, сильное влияние должен был оказать лексикон, и Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «Федор Поликарпов! По именному царского величества указу присланы от его величества два лексикона, один с латинского на французский язык, другой с латинского на голландский; и велено из оных сделать один лексикон и под латинские речи подвести словенские слова; и оные книги посылаю к тебе при сем письме с нарочным, того ради оные лексиконы объяви как отцу Лопатинскому, так и прочим учителям, дабы в сем деле приложили тщание, понеже сие нужно есть его величеству, за что ты примешь милость и за труд воздаяние немалое, для чего с оными книгами посылаю к тебе и твои лексиконы ради лучшего исправления, а по окончании оного дела с тем же лексиконом сделайте лексикон же из словенского языка на латинской по алфавиту; при сем же посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простым русским языком, тако ж и лексиконы. Со всем усердием явился и высоких слов славенских класть не надобеть, но Посольского приказу употреби слова». По смерти царевны Натальи Алексеевны у ней найдено было 76 печатных книг светского содержания: Гронограф, Триумф польской музы, Персональник немецкий с переводом, рисунки разных государств городам, о Полтавской баталии, об Александре Македонском, Грамматика, об освобождении Ливонии торжество, История троянская, Тестамент Василия, царя греческого, и проч. Сверх того, после царевны осталось несколько рукописей и между ними разные театральные пьесы, письма государыни царевны; означена также: связка синоксов разных комедий, сказка про королевешну Резону и проч.

Петр знал, что кроме книг для науки нужны и собрания естественных предметов, редкостей и древностей, и потому в феврале 1718 года издал указ: «Понеже известно есть, что како в человеческой породе, так и в зверской и в птичьей случается, что рождаются монстра, т.е. уроды, которые всегда во всех государствах собираются для диковинки, чего для пред несколькими летами уже указ сказан, чтоб такие приносили, обещая платеж за оные, которых несколько уже и принесено. Однако ж в таком великом государстве может более быть; но таят невежды, чая, что такие уроды рождаются от действия дьявольского, чрез ведовство и порчу; чему быть невозможно, ибо един творец всея твари бог, а не дьявол, которому ни над каким созданием власти нет, но от повреждения внутреннего и проч. Также, ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, тако ж бы приносили, за что давана будет довольная дача».

Петр хлопотал о переводе географических книг на русский язык, но относительно географии русской иностранными сочинениями пробавляться было нельзя; надобно было самим русским изучать ее и для себя, и для других. В конце 1720 года отправлены были ученики петербургских школ для сочинения ландкарт; но еще прежде, в январе 1719 года, дана была инструкция геодезистам Евреинову и Лужину, которые отправлялись для описания мест около Камчатки и для разрешения вопроса, соединяется ли северо-восточная Азия с Америкой? Первое внушение о важности этого вопроса приписывается Лейбницу, который до конца своей жизни не переставал переписываться с царем. В январе 1715 года он писал Петру, что несколько занялся историей скифских народов, подвластных русскому монарху, и вывел заключение, что гунны говорили сарматским или русским языком, будучи одного племени с сарматским или славянским народом, а не с венграми, как многие думают; что король гуннов, великий Аттила, властвовал от Каспийского до Балтийского моря, как и царское величество; что он, Лейбниц, нашел в одной старой греческой книге описание посольства, отправленного одним византийским императором к Аттиле; из этого описания видно, что Аттила был разумный и воздержный государь, который подарил жизнь людям, умышлявшим известь его тайным убийством. Лейбниц выражает надежду, что преславные победы царя поведут к миру и дадут Петру время привести у себя в цветущее состояние знания и искусства

И во время тяжелой войны преобразователь не ограничивался одними необходимыми знаниями, но старался приютить в России и искусство, украсить его произведениями свой не украшенной природою *парадиз*. В ноябре 1715 года царь писал Конону Зотову во Францию: «Как вам при отъезде наказано стараться о механике и прочих, то же и ныне подтверждаем, к тому же сие прилагаю: понеже король французский умер, а наследник зело молод, то, чаю, многие мастеровые люди будут искать фортуны в иных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить, также и будут ли что из двора продавать, а именно уборов каких шандерей и прочего». В то же время Петр требовал от своих агентов во Франции Зотова и Лефорта искать гисторического маляра и особливо домогаться из таких, кто был в подмастерьях у славного мастера Лебрюнна. Сохранилась роспись мастерам, отправленным из Парижа в Петербург: 1) Г. Растрелли, он умеет планы огородам и фонтанам делать и палаты строить, резать на самых крепких камнях статуры и всякие притчи; лить всякие статуры и фигуры из меди, свинцу и железа, какой бы величины ни были; умеет также работать на стали, делать чрез составы всяких цветов мраморы, делать монету, делать портреты из воску и из левкосу; умеет всякие убрания и махины делать для театров в опере и в комедии. Обещается учить людей российских всему, что сам умеет. 2) Г. Лежандр, его подмастерье. 3) Г. Леблянк, столяр, и рещик для архитектуры, т.е. для убрания в домах на дереве и на камне. 4) Лавале, литейный мастер пушек и прочего. 5) Г. Люи-Каравак, миниатюрный мастер, т.е. партреты писать в табакерках, так же и большие партреты на холстах. В 1717 году Меншиков извещал царя: «Живописца Коровака, по указу вашего величества, заставлю писать Полтавскую баталию и учеников ему, что возможно найти, придам». В Венеции делал заказы для царя Савва Владиславич Рагузинский; в декабре 1717 года он писал Петру: «Две статуи, а именно Адам и Ева, которые я наилучшему здешнему мастеру Бонаце делать заказал, скоро будут

готовы и, надеюсь, так будут хороши, что в славной Версалии мало таких видали; также отсюда думаю положить на корабль сотницу-другую досок наилучших ореховых для убору палат вашего величества». В Риме хлопотал Кологривов, который писал оттуда царю в марте 1719 года: «На сих днях купил я статую мраморовую Венуса, старинная, найдена с месяц; как могу хоронюся от известного охотника, и скульптору вверил починку ее, не разнит ничем против Флоренской славной, но еще лучше тем, что сия целая, а Флоренская изломана во многих местах; у незнаемых людей попалась, и ради того заплатил за нее 196 ефимков, а как купить бы инако, скульптор говорит, тысяч десять и больше стоит; только за то опасуюсь о выпуске, однако ж уже она вашего величества, и еще будет починки кругом ее месяца на два». В Петербурге при оружейной канцелярии «ради общенародной во всяких художествах пользы, против обычаев государств европейских, зачата была небольшая академия ради правильного обучения рисования иконного и живописного и прочих художеств».

Во всех сферах преобразовательное движение шло усиленно от 1711 до 1721 года, во вторую эпоху Великой войны, когда отсутствие опасности от страшного, победоносного врага давало более возможности заниматься делами внутренними. При этом усиленном движении к новому, что же делалось в церкви, обязанной охранять древнее православие и в то же время обязанной воспользоваться новыми средствами и обязанной иначе определить свои отношения к государству и обществу вследствие новых обстоятельств? Положение русской церкви в описываемое время было по-прежнему затруднительно: с одной стороны, раскол, с другой – наплыв иностранцев-иноверцев, протестантская и католическая пропаганда, и в то же время новые требования гражданского правительства и переворот в высшем управлении.

Мы видели, как в Олонецких местах по реке Выгу поселились раскольничьи отшельники, как здесь образовалось знаменитое раскольничье пристанище, начальником которого был церковный дьячок Данила Никулин (или Викулин), как у Данилы для обороны от присыльных людей были три пушки медные, много пищалей, бердышей, пороху. К этому Даниле пришел молодой человек, начитанный, школьнообразованный, энергический, рожденный для власти, для общественной организации: то был знаменитый Андрей Денисов Второго, или Вторушин, ведший свое происхождение от князей Мышецких. Как всегда и везде, около вождя собирается дружина; на Выге образовалась большая община из братьев и сестер, принявшая характер монастырский; пришел иеромонах Пафнутий, долго живший в Соловецком монастыре, знающий чины церковные и монастырские, и начали учреждать общежитие и церковную службу по чину и уставу, поставили ектесиаρχа, певцов, псаломщиков, конархистов. Но было еще скудное пустынное житие: службу в часовне отправляли с лучиною, икон и книг в часовне мало, колокола не было, звонили в доску, дороги с волостей в пустыню еще не было, ходили на лыжах. Пришли два человека из Москвы, знатоки писания, много пришло людей и из других мест, и начали по праздникам петь всеночные по чину церковному; уставили все по чину монастырскому, келарей и подкеларников, нарядников, старост и надсмотрщиков; а в хлебне хлебы пекли, в поварнях щи варили и квасы делали сестры. Потом, когда народонаселение умножилось, начали пашни пахать и скот держать, поставили конский двор на братской стороне, коровий – у сестер, посредине монастыря поставили стену и

обнесли весь монастырь оградой. Мужчины жили на своей стороне, женщины – на своей, между ними стена, в стене маленькая келья с окном для приходу братии к своим сродницам для свидания и ради других братских нужд; две старицы сидели в келье и наблюдали, о чем братья будут говорить с сестрами в окно. Сделался голод, ели хлеб из соломы, отказались от ужина, потом обобрали у всех деньги и ценные вещи и отправили Андрея Денисова на низ по Волге за хлебом. Денисов промыслил хлеба чрез добрых людей, частичку купил, часть в милостыню выпросил и привез в монастырь. В 1702 году разнеслась страшная весть: царь Петр идет из Архангельска к Финскому заливу, проложили прямую дорогу пустыми местами через Выг; одни из братьев и сестер начали готовиться к смерти, приготовили смолу и солому в часовне, другие собирались бежать, но гроза прошла: когда государю доложили, что по Выгу живут раскольники, то он сказал: «Пускай живут!» – и прошел смирно. Мы уже знаем взгляд Петра на отношения своей власти к совести подданных. «Господь дал царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос», – говорил он. Рассказывают, что однажды он спросил: «Каковы купцы из раскольников, честны ли и прилежны ли?» Когда ему отвечали, что честны и прилежны, то он сказал: «Если они подлинно таковы, то, по мне, пусть веруют, чему хотят, и когда уже нельзя их обратить от суеверия рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь, ни меч; а мучениками за глупость быть – ни они той чести не достойны, ни государство пользы иметь не будет». В Олонецких местах, в соседстве с раскольниками, начали строиться железные заводы, и в Выговскую пустынь пришел указ: «Ведомо его царскому величеству учинилось, что живут для староверства разных городов люди в Выговской пустыне и службу свою к богу отправляют по старопечатным книгам; а ныне его царскому величеству для войны шведской и для умножения ружья и всяких воинских материалов ставятся два железные заводы, и один близ их Выговской пустыни: так чтоб они в работы к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, а за то царское величество дал им свободу жить в той Выговской пустыне и по старопечатным книгам службы свои к богу отправлять». «И от этого времени, – говорит историк пустыни, – начала Выговская пустыня быть под игом работы его императорского величества». Но благодаря этому игу олонецкие раскольники получили сильную защиту: всем выгорецким жителям позволено было выбрать к мирским делам старосту и при нем выборного, которые обязаны были оберегать новопоселенных жителей, доносить, какие выгорецким жителям для распространения и в прибавку надобны земли и угодья; пустынь изъята была из ведомства старосты и выборного, управлялась своим начальством. По жалобе Андрея Денисова с товарищи Меншиков в 1711 году издал указ, чтоб никто общежителем, Андрею Денисову с товарищи, и посланным от них обид и утеснения и в вере помешательства отнюдь не чинили под опасением жестокого истязания. Потом Денисову позволено было рассылать своих людей для рыбной и звериной ловли куда захочет. В 1714 году брат Андрея Денисова Семен был схвачен в Новгороде духовною властью; раскольники подали царю челобитную: «Вашего величества низайшие рабы. Олонецкого уезда выгопустыньские общежителю Данил Викулов с товарищами: мы убозии догматов и ересей никаких не нововведохом, ниже градские церкви обладаем, ниже доходы их, духовных, себе отлучихом; но в нужных местех живуще, отцепредавшее

благочестие по старопечатным книгам имеем, по них же о вашей милосердой державе господа бога молим и плачемся о гресех своих, а таковая безмилостивная от них страждем паче всех вер на земле, в разброде же от нужд сих опасаемся в непоставке работ своих остановки Повенецким заводам, а ныне мы, рабы твои, определены к другой работе: на весь Повенецкий завод известь ломаем». Просьба имела сильное подкрепление: начальник заводов Геннин писал царю: «Прошу, ваше величество, пожалуй для лучшей пользы и отправления на морской флот твоих дел, помилосердуй, учини против моих пунктов указ, так я буду воистину посмелее ступать, понеже я опасуюсь от архиерея новгородского погубления, понеже он верит другим своим бездельникам, а не своим рассмотрением управляет, и от них ныне в заключении сидит у архиерея Семен Денисьев, который в здешнем подъеме и, в сыску руд был годен и пред другими радетелен в заводской работе; для иных нужд и за челобитьем от них послан был и захвачен в Новгороде в архиерейский приказ. Прикажи архиерею его свободить и от твоих заводских дел не трогать и не ловить». Пункты Геннина состояли в следующем: «Чтоб государь велел отнять совершенно из-под архиерейского и монастырского управления погосты, определенные к заводам, ибо прикащики архиерейские и монастырские работных людей не высылают порядочно, старостам воли не дают искать воров, разбойников и беглых, отбивают и не дают к розыску, собирают лишнее, берут взятки; пустынных жителей, которые живут в лесу, руду и известь на завод ставят безо всякого послушания и радуют лучше других, архиерейские приказчики и заказчики обижают, бьют и стращают. Попы здешние владеют многими деревенскими государевыми участками, кроме церковной земли, и с них не хотят с другими тянуть, в равенство в заводском деле; я для допросов посылаю, а они с рогатинами отбиваются и в допрос нейдут. Для завода нужны грамотные люди, а у попов, дьяконов, пономарей и дьячков много сыновей, которые, кроме гулянья и драки, ничего не делают; не повелеть ли их взять в то ученье». Но никакое ходатайство не помогло: новгородский митрополит, известный нам Иов, был силен, так силен, что церковные имущества его епархии оставались в его управлении, а не были отданы в управление Монастырскому приказу. Иов возил Семена с собою в Петербург и представлял царю как опасного расколуучителя. Петр, по словам историка Выговской пустыни, «взяв оного Семена пред себя и испытав из тиха на словах и поговори мало, ни его отпустить, ни испытати жестоко не повеле, тако ж де и митрополиту не повеле, оставил его тако». Иов свез Семена назад, в Новгород, где он оставался в неволе четыре года; много знатных господ заступались за него; брат его Андрей в эти четыре года мало жил в монастыре, но все был в отъездах, то в Москве, то в Петербурге, все хлопотал за брата, и все понапрасну. Наконец Семену удалось тайком уйти из Новгорода, но, ушедши, не смел прямо явиться в монастырь, полгода укрывался в разных местах. Он должен был так долго не показываться и потому, что в это время новая беда постигла Выговскую пустынь: по доносу колодника, прежде жившего в пустыни, схвачен был Данила Викулич; Геннин опять заступился за раскольников, и царь велел выпустить Викулича.

Петр не хотел преследовать раскольников, продолжал заявлять свой основной взгляд на дело: «С противниками церкви с кротостию и разумом поступать по апостолу – бых беззаконным, яко беззаконен, да беззаконных приобретаю, и не так, как ныне, жестокими словами и отчуждением». Петр думал, как видно из этих

слов, что дело пойдет успешнее с переменою тона, ибо до сих пор духовные лица обращались к раскольникам, как строгие судьи к преступникам. Петр нашел человека, который мог быть способнее других к перемене тона: то был Питирим, игумен переяславского Никольского монастыря, сам бывший прежде в расколе и потому знавший хорошо своих прежних собратий. В 1706 году Петр поручил ему обращение раскольников увещательными средствами. Если царь не хотел преследовать своих подданных за религиозные убеждения, то, с другой стороны, смотря на раскол как на заблуждение, он не мог позволить, чтоб это заблуждение распространялось в народе: этим объясняется поведение его относительно Семена Денисова, которого он по представлениям митрополита Иова оставил в Новгородской тюрьме; каковы были представления митрополита, легко догадаться: Семен Денисов был учитель, искусный, школьнообразованный распространитель раскола, который не переставал писать в пользу своего учения и сидя в новгородской тюрьме. Потом Петр терпел раскол только с условием, чтоб раскольники исполняли обязанности добрых граждан и подданных: так, он прямо объявил выгорецким раскольникам, что позволяет им молиться по-старому, если только они будут усердно помогать ходу железных заводов. Выгорецкие раскольники усердно работали, уверяли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности и потому беспрепятственно могли молиться по-старому. Но Петр хорошо знал, что не все раскольники были похожи на выгорецких, знал, что это самые злые противники преобразования, самые ревностные распространители учения о новых временах как временах антихриста, знал, что эти люди толпами бегут и кроются в лесах и пустынях, лишая государство рабочих сил, отбывая от службы. Петр не хотел преследовать безвредных раскольников; но, чтоб они были безвредны, чтоб правительство могло терпеть их как безвредных, нужно было знать: что они, где они и сколько их? В феврале 1716 года велено было переписать всех раскольников, как светских, так чернецов и черниц; но если выгорецкие раскольники получили право молиться по-старому за усердную работу на заводах, так и все раскольники за это право должны были помочь государству в его великой денежной нужде, должны были платить двойной оклад. Казалось бы, что ничего не могло быть лучше для раскольников: правительство прекращало всякое преследование, только брало лишние деньги за право молиться по-старому. Но раскольники глядели на дело иначе: объявить себя прямо раскольниками — значит отдаться в руки правительству, которое если и не будет преследовать, то будет наблюдать, и нельзя будет тайком распространять свое учение: новоприбылые будут явны; да и не новое ли это ухищрение врага-антихриста втянуть православных в перепись и заставить платить себе дань? Так как перепись могла совершиться только с помощью священников, которые должны были показать, кто у них в приходах исповедуется и кто нет, то раскольники начали подкупать священников, чтоб те показывали их исповедующимися. Этим средством перепись была остановлена, что должно было сильно рассердить Петра и заставить его очень подозрительно взглянуть на раскольников; а тут Питирим донес, что раскольников во всех городах более 200000 и все еще размножаются (умножаются учением непрепинаемым); в Балахонском и Юрьево-Польском уездах их больше 20000. «Все они благополучию государственному не радуются, но паче несчастью радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рог к обладанию на церковь и

на гражданство; хотя они между собою и много несогласны, но на церковь все злобою согласны. Надлежит размножение остановить, чтоб нигде они не учили; а где станут раскольщики учить, хватать их и наказывать, а не худо учителей неявным промыслом смирить. Монахинь в лесу тысячи четыре будет: надлежит их всех взять в монастырь, а пища им хлеб да вода, а которые обратятся, тем подобающая пища, немногие останутся из них без обращения. Старцам, старицам и бельцам в лесах, полях, на погостах и по мирским домам никому жить не велеть под смертною казнию; а кому жить в лесу кельею вне монастыря – от архиерея писание возьми, и если так будет сделано, то раскольщикам из городов и уездов свозить будет некуда и постригать перестанут, только не надобно ослабевать, а вину положить для отводу, что по лесам в кельях живут беглые солдаты, драгуны, разбойники и разных чинов всякие люди, не хотя службы служить и податей платить. Беспоповщина твое царское имя в молитвах не поминают, а поповщина поминают только благородным, а благочестивым и благоверным не называют, церковь, догматы и таинства разными хулами хулят. Я все это знаю, чтоб мне все это не положено было за укрывательство, что не извещал, а если мне извещать, так они со мною говорить и сходиться не станут и обращению будет препятствие. Указ о том, чтоб не исповедовавшихся штрафовать, а раскольщиков окладывать, очень помогал обращению; но сделалось препятствие большое: попы едва не все укрыли раскольщиков, то писали исповедающимися, то никак не писали, а на которых в губернии ландратам и поданы росписи, то ни штрафов, ни раскольщикам окладу неположено, и от этого только благочестивые и обратившиеся в поношении и ругательстве. Требуем, чтобы для лучшего обращения штрафы на неисповедовавшихся и оклад на раскольщиков ежегодно был правлен неотложно, а мы под тесноту штрафов и окладов писанием удобнее к церкви присоединять будем. По городам и по уездам в старосты и бурмистры раскольщиков не выбирать для того, что они православным и обратившимся творят великое утеснение и обращению сущую остановку».

Внушения Питирима произвели желаемое действие. В марте 1718 года издан был указ: «Велеть взять у всех попов сказки с подкреплением извержения священства и лишением имения, что в поданных росписях в 716 и 717 годах не написали ль они неисповедавшихся исповедавшимися и раскольщиков, не написали ль под видом, что оные не противники церкви, и для того те дела и *Тиманскую* избу ведать ныне Златоустовского монастыря архимандриту Антонию. И буде после взяты сказки у которого попа сыщется противу поданных росписей неправда и утаение, и у таких попов, взяв имения их, присылать их архимандриту ради извержения к преосвященному митрополиту рязанскому, а по извержении отсылать для наказания к гражданскому суду в каторжную работу. Прежде взяты у них сказок чтоб он объявлял им, аще кому зазирает совесть, и для того, чтобы о утаенных ныне объявили правду своею волею, и аще ли которые объявят своею волею, таковым вины их прощати, и в том дать им сроку на три месяца, а после того сроку, хотя бы кто и принес вину свою, и таким не прощать». Антоний донес: «Из попов, которые написали в росписях неисповедавшихся исповедавшимися, явилось 109 человек, а из того числа некоторые явились и раскольщиков укрыватели». Еще в 1715 году Питирим жаловался царю, что определенные от Нижегородской губернии начальники, волостные приказчики и старосты препятствуют ему в обращении раскольников, так что и вход ему к раскольникам

запрещен, священникам учить их запрещают. Царь написал: «По сему прошению отца игумена Питирима запрещается всем ему возбранять в сем его равноапостольном деле, но повелевается паче ему вспомогать. Ежели же кто в сем святом деле ему препятствовать будет, то без всякого милосердия казнен будет смертию, яко враг святыя церкви; а буде кто из начальствующих не будет помогать, тот лишен будет имени своего».

На помощь Питириму отправлен был в Нижний Новгород гвардии капитан Юрий Ржевский: он должен был сослать на каторгу тех раскольников-мирян, которые будут укрываться от платежа двойного оклада; монахов и монахинь забирать в монастыри под начал; о заводчиках и учителях Петр собственноручно написал в инструкции Ржевскому: «Буде возможно *явную вину сыскать кроме раскола*, таких с наказанием и вырезав ноздри сослать на галеры, а буде нет причины явной, поступать с ними по словесному указу». Петр не хочет наказывать за раскол даже учителей и заводчиков. Ржевский должен был обо всем советоваться с Питиримом, но «как можно тайно, дабы о том другие никто не ведали», потому что Питирим писал, что он должен действовать осторожно, не подавать вида, что он участвует в преследовании раскольников, иначе «обращению будет препятствие, раскольники перестанут приходить к нему и беседовать».

Ржевский и Питирим должны были действовать в Нижегородской области, потому что здесь, в лесах на луговой стороне Волги и преимущественно на верховье реки Керженца, был один из главных раскольничьих притоков. В ноябре 1718 года Ржевский доносил царю: «Ныне до вашего величества послал раскольников обратных и замерзлых, они же и указу твоему учинились противны, положенного окладу платить не хотят, и за то биты кнутом, и вынуты ноздри, и посланы в каторжную работу числом 23 человека, а в том числе послан раскольщик обратный Василий Пчелка, который под образом юродства многих развращал в раскол и пакости деял; да женска полу 46 человек замерзлых послал в девичьи монастыри, положенного окладу платить отrekliсь, и за то учительницы их биты кнутом 13 человек».

Питирим был назначен епископом в Нижний; он жил дружно с Ржевским и в 1719 году писал к Макарову: «Прошу вашу милость, господа ради и ради святыя церкви, потщися о сем просить царского величества, чтобы Ржевскому в Нижнем быть вице-губернатором неотложно, понеже по премногу сильно дело раскольничье ко обращению и ко искоренению их строится, как лучше того быть невозможно. С раскольническими учителями, с дьяконом и прочими разменялись мы вопросами и ответами, и та размена по премногу церкви святой благополучна, а на ответы их я имею намерение сделать возражение. А люди из расколу ныне к нам зело стали быть к обращению наклонны, да и обращаются, и надеемся на милость божию, что обращение умножится. Только ныне нас нечаянный случай попремногу опечалил и навел сомнение: враг св. церкви, кормилицын муж (кормилицы кого-нибудь из царских детей) Стефан Нестеров, к нам в Нижний определен с двадцатого года был обер-ландрихтером, и знатно от раскольщиков есть какой-нибудь злой и хитрый умысл, а не просто таковой враг в Нижний к нам тщится на неустройство нашему делу, но на разорение, понеже раскольщики по сие время у нас весьма были бессильны и ни от кого в том помощи и надежды не имели, а сей враг хотя и неявно, но лестною станет их помощью обнадеживать, и

от того будет все неустроение. Юрья Алексеевич Ржевский впредь при том деле быть попремного боится, что кормилица Параскева Яковлевна, жена Нестерова, приезжая в Петербург, станет на него клеветать государыне царице; от сего не точию господин Ржевский, но и аз не без опасения. А я с ним, со врагом, колико мучился, понеже он тогда не тайно раскольщиков защищал, но явно и нагло за них, противу нас старался, а ныне у Юрья Ржевского в сыску раскол его, Нестеров, явно показан от многих свидетельств».

Нестеров не произвел неустроения делу; Питирим доносил царю, что в 1719 году обратились от раскола больше 3000 человек, кроме Нижнего и других мест, и все крестятся тремя перстами. «А которые не крестятся тремя перстами, – писал Питирим, – не надобно им послаблять ради обратившихся, да не ослабевают и те; хотя и во всем церкви повинуются, однако за двоеперстное знаменование брать с них штраф против сущих раскольников вполовину и от церкви не отлучать всяких тайн соединением. Многие, не хотя платить за раскол денег, побежали жить на реку Усту и на Мстнар-реку; эти реки хотя и Казанской губернии, но смежны с Нижегородскою; и тех беглых раскольщиков не повелит ли ваше величество приказать Ржевскому ведать и перевести на старые места, так и другим бегать будет неповадно; да и в других городах и уездах Казанской губернии чтобы их на старые места брать же. Юрья Ржевского по раскольническим делам в случае какого челобитья и навета, кроме Кабинета, чтоб не ведать из прочих коллегий». В 1721 году Ржевский доносил царю: в Нижегородской губернии явилось раскольников 46965 человек, из того числа обратилось 9194; в числе 46965 утаено было прежде 16749. Патриархом своим раскольники называли расстриженного попа Авраамия Иванова, который в 1719 году был наказан в Нижнем и с вырванными ноздрями отправлен был вместе с другими *замерзельными* раскольниками в Петербург на каторгу. Но дорогой к Москве Авраам с четырьмя товарищами подкупил караульных солдат тридцатью семью рублями и ушел; потом опять был пойман, в канцелярии тайных розыскных дел от раскола обратился и по решению новгородского архиепископа Феодосия отослан в Невский монастырь на исправление.

Мы видели, что Питирим, советуя меры строгости против раскольников, хотел казаться чуждым участия в этих мерах и предоставлял себе действовать только средствами увещательными. В докладной записке своей царю Питирим, между прочим, писал: «Книга *Соборное Деяние*, которая привезена из Киева на еретика Мартина, зело полезна к обращению. И дабы их (книг), напечатав довольно, разослать по вся епархии по церкви за достойную цену, понеже многие попы не точию других от расколу обращать, сами весьма правости церковной не знают и тою книгою исправляются». В этой книге, очень неискусно составленной, рассказывалось, что в 1147 году приходил в Киев монах Мартин, родом армянин, и написал книгу, в которой изложено было раскольническое учение о двойной аллилуиа, о двуперстном сложении и т.д., но на соборе 1157 года Мартин был осужден. По представлению Питирима книга была напечатана в 1718 году как древнее, современное событию сочинение. Мы видели, как Питирим извещал Макарова, что разменялся с раскольниками вопросами и ответами. По его словам, он еще в 1716 году, будучи игуменом в Переяславле, послал 130 вопросов на Керженец раскольникам дьяконова согласия – дьякону старцу Александру, старцу Варсонофию, старцу Герасиму, старцу Иосифу и всем старцам и бельцам;

раскольники прислали к нему свои вопросы, числом 240; он написал ответы на эти вопросы и много раз посылал к раскольникам с требованием, чтоб они приняли его ответы при всем народе и дали свои ответы на его вопросы. Раскольники долго отговаривались, наконец 1 октября 1719 года при многочисленном собрании народа в селе Пафнутьеве Балахонского уезда Дрюковской волости Питирим и раскольничьи старцы разменялись вопросами и ответами, причем Питирим опроверг их неправое ответствование и требовал правого; дьякон Александр и выборный старец Варсонофий с товарищами подали доношение, что ответы их неправые и отвечать право не могли, и просили в своих неправых ответах при всем народе прощения. Питирим донес об этом царю и получил в ответ следующее письмо: «Преосвященный епископ, письмо ваше мы получили с великою радостью, что господь бог чрез ваш труд истину святыя своей церкви прославить и противников оной безответных сочинить изволил. Пред несколькими временем один раскольник письмо в соборной церкви на патриаршее место положил, и ему сии отречения керженских жителей объявлены, но он тому веры ять не хочет и требует видеться с тамошними их учителями и о том просил, дабы ему позволено к ним писать, что ему и позволено, которое его письмо при сем прилагаю, и извольте призвать их к себе и им оное объявить, и чтоб они сюда ехали без опасения для объявления ему, что они учинили: также и ты изволь с ними приезжать сюды и подлинныя пункты, от них вам данные и от вас им ответствованные, также и письмо их отрицательное о своих пунктах и прочие тому подлежащие письма привезть с собою». К этому письму приложена была записка: «Письмо раскольническое покажи им у себя в келье и дай прочесть, а им не отдавай; понеже в оном есть увещательные слова, чтоб тем более в соблазн простой народ не привести, письмо же мое настоящее к вам можешь им показать для уверения, а сего им не кажите». В январе 1720 года Питирим и старец Варсонофий приехали в Петербург и явились к царю, причем Варсонофий подтвердил показание епископа. Но в то же время явился в Петербург и дьякон Александр и подал царю прошение, в котором рассказывал, что они пришли к Питириму в монастырь и просили, чтоб не требовал от них ответов на свои вопросы; Питирим велел их взять и держал за караулом с год, и они по принуждению, сидя в узах, писали к своим, чтобы составили ответы; ответы были написаны и поданы епископу в мае месяце 1719 года; после этого Питирим велел заковать их в кандалы и держал за крепким караулом до конца сентября, когда, отправившись в село Пафнутьево, велел и их везти туда же. Здесь старец Варсонофий принес им черновое доношение, велел переписать его на белом и, приложив руки, подать пред народом и ни в чем не спорить: «Хотя и станет епископ требовать, чтобы вы на вопросы отвечали, вы только кланяйтесь и говорите, что отвечать не можете». Они, истомленные заключением, боясь от епископа больших мук, ссылки, рванья ноздрей, не осмелились спорить и к невольному доношению приложили руки неправедно, а почему они провинились в своих ответах, не знают: епископ им об этом ничего не объявил. «Теперь, – писал Александр в заключение, – испугавшись суда божия и вечных мук за приложение руки моея к неправому доношению, приношу пред господом богом слезное покаяние и от вашего царского величества прошу правдивого рассмотрения чрез вопросы и ответы».

Просьба дьякона Александра передана была Варсонофию как выборному старцу скита; тот, прочитавши ее, объявил, что она написана без согласия со скитом, неизвестно по какому умыслу, они всем скитом с нею несогласны и стоят на первом доношении, которым объявили свои ответы неправыми. Петр дал собственноручное решение: «Дьякона пытать, к кому он сюда приехал и приставал и кого здесь знает своего мнения потаенных; а после пытки послать в Нижний и там казнить за его воровство, что мимо выборного старца воровски учинил». Дьякон не открыл сообщников и в Нижнем потерял голову. И тут Петр хотел показать, что Александр казнен не за раскол, а за то, что мимо выборного старца воровски учинил. Ответы Питирима на раскольничьи вопросы были напечатаны в 1721 году под именем Пращицы.

В Петербурге печатали Пращицу Питиримову, а из Сибири пришло известие, показывавшее, как трудно бороться с раскольническими представлениями: в 1721 году верхотурский таможенный подьячий Вавила Иванов подал сибирскому губернатору князю Черкасскому извещение, что он видел видение: «Белообразные мужи привели его в поле, на поле пропасть великая, наполненная людьми, а иных в ту же пропасть гонят, а те люди все опалены, как головни, а бороды и усы у них, как свиная щетина, одежда на них похожа на шведское платье, а на головах шапки, которые называются корабликами; и сказали мне белообразные мужи: люди в пропасти – брадобривцы, а товарищ твой, Михайла Лосев, без бороды явиться не смел, потому что когда по указу борода у него была обрита, то он ее сберег, и по смерти положили ее с ним в гроб. Сего видения оные белообразные мужи таить не велели, а велели донести до царского величества чрез духовника, что при родителях его в России брадобрития не было».

В то время как Питирим на востоке боролся с раскольниками, в Москве блюститель патриаршего престола Стефан Яворский должен был бороться с распространителями протестантского учения. Учителей иностранных и иноверных набралось много, сознание необходимости учиться у них, перенимать у них все более и более усиливалось между русскими людьми; для некоторых трудно было уберечься, чтоб не подпасть влиянию учителей и относительно религиозных верований. Учители-протестанты, приехавшие в Россию, по характеру своей деятельности да и по характеру своего исповедания не могли быть ревностными распространителями своих религиозных убеждений между учениками; они действовали отрицательно, свысока, с презрением и насмешкою относясь ко всему старому русскому, а следовательно, и к вере, позволяя себе вопросы: «С какой стати это и зачем то?», не отказываясь отвечать на вопросы любопытствующих учеников. Ученики, подпавшие авторитету учителей, как обыкновенно бывает с новообратившимися, не могли удержать своей ревности: одни действовали с большею или меньшею осторожностью, но другие дошли до фанатизма.

В апреле 1713 года префект Славяно-латинской школы донес митрополиту Стефану, что ученик той же школы, Иван Максимов, – еретик, не почитает угодников божиих, гнушается церковию апостольскою и многих к себе привернул на люторскую и кальвинскую веру. Максимова взяли к допросу в Духовный патриарший приказ, где он во всем заперся. Но свидетели показали, что он в присутствии товарищей сказал о Николае чудотворце: «Вот и Никола будет в пекле!» – и, когда другие заметили, что этого нельзя говорить, он отвечал: «А кто

с богом в беседе был?»; говорил, что не следует кланяться пред св. тайнами, потому что это простой хлеб и вино, не следует почитать мощей. Максимова отправили в Преображенский приказ: там с одной пытки он повинился, что о простом хлебе и вине говорил спьяна, об иконах же и мощах говорил, наслышась от пасторов. Тут же он указал на единомышленника своего, лекаря Димитрия Тверитинова, который прежде носил фамилию Дерюшкина; оговорил овощного ряда торгового человека Никиту Мартынова, что он к Тверитинову хаживал и в одной с ним прелести пребывает; Мартынов показал, что Тверитинов приходил часто в овощной ряд и при рядовичах проповедовал, что ненадобно кланяться иконам, и его, Максимова, смутил. Максимов оговорил также торгового человека Михайлу Минина, что учится той же прелести; оговорил фискала Михайлу Андреева; оговорил цирюльника Фому Иванова, двоюродного брата Тверитинову: Фома объявил, что иконам и мощам не кланяется, не исповедуется, не приобщается.

Узнавши об этих оговорах, Тверитинов и фискал Михайла Косов, отправились в Петербург, где пожаловались на напрасные гонения от Стефана князю Якову Фед. Долгорукому. Долгорукий и другие сенаторы, не любя Яворского, приняли их сторону, за них же стал и влиятельный архимандрит Невского монастыря Феодосий, также не любивший Яворского. По докладу Долгорукого дело еретиков передано было в Сенат, и Максимова со всеми оговоренными взяли в Петербург; здесь, в канцелярии Сената, они стали показывать другое. Максимов объявил, что все взвелено на него ложно, по мести префекта, который преследовал его за то, что он бил челом митрополиту Стефану на архимандрита Лопатинского и на него, префекта, за удержку жалованья школьникам; показания товарищей справедливы, но все это он говорил в шутку, а в Преображенском приказе винился, не стерпя жестокой пытки; на Тверитинова донес он в беспамятстве от боли и от страха, с Тверитиновым были у него только диспуты по обыкновению школьному. И Тверитинов показал, что Максимов приходил к нему и держал диспуты только для упражнения в латинском языке; если же показал на него что другое, то, верно, по научению Феофилакта Лопатинского: с Лопатинским в Симонове монастыре по принуждению вице-губернатора Ершова Тверитинов имел диспуты о призывании святых, причем Лопатинский взялся защищать церковное учение, а он принял на себя роль лютеранина; Лопатинский присылал сказать Максиму, чтоб он оговорил его, Тверитинова, и за это получит свободу, в противном же случае умрет на пытках; Максимов подтвердил, что действительно Лопатинский присылал к нему с этим. В Петербурге Максимов сговорил и с Мартынова; Мартынов в свою очередь сговорил с Тверитинова, показал, что последний настаивал только на том, чтоб поклоняться не иконе, но изображенному на ней. И Фома Иванов в Петербурге объявил себя православным, только прибавил: на каком месте прилучится ему творить поклонение, и он поклонение творит самому богу и отцу духом и истиною, а не написанным иконам поклоняется; мощам не поклоняется для того, что его, Фому, сотворили не они, но вышний бог.

В июне 1714 года состоялся указ великого государя: Максимова, Мартынова и Фому Иванова послать в Москву к митрополиту Стефану; хотя они и сказали, что пребывают в православии, однако все еще их освидетельствовать духовно, истинно ли они православную веру содержат твердо, и если явится, что истинно,

то, взяв у них исповедание на письме, за их руками, в торжественный день в соборной церкви велеть им самим о себе объявить, что они в православной вере пребывают твердо, дабы тем об них народное мнение искоренить; Фому Иванова, так как он по розыску явился неисправен, духовно исправить, и если он в познание придет, то и с ним поступить так же, если же нет, то отослать его к гражданскому суду для казни; Тверитинова же на основании свидетельства духовника только объявить всенародно в соборе, что противления в церковных догматах никакого за ним не признано, дабы мнение о нем искоренить. Но митрополит Стефан считал себя вправе поднять снова дело: у него были в руках сочинения Тверитинова, в которых ясно высказывалось неправославное учение и которых нельзя было оправдать целью диспута. Яворский предписал: еретиков разослать в разные московские монастыри и держать за крепким караулом, не допуская к ним никого, потому что в приказ приходят к ним такие же противники на большее развращение, да бумаги и чернил не давать, чтоб писанием больше ересей не рассевали; а если Тверитинов пожелает написать полное отречение от ересей и объявит сообщников, то позволить ему писать. При этом митрополит объявил, чтоб всякий приносил доносы на еретика, кто что знает, а кто утаит, будет под соборною клятвою.

Доносчики явились. Префект славяно-латинских школ иеромонах Гавриил показал: «Тому лет с шесть или больше, когда я жил в Заиконоспасском монастыре в одной келье с бывшим префектом Стефаном Прибыловичем, прихаживал к нему Дмитрий Евдокимов Тверитинов с своими сомнениями о догматах церкви восточной и спорил с ним, приводя писания лютеранские и кальвинские; как ни старался Прибылович утвердить его в догматах церковных, он остался при своем и говорил, что все предания, кроме писания, суть басни человеческие. Ездили мы с Прибыловичем и в дом к Тверитинову, увидавши у него в углу одну икону, Прибылович сказал: „Слава богу, и у тебя есть икона!“ „Эту икону, – отвечал Тверитинов, – держу я не для себя, а для жены, которая еще не совершенно познала истину; я же, по писанию, единому богу поклоняюсь и его единого почитаю“.

Священник от Пимена в Воротниках, Иван Иванов, донес: «В 1708 году приходил я со святынею в дом к дочери своей духовной вдове Евдокии Тверитиновой, и сын ее Димитрий к кресту не подошел; когда я спросил его, веруешь ли в церковь? – то он отвечал: „Я сам церковь живая“. Я спросил у матери: „Есть ли у твоего сына в доме иконы?“ Она отвечала: „Что ты, батюшка! Каким у него быть иконам?“ Я спросил ее: „Как давно сын твой стал отвратен от св. церкви и от икон?“ Она отвечала: „Как от меня отошел прочь и стал искать науки у докторов и лекарей в Немецкой слободе, с тех пор и стал отвратен, и я к нему за то стала мало ездить“.

Архимандрит Феофилакт Лопатинский объявил: «Однажды встретил я Тверитинова у графа Ив. Алексеевича Мусина-Пушкина, который был болен; граф говорил ему: „Для чего это ты затеваешь? Для чего не отстанешь от своего злоумствования? Бедный, бедный, жаль мне тебя! Если ты не от ереси, а от любопрения приводишь эти противности, то для чего говоришь перед невеждами? Для удостоверения о своем православии отвечай на свои тетради“. Тверитинов сказал на это: „Не могу решить я этих писаний, которые собрал от священнейшего

писания“. „Вот тебе поможет архимандрит Феофилакт“, – сказал граф. Тверитинов промолчал».

Симоновский архимандрит Петр Смилянич, родом серб, показал: «Приезжал в Москву по сербским делам полковник Пантелеймон Божич, которому отвели квартиру вместе с лекарем Дмитрием Тверитиновым. Полковник приезжал к суздальскому митрополиту Ефрему (Янковичу, сербу) и говорил ему: „Мы думали, что в Москве лучше нашего благочестие, а вместо того худшее иконоборство, чем у лютеран и кальвинов, начинается какая-то новая ересь, что не только икон не почитают, но ругают и идолами называют, а поклоняющихся – заблудшими и ослепленными. Человек, у которого отведена мне квартира, какой-то лекарь и, кажется, в политике не глуп, а на церковь православную страшный хулитель, иконы святые и священнический чин сильно уничижает; всякий вечер приходят к нему русские молодые люди, сказываются учениками немецкой школы, которых он поучает своей ереси, про священнический чин, про исповедь и причастие так ругательно говорит, что и сказать невозможно. Я не мог снести ругательства вере христианской и чуть в беду не попал, вчера вечером саблею чуть всех не перерубил, вынул саблю и всех еретиков выгнал из хором; а нынче поутру пришел он ко мне с женою, упал в ноги и просил прощенья: «Пожалуй, не гневайся на нас, ныне у нас на Москве, слава богу, вольно всякому – кто какую веру себе изберет, такую и верует, а мы при милости твоей больше об этом не станем говорить, если тебе не нравится“.

Князь Семен Михайлович Козловский сказал: «Тверитинов говорил мне: „Откуда вы взяли поклоняться иконам?“ – и о многом церковном поведении толковал по лютеранскому разумению, монашество и посты уничтожил; я ему воспрещал градским судом, а он мне на это говорил: „Вы истины познать не можете, только страшаете мучительством“».

Московский вице-губернатор Василий Ершов донес: «Знаю подлинно, что лекарь Тверитинов еретик и учитель ереси, а ученик его Котельной слободы Михайла Андреев Косой (фискал) ереси его излиха ревнитель: комиссар Сергеев, у которого болели глаза, спросил Тверитинова, чем ему лечиться. Еретик отвечал: „У вашей милости есть лекарство изрядное: изволь купить глазок или оба серебряные и отнеси к Пятнице Проще, что на Пятницкой улице, и глазки твои здоровы будут; а ежели у вашей милости болят зубки, то изволь купить зубок серебряный Антипе чудотворцу“. При этих словах еретик так расхохотался, что повалился на то место, где сидел. Однажды мне случилось вешать иконы в хорах моих; случился тут еретический послушник Косой и, смеясь, говорил: „Для чего гвозди колотишь? Поставь к стене так, чтоб сами собою стояли, без гвоздей, а на гвоздях и все другое стоит“. Во все время моего знакомства с Тверитиновым и Косым не помню ни одного свидания, чтобы не слышал от них какой-нибудь противности».

Игумен Макарьевой пустыни (Бельского уезда) Тихон сказал: «Ночевал я однажды у Тверитинова в доме, и он, вставши поутру, по обыкновению умылся и, обратясь к картине, что-то немного пошептал, а на картине написаны золотыми буквами две первые заповеди».

Леонтий Магницкий показал, что Тверитинов при нем говорил: «Святые по смерти ничего не чувствуют и себя не знают», на что пленный швед Брендер сказал: «И нашему лютерскому учению противен».

Справщик Федор Поликарпов объявил, что присутствовал при споре между Тверитиновым и графом Мусиным-Пушкиным: «Нача убо граф обличати Дмитрия чином диалектическим и аргументами; но Дмитрий отречеся, сказуя себя тоя науки несведуща, и потом отвещеваше на всякое предложение нерегулярно, но яко не ведая писания, ни силы божия, опираясь токмо на письмо нагое, яко же древле и ныне иудеи, к ним же речеся: письмо убивает, а дух живит. И от правые убо страны рать не без огня Илиины ревности яже по бозе и по восточной церкви бяше; от левые же тихотинная вода изливаше глаголы потопные, языком льстивым и ласкательным, но словесы ненавистными, обаче не сильными и чинными, по мужицкими неправильно».

Подали донос на Тверитинова теща его, купчиха, шурья, из которых один был ученик лекарских дел, другой монах Пафнутий, написавший против зятя-еретика книгу *«Рожнец духовный»*. Показывали, что учениками Тверитинова наполнен Серпухов, что ученики его все живут в довольстве, потому что друг другу помогают. Современники оставили нам любопытное описание Тверитинова, его разговора: «Имеет по нраву уклонное, мягкое и весьма льстивое, так что уже и телом своим не может быть не уклонен, не уступчив, не прегибателен на тот бок и на другой; також де и шею свою и на то и на другое плечо полагает и сам весь изгибается и говорит очень вежливо, утешно, смехом растворяя; приступает и уступает и всячески мастерит, дабы тому, что с кем-нибудь говорит, приятен был, и таковым понравившем так одарен, что едва равного ему обрести можно».

Вследствие этих доносов дело началось снова и тянулось долго. Стефан был обвинен в неисполнении царского указа, был вызван в Петербург, и здесь дело о Тверитинове рассматривалось в Сенате. По свидетельству одного современного известия, в первое заседание «начали говорить немирно и нечинно, но рвением и укоризнами митрополита всячески поносили с великим и бесчинным криком»: обвиняли его в злобе, гордости, клевете, укоряли за проповедь о фискалах; говорили, что он накупил на Тверитинова и товарищей его ложных свидетелей. Стефан говорил своим противникам: «Вы не тех дел судьи; вам надлежит судить тех, кого мы пришлем к вам, в гражданский суд, уже осудивши духовно». Только Апраксин и Меншиков заступались за Яворского. Говорят, что Петр, узнавши о ходе дела, писал сенаторам, чтоб «суд вели правильное, следовало бы настоящее, им порученное дело и посторонних дел и речей не привносили, чтобы крику не было, а было бы все благочинно». 14 мая назначили произвести очные ставки между обвиненными и свидетелями. Приехал и Яворский, но сенаторы сказали ему, что ему при очных ставках быть не следует. Стефан не соглашался уехать; наконец после долгих перебранок вышел из заседания и отправил письмо к государю: «По твоему, великого государя, указу велено мне в св. čtyрдесятницу присутствовать в судебной избе при деле, которое зачалось с новоявленными еретиками; и я в то время хаживал беспрепятно во всю седмицу крестопоклонную, и никто же мене тогда не изгонял; а ныне, мая в 14 день, по прежнему указу пришел я в судебную избу для слушания и решения того же дела, и меня превосходительные господа сенаторы с великим моим стыдом и жалем изгнали вон, и я, плачущ исходя из палаты судебной, говорил: бойтесь бога, для чего не по правде судите? Сего же речения моего сия суть вины: а) книги, Дмитрием Тверитиновым писанные, и лист на развращение народа от него же писан и раздаван в народ, яве его показывают быти еретика. То все на суде уничтожено или на

какое время оставлено, и вида тому не показано, б) Велят давать очные ставки ответчикам с свидетелями, а в прошлом 205 (1697) именным царским повелением писана статья: велено во всяких делах допрашивать свидетелей и верить свидетелям трем, и двум, и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между ответчиком и свидетелем, а ныне на оных раскольщиков многое число священного и монашеского и мирского чина знатных персон, свидетельствуя их неистовство, письменно обличают: и тем свидетелям и явному обличению не поверено, а для чего, тому вида не показано, а надлежало против всякого свидетельства раскольщиков допрашивать, а они ни против одного не допрашиваны. в) Неции от раскольщиков винулись в Преображенском, и прочих товарищей своих, и учителя своего, Дмитрия Тверитинова, выдали, а пред Сенатом всего того заперлись, и то мимо пущено и в переменных речах не разыскивано».

Удивительно, что в этом доношении митрополит не упомянул о происшествии, случившемся еще 5 октября 1714 года. Один из еретиков, Фома Иванов, был отдан под начал в Чудов монастырь, и велено его в оковах приводить в церковь во время службы; 5 октября, после заутрени, Фома вынул косарь, принесенный им тайно из кельи, и перерубил по лицу образ св. Алексия митрополита «в церкви Благовещения, за железною решеткою стоящий по человечеству резной на серебре»; монахи и лампадчики едва успели схватить его и удержать. Приведенный в Духовный патриарший приказ, Фома сказал: отец его был посадский человек и жил в Твери; он, Фома, учился грамоте у попа; 22 года тому назад приехал в Москву, жил в разных домах, нанимался работать, на исповеди не бывал, в церкви хаживал и молился истинному богу, а иконам не поклонялся; в прошлом 1713 году велено сыскать его в Преображенский приказ, где расспрашиван об иконоборстве, послан был в Петербург, оттуда – в Чудов монастырь и порубил образ для того, что икон, креста и мощей не почитает и не поклоняется, ибо иконы и крест – дела рук человеческих, а мощи его, Фому, не милуют; призывания святых и молитвы за умерших не приемлет, в евхаристии не верует быти истинному телу и крови Христовой, но просвира и вино церковное просто, и в книгах Ветхого и Нового завета не нашел ничего этого. Ни у кого не учился, до всего дошел сам, других не учил и не знает, кто бы с ним одинаково думал; подал покаяние, чтоб получить свободу, а если б получил свободу, творил бы прежде; лекарь Тверитинов ему брат двоюродный.

Дело протянулось весь 1715 год. 22 февраля 1716 года царь дал указ Сенату: «По делу Дмитрия Тверитинова, разыскав, и оное конечно вершить, и которые по тому делу приносят или принесут вины свои, тех разослать к архиереям в служение при их домах, и чтоб имели за ними крепкий присмотр, дабы непоколебимы были в вере, а которые не принесут вин, казнить смертию». Не принес покаяния один Фома Иванов и был казнен.

Только что кончилось дело о Тверитинове с товарищами, как началось другое – о еретиках, между которыми главную роль играла женщина. В мае месяце 1717 года была захвачена жена ходока приказа Земских дел Ивана Зимы, Настасья, со многими другими людьми обоего пола. В Патриаршем духовном приказе Настасья объявила, что она дочь беглого дьячка, выучена грамоте, года с четыре в церковь не ходит, не исповедуется и не причащается, потому что купила она на Печатном дворе книги и читала их себе и другим людям, которые к ней приходили и теперь взяты вместе с нею в ее доме; в этих книгах не написано, что иконам кланяться,

хлеб и вино почитать и верить; она эти книги в доме своем читала и толковала, они ее слушали и по тем книгам так же делали, а приходили к ней в дом в воскресные дни в обедню; иконам и кресту она, Настасья, не кланяется и за святую их не почитает, потому что это дело рук человеческих, а молится она и других учит молиться богу духом и истиною; креста на себе не носит, крестного знамения на себе не полагает и иным людям креститься не велит, церкви и предания учителей церковных не слушает; а муж ее, Иван, в церковь ходит, и отца духовного имеет, и ее, Настасью, от того унимает, и она его не слушает; молитву Иисусову говорит она так: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя, грешную!» – а не читает молитвы: «Господи Иисусе Христе, боже наш!»

Взятый вместе с Настасьею портной Алексей объявил, что однажды на дороге встретился с ним священник из Устюжны, который говорил ему, что надобно бога познавать из евангелия и кланяться ему духом и истиною, а не телом, и прибавил: «От других попов ты этого не услышишь!» Пришедши по своему ремеслу в дом Зимы и заставши его жену за чтением евангелия, он, Алексей, познакомился с нею и стал ее слушателем. Золоту, серебру и дереву поклоняться бог не велел; отца духовного он, Алексей, не имеет, потому что нам отец духовный – царь небесный; в причащении питается хлебом и вином тело, а душе корысти нет, душа причащается словом Божиим. Товарищи Алексея объявили, что они прихаживали к Настасье для слушания и поучения св. писанию, потому что Настасья умеет грамоте и учительна от божественного писания; сходились к ней по слухам, что есть жонка, читает евангелие; Иван Зима объявил, что держит такое же учение, какое и жена его, никто его тому не учил, похотел так делать волею своею.

Еретиков забрали в *Бедность* – так называлась колодничья тюрьма в Преображенском приказе. Многие покаялись, но Иван Зима с женою и шестеро других остались при своем. Привели к пытке: одна женщина повинилась пред пыткой, один мужчина повинился после двух ударов кнутом. Настасья выдержала 40 ударов, муж ее и другие – по 30 и говорили прежние речи. Настасье дали еще 15 ударов – прежние речи; но муж ее и другие у дыбы, а иные с подъему повинились. Настасью привели в третий раз, дали 30 ударов – прежние речи; но, когда привели в четвертый раз, повинилась и Настасья.

В учении Тверитинова явно влияние учителей протестантов; учение Настасьи Зимы явилось, как видно, самостоятельно, но направление то же. Рядом с этою пропагандою шла католическая, как видно из царского указа о вторичном изгнании иезуитов. Мы упоминали о первом изгнании их после падения Софьи, по настоянию патриарха Иоакима. Но потом, когда начался усиленный приплыв иностранцев разных исповеданий в Россию, иезуиты успели опять пробраться в Москву, завести здесь школу и начать пропаганду. 18 апреля 1719 года майор Румянцев получил собственноручный царский указ: «Приехав к Москве и объявив тайно обер-коменданту, вечером ехать в слободу в иезуитский монастырь, в полночь осмотреть там и взять все их письма, а как рассвет, объявить им указ и потом, дав им убраться, послать с Москвы за рубеж с добрым провожатым; однако велеть их задержать в Можайску, а тем временем письма их чрез учителей наших школ пересмотреть и буде какие письма явятся подозрительные, то оные перевести и привезти с собою, а их не отпускать. Понеже слышим, что оные

учеников многих в свой закон привели, а наипаче из мещанского, того тако ж освидетельствовать, а кои приличатся в сем или ином, арестовать».

В то время, когда нужно было принимать сильные меры, чтоб остановить пропаганду католическую, протестантскую и раскольничью, с другой стороны принимались меры для распространения пределов русской церкви на Востоке. В 1714 году сибирский митрополит-схимник Феодор (Филофей Лещинский) получил указ ехать в землю Вогульскую и Вотяцкую, к татарам, тунгусам и якутам, и, где найдет кумиры, кумирницы и нечестивые чтителища, все пожечь, а всех иноземцев приводить в христианскую веру, и, которые иноземцы крестятся, тем давать царского жалованья, холст на рубахи, и в ясаку им льгота будет. В следующем году новый указ: если люди магометской веры, за которыми есть русские крестьяне, примут православную христианскую веру, и за ними русским крестьянам быть по-прежнему, а которые креститься не захотят, у тех русских крестьян с пашнями и со всеми угодьями отписать на государя. В Казанской губернии проповедание христианства между иноверцами, надзор за новообращенными и обучение их христианскому закону возложены были на архиерейского казначея, иеромонаха Алексея, а вице-губернатору Кудрявцеву велено было помогать ему. В 1719 году Алексей просил у губернатора несколько денег на покупку новокрещенным икон, крестов и других нужных вещей; губернатор отказал, но вице-губернатор выдал ему из кабинетных денег 30 рублей. Алексей по возвращении с проповеди объявил Кудрявцеву, что он крестил 379 черемис и 30 рублей все на них издержал; объявил также, что если новокрещенным пред другими дана будет льгота в податях, то много обратится; при этом Алексей требовал царского указа, откуда ему вперед брать деньги. Когда Кудрявцев дал знать об этом Макарову, то определено было давать Алексею деньги из сбора с венечных памятей; в том же году Сенат издал указ о предоставлении новокрещенным свободы от всяких сборов и податей на три года.

Но разумеется, самым могущественным средством для успешной обороны и наступления должно было быть внутреннее устройство и сила церкви. Монахи жаловались, что государство не щадит их казны и доходов: у Троицкого монастыря было взято в 1696 году на ратных людей 50000 рублей; в 1696 году – 20000; в 1697 – 20000; в 1700 году – 30000; в 1701 – 5000; всего взято в разные приказы 125000 рублей; да в подношении великому государю: в 1700 году – 5000 рублей; в 1701 – 25000 рублей, 2000 золотых червонных, 1000 ефимков; в 1702 году – 25000 рублей; в 1703 – 10000; в 1704 – 5000; в 1705 – 3000; в 1707 – 3000; в 1709 – 3000; в 1711 – 7000; в 1714 – 5000; в 1715 – 4000; в 1717 – 4000; в 1718 – 4000; в 1722 – 4000; кроме того, от Троицкого монастыря было отписано 4412 дворов (на олонецкие верфи, Григорью Писареву и на Невский монастырь). Но жалобщики своим поведением уничтожали силу своих жалоб, показывая неспособность употреблять доходы как следует. Уже известный нам по астраханским событиям Георгий Дашков, сделанный из троицких архимандритов ростовским архиепископом, писал царю в 1718 году: «Чернецы спились и заворовались; Второв монастырских денег (Троицкого монастыря) украл 500 рублей; Ремезов, будучи в Астрахани, покрад монастырский клей; Киржацкий, пьяница и блудник, из монастыря бежал, а теперь явился с такими же ворами, со Второвым и Ремезовым, хотя своего воровства избыть, на меня доводят, стараются, чтоб мне нанести напасти, обвиняют меня в похищении казны, отчего

я себя мнением безвременно смертельно убиваю. Клянусь богом, что ни в чем невинен. Слезно прошу о обороне, потому что не один уже год мне от этих клеветников волокита и разорение и немилостивое ругание; и если ваше величество не помилует, то конечно меня, беззаступного старца, с сего света безвременно сгонят».

Чтоб усилить нравственное значение белого духовенства, главным средством было обратить внимание на поставление в священники и дьяконы достойных людей, противодействовать обычаю, по которому места передавались по наследству, продавались, находясь в зависимости от домов священнослужительских. Набор детей духовенства в военную службу еще более увеличил число недостойных священников и дьяконов, потому что молодые люди бросились на места, чтоб отбыть от военной службы. В марте 1711 года новоучрежденный Сенат, соединившись с церковным собором, вместе издали следующее постановление. Освященному собору и правительствующему Сенату ведомо учинилось: когда начали брать на службу людей молодых, к воинскому делу пригодных, то дьячки, пономари, сыновья поповские и дьяконовские различными коварными образами и лжесоставными челобитными похищают себе чин священства и дьяконства неправильно и несправедливо, иногда лет подобающих не имея, иногда посвящаясь в лишние попы или дьяконы, отчего бывает несогласие, вражда и соблазн между священным чином, а государевой службе в настоящих нуждах умаление. Освященный собор, советовавшись с правительствующим Сенатом, приговорили послать к преосвященным архиереям следующие статьи с великим подкреплением: 1) не ставить в дьяконы моложе 25, в священники моложе 30 лет; 2) не посвящать лишних, но, где прежде было по одному, там пусть и теперь так остается; 3) не верить дьячкам, которые придут посвящаться на место попа больного или престарелого, но самого попа поставить перед собою и взять у него сказку с подкреплением, что вперед служить и треб исправлять не будет; 4) в скудные приходы дьяконов не посвящать; 5) перехожих грамот к другой церкви и на крестец (наниматься служить в домовых церквах) отнюдь не давать, кроме самой большой нужды, например когда два попа будут у одной церкви, а приход оскудеет; 6) заручные челобитные осторожно рассматривать, не ложные ли: есть ли рука помещика, есть ли отписка от старосты поповского; 7) послать указы к поповским старостам, чтоб отписок не давали, прежде чем сами побывают в приходе и допросят крестьян, угоден ли им тот дьячок; 8) в слушании ставленников поступать осторожно и строго, если явится неуменье и коснотченье – отказывать; 9) если кто из архиереев тому указу противным явится, такой подвергнется государеву гневу и удалению от престола. В 1718 году было подтверждено: детей духовенства, кто пожелает, учить в школах заранее, чтоб были годны в попы, и посвящать только таких, которые по учению будут достойны; постановлено также священникам своих домов не иметь и не продавать, жить им в домах, купленных на сборные церковные деньги, для чего быть у всякой церкви старостам, которые сдают дома новым попам и вновь пристраивают на церковные деньги.

Исключение из правила – не давать перехожих грамот от одной церкви к другой – было ограничено только одним случаем, когда нужно было освободить оскудевший приход от двоих священников; и потому когда прихожанам хотелось перевести к себе известного им священника от другой церкви, то они подавали об

этом прошение царю. В описываемое время для белого духовенства выбор поповского старосты был очень важен, вследствие того что оно не изъято было от разных поборов; священники давали запись об избранном ими старосте: «Будучи ему в старостах поповских, всякие государевы дела управлять с радением, окладные и неокладные денежные государевы доходы собирать и отвозить в Патриарший казенный приказ; а он, поп, человек добрый и смирный и не пьянствует, и в сборе денежной казны мы ему верим». Для сбора денег на драгунских лошадей священники выбирали иногда особого сборщика; городские платили по два алтына три деньги, а уездные – по 10 денег с двора. При выборах поповских старост случались злоупотребления: священники Александровской десятины Переяславского уезда Залесского били челом царю, что священники Новоалександровской слободы и ближних к ней сел выбираются в старосты по взаимному согласию, а дальних священников для выбора в совет не призывают и выбранные таким образом старосты приезжают в отдаленные села многолюдством с своими прихотями, причиняют духовенству большие убытки, с ними же приезжает подьячий Малыгин, без выбора от духовенства, всячески нападает и берет великие взятки не по мере. В начале 1721 года подана была любопытная просьба царю от севского духовенства: «Посвящен в севский Спасов монастырь в архимандриты Троице-Сергиева монастыря иеродиакон Пафнутий по прошению севских градских обывателей, и повелено ему между нами всякое правление иметь; а к сбору казны на год с переменою из нашей братии по два человека священников; и выборные священники казну собирают в домах своих, а не при нем, архимандрите, и берут с нас на отвоз себе излишние деньги без ведома его, в чем нам бывает не без обиды, а от него, архимандрита Пафнутия, таких нам обид не бывает: так чтоб сбору быть у него, архимандрита, потому что он человек добрый, и мы ему в том сборе верим, а тем выборным за такие нам обиды быть не довелось». Просьба была исполнена.

Приведенные меры для поднятия духовенства объясняются словами Посошкова: «Священство столп и утверждение всему благочестию и всему человеческому спасению. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а в книжном учении и разумении не весьма довольны. Я признаю, что от оплошки архиерейской так чинится, потому что архиереи полагаются на служебников своих в поставлении поповском; служебники примут от новоставленника дары и затвердят ему в псалтыри псалма два-три и перед архиереем заставят вытверженное читать; ставленник ясно, внятно и поспешно пробежит, и архиереи, не ведая ухищренного подлога, посвящают в пресвитеры, и от такого порядка у иных грамота и плоха. От пресвитерского небрежения уже много нашего российского народа в погибельные ереси уклонилось; в Великом Новгороде едва ли и сотая часть найдется древнего благочестия держащихся. А пресвитеров хотя и много в городе, однако не пекутся, чтоб от такой погибели их отвратить и на правый путь направить; есть и такие пресвитеры, что и потакают им, и потому церкви все уже запустели. В Новгородском уезде, в Устрицком погосте случилось мне быть: у церкви три попа, а на св. пасху только два дня литургии были, а тутошние жители сказывали, что больше одной обедни на св. неделе прежде не бывало, теперь меня поопаслись и отслужили две. Я таких стариков много и в Москве видал, что лет им под 60 и больше, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольников, но ради непонуждения пресвитерского. Такой у

них обычай был, что, не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали». Такое положение дел повело к указу 1716 года о хождении на исповедь повсягодно и штрафе за неисполнение этого правила; в 1718 году указ был повторен; велено было также ходить в церковь в воскресные дни и господские праздники и запрещено торговать в эти дни; выбирать в должности позволено было только таких, которые ежегодно исповедовались. С целию религиозною соединялась еще здесь и другая: в церквах после обедни читались новые указы, о которых народ мог узнавать только этим средством, ибо листы, прибитые к городским воротам, не были доступны для безграмотных. В указе 1719 года говорится: «Понеже есть такие отчаянные, что никакой доброй совести не имеют и не хотят того слышать, что им судом Божиим и здешним запрещается, и те места противны им, где слово Божие и повеление монаршеское читается: того ради не токмо в недельные дни, но и в господские праздники в церковь не ходят, дабы отнюдь того не слышать, что противу совести их читается, и для того всех таких, которые в день воскресный или в господский праздник во время Божией службы будут где шататься, кроме самой крайней и необходимой нужды, а на молитву к слушанию слова Божия и указов, которые в народ в такие дни при церквах публикуются, не пойдут, ловить и ими розыскивать, понеже и такие за недобрых людей почитаются, которые от христианского собрания удаляются». В том же году государь велел объявить в Москве, чтоб в церквах во время пения литургии стояли с безмолвием, а если кто начнет разговаривать, с того брать штраф, не выпуская из церкви, по рублю с человека, и употреблять на церковное строение; для надзора употребить кого пристойно из людей добрых.

Высшее церковное управление продолжало находиться в переходном состоянии: патриарха не было. Блюстителем патриаршего престола оставался по-прежнему рязанский митрополит Стефан Яворский и по-прежнему находился не в ладах с светским правительством. Прежде Мусин-Пушкин был непрошенным советником блюстителя патриаршего престола; теперь учрежден был Сенат, и церковный собор вместе с ним делает постановление о том, как должно происходить поставление священников; блюститель без Сената не может назначить архиерея на епархию; в 1711 году Яворский сделал представление об архиереях; ответом был указ: «В Ростов дается на соизволение архиерейское *купно с Сенатом*, только быть епископу, а не митрополиту». Мы уже упоминали о проповеди Стефана на 17 марта 1712 года, где заключалась выходка против фискалов; ноне одна эта выходка заключалась в проповеди. «Се, – говорил митрополит, – имате мзду закона Божия разорители, и слышите громы заповедей Божиих преступницы: того ради не удивляйтесь, что многмятежная Россия наша доселе в кровных бурях волнуется, не удивляйся, что по толиких смятениях доселе не имамы превожделенного мира; кто закон Божий разоряет, от того мир далече отстоит; где правда, там и мир. Море свирепое, море – человеке законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий, берег есть, во еже непрелюбы сотвори, не вожделети жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть, во еже хранити благочестие, посты, а наипаче чetyредесятницу, берег есть почитати иконы. Христос гласит в евангелии: аще кто церкви не послушает, буди тебе яко язычник и мытарь». Так как проповедь говорилась 17 марта, в день св. Алексия, человека Божия, и в день именин царевича Алексея, то Стефан заключил ее молитвою к св. Алексию: «О

угодниче божий! не забуди и тезоименника твоего, а особенного заповедей божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой: он також-де по чужим домам скитается; ты удалился от родителей: он також-де; ты лишен от рабов, слуг и подданных, друзей, сродников, знаемых: он також-де; ты человек божий: он також-де истинный раб Христов. Молим убо, святче божий! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду, покрый его в крове крыл твоих, яко любимого птенца, яко зеницу, от всякого зла соблюди невредимо».

В церкви присутствовали сенаторы; на другой день они явились к митрополиту с упреком за возмутительную для народа и оскорбительную для царской чести проповедь; они вытребовали проповедь на письме для отсылки к государю и запретили Стефану проповедовать. Петр, получа проповедь и прочтя в ней обличение человеку, бросившему свою жену, не хранящему постов, не слушающему церкви и потому долженствующему быть для членов церкви как язычник и мытарь, заметил собственноручно: *«Перво одному, потом с свидетели»*. Из этого видно, что Петр не считал проповедника обязанным щадить слабости и пороки сильных; но в свою очередь заметил, что и Стефан не соблюл евангельского правила, повелевающего сначала обличить наедине, потом со свидетелями, наконец, уже в церкви. Стефан написал ему оправдательное письмо: «Известно вашему царскому величеству, как я на едино повеление царское оставил свое схимническое житье, которое обещал господу богу, на смертной постели лежа, и хотя ужасно мне было сломать обет, однако ж монаршей воли не дерзал противиться и ныне послушание свое по силе моей божию помощью управляю, в проповеди слова божия, как могу, так труждаюся. Но враг, ненавидя добра человеческого, различные мне в том препятия творит и ныне сотворил таковым образом: говорил я казанье, кричал к народу, увещевая, дабы хранили заповеди господни, если хотят иметь и на сем свете благополучие, и в небе живот вечный. Были на том казании господа сенаторы; на другой день они пришли ко мне и стали меня, бедного, обличать, укорять и претить за то, будто я в бунт и мятеж народ возмущал и будто царской чести касаюся дерзословием. Богу свидетельствующу, ниже в помышлении моем, кольми, паче в намерении такого лукавого дела я и не думал. Уже тринадцать лет, как в царствующем граде по вашему, монаршему, указу проповеданием слова божия труждаюся, и вся Москва меня слушала, да и сам ваше царское величество изволили слушать моей убогой беседы, и никто не ощутил в моих словах мятежа. А господа сенаторы ставят мне в вину то, что я говорил о фискалах, и хотели послать слова мои к вашему царскому величеству, а мне отселе запретили казанья говорить». Стефан по-прежнему просился в Донской монастырь, где бы мог посхимиться; по-прежнему он остался митрополитом и блюстителем патриаршего престола; адмирал Апраксин дал ему знать об этом, и Стефан писал царю: «Яко радостни бывают корабленицы, по страшных шумах водных получивши ведро, тако и я, волнами печалей смущаем, ныне получил радостную тишину, егда известился писанием его милости господина адмирала о премилостивом вашего царского величества на мене, раба своего, призрении. Аще же сподоблюся хотя едину литеру, самую монаршею ручкою ко мне начертанну, видели, то и паче возрадуюся и всех печалей, сердце мое снедающих, забуду». Дело Тверитинова с товарищами произвело новые шумы водные: в действиях Стефана царь видел превышение

власти, и Яворский счел нужным умолять царя о прощении «писанием, слезами, а не чернилами писанным».

Между тем царь принял меры для обеспечения и себя от «шумов водных»: в 1716 году константинопольский патриарх Иеремия прислал ему разрешение: по причине нездоровья есть мясо во все посты, кроме недели перед причастием; у того же патриарха испрошено разрешение употреблять скоромную пищу в посты солдатам за границею во время похода. В начале 1716 года Стефану хотелось съездить в Нежин, где он строил монастырь; для этого он обратился к новорожденному царевичу Петру Петровичу, поздравил его с пришествием на сей свет и бил челом, чтоб исходатайствовал ему у отца отпуск. Отпуск был дан, но еще прежде митрополит получил от царя любопытное письмо: «Понеже архиереи хотя по положениям и обетам и обещаются хранить церковные уставы вкупе, но ради некоторых у нас небрегомых дел, изъяснение особое написав, при сем посылаю». По этому особливому изъяснению, архиерей при поставлении должен был обещаться: 1) «еже кого-либо по моей страстной воле или каких ради ссор со мною или с моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и от таинств церковных не отлучать разве кто покажет себя явным преступником и разорителем заповедей божиих или против церкви еретиком; а по Христову словеси по триех увещаниях непокоршегося и неисправившегося токмо единолично, а не вседомовно проклинать и отлучать. 2) С противными церкви святой с разумом, правильно и кротостию поступать. 3) Монахов содержать по положенным им правилам и уставам, не дая скитаться из монастыря в монастырь и ниже в мирские дома входить. 4) Церквей свыше potrzeby для прихотей вновь самому мне не строить и другим не попускать, дабы потом не пустели. 5) Також-де священников и дьяконов и прочих церковников свыше подобающие potrzeby скверного ради прибытка не умножать, ниже для наследия ставить. 6) Паству всю на всякое лето, аще возможно будет, по крайней же мере в два или в три года, самому посещать и назирать, не ради лихоимания и чести, но апостольски; запрещать, дабы расколов, суеверия и богопротивного чествования не было, дабы невидимых и от церкви не свидетельствованных гробов за святыню не почитали; притворных, беснующих в колтуках, босых и в рубашках ходящих, не точию наказывать, но и к мирскому суду отсылать; дабы св. икон не боготворили и им ложных чудес не вымышляли, от чего противным способ дается к поношению на православных, но почитали бы оные по разуму св. православные кафелические церкви. 7) В мирские дела и обряды не входить ни для чего, разве какая явная неправда показана будет, о том первое увещать, а потом и писать на таковых к его царскому величеству, по апостолу, заступати немощные».

«Водные шумы» не прекращались. В том же 1716 году рязанский дьячок Попов донес, что митрополит держал на своем архиерейском дворе Мазепина купчину, который умер, оставил пожитков на 100000 и больше, а Яворский об этом не объявил. Попов доносил также, что архиерейским жалованным людям в 1705 году велено давать половинное жалованье, а другую половину высылать в Монастырский приказ; но Яворский этой половины не отсылал, а взял себе в келью больше 6000 рублей; держит у себя на оброке посадских людей с тягла, дворовых и пришлых людей, и оброчных денег к великому государю не высылает; из крестьянства с тягла в подьячие, пристава и в другие всякие чины переводит; в 1715 году потаил дело в смертном убийстве и в винном куреньи игуменьи

Марфы Пустыньские; рукополагает Церковников в попы и в дьяконы, в том числе беглых и записных солдат, из крестьянства с тягла, из подьячих и пытаных воров, не умеющих грамоте и школьному учению, ставит по два и по три попа туда, где прежде столько не бывало; ставленнику становится поповство по 20, 30 и 40 рублей, а дьяконство – по 15 и 20; дает вдовым попам и дьяконам патрахильные и постихарные грамоты на всякий год по 4 рубля и больше, и от того освященный чин весь разорился без остатка. Во время дела о Мазепиных пожитках захваченный по подозрению малороссиянин Савостьян Кондратьев говорил: «Губернатор киевский князь Дм. Мих. Голицын святым печерским не верует, а верует еретичествующей бабе, которая ему волшебствует, и как ему уволшебствует, то он и поедет в Петербург явиться к царскому величеству; ту бабу князь поит и кормит, и держит та баба. у себя многое число кошек вместо сатаны».

Дело затянулось, а вслед за ним новые «водные шумы»: дело царевича Алексея. Петр сильно подозревал рязанского архиерея, который торжественно называл Алексея «единою надеждою»; но ничего преступного не оказалось. Стефан остался с прежним значением, но столкновения с царем не прекращались. В 1718 году Яворский получил указ приехать в Петербург; он думал, что пребывание будет временное, но 16 июля великий государь указал преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому, жить в С.-Петербурге, а при нем в первой очереди быть Игнатию, епископу суздальскому, а прочих архиереев из С.-Петербурга отпустить в свои епархии, а по прошествии первой чреды в С.-Петербург архиереям приезжать поочередно против того, как в Москву приезжали. Стефан, недовольный указом, подал царю пункты, на которые получил резкие ответы. 1) «Выехал я из Москвы, – писал Яворский, – на почтовых подводах, не взяв с собою ни ризницы, ни певчих, ни запасов никаких, ни платья, ни келейной рухляди, и для скорого выезда порядка никакого не учинил ни в соборной церкви, ни в приказах, ни в школах, ни в доме своем, чая скорого возвращения; ныне, скитаясь в Петербурге, живу в наемном дворе, далече от церкви и от воды, и в таком дворе, в котором зимою мне, немощному, отнюдь жить невозможно, и ожидаю милостивого отпуска, чтоб зимою совсем собраться и здесь жить вовсе, и о том что великий государь укажет?» Ответ: «О житье здешнем уже за три года сказано, и сам ваша милость на просухе хотел быть, как я с вами прощался на Москве, а зачем в три года не собрался и не распорядился, не знаю, ибо и более того делано, ездил на Украину для освящения церкви». 2) «Было милостивое слово о дворе, и написано было ко мне рукою монаршескою: приезжай, а двор для тебя будет готов; сего милостивого обещания будет ли исполнение или нет?» Ответ: «Место готово, а построить самому можно, понеже всем архиереям определенное дается, а вам все, как было прежде, еще ж и Тамбовское епископство поддано». 3) «Во многих епархиях архиереев нет». Ответ: «Выбрать на пример и подать роспись; так же и впредь для таких избраний надлежит заранее добрых монахов сюда, в монастырь Невский, привезть, дабы здесь жили, чтоб таких не поставить, как тамбовский и ростовский были; а для лучшего впредь управления, мнится, быть удобно Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно».

В Петербурге Яворский должен был встретиться с человеком, против которого незадолго перед тем действовал как против еретика, встретить товарищем по архиерейству и в приближении у царя. Мы уже упоминали о

префекте киевской академии Феофане Прокоповиче, о котором губернатор Голицын отзывался как о, единственном человеке из киевского духовенства, преданном правительству. Этот отзыв и блестящая проповедь, сказанная Феофаном по поводу «преславной виктории», остановили навсегда на нем внимание Петра, который взял его с собою в Прутский поход. Преобразователь нашел наконец между духовными человеком с обширною ученостию, с блестящими дарованиями и вполне сочувствующего преобразованию, и понятно, что, чем сильнее становились столкновения царя с Яворским, тем более сближался он с Прокоповичем. Несмотря на все столкновения с блюстителем патриаршего престола, несмотря на то, что последний провозгласил его достойным отчуждения от церкви, Петр не удалял Стефана, за которым, в его глазах, были достоинства и заслуги. Говорят об уменье Петра отыскивать повсюду способных людей; но как бы ни было велико подобное уменье, все же оно одно недостаточно, потому что способных людей никогда очень много не бывает, и нужно еще другое уменье – уменье сохранять способных людей. Этим уменьем, требующим особенного нравственного величия, также обладал Петр, чему разительным примером служит его поведение относительно Яворского после знаменитой проповеди 17 марта 1712 года. Но если он хотел сохранить Стефана, то понятно, однако, что все сочувствие его обратилось к Феофану. На горизонте явилось новое светило; в Киеве сказана была проповедь, каких не слыхивали прежде в Москве; и в Москве не могли остаться равнодушными; здесь вследствие долгого управления Стефана его, естественно, окружали люди преданные, которых выгоды были тесно связаны с его выгодами. Что это там явился за человек, что за новый оратор? Приблизился к царю: должно быть, хочет далеко уйти! Молод: двадцатью Тремя годами моложе преосвященного Стефана. Осведомились очень подробно о новом ораторе, разобрали его сочинения и нашли, что еретичествоует. А между тем Феофан уже говорит проповеди в Петербурге, скоро будет архиереем. Стефан внушает благочестивейшему государю, что Феофан «имеет препятие к великому архиерейскому сану, потому что в своем учении не согласен с православною церковью, заражен язвою кальвинскою». Феофан оправдывался; кому рассудить? Противники говорили, что Феофан заражен язвою кальвинскою; Феофан обличал их в католических стремлениях; он пользовался благоприятным временем – судом над царевичем Алексеем, раздражением Петра против архиереев, в которых он замечал сочувствие к царевичу – сочувствие, происходившее от вражды к делу преобразования. Феофан, громя в проповедях врагов царских, в то же время громил и собственных врагов. «Многие мыслят, – говорил он, – что не все люди обязаны повиновением властям, что некоторые исключаются, именно священство и монашество. Это терн, жало змеиное, дух папский, неизвестно как нас коснувшийся; священство есть особое сословие в государстве, а не особое государство в государстве. Дошло до того, что самые бездельные люди пустились в дело, и дело мерзкое и дерзкое; дрожжи народа, души дешевые, люди, родившиеся только для поядения чужих трудов, и те восстают на государя своего, на Христа господня! Да вам, когда вы хлеб ядите, надобно было бы удивляться и говорить: откуда мне это».

1 июня 1718 года Феофан был посвящен в епископы псковские. Когда приехал в Петербург Яворский, Петр поручил Мусину-Пушкину свести с ним

Феофана, и между обоими архиереями произошло примирение, по крайней мере видимое.

Царь уже объявил, что «для лучшего управления мнится быть удобно Духовной коллегии». Яворский не разделял этого мнения царского; Феофан разделял его, и потому он должен был принять на себя составление регламента для новой коллегии. Современники передавали следующий разговор Петра с Феофаном. Петр: Скоро ль наш патриарх поспеет (регламент)? – Феофан: Скоро, я дошиваю ему рясу. – Петр: А у меня шапка для него готова. В январе 1721 года издан регламент Духовной коллегии, исправленный и дополненный царем; регламент был издан при таком манифесте: «Между многими, по долгу богоданные нам власти, попечениями о исправлении народа нашего и прочих подданных нам государств, посмотри и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный по совести нашей возымели мы страх, да не явимся неблагодарны вышнему, аще толика от него получив благопоспешества в исправлении как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление чина духовного. И когда нелицемерный он, судия, воспросит от нас ответа о толиком нам от него врученном приставлении, да не будем безответны. Того ради образом прежних как в Ветхом, так и в Новом завете благочестивых царей, восприяв попечение о исправлении чина духовного, не видя лучшего к тому способа, паче соборного правительства (понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут), уставляем Духовную коллегию, т.е. духовное соборное правительство, которое, по следующим зде регламенте, имеет всякие: духовные дела управлять».

В первой части регламента излагаются причины учреждения коллегии: 1) коллегиальное правление способнее для исследования истины, чем единоличное; 2) приговор соборный имеет более силы, чем приговор одного лица; 3) дела скорее решаются; 4) нет места пристрастию, коварству, лихоимному суду; 5) коллегиям свободнейший дух в себе имеет к правосудию; 6) от соборного правления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие происходят от единого правителя духовного, ибо простой народ не ведает, как различается власть духовная от самодержавной, но, великою высочайшего пастыря честью и славою удивленный, помышляет, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или еще и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство; так сам собою народ умствовать привык: что же, когда приложатся плевелные разговоры властолюбивых духовных лиц и к сухому хворосту огонь подложат? Простые сердца так мнением этим развращаются, что не столько смотрят на самодержца своего, сколько на верховного пастыря, и когда услышат между ними распрю, то все более духовному, чем мирскому, правителю сочувствуют, хотя слепо и пребезумно, за духовного ратовать и бунтовать дерзают и льстят себя, окаянные, что по самом боге поборают и руки свои не оскверняют, но освящают, хотя бы и на кровопролитие устремились. Такому в народе мнению очень рады бывают коварные люди, враждующие на своего государя: увидав ссору государя с пастырем, они пользуются этим случаем, чтоб под видом церковной ревности поднять руки на помазанника божия, и на такое же беззаконие, как на дело божие, подвигают простой народ. Что же, если и сам пастырь, надменный о себе таким же мнением, спать не захочет? Трудно сказать, какое бедствие может произойти отсюда.

Во второй части регламента излагаются дела, подлежащие Духовной коллегии: ей вменено в обязанность истребить все существующие суеверия; для распространения сведений о законе божием сочинить три книги: о догматах веры, о должностях всякого чина, собрание проповедей св. отец о догматах и должностях. Епископы обязаны иметь в своих домах школы для приготовления священников, обязываются не высоко мыслить о своей чести. Для укрощения весьма жестокой епископов славы запрещено водить их под руки, пока здоровы, кланяться им в землю. «Оные поклонники самохотно и нахально стелются на землю да лукаво, чтоб степень исходатайствовать себе не по достоинству, чтоб неистовство и воровство свое покрыть». В главе о домах училищных, учителях, учениках и церковных проповедниках регламент говорит: «Дурно многие говорят, что учение порождает ереси: наши русские раскольники не от грубости ли и невежества так жестоко взбесновались? Если посмотрим чрез историю, как чрез зрительную трубу, на мимошедшие века, то увидим все худшее в темных, а не в светлых учением временах». Регламент определил и круг предметов, долженствующих преподаваться в духовных училищах: 1) грамматика вместе с географией и историей; 2) арифметика и геометрия; 3) логика, или диалектика, ибо это двоименное учение составляет одно; 4) риторика вместе с стихотворным учением или отдельно; 5) физика с присовокуплением краткой метафизики; 6) политика краткая Пуффендорфова, если найдется потребною; 7) богословие. На первые шесть наук полагается по году, на богословие – два года.

Президентом Духовной коллегии, или Синода, был назначен Стефан, митрополит рязанский; за ним по старшинству следовали члены: Феодосий (Яновский) – архиепископ новгородский, Феофан – архиепископ псковский, Петр – архимандрит симоновский, Леонид – архимандрит петровский, Филофей – архимандрит донской, греческий священник Анастасий Кондоиди, Иоанн – протопоп троицкий, Петр – протопоп петропавловский, иеромонах Варлаам Овсянников. Мы знакомы с первым и третьим членами Синода; надобно познакомиться со вторым, потому что еще должны будем с ним встретиться после. Феодосий Яновский, архимандрит новгородского Хутынского монастыря в первых годах века, вовсе не отличался ни образованием, ни талантами, не мог несколько соперничать в этом отношении ни с Прокоповичем, ни с Яворским; человек энергический, неудержливый в деле и слове, властолюбивый и корыстолюбивый, монах вовсе без призвания к монашеской жизни, Феодосий хотел во что бы то ни стало выдвинуться вперед; он нашел для этого верное средство – подделываться под преобразовательное направление правительства, говорим – подделываться, потому что не считаем себя вправе признавать за Феодосием какие-нибудь сильные убеждения. Петр был рад, что нашел между духовными, между монахами, человека умного, деятельного, распорядительного и вовсе не похожего на большинство своих собратий, человека передового относительно церковных преобразований. В 1710 году Феодосий был переведен в архимандриты основанного Петром в Петербурге Александро-Невского монастыря и чрез пять лет поехал лечиться *за границу* ! Но пусть он поговорит сам и покажет, какими средствами заискивал расположение царя. В 1719 году Мусин-Пушкин донес государю, что в новгородских церквях по ночам каким-то чудом гудят колокола; Петр поручил Феодосию обстоятельнее разузнать, в чем дело, и тот отвечал ему: «Толкование такое может приложиться: чему бы оное бессловесное гудение

человеков учило, может всяк имущий ум рассудить; явь, яко от противника: рыдает, яко прелесть его изгонится от народов российских, первое из кликуш чрез Петра *Великого* : второе чрез новоприданные в хиротонию архиерейскую от того ж пункты, дабы икон не боготворили и тем ложных чудес не вымышляли; третьи из раскольщиков, о которых исправлении прилежное тщание имеет той же Петр. А противник хотя обновит прежнюю свою прелесть, которую прежде, при иконе богородичной на Тихвине, чрез некоего Юрыша и тому подобных прелестников и кликуш в простом народе рассевал, как в той бабской истории обретается, чему последовали суеверные и не простаки. Так, мнится, и ныне при такой же иконе (понеже помянутая в Деревяницком монастыре, в котором оное гудение было, церковь во имя Тихвинской иконы) такожде тщится оную свою прелесть обновить». Любопытно также письмо Феодосия к Петру о причинах, почему у него, Феодосия, так много врагов между духовными и светскими людьми: «Всенижайше доношу вашему величеству мизерный: умножишася, паче влас главы моя, ненавидящая мя туне, а причины, за которые ненавидят, суть сия: *из духовных* : 1) за приказание духовных дел мимо архиереев в резидующем сем месте; 2) за взятые из Москвы и из других мест доброжительных священников и дьяконов к с.-петербургским церквам по поданным от меня реестрам; 3) рязанский архиерей за конференцию о поучении его, на которой из духовных был только я, где и приразился, поборая по правде, немало оному; 4) за приписание из Новгородской епархии некоторых монастырей и Сергиева монастыря вотчин к Невскому монастырю; 5) за взятые из домов архиерейских и лучших монастырей, по поданным от меня реестрам, доброжительных иеромонахов и. иеродиаконов, а именно судей, келарей, казначеев, соборных старцев и прочих лучших в Невский монастырь; 6) за перемену тихвинского архимандрита. *Из недуховных принципиальных и непринципиальных персон* ; 7) за крестовых и прочих волочащихся попов, старцев и стариц, которых перестерегал, чтоб не держали; 8) за раскольников, которых помещики и непомещики знатные защищают, и сами раскольники злоречат; 9) за Ивана Синявина, который во флоте иеромонаху и другому иеромонаху обиду учинил, за которым по должности моей, а по просьбе их просил сатисфакции, где надлежит, которая не токмо не учинена, но враждебно против оных и меня поступают. *Из всего поспольства* ; 10) за свечи, по церквам всуе жегомыя, о которых священникам приказывано, чтоб чрез потребу не жгли; 11) за пречистые тайны, о которых священникам приказывано, чтоб оных за лекарство аптекарское здоровым и больным младенцам не употребляли, но по крещении, причастив единою, оставляли б непричастных до познания добра и зла. И иных причин к помянутой ненависти набралось бы много, но не вместятся на сей бумаге, из которых ненавистников многие вредят и могут вредить всяким злоречием не токмо в народе и между собою, но и пред вашим величеством, и усумневаюсь, негли и поврежден давно; того ради, припадая к милосердию вашего величества, прилежно молю: да будет повелено прочее время мизерного моего живота скончать мне в чернеческом безмолвии, да не горшее, что безвинно постражду».

В списке синодальных членов останавливает наше внимание имя греческого священника *Анастасия Кондоиди* . О своей судьбе он рассказывает сам в челобитной к царю об увеличении содержания: «Будучи в Константинополе, получал я годового оклада по 2000 талеров: 500 как проповедник патриаршества и

1500 как второй переводчик Оттоманской Порты. Но по склонности к православной вере стал я служить вашему царскому величеству, и когда об этой службе узнано, то я не только лишился годового оклада, имения и обещанной епархии, но если бы патриарх не ухоронил меня в своем погребе в продолжении 26 суток, то предан был бы и смерти, как случилось с товарищем моим, капитаном Франциском Греком, которого поймали и посадили на кол. Будучи лишен имения, я нахожусь в нужде, и между всеми синодскими членами нет никого беднее меня; для пропитания своего, одеяния, содержания верейки (лодки), сухопутного поезда и служителей; для убрания двора, как прилично синодской особе, шестьюстами рублями в год исправиться никак нельзя».

14 февраля 1721 года новоучрежденный Синод обратился к царю за разрешением следующих вопросов: 1) В церковных служениях, где прежде возносилось патриаршее имя, надобно ли вместо него возносить именование правительствующего духовного собрания в такой форме: «о святейшем правительствующем собрании, честном пресвитерстве» и проч.? Титул святейшего будет присвояться только целому собранию, а никому в частности. Царь отвечал: возносить о святейшем Синоде или о святейшем правительствующем Синоде. 2) При сношениях с Сенатом и коллегиями каким образом письменное обхождение иметь? Прежде на патриаршее имя указов ниоткуда не присылалось, Духовная же коллегия имеет честь, силу и власть патриаршескую или еще большую, потому что собор. Ответ: в Сенат *ведением* и за подписью всех, а в коллегии – так, как из Сената пишут, и за подписью только секретарскою. 3) На праздные епархии в духовном собрании избирать ли в архиереи и по доношению царскому величеству к поставлению и к местам определять ли? Ответ: выбирать по две персоны, а которую определим, посвящать. 4) Определенного в Хинское (Китайское) государство иеромонаха Иннокентия Кунчицкого архиереем иркутским нерчинским для близости к оному государству посвятить ли и для удобнейшего обхождения от Сибирской епархии его отделить ли? Ответ: в архиереи посвятить, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине: чтоб иезуиты не перетолковали инако и бедства б не нанесли. 5) Патриаршие, архиерейские и монастырские вотчины, которые сборами и правлением ведомы были в Монастырском приказе, водной Духовной коллегии вестать ли, того ради что оные от гражданских управителей пришли в скудость и пустоту, а Духовная коллегия присягою обязалась как в верности, так и в искании интереса царского величества против прочих коллегий не меньше; а в регламенте духовном положено, что такое правление надлежит до Духовной коллегии? Ответ: быть по сему.

Резолюциею о возношении именованя одного Синода не был доволен президент Стефан Яворский. Он подал мнение: «Преосвященнейшие иерархи и прочие отцы святии и братия! Понеже вольный голос должны имети все члены коллегии, то дайте и мне вольный голос, который таков есть: мне видится, что в ектениях и возношениях церковных явственных можно обоя вместити, например так: о св. православных патриарсех и о св. правительствующем Синоде. Какой в тем грех? Какой убыток славы и чести св. российскому Синоду? Кое безместие и непристойность? Паче же богу приятно и народу велми угодно было бы. В главе 6 регламента написано: ежели дела сумнительные и какого изьяснения требуют, чтоб не скоро спешить вершением, но по изобретению дела и обстоятельству

наперед докладывать и справиться, откуда надлежит. Понеже убо сия тако глаголют, то сие дело требует последнего решения и определения от самые превысочайшие всем коллегиям и всему государству главы. А что помета манаршеская написана на первый пункт доношения, от сего то только дается знати, как нарицатися имать коллегиум духовный в молитвах, а об отставке патриархов от возношения ничего не говорится». Подписано: «Стефан, недостойный митрополит, старец немощный». Но Синод не согласился с президентом на таком основании: «У самих греков нет обычая возносить имена патриаршие вне епархии или власти патриаршей. Чего ж нам еще больше? На греков смотрим, от греков чину и обычаю учимся, не изобидим их, имени патриаршего не поминая, когда и сами они не поминают; и в России после патриархов российских никакого другого патриарха, ни вообще имен патриаршеских не поминали».

Святейший правительствующий Синод тотчас после учреждения своего столкнулся с правительствующим Сенатом и разными сильными особами. Синод подал жалобу царю. «Изволил ваше величество установить духовное соборное правительство с такою властью, что всем, и духовным и мирским людям, указов его во всем под великим наказанием слушать и быть ему в действиях своих важну и сильну. Но в самом начале его действий являются уничтожение и противность, а именно: передано нам дело князь Долгорукого с Салтыковым, и мы послали к князю Ив. Фед. Ромодановскому, чтоб отправил в Синод содержащихся в Преображенской канцелярии под арестом дворовых людей Салтыкова, послан указ вашего величества за руками всех коллегиятов; но этот вашего величества указ Ромодановским уничтожен и не только требуемого исполнения лишен, но как не важный прислан к нам обратно. Если это оскорбление останется без сатисфакции, то и прочим еще большая подастся к презрению смелость и данная духовному правительству власть не будет иметь достойного действия и очень будет не важна. По пунктам, собственною вашего царского величества рукою определенным, церковные вотчины должны быть в управлении духовном, как были в Монастырском приказе, а теперь, по определению Сената, велено им и служителям их быть под судом Юстиц-коллегии. По всемилостивейшему определению вашего величества духовное правительство от прочих коллегий отменено, равно как Сенат, и ежели быть по сенатскому ныне определению, то оным вотчинам и их служителям прежнее от мирских властей утеснение будет». На это Петр отвечал собственноручно: «Определяю по приезде, а однако ж видится, что инако нельзя, понеже ведение вотчин у вас определено для поборов и между ими расправы и тому подобного, дабы в лучшем охранении были; а чтоб с посторонними случающимся делам всем быть у вас, чаю, невозможно, понеже при таких делах казни и наказания бывают, чего вам подписывать невозможно, а одному светскому вручить нельзя; другое, что столько будет хлопот, что настоящего вашей должности дела управить будет неколи, которое и без иных дел великих трудов и времени требует, к тому ж крестьяне и служители суть равные, где бы ни были».

Далее Синод просил: «В сенатском приговоре определено, что быть в Синоде тем секретарям и подьячим, которые не у дел, вследствие чего определяются такие, которые уже к делам не годны и которыми не только такого важного и великого дела, но и легчайших дел управлять невозможно. В том же сенатском

приговоре определено, чтоб Синод довольствовался дьяками и подьячими Монастырского и Патриарших приказов, архиерейскими и знатных монастырей; но из этих мест лучшие приказные люди разобраны уже давно к делам в коллегии и в губернии, оставлены только негодные». На это Петр отвечал: «Которые (секретари и подьячие) против сего желаются, и что оные ни в Сенате, ни в коллегиях, но у других дел, и таковых без спору отдать в Синод духовной».

Синод просил: «Духовные персоны, до определения духовного правительства, по разным касающимся до них делам браны были в разные канцелярии и приказы; а отныне, дабы вашего величества всемилостивейшим указом повелено было, что бы до духовных персон ни касалось, по оговорам, производить следствия о том в духовном правительстве, пока кто-нибудь из них не должен будет подвергнуться розыску гражданского суда, дабы иногда безвинные не страдали с злодеями в темницах. А ежели какая-нибудь духовная персона взята будет в явном злодействе, то следовать в гражданском суде и только для снятия чина присылать в духовное правительство по-прежнему». На это был ответ: «На которых оговор какой будет (кроме тяжких государственных дел) в каком партикулярном злодействии, таких отсылать к Синоду, против сего пункта силы, пока оные до гражданского суда приличны будут, а самим не брать в коллегии или где инде и не держать, и должен каждый челобитчик в злодействии на духовных нигде инде бить челом, токмо в Синоде, сие разумеется о брани, бою, краже и прочих тому подобных дел, а не о тех, который тяжёбые дела, к которым сами себя духовные привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобно, еже где определено, всем там и на духовных бить челом, например в иностранных торгах в Коммерц-коллегии, во внутренних торгах и промыслах, откупках в Камер-коллегии и прочее тому подобное».

Синод просил: «О требованиях духовного правительства в Сенате бывает доклад как о партикулярных делах по реестру, от чего происходит в духовных делах замедление и остановка: просим, чтоб дела духовного правительства предлагались к резолюции немедленно, мимо реестра». Ответ: «О духовных делах надлежит прежде всех коллегийских дел, первые по наших указах слушать и решить, а что касается до внешних дел, то по реестру с прочими яко партикулярные».

Сенат рассердился на Синод за подачу царю этих пунктов; он писал в своем ведении Синоду: «Велено подьячим в Синоде быть, которые не у дел, к тому же определено взять Монастырского и Патриарших приказов, архиерейских и знатных монастырей дьяков и подьячих, ведая, что тех мест помянутыми служителями удовольствоваться могут; а те, которые требованы из Синода по реестру, поименно, не определены для того, чтоб тех дел, у которых они обретаются, не остановить к повреждению интереса; и если бы тем определением духовный правительствующий Синод был и недоволен, и о том бы надлежало опять писать в Сенат, не трудя тем царское величество».

Получив от царя позволение взять секретарей и подьячих, которые хотя и у дел, но не в коллегиях, Синод взял к себе канцеляриста Корнышова, который находился при постройках на Котлине-острове. Но постройками заведовал Меншиков; не давши знать в Синод, он велел схватить Корнышова и привести на Котлин-остров, где избил его жестоко. «Таковыми неумеренными поступками, – писал Синод царю, – благорассудно уставленное от вашего величества духовное

собрание, которое всем повелено почитать за важное и сильное правительство, уничтожено». На первых же порах Синод должен был жаловаться на астраханского губернатора Волынского, который взял насильно в астраханском Троицком монастыре каменные кельи, где жили старцы, и поместил в них канцелярии, велел взять шесть келий кладовых и положил в них свою кладь, приказал сломать монастырские каменные ворота, караульную каменную келью, деревянную конюшню и разбросать монастырские оградные заборы, наконец, отрезал монастырскую землю под площадь».

Деятельность новоучрежденного Синода высказывалась не в одних этих спорах: он разослал указ, чтоб священники отвращали своих прихожан от богопротивного обычая обливать водою и купать в реках и прудах тех, которые не бывают у заутрени на св. неделе, причем иногда люди тонут, обливаемые спросонья и с похмелья, лишаются ума; наконец, тут же воспоминается мерзкий идол Купало. Мы видели, что во второй половине XVII века русская церковь перестала смотреть на католиков как на некрещеных, перестала требовать перекрещивания их при переходе в православие; при Петре с разрешения константинопольского патриарха перестали требовать перекрещивания от протестантов. После этого сделан был третий шаг: Синод издал послание к православным, в котором доказывал, что браки с иноверцами позволительны. Это послание вызвано донесением капитана Василия Татищева, отправленного в Сибирь для горного дела; он писал, что шведские пленники охотно приняли бы русское подданство, если бы им позволено было жениться на русских девицах без перемены веры; но так как многие из них поженились, но потом за разностию веры жен у них отняли и выдали за других, то они не хотят вступать в русскую службу, потому что своей веры женщин достать не могут, а русских за них не выдают. Для увеличения церковных доходов, которые могли бы быть употреблены для бедных, постановлено, чтоб продажа свечей производилась от церквей; на деньги, от этой продажи выручаемые, построить везде при церквях богадельни для больных нищих; для заведования церковными доходами учреждены были церковные старосты, избираемые прихожанами.

Надобно было приступить к учреждению в Петербурге специального духовного училища; Феофан Прокопович подал об этом свое мнение: «Мой совет – не принимать мальчиков свыше десяти лет, потому что в таком возрасте дети еще не очень обучились злонравию, и если обучились, то не окрепли обычаем, и таких не трудно отучить, также бунтовать и бежать прочь не могут еще. Академии великой и свободной делать еще не советую; когда бог благословит отроческий дом сей, тогда от числа наученных в нем явятся изрядные учителя, которые возмогут и великую академию учить и управлять. Не каких-нибудь, но изрядных и свидетельствованных учителей надобно, которых призвать бы из академий иноземных со свидетельством знатных школьных и гражданских властей. Не надобно опасаться, что они детей наших совратят к своей богословии, потому что можно им артикулами определить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподают ли чего, нашему исповеданию противного. Пусть преподают они только учения внешние, языки, философию, юриспруденцию, историю и проч., а не богословские догматы, которым ученики будут учиться у единоверных учителей. Если не опасаются господа русские посылать детей своих в академии иностранные, где учителя свободно свои мнения предлагают, то для чего бы

опасаться у нас, где они артикулами и надсмотром связаны будут. Но к начатию учений можно будет приискать и между нашими людьми. Желаем и его величества милостивого соизволения просим, да прозван будет дом сей *Сад Петров*, или иноземским наречием *Петер-Гартен*».

В то время, когда в Великой России повсюду шли коренные преобразования, Малая Россия разложением своего старого быта торопила дело приравнения своего к Великой России.

Несмотря на постоянное присутствие при гетмане *министра* государева, доносы продолжали зреть на малороссийской почве, взрытой шатостию и недавними изменам. Не поладит гетман с каким-нибудь сотником, и сотник несет донос на гетмана киевскому губернатору князю Дм. Мих. Голицыну, о котором было известно, что живет несогласно с гетманом и смотрит на него подозрительно. Еще в 1710 году коропский сотник Логвиненко донес Голицыну, что запорожские колодники говорили провожавшему их есаулу Шепелю, будто гетман Скоропадский писал Орлику, чтоб тот с своими запорожцами держался как можно долее при противной стороне; Логвиненко приводил свидетелей рассказам Шепеля об этом; тот же Логвиненко доносил, что бывший дворецкий Орлика, бурмистр Гроевский, сказал в коропской ратуше: «Мы с сотником Безносым пили за здоровье Орлика, и Безносый говорил: Орлик в Бендерах гетманом, и надобно думать, что будет скоро опять у нас паном». Голицын дал знать об этом в Москву. Правительство, обеспеченное пребыванием в Глухове при гетмане министров государевых, не ждало или не боялось измены Скоропадского и при наступавшей войне с Турциею не хотело возбуждать неудовольствия гетмана и волнения на Украине. Головкин ответил Голицыну, чтоб выслал в Москву Логвиненка со всеми людьми, прикосновенными к делу Гроевского и Безносого, но свидетелей рассказа Шепеля не высылал, потому что запорожцы, говорившие о переписке Скоропадского с Орликом, казнены, и потому производить следствие нельзя. Гетмана Головкин старался успокоить насчет нерасположения Голицына, писал: «Я писал к князю Голицыну, чтоб он ни из каких городов и мест regimentу вашего никого не велел брать, не списавшись с вами и без согласия вашей вельможности, и ежели случится какое дело государственное, то делал бы согласно с вами; указов ему к вашей ясновельможности писать не велено. Как мы видим, что у вашей вельможности с воеводою киевским несогласно: однако ж царское величество на вашу верность есть благонадежен, и безосновательным никаким доносам поверено не будет, в чем изволите, вельможность ваша, быть надежен».

В Москве бурмистр Гроевский рассказал, как было у него дело с Безносым: «В прошлом 1710 году пришел ко мне в корчму бывший короповский сотник Кондрат Безнос, спросил меду, и мы пили мед вместе, только не были гораздо пьяны; и говорил мне Безнос, чтоб я был к нему ласков; я отвечал: теперь, когда ты, Безнос, уже не сотником, то желаешь моей ласки, а когда был сотником, то ходил надувшись и на меня не смотрел. Безнос мне сказал: когда и ты был у Орлика дворецким, то также был надут и мало на меня смотрел. Я ему сказал: если б Орлик не изменял, то добрый был пан, сколько я ему ни служил, лихого слова от него не слыхал. И Безнос мне сказал, что большое приятство от Орлика имел и сотничество чрез него получил. Говоря это, мы оба пили за Орликово здоровье и, выпивши, разошлись». Гроевский и Безнос были наказаны за свои непристойные слова и отпущены домой на Украину.

Правительство отстранило донос Логвиненка на гетмана, сослало в Архангельск знатного козака Забелу, старавшегося выставить в подозрительном свете поведение Скоропадского; но доносы продолжались, и в мае 1713 года гетман писал Головкину, что объят размышлением: от начала гетманства своего имеет несносные скорби от злобных и безбожных клеветников, не только мирских, но и духовных. Канцлер по-прежнему уверял его, что царское величество о верности его довольно известен. Скоропадский по характеру своему был мало опасен, но могли быть опасны полковники. Фельдмаршал Шереметев в начале 1713 года писал о необходимости переменить четырех подозрительных полковников – стародубского, лубенского, нежинского и прилуцкого. Головкин отвечал ему: «Ваше сиятельство об них уже давно были сведомы, а в бытность свою здесь прошлого лета царскому величеству не доносили и после не писали, а теперь, при наступлении кампании, в ожидании неприятельского прихода переменить вдруг четырех полковников видится непристойно и небезопасно, к тому же не знаем заочно, кого на их место определить добрых и верных».

Кроме подозрительных полковников беспокоило правительство сильное неудовольствие в низшем слое малороссийского народонаселения. Изменнический гетман Орлик писал крымскому хану, что малороссийский народ, приведенный в отчаяние московским тиранством, ждет его. Орлика, как избавителя. Малороссийский народ действительно терпел много, только не от московского тиранства. Стольник Протасьев, остававшийся при гетмане в качестве министра государева, писал Головкину в 1714 году, что черный народ сильно отягощен своими полковниками и сотниками, крестьяне и козаки беспрестанно на них работают, мельницы строят, сено косят, дома в городах и на хуторах строят, да, кроме того, на ратушские расходы бывают беспрестанно денежные поборы. Протасьев писал также, что полтавскому полковнику Черняку нельзя долее оставаться на своем месте, потому что «кроме всякого своего непостоянства и легкомыслия» он непросыпный пьяница, а Полтавский полк ко всяким шатостям других полков склоннее; полтавская старшина просила гетмана, чтоб быть у них полковником Василию Кочубею; Протасьев с своей стороны писал, что надобно Кочубею дать это место: пусть, смотря на это, и другие служат царскому величеству так же верно, как отец Кочубея. Василий Кочубей хотя и молод, но человек изрядный и умный, а в Полтавском полку такой верный человек нужен. На Черняка донес полтавский житель Данила Кондак, которого полковник посылал в Запорожскую Сечь сказать кошевому Костке Гордеенку и прочим козакам: «Не кланяйтесь царю: еще виселицы московские не наполнились, и если поклонитесь, то, конечно, наполнятся вами». Отпуская Кондака в Сечь, Черняк говорил ему: «Видишь меня теперь паном, а вперед надеюсь быть чем-нибудь и больше».

Вследствие донесений Протасьева в начале 1715 года гетман получил царскую грамоту, в которой говорилось, что полковники выбирают во всякие полковые должности и в сотники по своей воле, не объявляя гетману, выбирают по своим страстям, из взяток, и некоторые из выбранных ими подозрительной верности и люди недостойные; кроме того, полковники и выбранные ими старшины и сотники отягощают козаков и простой народ разными налогами и взятками. Вследствие этого государь приказывал, чтоб вперед, когда опростается в полку место старшины или сотника, то полковник обязан созвать раду из полковой

старшины и сотников, по общему приговору выбрать двоих или троих людей заслуженных и неподозрительной верности и прислать их к гетману, который из них выбирает одного, и избранный приводится к присяге на верность царю в присутствии стольника Протасьева; тех, которые были в явной измене и определены в полковую старшину и сотники, сменить; наконец, гетману приказывалось смотреть накрепко, чтоб козакам от полковников и других чиновников никаких обид не было. При посылке этой грамоты Головкин писал Протасьеву: «Разведайте и опишите, как эта царская воля в Малороссии будет принята; извольте всем вбивать в голову то, „что царское величество делает это, жалея о них“».

Полковникам, разумеется, царское распоряжение не понравилось: на них жаловались, что разоряют простой народ, они жаловались, что разоряют народ москали своими войсковыми поборами, а виноват был гетман, который по своей слабости все позволяет. Вместо слабого Скоропадского назначали в гетманы черниговского полковника Полуботка, говорили: «Нынешний гетман человек смиренный, за Украину стоять не умеет, кто ни нападет, все дерут; если бы дожидаться, как будет гетманом черниговский полковник, не так бы он за Украину стоял и москалям ее разорять не давал; в его полку без его указа москали ничего не берут». В Соснице 27 июня праздновали Полтавскую победу; случился тут слуга Полуботков Федор Стычинский молебну не пошел; когда его один из сосницких жителей спросил, отчего он не был в церкви, Стычинский сказал: «Чему вы праздновали, за что бога благодарили?» «За то, что царь победил шведа и проклятого Иуду Мазепу», – отвечали ему. – «Не Мазепа проклятый Иуда, – сказал Стычинский, – а нынешний гетман проклятый Иуда, потому что не стоит за Украину и москали ее разоряют; и как будет наш полковник гетманом, не так будет за Украину стоять, и не будут ее москали разорять. Вся Украина надеется, что нашему полковнику быть гетманом, и нам, слугам его, больше гетманских почести отдадут». Стычинского били кнутом и сослали в ссылку.

Слабый Скоропадский, боясь всех и желая угодить всем, разумеется, не угождал никому: в Малороссии жаловались на него, что он позволяет все москалям, а в Москве знали, что гетман позволяет все малороссиянам в ущерб государственным интересам. Несмотря на то, правительство не желало перемены гетмана и избегало случаев оскорблять его. Были поданы доносы о злоупотреблениях гадяцкого полковника Черныша, зятя гетманского. Доносы оказались справедливыми, Черныша нельзя было долее оставлять в Гадяче, но не хотели обидеть гетмана, и Головкин в январе 1715 года писал Протасьеву: «Надлежит вам гетману объявить, что когда он будет по указу царского величества выбирать и назначать в генеральные старшины, то между другими написал бы и зятя своего, гадяцкого полковника Черныша, потому что, по доношениям на него и жалобам в обидах, царское величество не изволит ему больше быть полковником в Гадяче; по сие время мы терпим для гетмана, потому что отнятие поковничества у зятя его не может ему, гетману, быть без зазору. Надеюсь, что г. гетман примет это объявление за знак моей к нему приязни, ибо лучше зятю его быть в чине генеральной старшины, нежели просто». Прошло несколько месяцев, гетман не сделал ничего относительно Черныша и в июле получил царскую грамоту: «В Малороссии для управления войсковых генеральных судов было прежде всегда по два человека, а теперь один Туранский, и тот уже стар, и ему одному управлять не

без трудности; о выборе в генеральную старшину на праздные места писано было к тебе, подданному нашему, однако по сие время никто не выбран, а ты о том к нам не писал. Поэтому мы, милосердя о народе малороссийском, дабы в судах войсковых не было каких затруднений, указали быть другим судьей генеральным полковнику гадяцкому Ивану Чернышу». Вместо Черныша полковником гадяцким был назначен уже известный нам сербский выходец Милорадович.

До нас дошла длинная перечень злоупотреблений, какие позволяли себе полковники и сильные люди в Малороссии: 1) Много сел роздано людям, замешанным в измену Мазепину; много сел роздано изменничьим сродникам, попам и челядникам, которые служат в дворах. 2) Гетман должен запретить полковникам разорять простой народ и отягощать работами, тогда как слух пущен в народ, будто он отягощен вследствие сбора провианта на царскую армию и будто малороссийские жители от этого отягощения врознь расходятся. 3) Гетман жалуется, что во всех полках козаки обезконели, давая подводы проезжим великороссийским людям, и поэтому козаков теперь мало; а по доношениям малороссийских обывателей оказывается, что число козаков уменьшается от работ на полковников и от того, что полковники многих старинных козаков в подданство себе завели. Нежинский полковник в одной Верклевской сотне поневолил больше 50 человек; полтавский полковник Черняк почти целую сотню Нехворощенскую поневолил, а другими козаками поменялся на мужиков с чернецами Нехворощенского монастыря; Переяславского полка Березинской сотни баба Алексеиха Забеловна Дмитрящиха больше 70 человек козаков поневолила. 4) Полковники без воли гетманской в полках своих села, деревни и мельницы раздают не только родне своей и другим посторонним, но и челяди своей. 5) Многие, которые оказались в явной измене, живут свободно, а иным уряды и маетности даны, генеральная старшина и полковники к таким особливый респект имеют: писарь генеральный Григорий Шарогородский был в явной измене, но когда пришел из Бендер от Орлика, то поставлен в местечке Городище урядником. 6) Гетман жалуется, что генералы и офицеры, стоящие на квартирах, на кухни свои с ратушей требуют всяких запасов, и оттого в иных городах ратуши стали пусты; но здесь малороссияне сами доносят, что, хотя такие запросы и бывали, и с народу для того на ратуши многие поборы идут, однако тем корыстуются полковники, сотники, атаманы и войты. В 1709 году положено было на дачу компанейским и сердюцким полкам брать со всякой продажной куфы горелки по два рубля; полковники, приезжая к гетману, показывают, сколько из этих покуфовных денег издержано бывает на ратушные расходы: зачем же еще собирать на ратушу? 7) Полковники козаков, соседей своих по маетностям, принуждают за дешевую цену продавать свои грунты, мельницы, леса и покосы. 8) Многие из малороссиян покупают земли, мельницы, леса и покосы в великороссийских городах, в Путивльском, Рьльском и Севском уездах, а малороссиянам продавать свои земли великороссийским людям запрещено.

Должны были сменить полковников полтавского и гадяцкого; в том же 1715 году Протасьев дал знать, что дело дошло и до нежинского полковника Жураковского. Верклевский сотник Самуил Афанасьев и знатный козак Еворовский донесли, что Жураковский выбрал в полковые судьи Романа Лазаренка, в полковые есаулы – Тарасенка, в сотники – Пыроцкого – все людей подозрительной верности, которые и после измены Мазепы остались его

советниками. Тот же Жураковский накиннул на одну Верклевскую сотню куф с пятнадцать вина, кроме того, в соль рыбу и сыр складывает предорогою ценою; из одной Верклевской сотни из старинных козаков написал насильно в подданство к себе в мужики многое число (доносители подали реестр). Когда король шведский и Мазепа были еще в Украине, то козаки Верклевской сотни охотою ходили с сотником Самуилом Афанасьевым в войско: в их отсутствие отцов их и братью держали, забив в колодки, а иных без милосердия били, и все это делал Жураковский по совету своей полковой старшины, измена которой явна. Некоторые козаки приходили к гетману и били челом на Жураковского; гетман дал им универсалы, чтоб полковник вперед их не обижал; но когда они с этими универсалами явились к нему, то он обобрал их, бил, посадил в тюрьму и держал до тех пор, пока они дали ему на *себя* записи, что будут жить за ним навеки в подданстве.

Государь писал гетману, чтоб полковники крепко смотрели за своевольными козаками, которые ходят на полевые речки за добычею и сообщаются с запорожцами. Когда в мае 1716 года полковники съехали к гетману в Глухов и Скоропадский прочел им царское письмо и потребовал, чтоб они подписались в исполнении воли государевой, то они отказались подписываться, говоря, что им нет никакой возможности в своих полках удерживать своевольных козаков от ухода в степи; наконец подписались гадяцкий, прилуцкий, полтавский и лубенский, а другие так и разъехались, обещая вскоре прислать *ассекурацию* за своею и сотников своих подписью. Извещая об этом Головкина, Протасьев писал: «Хотя гетман их и принуждал, чтоб прислали ассекурацию немедленно, однако они на его принуждение обращают немного внимания и конечно у них то долго не исправится».

Уже давно, при предшественниках Петра, одним из средств теснейшего сближения Малороссии с Великою Россиею признавались браки малороссиян на великороссиянках, и наоборот. Гетман Брюховецкий женился в Москве; Самойлович выдал дочь за Шереметева; теперь Петр потребовал и от Скоропадского, чтоб выдал дочь за великороссиянина. Гетман или жена его воспользовались этим случаем, чтоб выпросить себе имений. Настасья Марковна Скоропадская писала царице Екатерине: «Понеже его графское сиятельство (Головкин) учинил ответ, что царское величество не из малороссийских, но из великороссийских персон дочери нашей единственной мужа благоволит избрать, тогда мы тому монаршему благоволению весьма благодарны; у великороссийских народов есть такое обыкновение, что за дочерьми даются зятям изобильные деревни и угоды; мы убо не имеем таковых угодий и деревень за нашу дочерью дать, и ради того, припадая у стоп ног вашего величества, всемирно молю исходатайствовать ныне при животе моего мужа собственно для моего во вдовстве пропитания и за дочерью дачи маетностей несколько».

Маетности были получены, и единственная дочь была выдана в 1718 году за Петра Толстого, сына Петра Андреевича, который по возвращении из Турции был в большей милости у царя, особенно после того, как привез из-за границы царевича Алексея. Петр Петрович Толстой был усыновлен гетману и сделан нежинским полковником. Скоропадский получил в свате могущественного покровителя, а Протасьев нашелся в затруднительном положении. Гетман прежде всего нажаловался на него свату, что он постарался отдать другим землю, которую

гетман хотел взять себе, и Протасьев в униженных письмах должен был оправдываться пред сильным человеком и просить, чтоб его отозвали из Малороссии: «Дай всемогущий творец вечно тому так радоваться, кто ваше превосходительство неправыми своими доношениями на мое мезерство подвиг таким гневом. Всепокорно горькими слезами вашего превосходительства прошу: умилосердися надо мною, рабом своим; как милостивый бог, благоволи исходатайствовать, прежде даже не погибну, чтоб мне при господине гетмане не быть. Умилосердися, премилосердый государь, отец мой и патрон мой, пожалуй, не имей на меня своего гневу, и уже ни о чем более не прошу, только чтоб был я от немилости ясновельможного господина гетмана отлучен».

Протасьев не был отлучен от гетмана; униженный тон писем должен был обезоружить Толстого, и трудно было найти другого человека, столь же хорошо знакомого с Малороссиею, в которой продолжались прежние явления. В том же 1718 году стародубские жители подали жалобу на своего полковника Журавку, жители Новгорода – на своего сотника Лисовского, прилуцкая полковая старшина – на своего полковника Галагана. Стародубский полк хотел иметь своим полковником Андрея Миклашевского, сына старого полковника, и полчане подали о том гетману заручную челобитную. Но гетман, думая, что с помощью Толстого теперь можно проводить своих, прочил в стародубские полковники известного нам Черныша; Миклашевский, ненавидимый старшиною, был известен за человека, преданного России, и потому Меншиков во время бытности своей в Малороссии настаивал у царя, чтоб дал указ о назначении его полковником. «О Черныше изволите знать, что оный не без противности есть», – писал Данилыч Петру. Меншиков хлопотал также о доставлении полковничества переяславского или другому Милорадовичу, Гавриле, или молдавскому полковнику Танскому, что очень не нравилось гетману и старшине. Любопытна просьба Гаврилы Милорадовича, поданная царю в апреле 1720 года: «Бил челом я в С.-Петербурге, как нас определили на Украйну: тогда П. А. Толстой при графе Гавриле Ивановиче и бароне П. П. Шафирове сии слова объявил: ну, господа Милорадовичи! Царское величество жалует вас, полковнику Гавриле 300 дворов (а тех дворов и полутора не получил), и при первой оказии быть вам полковниками на Украйне. Брату моему сказали в то время быть полковником гадяцким; и вскоре потом Переяславского полка полковник Тамара умер; я бил челом в 1717 году, и ваше величество изволили повелеть мне быть полковником; о сем же просил и на Москве и напоминал ее величеству государыне царице; в 1718 году ездил паки в Петербург и просил милости у государыни царицы, которая изволила господину гетману о сем говорить и изволила призывать тайного советника П. А. Толстого и сказала ему: сходи от меня к гетману и скажи ему, что я сама просила царское величество и Гавриле Ивановичу приказано, чтоб быть Милорадовичу полковником. Петр Андреевич говорил господину гетману, на что гетман сказал: коли на то воля царского величества есть, тогда и будет, лишь бы был мне послушен, а я к нему буду милостив. Прошу вашего величества, да повелит мне быть полковником переяславским». Меншиков переслал и просьбу Милорадовича, и просьбу Танского к Макарову, прося его в *удобный час* доложить царскому величеству. «Службы их обоих довольно известны, – писал Меншиков, – Танский при валахах довольно услуг своих и верности показал, а о Милорадовиче вам самим известно, что лишился дому и имения своего». В

Петербурге сочли нужным послать верного и способного человека на степную границу Малороссии. В конце 1720 года полковник Скорняков-Писарев назначен был комендантом в Полтаву и Переволочну и получил следующую инструкцию: 1) Когда о чем-нибудь надобно будет с гетманом пересылаться письмами, то списываться с ним учтиво. 2) С полтавским и переволочинским полковниками и старшиною, и с козаками, и с простым народом иметь доброе и ласковое обхождение; так как полки эти пограничные, то смотреть, чтоб тамошние жители были во всякой верности. 3) Чтоб малороссияне на Запорожье с товарами и ни с чем не ездили, а крымцы запорожцев с собою не привозили: запорожцев ни для чего пропускать, кроме тех, которые будут приходиться с повинною к царю. 4) Если полковники и старшины будут обижать народ, то говорить, чтоб не обижали; если не уймутся, принимать челобитные у обиженных и присылать в коллегия Иностранных дел, а самому ни в какие судебные и расправные дела не вступать и никого не обижать.

Известия из новой Запорожской Сечи объясняли предосторожность правительства, которое запрещало всякие сношения с нею. В 1720 году в Сечь явился проездом в Крым Нахимович с письмами от короля шведского и Орлика. В кругу Нахимович говорил: «Я только один к вам пришел, а в Варшаве оставил Герцыка и Мировича с комиссарами, и они будут меня дожидаться там. Когда я возвращусь из Крыма, то из Варшавы будут к вам присланы с Герцыком клейноты и деньги, и Войско Запорожское будут просить к королю шведскому, которому против царя будут помогать четыре короля да пятый цезарь». На это говорил кошевой: «Паны молодцы! Вот видите, что об нас и другие государи стараются, только я вам объявляю, что хотя и клейноты будут, то, кто хочет, пусть идут куда угодно, а я ни с места не ворохнусь; пусть себе дерутся или мирятся, нам до того дела нет, нам надобно сидеть тихо; а кому надобны будем, те нас сыщут».

На юге беспокоила смута малороссийская; на востоке не переставали волноваться башкирцы. В 1712 году казанский губернатор Апраксин писал Головкину: «Со стороны пограничных бусурман все благополучно; только всегдашние нам домашние злодеи башкирцы: от них никакого покорения и добра не видим и живем во всегдашнем от них опасении». Весною 1720 года полковник граф Головкин (сын канцлера), стоявший с войском в Мензелинске, получил от Сената приказание ехать в Уфу, призвать башкирцев, всех дорог батырей и старшину, объявить им прежние их вины: как они в прошлых годах с каракалпаками и с изменником Алдарком, во многих тысячах, в Уфимском и в других уездах ясашные мордовские, черемисские и других народов многие села и деревни выжгли, разорили и многих людей побили и в полон побрали; также которые русские и иноверцы бежали к ним, тех беглецов они принимали, по многим требованиям не высылали и противные ответы делали, посылаемых для переписи в высылке беглых не слушались, а некоторых били и за караулом держали. Объявивши им эти вины, Головкин должен был им говорить, чтоб они перестали так поступать и прежние подати платили, потому что они сами прислали к великому государю челобитчика татарина с заручным челобитьем, чтоб мимо казанских судей для сыску послать кого доброго человека, для чего теперь он, полковник, и послан. В этой челобитной башкирской царю говорилось: «Великому государю, поцеловав землю и поклонясь на колени рабски, мы, нижеподписавшиеся, башкирского народа всех четырех дорог батыри и

старшины, сим объявляем: разорение было не от нас; мы ясаки платили, и подводы давали, и службы служили; а приехали в Уфу-город Михайла Духов, Андрей Жихарев и наложили на нас тягости, которых на отцах и дедах наших положено не было, 72 статьи прибыли наложили. Надеюсь на твою высокую милость, мы с ними спорили. Да после того приехал к нам Александр Савич Сергеев со многими полками и брал много подвод, многими бедами нас изнурял; призвал наших добрых выборных людей, поил их зельем и вином и порохом жег на взлет, многих людей тем до смерти поморил, бил, мучил и в крепкие места запирает, страшал, что повесит и изрубит, и брал сказки, что великому государю дать бы 5000 лошадей да 1000 человек людей, и выборные люди поневоле сказки дали. После того Хохлов выехал со многими полками на ногайскую дорогу для разорения нас, да за ним же выехал Сидор Аристов со многими полками, разорил деревни наши. и пожег и в полон людей брал. Приехал князь Петр Ив. Хованский и сказал нам, что великий государь с нас всякие прибыли снял и нас простил, и с того числа по сие время мы тебе ясаки платим со всяким послушанием, и пленных у нас нет, беглых возвратили и возвращать будем».

Головкин начал возвращать беглых, причем главное препятствие встретил в мещеряках; он писал к отцу-канцлеру: «Из беглецов служивые татары, здесь называются они мещеряки, ябедники великие, и самых больших препятствий ожидаю от них; не надеюсь я твердости у башкирцев, пока мещеряки будут между ними». Головкин вывел от башкирцев беглых татар, чуваш, черемис 594 семьи, 2271 человека обоего пола; но этим дело, как увидим, не кончилось.

Дополнения

1. Грамота Петра Великого черногорцам

Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и проч. и проч. и проч.

Преосвященным митрополитом, превосходительнейшим и почтеннейшим господам губернатором, капитаном, князем и воеводам, и всем христианом православно-греческого, такоже и римского исповедания духовного и мирского, чина в Сербии, Македонии, черногорцам и приморцам, герцеговцем, никшичам, баняном, пивляном, дробняком, гачаном, перебиняном, кучам, белопавличам, пипером, васейвичам, братоножичам, климентам, граховляном, рущинаном, поповляном, зубуем наше царского величества благоволение.

Понеже нам, великому государю, нашему царскому величеству известно, как в прошлом 1711 году, когда против нас салтан турецкий без всякие от нас данные причины войну начал, вы по нашему желанию и к вам писмянному напоминанию чрез полковника нашего Михайла Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича от Подгорице, которые от них вручены преосвященному Даниилу Счепчевичу Негошу, который своею ревностию и вашею христианскою и ради единоверия и единоплеменности с нами и подражая древние славы предков ваших словенского единоплеменного с вами народа, вооружившись всенародно, показали воинские против того общего христианству неприятеля храбрые и славные действия, за что потом, когда тот салтан турецкий паки с нами мир возобновил, прислал в провинции ваши турецкие свои войска, которые многих из ваших народов порубили и мучительски умертвили, иных же по каторгам развезли, монастыри же

и церкви пожгли и церковные утвари и ваши пожитки разграбили, о чем мы как из посторонних ведомостей, так и чрез присланных ваших ко двору нашему известилися и по христианской должности соболезуем. И повелели во всем нашем православном царствии в божиих церквях и монастырях за оных пострадавших за веру христианскую и венчавшихся мученическим венцем соборне бога молить и поминовение творить. Вам же, в животе оставшимся ратоборцам, мы, великий государь, наше царское величество восхотели чрез сию нашу грамоту вам тот с начала оной войны ревностной по христианству и единоверию с нами подвиг и оказанные воинские действия всемилостивейше похвалить и за показанные в тот случай к нам, великому государю, и ко всему нашему империи вспоможения возблагодарить, и хотя за нынешнюю долгопротяжную с еретиком королем швецким войною, на которую многие иждивения употреблять мы принуждены, дабы оную как наискорее окончить, не можем мы по достоинству и по заслугам вашим вам награждения учинить; однако ж во знак нашия к вам милости посылаем ныне с преосвященным Даниилом Негушу Счепчевичем, митрополитом скендерийским и приморским чиновачальником вашим, 160 золотых персон наших да денег пять тысяч рублей на вспоможение разоренным людям и большей в той случай труд понесшим, да ему преосвященному митрополиту, на расплату долгов его в сем случае полученных и на созидание разоренных в митрополии его церквей и монастырей пять тысяч рублей. А впредь, когда мы мир благополучный получим и от претяжких воинских иждивений освободимся, не оставим за вашу верную службу нашу царскою милостию вяще наградити. И понеже мы имеем ныне с салтаном турецким мир, и с нашей стороны желаем оной ненарушимо содержать. Сего ради советуем и вам иметь с ними мир, ежели ж бы оный паки на нас и на государство наше войну (чего в нынешнее время не чаем) всчал, и в таком случае желаем от вас паки по единоверию и единойзычию оружию нашему помощи и обнадеживаем вас всякою нашею царскою милостию и награждением, которая наша милость от вас всех никогда и впредь неотъемлема будет. Впрочем, объявит нашу к вам милость бывшей здесь, при дворе нашем, преосвященный Даниил, митрополит скендерийский. Дан в царствующем нашем граде Санкт-Питербурхе лета от рождества Спасителя нашего 1715, июля в 9, государствования нашего 34. (Из Москов. архива мин. иностр. дел)

II. *Письмо князя Менишкова в Ревель* : «Почтенные господа бурмистры и раты ревельские! Понеже до сего времени немалые конфузии происходили от здешней меры локтей, ибо великую разницу с нашим аршином имеют, и того ради чрез сие повелеваем, дабы учреждение вы учинили, чтоб российские аршины всеконечно ввести под тяжким штрафом царского величества, как в прочих Российского государства землях употребительно». (Из Москов. архива мин. иностр. дел)

III. *Подметное письмо одного русского из Голландии*. 1) Сенат, оставя главные дела государственные, вступил в расправы, занимается челобитными и розысками для своей корысти. 2) Губернаторы радуют токмо о своих карманах:

Киевская губерния истощена до конца, также Казанская; слышно, киевский губернатор высылает в свой московский дом деньги не мешками, но уже возами.

3) Купечества весьма мало и можно сказать, что уже нет, ибо все торги отняты у купцов и торгуют высокие персоны и их люди и крестьяне. Извольте, ваше величество, спросить новых всероссийских купцов, т.е. князя Меншикова, сибирского губернатора князя Гагарина и им подобных, могут ли они прокормить многое число разоренных чрез отнятие торгов? Бедный Строгонов! Где он ныне и ему подобные и кто ныне может возрастить толикое многое число отраслей в интерес вашего величества, т.е. произведение бедных в богатые купцы? 4) Иностранцы высылают серебро и золото из России, что запрещено в чужих землях. Вельможи кладут деньги в чужестранные банки, Меншиков, Куракин, комиссар князь Львов. Львов в Голландии получал по 1000 ефимков жалованья, на секретаря и священника по 400, но сих персон при себе никогда не имел, а жалованье брал, хаживал самым нищенским образом, всей Голландии был на посмешище, брал грабительски из определенного жалованья навигаторам и матросам, бывшим в Англии и Голландии, отчего многие из матросов разошлись в службы других государств; также своею лукавою потачкою избаловал многих русских господчиков, присланных сюда за навигацкою наукою; некоторые из них уже по закладным и попродали вещи и деревни, и деньги иждивают в бесчинии: три брата Шереметевых, быв в Венеции, задолжали и не были выпущены, чего ради мусил (должен был) один из них ехать в Русь для денег на окуп братьев, кои между тем сидели за караулом. Салтыков послан для самых нужных дел в Лондон, прибыв, сделал банкет про нечестных жени объявил свой характер и свое дело, и многие корабли были от сего остановлены; имеет метресу, которая ему втрое коштует, чем жалованье. (Кабинет, 1, кн. № 58)